Прейс. 50

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

1918

27174

ТОМЪ XCIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, мая 20 дня 1862 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

НАДЗИРАТЕЛЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Какъ только приближалось девять часовъ утра и солнце начинало выглядывать изъ-за деревянной крыши стараго, покосившагося сарая, находящагося въ гимназическомъ дворѣ одного губернскаго городка, — на внутреннее крыльцо гимназіи всходилъ господинъ пожилыхъ лѣтъ съ коротко остриженными, мѣстами побѣлѣвшими, волосами и чрезвычайно добрымъ лицомъ, на которомъ не столько годы, сколько, вѣроятно, тяжелая жизнь обозначила рѣзкіе слѣды. Вѣроятно эти слѣды и придавали ему ту прелесть, ту симпатичность, которая такъ рѣзко бросалась въ глаза каждому и съ перваго же раза располагала въ его пользу. Это былъ Григорій Платонычъ Трухченко, классный гимназическій надзиратель, много уже лѣтъ занимающій неблагодарную должность при одной и той же гимназіи, къ которой онъ привыкъ точно такъ, какъ къ своей серебряной табакеркѣ, подаренной какимъ-то вышедшимъ гимназистомъ, а еще болѣе, какъ къ табаку, въ ней заключающемуся, въ который онъ каждое утро подбавлялъ немного холоднаго чая для лучшаго аромата. Въ теченіе многихъ уже лѣтъ Григорій Платонычъ каждый день приходилъ въ гимназію: для этого нужно было войти сначала, немного нагнувшись, въ калиточку, прорубленную въ воротахъ, потомъ обогнуть инспекторскую квар-

тиру, пройдти что-то въ родѣ садика съ нѣсколькими акаціями, гдѣ гимназисты играли въ чехарду (какъ извѣстно, запрещенную, въ особенности казеннымъ воспитанникамъ — платье рвется), и потомъ уже поднявшись вверхъ по пятнадцати ступенькамъ, очутиться на крыльцѣ. Онъ привыкъ и къ большому, ровному гимназическому двору, чисто выметенному, и къ сараю съ покосившимся сѣнникомъ, въ которомъ лѣтомъ старикъ-еврей, сидя на сѣнѣ, становилъ заплаты къ изорваннымъ курткамъ пансіонеровъ, и къ тремъ скамейкамъ подъ густо разросшейся акаціей, на которую влѣзали ради потѣхи гимназисты; и къ погребу, изъ котораго въ концѣ лѣта слышался стукъ, вслѣдствіе рубки капусты на зиму, и около котораго всегда толпились пансіонеры въ ожиданіи нѣсколькихъ кочановъ, которые каналья-поваръ обѣщалъ выбросить, да все не выбрасываетъ — надулъ вѣрно, мошенникъ. Наконецъ Григорій Платонычъ привыкъ (и больше всего) къ тому, чтобы каждое утро взойдя на гимназическое крыльцо, и держа въ рукѣ большіе серебряные часы, ожидать, пока часовая стрѣлка не дойдетъ до цифры IX, а минутная до средней палочки цифры XII. Тогда Трухченко бралъ за длинную веревку, прикрѣпленную къ языку гимназическаго колокольчика на высокомъ, высокомъ столбѣ и начиналъ выколачивать любимую арію: длянь, длянь, длянь, — длянь, — длянь, длянь, длянь, длянь — длянь, съ такимъ усердіемъ, что на другомъ концѣ города мужикъ говорилъ своему пріятелю:

— Эвона, уже девять часовъ!

Заслышавъ первый ударъ колокольчика, вся огромная толпа гимназистовъ бросалась въ перегонку вверхъ по ступенькамъ, точно муравьи въ норку, а Трухченко приговаривалъ:

— По классамъ, по классамъ: — девять часовъ!

Нужно замѣтить, что хотя Григорій Платонычъ много лѣтъ былъ надзирателемъ, но не вполнѣ измѣнилъ своему малороссійскому выговору, а впрочемъ, говорилъ довольно хорошо по русски.

Какъ только наполнялись классы, Трухченко входилъ во учительскую, выкладывалъ на столъ журналы и отправлялся по классамъ.

— Звонокъ билъ; тише! говорилъ онъ, обращаясь къ ученикамъ и не выходилъ изъ класса, пока въ немъ не воцарялась тишина и спокойствіе.

Въ учительскую набирались учителя и всѣ привѣтствовали

Григорія Платоныча пожатіемъ руки, исключая учителя латинскаго языка, который подходилъ къ надзирателю съ сложенными двумя пальцами и запускалъ ихъ въ подносимую Трухченко табакерку, приговаривая:

— А ну-ко, Григорій Платонычъ...

Вообще учитель латинскаго языка, по фамиліи Бурсистый, особенно благоволилъ къ Григорію Платонычу и даже часто передавалъ ему сокровенныя свои тайны,—чѣмъ Трухченко всегда и вездѣ гордился.

— Вчера жучка околѣла, замѣчалъ учитель басомъ, обращаясь къ надзирателю: — такой песъ былъ славный.... всегда самъ ѣсть къ нему носилъ....

— Какъ же, извисно жалко!... Такой песъ околѣлъ славный, повторялъ Трухченко, слегка наклонивъ голову и съ сочувствіемъ смотря на Бурсистаго.

Между тѣмъ приходилъ въ учительскую инспекторъ; учителя расходились по классамъ; случалось, что кто нибудь заболѣетъ и инспекторъ посылаетъ надзирателя занять учениковъ. Трухченко бралъ подъ мышку журналъ, поправлялъ немного галстухъ и съ самодовольнымъ выраженіемъ на лицѣ входилъ въ классъ и садился на учительское мѣсто. По классу начинали раздаваться радостно-нетерпѣливыя шушуканья.

— Тише! лаконически произносилъ Трухченко, разворачивая журналъ.

— А учитиля не будетъ, Григорій Платонычъ? вырывался откуда нибудь вопросъ, произносимый тоненькимъ голоскомъ, если дѣло было въ низшихъ классахъ, или густымъ басомъ, если на дверяхъ класса стояла римская цифра VI или VII.

— Извисно не будетъ, вотъ я за него, отвѣчалъ Трухченко, внимательно разсматривая журналъ.

Вообще говоря, какъ уже и сказано, Григорій Платонычъ любилъ иногда исправлять должность учителя и исправлялъ ее охотно, если только ему не приходилось занимать учениковъ математикой во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ четырехъ правилъ ариѳметики и доходя до математической географіи. Это было для него наказаніе: понимая свое положеніе въ отношеніи къ ученикамъ, въ особенности низшихъ классовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая свое невѣденіе въ головоломныхъ вычисленіяхъ, Трухченко находился въ подобныхъ случаяхъ между двухъ огней. Бѣда! И не хочется поступить противъ воли инспектора, котораго

Трухченко уважалъ уже за одно то, что онъ поставленъ начальствомъ въ такую высокую должность, да и предъ учениками не хочется уронить себя — а учитель математики какъ нарочно болѣлъ чаще другихъ. Впрочемъ бѣда была поправимая — и вотъ какъ по большей части обходилось дѣло: Трухченко входитъ въ классъ, раскрываетъ журналъ и старается какъ можно дольше его разсматривать; потомъ вдругъ вызоветъ къ доскѣ какого нибудь самаго лучшаго ученика и велитъ ему отвѣчать урокъ, а самъ внимательнѣе прежняго начинаетъ разсматривать журналъ, какъ будто говоря: «ну, братъ, ври сколько хочешь, мнѣ некогда слѣдить за тобою!» По большей же части подойдетъ къ надзирателю одинъ изъ лучшихъ учениковъ и попроситъ покорнѣйше показать баллы, потому что учитель математики сохранялъ ихъ въ тайнѣ. Вслѣдъ за лучшимъ ученикомъ подойдетъ еще одинъ, тамъ еще и еще — и около учительскаго столика соберется порядочная кучка. Григорій Платонычъ какъ будто ничего не замѣчаетъ; только когда въ толпу замѣшается какой нибудь охотникъ до скандаловъ и, силясь увидѣть баллъ, не можетъ протиснуться къ самому столику, ущипнетъ, ради потѣхи, ближайшаго сосѣда; когда тотъ не утерпитъ, закричитъ и шумъ можетъ обнаружить передъ инспекторомъ поведеніе надзирателя въ классѣ, — Трухченко подниметъ голову и чрезвычайно наивно удивится, откуда набралась такая толпа учениковъ.

— На мѣста, на мѣста! говоритъ тогда онъ: — чего здѣсь не видали? Вотъ услышитъ инспекторъ — достанется вамъ.

Впрочемъ подобнаго рода посѣщенія не всегда оканчивались благополучно для Трухченко, особенно въ низшихъ классахъ, и все за ту же математику. Вдругъ подойдетъ къ столику какой нибудь бѣлоголовый поросёнокъ съ вихремъ на лбу и съ плутовскими глазенками, и начнетъ убѣдительнѣйшимъ образомъ просить надзирателя — показать ему задачу, которую онъ никакъ не можетъ рѣшить. Вотъ когда надо видѣть добрѣйшаго и бѣднаго Григорія Платоныча. Положеніе кажется безвыходное, ужасное, провалиться бы со стыда! И дѣйствительно, по доброму, привѣтливому лицу надзирателя разливается краска смущенія. Что дѣлать? Какъ быть? Трухченко беретъ однако же книгу, читаетъ задачу и не понимаетъ, бѣдняга, что̀ нужно узнать, не только какъ рѣшить ее. Тогда онъ посылаетъ шалуна къ доскѣ и велитъ ему дѣлать.... Такъ проходитъ минутъ пять.

— Ну, что же? спрашиваетъ Трухченко.

— Да я не знаю какъ дѣлать, Григорій Платонычъ, жалостно проговоритъ ученикъ.

Надзиратель вызываетъ одного изъ лучшихъ учениковъ.

— Покажите ему, что̀ здѣсь нужно узнать, говоритъ онъ ему.

Ученикъ начинаетъ дѣлать. А Богъ его знаетъ, что онъ дѣлаетъ!... Видно, что пишетъ бойко, не запнется, а все-таки въ доброй душѣ Трухченко зашевелится сомнѣніе: «можетъ быть надуваетъ!»

— А вамъ по этому развѣ способу показываетъ учитель? спрашиваетъ онъ.

— Да-съ, Григорій Платонычъ, по этому.

— Ну хорошо; садитесь на мѣста.

И надзиратель вытираетъ платкомъ крупный потъ, градомъ катившійся по его добродушному лицу.

— А не люблю я той математики — просто бѣда! говорилъ онъ иногда въ кругу учителей.—Такое все странное, да непонятное.... Богъ съ нею!

— На то она и математика, чтобъ быть такою непонятною, замѣчаетъ учитель математики, а Бурсистый только киваетъ головой въ знакъ совершеннаго согласія.

Трухченко душой и тѣломъ привязанъ къ гимназіи, но у него есть еще занятіе, которое если бъ отняли у него, то ему бы и жизнь была не мила. — Это рыбная ловля. У Григорія Платоныча есть своя небольшая лодочка, построенная на трудовыя деньги; и что это за лодочка! маленькая, широкая, съ выпуклыми боками, покрытыми ярко-синей краской; въ срединѣ такъ чисто, такъ блестятъ скамеечки, такъ аккуратно и удобно сдѣланы весла — легенькія, маленькія. Самъ директоръ чрезвычайно любитъ ее и иногда проситъ на вечерокъ покататься у Трухченко, называя его въ такомъ случаѣ «добрѣйшимъ Григоріемъ Платонычемъ»; есть и для руля мѣсто, только онъ почти никогда не надѣвается. Большею частію Трухченко самъ ѣздитъ удить рыбу, такъ зачѣмъ же еще руль? Впрочемъ ему любитъ иногда дѣлать компанію Бурсистый, а иногда (и по большей части) учитель ненавистной ему математики. Хоть не любитъ ее надзиратель, очень не любитъ, но уважаетъ достойнаго ея представителя и больше всего за то, что онъ ведетъ себя на охотѣ чрезвычайно прилично, то есть вытягиваетъ удочку спокойно,

не ворочаетъ лодки, не пугаетъ рыбу, а на поплавокъ смотритъ такъ внимательно, такъ слѣдитъ за малѣйшими его поворотами и движеніями, что у Григорія Платоныча сердце радуется. Вотъ учитель латинскаго языка — тотъ совершенный профанъ въ рыбной ловлѣ. Развѣ водится между настоящими охотниками обычай — кричать благимъ матомъ, какъ только удастся вытянуть какого нибудь ершишку или окуня? Вѣдь этакъ можно перепугать всю рыбу, вѣдь это жь.... вѣдь это уже ни на что не похоже! Лучше совсѣмъ не ѣздить, чѣмъ мѣшать только добрымъ людямъ, да отравлять ихъ удовольствіе. Нѣтъ, одному ѣздить гораздо лучше. Купитъ Григорій Платонычъ два огромнѣйшихъ арбуза, булку и тотчасъ послѣ обѣда отправляется на берегъ, садится въ лодку и отчаливаетъ отъ берега; дорога идетъ по срединѣ Днѣпра, потомъ между густыми камышами, потомъ входитъ въ небольшой рукавъ — и вотъ тутъ-то самое «настоящее» мѣсто. Григорій Платонычъ еле дышитъ; весла чуть-чуть дотрогиваются до воды, такъ что даже не видно капель, обыкновенно стекающихъ съ нихъ. Вонъ что-то тяжелое шлепнуло по водѣ — это должно быть огромнѣйшая щука; сердце надзирателя вздрогнуло и забилось сильнѣе; вонъ еще.... у, да сегодня должна быть славная ловля! День жаркій, а здѣсь прохладно, тѣнь отъ деревьевъ — рыба вся сошлась сюда. Трухченко привязываетъ лодку къ камышамъ, распутываетъ волоски удочекъ, тихонько накалываетъ на нихъ червячковъ, положивши ихъ сначала на ладонь лѣвой руки и хлопнувши по ней правой— и забрасываетъ далеко отъ лодки поплавки. Потомъ закуриваетъ что-то въ родѣ сигары, не столько по любви къ куренію, сколько отъ комаровъ, которыхъ милліоны начинаютъ кружиться и жужжать вокругъ лица надзирателя. Вонъ поплавокъ начинаетъ уже кружиться. Будь здѣсь Бурсистый, сейчасъ бы дернулъ и вытянулъ пустую удочку; но Трухченко изучилъ всѣ маневры рыбы: онъ только приготовился, взялъ въ руки удилище, отпустилъ не много волосню.... поплавокъ окунулся.... слегка вздрогнула волосня, блеснула на солнцѣ серебристая чешуя окуня — и вотъ онъ уже плаваетъ въ небольшомъ ведрѣ, нарочно устроенномъ для этой цѣли.... Другой поплавокъ начинаетъ вертѣться— и въ ведеркѣ уже пара окуней; — такъ ихъ иногда къ ночи окажется штукъ тридцать, да какихъ крупныхъ!... Солнце давно уже сѣло. Жужжаніе комаровъ все сильнѣе и сильнѣе.... Безсовѣстно лѣзутъ они въ носъ, въ глаза, въ уши и жужжатъ....

Надзиратель складываетъ удочки, выбрасываетъ оставшихся червей и берется за весла. А ночь, ночь какая!... Тихо, такъ тихо, что и сравненія нельзя подобрать. Если бъ не комары, да не гимназія, да рыба не переставала клевать — остаться бы здѣсь до утра. Но время ѣхать. Григорій Платонычъ отчаливаетъ отъ берега; городъ становится все ближе и ближе, лодка въѣзжаетъ на средину Днѣпра; быстро скользитъ она по зеркалу рѣки, хотя Трухченко и не слишкомъ налегаетъ на весла. Вотъ онъ чуть слышно затянулъ: «Ой не ходы, Грыцю, та на вечерныцю....» и голосъ его пропесся далеко, далеко по рѣкѣ, и эхо слегка отозвалось на родную пѣсню. У берега давно уже спятъ, никого не видно, одинѣ только мачты небольшихъ судовъ густымъ лѣсомъ виднѣются на фонѣ неба.... Вонъ догораетъ послѣдній огонекъ, на которомъ лодочники варили себѣ ужинъ.... И тепло, и привѣтно, и сладко на душѣ у Григорія Платоныча. Привязалъ онъ лодку и пошелъ по темнымъ, опустѣвшимъ улицамъ къ своему небольшому, чисто выбѣленному снаружи домику.... Да и идти не далеко; вонъ онъ отсюда виднѣется на горкѣ, окруженный высокими, густыми тополями и акаціями.... Трухченко подошелъ къ калиткѣ, постучалъ; въ отвѣтъ ему раздались, громкія, радостныя взвизгиванія домашняго сторожа, калитка скрипнула, растворилась, пропустила во дворъ хозяина — и снова закрылась. Давно уже ждалъ Григорія Платоныча неприхотливый ужинъ, приготовленный старой, подслѣповатой кухаркой, да крѣпкій сонъ съ неприхотливыми же дешевенькими грезами, не заносившими слишкомъ далеко за предѣлы дѣйствительнаго міра. И такъ протекала эта жизнь тихая, ровная, спокойная и, казалось, ничто не способно было возмутить ея гладь, зарябить зеркальную ея поверхность.

А вѣдь когда-то и у него были годы надеждъ, страсти, порывистыхъ стремленій!... Были — и онъ очень хорошо помнитъ это давно минувшее время; рѣдко вспоминаетъ, а помнитъ очень хорошо. Иногда вдругъ сдѣлается Григорію Платонычу какъ будто скучно, грустно; онъ выйдетъ въ небольшой, но густой, тѣнистый садикъ и сядетъ на дерновую скамеечку подъ широко-разросшейся грушей. Это его любимое мѣсто въ безотчетно грустныя минуты жизни, которыя однако у него рѣдки. Мѣсто это священно для него по многимъ далекимъ воспоминаніямъ, вос-

помпнаніямъ свѣтлой молодости. Надо сказать, что Трухченко много лѣтъ тому назадъ былъ въ военной службѣ: молодая кровь кипѣла, силъ было много. Постоянно воображалъ онъ себя верхомъ на чудномъ конѣ съ шашкою въ рукахъ; видѣлъ себя во снѣ раненнымъ: онъ лежитъ на травѣ, обагренный своею же кровью; а вокругъ шумъ, крикъ, звонъ оружія, восторженные крики побѣдителей.... Нѣтъ, силъ больше не хватаетъ!... Однажды онъ проснулся въ самомъ ужасномъ расположеніи духа; недавнія сновидѣнія мучили и томили его голову. Долго онъ ходилъ по двору своего отца, не пошелъ въ классъ, а забился куда-то на чердакъ — все о чемъ-то думалъ; — и это продолжалось нѣсколько дней. Кончилось тѣмъ, что онъ укралъ у отца свои документы, бѣжалъ прямо въ дѣйствующую армію и надѣлъ юнкерскій мундиръ. Новая жизнь ему сначала понравилась; во многихъ сраженіяхъ онъ былъ впереди и постоянно выходилъ изъ нихъ цѣлымъ и невредимымъ. Солдаты считали его едва ли не волшебникомъ—такъ ему все сходило съ рукъ.... Наконецъ Трухченко получилъ первый чинъ и вышелъ въ отставку. Надоѣли ему эти вѣчные походы, да драки. Страсть, съ которою онъ поступалъ на службу, была горячая, мгновенная, страсть молодости — оттого-то она и прошла скоро. Воротился онъ домой къ отцу; старикъ такъ обрадовался пріѣзду сына, что на другой же день испустилъ духъ, а Григорій Платонычъ поселился въ домѣ отца.

Но среди этихъ воспоминаній есть одно, которое чаще другихъ приходитъ ему въ голову, незванное, непрошенное. Однажды полкъ ихъ выходилъ изъ деревни. Трухченко почему-то выѣхалъ позже другихъ; проѣзжая мимо лѣса, онъ былъ пораженъ громкимъ, раздирающимъ плачемъ дитяти со стороны этого лѣса; Григорій Платонычъ своротилъ съ дороги и поѣхалъ между деревьями по незнакомымъ мѣстамъ; сучья цѣплялись за него. Онъ выѣхалъ на небольшую поляну, окруженную со всѣхъ сторонъ высокими деревьями, издававшими вверху какой-то странный, глухой шумъ. Вечерѣло. Въ воздухѣ слегка вѣяло сыростью. На травѣ, подлѣ густо-разросшагося дерева, сидѣла дѣвочка, лѣтъ пяти; маленькое, блѣдное личико ея было мокро отъ слезъ. Дѣвочка была въ одномъ ситцевомъ платьѣ; бѣлую шейку обхватывалъ простой, ситцевый же платокъ. Изъ-подъ коротенькаго платья выглядывали двѣ маленькія ножки, въ бѣлыхъ чулкахъ и крошечныхъ полусапожкахъ, едва видиѣвшихся изъ-

подъ густой травы. Только что замѣтила она приближающагося Трухченко, какъ личико ея приняло не столько испуганный, сколько удивленный и любопытный видъ; она перестала плакать и съ какимъ-то тревожнымъ ожиданіемъ слѣдила за движеніями молодаго человѣка; ротикъ и глазки ея немного раскрылись и только губы слегка вздрагивали — она какъ будто боялась плакать. Григорій Платонычъ съ недоумѣніемъ остановился подлѣ нея.

— Что ты, дѣвочка? спросилъ онъ ласковымъ голосомъ: — чего ты плачешь?

Ребенокъ продолжалъ отчасти съ удивленіемъ, отчасти съ испугомъ, къ которому все-таки примѣшивалось любопытство, смотрѣть на Трухченко.

— Ты заблудилась, да? спрашивалъ онъ. — Гдѣ твоя мама?

При словѣ «мама» дѣвочка снова разразилась громкими рыданіями и упала лицомъ на траву. Григорій Платонычъ сѣлъ подлѣ нея и осторожно взялъ къ себѣ на руки.

— Ну перестань же, перестань, говорилъ онъ ей нѣжнымъ голосомъ; вынулъ платокъ и отеръ ей слезы.

— Гдѣ мама? проговорила дѣвочка мягкимъ серебристымъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія и испуга. Она посмотрѣла на Трухченко съ такимъ видомъ, какъ будто знала, что ему извѣстно, куда ушла мама.

— Мы найдемъ маму, ты не бойся. Она вѣрно гдѣ нибудь здѣсь сидитъ. — Ты откуда? Гдѣ живетъ твоя мама?

Дѣвочка приподнялась немного, посмотрѣла во всѣ стороны, протянула куда-то руку и проговорила:

— Вонъ тамъ....

— Далеко?

— Да-ле-ко....

— И папа есть у тебя?

— Нѣ....ту. Дя-дя есть....

— А дядя гдѣ живетъ?

— Не зна....ю....

— Вмѣстѣ съ мамой?

— Вмѣ....стѣ....

— А зачѣмъ же мама принесла тебя сюда?

— Такъ....

— Гулять?

— Да.... гулять....

— А куда она ушла?

— Ушла.

— Куда же? ты не знаешь?

— Не зна....ю.... Мама!... Гдѣ мама? съ плачемъ заговорила опять дѣвушка.

Григорій Платонычъ самъ расчувствовался.

— Мама пошла тебѣ цвѣточковъ нарвать, славныхъ такихъ, желтенькихъ.... продолжалъ онъ: — ты любишь цвѣточки?

— Люблю....

— Ну вотъ она тебѣ нарветъ и принесетъ, если ты не будешь плакать. — Тебя какъ зовутъ?

— Са....ша....

— Такъ ты, Саша, не будешь плакать?

— Не буду.... отвѣчала всхлипывая дѣвочка и повидимому успокоилась. Она принялась разсматривать и ощупывать пальчиками блестящія пуговицы на сюртукѣ Трухченко; всхлипыванія стали все рѣже и рѣже; наконецъ она закрыла глазки, прижалась къ груди Григорія Платоныча и заснула. Трухченко бережно только покачивалъ ее на рукахъ и самъ вздрагивалъ, если дѣвочка бормотала что нибудь во снѣ и судорожно охватывала его ручонками.

Такъ прошло болѣе часа. Григорій Платонычъ не перемѣнялъ положенія; онъ внимательно всматривался въ лицо ребенка и богъ-знаетъ, какія мысли роились у него въ головѣ; можетъ быть здѣсь впервые родилось у него желаніе выйти въ отставку. Онъ все продолжалъ смотрѣть на ея лицо, потомъ слегка нагнулся надъ нимъ и осторожно поцаловалъ Сашу въ слегка раскрытыя губки. Дѣвочка вздрогнула, раскрыла глазки и, вѣроятно, надѣясь встрѣтиться со взглядомъ матери, хотѣла опять закрыть ихъ, но незнакомый ей голосъ Трухченки проговорилъ:

— Спи, Сашенька; спи, голубушка.

Дѣвочка совсѣмъ раскрыла глаза и съ испугомъ проговорила:

— Мама.... мама.... Гдѣ мама?

— Сейчасъ прійдетъ, сейчасъ, — утѣшалъ Григорій Платонычъ, а у самого такъ было тяжело на сердцѣ.—Хочешь, Саша, я тебя повезу къ мамѣ?

— Хочу къ мамѣ.

— Ну поѣдемъ, сядемъ на лошадку, да? Ты со мною сядешь на лошадку? И, не дожидаясь отвѣта, Трухченко осторожно взо-

брался на лошадь и, осторожно посадивъ дѣвочку впереди себя на сѣдло, поѣхалъ шагомъ. Саша не противилась. Она, казалось, не понимала сначала, что съ нею дѣлали, а потомъ стала улыбаться сквозь слезы. Григорій Платонычъ утѣшалъ ее, разсказывалъ сказки и мимоходомъ старался узнать у дѣвочки — не знакома ли ей эта дорога? Но Саша ничего не знала. Такъ они доѣхали до города, гдѣ остановился полкъ. Тутъ нашли у дѣвочки записку, что она родилась во такомъ-то году, и при крещеніи названа Александрой, — больше ничего. Подалъ Трухченко объявленіе въ полицію; прошло много времени — судьба несчастнаго ребенка не разъяснялась: тогда онъ рѣшился оставить дѣвочку у себя; въ это-то время вышелъ онъ въ отставку — и возвратился къ отцу. Мы уже знаемъ, какое вліяніе имѣло на отца возвращеніе сына. Смерть старика глубоко поразила Григорія Платоныча; онъ теперь только увидѣлъ, какъ сильно любилъ его отецъ; онъ теперь только понялъ значеніе своего побѣга изъ отцовскаго дома — и безпокойная совѣсть стала мучить его. Но что на свѣтѣ не проходитъ? Прошло и это страданіе, успокоилась совѣсть, — только мѣсто прежней молодой страсти и ничѣмъ неудержимой жажды вѣчной, лихорадочной дѣятельности, заступило желаніе успокоиться, посмотрѣть хорошенько на самого себя, на людей. Правда, трудно было ему успокоить совѣсть; по-долгу ходилъ онъ изъ угла въ уголъ безъ мысли, безъ сознанія; такъ что-то тяжело было на сердцѣ, сдавливало грудь, гнело голову. Онъ сначала совсѣмъ было позабылъ о Сашѣ, о которой заботилась одна Матрена, сразу полюбившая бѣдную дѣвочку, какъ только узнала о ея судьбѣ. Ей, наконецъ, стало досадно, что Григорій Платонычъ такъ мало обращаетъ вниманія на своего пріемыша; она рѣшилась напомнить ему о его обязанности. Однажды она вошла къ нему въ спальню и молча остановилась. Григорій Платонычъ сидѣлъ у окна, опустивши голову на ладони рукъ.

— Григорій Платонычъ, тихо начала она.

Молчаніе.

— Григорій Платонычъ, а Григорій Платонычъ! громче повторила Матрена.

Опять молчаніе.

— Баринъ, да что вы все такіе!.... не унималась кухарка.

— А? что? спросилъ вдругъ Трухченко, быстро поворачивая голову къ Матренѣ.

— Я говорю, что вы все такіе!.... Вотъ и панихидку забыли по батюшкѣ отслужить; все сидите, да думаете.... Мнѣ на васъ смотрѣть жалко. Извѣстно, что же дѣлать, Господь взялъ... Я вотъ схожу послѣ обѣда къ отцу Макарію, пускай панихидку отслужитъ, да и молебенъ къ разу-бы справилъ — оно и полегче, богъ-дастъ, будетъ... Что проку такъ все сидѣть, право!.. Я, баринъ, коли хотите, схожу къ отцу Макарію, да и къ дьячку сбѣгаю, пускай придутъ. А то вонъ и Саша, что привезли, скучаетъ, да плачетъ.

— Саша? А развѣ она у насъ? спросилъ вдругъ Трухченко.

— А то у кого же? Извѣстно у насъ. Куда жь ее дѣть-то? Сами посудите: привезли бѣдную, да и забыли совсѣмъ — Господь съ вами!...

— Я ее, Матрена, не забылъ! Ты ее приведи поскорѣе, Матрена.

— То-то приведи! Все сидите, слова ни съ кѣмъ не скажете. Я ужь ее сама припрятывала отъ васъ. Чтобъ еще хуже, думаю, не было. Такъ я приведу ее.

Прошло нѣсколько минутъ. Матрена ввела дѣвочку.

— Здравствуй, Саша; здравствуй, голубушка, душечка моя милая; здравствуй, мой ангелъ! заговорилъ Григорій Платонычъ, увидя ребенка. — Пойди-же ко мнѣ, пойди. Бѣдненькая! Я и позабылъ совсѣмъ о тебѣ, крошечка моя милая. (И Трухченко принялся цаловать дѣвочку.) Ты кушать не хочешь? Матрена, ты давала кушать Сашенькѣ?

— Господи, да что же я голодомъ ее морила, что-ли? Эхъ, баринъ!...

Саша сидѣла на колѣняхъ Трухченки и улыбалась сквозь слезы.

— Миленькая моя, совсѣмъ я позабылъ о тебѣ!... Матрена, возьми вонъ деньги лежатъ, да сходи, купи гостинца Сашенькѣ. Карамельковъ возьми ей, или пряничковъ... Нѣтъ, лучше карамельковъ. Да скажи чтобъ хорошихъ дали. Душечка моя, соскучилась ты, бѣдненькая. Совсѣмъ вѣдь и позабылъ о тебѣ. Вѣдь совсѣмъ позабылъ!... Постой, Сашенька, я тебѣ игрушекъ дамъ. На—вотъ, на цацинку, поиграй, побѣгай здѣсь... А потомъ Матрена гостинца тебѣ принесетъ, карамельковъ... Ты любишь карамельки?

— Люблю.

— Любишь? Душечка ты моя милая!... И Григорій Платонычъ принялся цаловать дѣвочку.

Дни проходили за днями. Саша, хотя привыкала понемногу къ Григорію Платонычу, но и скучала очень часто. Замѣчательно, что она не плакала, скучая, а задумывалась, забывалась по нѣсколькимъ минутамъ, какъ будто спала, но на самомъ дѣлѣ не спала. И такъ было тяжело смотрѣть на нее въ эти минуты; еслибы не ея лѣта, всякій сказалъ бы, что у нея есть какое-то тяжелое горе, которое она не въ состояніи передать кому-нибудь; но такого горя не было, а если и было, то она не могла такъ живо сознавать его. Это неестественное состояніе разрѣшилось, наконецъ, болѣзнью. Саша захворала серьёзно, опасно. Трухченко и Матрена совсѣмъ было перепугались. Ее снесли въ особую комнату, опустили сторы, заставили столы склянками съ лекарствами, мазями, микстурами; докторъ ходилъ по нѣскольку разъ въ день; Матрена и Григорій Платонычъ по очереди сидѣли у постели больной. Сашенька прохворала мѣсяца три. Сколько разъ въ продолженіе этого времени Трухченко отчаявался видѣть ее здоровой, сколько разъ надежда снова возвращалась къ нему. Саша по цѣлымъ недѣлямъ не могла произнести ни одного слова, а иногда ей становилось значительно лучше; эти постоянные переходы отъ надежды къ отчаянію совершенно измучили Григорія Платоныча.

«Ну, за что я ее люблю такъ?» думалъ онъ иногда, сидя у изголовья больной и глядя на ея блѣдное, исхудалое личико, которое теперь стало еще прекраснѣе. «Вѣдь она совсѣмъ не родная мнѣ, совсѣмъ чужая; что-жь, если и умретъ, такъ ей же будетъ лучше, не станетъ вѣкъ жить въ чужомъ домѣ.»

Но при мысли о возможности смерти пріемыша, Трухченко блѣднѣлъ, сердце начинало биться, а на глазахъ появлялись слезы.

— Матрена, за что мы ее такъ любимъ? обращался онъ къ кухаркѣ. — Вѣдь она совсѣмъ намъ чужая.

— Ну вотъ еще выдумали — чужая!... Гдѣ же она намъ чужая? Какая же она чужая? Фу, Господь съ вами, баринъ, какой вы!... Ну гдѣ же-таки слыхано, чтобы она намъ чужая была? Грѣшно, вамъ, баринъ, ей-богу грѣшно!... Чтожь, развѣ у васъ своихъ много, что ли?... Вотъ еще что выдумали — чужая!...

Саша все не вставала. Наконецъ докторъ однажды сказалъ, что если сегодняшняя ночь пройдетъ благополучно, то дѣвочка быстро станетъ поправляться.—«Чтобъ только ей ночью не мѣ-

шали и не безпокоили!» прибавилъ докторъ. Наступила ночь. И Трухченко и Матрена вышли изъ комнаты и остались у дверей, не шевелясь, предостерегая другъ-друга.

— Куда ты? шопотомъ спросилъ Григорій Платонычъ кухарку, видя, что она собралась идти.

— Пойду свѣчечку принесу, также тихо, еле слышно, отвѣчала Матрена.

— Какую?

— А страстную, что у меня отъ страстей осталась, зажечь бы надо, все получше.

— Да смотри, только тихонечко, тихонечко.... за стулъ, за стулъ не задѣнь... Тсс!.. Григорій Платонычъ сморщилъ физіономію и приложилъ палецъ къ носу.

— Да сходи ужь кстати, прибавилъ онъ, въ садъ, посмотри, чтобъ бѣлка не залаяла, привяжи куда нибудь подальше. Да сходи уже и къ доктору, скажи, что не надо ли что нибудь сдѣлать, что ребенокъ все, скажи, стонетъ....

Матрена ушла, а Григорій Платонычъ сталъ на колѣни и началъ молиться. Жарко и долго онъ молился, пока не услышалъ, что калитка слегка заскрипѣла, что̀ легко можно было замѣтить среди гробовой тишины ночи. Вошла Матрена.

— Ну что? спросилъ Григорій Платонычъ.

— Надо *туди* пойти, таинственно проговорила кухарка, указывая на комнату больной.

— Зачѣмъ?

— Ужь я знаю, мнѣ сказывалъ самъ докторъ зачѣмъ. Вамъ этого совсѣмъ и знать не нужно.

— Только смотри же, Матренушка, тихонечко, тихонечко.

— Ужь знаю! отвѣчала Матрена и, едва дыша, стала отворять двери въ комнату больной, вошла и опять затворила. Григорій Платонычъ прислушивался; стоны становились все медленнѣе, рѣже, тише.... наконецъ совсѣмъ замолкли. Матрена вышла съ сіяющимъ лицомъ.

— Заснула!... повторила она чуть слышно.

— Неужели? спросилъ Трухченко.

— Ей-богу заснула. Ну, теперь Господь поможетъ, все будетъ хорошо.

Съ этой ночи, дѣйствительно Саша стала поправляться чрезвычайно быстро; выздоравливала не по днямъ, а по часамъ. Трухченко не могъ нарадоваться, глядя на слегка зарумянившее-

ся лицо дѣвочки. Она все просила позволенія побѣгать, но докторъ не позволялъ подняться съ постели, раньше извѣстнаго дня. Наступилъ и этотъ, давно ожиданный день. Сашу слегка приподняли на кровати и, держа за руки, поставили на полъ. Она съ удивленіемъ смотрѣла по сторонамъ и улыбалась, глядя на смѣющихся отъ удовольствія Матрену и Трухченко. Съ этого дня болѣзнь стала исчезать еще замѣтнѣе — и Саша наконецъ, къ общей радости, выздоровѣла совершенно. Послѣ болѣзни она совсѣмъ позабыла о встрѣчѣ въ лѣсу съ Григоріемъ Платонычемъ; при посредствѣ Матрены она убѣдилась, что у ней давно уже умерли папа и мама, которые поручили Григорію Платонычу свою Сашеньку.

— Вы еще тогда такія маленькія–маленькія были!... прибавляла Матрена, желяя придать болѣе достовѣрности своему разсказу въ глазахъ бѣднаго ребенка. И Саша совершенно повѣрила доброй кухаркѣ.

Григорій Платонычъ даже теперь, когда уже много прошло времени, такъ ясно видитъ предъ собою ту маленькую, прехорошенькую дѣвочку, въ ситцевомъ, но хорошо сшитомъ платьицѣ, съ веселенькимъ личикомъ, большими голубыми глазами и постояннымъ, никогда не исчезающимъ румянцемъ на пухленькихъ щечкахъ. Помнитъ онъ, какъ бывало подъ вечеръ взберется она къ нему на колѣни, обовьетъ шею ручонками и все проситъ разсказать какую нибудь сказочку. А сказокъ Григорій Платонычъ зналъ много и все были такія хорошія, да интересныя. Саша слушаетъ, не сводя глазъ съ лица Григорія Платоныча. Иногда Григорій Платонычъ захочетъ подшутить надъ нею: разсказываетъ, разсказываетъ — да вдругъ и остановится. Вотъ хоть такимъ образомъ: «....ну–съ, такъ вотъ идутъ они по дорогѣ, а на дворѣ холодно, морозъ такой сильный, сильный, все снѣгъ кругомъ, а тамъ лѣсъ такой густой, весь въ бѣломъ отъ снѣга... Только вотъ идутъ они и видятъ, на дорогѣ между деревьями, что-то лежитъ такое большое, да черное.... Они подходятъ къ нему, взяли, да и тронули рукой.... А оно какъ зашевелится, какъ затрещитъ, зашумитъ, засвиститъ....» Эхъ, вотъ тутъ и забылъ самое хорошее! скажетъ вдругъ Трухченко.

У Сашеньки уже и ротикъ раскрылся и глаза такъ внимательно смотрѣли на Григорія Платоныча, ожидая чего–то необыкновеннаго..., а тутъ вдругъ позабыли....

— У, какіе же вы! зачѣмъ же вы позабыли? жалобнымъ го-

лосомъ проговоритъ дѣвочка. — Ну, вспомните же поскорѣй. Да вы не забыли, а такъ только не хотите.... Голубчикъ, миленькій, вспомните.... Вѣдь здѣсь же нельзя забыть.... Ну, *оно* повернулось, засвистѣло.... А они же что?

И Григорій Платонычъ вспоминалъ и сказка продолжалась.

Спустя года два послѣ болѣзни Саши, Трухченко началъ ее воспитывать, какъ умѣлъ, насколько позволяли ему силы и средства. Изъ гимназіи приглашенъ былъ для нѣкоторыхъ занятій ученикъ седьмаго класса — и Григорій Платонычъ не могъ нарадоваться, видя успѣхи своей Сашеньки. Саша, дѣйствительно, была чрезвычайно способная дѣвочка, все ей давалось легко, да притомъ и занималась она съ большой охотою; все это такъ привязало къ ней Григорія Платоныча, что онъ рѣшительно въ ней души не слышалъ; еслибъ ему предложили избрать что нибудь изъ двухъ: огромное богатство, но безъ Саши, или Сашу и нищенскую суму, то онъ навѣрно выбралъ бы послѣднее. Вѣдь привязываются же, подумаешь, люди до такой степени!... Онъ какъ можно больше времени въ продолженіе дня старался быть съ нею. Даже вечеромъ, когда Саша приготовлялась ложиться спать, онъ заходилъ къ ней въ компатку; а компатка у ней была маленькая, но такая уютная, хорошенькая, что иногда Григорій Платонычъ завидовалъ. Саша теперь сама убирала ее, вообще уже съ десяти лѣтъ она начала понемногу хозяйничать, разливать чай и проч. Григорій Платонычъ садился у кровати, въ которую ложилась Саша, начиналъ ей разсказывать сказки, а иногда священную исторію Ветхаго Завѣта, которую онъ очень любилъ, а изъ новой только о страданіяхъ и мученіяхъ Спасителя; онъ не выходилъ изъ компатки до тѣхъ поръ, пока Саша не засыпала подъ бѣленькимъ вышитымъ, одѣяльцемъ. Тогда Трухченко наклонялся надъ ея личикомъ, цаловалъ ея губы, гасилъ свѣчу и уходилъ въ свою спальню, и долго бывало шагалъ онъ изъ угла въ уголъ, какъ будто раздумывая о чемъ-то.

Приближался шестнадцатый день рожденія Сашеньки. Недѣли за двѣ до этого дня Трухченко позвалъ къ себѣ Матрену и, убѣдившись сперва, что за дверьми никого нѣтъ, спросилъ, какой лучше сдѣлать подарокъ Сашѣ. Этотъ вопросъ поставилъ было Матрену въ тупикъ. Она перебрала нѣсколько подарковъ, но всѣ они оказались неудобными.

— Ахъ, матушки! закричала вдругъ Матрена. — Да вы имъ, баринъ, платье длинное сшейте, знаете, какъ ужь большія носятъ

—вотъ вамъ лучше всего, ей-богу правда! И какъ же это я, дура, не догадалась до сихъ поръ! Ужь что же можетъ быть и лучше, какъ шелковое платье съ оборками,—ужь конечно шелковое надо платье, а то и не стоитъ ужь и дѣлать другаго.

— А не лучше ли, Матренушка, шляпку сдѣлать?

— Можно и шляпку и платье; чтожь, можно, можно! Вѣдь ужь не богъ-знаетъ сколько платье стоитъ со шляпкой. У меня и знакомая модница есть, та и возьметъ не дорого.

— Такъ ты, Матренушка, сбѣгай къ ней, да возьми какое нибудь Сашенькино платье, которое сидитъ на ней получше. Та пусть и сниметъ мѣрку, а чтобъ Сашенька не знала, слышишь?

— Ну, вотъ еще стали говорить, какъ будто я не знаю, какъ эти подарки дѣлаются! Слава-богу, не первый годъ живу на свѣтѣ. А шелкъ-то небось сами станете покупать?

— Какой шелкъ?

— А на платье!... Васъ, Григорій Платонычъ, обманутъ, ей-богу обманутъ. Ужь пускай лучше и модница пойдетъ съ вами. Она мигомъ прибѣжитъ. Я вотъ только платокъ накину да сейчасъ и къ ней. А то безъ нея ей-богу обманутъ. Вы, пожалуй, какъ знаете, какъ себѣ хотите, только ей-богу обманутъ.

Наканунѣ дня рожденія платье было готово. На другое утро часовъ въ семь, когда Сашенька только-что подымалась съ постели, Григорій Платонычъ взялъ въ руки платье, тихо подошелъ къ двери, ведущей въ комнатку Саши и постучалъ.

— Это ты, Матренушка? послышался звонкій голосокъ Сашеньки.

— Нѣтъ, это я Сашенька, я, отвѣчалъ Григорій Платонычъ,— только ты мнѣ не отворяй, не надо. Я пришелъ поздравить тебя съ днемъ рожденія; и, обратившись къ Матренѣ, которая стояла тутъ же, тихонько прибавилъ: на, снеси барышнѣ платье. Я вотъ тебѣ, Сашенька, продолжалъ онъ громко, подарокъ принесъ. Ты одѣнься и выходи, а я въ гостиной буду тебя дожидаться.

Григорій Платонычъ вошелъ въ гостиную и съ нетерпѣніемъ сталъ ходить изъ угла въ уголъ, ежеминутно поглядывая на дверь. Наконецъ дверь эта отворилась, и на порогѣ показалась Сашенька; изъ-за нея выглядывало весело-улыбающееся лицо Матрены. Григорій Платонычъ хотѣлъ было броситься на шею Сашеньки, но вдругъ остановился. Его поразила принужденно величественная поза Сашеньки, которая стояла въ дверяхъ, едва-едва удер-

живаясь отъ смѣха. Григорій Платонычъ никогда не видѣлъ ее такой красавицей. Она замѣтила смущеніе его, не выдержала, расхохоталась и бросилась къ нему на шею.

—Здравствуй, душенька моя, здравствуй! говорилъ Григорій Платонычъ, сжимая ее въ объятіяхъ и едва удерживая слезы на глазахъ отъ восторга.—Какая же ты красавица теперь, красоточка моя миленькая! И какъ вѣдь стала! Я просто испугался, какъ посмотрѣлъ на нее, баловница ты такая! Ей-богу испугался!... Такъ-таки и испугался! Думаю, что это съ нею такое, а она ишь что вздумала дѣлать, а!... Ну постой же, постой, еще не все. На вотъ тебѣ, надѣнь!

И Григорій Платонычъ подалъ Сашенькѣ серьги и браслетъ.

— Хорошо вѣдь, а? Вѣдь правда, хорошо?

— То-то хорошо! упрекнула Матрена:—небось мнѣ не сказали, что хотите серьги купить. О платьѣ-то небось сказали, а о браслетѣ и сказать не хотѣли!... Ишь хитрые какіе! Постойте же, ужь я вамъ отплачу.

— Ну, не сердись, Матренушка, не сердись. Я вѣдь знаю, что ты сказала бы барышнѣ напередъ.

— А вотъ бы и не сказала. Вѣдь о платьѣ не говорила.

— Сказала, сказала, давно все разсказала, подхватила Сашенька:—еще за недѣлю сказала... А что, а что?

— А вамъ все и говорить надо! прибавила Матрена. — Эхъ, какъ посмотрю я на васъ!... Да право же!... А еще говорили, что ни слова не скажете Григорію Платонычу.

—Ну полно же, полно! успокоилъ ее Трухченко:—не сердись. Сегодня никому не надо сердиться. Сегодня такой день для всѣхъ радостный.

Дѣйствительно этотъ день былъ святымъ въ глазахъ Григорія Платоныча. Сама Сашенька не придавала ему такого значенія, какое придавалъ Трухченко. Онъ будто ожидалъ именно этого дня, чтобы начать смотрѣть на Сашеньку совершенно другими глазами, будто этотъ день служилъ рѣзкою гранью дѣтства и юности его дорогой, ненаглядной Сашеньки.

Весь этотъ день Григорій Платонычъ былъ самъ не свой; точно онъ богъ-знаетъ сколько времени не видѣлъ Сашеньку, и встрѣтился наконецъ послѣ долгой, томительной разлуки.

Долго онъ думалъ, куда бы повезти ее вечеромъ, и остановился наконецъ на театрѣ, — о немъ Сашенька имѣла понятіе только изъ разсказовъ Матрены, которая много лѣтъ тому на-

задъ, чуть ли еще не дѣвчонкой, какъ-то случайно попала въ раекъ. Сашенька чрезвычайно обрадовалась предложенію Григорія Платоныча, который въ свою очередь былъ радъ случаю побывать въ театрѣ; о немъ онъ имѣлъ понятіе не больше Матрены. Какъ досадно было ему на себя за это, въ особенности, когда на всѣ вопросы Сашеньки, онъ принужденъ былъ отвѣчать: «не знаю, голубушка, ровно ничего не знаю!...» Сашеньку поразилъ весь этотъ блескъ, шумъ, музыка, говоръ въ антрактахъ, движеніе, жизнь, которая горячей, полной струей охватила все ея существованіе. Она во время антракта наивно перебрасывала глаза отъ одного предмета къ другому и вдругъ, совершенно случайно, остановила ихъ на одной точкѣ. Въ партерѣ, въ первомъ ряду креселъ, оборотившись спиной къ оркестру, стоялъ молодой человѣкъ въ военномъ сюртукѣ; онъ неподвижно смотрѣлъ на ложу Трухченко и только изрѣдка подносилъ къ глазамъ большой бѣлый бинокль. Сашенька сначала не обратила на него вниманія, но большіе, умные глаза молодаго человѣка продолжали такъ же ровно, спокойно смотрѣть на нее и порой встрѣчались съ ея взглядами. Она вспыхнула и стала глядѣть внизъ; сердце ее забилось. Она снова на одно мгновеніе подняла глаза и опять встрѣтила все тотъ же взглядъ. Ей стало почему-то ужасно совѣстно; она обратилась было къ Григорію Платонычу, который уже немножко скучалъ, хотѣла что-то сказать, но промолчала и вспыхнула пуще прежняго. Въ это время подняли занавѣсъ — и молодой человѣкъ усѣлся на свое мѣсто. Сашенька уже не смотрѣла на сцену; ей все казалось, что она видитъ передъ собою уже знакомое молодое лицо и чудные бархатные (именно бархатные) глаза. То же самое чудилось ей, когда она возвратилась домой. Ей было почему-то невыносимо тяжело; она не раздѣваясь бросилась на свою кроватку, лицомъ въ подушку — и зарыдала. Матрена пришла звать ее ужинать — она сказалась немного нездоровой, и на другой день Григорій Платонычъ замѣтилъ, что она, дѣйствительно, немного нездорова.

Въ провинціи, говоря вообще, люди знакомятся скоро, гораздо легче, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ каждый кружокъ какъ-то неохотно впускаетъ въ среду себя новаго члена, особенно безъ рекомендаціи. Въ провинціи же это совсѣмъ не нужно. Такъ однажды къ домику Григорія Платоныча подъѣхалъ довольно щегольской экипажъ и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ въ военномъ сюртукѣ. Онъ очень любезно рекомен-

довался, сказалъ, что давно искалъ знакомства (и соврaлъ) съ такимъ прекраснымъ человѣкомъ, какъ Григорій Платонычъ, и проч. Трухченко не зналъ, что дѣлать отъ радости. Онъ пригласилъ новаго знакомаго Ивана Петровича, что-то въ родѣ Качанскаго, бывать у себя почаще, если это можетъ доставить ему сколько нибудь удовольствія; прибавилъ, что онъ самъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ военной службѣ, и тутъ же слегка упомянулъ, что дальнѣйшія посѣщенія новаго знакомаго, по всей вѣроятности, будутъ пріятны «моей дальней родственницѣ, которая живетъ у меня въ домѣ».

Читатель конечно видитъ, что этотъ молодой человѣкъ былъ тотъ самый, который въ театрѣ такъ усердно преслѣдовалъ глазами Сашеньку. Она узнала его, когда онъ подъѣзжалъ къ домику Трухченко, но не хотѣла выйти въ залъ, думая, что онъ пріѣхалъ по дѣламъ къ Григорію Платонычу; да и во всякомъ случаѣ она не вышла бы къ нему — она боялась его; и понятна эта робость шестнадцатилѣтней дѣвушки, не видѣвшей свѣта.

Григорій Платонычъ чистосердечно радовался возможности доставить такимъ образомъ Сашенькѣ кое-какое развлеченіе. Чрезъ нѣсколько дней Качанскій пріѣхалъ вечеромъ къ Трухченко. Григорій Платонычъ и Сашенька сидѣли за чаемъ. Онъ ужасно сконфузился, увидя гостя; Сашенька оробѣла и положеніе вышло бы чрезвычайно неловкое, если бы Иванъ Петровичъ не съумѣлъ ловко начать разговоръ. Трухченко отрекомендовалъ ему Сашеньку, на что тотъ, конечно, отвѣчалъ: «очень пріятно» и сталъ стягивать перчатки, а потомъ очень развязно, не дожидаясь приглашенія, попросилъ себѣ чаю. Сашенька налила чашку и хотѣла сама подать гостю; но только-что тотъ протянулъ руку съ желаніемъ предупредить хозяйку, — чашка выпала у нея изъ рукъ и разбилась, облившн скатерть. Григорій Платонычъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Сашеньку, а гость чуть-чуть улыбнулся, и мягкимъ, спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы меня извините, Александра Петровна; я хотѣлъ сдѣлать лучше, не зная напередъ, что выйдетъ хуже.

Сашенька, подъ предлогомъ позвать Матрену, побѣжала въ свою комнатку и упала на постель. Слезы полились у нея изъ глазъ.

«Господи, какая я неловкая, какая я неловкая!» думала

она, и сама себя стыдилась, и самой отъ себя хотѣлось куда нибудь убѣжать.

Въ этотъ вечеръ она больше не выходила къ гостю, снова сказавшись больной; а Григорій Платонычъ, душевно желая чѣмъ нибудь занять молодаго человѣка и не находя матеріаловъ, сталъ разсказывать ему о судьбѣ Сашеньки. Оказалось впрочемъ, что Качанскій отчасти слышалъ уже объ этомъ; вѣдь въ небольшомъ, хоть-бы и въ губернскомъ, городкѣ рѣдко бываетъ не извѣстно всѣмъ и каждому всякое происшествіе, сколько нибудь выходящее изъ уровня каждодневной, безцвѣтной жизни; впрочемъ объ этой особенности провинціальной жизни много было уже говорено и, слѣдовательно, она понятна всякому.

Случалось ли вамъ когда нибудь видѣть ребенка, совсѣмъ еще незнакомаго не только съ жизнью, но даже съ тѣмъ, что непосредственно окружаетъ его родительскій кровъ, думающаго, что все въ мірѣ создано по знакомой ему мѣркѣ, въ знакомыхъ ему формахъ; случалось ли вамъ видѣть его въ тотъ моментъ, когда вдругъ попалась ему на глаза какая нибудь громадная машина, блестящая, красивая, но незнакомая, а потому страшная для него? Слѣдили ли вы тогда за его маленькой фигуркой, за его лицомъ, на которомъ боязнь такъ наивно соединялась съ любопытствомъ и удивленіемъ? Видѣли-ли вы, какъ онъ сначала робко дотронется до нее дрожащей ручонкой и потомъ вдругъ отдернетъ, съ сомнѣніемъ посмотритъ на свою няню, какъ будто спрашивая: «а оно не укуситъ?» Если видѣли, тогда вамъ будетъ понятно состояніе Сашеньки; вы не спросите, отчего она теперь такъ недовѣрчиво стала посматривать по сторонамъ, отчего веселое личико ея покрыло прозрачное облако едва замѣтной грусти; вы не спросите также, отчего она мало-по-малу привязывалась къ Качанскому, и скучала безъ него, и тихонько плакала, если онъ долго не приходилъ къ ней, а все-таки изрѣдка его побаивалась. Но боязнь эта стала понемногу исчезать; мѣсто ея заступала любовь пылкая, съ розовыми надеждами. Качанскій тоже, казалось, привязывался къ ней, хотя не высказывалъ ей этого и вообще держалъ себя принужденно вѣжливо, чтобы не сказать холодно, въ отношеніи къ Сашенькѣ. Она впрочемъ начинала замѣчать въ немъ небольшую перемѣну, въ которой старалась отыскать долю сочувствія къ себѣ.

Была суббота. Григорій Платонычъ и Сашенька только-что встали изъ-за чайнаго стола. Солнце уже сѣло и на землю спу-

скались сумерки. Чѣмъ болѣе темнѣло въ комнатѣ, тѣмъ сильнѣе разливался свѣтъ лампадки, висѣвшей передъ большимъ серебрянымъ образомъ. На улицѣ, куда выходили окна столовой, была мертвенная тишина. Сашенька сѣла у окна и взяла въ руки какую-то книгу; Григорій Платонычъ сталъ задумчиво ходить по комнатѣ; онъ былъ въ халатѣ и въ туфляхъ. Долго ходилъ онъ молча взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину, и опустивъ голову; потомъ нерѣшительно повернулъ ее къ окну и проговорилъ:

— Сашенька, глаза испортишь.... темно уже, душенька.

Сашенька закрыла книгу и молча положила ее на окно между цвѣточныхъ горшковъ. Григорій Платонычъ снова началъ ходить изъ угла въ уголъ, едва производя шумъ туфлями; потомъ опять подошелъ къ окну и сѣлъ на стулъ.

— Сашенька, началъ онъ нерѣшительно;—знаешь, что я хочу тебѣ сказать?

— А что? спросила та безъ особеннаго любопытства. Скажите!

— Отгадай! немного рѣшительнѣе произнесъ Трухченко и подсѣлъ къ ней ближе.

— Право, не знаю, отвѣчала Сашенька.

— Вотъ видишь что, душенька, продолжалъ съ разстановкой Григорій Платонычъ:—только ты пожалуйста не сердись, если это тебѣ не понравится.... Я хотѣлъ все сказать тебѣ, да все незналъ какъ бы это.... получше.... думалъ, что не понравится тебѣ это. Видишь что, милочка мбя,—что, еслибъ.... ну, еслибъ мы съ тобою зажили.... не такъ какъ теперь живемъ, а по другому, по иному.

Сашенька вопросительно на него посмотрѣла.

— Только ты пожалуйста, Сашенька, не сердись, если это тебѣ непріятно... Такъ и скажи, какъ думаешь.... Что, еслибъ мы да подъ вѣнецъ съ тобою—а?

Еслибъ было нѣсколько свѣтлѣе, Григорій Платонычъ могъ бы замѣтить, какъ блѣдность мало-по-малу покрывала лицо Сашеньки. Она молчала; Григорію Платонычу стало неловко.

— Только я вѣдь это такъ сказалъ, поспѣшилъ онъ прибавить.—Избави меня Боже, чтобъ я сталъ тебя приневоливать.... Ты подумай, хорошенько подумай, и тогда ужь скажи; скажи такъ, какъ знаешь, какъ на умѣ будетъ. Вѣдь мы, слава-богу, не первый, да и не послѣдній день видимся. Вѣдь ты знаешь меня, я не турокъ какой нибудь, чтобъ сталъ тебя приневоливать, да

заставлять—избави меня Господи. А только ты, дружокъ мой, подумай объ этомъ.

Григорій Платонычъ посидѣлъ еще нѣсколько времени, а потомъ всталъ и ушелъ къ себѣ въ комнату. Сашенька не тронулась съ мѣста. Она подперла голову рукой, облокотилась на подоконникъ и стала глядѣть на улицу. Уже и Матрена перестала стучать въ кухнѣ, изъ-за противуположнаго забора взошла луна и блѣдный свѣтъ длинной полосой, испещренной полутѣнью, стоявшихъ на окнѣ цвѣтовъ, протянулся по полу; надъ улицей быстро пролетѣла летучая мышь, что-то зашевелилось на деревѣ.... лампадка затрещала, стала вспыхивать—и погасла. Сашенька поднялась наконецъ со стула и провела рукою по лбу; ей все не вѣрилось, точно-ли она слышала отъ Григорія Платоныча то, что онъ сказалъ ей; потомъ медленно пошла въ свою комнатку, растворила окно и уже стало совсѣмъ свѣтать, когда она легла въ постель; однако ей плохо спалось.

На другой день она не выходила ни къ чаю, ни къ обѣду, что очень обезпокоило Григорія Платоныча и онъ счелъ нужнымъ зайти въ комнатку Сашеньки. Она сидѣла у окна и не замѣтила прихода Трухченко, до тѣхъ поръ, пока онъ не подошелъ къ ней.

— Сашенька, голубушка моя, что съ тобою, а? Ты нездорова? Можетъ быть ты сердишься на меня? Вѣдь ты пожалуйста.... вѣдь я вчера такъ только пошутилъ.... ей-богу пошутилъ. Я это такъ только сказалъ тебѣ.

— Да я вѣдь и не сержусь!... тихо, задумчиво проговорила Сашенька:—я не знаю, у меня голова что-то болитъ.... нездоровится что-то.

— Такъ ты лягъ, усни немножко... А я скажу Матренѣ, чтобъ уксусомъ полотенце намочила, да головку тебѣ повязала; можетъ, богъ дастъ, получше будетъ... Вѣдь и мнѣ больно такъ на тебя смотрѣть; ты и то уже стала все такая невеселая, а сегодня я ужь и не знаю, что такое... вѣдь я вчера ей-богу пошутилъ, такъ только сказалъ... Ты вѣрно отъ этого...

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!... произнесла съ живостью Сашенька—и лицо ея вспыхнуло.

— Такъ я сейчасъ пойду скажу Матренѣ, чтобъ полотенце уксусомъ намочила.

— Господи, господи! долго шептала Сашенька по уходѣ Григорія Платоныча, и столько грусти, столько душевной боли сказалось въ этихъ словахъ!

На слѣдующую ночь у палисадника Трухченко долго видиѣлись двѣ фигуры, мужская и женская, и слышался какой-то неясный шопотъ, порой усиливавшійся, порою совсѣмъ замиравшій.

Григорій Платонычъ сталъ скучать. Онъ былъ увѣренъ, что его предложеніе было причиною такой сильной перемѣны въ Сашенькѣ. Онъ теперь только и думалъ, какъ бы обратить его въ шутку и лучше остаться жить по прежнему, да весело, чѣмъ «по новому» и видѣть постоянно мрачное лицо Сашеньки.

Однажды ночью (это было на третій или на четвертый день послѣ субботняго разговора) Григорій Платонычъ видѣлъ страшный сонъ; онъ проснулся въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа и, одѣвшись, направился къ комнаткѣ Сашеньки.

— Сашенька, а Сашенька? сказалъ онъ, тихонько стуча въ дверь:—ты спишь?

Отвѣта не было.

Григорій Платонычъ воротился въ столовую и напился чаю одинъ. Прошло около часа. Онъ опять подошелъ къ двери и опять тихонько постучалъ; отвѣта все-таки не было. Тогда онъ слегка толкнулъ дверь и очутился въ комнаткѣ. Она была пуста; убранная кровать нисколько не была измята, все было въ порядкѣ. Трухченко остолбенѣлъ и нѣсколько мгновеній остался неподвиженъ; потомъ вдругъ бросился къ кухнѣ. Матрена, въ это время, засучивъ рукава до локтей, усердно рубила мясо для любимыхъ котлетъ Трухченко.

— Матрена, проговорилъ онъ вбѣгая:—гдѣ барышня?

Матрена съ изумленіемъ посмотрѣла на Григорія Платоныча.

— Какъ гдѣ? спросила она:—должно быть у себя въ комнатѣ. Гдѣ же имъ еще быть!...

— Нѣтъ... нѣтъ ея тамъ... и ночью не было. Постель не смята... проговорилъ Трухченко, дыша такъ тяжело, какъ будто онъ пробѣжалъ верстъ пять.

— Да Господь съ вами! сказала Матрена и пошла сама посмотрѣть, точно ли нѣтъ барышни въ комнатѣ. Комнатка и ей показалась пустая. Она подошла къ кровати, провела безъ нужды рукою по подушкѣ, погладила одѣяло, потомъ глянула во всѣ углы и обратила вопросительный взглядъ къ Григорію Платонычу.

— Господи, да гдѣ же это они? спросила она, опустивъ руки. — Царица небесная... Вотъ бѣда-то!..

Григорій Платонычъ забѣгалъ по всѣмъ комнатамъ, звалъ Сашеньку на всѣ голоса, называлъ ее самыми нѣжными именами и опять-таки возвратился въ ея комнату. Матрена тоже куда-то побѣжала. Трухченко опустился на кровать, потомъ случайно взглянулъ на столъ и увидѣлъ запечатанное письмо, адресованное на его имя. Онъ дрожащими руками развернулъ его и прочелъ:

«Милый мой, добрый, дорогой Григорій Платонычъ! Не ищите меня, потому что для васъ это будетъ безполезно. Я не могу дольше у васъ оставаться. Я все знаю, все, все... Вся моя судьба мнѣ извѣстна... Однимъ вамъ я всѣмъ обязана... Но я люблю другаго и люблю такъ, какъ еще не любила никого на свѣтѣ; у меня не достало бы духу отказать вамъ и не стало бы силы сдѣлаться не *его* женою. Простите меня, я слишкомъ малодушна, я слишкомъ самолюбива, я не хорошая дѣвушка—простите меня!.. Живите счастливо, а обо мнѣ забудьте, какъ будто у васъ никогда меня не было; а я васъ, мой милый, мой добрый Григорій Платонычъ, никогда не забуду; гдѣ бы я ни была, въ счастьи ли, въ несчастьи—передъ моими глазами всегда будете вы одни, съ вашимъ добрымъ лицомъ, съ вашей, дорогой для меня улыбкой. Куда я теперь ѣду—сама навѣрное не знаю, только я ѣду не одна... обманусь ли я или нѣтъ—тоже не знаю, Богъ знаетъ, что принесетъ съ собою будущее.

«Больше мы съ вами не увидимся; считайте меня потерянной навсегда, считайте меня умершей. Тотъ, кто замѣнилъ мнѣ отца, кому я обязана всѣмъ, всѣмъ, что имѣю теперь, тотъ вѣчно останется для меня святыней, къ которой я буду обращать взоры.

«Живите же долго, долго — и живите счастливо. Не поминайте худымъ, а лучше совсѣмъ не поминайте безконечно любящую васъ — А.

«P.S. Простите меня, дорогой мой Григорій Платонычъ, простите за то огорченіе, которое я вамъ доставила; ради всего для васъ святаго, простите меня».

Григорій Платонычъ два раза уже прочелъ письмо, но по прежнему продолжалъ держать его въ дрожащихъ рукахъ. Уголки почтовой бумаги тряслись, какъ молодые листочки на легонькомъ вѣткѣ.

— Вотъ тебѣ и на! проговорилъ онъ, наконецъ, оторвавъ глаза отъ бумаги и устремивъ ихъ на какую-то точку противоположнаго забора.—Такъ она ушла... продолжалъ онъ медленно; ушла... ушла... Вотъ тебѣ... на... живи одинъ, живи... Ага!.. А что?... Да, одинъ... одинъ... Она не одна.... съ нимъ это.... съ нимъ... Ну что жь, и съ нимъ... сама ушла... А я?... я? да на что же я... Трухченко... Трухченко... Григорій Платонычъ... А въ лѣсу какая была...

Въ это время вбѣжала Матрена.

— Нѣту–ти нигдѣ, Григорій Платонычъ, нигдѣ нѣту..... ужь вездѣ повыбѣгала—нѣту!... проговорила она слезливымъ голосомъ, вытирая рукавомъ глаза.

— Не ищи, Матрена, не ищи! проговорилъ Трухченко. Не найдешь... Она... Ее у насъ утащили... украли... вотъ что! Богъ ее знаетъ, куда ее увезли отъ насъ... Нашъ хлѣбъ–соль не вкусны были... вотъ что! Чего же ты плачешь?.... Вѣдь она сама.... Да, слышишь, Матрена, она сама отъ насъ убѣжала, сама.... Вотъ и письмо оставила.... вотъ..... Сама говоритъ: «не ищите меня....» Слышишь?

Трухченко пошелъ въ залъ, отворилъ окно и сталъ глядѣть на улицу. Постоялъ немного и пошелъ къ себѣ въ спальню, сѣлъ на стулъ, посидѣлъ немножко—и опять всталъ. На полу валялась бумажка; онъ поднялъ ее, повертѣлъ въ рукахъ и швырнулъ въ уголъ; потомъ переложилъ подушки на кровати: верхнюю положилъ подъ низъ, а нижнюю на верхъ и прихлопнулъ рукою. Сталъ ходить взадъ и впередъ по спальнѣ и, самъ не зная какъ, очутился опять въ Сашиной комнаткѣ. Тамъ онъ долго сидѣлъ.

— Обѣдъ подала, пожалуйте! проговорила Матрена, подходя къ нему.

— Обѣдъ? Не хочется что-то обѣдать. Убери, Матренушка, я пойду погуляю. Что это тамъ въ калитку что-то стукнуло.... Пойди-ко, посмотри.

Матрена сбѣгала.

— Что? Никого?

— Нѣту, никого...

— А теперь? это вѣрно барбосъ цѣпью?

— Да, должно быть барбосъ цѣпью.

— Да ты поди хорошенько посмотри.

Матрена опять сбѣгала.

— Барбосъ? спросилъ Трухченко.

— Барбосъ,—отвѣтила Матрена.

Ночью проснулся Трухченко и опять къ Матренѣ:

— Матрена, а Матрена, калитка заперта?

— Заперта, отвѣчала, сквозь сонъ, кухарка.

— Ты слышишь, какъ будто кто-то стучитъ.

— Да нѣту никого... Это такъ только вамъ...

— Ты бы пошла, Матренушка, посмотрѣла.

Матрена, сердясь, побѣжала къ воротамъ.

— Что, никого?

— Да никого же, я жь вамъ говорила. Кто же теперь ночью станетъ къ намъ стучать?

— Да вѣдь можетъ быть... Господь знаетъ....

Долго казалось Григорію Платонычу, что Сашенька воротится назадъ и долго жилъ онъ этою надеждою, которая все-таки лучше, чѣмъ ничего,—но Сашенька не возвращалась. Трухченко болѣе прежняго подружился съ Матреной, по цѣлымъ вечерамъ сидѣлъ онъ съ нею вдвоемъ, вспоминая о прошломъ. Эти воспоминанія только и утѣшали его одиночество. Особенно любилъ онъ зимою, когда вечеръ начинается съ четырехъ, съ пяти часовъ, сидѣть подлѣ топившейся печки, глядѣть на огонь, то подкладывать, то поправлять дрова и разговаривать съ Матреной о Сашенькѣ. Матрена, сидя на полу, на корточкахъ, уставивъ локти въ изогнутыя колѣна, а на ладони положивъ голову, неподвижно глядѣла на огонь и перебрасывалась словами съ Григоріемъ Платонычемъ. Скучно было проводить зиму Трухченко, а прошла-таки эта зима, какъ проходитъ все на свѣтѣ, какъ и мы съ вами пройдемъ, читатель.

Настала весна, потомъ теплое лѣто, зацвѣли сады, зазеленѣли поля, въ воздухѣ повѣяло теплomъ, жизнью, радостью...

Григорій Платонычъ сталъ пріискивать себѣ какое нибудь серьёзное занятіе, чтобы разнообразить время, чтобы заглушить тоску, которая нѣтъ — нѣтъ — да такъ подступитъ къ сердцу, такъ охватитъ душу, что хоть съ моста да въ воду. До сихъ поръ онъ занимался кое-какими торговыми оборотами, маленькими, незначительными — но все таки что нибудь да оставалось; къ тому-же покойникъ старикъ кое-что оставилъ сыну, — словомъ, жить можно было. Долго перебиралъ онъ должности, долго не рѣшался избрать какую нибудь изъ нихъ для себя, на-

конецъ остановился на должности класснаго надзирателя губернской гимназіи; кстати и вакансія открылась.

И вотъ Григорій Платонычъ облекся въ форменный вицъ-мундиръ. Его полюбили учителя, бо́льшая часть учениковъ, а онъ, въ свою очередь, полюбилъ гимназію и рыбную ловлю — и потащилась, слегка прихрамывая, его однообразная жизнь. Больше всѣхъ сочувствовалъ ему учитель латинскаго языка, Бурсистый; онъ довольно часто заходилъ къ надзирателю, принималъ его у себя, и два старичка разсуждали о томъ, что близко касалось ихъ, почти-общихъ интересовъ; ѣздили часто вмѣстѣ на рыбную ловлю и были очень довольны другъ другомъ, хотя свидѣтель ихъ разговоровъ замѣтилъ бы, что Бурсистый чѣмъ-то немного старше Григорія Платоныча. Это старшинство «чѣмъ-то» сознавалъ и самъ надзиратель, нисколько впрочемъ не претендуя на равенство. Онъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что видѣлъ въ Бурсистомъ человѣка, сколько нибудь сочувствующаго себѣ. Прошедшее для него, кажется, не существовало; изрѣдка только, какъ едва внятное эхо далекаго гула, набѣгало темное облако безотчетной грусти на лицо его, но скоро сходило, и снова жизнь текла по новой колеѣ, прорытой измѣнившимися обстоятельствами. Онъ обжился въ гимназіи, подружился съ новой должностью, усвоивъ себѣ принципъ безусловной покорности начальству и возможнаго радѣнія о пользѣ общества и отечества.

Привязавшись душою и тѣломъ къ гимназіи и рыбной ловлѣ, Григорій Платонычъ сосредоточилъ больше прежняго вниманіе и на домашнемъ хозяйствѣ. Небольшой домикъ его вообще отличался чистотою и опрятностію, но теперь онъ сдѣлался какъ будто еще чище и опрятнѣе. О садѣ и говорить нечего; за нимъ постоянно слѣдилъ опытный глазъ Григорія Платоныча; деревья подчищались собственной рукою надзирателя; та же рука подравнивала и перекапывала гряды съ цвѣтами, поливала ихъ каждый вечеръ, выживала негодную траву, если она думала расти не въ указанномъ мѣстѣ. Обыкновенно, напившись вечеромъ чаю, Григорій Платонычъ надѣвалъ халатъ, бралъ въ одну руку заступъ, а въ другую ведерко воды и направлялся въ садикъ исполнять должность садовника. Послѣ того садился на любимую скамью, закуривалъ трубку и оставался въ такомъ положеніи часъ или полчаса, смотря по расположенію духа. Обык-

новенно мысли его сосредоточивались на гимназіи и рыбной ловлѣ и только изрѣдка–изрѣдка останавливались на прошедшемъ, но потомъ сейчасъ–же переходили на настоящее, которымъ, казалось, онъ былъ совершенно доволенъ.

Такъ однажды сидѣлъ онъ въ своемъ садикѣ, въ халатѣ и фуражкѣ съ синимъ околышкомъ, держа въ рукахъ трубку и изрѣдка поднося къ губамъ янтарный, старомодный наконечникъ длиннаго черешневаго чубука. У ногъ его лѣниво растянулась каштанка, съ коротенькими, вѣчно–торчащими ушами и обрубленнымъ хвостомъ; она изрѣдка перекатывалась со стороны на сторону, да искусно ловила ртомъ мухъ, летающихъ вокругъ ея головы. Григорій Платонычъ, положивъ ногу на ногу, съ любопытствомъ слѣдилъ за движеніями каштанки, и порою легкая улыбка появлялась на его губахъ. Вдругъ раздался стукъ въ калитку, цѣпная собака залилась густымъ басомъ, загремѣла цѣпь, каштанка вскочила на ноги и съ звонкимъ, мелкимъ лаемъ бросилась къ воротамъ.

«Кто бы это такой?» подумалъ надзиратель и пошелъ отворять калитку, надѣясь встрѣтить знакомое лицо Бурсистаго или учителя математики. Но калитка отворилась и въ нее пролѣзъ толстѣйшій господинъ невысокаго роста, въ лѣтнемъ сѣраго цвѣта сюртукѣ и лѣтней пуховой шляпѣ, ведя за руку мальчика лѣтъ четырнадцати.

— Ффу!... тяжело вздохнулъ онъ и ужасно громко проговорилъ:—мое вамъ почтеніе. Какъ я вижу, вы должны быть, какъ его... господинъ надзиратель здѣшней гимназіи, Григорій... Григорій Платонычъ Трухченко?... Ффу!...

Григорій Платонычъ ужасно сконфузился, началъ запахивать свой халатъ, хотя въ его туалетѣ не было никакого безпорядка.

— Да–съ, проговорилъ онъ: точно такъ-съ... Прошу покорно въ горницы... Такая жара стоитъ... Ужь вы извините меня, что застали такъ...

— Извинимъ–съ, извинимъ–съ, — ничего, отвѣчалъ толстый господинъ:—и въ горницы пойдемъ... А у васъ тутъ и садикъ есть!... добавилъ онъ, осматриваясь по сторонамъ. Но Григорій Платонычъ ничего не отвѣтилъ, потому что вбѣжалъ уже въ комнаты. Онъ на бѣгу толкнулъ подслѣповатую Матрену и указалъ ей на лохань съ водою, которая стояла на дорогѣ, вбѣжалъ въ спальню, мигомъ сбросилъ халатъ, натянулъ форменный

фракъ, заглянулъ мелькомъ въ зеркало и встрѣтилъ толстаго господина еще у входа.

— Прошу покорно сюда, пригласилъ онъ, отворяя двери небольшой залы, изъ которой пахнуло свѣжимъ воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ резеды.

— И сюда пойдемъ, пойдемъ и сюда, радостно отвѣчалъ гость, вынимая изъ кармана платокъ и вытирая вспотѣвшее лицо.—Ффу!... Ну, ужь жара же у васъ, сказалъ онъ, садясь на мягкій диванчикъ, стоявшій у раствореннаго окна; окно выходило на улицу въ палисадникъ, откуда и несся запахъ резеды....

— Я вотъ, изволите ли видѣть, того, какъ его.... фу ты Господи, экая жарища.... обратился онъ къ Григорію Платонычу, какъ къ давно уже знакомому человѣку: — хочу вотъ сынишку въ гимназію опредѣлить, такъ того....

— Не угодно ли вамъ кваску холодненькаго? Я велю подать, спросилъ Григорій Платонычъ.

— А коли есть, такъ выпьемъ, коли холодненькій есть.

Трухченко послалъ Матрену въ погребъ за квасомъ.

— Да-съ, такъ того.... хочу вотъ Николашку въ гимназію къ вамъ опредѣлить.... Да, я вамъ и позабылъ сказать, что я.... здѣшній помѣщикъ, изволите ли видѣть, Петръ Сергѣичъ Колтунъ.... Ну вотъ, такъ и того.... такъ и обратился я къ директору съ просьбою.... Ффу!... Прошу его отрекомендовать, кому бы отдать его на житье — Николашку вотъ моего. Онъ и говоритъ, что вотъ лучше всего отдайте его, говоритъ, къ здѣшнему надзирателю, Григорію.... того.... Григорію Платонычу Трухченко.... про васъ это говоритъ.

— Самъ господинъ директоръ? спросилъ надзиратель съ едва скрываемой радостью и слегка покраснѣвши.

— Да-съ, самъ, самъ.... Такъ того.... отдайте, говоритъ, ему; онъ, говоритъ, человѣкъ добрый, ласковый, за вашимъ сыномъ присмотритъ.... Ну, говоритъ, и тоже того.... не дорого возьметъ, говоритъ, и за сыномъ вашимъ (моимъ, то есть), какъ за роднымъ присмотритъ. Все это онъ говоритъ.... Вотъ самъ и адресъ написалъ — вотъ.... Вѣрно ужь того, какъ его.... руку его знаете.... вотъ.... самъ-то я теперь безъ очковъ не вижу — Николашка прочиталъ. Такъ вотъ я, изволите ли видѣть, и того... и хочу васъ, Григорій.... Гм!... Григорій Платонычъ, спросить, что какъ вы посмотрите на того.... на мое предложеніе, что, то

есть, примете ли .. А вотъ и квасокъ.... а!... Давай намъ матушка, давай намъ сюда его, давай! Посмотримъ, что за квасокъ такой у васъ.... Да такъ и давай въ штофѣ.... Что еще переливать въ того, какъ его.... въ графинъ. Потеплѣетъ.... Домашній?

— Домашній, — вдвоемъ вотъ и дѣлали съ Матрепой....

— Съ Матрепой? А! Попробуемъ, попробуемъ, что за квасокъ такой.... Ффу, Господи благослови!— Славный, славный... А это вотъ она того.... Матрена?

— Кухарка моя.

— А ты бы, матушка, глазъ полечила; что это онъ у тебя того, какъ его.... такимъ смотритъ, какъ будто ничего не видитъ?

— Неизлечимая болѣзнь, отвѣтилъ за нее Григорій Платонычъ.

— Да; ну, значитъ, и вылечить нельзя. Такъ того.... Что же вы, Григорій.... гм.... Григорій Платонычъ, насчетъ Николашки моего? Примете его, а?

— Вы ужь потерпите, Петръ Сергѣичъ, до завтра. Надо немного подумать.... Знаете, такое дѣло....

— Да, конечно, какъ его.... такое дѣло важное.

— Да-съ, да-съ, именно важное. Ужь до завтра позвольте мнѣ подумать.... Я съ великимъ удовольствіемъ.... только все-таки надо немножко....

Какъ только Колтунъ ушелъ, Григорій Платонычъ натянулъ на голову фуражку и бросился бѣжать къ Бурсистому. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что у него такое важное дѣло, отъ рѣшенія котораго зависитъ жизнь или смерть двухъ почтенныхъ старичковъ — учителя латинскаго языка и его самого, надзирателя гимназіи. Идти ему было очень не далеко, однакоже Григорій Платонычъ подбѣжалъ къ воротамъ Бурсистаго страшно запыхавшись. Какъ только дворникъ отворилъ калитку, Григорій Платонычъ такъ и накинулся на него:

— Гдѣ.... гдѣ.... началъ онъ, будучи не въ состояніи произнести фразы. Но дворникъ понялъ, кого нужно надзирателю.

— Вонъ тамъ сидятъ.... въ саду.... сказалъ онъ.

Григорій Платонычъ бросился въ садъ. Григорій Иванычъ Бурсистый сидѣлъ у небольшаго круглаго столика подъ деревомъ; передъ нимъ раскрытъ былъ толстый лексиконъ Кроне-

берга, съ пожелтѣвшими страницами и съ стертыми во многихъ мѣстахъ буквами.

— А я къ вамъ, Григорій Иванычъ, едва проговорилъ Трухченко, садясь на траву подлѣ столика. — Сейчасъ у меня былъ, да сію минуточку, вотъ только что ушелъ, только — только-что ушелъ Петръ Сергѣичъ Колтунъ....

— Да. Ну? произнесъ серьёзнѣйшій Бурсистый.

— Колтунъ, помѣщикъ здѣшній, продолжалъ надзиратель.— Былъ у меня.... былъ у господина директора.... и тотъ ему сказалъ, послалъ его ко мнѣ.... Онъ, говоритъ, человѣкъ добрый и все этакое....

— Да. Ну?

— Сынъ у него въ гимназію поступаетъ, ну и господинъ директоръ самъ адресъ написалъ, своею рукою.... Ко мнѣ его послалъ.... «Онъ» (то есть это я, видите ли) говоритъ, «какъ за роднымъ сыномъ присмотритъ».

— Да. Ну?

— Вотъ я къ вамъ, Григорій Иванычъ, какъ вы мнѣ посовѣтовали бы?... Взять или не взять? Оправдать ли надежды господина директора.... ну и потомъ все этакое.... вразумлять мальчика.... Самъ господинъ директоръ своею рукою написалъ адресъ.... «Онъ», говоритъ (то есть про меня это), «за вашимъ сыномъ присмотритъ, я, говоритъ, ужь самъ знаю его; самъ, говоритъ, знаю».... о! видите, самъ знаю его. Такъ я вотъ, Григорій Иванычъ и думаю: взять мальчика къ себѣ на квартиру, тѣмъ болѣе, что и надежды господина директора.... такое вниманіе, что ни говорите.

— Да, да, задумчиво произнесъ Бурсистый: — надо дорожить.... точно, надо дорожить, точно.... потому большая рекомендація.... самъ господинъ директоръ....

— Я думаю рѣшиться, Григорій Иванычъ, не утерпѣлъ надзиратель: — рѣшительно думаю рѣшиться.

— Да, конечно, конечно.... рѣшайтесь. Только вѣдь вотъ что, вѣдь вы, Григорій Платонычъ, совсѣмъ не умѣете дѣтей воспитывать, да!

— Какъ не умѣю, Григорій Иванычъ?

— Да такъ и не умѣете, вотъ какъ.

— То есть это почему же такъ? спросилъ немного обидѣвшись Трухченко.

— А потому что не умѣете. Я ужь вамъ говорю правду, вы мнѣ повѣрьте, Григорій Платонычъ.

— Нѣтъ, не повѣрю, Григорій Иванычъ, рѣшительно не повѣрю, противорѣчилъ задѣтый за-живое надзиратель.—Я вотъ и въ гимназіи ужь сколько лѣтъ, а обо мнѣ не могутъ ничего сказать худаго дѣти, не могутъ, не могутъ, Григорій Иванычъ, рѣшительно не могутъ.... Я стараюсь, Григорій Иванычъ, рѣшительно стараюсь, всѣми силами стараюсь и не могутъ обо мнѣ дурнаго сказать.

— Могутъ, Григорій Платонычъ.

— Да Господь съ вами, — что это вы, Григорій Иванычъ!

— А то, что правду говорю, — вотъ что, да. Что другое, а объ этомъ всегда скажу, что не умѣете.

— Да въ чемъ же? Да какъ же?

— Да во всемъ, Григорій Платонычъ, во всемъ. Съ дѣтьми строгость нужна, неумолимая строгость, такъ сказать, строгая строгость, а у васъ этого нѣтъ.... Слышите, Григорій Платонычъ, самаго главнаго нѣтъ. Ну, а безъ этого ужь, какъ тамъ себѣ хотите....

— Да позвольте же, Григорій Иванычъ, какая именно строгость, вотъ что? У меня вѣдь и строгость есть, да вѣдь это рѣдко нужно, очень рѣдко. Надо все больше ласкою, Григорій Иванычъ, все больше ласкою.... Это лучше.

— Хуже.

— Лучше, Григорій Иванычъ, ей-богу лучше; я вѣдь не по пристрастію какому нибудь говорю, а только лучше.

— Такъ позвольте же, кончимъ мировою: предположимъ, что вашъ этотъ воспитанникъ укралъ бы у васъ что нибудь. Что бы вы дѣлали?

— Я? что бы я сдѣлалъ? Ну, я позвалъ бы его къ себѣ въ комнату, сказалъ бы ему, что грѣшно и стыдно такъ дѣлать, хорошенько бы такъ разсказалъ....

— А еслибъ во второй разъ укралъ?

— Да что вы все такое говорите!

— Ну, еслибъ, еслибъ, Григорій Платонычъ?

— Тогда бы я сдѣлалъ ему самый строгій выговоръ, самый, самый строгій.... Сказалъ бы, чтобъ онъ и обѣдалъ безъ меня, и чай пилъ.... и все вотъ этакое.

— Только-то?

— Только, только, Григорій Иванычъ.

— Ну, вотъ видите—вотъ и не умѣете, Григорій Платонычъ... А я бы его на первый разъ посѣкъ.... такъ, отеческимъ образомъ.... а во второй бы разъ выпоролъ.... да такъ бы выпоролъ, что онъ бы у меня долго помнилъ и не сталъ бы болѣе красть. Нѣтъ ужь, Григорій Платонычъ, только испортите вы мальчика; не намъ съ вами чужихъ дѣтей воспитывать.

— Да вѣдь онъ у меня какъ родной будетъ, какъ своего собственнаго, кровнаго стану воспитывать, Григорій Иванычъ. Вѣдь онъ и любить меня будетъ, какъ роднаго отца, я знаю, что будетъ.

— Увидимъ.

— Вѣдь я о немъ буду стараться, заботиться, вѣдь радость будетъ какая, когда хорошо курсъ окончитъ. Господи Боже мой, да я и не знаю, какъ радъ буду!... Притомъ же вѣдь и оправдать вниманіе господина директора....

— Да, вотъ развѣ это только.... Дѣйствительно рекомендація значительная, стоющая, стоющая хлопотъ.

— Такъ я и рѣшусь, Григорій Иванычъ.

— Да, да, ужь что же дѣлать? Рѣшайтесь, Григорій Платонычъ.

— Вѣдь я буду стараться, Григорій Иванычъ; если и выйдетъ что не такъ.... то есть, если, сохрани Боже, и не хорошо что выйдетъ; такъ вѣдь моя совѣсть будетъ спокойна, я буду прилагать всѣ усилія, ну и, Богъ дастъ, успѣю.... Вѣдь что же? Вѣдь я уже для себя пожилъ довольно, дѣтками Богъ не порадовалъ,—что жь дѣлать! Его святая воля! А вѣдь я, Григорій Иванычъ, другимъ хочу пользу оказать, для другихъ пожить.... Можетъ, я и несчастливъ въ молодости оттого былъ, что все для одного себя жилъ, можетъ и наказалъ Богъ за то..., А теперь вотъ и случай такой есть. Нѣтъ, Григорій Иванычъ, я рѣшительно рѣшаюсь.... Завтра же дамъ согласіе. Потому, вѣдь я же одинокій, Григорій Иванычъ....

— Дайте-ко табачку, Григорій Платонычъ, проговорилъ Бурсѣистый, перебивая восторженную рѣчь надзирателя. Тѣмъ и кончился ихъ разговоръ.

На другой день во дворъ Трухченко снова ввалился Колтунъ съ своимъ «Николашкой». Услышавъ о согласіи Григорія Платоныча, Колтунъ подробно разсказалъ о воспитаніи сына.

— Вѣдь онъ у меня молодецъ, прибавилъ онъ:—вы не того.... вы не смотрите, что онъ такой сморчокъ.... Онъ у меня вы-

школенъ, знаетъ свое дѣло.... Такъ-то-съ.... Николашка, а ты, братъ, того.... слушайся Григорія Платоныча да люби его, какъ отца роднаго. Вотъ это тебѣ на двугривенный. А то вотъ у Григорія Платоныча будетъ твоихъ пять рублей. Понадобится, такъ попросишь, скажешь на что нужно. А вы съ нимъ не того.... обратился онъ къ надзирателю: — не церемоньтесь. Онъ вотъ въ пятый классъ поступаетъ, а розочекъ еще недавно попробовалъ. Помнишь, Николашка? Славная была баня!...

Григорій Платонычъ ужасно сконфузился.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же.... говорилъ онъ въ смущеніи: — мы не будемъ такъ съ Николашей, мы будемъ дружно жить. Вотъ я и комнатку вамъ покажу.... Славная комнатка, спокойная; любимая моя комнатка.... Здѣсь жила.... Ну, да вообще очень, очень любимая моя комнатка.

Однимъ словомъ, Николаша поселился на другой же день у Григорія Платоныча. Это былъ мальчикъ, какъ уже сказано, лѣтъ четырнадцати; но на видъ и этого нельзя было дать ему: маленькій, съежившійся, съ бѣлыми волосами, остриженными подъ гребенку, онъ, казалось, только что еще вступалъ въ гимназію въ первый классъ. Впрочемъ, какъ только Трухченко узналъ объ обманѣ, произведенномъ наружностью Николаши, прежде всего почувствовалъ къ нему уваженіе: «такой маленькій», думалъ онъ: «а уже въ пятомъ классѣ!» Григорій Платонычъ отвелъ ему Сашину комнатку и по нѣскольку разъ въ день забѣгалъ туда, посмотрѣть, что дѣлаетъ Николаша, не скучаетъ ли по родному дому, не плачетъ ли. Какъ бы ему хотѣлось, чтобъ мальчикъ поскорѣе привыкъ къ нему, не дичился бы, полюбилъ бы надзирателя!... А Николаша, какъ нарочно, на всѣ его вопросы отвѣчалъ: «да-съ» или «нѣтъ-съ», какъ ласково и привѣтливо ни разговаривалъ съ нимъ Трухченко. Онъ, повидимому, былъ запуганъ, даже можетъ быть забитъ, и потому не съ разу поддавался ласкамъ Григорія Платоныча. Но дни проходили; Трухченко какимъ былъ, такимъ и остался въ отношеніи къ Николашѣ, и мальчикъ день ото дня становился сговорчивѣе, сообщительнѣе, развязнѣе, что доставляло надзирателю невыразимое наслажденіе; онъ, съ своей любящей, вѣчно ищущей симпатіи, натурой, успѣлъ уже привязаться душой и тѣломъ къ маленькому Колтуну. Проходили каникулы, наступало время занятій. Надзиратель съ гордостію повелъ въ гимназію Николашу, съ гордостію показалъ онъ его всѣмъ учителямъ, а Бурси-

стому въ особенности и, не придавая, какъ будто, особенной важности словамъ своимъ, прибавилъ:

— Уже въ пятомъ классѣ!...

— А!... произнесъ Бурсистый.

И потекла новая жизнь Григорія Платоныча. А она дѣйствительно была новая. Онъ на нѣкоторое время прекратилъ даже любимую свою охоту за рыбой, а все наблюдалъ, слѣдилъ, не нужно ли чего нибудь Николашкѣ, не безпокоитъ ли его что-нибудь, и даже запретилъ Матренѣ по воскресеньямъ рубить въ кухнѣ мясо для котлетъ — очень слышно въ комнату Николаши. Онъ всѣми силами старался подружить его съ нѣкоторыми товарищами, чтобы не было одному скучно—и Николаша, казалось, полюбилъ таки надзирателя. Дѣло въ томъ, что онъ не вѣрилъ ласкамъ Григорія Платоныча. Какъ оказалось уже послѣ, это былъ, дѣйствительно, забитый мальчикъ, учившійся изъ-подъ суковатой палки Петра Сергѣича Колтуна, да изъ подъ розогъ бывшаго своего инспектора. Кажется понятно, почему онъ и въ Григоріи Платонычѣ думалъ встрѣтить строгаго надзирателя, съ постоянно вооруженными руками. Послѣ долгихъ испытаній, ловкихъ, хитрыхъ, на которыя способенъ только ученикъ, доведенный постоянными побоями до пятаго класса гимназіи, Николаша увидѣлъ наконецъ, что Трухченко не «ихъ» десятка, что его бояться нечего, и потому сталъ гораздо разговорчивѣе, смѣлѣе съ Григоріемъ Платонычемъ. Чтобы еще болѣе упрочить за собою добродушіе и привязанность надзирателя, онъ сталъ называть его «дяденька» и цаловать ему руку послѣ чая, обѣда, ужина, на что, впрочемъ, Григорій Платонычъ долго и долго не соглашался. Это былъ хитрый и въ высочайшей степени скрытный мальчикъ, одинъ изъ тѣхъ, которые на первый разъ способны разжалобить всякаго своей фигурой; которые тогда только отлично отвѣчаютъ заданный урокъ, когда товарищъ подставитъ на передней скамьѣ раскрытую книгу; которые переходятъ изъ класса въ классъ, если не перемѣшаются подложенные или ловко подмѣченные билеты на экзаменѣ. Но билеты рѣдко мѣшаются, а товарищъ не смѣетъ не подставить книги, потому что въ противномъ случаѣ получитъ «лупку», а если пожалуется, то и во второй, а въ третій разъ еще такую же, если не сильнѣе. И вотъ какимъ образомъ переталкивался изъ класса въ классъ Колтунъ. Однако же Григорій Платонычъ ничего этого не зналъ, да и не повѣрилъ бы подобнаго рода наговорамъ, еслибы они откуда ни-

будь дошли до слуха надзирателя. Онъ видѣлъ, какъ Колтунъ привязался къ нему, какъ онъ прилежно читаетъ книги и приготовляется къ классамъ, какъ онъ чистосердечно благодаритъ его за чай, ужинъ, обѣдъ, желаетъ ему спокойной ночи, поздравляетъ съ добрымъ утромъ—словомъ, Григорій Платонычъ былъ отуманенъ первымъ впечатлѣніемъ ловкаго, «вышколеннаго» мальчика и готовъ былъ стоять за него горою. Онъ очень часто ѣздилъ съ нимъ на рыбную ловлю и научилъ его не хуже себя вытаскивать жирныхъ окуней; онъ полюбилъ его, какъ только можетъ любить отецъ своего единственнаго сына; ему онъ отдалъ всѣ свои удобства, спокойствіе, всѣ свои радости и надежды.

Такъ прошло около го́да, и въ теченіе всего года Григорій Платонычъ жилъ однимъ только Николашей. Мальчикъ учился порядочно, или, говоря другими словами, баллы у него по всѣмъ предметамъ стояли порядочные, благодаря добрымъ товарищамъ, которые ловко подставляли ему книги при отвѣтѣ уроковъ; какъ нарочно природа его наградила отличнымъ зрѣніемъ: онъ могъ читать черезъ двѣ скамьи. Григорій Платонычъ жилъ все-таки больше надеждою.

«Вотъ», думалъ онъ иногда, сидя у себя въ спальнѣ: «буду стараться о немъ, заботиться.... Тамъ курсъ окончитъ, спасибо скажетъ.... Служить тоже будетъ, пользу принесетъ отечеству.... Ужь я что!... Куда я самъ теперь гожусь!... Пусть онъ за меня....

И Григорій Платонычъ, послѣ подобнаго рода размышленій, отправлялся обыкновенно въ комнату Колтуна.

— Ну что, Николаша, вотъ экзамены скоро.... Ты не боишься, а? спрашивалъ онъ.

— Конечно не боюсь, дяденька!... Чего же мнѣ бояться! отвѣчалъ Николаша съ увѣренностью. — Я вотъ теперь съ товарищами занимаюсь, вмѣстѣ къ экзамену приготовляемся.... Вотъ и сегодня пойду.

— Ну хорошо, хорошо — пойди съ Богомъ, пойди.... Вотъ Богъ дастъ, перейдешь въ шестой классъ, тамъ въ седьмой, а тамъ....

И Григорій Платонычъ улыбался самой добродушной улыбкой.

— Тамъ и курсъ кончишь, прибавлялъ онъ.—Вотъ радость-то будетъ, Николаша, а?

— Да, дяденька, я радъ буду, какъ курсъ окончу.

Однажды Колтунъ пришелъ домой весь въ слезахъ; онъ вошелъ въ комнату Григорія Платоныча.

— Дяденька, миленькій, голубчикъ, началъ онъ: — меня хотятъ исключить изъ гимназіи.

Григорій Платонычъ остолбенѣлъ.

— Какъ?... Что?... За что? спрашивалъ онъ, едва вѣря ушамъ своимъ.

Николаша сталъ ему разсказывать плаксивымъ голосомъ, перерывалъ разсказъ свой слезами.

— Я съ товарищами приготовлялся къ экзамену; вмѣстѣ на сѣнникѣ сидѣли, а одинъ товарищъ папироску курилъ.... Я совсѣмъ не курилъ папироски, а инспекторъ вошелъ туда, на сѣнникъ и сказалъ, что я курилъ папироску. Я сказалъ, что это не я курилъ папироску, а онъ сказалъ, что исключитъ меня изъ гимназіи.... А я ей–богу невиноватъ ни въ чемъ; это другой ученикъ курилъ папироску, а я совсѣмъ и курить не умѣю, никогда папироски не бралъ въ руки.... Инспекторъ сказалъ, что завтра же велитъ исключить меня.... Я, дяденька, совсѣмъ ни въ чемъ невиноватъ.... Дяденька, голубчикъ, заступитесь за меня. Я ей-богу, клянусь вамъ Богомъ, невиноватъ....

Николаша повалился на колѣни предъ надзирателемъ. Григорій Платонычъ кое-какъ оправился. Онъ мигомъ натянулъ форменный вицъ-мундиръ, набросилъ на голову фуражку и опрометью побѣжалъ къ инспектору.

— Максимъ Максимычъ.... Помилуйте.... Господь съ вами! проговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ инспектора. — Да побойтесь вы Бога!... Да за что вы хотите убить мальчика и меня съ нимъ вмѣстѣ?—Губы его тряслись, лицо горѣло, и весь онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Инспекторъ сейчасъ догадался въ чемъ дѣло.

— Помилуйте, Григорій Платонычъ, сказалъ онъ спокойно: — да вашъ жилецъ богъ–знаетъ какія вещи дѣлаетъ.... Я уже давно замѣтилъ, что онъ шалунъ, все только не было удобнаго случая поймать его. Сегодня вдругъ прихожу на сѣнникъ (и кто это позволилъ имъ туда забираться) — и вижу: вашъ лежитъ на сѣнѣ и куритъ папироску.

— Это не онъ, Максимъ Максимычъ, ей-богу не онъ!... Я готовъ головою отвѣчать, что это не онъ.

— Постойте, дайте же мнѣ договорить.... Только что уви–

дѣлъ онъ меня — папироску въ сѣно. Хорошо еще, что я успѣлъ погасить.... Сталъ я ему выговаривать, а онъ началъ такіе дерзости говорить, какихъ я отроду не слыхивалъ.... Помилуйте, на что же это похоже! А вѣдь это все на васъ надѣясь, зная, что вы заступитесь.... Охота вамъ, Григорій Платонычъ, держать у себя такого мерзавца. И какъ вы до сихъ поръ не можете замѣтить, какой онъ мерзавецъ.

— Максимъ Максимычъ! Позвольте!... Позвольте, Максимъ Максимычъ; онъ не мерзавецъ — ужь это я лучше знаю, ужь про это вы мнѣ не говорите, я вотъ уже годъ съ нимъ живу, я знаю его, знаю такъ, какъ самого себя, какъ свои пять пальцевъ знаю. Ужь это вы мнѣ не говорите, Максимъ Максимычъ, онъ не мерзавецъ, нѣтъ, нѣтъ!...

— А кто, мѣсяца два тому назадъ, окно выбилъ въ гимназіи? Тоже скажете не онъ? Ужь я тогда не хотѣлъ дѣла затѣвать.

— И тогда не онъ, не онъ, Максимъ Максимычъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ скажу, что не онъ. И теперь тоже не онъ.... Готовъ голову дать на отрѣзъ.

— Да помилуйте же, Григорій Платонычъ; что же вы мнѣ говорите, когда я собственными глазами видѣлъ. Что же я ослѣпъ что ли, тогда? Понимаете ли вы: собственными своими глазами видѣлъ.... Чего же вамъ еще надо? Или вы мнѣ вѣрите меньше, чѣмъ ему?

— Онъ меня никогда не обманывалъ, ни разу не обманулъ, ни одного разу.

— Такъ значитъ вы ему больше вѣрите?

— Да, больше, больше, Максимъ Максимычъ, больше. Вы могли ошибиться, а онъ не можетъ.

— Григорій Платонычъ, да что-же это такое? Неужели-же вы хотите со мной ссориться?

— И поссорюсь, Максимъ Максимычъ, потому что вы не имѣете права исключать, губить невиноватаго мальчика.

— Постойте же; что же по вашему выходитъ (успокойтесь—скажите не горячась)—я тоже ослышался, когда онъ дерзости мнѣ говорилъ, когда онъ почти ругалъ меня?

— Если и говорилъ, такъ оттого, что чувствовалъ себя невиноватымъ, чистымъ.

— Ну знаете что, идите-ко теперь домой; а завтра погово-

римъ хладнокровнѣе объ этомъ, можетъ и сойдемся какъ нибудь.

— Нѣтъ, Максимъ Максимычъ, я не пойду, пока вы не скажете, что онъ невиноватъ.

— Да понимаете ли вы наконецъ, что я не могу сказать этого, не могу, не могу — потому что видѣлъ и слышалъ собственными глазами и ушами.... Понимаете вы это?

Инспекторъ тоже сталъ горячиться.

— Такъ вы, Максимъ Максимычъ, рѣшительно не скажете этого? Такъ таки рѣшительно не скажете?

— Не скажу.

Трухченко поблѣднѣлъ и едва держался на ногахъ; губы его уже не дрожали, а какъ будто подергивались судорогами.

— Такъ вы же....под.....лецъ....

— Что — что — что?

— Подлецъ, подлецъ, подлецъ! Вотъ что!

Трухченко, не помня себя, выбѣжалъ изъ квартиры инспектора, добѣжалъ кое-какъ до своего домика и слегъ въ постель. Дня черезъ три онъ получилъ отъ директора предложеніе — подать въ отставку.

Между тѣмъ исторія эта быстро разнеслась между всѣми служащими при гимназіи учениками. Въ средѣ послѣднихъ она украсилась различными подробностями, болѣе или менѣе интересными. Николаша, считая себя героемъ ея и сознавая, что онъ живетъ у настоящаго героя, вралъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ; говорилъ, напримѣръ, что Григорій Платонычъ далъ оплеуху инспектору, что тотъ схватилъ было стулъ и хотѣлъ броситься на надзирателя, но въ это время выбѣжала съ дѣтьми инспекторша... — и такъ далѣе, и такъ далѣе... И, главное, увѣрялъ съ страшной божбой, что все это онъ лично слышалъ отъ самого Григорія Платоныча.

Болѣе всѣхъ поразилъ этотъ случай учителей, и преимущественно Буренстаго. Онъ рѣшительно не могъ понять, какимъ образомъ такой добрый, тихій, скромный Григорій Платонычъ могъ рѣшиться на такое дѣло!.... И имъ стало ужасно жаль его. Они понимали причину его поступка, вытекающаго изъ слѣпой любви къ Николашѣ, и старались поправить хоть одну сторону дѣла.... Ихъ стараніями Николаша оставленъ въ гимназіи и ему позволено держать экзаменъ.

Григорій Платонычъ все еще лежалъ въ постелѣ. Онъ съ за-

мирающимъ сердцемъ ожидалъ экзаменовъ. Онъ забылъ и о своей болѣзни и объ отставкѣ; всѣ его мысли сосредоточились исключительно на Николашѣ. А Николаша чрезвычайно ловко пользовался болѣзнью надзирателя: онъ почти не сидѣлъ дома, все пропадалъ гдѣ нибудь. Только вечеромъ заходилъ онъ въ спальню Григорія Платоныча, съ притворнымъ участіемъ спрашивалъ о его здоровьѣ и безсовѣстно вралъ, отвѣчая на вопросы надзирателя—гдѣ и какъ проводилъ онъ день. Наступилъ первый экзаменъ. Григорій Платонычъ все порывался отправиться въ гимназію, но его едва удержали. Николаша отлично кончилъ первые два экзамена. Наступилъ третій и четвертый въ одинъ день—математика и исторія. Григорій Платонычъ не выдержалъ. Онъ зналъ, что за комнатой, гдѣ назначено присутствіе, есть еще одна комната, сообщающаяся съ первой дверьми. Онъ, больной, слабый, ушелъ туда тайкомъ отъ доктора и Матрены, сѣлъ на стулъ у щелки и сталъ глядѣть.... Ученики выходили одинъ за другимъ: одни получали пятерки, другіе единицы, третьи даже нули. Приготовленные и подложенные заранѣе билеты, были замѣнены другими замѣтившимъ учителемъ и очень многіе ученики *нарывались*. Вотъ наконецъ вышелъ и Николаша. Онъ бойко и смѣло подошелъ къ столу съ разложенными билетами и взялъ одинъ изъ нихъ. Сердце Григорія Платоныча забилось; блѣдность покрыла лицо его; внутреннее волненіе захватывало дыханіе; сердце билось все сильнѣй, и сильнѣй.

— Ну–съ, началъ учитель математики:—скажите намъ о барометрѣ....

Николаша взялъ въ руку губку, подошелъ къ доскѣ и быстро сталъ вытирать ее: всѣ уголки, всѣ малѣйшія трещинки не были имъ забыты—доска блестѣла. Николаша откашлялся и началъ:

— О барометрѣ: возьмемъ свѣтящуюся точку S; проведемъ лучи (чертитъ лучи); пересѣчемъ ихъ перпендикулярною плоскостью (перссѣкаетъ). Линія AB равна линіи CD, потому что двѣ параллельныя линіи, находящіяся между двумя параллельными, равны между собою; потомъ возьмемъ....

— Что же это вы, съ недоумѣніемъ спросилъ учитель:—отвѣчаете о барометрѣ?

— Да–съ, съ увѣренностью сказалъ Николаша:—о барометрѣ.

— Возьмите другой билетъ; вы этого не знаете.

Николаша взялъ другой билетъ — результатъ былъ тотъ же; Николашѣ поставили нуль.

Пришла очередь отвѣчать ему изъ исторіи. Онъ взялъ билетъ—о тридцатилѣтней войнѣ.

— Тридцатилѣтняя война, началъ онъ, продолжалась ровно тридцать лѣтъ. Впрочемъ по однимъ источникамъ тридцать лѣтъ и три мѣсяца, а по другимъ тридцать лѣтъ безъ трехъ мѣсяцевъ. Такую точность времени трудно опредѣлить съ достаточною точностью. По всей вѣроятности обѣ враждующія стороны повоюютъ нѣсколько времени, потомъ перестанутъ, потомъ опять повоюютъ и опять перестанутъ. Иначе, если бы предположить, что онѣ воевали день и ночь всѣ тридцать лѣтъ, то тогда весь родъ человѣческій былъ бы истребленъ.

— Довольно, довольно, очень, очень хорошо, сказалъ директоръ.—Хотите брать другой билетъ?

— Да-съ, хочу, отвѣчалъ Николаша.

Второй отвѣтъ былъ въ такомъ же родѣ. И изъ исторіи онъ получилъ нуль.

Григорій Платонычъ все это видѣлъ и слышалъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, блѣдный, убитый, съ неподвижнымъ взоромъ, съ какой-то страшной полуулыбкой. Уже Николаша ушелъ давно изъ присутствія, уже разошлась большая часть учителей; остался только одинъ надзиратель пансіонеровъ, исправляющій должность класснаго; вотъ и онъ ушелъ, хлопнувъ дверью; громкое эхо раздалось по всѣмъ классамъ и замерло въ отдаленіи. Наконецъ Григорій Платонычъ всталъ, голова его закружилась; онъ снова опустился на стулъ и снова быстро поднялся. Комната съ потолкомъ и стѣнами ходила кругомъ. Трухченко вспомнилъ о чемъ-то, провелъ рукою по лбу и вытеръ холодный потъ. Потомъ опять сѣлъ и зарыдалъ громко. Что значили эти рыданія? Выражали ли онѣ жалобу на потерянное счастіе, или вылились такъ только, безсознательно? Кто знаетъ! Только надзиратель такъ рыдалъ, что самое сухое, самое черствое сердце повернулось бы, заслышавъ эти рыданія, завидѣвъ эти слезы пятидесятилѣтняго старика. Но ихъ никто не видѣлъ и не слышалъ, потому что стѣны не одарены чувствами зрѣнія и слуха.

Такъ прошло около часа. Григорій Платонычъ, шатаясь, вышелъ изъ гимназіи и направился къ набережной; домой ему не хотѣлось идти. Жара стояла страшная; было часа три по полудни. На небѣ ни облачка; какъ хрусталь простиралось оно ровной синевой безъ конца, безъ мѣста и времени. Солнце горѣло, а не сіяло; жгло, а не грѣло; воздухъ былъ мертво-непо-

движенъ. У берега толпились суда, но ни звука не разносилось съ нихъ—все спало.

Григорій Платонычъ сталъ ходить вдоль берега, въ обѣ стороны. Зачѣмъ онъ ходилъ? Если бъ спросили его самого, то и онъ не могъ бы отвѣтить, потому что самъ не зналъ, зачѣмъ онъ ходитъ. Жаръ спадалъ, жужжанье мухъ стало менѣе слышно, на берегу стали раздаваться голоса лодочниковъ,—Григорій Платонычъ все ходилъ и ходилъ. Вотъ ему попался на встрѣчу Бурсистый и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на бывшаго надзирателя.

— А, вы здѣсь! произнесъ онъ: —а я только-что былъ у васъ, да дома не засталъ... Вашъ-то, вашъ-то сегодня отличался; ну ужь признаюсь... Что же, не моя правда? Не намъ съ вами, Григорій Платонычъ, чужихъ дѣтей воспитывать...

— Знаю, все знаю!... какъ-то отчаянно, разбитымъ голосомъ проговорилъ надзиратель—и такимъ холодомъ повѣяло отъ словъ его!

Тогда только Бурсистый понялъ въ чемъ дѣло.

— Что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ онъ.—Пойдемте-ко ко мнѣ, да чайку напьемся въ саду,—что тутъ еще задумываться, да грустить... Пустяки!

— А думалъ я... думалъ сколько... тѣмъ же голосомъ продолжалъ надзиратель, и тѣмъ же холодомъ повѣяло отъ словъ его.—Надѣялся какъ... Охъ!.. Тогда горе... теперь горе... Куда же мнѣ!.. Зачѣмъ я? Что осталось?!..

— Да что тутъ! утѣшалъ Бурсистый.—Ну, вышелъ мерзавецъ—и кончено. Вѣдь я же вамъ тогда говорилъ.... Да вѣдь вы старались, заботились.

— Старался, заботился.... ночи не спалъ! съ одушевленіемъ проговорилъ Григорій Платонычъ; потухшіе глаза его засверкали и на блѣдномъ лицѣ появился какъ будто румянецъ.... Потомъ вдругъ взоръ его погасъ; мутными глазами повелъ онъ вокругъ себя, началъ попемногу всхлипывать и наконецъ разрѣшился рыданіями, горькими, безотрадными, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ въ пустой гимназической комнатѣ.

Проходящая мимо баба, низенькая, сухая, съ желтымъ, морщинистымъ лицомъ и коромысломъ на плечахъ, остановилась, съ изумленіемъ посмотрѣла на Трухченко, прошамкала: «Господи помилуй!» и пошла къ рѣкѣ набрать воды.

Тяжело, господа, разставаться съ тѣмъ, что привязывало человѣка къ жизни; тяжело, больно разочаровываться въ своихъ идеалахъ, особенно по нѣскольку разъ. Человѣкъ только и живетъ идеалами, онъ любитъ ихъ, носитъ ихъ въ сердцѣ.... Куда же онъ годенъ, когда эти идеалы нахально вырваны изъ груди, когда вѣра въ жизнь надломлена глупыми обстоятельствами, когда мѣсто ея заступило сомнѣніе, разочарованіе, и когда суровый голосъ необходимости, какъ погребальный колоколъ, звучитъ: «ты долженъ разстаться, ты долженъ разочароваться!...» И опять одинъ; одинъ, какъ ничтожная, едва замѣтная былинка, среди безграничнаго пространства степи, одинъ съ своимъ тяжелымъ, неразлучнымъ горемъ....

А Трухченко все рыдалъ.

— Ну полно же, полно, Григорій Платонычъ, полно!... утѣшалъ Бурсистый.—Что же, вѣдь.... ну.... вѣдь кончено.... все кончено.... Сядемъ-ка въ лодку, да проѣдемъ въ камыши.

Они сѣли въ лодку и отчалили отъ берега. Яликъ выбрался изъ лѣса мелкихъ судовъ и сталъ уходить все дальше и дальше, легко скользя по спинѣ Днѣпра, оставляя за собой едва замѣтную струю зыби. Лодка становилась все меньше и меньше; вотъ она мелькаетъ одною черною точкою на серебряной глади; вотъ она какъ будто совсѣмъ исчезла... потомъ опять мелькнула и скрылась въ отдаленіи.... Даже легкая зыбь, оставленная ею за собою, стала мало-по-малу сглаживаться, спадать и тоже исчезла... Солнце сѣло... какъ расплавленный и застывшій металлъ; снова потянулась въ даль ровная, невозмутимая гладь, прекрасная, но холодная и утомительно-однообразная, какъ жизнь одинокаго скитальца, по которой посторонній взоръ только скользитъ, ни на чемъ не останавливаясь, ни во что не всматриваясь....

П. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ПИСЬМА ОБЪ ОСТАШКОВѢ.

ОБРАЗЕЦЪ ГОРОДСКАГО УСТРОЙСТВА ВЪ РОССІИ.

Ни объ одномъ изъ уѣздныхъ великорусскихъ городовъ не было писано въ послѣднее время столько, какъ объ Осташковѣ. Всякій, кому случалось бывать въ этомъ городѣ, считалъ непремѣнною обязанностію печатно или изустно довести до всеобщаго свѣдѣнія о тѣхъ диковинахъ, которыя ему пришлось въ немъ увидать: о пожарной командѣ, библіотекѣ, театрѣ и проч., то есть, о такихъ предметахъ роскоши, о которыхъ другіе уѣздные города пока еще не смѣютъ и подумать. Всякій, посѣтившій это русское Эльдорадо, по мѣрѣ силъ и крайняго разумѣнія отдавалъ должную справедливость заботливости городскихъ властей, и хвалилъ жителей за примѣрное благонравіе. Затѣмъ, благородный посѣтитель не упускалъ случая поставить осташковскую мостовую и пожарную команду въ пику всѣмъ прочимъ уѣзднымъ городамъ русскаго царства, и намекнуть въ концѣ, въ видѣ правоученія, что почему бы, дескать, и другимъ городамъ не взять примѣра съ Осташкова и не завести у себя и то, и другое, и пятое, и десятое; желательно было бы..... и проч., какъ это обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ. Такого рода похвалы и совѣты, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлали честь благородному посѣтителю, обличая въ немъ желаніе наставлять нерадивые города на путь истины, но вмѣстѣ съ тѣмъ они отчасти и повредили Осташкову во мнѣніи прочихъ городовъ. Благородный посѣтитель, какъ будто нарочно, всегда старался изобразить Осташковъ какимъ-то благонрав-

нымъ мальчикомъ, у котораго и волосики гладко причесаны, и курточка не изорвана, и тетрадочки не закапаны саломъ, за что начальники его всегда хвалятъ и ставятъ въ примѣръ другимъ, нерадивымъ мальчикамъ, и за что товарищи его терпѣть не могутъ. Но если бы благородный посѣтитель потрудился дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ видѣлъ, и пожелалъ бы узнать причины — почему, напримѣръ, одинъ городъ сидитъ-себѣ по уши въ грязи, и грамотѣ даже учиться не хочетъ (какъ Камышинъ), а другой—безъ театра и библіотеки немыслимъ? Почему осташковская мѣщанка, кончивъ дневную работу (большею частію точаніе сапогъ), надѣваетъ кринолинъ и идетъ къ своей сосѣдкѣ, такой же сапожницѣ, и тамъ ангажируется какимъ нибудь галантнымъ кузнецомъ на туръ вальса, или идетъ въ публичный садъ слушать музыку; а какая нибудь ржевская или бѣжецкая мѣщанка, выспавшись вплотную на своей полосатой перинѣ, и выпивъ три ковша квасу, идетъ за ворота грызть орѣхи и ругаться съ сосѣдками? Почему вышневолоцкій сапожникъ сошьетъ сапоги изъ гнилаго товара, и еще на часокъ за это попроситъ; а осташковскій сошьетъ хорошіе сапоги и, вмѣсто чайку, попроситъ почитать книжечку? Почему осташъ называетъ себя гражданиномъ, а не Митькой, Прошкой и т. д.?

Если бы благородный посѣтитель задавалъ себѣ такіе вопросы и добился бы на нихъ положительныхъ отвѣтовъ, то, во-первыхъ, онъ пересталъ бы хвалить осташей за благонравіе и, во-вторыхъ, не сталъ бы укорять другихъ за нерадѣніе; потому что уже самое желаніе рѣшить эти вопросы — избавило бы осташей отъ похвалъ, отъ которыхъ имъ ни тепло, ни холодно, а жителей нерадивыхъ городовъ отъ нареканій, которыя имъ кажутся крайне оскорбительными и пользы видимо никому не приносятъ.

Осташковъ, дѣйствительно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ городовъ, даже единственный въ своемъ родѣ; но замѣчателенъ онъ вовсе не тѣмъ, на что, обыкновенно, туристы и хроникеры стараются обратить вниманіе публики. Осташковъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ уѣздныхъ городовъ; но не тѣмъ, что въ немъ есть театръ, мостовая и доморощенные музыканты-кузнецы, чѣмъ любитъ похвастаться осташковскій житель; не тѣмъ, потому что все это крайне плохо и не могло бы удовлетворить дѣйствительнымъ потребностямъ города,—если бы таковыя существовали и если бы всѣ эти учрежденія были вызваны именно *потребностями* развитаго общества. Благосостояніе Осташкова представляетъ чрезвычайно любопытное и поучительное явленіе въ русской городской жизни. Осташковъ, съ его загородными гуляньями, танцами и бесѣдками, можно разсматривать, какъ одну изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ картинъ-

игрушекъ, на которую потрачено много труда и денегъ, и на которой удивительно искусно изображенъ: рыбакъ съ удочкой, крѣпость, мальчики, идущіе въ школу, и барышня въ бесѣдкѣ, съ цвѣткомъ въ рукѣ. Все это чрезвычайно мило, и если завести ключомъ скрытый позади картины механизмъ, то рыбакъ начнетъ ловить рыбку, мальчики пойдутъ въ школу, а барышня и крѣпость останутся на мѣстѣ, и при этомъ можно будетъ слышать маршъ. Но какъ бы это ни было мило, тѣмъ не менѣе картина все-таки останется игрушкой, и будетъ только дѣлать честь и—главное—удовольствіе ея изобрѣтателю; что же касается людей, изображенныхъ на картинѣ, то имъ, надо полагать, ничего больше и не остается дѣлать, какъ ловить рыбу, ходить въ школу и сидѣть въ бесѣдкѣ. И если бы вдругъ рыбаку вздумалось посидѣть въ бесѣдкѣ, а мальчики сочли бы за лучшее заняться рыбной ловлей, то, вѣроятно, встрѣтили бы непреодолимыя препятствія, потому что такая перемѣна ролей не входила въ планъ изобрѣтателя, и самовольная отлучка съ указаннаго мѣста послужила бы признакомъ неисправности механизма.

Но, съ другой стороны, почему не предположить, что найдется еще искусникъ—и перехитритъ перваго, и сдѣлаетъ такую картину, на которой, вмѣсто рыбака, будетъ сдѣланъ турокъ, курящій трубку и двигающій глазами, барышня же хотя и будетъ, но не станетъ сидѣть въ бесѣдкѣ, а поѣдетъ на ослѣ и за ней побѣжитъ собачка, мальчики же, вмѣсто того, чтобы идти въ школу, будутъ плясать. Въ этомъ случаѣ все, какъ видно, зависитъ отъ искусства и фантазіи изобрѣтателя, и если переврать надлежащимъ образомъ извѣстное изрѣченіе Пиппетти, то можно будетъ довольно удачно выразиться о такихъ картинахъ или о такомъ городѣ, говоря слѣдующимъ образомъ: здѣсь нѣтъ жизни; здѣсь только механизмъ, пружинка и колесики. Доказательства тому читатель найдетъ въ письмахъ, которыя за этимъ слѣдуютъ.

Взглядъ на Осташковъ, метафорически высказанный выше, сложился не вдругъ, а выработался медленно, послѣ многихъ и самыхъ курьёзныхъ заблужденій, хотя у автора этихъ писемъ было въ рукахъ много средствъ доискаться истины и разрушать разнаго рода мистификаціи. Но все-таки хлопотъ и недоразумѣній было много, потому что механики не любятъ открывать секретовъ, доставившихъ имъ извѣстность, и принимаютъ строжайшія мѣры противъ непрошеннаго любопытства; въ чемъ читатель также будетъ имѣть случай убѣдиться ниже.

Авторъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

НАРУЖНОСТЬ ГОРОДА.

Третьяго дня, поздно вечеромъ, я пріѣхалъ въ Осташковъ и на другой же день пошелъ знакомиться съ городомъ и его жителями. На первый разъ мнѣ хотѣлось сдѣлать визиты разнымъ должностнымъ и другимъ лицамъ, пользующимися въ городѣ особеннымъ почетомъ; къ нѣкоторымъ же изъ нихъ у меня были и письма. Съ вечера привезли меня на постоялый дворъ (гостинницъ здѣсь нѣтъ), гдѣ дали мнѣ чистую, дѣйствительно очень чистую комнату съ постелью безъ клоповъ и съ отлично вымытымъ поломъ. Все было пошло хорошо. Встаю на другой день, посмотрѣлъ въ окно: дождь идетъ, грязь непроходимая на улицѣ; спрашиваю: есть ли у васъ извощики?—Нѣтъ извощиковъ. Чтожь я буду дѣлать? А раки есть? — есть. Надо замѣтить, что Осташковъ славится ракáми. Я заказалъ себѣ раковъ къ обѣду, а между тѣмъ отъ-нечего-дѣлать разговорился съ корридорнымъ.... или, не знаю какъ его назвать, однимъ словомъ, съ хозяйскимъ братомъ, который здѣсь въ домѣ занимается счетной частію, чиститъ сапоги, ставитъ самоваръ и проситъ на водку. Хозяйскій братъ — нѣкто Нилъ Алексѣевичъ, съ перваго же знакомства поразилъ меня изумительной юркостію движеній и необыкновеннымъ сходствомъ съ безсрочно отпускнымъ солдатомъ, хотя онъ просто-на-просто здѣшній мѣщанинъ и даже въ ратникахъ не бывалъ. Впослѣдствіи впрочемъ, сколько я ни замѣчалъ, осташковскіе мѣщане, или граждане, какъ они себя называютъ, всѣ отчасти смахиваютъ на отставныхъ солдатъ: бороду брѣютъ, носятъ усы, осанку имѣютъ воинственную и когда говорятъ, отвѣчаютъ — точно рапортуютъ начальнику. Вообще, дисциплина въ правахъ. Такъ вотъ, Нилъ Алексѣевичъ, къ крайнему сожалѣнію моему, сообщилъ мнѣ, что Ѳедоръ Кондратьевичъ (*) *уѣхатчи* въ Петербургъ и неизвѣстно когда вернутся, но что лучше всего понавѣдаться къ ихнему братцу и отъ него узнать о возвращеніи Ѳедора Кондратьевича. Всѣ же прочіе, кого мнѣ нужно было видѣть, были въ городѣ. Погода между тѣмъ начала поправляться, но все-таки на улицахъ было грязно, хотя я и жилъ на главной, такъ называемой каменной улицѣ. Сидя въ грустномъ уединеніи у окна и глядя на камни, потонувшіе въ грязи, я имѣлъ возможность самымъ очевиднымъ образомъ убѣдиться въ справедливости пословицы: славны бубны за горами, — до

(*) Савинъ, осташковскій городской голова

такой степени эти камни, обязанные изображать собой мостовую, дурно исполняли свою обязанность. Послѣ обѣда однако небо совсѣмъ прояснилось и я, несмотря на грязь, пошелъ бродить по городу. Осташковъ, какъ вамъ извѣстно, стоитъ на берегу озера Селигера, или, лучше сказать, Осташковъ стоитъ на полуостровѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ озеромъ; а такъ какъ городъ выстроенъ совершенно правильно и раздѣленъ на кварталы прямолинейными улицами, то вода видна почти отовсюду и притомъ озеро кажется какъ будто выше города, чему причиной служитъ низменность почвы. Городъ весь въ водѣ, и даже съ четвертой стороны у него огромнѣйшее болото. Надъ озеромъ стоитъ туманъ и дальніе берега чуть-чуть мелькаютъ: съ одной стороны виднѣются какія-то деревни, да нѣсколько опушанныхъ кустовъ; въ другую сторону, къ югу, лежатъ острова: Кличинъ, еще какой-то съ обвалившейся красильней; Житный монастырь тоже на островѣ. За этими островами темной полосою синѣетъ опять островъ—Городомля съ сосновымъ лѣсомъ, а за этимъ лѣсомъ уже невидно Ниловой пустыни. Населеніе расположилось въ разныхъ частяхъ города по промысламъ и ремесламъ; такъ что весь городъ можно разбить на три части. Если смотрѣть на Осташковъ съ сѣвера, т. е. съ материка, такъ, какъ онъ является каждому, въѣзжающему въ городъ, то увидимъ, что правую и лѣвую сторону его береговъ заняли рыбаки; южная окопечность полуострова, вдавшаяся въ озеро, застроена кожевенными заводами; въ центрѣ находится торговая площадь, присутственныя мѣста и кузницы; сапожники же разбросаны по всѣмъ остальнымъ улицамъ и переулкамъ, идущимъ во всѣ направленія. Такая сортировка по занятіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и потребностямъ каждаго ремесла или промысла, взятаго отдѣльно. Такъ, напримѣръ, рыболовный промыселъ, по существу своему естественно связанный съ озеромъ и требующій простора, занялъ двѣ трети всѣхъ береговъ, но такъ какъ и этого оказалось недостаточно, то невода и сѣти повисли надъ водой, потому что дома ихъ вѣшать негдѣ. Кожевенники же удовольствовались одной третью берега, доставшейся имъ отъ дѣлежа съ рыбаками, которые составляли первоначальное населеніе города,— и такъ какъ воды имъ нужно гораздо меньше, только бы она была подъ руками, то они и настроили себѣ разныхъ анбарчиковъ и клеваренъ на самой водѣ, на сваяхъ, и мочатъ кожи, почти не выходя изъ дому, только отворятъ двери и прямо въ озеро. Для кузнецовъ отведено открытое мѣсто внутри города, что впрочемъ нисколько не мѣшаетъ имъ замазывать сажей и углемъ сосѣднія улицы; отчего самая грязь на этихъ улицахъ имѣютъ свойство чернить сапоги даже безъ помощи ваксы. Близость кожевенныхъ заводовъ тоже легко узнается, во первыхъ, по кислому запаху и, во-вторыхъ, по кучамъ стараго и

уже негоднаго корья, разбросаннаго по этимъ улицамъ. (По поводу корья я буду имѣть случай разсказать впослѣдствіи одинъ очень любопытный анекдотъ объ осташковскомъ либерализмѣ, хотя повидимому между корьемъ и либерализмомъ не можетъ быть ничего общаго). Что же касается сапожниковъ, то, я полагаю, всѣмъ извѣстна невзыскательность ремесленниковъ, промышляющихъ сапожнымъ издѣліемъ; это особенно замѣтно въ Осташковѣ, гдѣ сапожничествомъ занимаются почти въ каждомъ домѣ, въ особенности женщины, и гдѣ это ремесло дастъ только-что насущный хлѣбъ, слѣдовательно объ удобствахъ тутъ и разговора быть не можетъ. Если есть $^1/_2$ аршина мѣста для скамейки, такъ будутъ и сапоги, или *осташи*, какъ ихъ называютъ.

Изъ перваго поверхностнаго обзора города въ этотъ день я извлекъ очень немного. Когда я вышелъ на торговую площадь, то прежде всего мнѣ бросилось въ глаза новенькое, деревянное строеніе, выкрашенное желтой масляной краской: *обжорный рядъ*. Подходя къ нему я слышалъ еще издали крикъ, и изъ любопытства заглянулъ туда. Въ проходѣ между лавками съ разнымъ съѣстнымъ товаромъ, торговки обступили двухъ проголодавшихся деревенскихъ мужиковъ, въ холстинныхъ кафтанчикахъ и въ низенькихъ настушныхъ лапткахъ, которыхъ я никогда прежде не видывалъ, и другъ передъ другомъ старались насовать имъ въ руки пироговъ съ рыбою, кренделей и еще какихъ-то драченъ; мужики, оглушенные и заваленные пирогами и драчепами, долго жмурились, отмахивались отъ торговокъ и старались отдѣлаться; но торговки не давали имъ выговорить слова и пироговъ назадъ брать не хотѣли; тогда мужики, потерявъ терпѣніе, плюнули, бросили пироги и ушли, а торговки стали браниться. Изъ опасенія, чтобы и меня не постигла та же участь, я поспѣшилъ скорѣе уйти и прямо изъ обжорнаго ряда попалъ на бульваръ. Но объ этомъ предметѣ мнѣ хочется разсказать подробнѣе. Бульваръ устроенъ дѣйствительно очень мило (онъ тянется отъ торговой площади по направленію дома городскаго головы — Савина) и содержится въ большомъ порядкѣ: березки всѣ подстрижены и съ подпорками, дорожки усыпаны пескомъ; даже сбоку придѣланъ небольшой прудъ съ крошечнымъ островочкомъ и на островочкѣ березка. На самой срединѣ бульвара по одну и по другую сторону стоятъ по два столбика, выкрашенные бѣлой краской; на столбикахъ очень искусно сдѣланы ерши, по три ерша на каждомъ, всего: трижды-четыре — двѣнадцать ершей на бульварѣ; на самой же верхушкѣ каждаго столбика сдѣлана деревянная же урна съ краснымъ пламенемъ очень натурально. Рѣщики въ Осташковѣ свои, такъ оно и неудивительно. Одно только меня нѣсколько затруднило: при входѣ на бульваръ въ маленькихъ воротцахъ

устроено что-то въ родѣ капкана, или лабиринта, такимъ образомъ, что прежде, нежели попасть на бульваръ, необходимо пройти между барьеромъ направо, потомъ налѣво, потомъ назадъ, а потомъ ужь можно выбраться и на бульваръ; такъ что если человѣкъ съ нетерпѣливымъ характеромъ случайно встрѣтится въ этихъ термопилахъ съ другимъ нетерпѣливымъ человѣкомъ и ни одинъ не захочетъ уступить другому, то по всей вѣроятности долженъ произойти скандалъ; но бульварныхъ капкановъ въ Осташковѣ никто еще не ломалъ и о такихъ случаяхъ здѣсь не слышно, изъ чего прямо можно заключить, что нетерпѣливыхъ людей въ городѣ нѣтъ, а если и есть, то они на бульваръ не ходятъ, также какъ и осташковскія коровы, для которыхъ собственно и назначены эти лабиринты.

Впрочемъ, занявшись бульваромъ, я забываю о другихъ осташковскихъ рѣдкостяхъ, а онѣ здѣсь на каждомъ шагу. Съ бульвара, или, лучше сказать, съ площади,—потому что бульваръ на площади,—по прямому направленію идетъ улица на строющуюся пристань; тутъ же въ базарные дни производится торговля на лодкахъ деревянной посудой, корзинами и овощами, привозимыми крестьянами прибрежныхъ деревень. Пристань съ маленькимъ моломъ строится изъ булыжника и известняка, которымъ изобилуетъ осташковскій уѣздъ, но строится, какъ видно, очень медленно по недостатку средствъ, или, не знаю почему. Кромѣ этой пристани, въ городѣ есть еще нѣсколько малыхъ пристаней съ деревянными плотами для причала. Такъ какъ погода поправилась, то на озерѣ и у береговъ показались лодки, въ которыхъ большею частію женщины исполняли должность гребцовъ. Недалеко отъ главной площади, на берегу, видѣлъ я театръ — большое, но неуклюжее зданіе, передѣланное изъ кожевеннаго завода. А тамъ по южному берегу пошли уже вплоть все заводы, совсѣмъ выѣзшіе въ озеро. Въ одномъ мѣстѣ даже капуста посажена на пловучемъ огородѣ. Сюда ближе къ центру показался соборъ съ безобразнѣйшей колокольней въ видѣ столба; рядомъ съ соборомъ, такъ называемый «публичный садъ». Я было сунулся ко входу, — опять капканъ! и опять ерши! Въ саду оказалось деревъ больше, нежели на бульварѣ, есть и скамейки, павильонъ, въ которомъ играетъ иногда доморощенная музыка и еще какія-то особеннаго устройства длинныя скамейки *для простаго народа*, на которыхъ можно очень весело проводить время, покачиваясь какъ на рессорахъ. Тутъ же, въ саду, я встрѣтилъ одиноко гуляющую козу, которая вѣроятно не затруднилась входомъ и просто на просто перескочила черезъ перегородку; изъ чего я вывелъ уже положительное заключеніе, что козы не входили въ разсчетъ при устройствѣ лабиринтовъ, которые исключительно предназначены для коровъ. Выбравшись безъ особенныхъ приключеній изъ публичнаго са-

да, я пошелъ по главной улицѣ, въ этомъ мѣстѣ почему-то высыпанной пескомъ, и вдругъ завидѣлъ большое каменное зданіе, краснаго цвѣта, съ палисадникомъ; на главномъ фасадѣ двѣ вывѣски: на одной, побольше и повыше, написано золотыми буквами: *Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина*, а на другой, поменьше и пониже: *училище для дѣвицъ* (основанное Воронинымъ, — какъ я узналъ впослѣдствіи). Я обошелъ зданіе съ двухъ сторонъ и заглянулъ на дворъ: и тамъ все очень удобно устроено, чистота изумительная, дворъ вымощенъ; для дровъ даже сдѣлано особое помѣщеніе. У самыхъ воротъ стоитъ ящикъ въ родѣ бюро; я полюбопытствовалъ взглянуть внутрь его и нашелъ тамъ солому. Какая-то дѣвочка, выходившая въ это время изъ дома благотворительныхъ заведеній, объяснила мнѣ, что ящикъ этотъ выставляется на ночь за ворота для подкидышей, для этой же цѣли и колокольчикъ проведенъ отъ воротъ въ странно-пріимное отдѣленіе.

— Ребеночка въ ящикъ положатъ и дернутъ за колокольчикъ; оттуда сейчасъ выйдутъ и возьмутъ ребеночка, — объясняла мнѣ чрезвычайно бойко дѣвочка, причемъ я могъ замѣтить, что она въ кринолинѣ и въ рукахъ у ней книга. Дѣвочка опрятная, съ воротничкомъ и въ бѣломъ фартукѣ, но что-то блѣдна ужь очень. Впрочемъ, сколько я ни встрѣчалъ сегодня женщинъ, — всѣ ужасно худы и блѣдны.

— Вы, душенька, изъ училища? спрашивалъ я дѣвочку.

— Изъ училища-съ.

— Можно туда взойти, посмотрѣть?

— Можно-съ.

— А гдѣ найти смотрителя?

— Онъ теперь въ классѣ-съ.

— И долго тамъ пробудетъ?

— Часа полтора просидитъ-съ.

Я простился съ дѣвочкой и пошелъ дальше, предполагая зайти въ училище часа черезъ полтора. Мнѣ хотѣлось воспользоваться хорошей погодой и обойти по крайней мѣрѣ правую сторону полуострова. Но какое же здѣсь множество часовенъ! Считалъ, считалъ и счетъ потерялъ. Иду къ окончности города, вдавшейся въ озеро и безсознательно читаю билеты на воротахъ: Савина, и по другую сторону Савина, опять Савина и еще Савина, и такимъ образомъ вплоть до самой дамбы, ведущей изъ города на Житный островъ. Подхожу къ воротамъ, — опять капканъ! Чтожь это значитъ? Неужели же и въ монастырь коровъ не пускаютъ? Повертѣлся, повертѣлся я тутъ у входа, однако прошелъ и очутился опять на бульварѣ, а бульваръ этотъ въ сущности дамба-то и есть; отличная насыпь, укрѣпленная съ обѣихъ сторонъ сваями и дикимъ камнемъ; на половинѣ насыпи сдѣланъ про-

ливъ, черезъ который ведетъ красивый деревянный мостъ. Взошелъ я на мостъ — опять ерши на столбахъ! А какой видъ съ моста на городъ, особенно теперь, когда солнце ударяетъ прямо въ эти заливчики, застроенные разнымъ заводскимъ строеніемъ и наполненные лодками. Рыбакъ, стоя въ лодкѣ, развѣшиваетъ на кольяхъ сѣти; прибрежные крестьяне разъѣзжаются съ базара; двѣ бабы везутъ мужика и работаютъ веслами совсѣмъ не по-бабьи: видно, что онѣ выросли на водѣ; но за то мужикъ, возвращающійся съ базара подъ хмѣлькомъ, знать ничего не хочетъ; легъ себѣ на какіе-то мѣшки, которыми нагружена лодка, — и ругается на-чемъ-свѣтъ-стоитъ. Однако бабы въ обиду не даются и очень ловко плещутъ на него весломъ и всего обдаютъ водою, отчего мужикъ начинаетъ еще хуже ругаться, а бабы хохочутъ. На берегу между тѣмъ кто-то вышелъ изъ двери, ведущей съ завода прямо въ озеро, опустилъ въ воду крюкъ и вытащилъ оттуда мочившуюся шкуру. Лѣвѣе, виденъ гористый и пустынный Клячинъ, невдалекѣ отъ него торчитъ изъ воды огромный камень, похожій на лодку; за камнемъ мелькаетъ парусъ, чайки вьются надъ озеромъ. Однако нужно еще поспѣть въ монастырь. Подхожу къ Житному острову, — при входѣ опять ерши! Да когда же это кончится? Впрочемъ на столбахъ, кромѣ ершей, надписи. На правомъ написано:

— «Покорнѣйше просятъ цвѣтовъ и деревьевъ не ломать и собакъ не водить».

— «Кто нарушаетъ правила, установленныя для общаго блага, тотъ есть общій врагъ всѣхъ.»

А на лѣвой сторонѣ:

— «Кто умѣетъ уважать себя, тотъ умѣетъ дорожить благоустройствомъ общественнымъ.»

Часть острова, ближайшую къ городу, занимаетъ монастырь съ огородомъ и памятникомъ потомственнаго почетнаго гражданина и коммерціи совѣтника Кондратія Алексѣевича Савина, отца нынѣшняго градскаго главы. Въ монастырѣ только и есть замѣчательнаго, что этотъ памятникъ, устроенный въ видѣ часовни; передъ иконой, какъ видно, прежде горѣлъ газъ, проведенный съ фабрики братьевъ Савиныхъ: но газовый рожокъ въ настоящее время, кажется, испорченъ. Другую половину острова занимаетъ садъ, разбитый необыкновенно затѣйливо, съ павильонами и мостиками въ видѣ колеса, до такой степени красивыми и крутыми, что по нимъ даже и ходить нельзя, съ прудами величиною съ порядочную лоханку, башенками и проч. Есть даже домикъ для пустынника, оклеенный берестой, въ которомъ живетъ сторожъ, или даже, кажется, никто не живетъ, хотя домикъ и запертъ на замокъ. Я зашелъ въ одну бесѣдку, стоящую на самомъ мысу, а изъ нея по лѣсенкѣ взобрался въ павильонъ, — и опять видъ

на городъ и окрестные острова, и еще лучше, нежели съ моста. Бѣлыя стѣны павильона всѣ исписаны разными стихотвореніями и акростихами, въ которыхъ туземное остроуміе, сколько я могъ замѣтить, все больше приходится насчетъ одного извѣстнаго лица. Монастырская братія, заботясь, какъ видно, о чистотѣ нравовъ и павильона, изглаживала по мѣрѣ силъ и возможности хулы и предерзостныя писанія; но чья-то неукротимая рука и тутъ-таки не унялась и начертала перочиннымъ ножомъ непзгладимыя сквернословія.

— Кто такъ искусно устроилъ все это? спросилъ я гулявшаго по саду монаха.

— Это все Ѳедоръ Кондратьевичъ занимаются, дай Богъ имъ здоровья, отвѣчалъ монахъ. — Здѣсь у насъ прежде рощица была, самая жалкая рощица; признаться, не такъ чтобы *горазно* было. По праздникамъ *черпять* гулять къ намъ ходила, да больше все пьяные, — безобразно. Ну, а Ѳедоръ Кондратьичъ намъ садикъ развели, будочекъ попастроили, деревца насадили, кусточки: ишь ты какъ *горазже* приглядѣе стало, какъ можно. Гулять теперь къ намъ все больше господа ходятъ, особливо лѣтомъ.

— А могу я у васъ попросить карандашъ или перо и кусочекъ бумаги?

Монахъ заметался и похлопалъ себя по карману.

— Какъ быть? Перушка-то у насъ и не сыщешь и чернилицы тоже нѣту. Ахъ, головушка горькая! Нѣту! Нѣту! Вотъ у просвирника должна быть чернилица-то, за здравіе пишетъ, да *нѣ*, должно въ *церкви* она у него *заперши*. Пообождите малость, вотъ я схожу поспрошаю. А вамъ это на что? Письмо, что ли, писать?

— Нѣтъ, мнѣ бы вотъ хотѣлось эти надписи, что на столбахъ-то у васъ, списать.

— Ну такъ, такъ. Вотъ я схожу, можетъ и сыщу.

Пока монахъ ходилъ за чернилицей, я опять заглядѣлся на озеро и заслушался шума набѣгающихъ волнъ. Монастырскій садъ лучшее мѣсто въ Осташковѣ, да и не въ одномъ Осташковѣ: не хочется уйдти. Наконецъ несетъ монахъ чернилицу съ объѣдкомъ пера.

— *Въ силу* отыскалъ, говорилъ онъ, подавая мнѣ ее.—Одинъ у насъ есть такой, тоже этимъ дѣломъ занимается, у него выпросилъ. Не хотѣлъ было давать: зачѣмъ, говоритъ, тебѣ? Прольешь. Пишите, пишите, — это хорошо тутъ написано.

— А кто это написалъ? Вашъ настоятель?

— Нѣтъ! Это все Ѳедоръ Кондратьичъ. Вы, должно, нездѣшніе?

— Я изъ Москвы.

— *Изъ Москвы*: такъ, такъ.

— Прощайте. Извините, что обезпокоилъ.

— Ничего! Часъ добрый.

На возвратномъ пути въ городъ встрѣтилъ я на дамбѣ гражданина и офицера. Гражданинъ, почтенной наружности, чисто выбритый, сейчасъ же обратилъ вниманіе на пріѣзжаго человѣка, оглядѣлъ меня съ головы до ногъ и съ достоинствомъ поклонился; офицеръ же запѣлъ что-то и, легкомысленно помахивая тросточкой, пошелъ далѣе. А въ училищѣ такъ и не удалось побывать мнѣ въ этотъ день.

На первый разъ я ограничился прогулкой по городу; да и хорошо такъ устроилось, что я ни у кого не былъ сегодня, по крайней мѣрѣ вниманіе не разбрасывалось; впечатлѣніе, произведенное на меня внѣшней стороной города, свѣжо, ясно и не развлекалось сближеніемъ съ людьми. Въ сумерки я прошелся по восточному берегу, потомъ обогнулъ городъ съ сѣверной стороны вплоть до самаго кладбища, слѣдовательно я видѣлъ почти весь городъ; не осмотрѣнной осталась одна только Америка (сѣверо-западная часть полуострова), которая, по свидѣтельству Ивла Алексѣевича, только тѣмъ и замѣчательна, что тамъ окружной живетъ.

Попробую я теперь дать себѣ отчетъ въ томъ, что я видѣлъ сегодня. А знаете, что меня всего болѣе поразило въ наружности города? Какъ вы думаете?—Бѣдность.... Но вы не знаете, какая это бѣдность. Это вовсе не та грязная, нищенская, свинская бѣдность, которой большею частію отличаются наши уѣздные города, — бѣдность, наводящая на васъ тоску и уныніе и отзывающаяся чернымъ хлѣбомъ и тараканами; эта бѣдность какая-то особенная, подрумяненная бѣдность, похожая на нищаго въ новомъ жилетѣ и напоминающая вамъ отлично вычищенный сапогъ съ дырой. На первый взглядъ васъ пріятно поразитъ и мостовая, и бульваръ, и эти громкія вывѣски: *общественный* банкъ, *общественная* библіотека, *публичные* сады, *благотворительныя* заведенія и т. д.; даже и на этихъ ершей, на это обиліе ершей, на всѣ эти декораціи вы смотрите снисходительно, добродушно улыбаясь, потому что все это пахнетъ чѣмъ-то такимъ новымъ, свѣжимъ, благоустроеннымъ. Стриженыя березки, канканы, рѣшетки, просьбы цвѣтовъ не рвать, собакъ не водить, — все это вамъ давно знакомо; вамъ даже почему-то пріятно встрѣтить въ захолустьѣ, въ Осташковѣ, этихъ старыхъ чудаковъ, какъ иногда пріятно бываетъ встрѣтить какую нибудь глупую няньку, которая васъ бивала въ дѣтствѣ. Но всѣ эти пріятныя ощущенія быстро смѣняются тяжелымъ раздумьемъ, какъ только вы свернете въ одну изъ второстепенныхъ улицъ. Вы вдругъ замѣчаете ужасно рѣзкій переходъ, какъ будто вамъ подавали все трюфели да фазановъ, а тутъ вдругъ хрѣнъ!... У васъ и глаза было разлакомились, вамъ ужь начало было казаться, что и дальше все то же будетъ, а тутъ и пошли, и пошли: и хижины бѣдныя, богомъ-хра-

пимыя, и больные ребятишки, и окна, заклеенныя бумагой, и блѣдныя, изнуренныя лица съ неизлечимой анеміей,—однимъ словомъ, все это горе-злосчастье, съ холодомъ, да съ голодомъ, да съ лихими напастями, отъ которыхъ вы было вообразили такъ дешево отдѣлаться. Что же это значитъ? тоскливо думается вамъ...

Городъ расположенъ чрезвычайно искусно, и надо быть очень непроницательнымъ, чтобы не обратить на это вниманія. Если вы захотите всмотрѣться пристальнѣе, то вы непремѣнно замѣтите, что тутъ прошлась чья-то искусная рука, что кто-то такъ ловко скомпоновалъ всѣ эти objets d'art, что они немилуемо вамъ должны броситься въ глаза. Вы непремѣнно замѣтите, что для каждой вещи выбрано именно такое мѣсто, на которомъ она больше выигрываетъ и привлекаетъ на себя ваше вниманіе. А что дѣлается въ отдаленныхъ улицахъ, того вы не увидите, потому что туда вамъ и идти незачѣмъ, да и мостовыхъ тамъ нѣтъ, тамъ болото. И если вы можете понять и достойно оцѣнить все это, то вы отдадите должную справедливость художнику, потратившему много труда и соображенія на то, чтобы произвести на васъ самое отрадное впечатлѣніе во время вашего кратковременнаго пребыванія въ Осташковѣ. Но я предполагаю, что вы пріѣхали въ городъ безо всякой особенной цѣли и не имѣете ни малѣйшаго желанія видѣть сквозь видимый смѣхъ невидимыя міру слезы, — вы пріѣхали такъ себѣ, ни за чѣмъ, либо Угодишку поклониться. Само собой разумѣется, что вы ѣдете на постоялый дворъ, или остановитесь у кого нибудь изъ вашихъ *благородныхъ* знакомыхъ, живущихъ непремѣнно въ центрѣ города; слѣдовательно вы немилуемо должны ѣхать по главной улицѣ. Уже при самомъ въѣздѣ въ городъ васъ пріятно поражаетъ на правой сторонѣ какое-то высокое, красивое зданіе, вовсе непохожее на острогъ, который въ свою очередь видится вамъ въ пріятномъ отдаленіи.

— Что это за домъ? спрашиваете вы у ямщика.

— А это казармы.

— Какъ казармы? Такъ, стало быть, казенный домъ? пристаете вы къ ямщику.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчаетъ онъ вамъ.

— Такъ чей же это домъ? продолжаете вы допрашивать.

— Обчественный! Какъ, значитъ, прежде солдаты очень ужь одолѣвали, такъ Ѳедоръ Кондратьичъ (*) ихъ и вывели за городъ, да казармы имъ и выстроили, чтобы ужь они свое мѣсто знали.

«Вотъ какъ! Это хорошо!» думаете вы и ѣдете дальше, а тутъ уже между тѣмъ началась мостовая. Хотя вамъ и сильно поколачиваетъ

(*) Предполагается, что вы уже знаете, кто такой Ѳедоръ Кондратьичъ.

бока, но такъ какъ, во всякомъ случаѣ, какъ-бы то ни-было, вѣдь это все же таки мостовая, а не киселевидная грязь, которую вы проклинали во всю дорогу отъ самаго Волочка, то уже одинъ видъ мостовой долженъ произвести на васъ отрадное впечатлѣніе; и дѣйствительно производитъ, и вы говорите одобрительно улыбаясь: «ого! Посмотримъ, что дальше будетъ». Вы ѣдете дальше, и поравнявшись съ переулкомъ, случайно бросаете взглядъ направо и не безъ сердечнаго удовольствія примѣчаете, что и въ сосѣдней улицѣ тоже мостовая; вы смотрите налѣво и видите, что налѣво травка; но вы уже такъ довольны, найдя въ Осташковѣ двѣ вымощенныя улицы, что великодушно прощаете этой травкѣ и думаете: «ну богъ съ ней! Пусть ее растетъ; невозможно же вымостить цѣлый городъ. Вѣдь на это сколько денегъ нужно? Страсть...» А между тѣмъ вы не оставили безъ вниманія и постройку. Дома, мимо которыхъ вы ѣдете, все такіе крѣпкіе, хорошіе дома, въ нижнемъ этажѣ лавочки; на воротахъ пожарные значки: ведро, крюкъ, лѣстница, даже лошадка въ одномъ мѣстѣ нарисована. Лошадка очень недурно сдѣлана, точно картинка.

— Какъ славно однако здѣсь рисуютъ пожарные значки! замѣчаете вы про себя. А тутъ постоялые дворы.

— Къ кому въѣзжать на дворъ? къ Коновалову, что ли?

Но такъ какъ у васъ нѣтъ въ городѣ никакого спѣшнаго дѣла, а въ комнатѣ одному сидѣть скучно, къ тому же все, видѣнное вами, такъ успѣло уже расположить васъ въ пользу Осташкова, то вамъ вдругъ приходитъ въ голову фантазія сейчасъ же, не откладывая, проѣхаться по городу и проглотить его разомъ.

— Нѣтъ, братъ, ты вотъ что: ты проѣзжай-ко лучше такъ по городу, знаешь? Я тебѣ дамъ на чай. А потомъ ужь и на постоялый дворъ.

— Куда же ѣхать-то? спрашиваетъ васъ ямщикъ, не понимая, чего вы хотите, и предполагая, что васъ укачало дорогой, а потому и нашла на васъ блажь.

— Да ты здѣшній, что ли?

— Здѣшній.

— Ну такъ проѣзжай немного по городу: мнѣ хочется посмотрѣть улицы.

— Да, да, да. Такъ бы вы и говорили. То-есть вамъ это собственно, какъ вы пріѣзжій,—значитъ, вамъ очень лестно посмотрѣть.

— Ну да, ну да!

— Это чтожь? это ничего. И обрадованный возможностію похвастаться роднымъ городомъ—ямщикъ вывозитъ васъ на площадь.

— Вонъ оно, озеро-то! говоритъ онъ, самодовольно указывая кнутомъ на озеро, показавшееся вправо.

Площадь, впрочемъ, на первый взглядъ ничѣмъ особенно васъ не поражаетъ, но оглядывая ее пристальнѣе, вы вдругъ замѣчаете бульваръ, прудокъ съ островкомъ, гуляющихъ дамъ въ модныхъ костюмахъ, красивый обжорный рядъ, лавки... вы видите, что въ лавкѣ сидитъ женщина и вяжетъ что-то...

«Ого-го!» думаете вы. Ямщикъ между тѣмъ беретъ влѣво и везетъ васъ вокругъ всей площади.

— Что это за сарай съ колокольчикомъ?

— Это пожарная команда.

«А! это та самая знаменитая пожарная команда, о которой я такъ много читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», — думаете вы и въ тоже время съ удивленіемъ и не безъ удовольствія читаете вывѣску: *Осташковская общественная библіотека, основана съ 1852 года.*

— Каково? говорите вы уже вслухъ:—съ 32 года и притомъ *общественная!*.. а въ другихъ-то городахъ!.. но тутъ вы вдругъ начинаете столбенѣть.

— Что это? телеграфъ? вскрикиваете вы.—Ямщикъ! глаза мои меня не обманываютъ? это точно телеграфъ?

— Вѣрно, — успокоиваетъ васъ ямщикъ, совершенно довольный вашимъ восторгомъ.

— Кто же его устроилъ?

— Ѳедоръ Кондратьевичъ.

— А куда проведенъ этотъ телеграфъ?

— Изъ думы къ Ѳедору Кондратьевичу. Ну, куда жъ теперь ѣхать?

— Вези, куда знаешь,—говорите вы растроганнымъ голосомъ.

Объѣхавъ всю площадь и выказавъ вамъ одинъ за другимъ всѣ красивые каменные домики, которыми обстроена площадь, ямщикъ везетъ васъ въ прежнемъ направленіи, то есть по главной же улицѣ, пересѣкающей площадь. Но уѣзжая съ площади онъ указываетъ опять таки кнутомъ на озеро и обращаетъ ваше и безъ того напряженное вниманіе на строющуюся пристань. Вы высунулись изъ экипажа и видите движеніе, народъ, возятъ песокъ, сваливаютъ камень, въ пристани стоятъ двѣ огромныя лодки, похожія на суда, развѣваются паруса, вы слышите гдѣ-то свистъ парохода; озеро синее и блестящее, точно взморье, такъ и манитъ васъ къ себѣ, а на томъ берегу виднѣются деревни, лѣсъ синѣетъ вдали.

— Экое мѣсто! Что за природа! восклицаете вы. Воздухъ-то, воздухъ какой!

А между тѣмъ въ то время, какъ вы смотрѣли на озеро и наслаждались природой, слухъ вашъ поражается звуками отдаленной музыки.

— Что это? ученье? спрашиваете глубокомысленно вы, сообразивъ, что если ужь и есть музыка въ Осташковѣ, то не иначе, какъ военная.

— Нѣтъ; ученья у насъ никакого нѣтъ, — снисходительно замѣчаетъ вамъ ямщикъ:—а музыка у насъ своя играетъ въ саду.

— Какъ въ саду? что ты говоришь?

— Я врать не стану, сами посмотрите.

По чѣмъ ближе подвигаетесь вы къ музыкѣ, тѣмъ удивленіе ваше возрастаетъ все болѣе и болѣе. Немного не доѣзжая сада, вы снова видите зданіе совершенно такое же, какъ и казармы; на зданіи красуется огромная вывѣска: «Домъ благотворительныхъ заведеній общественнаго банка Савина.»

— Что здѣсь, въ этомъ домѣ?

— Воспитательный домъ, богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, уѣздное училище, женское училище, воскресные классы.

— Недурно!..

А музыка слышится все громче и громче. Вы уже ясно слышите, что это не какой нибудь нарядный квартетишко изъ отставныхъ дворовыхъ музыкантовъ, вы уже можете догадаться, что это цѣлый оркестръ; вы видите толпы гуляющихъ дамъ и кавалеровъ, шумъ, говоръ, пзящные наряды; вотъ стоитъ карета, вотъ еще нѣсколько экипажей, а тутъ народъ. Сколько народу! да это просто Тверской бульваръ.

— Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Я этого не вынесу! говорите вы, окончательно подавленный такимъ неожиданнымъ сюрпризомъ.

— Да откуда же у васъ музыканты? спрашиваете вы наконецъ у ямщика.

— У насъ свои музыканты; граждане играютъ на музыкѣ.

— Какъ граждане? какіе граждане? гдѣ граждане?

— Такъ точно. Осташи, граждане.

— И ты гражданинъ? вдругъ, почему-то струсивъ, спрашиваете вы ямщика.

— Справедливо. И я гражданинъ.

— Несчастный! что ты сказалъ?... Да гдѣ ты живешь?!... говорите вы шопотомъ.

— У хозяина живу, у Иванъ Прохоровича.

— Замолчи, глупый человѣкъ!

— Да что жь вы, въ самомъ дѣлѣ? У насъ, въ городѣ, всѣ грамотѣ знаютъ. Вотъ вѣдь вы опять не повѣрите?

— И ты знаешь?

— Знаю.

— И читаешь книги?

— Читаю.

— Врешь?....

— Ей-богу читаю. Да что вы не вѣрите? Вотъ я вамъ сейчасъ

покажу человѣка. Вонъ нашъ ямщикъ стоитъ у рѣшетки: хотите, я его при васъ спрошу?

Вы крайне заинтересовываетесь.

— Парфенъ! подь сюда! Вонъ барина я привезъ, не вѣритъ, что у насъ всѣ грамотѣ знаютъ. Слышь, хвастаете, говоритъ. Скажи ему, какую я книжку читалъ.

— Это точно, ваше благородіе, что онъ «Трехъ мушкетеровъ» прочиталъ. Будьте безъ сумлѣнія. Мы тоже для праздника хвастать не станемъ,—подтверждаетъ другой ямщикъ.

— Да нѣтъ, слышь, Парфенъ, и про музыку не вѣритъ, что граждане играютъ. Вотъ онъ у меня чудной какой!—и ямщикъ смѣется.

— И насчетъ музыки, это вѣрно онъ вамъ докладываетъ.

Въ это время вдругъ грянулъ хоръ; человѣкъ 50 великолѣпнѣйшихъ голосовъ начали разомъ какой-то торжественный гимнъ.

«Славься, славься, нашъ Осташковъ!....»

долетаетъ до васъ, и вы слышите, какъ нѣсколько страшныхъ басовъ забираютъ верха.

— А вотъ нѣвчіе, — вѣдь это кузнецы поютъ, доколачиваетъ васъ ямщикъ.

Вы уничтожены, вы неподвижно лежите въ тарантасѣ, ничего не видите, не слышите, и только въ изнеможеніи, покачивая головой, говорите:

— Боже! Боже мой! и кто бы могъ повѣрить? Осташковъ, уѣздный городъ.... ямщики романы Дюма читаютъ, кузнецы гимны поютъ.... благотворительныя заведенія.... банкъ.... воспитательный домъ!.. И Европа этого не знаетъ!...

— Ступай, ступай, братъ, скорѣе! Что жь ты стопишь? Вези меня къ Коновалову, что ли, куда знаешь.

Но ямщикъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, не дастъ вамъ опомниться, и хочетъ угостить васъ ужь за одинъ разъ всѣми рѣдкостями, которыми справедливо гордится Осташковъ. Ямщикъ везетъ васъ все же таки по главной улицѣ и, повернувъ налѣво, мимо каменныхъ домовъ, кожанныхъ заводовъ, часовенъ и Никольскаго подворья, потомъ, захвативъ немного берегу, останавливается у входа на дамбу. Побывавъ на Житномъ, испытавъ высокое эстетическое наслажденіе отъ созерцанія природы, изумленные дѣлами рукъ человѣческихъ, и подкрѣпивъ духъ чтеніемъ поучительныхъ надписей, — вы чувствуете непреодолимое желаніе увидѣть по крайней мѣрѣ то мѣсто, гдѣ обитаетъ этотъ великій магъ и волшебникъ, велѣніемъ котораго творятся такія чудеса.

— Ямщикъ! восклицаете вы рѣшительнымъ голосомъ, садясь опять въ экипажъ.

— Ямщикъ! вези меня къ Ѳедору Кондратьевичу!

— Какъ-съ? переспрашиваетъ ямщикъ, думая, что онъ обслушался.—Къ Ѳедору Кондратьевичу?!...

— Ну да, да! къ Ѳедору Кондратьевичу, къ вашему градскому головѣ; развѣ ты не знаешь?

— Какъ не знать! сомнительно отвѣчаетъ ямщикъ, и насмѣшливо косится на васъ черезъ плечо, какъ будто думаетъ про себя: «чудно что-то это онъ говоритъ, братцы мои! Ей-богу. Ужь не закачало ли и въ правду, а можетъ, не поднесли ли ему тамъ, на Житномъ, святые отцы?» Но встрѣтивъ вашъ отважный и рѣшительный взглядъ, и вдругъ сообразивъ что-то, ямщикъ пугливо схватываетъ возжи, отвѣчаетъ вамъ: «слушаю, ваше сіятельство!» и скачетъ во весь духъ по бульварной улицѣ, да поскорѣй, да поскорѣй, а самъ потряхиваетъ головой, какъ будто говоря: «а чортъ его знаетъ, кто онъ такой! можетъ и точно Ѳедора Кондратьевича знаетъ; пожалуй, еще въ шею накладетъ гражданину....»

Передъ вами быстро замелькали: аптека, стриженыя березки, ерши и канканы; бульваръ кончился; экипажъ несется мимо башка; влѣво показались: фабрика, кожевенный заводъ, литейный заводъ, газовый заводъ; телеграфная проволока пересѣкла улицу и пошла куда-то влѣво.

— Чьи это заводы и фабрики? Куда это проведенъ телеграфъ?

— Ѳедора Кондратьевича, все Ѳедора Кондратьевича, ваше сіятельство, а телеграфъ къ ихней сестрицѣ въ вотчину проведенъ.

По обѣ стороны улицы, вмѣсто тротуара, пошли липовыя аллеи; толпа разной челяди и четыре огромныхъ водолаза сидятъ у воротъ какого-то барскаго дома; тутъ же вы увидали газовые фонари, сараи для склада товаровъ, множество сараевъ, и вотъ, наконецъ, передъ вами дворецъ, обращенный главнымъ фасадомъ къ озеру.

— Къ парадному подъѣзду прикажете, ваше сіятельство? почтительно спрашиваетъ васъ ямщикъ; и тутъ только вы начинаете замѣчать всю глубину уваженія, которой мгновенно проникся онъ къ вашей особѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, торопливо останавливаете вы его, — не нужно. Я только такъ хотѣлъ посмотрѣть.

— А чтобъ васъ.... совсѣмъ! Право! — такъ же быстро измѣняя тонъ, начинаетъ ворчать вашъ ямщикъ.

— Тоже.... къ Ѳедоръ Кондратьичу; ну, куда тебѣ?!... бормочетъ онъ, поворачивая лошадей, но бормочетъ такъ, чтобы вы могли разслушать:—ишь вѣдь, что вздумалъ? А тутъ сейчасъ и назадъ.

— Что ты говоришь? спрашиваете вы, не вслушавшись въ ворчанье.

— Ничего. Сиди знай! На постоялый дворъ, что ли? Такъ-то лучше. А то на-ко что: къ Ѳедоръ Кондратьичу.... и вы ясно уже слышите, какъ ямщикъ васъ передразниваетъ.

Но даже и это послѣднее обстоятельство нисколько васъ не оскорбляетъ, и ни на волосъ не охлаждаетъ въ васъ этого горячаго чувства расположенія къ Осташкову, которымъ вы успѣли проникнуться. Васъ даже радуетъ, отчасти, это грубое неуваженіе къ вашей личности, выраженное сейчасъ ямщикомъ. Въ немъ, въ этомъ неуваженіи, вамъ видится та непзмѣримая высота, то обожествленіе, такъ сказать, возведеніе въ идеалъ, почти что въ миѳъ, таинственной личности человѣка, выше котораго бѣдный сынъ Селигера ничего не можетъ себѣ и представить; человѣка, имя и дѣянія котораго составляютъ справедливую гордость Осташкова.... Вы даже чувствуете сильный позывъ за только-что нанесенное вамъ оскорбленіе, за эту грубость—дать ямщику на чай, и довольный, веселый, ѣдете на постоялый дворъ. До васъ все еще долетаютъ звуки музыки, вы ясно можете разслышать:

Славься, славься, нашъ Осташковъ!....

— Веселись, ликуй Европа!.... вдругъ раздается насмѣшливое восклицаніе туземнаго мефистофеля, возвращающагося съ гулянья.

Но и это не поражаетъ васъ и не забавляетъ нисколько; вы даже и не замѣтили ядовитой насмѣшки, скрытой въ послѣдней фразѣ; вамъ даже кажется, что второй стихъ вовсе и не пародія, что такъ именно и нужно пѣть, и что Европа дѣйствительно должна веселиться и ликовать, и даже сами въ сладкомъ самозабвеніи припѣваете: «веселись, ликуй Европа!...»

Поѣзжайте, добрый человѣкъ, къ Коновалову; тамъ отведутъ вамъ чистую, очень чистую комнату, за 40 копѣекъ въ сутки; дадутъ вамъ ухи изъ палимовъ, и ночью клопы кусать васъ не будутъ. И тамъ же Нилъ Алексѣевичъ разскажетъ вамъ, что онъ умѣетъ танцовать кадриль, и что у нихъ въ городѣ все свое: и пожарная команда, и пѣвчіе, и кузнецы, и рыбаки, и сапожники, и рѣщики, и золотильщики, и что даже фотографія есть своя, что по зимамъ бываетъ клубъ, танцовальные вечера, музыкальные вечера, а на театрѣ «Горе отъ ума» и «Разбойниковъ» представляютъ; а завтра утромъ съѣздите вы поклониться угоднику, а потомъ уѣзжайте скорѣй изъ Осташкова. Когда вы вернетесь домой—вы всѣмъ разскажете, что вы видѣли, а можетъ быть даже и статейку объ этомъ напишете, въ которой, какъ очевидецъ, самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ будете доказывать,

что въ Осташковѣ все есть, рѣшительно все, что нужно порядочному городу; даже больше, нежели сколько нужно; что Осташковъ передовой городъ и по развитости жителей, и по богатству, и по красотѣ мѣстоположенія; однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ; и что другимъ городамъ должно быть очень стыдно. Города сдуру возьмутъ да и покраснѣютъ, а мы вамъ такъ сейчасъ и повѣримъ.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ВИЗИТЫ.

Сегодняшній день я посвятилъ визитамъ къ разнымъ, болѣе или менѣе важнымъ лицамъ въ городѣ, къ которымъ были у меня рекомендательныя письма. Одни изъ этихъ лицъ должны были принести мнѣ пользу своимъ знаніемъ города, другія могли указать пути, познакомить съ кѣмъ нужно или растолковать, чего я не пойму. Вообще все съ вечера было хорошо обдумано, на письма я возлагалъ надежды не малыя, и весь слѣдующій день былъ у меня разсчитанъ; но при первой же встрѣчѣ съ дѣйствительностію, какъ это часто случается, теорія спасовала.

Наканунѣ, съ вечера, я отдалъ Нилу Алексѣевичу два письма: первое — къ нѣкоторому должностному лицу, а другое — къ одному почтенному ремесленнику, съ тѣмъ, чтобы эти письма онъ снесъ на другой день, утромъ, и кстати бы узналъ, когда и кого можно застать дома. Нилъ Алексѣевичъ отнесъ ихъ чуть свѣтъ, а утромъ, только что я успѣлъ открыть глаза, слышу—ужь кто-то меня спрашиваетъ, вбѣгаетъ ко мнѣ Нилъ Алексѣевичъ и точно фельдфебель докладываетъ: «г. Ф. Прикажете принять?»—Входитъ очень чистенькій старичокъ съ яснымъ взоромъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ воротничками à l'enfant и рекомендуется: Ф...., то есть тотъ самый ремесленникъ, къ которому было послано письмо. Я было немножко сконфузился, сталъ извиняться, но Ф. оказался до такой степени любезнымъ, симпатичнымъ и готовымъ сдѣлать съ своей стороны все, что можно для облегченія мнѣ знакомства съ городомъ, что я успокоился. Напились мы чаю и сейчасъ же отправились. День былъ праздничный, а потому мы пошли прежде всего къ обѣдни въ *** церковь. Погода съ вечера еще разгулялась, озеро покойно, народу на улицахъ и на водѣ множество. Мужчины-граждане все бритые съ усами, высокіе, больше черноволосые, въ синихъ чуйкахъ, другіе и въ пальто; женщины въ яркихъ шелковыхъ платкахъ и въ шубейкахъ, или въ кринолинахъ, бурнусахъ и шляпкахъ. Кое-гдѣ офицеръ пройдетъ, неестественно

вывертывая плечи; проѣдетъ купецъ въ ваточномъ картузѣ съ большимъ козырькомъ, въ старинной, неуклюжей пролеткѣ и медленно, не поворачивая головы, клапается знакомымъ. На базарѣ висятъ желтые, не вычерненные *осташи* (крестьянскіе сапоги) съ острыми носами, продаются корзины для сушеной рыбы, деревянная посуда и капуста; народъ галдитъ, бабы, сидя на землѣ, торгуютъ брусникой и баранками.

Когда мы пришли въ церковь, обѣдня уже началась. Народу было много; но публика разсортирована: почище впереди, посѣрѣе сзади, мужчины направо, женщины налѣво; пѣвчіе на обоихъ клиросахъ и голоса очень сильные, особенно баса, о чемъ свидѣтельствуютъ отчасти и здоровенныя шеи кузнецовъ съ подбритыми затылками, стоящихъ на клиросѣ. Впрочемъ пѣніе безтолковое: все по нотамъ, все по нотамъ, fortissime безпрестанно, andante и allegro почти различить невозможно, мелодіи никакой. Церковь старинная, стѣны сверху до низу покрыты рѣзьбой, но все это очень грубо, аляповато и безъ всякаго вкуса. Иконостасъ въ одномъ стилѣ, а стѣнная рѣзьба въ другомъ; огромное законченое паникадило; надъ дверьми и между окнами множество херувимовъ съ раскрашенными лицами; кисти разныя, шнуры по стѣнамъ въ перемежку съ арабесками домашней работы. Вообще замѣтно желаніе налѣпить какъ можно больше всякихъ украшеній, не разбирая — идетъ одно къ другому или нѣтъ. Живопись тоже плохая. Пока мы пробирались впередъ, Ф. успѣлъ уже кой-кому шепнуть что-то обо мнѣ, такъ что, когда мы стали позади праваго клироса и я огляпулся, то встрѣтилъ уже нѣсколько любопытныхъ взглядовъ и даже два-три поклона. Стою, вдругъ сзади кто-то спрашиваетъ:

— Вы надолго изволили пріѣхать въ нашъ городъ?

Я огляпулся.

— Не знаю, — какъ придется.

— Честь имѣю рекомендоваться, такой-то.

— Очень пріятно.

Спустя нѣсколько минутъ опять:

— А вѣдь въ нашемъ городѣ, я вамъ скажу, любопытнаго мало.

— Неужели?

— Ей-богу. Невѣжество это, знаете, грубость какая-то.

— Мм!

— За охотой ходить здѣсь хорошо.—Вы не охотитесь съ ружьемъ?

— Нѣтъ.

— А вотъ у насъ С. К. все стрѣляетъ, — охотникъ смертный.

Я посмотрѣлъ на С. К., а мой сосѣдъ фыркнулъ себѣ въ горсть. С. К. замѣтилъ, что смѣются, въ недоумѣніи обвелъ вокругъ себя

глазами и началъ усердно молиться. Сосѣдъ мой однако не успокоился; немного погодя нагнулся мнѣ къ самому уху и спрашиваетъ:

— Вы любите стихи?

Я ничего не отвѣтилъ.

— У насъ тутъ есть стихотворецъ свой, доморощенный, самородный эдакій талантъ, и какіе же стихи качаетъ — страсть. Вотъ бы вамъ прочесть.

Я молчу.

— Если угодно, я могу достать вамъ тетрадку — любопытно. Что жь такое? отчего жь отъ скуки и не прочесть?

Но видя, что я не отвѣчаю, онъ вздохнулъ и сталъ подтягивать пѣвчимъ.

Послѣ обѣдни Ф. пригласилъ меня къ себѣ пить кофе и оставилъ даже обѣдать. Тутъ, впрочемъ, узналъ я не много новаго: Ф. все хлопоталъ о томъ, чтобы я какъ можно больше ѣлъ, а жена его, оказавшаяся отличной хозяйкой, до такой степени суетилась и старалась угодить, что мнѣ даже стало совѣстно: точно я генералъ какой нибудь. Послѣ обѣда, когда мы сѣли на диванъ, Ф. разсказалъ, что въ городѣ много купеческихъ капиталовъ (*), но, что всѣ они, кромѣ 2–3–хъ, ничего не значатъ, потому что въ гильдію записываются во избѣжаніе рекрутской повинности; что городъ записали было по числу капиталовъ въ первый разрядъ, но голова поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о томъ, чтобы выписать городъ изъ перваго разряда, такъ какъ купцы не въ силахъ нести всей тяжести возлагаемыхъ на первоклассный городъ обязанностей.

— Нашъ городочекъ маленькій, жалкенькій, гдѣ намъ за другими тянуться? говорилъ Ф., сидя на другомъ концѣ дивана и добродушно, кротко улыбаясь.

— Какъ же вы говорите, что городъ вашъ бѣденъ? Вѣдь у васъ промыслы большіе: кожевенный, кузнечный, рыболовный.

— Это все такъ, только намъ все-таки до Ржева или до Старицы далеко. Всякіе промыслы, всякія ремесла есть у насъ; какихъ-какихъ мастеровъ у насъ нѣтъ, а вѣдь ни одного такого промысла нѣтъ, чтобы во всей силѣ, настоящій, значитъ, былъ. Есть вонъ, пожалуй, спохватившись, замѣтилъ онъ, — есть, точно, фабрика бумажная, да вѣдь городу отъ нея пользы никакой и работаютъ-то на ней больше чужіе, не здѣшніе; ну, кузнечики точно, что еще туда-сюда, покалачиваютъ, а настоящій только одинъ и есть Алексѣй Михайло–

(*) Въ Осташковѣ, въ 1860 году, было 307 купеческихъ капиталовъ 3-й гильдіи, 2 капитала 2-й и одинъ 1-й.

вичъ Мосягинъ. Бѣдпѣетъ нашъ городочекъ, заключилъ онъ,—очень бѣдпѣетъ. Торгуемъ больше по привычкѣ, для виду, этими тамъ сапожками да рыбкой. Гордости у насъ много, потому и торгуемъ. Рыбкой и то обѣдпѣли: повывелась рыбка совсѣмъ.

— Ну, а какъ же банкъ-то? Откуда же тамъ 200 тысячъ?

Ф. улыбнулся.

— А какъ бы намъ кофейку, закричалъ онъ въ другую комнату.— Какъ бы хорошо теперь кофейку со сливочками.

— Сейчасъ, сейчасъ, сливки грѣются, слышно изъ залы.

Тамъ ужь давно гремѣли чашки, мальчикъ бѣгалъ, осторожно ступая по отлично вымытому полу, и вотъ опять является подносъ съ чашками и съ какими-то особенными, сушеными булками.

— Пѣночекъ-то, пѣночекъ побольше берите! угощаетъ меня супруга Ф., вся красная отъ хлопотъ по хозяйству. Она тоже беретъ чашку и садится съ нами пить кофе.

— А что у васъ папаша съ мамашей есть? спрашиваетъ она съ участіемъ.

— Мамаша есть, а папаши нѣтъ.

— Ахъ, скажите, какая жалость!

Я начинаю скоро, скоро размѣшивать ложечкой кофе и стараюсь наморщить брови.

— Какъ у васъ женщины хорошо одѣваются! говорю я, желая свести разговоръ съ этого чувствительнаго предмета опять на Осташковъ. Я сегодня видѣлъ у обѣдни: какія шляпки! какіе бурнусы!

— Да, ужь у насъ бабеночки любятъ принарядиться, лукаво подмигивая мнѣ, отвѣчаетъ Ф.

— Театры, гулянья, да наряды просто ихъ съума свели. Другая ложечки да образочки послѣдніе заложитъ; хоть какъ хочешь бѣдна, а ужь безъ карнолинчика къ обѣдни не пойдетъ.

— А развѣ у васъ есть закладчики?

— У насъ мѣстечко такое есть: что хотите возьмутъ. Что кокошничковъ старинныхъ съ жемчугами, подизей, сарафанчиковъ парчевыхъ снесли туда наши бабеночки: все принимаютъ, ничѣмъ не брезгаютъ. Мода такая у насъ есть; опять танцы, публичные садочки, театры; ну, разумѣется, никому не хочется быть хуже другой: — осмѣютъ. Изъ послѣдняго колотятся, только бы одѣться по модѣ, да къ обѣдни въ парадѣ сходить. Другая гражданочка всю недѣлю сапожки тачаетъ не разгибаясь, и ручки-то у ней всѣ въ вару, ребятишки босые, голодные, а въ церковь или на бульваръ идти, посмотрите, какъ разодѣнется, точно чиновница какая.

А тутъ опять является подносъ съ вареньемъ, брусникой и моченными яблоками. Наконецъ я начинаю чувствовать, что наѣлся до из-

неможенія, что къ продолженію бесѣды оказываюсь неспособнымъ и потому отправлялось домой спать.

Странный человѣкъ этотъ Ф! Родился, учился и состарѣлся въ Осташковѣ, мастерство свое самъ, собственными усиліями, довелъ до замѣчательнаго искуства; у него очень много вкуса, страсть ко всему изящному. На старости лѣтъ вздумалъ учиться музыкѣ и самоучкой выучился играть на фортепьяно.

Вечеромъ я сдѣлалъ еще три визита съ рекомендательными письмами.

Прежде всего пошелъ къ одному сановнику, проживающему въ городѣ и засталъ его гуляющимъ по залѣ съ какимъ-то гостемъ. Я отдалъ письмо. Сановникъ прочелъ и пригласилъ меня въ гостиную.

— Не прикажете ли трубку? Я отказался.

— Такъ вотъ-съ, началъ сановникъ, свертывая письмо мое фунтикомъ: вы пріѣхали собственно за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на насъ — осташей, — какъ мы тутъ живемъ?

— Объ Осташковѣ столько писано, столько говорятъ.... началъ было я.

— Да, стоитъ, стоитъ, нарочно стоитъ пріѣхать посмотрѣть, любопытный городъ! Нѣтъ, я говорю, — обратился онъ къ гостю, который тоже усѣлся поодаль, — я говорю, что значитъ Россія-то, матушка?

— Да-съ.

— Да вотъ хоть бы нашъ Осташковъ. Что такое? Вдругъ гдѣ то тамъ, въ захолустьи, на болотѣ стоитъ уѣздный городишко, растетъ, богатѣетъ, заводитъ у себя свою пожарную команду, банкъ!... понимаете? — банкъ! вѣдь это что такое? театръ!... библіотеку для чтенія!... а? ну, гдѣ это видано? Наконецъ живетъ самостоятельно, какъ будто тамъ какой нибудь Любекъ, что ли. И никто объ этомъ знать не хочетъ. А вѣдь будь это за границей, уши бы прожужжали, а у насъ нѣтъ. Самолюбіемъ Богъ насъ обидѣлъ, вотъ горе! Я вонъ депешу сейчасъ прочелъ въ газетахъ: даютъ знать, что королева Викторія проѣхала изъ Виндзора въ Осборнъ (она туда каждую недѣлю ѣздитъ); вѣдь депеша, не забудьте! телеграфъ сообщаетъ такое важное событіе, а мы сдуру сейчасъ печатаемъ, что вотъ какое событіе: королева проѣхала въ Осборнъ. Да на кой чортъ мнѣ это нужно?... (слово чортъ сановникъ произнесъ *чхортъ*). Ты вотъ мнѣ лучше о родномъ городѣ напиши, чтобы я зналъ, что вотъ въ такомъ-то городѣ такія-то улучшенія, а онъ мнѣ про королеву Викторію....

— Вѣдь это все Ѳедоръ Кондратьичъ.... замѣтилъ гость.

— А? да, вы про улучшенія. Да, ну не совсѣмъ. Онъ конечно имѣетъ на нихъ большое моральное вліяніе и многое можетъ сдѣлать

для города. Да чего же лучше? Теперь, пожарная команда есть. Своя вѣдь у насъ пожарная команда, не казенная, изъ обывателей, — сообщилъ онъ мнѣ.

— Какъ же-съ, я знаю, поспѣшилъ я отвѣтить.

— Нѣтъ, я ему говорю: что ты не выхлопочешь себѣ полиціи изъ обывателей? Его же тамъ въ Петербургѣ всѣ знаютъ: могъ бы выхлопотать; и вѣдь разрѣшатъ.

— Отчего же не разрѣшить? замѣтилъ гость.

— Какъ?

— И я говорю, что отчего же не разрѣшить? повторилъ гость погромче.

— Ну да, разумѣется. Вѣдь они могутъ быть покойны. Знаютъ, кому разрѣшить. Другому, конечно, не позволятъ. — Эй! подай мнѣ трубку! вдругъ крикнулъ сановникъ.

— И мнѣ, братецъ, тоже, сказалъ гость.

Старый лакей, съ длинными сѣдыми висками, принесъ двѣ трубки и зажженую бумажку. Подалъ трубки, подержалъ бумажку и потомъ погасилъ ее пальцами.

— Я слышалъ, что городъ, кажется, изъявлялъ желаніе провести желѣзную дорогу отъ Осташкова до Вышняго Волочка? рѣшился я спросить.

— Былъ проэктъ, какъ же, держа янтарь въ губахъ, отвѣчалъ сановникъ.

— Только не городъ, а частное лицо хотѣло взять на свой счетъ половину издержекъ, а другую половину предлагало другому лицу, но тутъ вышли какія-то недоразумѣнія и дѣло не состоялось. Конечно, это было бы хорошо. Я говорю: соедини только Осташковъ съ Петербургомъ и Москвой, — вѣдь онъ на полдорогѣ стоитъ, — вы понимаете, какъ бы это подняло городъ? Теперь однихъ богомольцевъ перебываетъ здѣсь до 10 тысячъ; сколько же наѣдетъ, если провести дорогу? Потомъ вся промышленность этого края оживится; Осташковъ же будетъ служить ей центромъ.

— Сколько я знаю, замѣтилъ я опять: — промышленность города и окрестныхъ селъ очень незначительна, кромѣ рыбной, которая тоже, говорятъ, слабѣетъ, вслѣдствіе неправильнаго лова. И мнѣ кажется, что упадокъ промышленности края происходитъ не отъ недостатка путей сообщенія, напротивъ, ихъ слишкомъ много: вода; а отъ недостатка капиталовъ.

— Ну, этого нельзя сказать, чтобы у насъ не было капиталовъ. У насъ есть банкъ, въ которомъ лежатъ 200 тысячъ, у насъ есть кромѣ того богачи—Савины. Они на своихъ собственныхъ корабляхъ привозятъ хлопокъ, для своей филятюрной фабрики, изъ Америки и

Остъ-Индіи. У насъ есть кожевенные заводы, кузнечное производство, потомъ мужикъ везетъ свой продуктъ тоже въ городъ, а здѣсь покупаетъ сапоги. Наконецъ, вотъ вамъ еще: мы имѣемъ здѣсь прекрасную рыбу; мы имѣемъ судаковъ, лещей, мы имѣемъ палима. Нѣтъ, я вамъ разскажу, интересную вещь: сегодня утромъ (сановникъ опять обратился къ гостю) — говорю я сегодня повару: стунай, говорю, братецъ, на базаръ и принеси ты мнѣ леща....

Но къ несчастію, окончанія этого интереснаго разсказа о лещѣ узнать мнѣ было не суждено, потому что вошелъ человѣкъ и доложилъ о пріѣздѣ еще двухъ гостей.

Пошли разговоры о мировыхъ съѣздахъ, споры о недобросовѣстности посредниковъ и о невѣжествѣ мужиковъ; но такъ какъ мнѣ хотѣлось поспѣть въ шесть часовъ къ одному должностному лицу, которое обѣщало меня ждать, то я откланялся и ушелъ.

Солнце уже сѣло и по всему озеру разлился тотъ великолѣпный фіолетовый цвѣтъ, который можно видѣть только на взморьи. Не могъ я не заглядѣться на озеро, на дальніе берега, на сѣти, развѣшанныя надъ водой. Въ воздухѣ пахнетъ рыбой и мокрымъ деревомъ; рыбаки, вернувшіеся съ ловли, выгружаютъ добычу, стоя по колѣни въ водѣ; лодка несется подъ парусомъ, ближе, и ближе и сразу врѣзалась носомъ въ берегъ. Чайки уныло кричатъ, ребенокъ плачетъ гдѣто въ рыбачьей избушкѣ. Такъ я дошелъ до самаго дома должностнаго лица и позвонилъ. Засталъ я его за чаемъ, въ обществѣ двухъ офицеровъ и одного красиваго молодаго человѣка въ штатскомъ платьѣ. Пошли опять тѣ же вопросы:

— Такъ вы собственно посмотрѣть на Осташковъ пріѣхали? и т. д.

— Не стоитъ, говорило должностное лицо, развалясь въ креслѣ.— Самый подлый городишко. Вы не вѣрьте, что вамъ объ немъ разсказывали — врутъ.

— Чѣмъ же онъ не хорошъ?

— Да всѣмъ. Первое — жизнь дорога, климатъ убійственный, говядина гнусная, общества никакого; раки только вотъ одни и есть; да еще воры здѣсь отличные. Вотъ это правда.

Офицеры дружно засмѣялись.

— Новотòры-воры, да и осташи хороши, какъ будто про себя сказалъ красивый молодой человѣкъ, покачиваясь на стулѣ.

Я дѣлаю легкое возраженіе и указываю на поголовную грамотность въ Осташковѣ, какъ на фактъ весьма знаменательный.

— Помилуйте! чтожь тутъ знаменательнаго? это все вздоръ! отвѣчаетъ должностное лицо въ припадкѣ отрицанія.—Все вздоръ! Невѣ-

жество полнѣйшее. Да и какого онъ чорта будетъ читать? позвольте васъ спросить.

— А библіотека?...

— Библіотека!... иронически повторяетъ должностное лицо. — Нашли библіотеку.... Да вы знаете ли.... извините, не имѣю чести знать вашего имени....

— Василій Алексѣевичъ.

— Знаете ли вы, почтеннѣйшій Василій Алексѣевичъ, что такое библіотека?

Пауза. Мы смотримъ другъ на друга.

— Вѣдь это, батюшка, 4,238 томовъ. Понимаете? 4,238 томовъ, ну и кончено, и весь разговоръ. У насъ-де вотъ 4,238 томовъ; у насъ 200 тысячъ въ банкѣ; у насъ его превосходительство всегда довольны остаются. Вѣдь это все *у насъ*, а *у васъ* что? У васъ этого нѣтъ. У! у! у васъ нѣтъ, у васъ нѣтъ! а у насъ есть, а у насъ есть! Вотъ вамъ и библіотека! Помилуйте, что тутъ можетъ сдѣлать грамотность, когда у меня въ брюхѣ пусто, дѣти кричатъ, жена въ чахоткѣ отъ климата и точанія голенищъ? Что толку въ томъ, что я грамотный, когда мнѣ и думать о грамотѣ некогда? Бѣдность одолѣла, до книгъ ли тутъ? Вѣдь это Ливерпуль! Та же монополія капитала, такой же денежный деспотизмъ; только мы еще вдобавокъ глупы, — сговариваться противъ хозяевъ не можемъ — боимся; а главное, у нихъ же всегда въ долгу. А праздникъ пришелъ, я первымъ долгомъ масломъ голову себѣ намажу и къ обѣдни, потомъ гулять на бульваръ, или въ театръ. Нельзя же, у меня развитой вкусъ; тщеславіе дурацкое такъ и претъ меня врозь. Баба готова два дня не ѣвши сидѣть и дѣтей поморить голодомъ, только бы на бульваръ въ шляпкѣ сходить, да на Житномъ въ бесѣдочкѣ посидѣть. Развратъ! Дѣвчонка, вонъ она.... (онъ указалъ на печку). Отъ земли не отросла, а тоже въ училище безъ кринолина ни за что не пойдетъ. Вотъ вы говорите тамъ грамотность, библіотека, школы.... Ну хорошо-съ. Вѣдь ужь учатъ, кажется, на что лучше: и граматикѣ, и географіи, и исторіи, и чему-чему не учатъ; и тамъ въ школѣ они все это отлично знаютъ и гимны тамъ разные поютъ, а не угодно ли послушать — какъ онъ говоритъ, когда выйдетъ изъ школы? Отчего же это отъ *горазно*, да отъ *горажже*, да отъ разныхъ тамъ *питьчи* да *пдчи* никакъ онъ отвыкнуть не можетъ? Поглядите вы на него въ школѣ, гдѣ онъ вамъ объ Тургеневѣ разскажетъ, и потомъ послушайте его черезъ годъ по выходѣ изъ училища, когда ужь онъ въ работу пошелъ и начнетъ *въ воды* шкуры мочить, или *изъ водъ* рыбу таскать. Вотъ вы тогда и увидите, какую пользу ему грамотность принесла. А тутъ вотъ еще просвѣтители-то радѣютъ.—Онъ указалъ на офицеровъ.

— Ваши солдатики–съ!

Офицеры, занявшіеся было своимъ разговоромъ, стали вслушиваться.

— А что? спросилъ одинъ.

— Да разныя художества развиваютъ въ нашихъ мѣщанахъ, то бишь, гражданахъ. Все забываю. Вѣдь они у насъ не мѣщане, а граждане.

— Что-жь? я дурнаго еще ничего не вижу — въ томъ, что они граждане.

— Да и я не вижу; только гражданами-то у насъ мѣщане себя называютъ. Вчера еще онъ онъ былъ гражданинъ, а сегодня, положимъ, въ гильдію записался; попробуйте-ко его гражданиномъ назвать; такъ онъ на васъ просьбу подастъ — оскорбили. Сегодня ужь онъ купецъ, а не гражданинъ. Вы думаете, онъ понимаетъ, что это такое гражданинъ? Онъ себя потому гражданиномъ называетъ, что эта кличка все-таки лучше, нежели мѣщанинъ, такъ же вотъ, какъ лакей у богатаго барина никогда не назоветъ себя лакеемъ, а говоритъ: я камердинеръ, я дворецкій. Вы, батюшка, не обольщайтесь этими штуками: банками тамъ разными, да театрами,—это все блестки. Вотъ вы поживите здѣсь да копните-ко хорошенько, вотъ и увидите, что Осташковъ—это маленькій Китай, съ той только разницей, что мы еще мышей не ѣдимъ, а то ни въ чемъ не отстали.

— Скажите пожалуйста, перебиваю я, какъ же теперь согласить этотъ китаизмъ, какъ вы говорите, съ тѣми успѣхами, которые замѣтны здѣсь въ городскомъ устройствѣ?

— А вотъ поживете, узнаете, какіе мы тутъ успѣхи оказываемъ, какъ мы эти разныя современныя польки вытанцовываемъ. Я вотъ вамъ какъ скажу: осташъ кровно убѣжденъ въ томъ, что лучше его города быть не можетъ, что Осташковъ такъ далеко ушелъ впередъ, что ужь ему учиться нечему, а что Россія должна только удивляться, на него глядя. Кромѣ своей пожарной команды и Ѳедора Кондратьича, осташъ знать ничего не хочетъ; онъ не шутя увѣренъ, что тамъ дальше, за Селигеромъ, пошла уже дичь, степь киргизская, изъ которой время отъ времени наѣзжаютъ къ намъ какіе-то неизвѣстные люди: одни за тѣмъ, чтобы хапнуть, а другіе, чтобы подивиться на осташковскія диковины и позавидовать имъ.

Потомъ онъ знаетъ еще, что гдѣ-то тамъ за Селижаровкой, есть городъ Питеръ, и что ежели въ Осташковѣ что нибудь нездорово, то Ѳедоръ Кондратьичъ съѣздитъ въ Питеръ и отстоитъ своихъ осташей.

— Это такъ, подтвердилъ красивый молодой человѣкъ, а хозяинъ, прихлебнувъ изъ стакана, продолжалъ:

— Вотъ хоть бы вы теперь пріѣхали, какъ вы думаете? Что они

о васъ говорятъ? Собрались гдѣ нибудь и толкуютъ: «вотъ, молъ, пріѣхалъ, нарочно пріѣхалъ посмотрѣть на насъ. Стало быть мы, братцы, извѣстны всему свѣту и всѣ только о насъ и говорятъ, только и думаютъ». Впрочемъ нѣтъ, и это вздоръ, они о васъ думаютъ просто, что вы шпіонъ, только никакъ понять не могутъ, отъ кого и зачѣмъ вы подосланы. Какой тутъ прогрессъ! Помилуйте! подумавъ немного сказалъ онъ.—Застой, самый гнусный застой и невѣжество съ одной стороны, и пищета съ другой. Вотъ стуколка здѣсь процвѣтаетъ, — это правда! вдругъ неожиданно завершилъ онъ, обратясь къ офицерамъ.

— Такъ ли я говорю, господа?—Офицеры, осовѣвшіе было во время разговора, встрепенулись и отвѣчали одобрительной улыбкой.

— А что? не стукнуть ли намъ и въ серьёзъ? спросилъ онъ меня.

— Вы не упражняетесь въ семъ душеспасительномъ занятіи?

— Къ несчастію, нѣтъ. Да мнѣ и пора. Нужно еще побывать у одного господина.

— Ну, дѣлать нечего. Желаю вамъ веселиться. А мы вотъ съ господами офицерами стукнемъ. Здѣсь, батюшка, безъ стуколки просто бы смерть. Дѣлать нечего, читать нечего. Изъ библіотеки журналовъ не добьешься, нѣту. Что прикажете? Лежатъ тамъ у кого нибудь неразрѣзанные, а тутъ жди цѣлый мѣсяцъ, да когда еще по іерархической линіи очередь дойдетъ. А вамъ бы ужь дождаться возвращенія Ѳедора Кондратьича изъ Петербурга,—говорилъ онъ, провожая меня,—онъ бы вамъ все это систематически разъяснилъ, онъ на эти дѣла мастеръ. До свиданія.

Третій визитъ нужно было сдѣлать одному бывшему вліятельному лицу въ городѣ.

Пока я дошелъ до него — уже совсѣмъ почти смерклось. На бульварѣ попались два-три чиновника съ женами; а за бульваромъ пошли заборы и фабрики; улица усажена липами; у воротъ большаго каменнаго дома толпятся люди. Я подошелъ къ одному, дворнику, и спросилъ: дома ли **? — Дворникъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и тоже спросилъ:

— Ты отъ кого?

— Самъ отъ себя.

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть.

— Къ самому?

— Къ самому.

— Самъ-то онъ у насъ не любитъ, у насъ все въ контору! Ну, да вотъ я какъ тебѣ скажу. Слушай! Коли хочешь ты себѣ добра,—ступай ты,—вонъ видишь подъѣздъ,—стань ты у подъѣзда и дожидайся. Онъ сейчасъ выйдетъ, — вонъ лошадь подана. Какъ выйдетъ, чтобы

ты былъ тутъ безотмѣнно и сейчасъ можешь просить, что тебѣ нужно. Ну, не мѣшкай, ступай! Я вижу, ты парень хорошій.

Поблагодаривъ дворника за добрый совѣтъ, я однако вошелъ на крыльцо и позвонилъ. Вышелъ лакей.

— Дома?

— Пожалуйте! Я сейчасъ узнаю.

Я вошелъ въ пріемную, большую комнату съ лоснящимся поломъ, старинной мебелью и фарфоровыми игрушками на горкахъ. Лакей пошелъ съ принесеннымъ мною письмомъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился, говоря, что скоро выйдутъ, — занимаются. Въ ожиданіи выхода, я сталъ ходить по комнатѣ. Изъ пріемной дверь отперта въ большую залу, выкрашенную желтой краской, на стѣнахъ газовые рожки и узенькія старинныя зеркала въ позолоченыхъ рамахъ, пахнетъ кипдеръ-бальзамомъ. Минутъ черезъ десять вышелъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, съ небольшой лысиной и недоумѣвающимъ лицомъ, держа въ рукахъ мое рекомендательное письмо. Мы вошли въ залу и сѣли у окна.

— Вы... началъ онъ,—вы, какъ я понялъ изъ письма, опредѣляетесь къ намъ въ городъ учителемъ?..

Я вытаращилъ глаза.

— Какъ? неужели это могло быть написано въ письмѣ?!.. Но въ туже минуту я догадался въ чемъ дѣло. Ясно было, что онъ не понялъ написаннаго въ письмѣ. Взглянувъ пристально въ лицо человѣку, который сидѣлъ противъ меня и въ недоумѣніи смотрѣлъ мнѣ въ глаза, я сообразилъ, что онъ легко могъ спутать выраженія: *изучать городъ* и *учить въ городѣ*. Такая ошибка вовсе неудивительна въ человѣкѣ, который, какъ видно, никогда никого не училъ и ничего не изучалъ. Однако я поспѣшилъ разрѣшить недоразумѣніе и тутъ же сталъ объяснять, —зачѣмъ собственно я пріѣхалъ въ Осташковъ. Но въ то же время мнѣ пришло въ голову: если ужь этотъ господинъ, на котораго главнымъ образомъ возлагались мои надежды, такъ дико отнесся къ моему дѣлу, чего же ждать отъ другихъ? Отъ него я надѣялся получить разныя оффиціальныя свѣдѣнія, и кромѣ того меня увѣрили, что онъ съ своей стороны можетъ сообщить мнѣ много интереснаго, какъ человѣкъ вліятельный и коротко знающій по крайней мѣрѣ современную ему эпоху изъ исторіи цивилизаціи Осташкова.

— А! да-съ; я понимаю-съ, понимаю-съ,—заговорилъ онъ скороговоркой.—Это значитъ, вамъ нужны свѣдѣнія. Въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ будетъ обратиться въ нашу контору: тамъ вамъ все это... да тамъ ужь знаютъ-съ. У насъ бывали такіе случаи. Это можно-съ. Очень хорошо-съ. Я велю-съ.

И все это такъ скоро, скоро, съ озабоченнымъ видомъ. Самое бла-

горазумное, что можно было сдѣлать послѣ такого полезнаго разговора, это—поблагодарить за обѣщаніе и удалиться, что и сдѣлалъ я. Тѣмъ и кончились въ этотъ день мои покушенія на знакомство съ осташковскими властями.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

ШКОЛЫ.

Въ продолженіе этой недѣли я видѣлъ и слышалъ столько, что вдругъ всего и сообразить не могу. А тутъ еще скверная привычка—систематизировать все на свѣтѣ и отъ всякаго вздора добиваться смысла,—только сбивала меня съ толку. Безпрестанныя противорѣчія и въ словахъ и на дѣлѣ съ каждымъ днемъ осложняются все больше и больше, а вмѣстѣ съ ними сильнѣе и неотступнѣе мучитъ меня вопросъ: что такое Осташковъ? И чѣмъ проще стараюсь я разрѣшить его, тѣмъ болѣе теряюсь въ этой путаницѣ противорѣчій, которыя какъ нарочно случаются самымъ непонятнымъ, самымъ невозможнымъ образомъ. Наконецъ мнѣ приходило въ голову, что всѣ эти господа, съ которыми я здѣсь вижусь, — всѣ болѣе или менѣе врутъ. Убѣдившись въ этомъ, я взялся за факты, за цифры—и они врутъ! Понимаете ли? врутъ оффиціальныя свѣдѣнія, врутъ изслѣдованія частныхъ лицъ, врутъ жители, сами на себя врутъ. Вы понимаете, какъ это должно раздражить любопытство, какъ это поголовное вранье подстрекаетъ и поддразниваетъ, и до какой степени вопросъ,—что такое Осташковъ?—становится интереснымъ. Теперь я рѣшился просто записывать, что вижу и слышу, записывать все, не сортируя, не анализируя фактовъ и слуховъ. Дѣлайте съ ними, что хотите, освѣщайте ихъ какъ угодно;—я буду только записывать.

Въ хронологическомъ порядкѣ прежде всего слѣдуетъ разсказать о женскомъ училищѣ.

Попалъ я туда нечаянно: шелъ мимо и зашелъ. Поднялся на лѣстницу, вижу — дверь въ сѣни отворена; я туда. Въ сѣняхъ дѣвочка стоитъ и пьетъ воду. Можно войти посмотрѣть?—говоритъ:—можно.

— Есть кто нибудь въ классѣ?

— У насъ въ старшемъ классѣ смотритель сидитъ.

— Ну, и отлично. Я снялъ пальто и прямо въ классъ, вслѣдъ за дѣвочкой. Дѣвочка только успѣла сказать о моемъ приходѣ смотрителю, какъ я ужь вошелъ. Смотритель сидѣлъ на скамейкѣ, а вокругъ него столпились ученицы и смотрѣли въ книгу: онъ имъ что-то тамъ показывалъ. Появленіе мое было все-таки очень неожиданно; всѣ вдругъ

всполошились и смотритель тоже не зналъ что подумать. Тутъ только я вспомнилъ, что поступилъ не совсѣмъ вѣжливо, — не предупредивъ никого вошелъ въ классъ; а потому поспѣшилъ извиниться и просилъ позволенія послушать, какъ они занимаются. Сначала классъ немножко было скопфузился, но скоро все пришло въ порядокъ: дѣвочки сѣли по мѣстамъ и смотритель началъ дѣлать имъ вопросы.

Въ классѣ, — въ очень свѣтлой и чистой комнатѣ,—помѣщалось дѣвочекъ 30, не моложе 10—12 лѣтъ, всѣ очень тщательно одѣтыя и причесанныя, въ чистыхъ воротничкахъ. И такъ какъ я засталъ ихъ врасплохъ, то навѣрное можно сказать, что заранѣе приготовленнаго ничего не было. Съ первыхъ же двухъ - трехъ вызововъ можно было догадаться, что ученицы размѣщены по успѣхамъ. На первой скамейкѣ сидѣли дѣвочки постарше и отличались передъ прочими даже нѣкоторой изысканностію туалета. Для перваго опыта вызвана была дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, сидѣвшая съ краю на первой скамейкѣ, съ круглымъ лицомъ, тщательно одѣтая, въ бѣломъ фартукѣ, съ бархоткой на шеѣ; по всей вѣроятности очень скромная, старательная, но не съ бойкими способностями дѣвочка.

— Раскройте книгу на такой-то страницѣ,—сказалъ смотритель.

Всѣ въ одну минуту отыскали требуемую страницу.

— Читай!

Дѣвочка начала читать какой-то историческій отрывокъ, кажется, изъ руководства Паульсона, гдѣ упоминалось что-то о финикіянахъ.

— Ну, довольно, сказалъ смотритель. Вотъ мы сейчасъ прочли о финикіянахъ. Не можешь ли ты мнѣ сказать, чѣмъ занимался этотъ народъ.

Дѣвочка опустила книгу на столъ и безстрастно глядя на смотрителя и вытянувъ шею, начала говорить очень скоро, не прерывая голоса:

— Финикіяне, Финикіяне, они занимались, они занимались тор-тор-торговлей.

— Такъ, торговлей, одобрительнымъ тономъ подтвердилъ смотритель.

— Ну, а почему они выбрали именно этотъ родъ занятій? что ихъ побудило къ этому?

Дѣвочка продолжала смотрѣть прямо въ глаза смотрителю и не шевелясь опять зачастила:

— Ихъ побудило, ихъ побудило къ этому то, что они....

— Ну, что?

— То, что они избрали это занятіе, опять было начала дѣвочка и остановилась.

— Почему же они избрали именно это занятіе? допытывался смотритель, притопывая ногой на словѣ *это*.

Дѣвочка молчала, не спуская своихъ бѣлыхъ, безстрастныхъ глазъ съ смотрителя.

— Жили на берегу моря, на берегу моря.... шепчетъ кто-то сзади.

— Потому что они жили.... опять начала было дѣвочка.

— Ну, гдѣ жь они жили?

— Они жили....

— На берегу моря.... подсказываютъ сзади.

— На берегу моря, нерѣшительно говоритъ дѣвочка, вдругъ измѣнивъ тонъ.

— Ну да. Потому что они жили на берегу моря, одобрительно покачиваясь заключаетъ смотритель.

— Потому что они жили на берегу моря, успокоившись, какъ будто запоминая уже про себя, повторяетъ дѣвочка.

— А какія они сдѣлали изобрѣтенія?

— Они изобрѣли мѣру и вѣсъ.

— Хорошо. А еще что они изобрѣли?

— Компасъ, шепчутъ сзади.

— Еще они изобрѣли компасъ, торопливо отвѣчаетъ дѣвочка.

— Такъ, компасъ, подтверждаетъ смотритель, моргая отъ нюхательнаго табаку и обратившись ко мнѣ говоритъ вполголоса:

— Многаго, знаете, отъ нихъ и требовать нельзя: мы еще недавно принялись за эту систему. Не угодно ли послушать? вотъ я еще другихъ спрошу. Довольно! сказалъ онъ отвѣчавшей ученицѣ. Петрова!

Петрова, сидѣвшая на второй скамейкѣ, должно быть шалунья страшная, быстро вскочила, обдернула фартукъ, сложила руки на желудкѣ и какъ солдатъ вытаращила на смотрителя глаза.

— Петрова! Скажи, что такое компасъ?

— Компасъ — это астрономическій инструментъ, употребляемый мореходцами для того, чтобы не сбиться съ пути, бойко, однообразнымъ голосомъ отрапортовала она и сразу оборвала на послѣднемъ словѣ.

— Что онъ показываетъ?

— Онъ показываетъ страны свѣта.

— Сколько странъ свѣта?

— Четыре: Сѣверъ, Югъ, Востокъ, Западъ.

— Хорошо. Иванова! Какія еще изобрѣтенія сдѣлали финикіяне?

Иванова, — блѣдная, золотушная дѣвочка, очень бѣдно одѣтая,

встала и печальнымъ монотоннымъ голосомъ объявила, что финикіяне изобрѣли еще пурпуровую краску.

— А кто былъ, какъ говорятъ, причиной этого изобрѣтенія? Матвѣева!

Матвѣева, занявшаяся было ковыряніемъ стола и должно быть не слушавшая, встала, спрятавъ руки подъ фартухъ, и покраснѣла.

— Кто же былъ причиной?

— Собака, шепчутъ сзади: — собака....

— Соболь!... не разслушавъ пискнула Матвѣева перѣшительно и въ недоумѣніи посмотрѣла на всѣхъ.

Дѣвочки фыркнули въ книги.

Послѣ того вызвано было еще пять или шесть дѣвочекъ, и многія отвѣчали очень хорошо. Видно было, что онѣ, если не все, то очень многое понимаютъ изъ того, что отвѣчаютъ. Потомъ вызвана была одна дѣвочка къ доскѣ; ее заставили написать подъ диктовку басню,— безъ знаковъ препинанія, — другая разставила знаки очень удовлетворительно; хотя замѣтно было, что и эта басня, и разстанавливаніе знаковъ имъ давно знакомы. Въ отвѣтахъ, несмотря на ихъ точность и ясность, не понравилась мнѣ какая-то казенная манера отвѣчать по солдатски, вытянувъ шею и безстрастно глядя въ глаза тому, кто спрашиваетъ. Да и эта излишняя, книжная точность отвѣтовъ, несвойственная дѣтскому возрасту, показалась мнѣ очень подозрительной. Вообще, разсужденія,—какъ я убѣдился и послѣ, — не въ духѣ принятой здѣсь системы. Послѣ этого испытанія, дѣвочки принесли мнѣ посмотрѣть разные воротнички, рукавчики и юбки своей работы; потомъ взяли ноты, стали передо мной въ кучку и запѣли: «Боже царя храни»; потомъ смотритель сказалъ мнѣ, что онѣ въ видѣ забавы учатся и свѣтскому пѣнію.

— Ну-ко, дѣвицы, кукушку!

Всѣ зашевелились, достали другія ноты, стали опять въ кучку и затянули старинную пѣсенку, сочиненную какимъ-то монахомъ: «ты скажи, моя вѣщунья»; при чемъ одна высокая, худощавая дѣвочка дѣлала соло: — ку-ку! ку-у-ку-у! ку-у-ку! ку-ку! ку-ку! и дѣлала въ это время такое наивное и сосредоточенное лицо, что я чуть было не засмѣялся. Наконецъ, узнавъ, что пѣнію обучаетъ діаконъ и поблагодаривъ смотрителя и ученицъ, за доставленное мнѣ удовольствіе, я собрался уходить, но смотритель повелъ меня еще въ младшій классъ, гдѣ супруга его занималась съ дѣвочками рукодѣліемъ. Тутъ я опять имѣлъ случай видѣть огромное количество воротничковъ, чулковъ и проч., очень искусно сдѣланныхъ дѣвочками лѣтъ 9—10. Оттуда мы прошли въ приготовительный классъ, небольшую комнату, гдѣ человѣкъ 50, уже совсѣмъ маленькихъ дѣвочекъ, учились читать. Тутъ

были всевозможныя дѣвочки и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; дѣвочки еще носившія на себѣ явные слѣды роднаго запечья и не успѣвшія еще усвоить себѣ ни этой приличио-безстрастной наружности, ни приторно-школьной безпечности. Дѣвочки вовсе еще невыдѣлашныя, съ большими животами, разпутымъ ртомъ и въ родительскихъ обноскахъ. Но и тутъ показалъ мнѣ смотритель одну только что приведенную, и уже совсѣмъ испорченную дѣвочку, дочь достаточныхъ родителей, которая отлично умѣла читать по знакомой книгѣ, когда ей говорили первое слово, но начавъ читать, она не могла ужь остановиться, а остановившись не могла начать съ середины, или указать слово, которое она только что прочла. Постоявъ нѣсколько минутъ въ классѣ и подивившись успѣхамъ звуковой системы, вышли мы въ сѣни, гдѣ кучей лежало дѣтское платье. Смотритель предложилъ мнѣ пройти съ нимъ въ другое отдѣленіе дома и взглянуть на уѣздное училище. Впрочемъ, тамъ особенно замѣчательнаго мы ничего не нашли. Все было въ порядкѣ: въ первомъ классѣ законъ, учитель объяснялъ мальчикамъ катихизисъ; во второмъ классѣ, нѣсколько глуховатый наставникъ просматривалъ написанную на аспидныхъ доскахъ басню: «лягушка и волъ»; а въ третьемъ, маленькій, но необыкновенно шустрый мальчикъ — во все горло доказывалъ равенство прямоугольныхъ треугольниковъ. Мальчикъ удивительно бойко подскакивалъ къ доскѣ, и подымаясь на цыпочкахъ, ловко постукивалъ мѣломъ по буквамъ, написаннымъ на доскѣ, крича что есть мочи:

— Въ предыдущій разъ показаны были условія равенства всѣхъ треугольниковъ вообще, а посему они относятся и къ прямоугольнымъ. Но равенство сихъ послѣднихъ, какъ болѣе опредѣленныхъ по своей формѣ, можетъ быть доказано и при другихъ условіяхъ, которыя недостаточны для треугольниковъ вообще.

— А какъ доказать равенство прямоугольныхъ треугольниковъ? въ томъ же тонѣ и такъ же громко спрашивалъ учитель, стоя въ нѣкоторомъ отдаленіи и указывая издали мизинцемъ на треугольники, нарисованные на доскѣ.

— Для того, чтобы доказать требуемое, предположимъ, что.... и т. д. Если докажемъ, что A E = D F, то вмѣстѣ съ тѣмъ докажемъ предложеніе,—повернувшись на каблукахъ, кричалъ бойкій мальчикъ. —Для доказательства вышесказаннаго мы можемъ принять три случая.

Кончивъ всѣ три случая и крикнувъ въ заключеніе: «что и требовалось доказать», мальчикъ поклонился, вытеръ себѣ руки и самодовольно сѣлъ на мѣсто.

Прощаясь съ смотрителемъ, я спросилъ его, чѣмъ можно объя-

спить такое огромное число желающихъ учиться въ осташковскихъ школахъ?

— Да какъ вамъ сказать? отвѣчалъ онъ. — Должно быть сознаемъ пользу, что ли. Ужь Богъ знаетъ.

— Мнѣ кажется, что главной причиной этому служитъ грамотность родителей, замѣтилъ я.

Онъ немного помолчалъ и наконецъ, какъ будто раздумывая о чемъ-то, сказалъ:

— Вотъ, видите ли! О родителяхъ я могу вамъ разсказать такой случай: приходитъ ко мнѣ, напримѣръ, какая нибудь тамъ сапожница, что ли, приводитъ мальчика или дѣвочку и говоритъ: «возьмите ихъ, сдѣлайте милость. Мнѣ съ ними, съ пострѣлятами, смерть пришла. И безъ нихъ тошно. Смотрѣть за ними некому: того и гляди другъ дружкѣ глазъ выколятъ; а какъ они половину-то дня въ училищѣ просидятъ, мнѣ все свободнѣе». — Ну, вотъ, я ихъ и приму. И пошли они ходить — учиться. И вѣдь такіе случаи безпрестанно повторяются, чуть ли не каждый день. Мать сама ему не даетъ лѣниться, чтобы онъ ей не мѣшалъ. У насъ, какъ вамъ извѣстно, бѣдныя мѣщанки всѣ до одной заняты работой цѣлый день; разумѣется, ей некогда съ дѣтьми возиться. Въ 4 часа онъ пришелъ домой, мать его опять сажаетъ за книгу; учи къ завтрему урокъ; а потомъ спать. Вотъ и цѣлый день.

— Все это такъ; но согласитесь, что и въ другихъ городахъ та же бѣдность и тѣ же дѣти?

— Въ другихъ городахъ, видите ли, не то: тамъ во-первыхъ, у матерей больше свободнаго времени, потому что въ другихъ городахъ мѣщанки обыкновенно ничего не дѣлаютъ; слѣдовательно имѣютъ возможность сами возиться съ ребятишками; а во-вторыхъ, потому, что тамъ и училища большею частію такъ устроены, что родители боятся посылать туда своихъ дѣтей. То, глядишь, учитель клокъ волосъ у мальчика вырвалъ, то смотритель велитъ сказать отцу, чтобы къ празднику непремѣнно гуся принесъ, а не то, говоритъ, сына запорю. Ну, а у насъ этого нѣтъ. У насъ все это знаете облагорожено. Ну, да что тутъ. Поживете, увидите,—заключилъ онъ, махнувъ рукой, и мы разстались.

Изъ вышесказаннаго, что̀ слѣдуетъ заключить? разсуждалъ я по выходѣ изъ училища: — что вопросъ о народномъ образованіи сводится на вопросъ экономическій. Но тутъ же вспомнилъ о возложенномъ мною на себя обѣтѣ — удаляться по возможности отъ разсужденій и не произносить проговоровъ о томъ, что мнѣ приходится видѣть и слышать; а потому непосредственно послѣ этого благодушно занялся обозрѣніемъ того, что было у меня передъ глазами, т. е. раз-

ныхъ зданій и вывѣсокъ. Шелъ я безъ всякой опредѣленной цѣли, завернулъ въ почтовую контору, спросилъ, нѣтъ ли писемъ изъ Москвы, поклонился неизвѣстно по какой причинѣ поклонившемуся мнѣ лавочнику и вдругъ на одномъ перекресткѣ наткнулся на Ф. Онъ отыскивалъ меня по всему городу и спѣшилъ сообщить повость, что онъ у какой-то вдовы нашелъ тетрадку, въ которой, какъ я могъ догадаться, заключались разныя историческія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія объ Осташковѣ, писанныя какимъ-то умершимъ священникомъ. Я поблагодарилъ его за услугу, и мы пошли вмѣстѣ.

— Ну, куда жь мы теперь пойдемъ? спросилъ я его.

— Да куда хотите. Я было приготовилъ тутъ ужь человѣчка три насчетъ рыбнаго-то промысла. Эти ничего, они могутъ разсказать; я ихъ успокоилъ, чтобы они не боялись; что тутъ ничего такого нѣтъ. Они согласились; ну, а вотъ насчетъ кожевеннаго производства ужь и не придумаю, какъ намъ быть. Есть одинъ, да не скажетъ, боится, и ничѣмъ его не успокоишь. А то вотъ знаю я тутъ еще одного старика. Онъ бы могъ, если бы захотѣлъ, не только о своемъ дѣлѣ, но и обо многомъ бы другомъ могъ разсказать, да нѣтъ, никакъ не уломаешь.

— Вы только познакомьте, можетъ какъ нибудь и уладится дѣло.

— То-то, боюсь. Богъ его знаетъ. Въ какой часъ попадешь: изругаетъ ни зачто. Ужь я думалъ, думалъ....

— Что это за домъ? скажите, пожалуйста!

По ту сторону улицы, изъ деревянныхъ домиковъ самой обыкновенной, провинціальной наружности, такъ и вырѣзывался какой-то старинный, каменный, двухъ-этажный домъ, выкрашенный желтой краской, съ неуклюжими окнами и крутой желѣзной крышей.

— А это духовное училище.

— Знаете что? Нельзя ли туда зайдти — посмотрѣть? Я ни разу не бывалъ въ этихъ заведеніяхъ.

— Я думаю, что можно. Пойдемте, спросимъ.

Тутъ только я вспомнилъ, что на дняхъ я познакомился съ однимъ изъ учителей этого училища, и мы прошли къ нему въ квартиру, тутъ же въ училищномъ домѣ. Въ это время была рекреація, и мы застали его. Не безъ нѣкотораго сердечнаго волненія проходилъ я корридоромъ, гдѣ попались намъ нѣсколько человѣкъ учениковъ, въ затрапезныхъ халатахъ, съ коротко остриженными, точно выщипанными, головами и съ затасканными книжонками въ рукахъ. Когда мы вошли въ убогую комнатку учителя, онъ пилъ чай, встрѣтилъ меня уже какъ знакомаго и предложилъ чаю. Съ Ф. онъ не былъ знакомъ, несмотря на то, что Ф. знаетъ весь городъ. Учителя духовнаго училища живутъ особнякомъ и ни съ кѣмъ почти не зна-

ются, кромѣ духовенства. Я объяснилъ ему мое желаніе — видѣть училище, но онъ сказалъ, что не можетъ меня ввести въ классъ безъ позволенія инспектора, который былъ тутъ же въ училищѣ и исполнялъ должность преподавателя греческаго языка.

— Погодите, я схожу, спрошу.

Онъ ушелъ. Я сталъ разсматривать тетрадки учениковъ, кучей лежавшія на окнѣ. Это былъ переводъ изъ Саллюстія. На другомъ окнѣ лежалъ табакъ, чай, вакса и другія принадлежности туалета. За ширмочками кровать; на стѣнѣ какая-то жалкая картина духовнаго содержанія; у стѣны столъ, диванъ, нѣсколько стульевъ да самоваръ за занавѣской. Вотъ и все. Вернулся учитель съ разрѣшеніемъ, и мы всѣ трое пошли по каменной лѣстницѣ съ обшарканными ступеньками на верхъ; и такъ какъ рекреація уже кончилась, то мой знакомый учитель привелъ насъ въ свой классъ. Онъ училъ латинскому языку. Ученики вскочили и старшій прочелъ молитву. Я попросилъ заставить кого нибудь переводить для того, чтобы мнѣ удобнѣе было разсмотрѣть учениковъ. Боже мой, что это такое?!... И еще, говорятъ, въ Осташковѣ духовное училище одно изъ лучшихъ въ этомъ родѣ. Во-первыхъ, меня поразилъ особенный запахъ, который такъ и бросается въ носъ, только что отворишь дверь въ классъ. Что это за запахъ, трудно опредѣлить. Это какая-то смѣсь, букетъ какой-то, составленный изъ запаха капусты, кислыхъ полушубковъ и дегтярныхъ сапогъ, смѣшанный съ запахомъ живаго человѣческаго тѣла, и притомъ такого тѣла, которое богъ-знаетъ съ которыхъ поръ не было въ банѣ и страдаетъ изнурительной испариной; только испарина эта ужь остыла и прокисла. Это не тотъ прѣлый запахъ жилаго покоя, который всѣмъ извѣстенъ; а другой, уже успѣвшій сконцентрироваться, прогоркшій, страшный запахъ. Комната натоплена и ученики сидятъ кто въ чемъ пришелъ: въ халатахъ, тулупахъ, въ кацавейкахъ, съ бабьими котами на ногахъ, другіе даже въ лаптяхъ, простуженные, съ распухшими лицами и торчащими вихрами. Уныніе какое-то на лицахъ, точно всѣ ждутъ наказанія. Въ другомъ классѣ шла ариѳметика. Учитель вызвалъ ученика къ доскѣ и задалъ задачу. Ученикъ вылѣзъ изъ парты, поклонился учителю, какъ будто остерегаясь, чтобы тотъ его по шеѣ не ударилъ, и поправилъ себѣ штаны. Другой ученикъ подошелъ къ учителю, точно такъ же поклонился, и подалъ мѣлъ. Наконецъ въ третьемъ классѣ, гдѣ ученики были уже постарше и относительно лучше одѣтые, преподавалъ самъ инспекторъ, молодой человѣкъ очень робкаго вида. Когда мы вошли въ классъ — ученики встали, и не садились до тѣхъ поръ, пока имъ не велѣли сѣсть. Одинъ ученикъ дѣлалъ конструкцію, а другой, ужь не знаю зачѣмъ, молча стоялъ за нимъ и смотрѣлъ въ книгу. Побла-

годаривъ инспектора за позволеніе, мы вышли въ корридоръ; вдругъ бѣжитъ за нами инспекторъ.

— Милостивѣйшій государь!...

— Что вамъ угодно?

— Осмѣлюсь утруждать васъ моей всепокорнѣйшей просьбою.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я имѣю нѣкоторое дѣло, о которомъ желалъ бы переговорить съ вами безъ свидѣтелей.

Я записалъ его адресъ и обѣщалъ на дняхъ зайти.

В. СЛѢПЦОВЪ.

РОДНЫЯ КАРТИНЫ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Матрена Марковна Скиѳина, коллежская секретарша, 46 лѣтъ.
Леночка, ея дочь, дѣвица 18 лѣтъ.
Иванъ Максимычъ Бычковъ (изъ военныхъ), дядя Леночки, 49 лѣтъ.
Соня, дочь Бычкова, подруга Леночки.
Иванъ Ѳерапонтычъ Мавзолеевъ
Платонъ Семенычъ Краснопѣвцевъ
Павелъ Авксентьичъ Псаломскій
Терентій Кузьмичъ Фасолевъ
} молодые люди изъ семинаристовъ, —личности дюжинныя, оттертыя въ кастовую жизнь.
Яковъ Петровичъ Пригвожденный, товарищъ ихъ.
Дарья Акимовна, вдова протодьякона, тетка Мавзолеева.
Лукерья Ѳедосѣевна, хожалая приживалка, пользующаяся между туземнымъ людомъ авторитетомъ святости.
Григорій Алексѣичъ Грачишинъ, молодой человѣкъ изъ студентовъ университета, временно проживающій въ городѣ N, по особымъ причинамъ.
Ѳеня, служанка Скиѳиной, дѣвушка 23 лѣтъ.
Иванъ, слуга изъ квартиры Грачишина.

ДѢЙСТВІЕ ПРОИСХОДИТЪ ВЪ ГУБЕРНСКОМЪ ГОРОДѢ, ЛѢТОМЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Комната въ домѣ Скиѳиной. Направо — окна въ садъ; налѣво — дверь во внутреннія комнаты. У задней стѣны диванъ, передъ нимъ столъ и стулья. У окна рабочій столикъ. Леночка сидитъ у него и шьетъ. Матрена Марковна стоитъ шагахъ въ пяти отъ нея).

СЦЕНА I.

Матрена Марковна и Леночка.

Матрена Марковна (*съ небольшимъ азартомъ*). А я нешто у покойницы-матушки своимъ богомъ жизнь вела? Какъ ты думаешь, — своимъ?.. Нѣтъ, сударыня, я у родительницы въ акуратѣ жила, я понимала, какъ подобаетъ мать слушать... Супротивъ ея воли я слова бывало сказать не смѣю, ноги не подниму, маковой росинки не трону! Вотъ какъ я жила! Я, сударыня, Бога боялась!.. Бывало, покойница сидитъ да только руками орудуетъ, — а я такъ и мечусь изъ угла въ уголъ — ажно въ глазахъ темнѣетъ... Вотъ какъ я жила!.. Иной разъ ужь какъ умаешься — до слезъ больно, умереть кажись готова, а супротивъ ея все-таки не смѣешь, потому — грѣха боишься! На то и мать, чтобъ управляла тобою... (*Пауза*) Вотъ я какъ себя понимала!.. Я, сударыня, законъ соблюдала. Супротивничать да озорничать — у меня и на умѣ не было! Резонъ, аль не резонъ — мнѣ все было едино: я все исполняла, всякое дѣло дѣлала!.. Случалось, покойница-то выпимши — какую затѣетъ бурю! просто дымъ коромысломъ!.. Одной брани да ругательствъ — что твой базаръ!.. Ну, и молчишь бывало, дыханія своего не покажешь.... Слушаешь-слушаешь — инда тоска проймѣтъ тебя, — такъ кажись и порѣшила бъ надъ собою! А супротивъ покойницы все-таки не смѣешь... потому — матерніе, а не чужіе глаголы слышишь!.. (*Вздохнувъ*) Вотъ, сударыня, какъ я матери-то слушалась!.. А ты думаешь, худо мнѣ было? Бабушка твоя не любила меня? Охъ, еще какъ любила! Гостинцевъ да сюпризовъ я сколько отъ ней имѣла! Каждый разъ бывало, каждый разъ.... (*Закашливается и не договариваетъ*) Да, оченно любила!... Да и какъ не любить, когда я утѣху

ей дѣлала?... На смертномъ одрѣ она сама мнѣ сказала: «ну, Матрешушка, ты, говоритъ, великую утѣху мнѣ оказывала.... Теперича, говоритъ мнѣ и передъ Господа предстать не опасно, потому въ законѣ, говоритъ, да въ обычаѣ христіанскомъ ты соблюдена»!... (*Помолчавъ*) Такъ вотъ, сударыня моя, въ какой администраціи я у покойницы-матушки жила! Я ее пуще огня боялась, на каждомъ шагу утѣху ей дѣлала... А отъ тебя-то я какую утѣху получаю? Ты подумай—какую? Окромѣ печали — никакой! А еще лѣзешь здравый смыслъ выдумывать, да причуды свои извинять!...

Леночка. Маменька! ну къ чему эти проповѣди? Я вѣдь сказала вамъ, что машиной себя не сдѣлаю, — зачѣмъ же говорить напрасно!..

Матрена Марковна (*помолчавъ*). Съ тобой, какъ я вижу, и вовсе говорить не подобаетъ, — такъ ужь врагъ обуялъ тебя!.. (*Злобно посмотрѣвъ на Леночку — плюетъ*) Да пропадай ты совсѣмъ! Что ужь говорить съ безпутной! Глаза бъ мои не глядѣли!.. (*Идетъ къ дверямъ*).

Леночка. Вотъ гораздо лучше!..

Матрена Марковна (*пріостанавливаясь*). Что-о?...

Леночка. Ничего.... я говорю — давно ужь слѣдовало такъ сдѣлать!..

Матрена Марковна (*возвращается и пристально глядитъ на Леночку*). Алена! и ты — не окаянная?!..

Леночка. Я думаю, нѣтъ...

Матрена Марковна. Нѣтъ, сударыня, ты хуже окаянной... Ты варварка богопротивная! Совѣсти у тебя нѣтъ!

Леночка. Маменька, вы опять ругаться?..

Матрена Марковна. Тварь ты безчувственная! Бога въ тебѣ нѣтъ....

Леночка. Маменька....

Матрена Марковна. Да, сударыня, Бога въ тебѣ нѣтъ.... Безбожница ты окаянная....

Леночка. Неправда, у меня есть Богъ....

Матрена Марковна. Врешь, халдейка! Какой у тебя Богъ? Ты — басурманка идольская....

Леночка. Ахъ, какъ мило!...

Матрена Марковна. У тебя и души-то христіанской нѣтъ... Фармазонка ты нечестивая!...

Леночка. Маменька! Полно вздоръ говорить...

Матрена Марковна. Молчать, мерзавка! Ты мнѣ отвѣтъ подай: гдѣ ты совѣсть дѣла?..

Леночка. Да отвяжитесь отъ меня! Что выко мнѣ пристали?..

Матрена Марковна. Не смѣй пузыриться! Слышишь! Я отвѣчать тебѣ велю!.. Сейчасъ же говори: гдѣ совѣсть дѣла?..

Леночка. Да гдѣ моей совѣсти быть, — во мнѣ совѣсть!

Матрена Марковна. Неправда, сударыня, неправда! Никакой совѣсти въ тебѣ нѣтъ...

Леночка (*съ сердцемъ*). Ну и пускай — нѣтъ!

Матрена Марковна. Извѣстно, нѣтъ! Я это и умираючи тебѣ скажу...

Леночка. Маменька, перестаньте же наконецъ!...

Матрена Марковна. Да, сударыня, и умираючи скажу! И благословенія моего не дамъ...

Леночка. Ну и не давайте!

Матрена Марковна. Не дамъ, сударыня, — вотъ-те Христосъ — не дамъ!... (*Помолчавъ*) Ты ужь такъ и помни теперича — нѣтъ тебѣ моего благословенія!... (*Опять помолчавъ*) Да я при смерти и видѣть тебя не захочу, и прощаться съ тобой не буду! (*Еще помолчавъ*) Да, и прощаться не буду! И не упросишь меня, и не умолишь меня.... Да и на томъ свѣтѣ не прощу! Такъ и скажу предъ Создателемъ: нѣтъ ей отъ меня прощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!... Слышишь, мерзавка?

Леночка. Послушайте, маменька! Да что жь это за комедія? Я наконецъ изъ терпѣнія выйду...

Матрена Марковна. Молчать, жаба болотная! Слова не смѣй! Слышишь! Слова не смѣй!..

Леночка. Вотъ мило! Стану я слушать всякій вздоръ!... Подумайте, что вы говорите!

Матрена Марковна (*горячась*). Я тебѣ, сударыня, не то еще запою! Вотъ погоди — срокъ дай! — я изъ тебя душу повытрясу! Отъ головы до ногъ искащу! Будешь ты у меня помнить, какъ матери не слушаться...

Леночка (*вспыльчиво*). Маменька!..

Матрена Марковна (*перебивая*). Ты, сударыня, душу мою истерзала! У людей — дѣти, а ты у меня змѣя подколодная!... Ну, какая ты мнѣ дочь, а? Какая?... Тварь ты безчувственная, а не дочь! Одно непокорство и есть въ тебѣ!... Вотъ восемнадцатый годъ живешь, а ты мать послушала когда?... говори—послушала? Какъ же! дожидайся отъ тебя!.. Для тебя мать хуже всякаго, про-

сти Господи! Одни мечтанія да книжки тебѣ на умѣ! А развѣ я для книжекъ тебя родила? Даша Бородулиныхъ нешто читаетъ книги?... Отъ книжекъ и гордость у тебя пошла! На твой разумъ — всѣ теперича глупы: и я глупа, и Василиса Абрамовна глупа, и Марѳа Семеновна, и Дарья Акимовна — всѣ, всѣ! Одна ты умна!... Съ большаго-то ума и женихомъ брезгаешь! А чѣмъ онъ тебѣ не женихъ, а? Какого тебѣ жениха надо?!.. Добрая бы дочь за такого человѣка руки мои изцаловала, — а ты мнѣ что вчера запѣла, а? Что ты запѣла? — И глупъ онъ, и образованности не имѣетъ, и понятія его другія, — словно ты принцесса какая!... Да что-жь у тебя за понятія? Откуда ты ума-то набралась? Откуда, а?... Изъ книжекъ начитала? Аль ворóна на хвостѣ принесла?!.. (*Переводя дыханіе*) Нѣтъ, сударыня, окаянство тебя одолѣваетъ — вотъ вся причина!... Ты для него душу отдала! Черезъ это и всѣ фантазіи у тебя происходятъ... А нешто я учила тебя фантазіямъ? Говори — учила? Нешто отъ меня ты стала умомъ раскидывать?... Нѣтъ, матушка, книжки тебя научили! Онѣ тебя замутили!... А пуще всего этотъ сквалыжникъ Грачишинъ, — чтобъ ему пусто было! Онъ тебя скружилъ!... Отъ него все это мудрованіе у тебя пошло... Прежде покрайности уломать тебя было можно,—а теперича никакой резонъ тебя неймётъ! Ты словно не тотъ человѣкъ сдѣлалась... Вотъ до чего онъ тебя довелъ! Онъ, безстыжій, никакой законности въ тебѣ не оставилъ!.. Какія теперича твои помышленія? Все у тебя вздоръ! Никакого обычая знать не хочешь... (*Помолчавъ*) Объ Лукерьѣ Ѳедосѣевнѣ примѣрно,—какъ ты отзываешься? Послушать—такъ уши вянутъ! А нешто Ѳедосѣевна простой человѣкъ? Нешто она какъ мы грѣшные? Съ покойной генеральшей два раза гробу Господню покланялась, святые сны видѣла... Да ты сударыня, этого грѣха въ жизнь свою не замолишь!... А кто же,—стало я тебя такъ научила? Ты отъ меня такую мораль слышала?... Нѣтъ, все онъ, безстыжій, все это онъ тебя наструпилъ! Безъ него ты и подумать бы не смѣла!... (*Помолчавъ*). И ты хочешь, чтобъ я тебя отдала за него? За этакого верхогляда? Да я скорѣй за писаря тебя отдамъ! Тотъ покрайности ко мнѣ почтеніе соблюдать станетъ, въ христіанствѣ жить будетъ!... И думать, сударыня, не смѣй! Съ сегодняшняго же дня, чтобъ ноги его здѣсь не было! Чтобъ я его и на глаза не видала!... Полно ужь мнѣ потакать твоей милости! Я изъ силъ выбилась! Ты никакого уваженія къ матери не чувствуешь!... Вотъ ты молчишь теперь. А отчего ты молчишь? Окаянство въ

тебѣ играетъ! Ты готова проглотить меня! Ты рада въ вѣкъ меня не видѣть!... А нешто я врагъ тебѣ? Нѣшто у меня не болитъ.... (*Леночка бросаетъ шитье и уходитъ. Матрена Марковна, оборванная на словѣ, становится въ тупикъ; на лицѣ ея то изумленіе, то негодованіе; но она быстро приходитъ въ себя и провожаетъ дочь глазами.*) Лети, окаянная! лети! На погибель свою лети! Убѣгай отъ материнихъ словъ! Тебѣ мать давно опостыла! Ты рада въ вѣкъ ее не видѣть! Ты готова душу мою извести! Ты.... (*Голосъ обрывается. Постоявъ минуту, схватываетъ себя за голову и бросается на диванъ*). Господи! Господи! Господи! За что жъ я наказана? За какое согрѣшеніе? за какое неумоленіе?.. (*Плачетъ*) Вотъ дочь-то! Вотъ дѣтище родное! Родной матери супротивница!... (*Плачетъ*). Охъ, погибла моя головушка! Ничего я съ ней не подѣлаю! Нѣтъ у ней ко мнѣ боязни! Никакого приказа моего знать не хочетъ!... (*Опять плачетъ*). Теперь, что я скажу передъ Дарьей Акимовной? Какъ мнѣ передъ ней глаза показать!... «Мать, скажетъ, а не могла дочь уломать!» (*Помолчавъ*). А какъ ее уломаешь? Она вонъ объ Иванѣ Серапіонычѣ и слышать не хочетъ!.. Я сколько вчера надъ ней помучилась, какихъ угрозъ ужь не дѣлала! А нешто вышелъ толкъ?... Охо-хо-хо! Пропала моя головушка! Обнесутъ теперь меня, — по всему городу ославятъ!... (*Плачетъ и погружается въ раздумье. Проходитъ нѣсколько минутъ. Входитъ Оеня*).

СЦЕНА II.

Оеня и Матрена Марковна.

Оеня (*остановившись у порога, и кланяясь*). Барыня-матушка! Помилосердуйте! Будьте добры!...

Матрена Марковна. Что-о?..

Оеня (*вновь кланяясь*). Барыня-матушка! помилосердуйте! Будьте....

Матрена Марковна. Вонъ, мерзавка! И думать не моги!

Оеня. Барыня! ну вотъ какъ передъ Богомъ — не сама собой! Мнѣ что? мнѣ надобности никакой!... Барыня, окажите такую милость....

Матрена Марковна. Вонъ, говорятъ тебѣ! И слышать не хочу!

Ѳеня. Барыня-голубушка! да чемъ же я виновата? Мнѣ приказано,—я и сказала... А почемъ мнѣ знать, что милости вашей въ противность будетъ?.. Она вонъ у самой торговки Аксиньи меня встрѣтимши,—еще тутъ отъ Миколы протопопша стояла,—подходитъ и говоритъ: «Ты, говоритъ, отъ Скюпиной дѣвушка?»—Да, говорю, отъ госпожи Скюпиной. — «А меня, говоритъ, знаешь?» — Да, знаю: вы, говорю, съ Матреной Марковной у Безбрюхиныхъ дитя кстили. — «Ну, такъ кланяйся, говоритъ, своей барынѣ и скажи ей, что она молъ дура, что я ей...

Матрена Марковна (*перебивая*). Вретъ она, безпутная! Сама она дура,—глаза ея безстыжіе!..

Ѳеня. Такъ, говоритъ, и скажи, что — дура, что при первой молъ встрѣчѣ у ней шляпка на затылокъ съѣдетъ!... Такъ, говоритъ, и скажи!

Матрена Марковна. Вретъ она, вѣдьма! У ней самой съѣдетъ!... Ишь купецкое рыло! Да я ей такую пѣсню отпою — въ ушахъ ей зазвенитъ!...

Ѳеня. А протопопша еще и спросила: «это молъ за что кастите?» — Да помилуйте, говоритъ, мужъ убить хочетъ!—«Какъ такъ?» — Да такъ! На крестинахъ у Безбрюхиныхъ я, говоритъ, съ квартальнымъ Синягинымъ кумой была, — ну, значитъ, вечеркомъ и возвращались вмѣстѣ; а Скюпина наврала, что мы съ нимъ обнявшись ѣхали, а потомъ въ паранькинскій трахтиръ завернули.... А я, говоритъ, вотъ накажи меня Богъ, не то-чтобы-что... даже и въ помышленіи, говоритъ, не имѣла...

Матрена Марковна. Вретъ она, безстыжая!

Ѳеня (*плутовски*). Вретъ, барыня-матушка, вретъ! Языкъ-то безъ костей!... А ты, говоритъ, все-таки скажи барынѣ, что она дура, что я ей молъ шляпку на затылокъ... Я, говоритъ, не какая нибудь!... Я, говоритъ, въ христіанскую вѣру слободить ѣздила... Такъ ты, говоритъ, безпремѣнно скажи, что дура!..

Матрена Марковна (*подумавъ*). А ты небось и рада! Тебѣ сейчасъ и по душѣ это, шитая рожа?..

Ѳеня. Да мнѣ что? Какая радость!... Мнѣ надобности никакой!...

Матрена Марковна. Тебѣ надобности никакой! Врешь, безстыдница! А зачѣмъ пошла размазывать?... Ты забыла, про кого говоришь? Ты чай не знаешь, кто я? Говори—не знаешь?

Ѳеня. Для чего не знать?—Калеская секлетарша.

Матрена Марковна. То-то, жаба болотная! А какъ же

ты посмѣла-то, а?... Какъ ты посмѣла? (*Феня молчитъ*) Говори, какъ ты посмѣла?... (*Молчаніе*) Послушай, мерзавка! Что жь ты молчишь? Ты хочешь, чтобъ я изъ тебя кулакомъ отвѣтъ вышибла? (*Идетъ къ Фенѣ съ поднятымъ кулакомъ*)

Феня (*пятясь назадъ*). Барыня! Да что жь вы ко мнѣ пристали? Я нешто своей головой выдумала? Она мнѣ приказала! Ты, говоритъ, смотри—безпремѣнно скажи, что дура!..

Матрена Марковна (*топая ногой*). Молчи, пустоголовая! Какъ ты смѣешь со мной такъ разговаривать?..

Феня. Да что мнѣ смѣть! Я отродясь свое дѣло знаю! А коли вамъ не угодно, такъ я и сама жить у васъ не хочу! (*Отворяетъ дверь*)

Матрена Марковна. Ахъ, ты канапья!... (*Феня уходитъ. Матрена Марковна бѣжитъ къ дверямъ*) Эй, ты! Стой! Воротись! (*Феня возвращается*) Ты съ кѣмъ давеча у воротъ хихикалась?

Феня. У воротъ?

Матрена Марковна. У воротъ!

Феня. Ни съ кѣмъ!

Матрена Марковна. Врешь, мерзавка!

Феня. Что мнѣ врать!

Матрена Марковна. Врешь, говорю! Своими ушами слышала!

Феня. А въ какую жь пору вы слышали?

Матрена Марковна. Давеча!

Феня. Давеча?

Матрена Марковна. Давеча!

Феня. Нѣтъ, ни съ кѣмъ!

Матрена Марковна. Такъ что жь, я глуха, значитъ, была? Уши мнѣ заложило?

Феня. Барыня! Да что это,—ей-богу! Отъ васъ только и есть, что напраслина!.. Хихикалась! Да съ кѣмъ мнѣ хихикаться? Я отродясь не хихикалась!.. Это, должно, собаки шушукались!.. (*Смѣется встороиу*)

Матрена Марковна. Собаки?

Феня. Собаки, барыня-матушка, — кому больше?... Вонъ Азорка, окаянный, никакъ третій день заигрываетъ.... Давеча я ужь водой обливала!.. (*Смѣется про себя*)

Матрена Марковна. Ахъ онъ канапья! Запереть его! Запереть мерзавца! Сейчасъ же бѣги запри! Слышишь!... (*Феня отворяетъ дверь*) Да смотри—хлѣба не давать ему!

Ѳеня. Слушаю-съ! (*Уходитъ, зажавъ ротъ рукою*).

Матрена Марковна (*помолчавъ немного*). Господи! что это за жизнь мученская! Вездѣ тебѣ непріятности! вездѣ безпорядки!... Кажись, нѣтъ того дня, чтобъ быть покойною!... Охъ, хоть бы умереть поскорѣе... И смерть-то нейдетъ! кончины на тебя нѣтъ!... Охъ-хо-хо! Горе мое горькое! (*Задумывается*) Вишь, еще и та вѣдьма глотку распустила — дурой обзываетъ!... Ахъ ты жаба болотная! Обижаться вздумала! Ишь, голь непокрытая!... Ну, погоди, — я же ей дамъ баню! Всѣ ея шашни мужу раскрою! завтра же раскрою!... И чего не было, и то наскажу. Пусть спиной-то отвѣчаетъ.... (*Задумывается, и потомъ заглядываетъ во вторую комнату*) Лепочка! а, Лепочка! (*Въ сосѣдней комнатѣ тишина*) Господи! что она со мной дѣлаетъ! что она со мной дѣлаетъ!... Погибла моя головушка,— охъ, погибла!.. (*Входитъ Ѳеня*)

Ѳеня. Барышня! Къ намъ, кажись, Лукерья Ѳедосѣевна идетъ. Сейчасъ у калитки видѣла. (*Идетъ къ дверямъ*)

Матрена Марковна (*встревоженно*). Ѳедосѣевна?... (*Торопливо поправляетъ чепчикъ и бросаетъ взглядъ въ передній уголъ*) Ахъ, царь небесный! И лампадка-то потухла!... Ѳеня! Ѳеня! зажги сейчасъ лампадку. О, Господи! грѣхъ-отъ какой! Вотъ сраму было бы!... (*Ѳеня зажигаетъ*) Да поскорѣй, Ѳеня! Ну же, скорѣй! (*Смотритъ въ окошко*) А барышня гдѣ?—въ садъ ушла?

Ѳеня. Да, въ саду, кажись... (*Уходитъ. Входитъ Лукерья Ѳедосѣевна*)

СЦЕНА III.

Матрена Марковна и Лукерья Ѳедосѣевна.

Лукерья Ѳедосѣевна (*входя*). Здравствуйте, Матрена Марковна! Миръ дому сему! (*Молится на иконы*) А я вотъ провѣдать васъ зашла....

Матрена Марковна. Спасибо, матушка. Очень вамъ благодарна! (*Цалуются*) Садитесь, Лукерья Ѳедосѣевна,—милости прошу!

Лукерья Ѳедосѣевна (*садясь*). Какъ поживаете, мать моя? Какъ Богъ милуетъ?

Матрена Марковна (*тоже садясь*). Ничего, благодаря Бога, помаленьку.... Въ хлопотахъ больше!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Въ хлопотахъ?

Матрена Марковна. Въ хлопотахъ, матушка!

Лукерья Ѳедосѣевна. Что жь такъ?.. Дѣла какія?..

Матрена Марковна. Да такъ—по хозяйству больше... Того, смотришь, пѣтъ, другаго пѣтъ,—ну, и хлопочешь.... Вотъ третьёго дня изъ-за хлопотъ-то и согрѣшила, грѣшная, — всю всенощную пропустила, какъ-есть пропустила.... Ужь ложась спать вспомнила, что канунъ праздника... Ахъ, ты Боже мой,—думаю, грѣхъ какой сотворила!.. Ну, ужь у обѣдни и помолилась!... Хорошо, кабы Богъ простилъ...

Лукерья Ѳедосѣевна. Ничего, Марковна,—Господь проститъ!..

Матрена Марковна. Далъ бы Богъ, матушка!... А то вотъ намедни еще сонъ не хорошій видѣла....

Лукерья Ѳедосѣевна (*вздыхая*). Сонъ?.. Господи помилуй! Что же за сонъ такой?

Матрена Марковна. Ахъ, матушка! Необнаковенный сонъ! Не знаю, что и думать....

Лукерья Ѳедосѣевна. И, Марковна, — Господня воля! Никто какъ Богъ!.. Да вамъ что же снилось? Разскажите, мать моя!

Матрена Марковна (*вставая*). Сейчасъ, родная, сію минутушку... Пойтить окошко притворить—вѣтерокъ Божій дуетъ... (*Затворяетъ окно*)

Лукерья Ѳедосѣевна. Марковна! да вамъ, когда же—ночью сонъ видѣлся?

Матрена Марковна (*садясь на мѣсто*). Ночью, Ѳедосѣевна, ночью... Днемъ спала—никакого сна не было; а вечеромъ какъ легла — такъ и приснился... Да когда бишь это? Въ среду, кажись?.. Да, въ среду. Признаться, матушка, я таки ужь поздно почивать отправилась, часу въ одинадцатомъ. Отецъ Софроній задержалъ—въ гостяхъ сидѣлъ. Тары-бары, тары-бары—время и прошло! Ну, мы и отправились съ Леночкой ко сну грядущему. Леночка-то раздѣвшись такъ и бухнулась въ постель, даже молитвы не читала.... Я еще и закричала на нее: «что жь ты, говорю, и лба-то не перекрестишь? Нешто этакъ можно?» — «Я говоритъ, устала,—завтра помолюсь». Ну, думаю, какъ хочешь,—не мой грѣхъ!.. А сама-то я, матушка, признаться-таки, всѣ молитвы

Господу проговорила, и родителей покойныхъ помянула — все какъ слѣдуетъ... Легла и я. Сонъ, Ѳедосѣевна, сразу охватилъ меня. Такъ-таки и слышу, что засыпаю... Ну, и заснула... Вотъ и снится мнѣ сонъ. Снится мнѣ, сижу я будто въ Леночкиной комнатѣ; ну и она возлѣ меня, тутъ же... Въ комнатѣ-то, сказать примѣрно, настоящіе сумерки; а окошко отворено настежь. Вотъ мы и сидимъ, ничего не думаючи. Вдругъ, матушка, откуда ни возьмись, влетаетъ къ намъ пѣтухъ,—да такой бѣлый, такой бѣлый — хоть бы пятнышко на немъ! Влетѣлъ — и давай во все горло пѣть: кукареку! кукареку! кукареку! И все поетъ да къ Леночкѣ ластится,—просто на руки къ ней взлетаетъ! Я и думаю во снѣ-то: «Господи! что́ за чудо такое? Ужь не отъ враговъ ли наслана зараза какая»?... (*Обращаясь къ Ѳедосьевнѣ*) Вѣдь это бываетъ, матушка, отъ злыхъ людей?

Лукерья Ѳедосѣевна. Бываетъ, Марковна, бываетъ! Отъ супостата всякое прельщеніе бываетъ...

Матрена Марковна. Ну вотъ и почала я выгонять его,—и все кричу да машу платкомъ, чтобъ, значитъ, замолчалъ... А онъ, матушка, еще громче, еще громче заревѣлъ—просто такъ и заливается. Ахъ ты погань этакая! Что тутъ станешь дѣлать?... Вотъ и взяла меня злость на него: «ну, думаю себѣ, погоди же!» Схватила на столѣ ножъ—и давай ему горло рѣзать. Ну, и рѣжу. Только что жь? Слышу я, а онъ и подъ ножомъ у меня поетъ, такъ-таки и поетъ,—ей-богу истинную правду вамъ говорю!

Лукерья Ѳедосѣевна. И подъ ножомъ?

Матрена Марковна. И подъ ножомъ, Ѳедосѣевна! и подъ ножомъ, матушка!... (*Помолчавъ*) Ну, я и давай бѣгать за другимъ ножомъ. Возвращаюсь, смотрю, а онъ,—охъ, страсти тяжкія! — сидитъ, окаянный, на лѣвомъ плечѣ у Леночки, да еще громче поетъ,—и она за нимъ, и она за нимъ такъ-таки и поетъ по пѣтушьему!.. Ахъ, матушка, Ѳедосѣевна! Такой тутъ трепетъ взялъ меня — и сказать вамъ не умѣю! Просто смерть моя предъ глазами...

Лукерья Ѳедосѣевна (*качая головой*). Какъ не быть трепету! Вѣстимо душа христіанская въ страхѣ... Поневолѣ боязно!

Матрена Марковна. Да, матушка, такъ ужь боязно,—сказать вамъ не умѣю! Руки у меня такъ и опустились! Стою и глазамъ своимъ не вѣрю!

Лукерья Ѳедосѣевна. Напрасно, мать моя, крестомъ не осѣнили себя!..

Матрена Марковна. Ахъ, Ѳедосѣевна,—осѣняла, матушка, осѣняла! Какъ только опомнилась маленько, такъ и принялась громко, съ крестнымъ знаменіемъ, молитву читать. Читаю, а сама точно въ лихорадкѣ дрожу и ноги у меня подкашиваются... (*Помолчавъ*) Ну, да это еще не конецъ! Дальше-то такіе ужасы пойдутъ, что и вспомнить страшно!.. (*Еще помолчавъ*) Вотъ какъ почала я молитву творить, — смотрю, а у Леночки... Охъ, нѣтъ, Ѳедосѣевна, — не могу я дальше говорить!...

Лукерья Ѳедосѣевна. Да говорите, матушка, Христосъ съ вами!..

Матрена Марковна. Охъ, не могу... Боязно, Ѳедосѣевна!

Лукерья Ѳедосѣевна. Боязно?

Матрена Марковна. Боязно, матушка, — охъ, какъ боязно!..

Лукерья Ѳедосѣевна (*докторально*). А вы осѣните себя крестнымъ!.. Осѣните, Марковна! (*Матрена Марковна крестится*). Еще разъ! еще разъ!.. Ну, что?

Матрена Марковна. Легче, матушка,—куда какъ легче!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Отъ крестнаго, мать моя, всегда человѣку легче... Ну, дальше что? Продолжайте, матушка!

Матрена Марковна. Ужасы, родная, — просто ужасы!.. Вотъ какъ почала я, говорю, молитву творить, — смотрю, а у Леночки крылья на плечахъ—настоящія какъ-есть крылья! Такъ и ростутъ, матушка, такъ и воздвигаются... «Господи»! восклицаю мысленно: «спаси да помилуй!» А душа у самой такъ и замерла! точно вотъ конецъ мой приближается!.. Вдругъ, въ самую эту минуту, что же дѣлается? Вбѣгаетъ, матушка, въ комнату шесть свиней, да такія большущія — одна другой больше... (*Прислушивается къ чему-то*) Я, знаете, и обрадовалась имъ. Гляжу это на нихъ, а самой-то на душѣ и легче... Такъ вотъ и чувствую, что легче... Что жь, Ѳедосѣевна? какъ бы вы думали? Лишь вбѣжали это свиньи,—Леночка-то и пѣтухъ какъ встрепенутся да взмахнутъ крылышками—такъ и полетѣли въ окошко, такъ на востокъ солнца и полетѣли!.. А за ними лишь полоса огненная въ воздухѣ... (*Смотритъ на Ѳедосѣевну*) Вотъ, матушка, сонъ какой!.. (*Печально*) Не къ добру, Ѳедосѣевна, — охъ, не къ добру я его видѣла...

Лукерья Ѳедосѣевна. Зачѣмъ же не къ добру, мать моя? Господь милостивъ.... У Создателя много милосердія.... А сонъто, признаться сказать, необпаковенный!...

Матрена Марковна. То-то, Ѳедосѣевна,—я и говорю: не простой... Во всю жизнь вотъ въ первый разъ прилучился!

Лукерья Ѳедосѣевна. Что и говорить! Я сама сколько живу, а такого не видала.... Одно слово—необыкновенный!..

Матрена Марковна (*послѣ небольшаго молчанія*). И не знаю, матушка, ума не приложу, что̀ бы предвѣщалъ онъ? Никакого сужденія не придумаю.... Будь еще въ человѣческомъ образѣ—другое дѣло; а то вѣдь пѣтухъ—тварь земная!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Трудно придумать, мать моя, — очень трудно!... (*Помолчавъ*). Меня вотъ, признаться, занимаетъ больше, что̀ бы означалъ пѣтухъ бѣлый? Вѣдь бѣлый, Марковна, на пѣтухѣ цвѣтъ-то былъ?

Матрена Марковна. Бѣлый, матушка.... хоть бы одно пятнышко!

Лукерья Ѳедосѣевна. Не придумаю, мать моя, кому бы быть въ бѣломъ?..

Матрена Марковна (*помолчавъ*). Матушка! не врагъ ли рода человѣческаго?

Лукерья Ѳедосѣевна. Ну, пѣтъ, родная! Анаѳемской силѣ не зачѣмъ тутъ быть...

Матрена Марковна. Не зачѣмъ?

Лукерья Ѳедосѣевна. Не зачѣмъ, мать моя,—это вѣрно! (*Наступаетъ общее молчаніе. Марковна и Ѳедосѣевна задумываются. Въ сосѣдней комнатѣ бьютъ часы. Ѳедосѣевна, съ послѣднимъ ударомъ, поспѣшно поднимается*). Батюшки! время-то какъ бѣжитъ! Господи помилуй!... Пора мнѣ, грѣшной, костями двигать! Къ отцу Симеону поспѣть бы...

Матрена Марковна. Что̀ вы, Ѳедосѣевна! Посидите, матушка!

Лукерья Ѳедосѣевна. Охъ, некогда. Опоздаю, Марковна! У отца Симеона дочь именинница.... Ждать будутъ.

Матрена Марковна. Да посидите, желанная! Еще поспѣете. Вотъ чайку напьемся.... Сейчасъ велю самоварчикъ согрѣть.

Лукерья Ѳедосѣевна. Не могу, дорогая! Долгонько будетъ! Задержите, мать моя, безпремѣнно задержите...

Матрена Марковна. И, пѣтъ, матушка! Сію минутушку поспѣетъ. (*Уходитъ и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается*).

Лукерья Ѳедосѣевна (*оставшись одна*). Охъ-хо-хо! Сонъ-то какой! Господи помилуй!...

МАТРЕНА МАРКОВНА (*входя*). Да присядьте, Ѳедосѣевна! Что вы утруждаетесь!...

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Сидѣла, мать моя,—все-то сидѣла...

МАТРЕНА МАРКОВНА. Ну, а какъ здоровьишко-то ваше? И забыла спросить!

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Слава-богу!..

МАТРЕНА МАРКОВНА. Ну, и слава Богу! (*Помолчавъ, вздыхаетъ*). Охъ-хо-хо! Горестей-то у васъ пѣтъ, матушка! Кручинушки Богъ не далъ! Вотъ я, грѣшная, изъ силъ выбиваюсь, вся утробушка болитъ.... кажись, конецъ мой скоро будетъ!...

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Что вы, матушка! Да какія жь у васъ горести?..

МАТРЕНА МАРКОВНА (*вздыхая*). Охъ, Ѳедосѣевна! большія горести! великія горести! Не знаю, за что и наказалъ меня Творецъ! (*Прикладываетъ къ глазамъ платокъ и начинаетъ плакать*).

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА (*съ участіемъ*). Что вы это, матушка? Христосъ съ вами!

МАТРЕНА МАРКОВНА. Охъ, Ѳедосѣевна! охъ, родная! Погибель моя приходитъ!... (*Продолжаетъ плакать*).

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Что вы, Марковна! Создатель съ вами!..

МАТРЕНА МАРКОВНА (*сквозь слезы*). Погибель, матушка! Охъ, погибель!...

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Полно, Марковна! Да какая жь погибель?

МАТРЕНА МАРКОВНА. Охъ, Ѳедосѣевна! охъ, родная!... (*Плачетъ*).

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Марковна! да что высокрушаетесь?... Полно убивать себя! Разскажите, матушка, облегчите душеньку — что у васъ такое?..

МАТРЕНА МАРКОВНА (*сквозь слезы*). Охъ, Ѳедосѣевна! охъ, голубушка! Леночка у меня супротивница....

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА. Леночка?... Что вы, мать моя! Можетъ ли это быть?

МАТРЕНА МАРКОВНА. Супротивница, Ѳедосѣевна,—охъ, супротивница!.. Сразила мою головушку...

ЛУКЕРЬЯ ѲЕДОСѢЕВНА (*вздыхая*). Господи помилуй! Что жь это она... Матушка, да полно вамъ плакать!.. Перестаньте, родная! облегчите душеньку! (*Марковна продолжаетъ плакать; Ѳе-*

досѣевна, вполголоса:) Марковна! да что она у васъ—аль грѣхъ на душу взяла?..

Матрена Марковна (*сквозь слезы*). Охъ, нѣтъ, Ѳедосѣевна,—не грѣхъ, матушка! Богъ милуетъ!.. Нѣтъ, голубушка, не грѣхъ!.. Хуже грѣха...

Лукерья Ѳедосѣевна (*со вздохомъ*). Господи помилуй! Господи помилуй!

Матрена Марковна. Да, матушка, — хуже грѣха! Тутъ дѣло ужь къ беззаконію... (*Заливается слезами*)

Лукерья Ѳедосѣевна (*съ изумленіемъ*). Къ беззаконію?...

Матрена Марковна. Къ беззаконію, голубушка! Охъ, къ беззаконію!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Да къ какому жь беззаконію?..

Матрена Марковна. Къ беззаконію, матушка, къ настоящему беззаконію...

Лукерья Ѳедосѣевна. Что вы, Марковна! Создатель съ вами! Да къ какому жь беззаконію?

Матрена Марковна (*схватывая себя за голову*). Ахъ, Ѳедосѣевна! ахъ, голубушка! горе мое, горе мое!.. За что только наказалъ меня Творецъ!.. (*Снова плачетъ*)

Лукерья Ѳедосѣевна. Матушка, да перестаньте сокрушаться! Что вы убиваете себя?.. Ну, полно, родная! Раскажите, откройте душу...

Матрена Марковна. Охъ, не трожьте, Ѳедосѣевна! Дайте мнѣ поплакать минутку... (*Закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

Лукерья Ѳедосѣевна (*послѣ небольшаго молчанія*). Господи! Что жь это у васъ дѣется, — не пойму я....

Матрена Марковна (*утирая слезы*). Ахъ, Ѳедосѣева! Нехорошее дѣется!.. Наказалъ Господь! Леночка-то... (*Голосъ обрывается*)

Лукерья Ѳедосѣевна. Что Леночка?..

Матрена Марковна. Леночка въ фармазонскую вѣру перешла... (*Плачетъ. На лицѣ Ѳедосѣевны выражается испугъ*)

Лукерья Ѳедосѣевна (*приходя въ себя*). Что вы, Марковна! что вы! Можетъ ли это быть?..

Матрена Марковна (*съ глубокой скорбью*). Скружилась, Ѳедосѣевна, начистоту скружилась...

Лукерья Ѳедосѣевна. Марковна, — Христосъ съ вами! Да она на такое дѣло не пойдетъ! Это быть не можетъ!..

Матрена Марковна! Пошла, матушка, погубила душу!.. (*Продолжаетъ плакать*)

Лукерья Ѳедосѣевна. Марковна! Я не повѣрю этому! Леночка не посмѣетъ такой грѣхъ на душу взять... Нѣтъ!

Матрена Марковна (*вздыхая*). Охъ, не говорите! Она вѣдь не сама собой... Ее проходимецъ этотъ замутилъ!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Грачининъ?..

Матрена Марковна. Грачининъ, родная!.. Онъ, безстыжій, онъ всю бѣду надѣлалъ... (*Плачетъ*)

Лукерья Ѳедосѣевна (*подумавъ*). Матушка! да полно... Не ошибаетесь ли вы, мать моя? Можетъ, она и на умѣ не имѣетъ...

Матрена Марковна (*печально*). Охъ, имѣетъ, Ѳедосѣевна! Загубила душеньку! Потеряла головушку!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Да когда же это, Марковна? Давно ли?

Матрена Марковна (*помолчавъ, вздыхаетъ*). Охъ, давно, родная, — не вчерашнее дѣло! Почитай, съ прошлаго еще лѣта онъ ее смутилъ... Съ той еще поры, какъ уроки сталъ давать... (*Молчитъ долгое время, потомъ вздыхаетъ*). До него-то, матушка, все еще куда ни шло: она таки состояла у меня подъ началомъ... Бывало, если и задуритъ, то ужь рѣдко, что ее не уломаешь... Да и насчетъ закосности—тоже никакихъ фантазій за ней не было: изрѣдка развѣ сбрендитъ что, да и то потому больше, что она ужь съ малолѣтства такая безпардонная была—до всего своимъ умомъ дойти хотѣла! (*Опять вздыхаетъ*) Охъ-хо-хо! горе мое, горе мое! (*Задумывается*) А тутъ, какъ прошколилъ онъ ее это время, на нее какъ будто затмѣніе какое нашло... Гляжу я, а у ней съ каждымъ днемъ, матушка, и то — вздоръ, и это — вздоръ, и третье — вздоръ, и десятое — вздоръ, все — вздоръ!.. Никакихъ твоихъ уставовъ знать не хочетъ!.. И не то, чтобы сама завела рѣчь о своихъ помыслахъ, — нѣтъ, она все молчитъ: только ужь всякое дѣло по-своему правитъ... А накинешься на нее, тутъ она и скажетъ: «я такъ, говоритъ, хочу! Такъ, должно, говоритъ, быть!» И почнетъ, и почнетъ свои резоны...

Лукерья Ѳедосѣевна (*вздыхая*). Господи помилуй! Какъ же она грѣха не боится!..

Матрена Марковна. Да я и сама не пойму. Одно слово: скружилась.

Лукерья Ѳедосѣевна. Да, вы, матушка, прежде-то чего

же смотрѣли? Надо было безбожнику этому тотчасъ же порогъ указать!..

Матрена Марковна. Не знала, матушка, не знала — откуда что берется... Опослѣ ужь опомнилась... По-началу-то и на мысль не всходило. Все думала, врагъ ее смущаетъ, искушеніе творитъ... Анъ послѣ спохватилась! Да и то, спасибо, добрый человѣкъ наставилъ... Приходитъ это къ намъ въ гости, посидѣлъ часокъ-другой, да и глянь въ ейныя-то книжки... Какъ глянулъ, такъ и ахнулъ, родная, такъ и ахнулъ... «Матушка! говоритъ да сіи книги беззаконныя! Онѣ, говоритъ, на пагубу человѣку... Это, говоритъ, по стихіямъ міра сего... Кто ихъ у васъ читаетъ?»— Да это, говорю, Леночка у меня читальщица, — она надъ ними корпитъ... «Ахъ, матушка, что вы дѣлаете! Она душу свою погубитъ... Это книги злохудожныя! Всесожженію, говоритъ, предайте,—всесожженію предайте!..» Тутъ только я и поняла, откуда что берется... Сейчасъ увидѣла, что это отъ него, безстыжнаго, — отъ него зло происходитъ. Онъ ее смущаетъ!.. (*Вздохнувъ*), Охъ, да ужь поздно, родная, поздно спохватилась... (*Начинаетъ плакать. Входитъ Ѳеня и ставитъ на столъ самоваръ съ чайнымъ приборомъ. Марковна отираетъ слезы и суетится около чайника. Ѳеня уходитъ*)

Лукерья Ѳедосѣевна. Да, мать моя, не хорошее у васъ дѣло! Очень мнѣ жалко!... (*Помолчавъ*) Что жь! времена нынче такія! Плашида Иродова.... (*Качая головой*) Не быть добру! Не быть добру!..

Матрена Марковна (*вздыхая*). Гдѣ быть, родная! Охъ, гдѣ быть!... (*Снова начинаетъ плакать*).

Лукерья Ѳедосѣевна. Матушка! да полно вамъ слезы лить. Господа молите!... Господь помощь дастъ!... Слезы не облегчатъ горя. Такое дѣло молитвы требуетъ...

Матрена Марковна (*сквозь слезы*). Охъ, молюсь, родная! Все мое упованіе на Господа.... Вотъ хочу еще молебны отслужить.... Можетъ, Господь и вразумитъ ее! (*Наливаетъ чай и подаетъ Ѳедосѣевнѣ*).

Лукерья Ѳедосѣевна. Доброе дѣло, матушка, благое дѣло.... Непремѣнно отслужите! Да заставьте ее святой воды напиться.... Ну, и постель не забудьте окропить.... (*Пьютъ чай; нѣсколько минутъ молчаніе*).

Матрена Марковна. Ахъ, Ѳедосѣевна, кабы Господь по-

могъ — послѣдней копѣйки не пожалѣла бы!... Кажись, все бы имущество на Господню святыню отдала...

Лукерья Ѳедосѣевна. Поможетъ, Марковна!... Господь поможетъ... (*Помолчавъ нѣсколько*) Да пора бы вамъ и замужъ ее отдавать.... Мужъ все-таки глава.... Тогда у ней и мысли другія пойдутъ...

Матрена Марковна. Думаю, мать моя, думаю.... И объ этомъ не забыла!... И женихъ-то у меня есть.... И дѣло-то слажено.... Да вотъ ее-то никакъ не уговорю!

Лукерья Ѳедосѣевна. А кто женихъ?

Матрена Марковна. Да Мавзолеевъ, матушка! Племянникъ Дарьи Акимовны.... Хорошій парень!... Вы вѣдь знаете его?

Лукерья Ѳедосѣевна. Видѣла, Марковна, — почтительный юноша.... Это сынъ благочиннаго-то?

Матрена Марковна. Онъ, родная!... Дядя-то у него протопопомъ въ Долохнѣ.... Фамилія-то все хорошая...

Лукерья Ѳедосѣевна. Ну, и что жь?

Матрена Марковна. Да вотъ супротивничаетъ, окаянная! И слышать не хочетъ!... Вчера весь вечеръ ее уговаривала, всѣ резоны подводила, — нѣтъ! И думать не моги!

Лукерья Ѳедосѣевна. Что жь такъ?

Матрена Марковна. Да что! Блажь на умѣ!... «Не хочу! не пойду!» — и все тутъ!... Ужь я, признаться, вчера и пригрозилась на нее.... Такъ что жь? Она на меня же взъѣлась! «Какъ вы смѣете, говоритъ, жениха мнѣ выискивать? Это, говоритъ, не ваше дѣло! Вы, говоритъ, должны ждать, кого я сама изберу!»

Лукерья Ѳедосѣевна (*качая головой*). Ишь ты! Ишь ты!..

Матрена Марковна. Право, матушка, вотъ этими словами и раскричалась на меня!... А потомъ и давай мнѣ вопросы задавать: «вы, говоритъ, понимаете ли, что такое женихъ?... вы, говоритъ, знаете ли, что такое чувство?...» И почала, и почала какую-то тарабарщину.... Я ужь и не упомню, что она говорила!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Господи помилуй! Господи помилуй!

Матрена Марковна (*со вздохомъ*). Да, родная! И слышать не хочетъ!..

Лукерья Ѳедосѣевна. А вы и не спросили ее, отчего же она не хочетъ? Можетъ, онъ не любъ ей...

Матрена Марковна. Какъ не спросить — спрашивала! Чай раза четыре допрашивала.... Сначала-то и отвѣчать не хотѣла!... А потомъ, когда я почала ее своими глаголами донимать, она и брякнула: «забудьте, говоритъ, и думать, чтобъ я за Мавзолеева вышла. Этого никогда не будетъ!...» Почему же, говорю, не будетъ? — «Да потому не будетъ, что я, говоритъ, не пожертвую себя подобному человѣку!» Вотъ, матушка, резонъ какой!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Ужь, Марковна, не за этого ли бохвала она хочетъ?

Матрена Марковна (*съ сердцемъ*). Не отдамъ я ее за него! Въ жизнь свою не отдамъ!... Скорѣе смерть ей сдѣлаю, — а не отдамъ. Пусть и думать забудетъ!

Лукерья Ѳедосѣевна. Матушка! а вы лаской больше дѣйствуйте. Это скорѣе смягчитъ ее.... Она и одумается!

Матрена Марковна. Дѣйствую, родная, и лаской дѣйствую.... Вчера и то говорила ей: подумай, говорю, чѣмъ онъ не женихъ тебѣ? Какого тебѣ еще жениха надо? Ты, дура, должна, говорю, на шею ему броситься!.. Сообрази только: парень онъ не пьющій, изъ себя здоровый, образованность получилъ хорошую; отцы и родители его, говорю, люди почетные: отецъ молъ девять лѣтъ благочиннымъ живетъ, а женинъ братъ въ протопопахъ состоитъ, — такъ чѣмъ же, говорю, онъ не женихъ тебѣ?

Лукерья Ѳедосѣевна. Да, да, — резонами больше уговаривайте! Резонами!..

Матрена Марковна. Ужь не за чиновника ли, говорю, хочешь? Эхъ, сударыня! спроси, говорю, меня — каково за чиновникомъ быть.... Съ покойнымъ твоимъ отцомъ чай шестнадцать лѣтъ прожила, — такъ насмотрѣлась, говорю, этой благодати.... Воинъ и вѣкъ мой пропалъ за нимъ, — никакой пріятности не имѣла.... (*Вздыхаетъ*) Еще благо, говорю, что покойникъ на копѣйку былъ падокъ, да и приберечь ее умѣлъ, а то бы мнѣ съ тобой теперь по міру ходить!... А ты посмотри, говорю, какъ другіе за чиновниками живутъ: радостнаго дня не видятъ, въ кускѣ хлѣба нужду терпятъ...

Лукерья Ѳедосѣевна. Да, матушка, ужь подлинно терпятъ.... Истинную правду говорите!

Матрена Марковна. А будешь, говорю, за Иванъ Ѳерапонтычемъ — тебѣ круглый годъ масляница: никакого прискорбія такого и знать не будешь!... Я сама, говорю, духовнаго происхожденія, такъ знаю жизнь эту не хуже своихъ пальцевъ.... У тебя всего будетъ въ изобиліи: и коровушка своя, и курица своя, и уточка своя, и яичко, и молочко и овощь всякая, — ну, словомъ, вся принадлежность домашественная. На готовый грошъ покупать ужь не станешь... Только живи да Бога моли!..

Лукерья Ѳедосѣевна. Резонъ, матушка, резонъ! Что и говорить!

Матрена Марковна (*вздыхая*). Ну, да что̀ съ ней подѣлаешь! Заломила свое — и слушать не хочетъ!... «Напрасно, говоритъ, и слова̀ тратите, — не хочу я этой жизни! Это, говоритъ, жалкая жизнь....» (*Помолчавъ, вздыхаетъ*) Вотъ такая-то, матушка, печаль моя... Не знаю, что и дѣлать! Ума не приложу!

Лукерья Ѳедосѣевна (*подумавъ*). А вы бы, мать моя, дали ей одуматься... Можетъ, она погодя и придетъ въ разумъ...

Матрена Марковна. Надо, матушка, надо,—видимое дѣло дать надо.... Сама вижу.... Да вотъ бѣда моя — слово дала: Дарью-то Акимовну увѣрила.... Сегодня узнать придутъ: отвѣтъ сказать нужно!... Вотъ горе-то! Осрамила я себя!... Молва-то пойдетъ: «мать, скажутъ, а не могла дочь уломать!...»

Лукерья Ѳедосѣевна. Да вѣдь, матушка, и имъ-то спѣшить нечего. Не сейчасъ же подъ вѣнецъ!... Ему-то еще годъ остается въ ученіи... Такъ, кажись?

Матрена Марковна. Такъ, родная, такъ, — годокъ еще.... Да вѣдь мы только обручить хотѣли, чтобы, значитъ, въ покоѣ быть...

Лукерья Ѳедосѣевна. Ну, вы и скажите, что она еще не рѣшилась.... Повременили бы маленько.... А тамъ погодя непремѣнно молъ согласится.... Такъ и завѣрьте ихъ!

Матрена Марковна (*цалуя ее*). Спасибо, родная, — за доброе слово. Такъ и скажу!

Лукерья Ѳедосѣевна (*вставая со стула*). Ну, пора и двигаться. Засидѣлась я, матушка, у васъ, — охъ, какъ засидѣлась!

Матрена Марковна. Спасибо, родная, большое спасибо! Почаще заходите. Милости просимъ!

Лукерья Ѳедосѣевна (*цалуя Марковну*). Благодарствуй-

те, милая, за угощеніе! Господь васъ наградитъ! Прощайте! (*Цалуются*).

Матрена Марковна. Такъ вы теперь къ отцу Симеону?

Лукерья Ѳедосѣевна. Къ отцу Симеону, матушка, къ отцу Симеону. Чай осердятся еще.... (*Черезъ секунду*) Добрые люди!...

Матрена Марковна. Такъ погодите — вмѣстѣ выйдемъ. Мнѣ къ Андрофиловымъ зайти надо.... Посидите, родная! Сейчасъ мантилью накину.... (*Уходитъ во вторую комнату и чрезъ минуту возвращается одѣтая*) Матушка! а я ужь того.... просить васъ буду — пусть это между нами.... Не разсказывайте, родная! не опорочьте!..

Лукерья Ѳедосѣевна (*съ недоумѣніемъ*). На счетъ чего, Марковна?

Матрена Марковна. Да на счетъ Леночки, родная!.. Будьте благодѣтельницей! Это я только вамъ открылась....

Лукерья Ѳедосѣевна. Что вы, мать моя! что вы!... За кого меня принимаете?... Нѣтъ, голубушка, Боже упаси! Словечка не пророню.

Матрена Марковна. Спасибо, родная!.. (*Уходятъ. Входитъ Ѳеня*).

СЦЕНА IV.

Ѳеня.

Ѳеня (*подходя къ столу*). У! старыя вѣдьмы!... На силу-то съ мѣста поднялись.... (*Наливаетъ себѣ чай*) Господи! и живутъ же на свѣтѣ этакія дуры—громъ ихъ не убьетъ!... (*Передразниваетъ*) «Матушка да матушка», «родная да желанная»—у! каверзные! ушамъ даже больно.... И что это она о Григоріѣ Алексѣичѣ барабанила—не вслушалась я хорошенько.... (*Помолчавъ*) Дура она дура! думаетъ она съ барышней сладить! Куда тебѣ, голубушкѣ!... Далеко свиньѣ на небо глядѣть! О, какъ далеко!.. (*Еще помолчавъ*) Ахъ, люблю я нашу барышню! Ужасть какъ люблю! Жизни бы для ней не пожалѣла.... Вотъ ужь добрая душа—чистый ангелъ!... Бѣдненькая! она только и говоритъ что со мной.... И пойти-то ей некуда.... (*Допиваетъ чай*) А Григорій Алексѣичъ вчера опять не пришелъ!... Что это съ нимъ?... (*Чрезъ секунду*) А она-то, голубушка, какъ ждала!... Къ нему

уже идти хотѣла.... (*Вздыхаетъ*) Господи! какъ она его любитъ! какъ она его любитъ!... Въ жизнь свою не видала!.. (*Подумавъ*) Ну, да и онъ ее любитъ... (*Подходитъ къ окну и смотритъ въ садъ*) Гдѣ жь это она закопошилась?... Барышня-голубушка! побѣгу я къ ней.... (*Бѣжитъ черезъ комнату. Въ это время входитъ Грачининъ. Феня останавливается*) Ахъ!.. Григорій Алексѣичъ!.. Григорій Алексѣичъ!... Вотъ радость... Гдѣ жь вы пропадаете?.. Что съ вами?... Вонъ барышня жизни не рада!... Ишь не добрые.... Ну, садитесь. Я сейчасъ! вотъ только самоваръ уберу.... (*Собираетъ чашки*)

Грачининъ. Гдѣ барышня?

Феня. Она въ саду. Сейчасъ я побѣду! Обождите минутку.... Господи! вотъ радости-то будетъ!... (*Идетъ съ самоваромъ и чашками*)

Грачининъ. А Матрены Марковны нѣтъ дома?

Феня (*у дверей*). Нѣтъ! Она ушла... (*Уходитъ*)

СЦЕНА V.

Грачининъ и Леночка.

Леночка (*вбѣгая и бросаясь на шею Грачинину*). Гриша!... Гриша!... (*Цалуетъ его нѣсколько разъ*). Здравствуй, варваръ! Гдѣ пропадалъ, а? (*Опять цалуетъ*) Говори—гдѣ пропадалъ?...

Грачининъ. Дома сидѣлъ. Нездоровилось, Леля...

Леночка. Врешь, Гриша, врешь! Правду говори!

Грачининъ. Право, дома! Зачѣмъ лгать!

Леночка (*обнимая его*). Ну, вѣрю, вѣрю... Слушай, Гриша, какую новость я тебѣ скажу!... Ахъ, Гриша, ужасная новость. Ты не думай пустая!... Вчера.. . Да нѣтъ! не скажу, не скажу! Помучить тебя надо.... (*Треплетъ его за ухо*) Надо, — надо тебя помучить! (*Обнимаетъ и снова цалуетъ*) Послѣ, голубчикъ, послѣ скажу....

Грачининъ. Фи, Леночка! Къ чему мучить! Нѣтъ, скажи!

Леночка (*глядя ему въ глазу*). Сказать, Гришенька, а? Сказать?

Грачининъ. Скажи!

Леночка. Сейчасъ, Гриша, погоди... (*Бѣжитъ въ другую

комнату и тотчасъ возвращается) Да нѣтъ, Гриша! Ты отгадай! отгадай, голубчикъ!

Грачининъ (*смѣясь*). Вотъ вздумала! Ахъ ты дитя шаловливое... (*Хочетъ ее обнять. Леночка уходитъ. Грачининъ бѣжитъ за нею*)

Леночка (*убѣгая*). Нѣтъ, Гриша, нѣтъ—отгадай! отгадай, милый!..

Грачининъ (*останавливаясь*). Ну, ладно. Сядемъ прежде!

Леночка (*заботливо*). Ты усталъ, Гриша?.. (*Поспѣшно подходитъ къ нему*) Скажи, ты работалъ сегодня?...

Грачининъ. Работалъ....

Леночка (*схватывая его голову и горячо цалуя въ лобъ*). Ахъ ты труженикъ мой великій! Ну, сядемъ... (*Садятся на диванъ. Леночка, усѣвшись около Грачинина, опускаетъ голову на его плечо*)

Грачининъ (*помолчавъ нѣсколько*). Ну, что жь новость-то? Какъ же мнѣ отгадывать? (*Леночка молчитъ. Грачининъ слегка толкаетъ ее рукой*) А, Леленька! ты что же задумалась?.. (*Смотритъ ей въ лицо*) Леночка! что это?! Ты плачешь?..

Леночка (*конфузясь и утирая слезы*). Нѣтъ, Гриша, нѣтъ! Это я такъ....

Грачининъ (*встревоженно*). Какъ такъ? Да о чемъ же ты плакала, а? О чемъ?..

Леночка (*закрывая лицо*). Ни о чемъ, Гриша,—право, ни о чемъ...

Грачининъ. Фи, Леля! Какъ же ни о чемъ?

Леночка (*бросаясь ему на шею*). Ахъ, голубчикъ,—вѣдь мнѣ больно за тебя, зачѣмъ такъ трудишься? Смотри, какъ ты исхудалъ...

Грачининъ (*цалуя ее*). Ахъ ты радость моя! Вотъ о чемъ она плачетъ.... Ну, полно! Зачѣмъ объ этомъ думать? Безъ труда, мой другъ, нельзя!... Намъ надо трудиться.... Мы не дармоѣды...

Леночка (*поспѣшно*). Да, да,—надо! Что это я!... (*Грачининъ смѣется*) А ты не смѣй смѣяться... Вѣдь я изъ жалости къ тебѣ! Право, изъ жалости!... Ты меня вѣдь знаешь? Я, судырь мой, тоже плебейка! Вотъ погоди, дай мнѣ въ гувернантки лишь выйдти—сама буду деньги заработывать...

Грачининъ (*смѣясь, аплодируетъ*) Браво! браво!

Леночка. Конечно буду!... А ты какъ думалъ? Стану на твоей шеѣ сидѣть? Нѣтъ, милый, этого ужь не сдѣлаю... (*Воз-*

вышая голосъ) Я, государь мой, черезъ два-три года школу заведу—дѣтей учить буду. (*Пришелкивая языкомъ*) Вотъ что Леночка сдѣлаетъ!..

Грачининъ (*обнимая ее*). Охъ, вы мечты мои золотыя!... Ну, ладно. Послѣ объ этомъ — послѣ... Говори, Леля, что за новость у тебя?

Леночка (*въ раздумьи*). Новость?... Ахъ, да!... Ну, что жь,— отгадывай! (*Смѣется*) Отгадывай, Гриша, отгадывай!

Грачининъ. Нѣтъ, Леля, не отгадаю.

Леночка. Ну вотъ тебѣ за это! (*Тянетъ его за носъ*) Не хочу говорить! не буду!... (*Отходитъ встророну*).

Грачининъ. Леночка! что ты! Полно тебѣ ребячиться...

Леночка (*капризно*). Не буду говорить! не буду! не буду!..

Грачининъ. Полно же, Леля! Какъ тебѣ не стыдно...

Леночка (*грозно топая ногой*). Не буду!.. (*Разражается внезапнымъ смѣхомъ*).

Грачининъ (*вскакивая и хватая ее за руку*). Ахъ ты дитя, дитя! Ну, что ты ребячишься?..

Леночка (*восторженно*). Гриша-голубчикъ! Мнѣ весело.... охъ какъ весело!... (*Указывая на грудь*) Чудо, какъ хорошо здѣсь... Легко-о.... легко!... (*Долго цалуетъ его*) Ахъ, Гриша! зачѣмъ... зачѣмъ мы здѣсь... (*Склоняется на грудь его и остается въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ*).

Грачининъ (*слегка цалуя ее*). Леночка, ангелъ! что ты? Что съ тобой?..

Леночка (*порывисто отнимая голову и становясь въ рѣшительную позу*) Нѣтъ, Гриша, — всѣ громы для меня ничто! Маменька — врагъ мой!... Я все презираю! Вотъ моя мысль!... (*Черезъ нѣсколько секундъ*) Люди.... Что мнѣ люди? Ты — моя звѣзда! Я жизни хочу!..

Грачининъ (*тихо*). Аминь!..

Леночка. Гриша! все тебѣ отдаю: сердце, душу, жизнь — все бери! Сейчасъ бери! Мнѣ никто не страшенъ.... (*Бросается къ нему на грудь*).

Грачининъ (*опуская ее на стулъ*). Успокойся, Леночка! Не волнуйся! (*Цалуетъ ее*) Ангелъ ты мой, радость моя! Успокойся!

Леночка (*посидѣвъ нѣсколько, быстро встаетъ*). Ахъ, Гри-

ша! силъ нѣтъ.... силъ нѣтъ!... Кровь стынетъ въ этихъ стѣнахъ! Спаси, Гриша, спаси меня!..

Грачининъ (*горячо цалуя ее*). Спасу, моя жизнь, спасу! Пожди.... повремени! Пути намъ заказаны...

Леночка (*обвивая шею ѣю руками*). Ахъ, Гриша!... ахъ, какъ я несчастна!... Зачѣмъ ты въ неволи? Зачѣмъ руки у тебя связаны?... Проклятье!... (*Опускается на стулъ и закрываетъ лицо руками. На минуту водворяется молчаніе*).

Грачининъ. Лёля! Успокойся, ангелъ! что ты трёвожишься?... Не печалься, мой другъ! Время все дастъ...

Леночка (*чрезъ минуту*). Время дастъ.... Эка заслуга!... Нѣтъ, — мнѣ сейчасъ, сегодня, завтра пусть даетъ! Я теперь жить хочу! я право имѣю!... (*Черезъ минуту*) Гриша-Гриша! ахъ, какъ злы люди, какъ глупы люди.... Я всѣхъ бы ихъ убила! Всѣхъ!... (*Еще чрезъ минуту*) Нѣтъ! я не съумѣла бы мириться съ людьми....

Грачининъ. Да кто же съ ними мирится?

Леночка (*сердито*) Ты!...

Грачининъ. Границы, Леля... границы есть...

Леночка. Границы?... Какія границы?

Грачининъ. Сила обстоятельствъ, сила мускуловъ, бревно... вотъ тебѣ границы!... Долой мужество — остановись, герой!

Леночка (*энергически*). Ничего! Все-таки иди, грудью пробивай, зубами кусай, головою стучи...

Грачининъ (*смѣясь*). Ахъ ты дитя, дитя! Птичка ты подневесная! Нѣтъ, Леля, — люди, мой другъ, сила — сила громадная... Это драконъ съ тысячью головами: одну отсѣчешь—девятьсотъ девяносто девять пожрутъ тебя!... Нѣтъ, душа моя, надо бороться, — но надо и примиреніе знать, т. е. презрѣніе хотѣлъ я сказать.

Леночка. Прошу не врать! прошу не врать!... Вотъ ты отсѣкъ одну голову, другую я, третій третью — и нѣтъ чудовища, нѣтъ дракона!..

Грачининъ (*хохочетъ*). Браво, Леля, браво!... (*Цалуя ее*) Ахъ ты радость моя! сокровище! Резонерка милая!...

Леночка. Что жь, — я правду говорю! Ты врешь!..

Грачининъ (*смѣясь*). Ахъ, Леля — ребенокъ ты мой! Сказка, другъ мой, скоро сказывается.... Жизнь не идетъ такъ ровно... Единицы всегда жертвы, — всегда...

Леночка (*живо*). И надо, чтобъ были! На то и жизнь!... (*Грачининъ смотритъ на нее*) Что жь это за жизнь—безъ чувствъ, безъ событій, безъ вражды, безъ суровости, безъ оскорбленій, безъ проклятій? Нѣтъ, — это не жизнь! Это.... это дремота, а не жизнь!..

Грачининъ. Аминь! аминь!

Леночка. А добро отъ борьбы — для тебя, для меня, для третьяго, для десятаго—развѣ это не имѣетъ цѣны?.. А тревоги, а страсти борьбы — развѣ не наслажденіе?.. А побѣда, а разрушеніе зла — развѣ не лучшее удовольствіе?... Нѣтъ, Гриша! жизни, жизни я хочу... (*Кидается къ нему на грудь. Наступаетъ молчаніе*).

Грачининъ (*цалуя ее въ голову и слегка трогая за плечо*). Леля! а, Леля! Смотри — маменька, мама идетъ,—борьба грядетъ, жизнь идетъ... (*Смѣется*).

Леночка (*поднимая голову*). Маменька.... Гдѣ маменька?

Грачининъ (*смѣясь*). Утку, Леночка, пустилъ! Прости грѣшнаго.

Леночка (*хватая его за ухо*). А–а! ты думалъ испугать меня? Не боюсь, Гриша, не боюсь! Пусть сейчасъ же идетъ — не боюсь!... (*Серьёзно*) Что мнѣ бояться?... Ахъ, Гриша! ты не знаешь, какъ много мужества во мнѣ! У меня страшная сила воли! Захочу — цѣлый свѣтъ меня не остановитъ. Не захочу — громы не заставятъ. Да, громы не заставятъ!... (*Задумывается*) А маменька.... Что маменька? Женщина старая — Богъ ее проститъ!.. (*Обхватывая его шею*) Гриша–Гриша! ты не знаешь, сколько горечи, сколько горечи она мнѣ льетъ!... Сердце, грудь сжимается отъ ея пустыхъ словъ, отъ ея глупыхъ упрековъ!... Знаю, Гриша, — не она это говоритъ, — старая жизнь говоритъ; но не могу.... не въ силахъ помириться!... Мнѣ больно, голубчикъ, — мнѣ невыразимо больно, что это *мать* толкуетъ, *мать* упрекаетъ.... Говори чужой — дѣла нѣтъ, чувства не потревожу; но мать.... мать, — нѣтъ, это гвоздь для моего сердца! Силъ не хватаетъ ненавидѣть!... (*Опускается на стулъ и начинаетъ обмахивать себя платкомъ*).

Грачининъ. Успокойся, Леночка! Что ты тревожишься попусту! Стоитъ ли?..

Леночка. Стоитъ, Гриша, стоитъ! Меня сердце болитъ!... Ты не знаешь, сколько вчера да сегодня я брани отъ ней вынесла! какихъ словъ я наслушалась! Терпѣнія не хватало!... Сегодня–то

я ужъ и вовсе молчала; но вчера,—вчера, между нами просто война была!... А изъ-за чего, Гриша? Какъ бы ты думалъ?

Грачининъ (*смѣясь*). Извѣстно, изъ-зачего! Самодурство бѣсновалось...

Леночка. Нѣтъ, Гриша, нѣтъ!

Грачининъ. Такъ изъ-за чего жь?

Леночка (*смѣясь*). Охъ, Гриша! эта маменька — геній на выдумки, просто геній! Какъ ты думаешь, что́ она сдѣлала?

Грачининъ. Не знаю, Леля!

Леночка. Просватала меня, Гриша, просватала!... (*Хохочетъ*). И за кого же? — за Мавзолѣева!... (*Заливается смѣхомъ*).

Грачининъ (*тоже смѣясь*). Что́ ты! Быть не можетъ! Давно ли?

Леночка. Недавно, голубчикъ! Вчера только объявила. Весь вечеръ бранилась! Сегодня — тоже. Сегодня ужь какъ она меня ругала! Господи! — и варваркой, и окаянной, и безбожницей, и фармазонкой — просто страсти!... А тебя, знаешь, какъ назвала? — Сквалыжникомъ, Гриша!... (*Хохочетъ. Грачининъ тоже. Входитъ Феня.*)

Феня (*входя*). Григорій Алексѣичъ! Къ вамъ Иванъ пришелъ.... Какую-то бумагу принесъ.

Грачининъ. Какую бумагу?

Феня. Не знаю.... Говоритъ, съ почты сейчасъ принесли.... Вотъ онъ въ кухнѣ дожидается.

Леночка. Зови, Феня, зови сюда! Да напрасно ты не взяла отъ него.

Феня. Не даетъ, барышня! Я хотѣла взять, да не даетъ. Это, говоритъ, петербургская бумага! Здѣсь, говоритъ, Петербургъ значится... Куда тебѣ! Лично, говоритъ, вручу.... (*Уходитъ*).

Леночка (*радостно*). Гриша! что́ бы это?... Изъ Петербурга, голубчикъ! (*Смотритъ ему въ глаза*).

Грачининъ. Не знаю, Леля! Должно быть, изъ пріятелей кто пишетъ.... (*Входитъ Иванъ*).

Иванъ (*входя и кланяясь*). А вотъ письмецо къ вамъ... Сейчасъ принесли.

Леночка (*подбѣгая къ Ивану и взявъ письмо*). Гриша! Гриша, ангелъ! Депеша!... (*Бѣжитъ къ Грачинину*).

Грачининъ (*взявъ письмо въ руки*). Да, депеша!... Господи!

что это?.. Отъ кого бы?.. (*Осматриваетъ конвертъ. Къ Ивану*) Давно принесли?

Иванъ. Сейчасъ, батюшка; недавно!.. Вижу я, что не письмо, значитъ, — печатныя строки тутъ, — ну и подумалъ: эвто важное что нибудь... Вотъ и принесъ вашей милости.

Леночка (*подбѣгая къ Ивану и вкладывая ему въ руки двугривенный*). Спасибо, родной! Ну, иди съ богомъ! Спасибо! (*Иванъ кланяется и уходитъ. Леночка бѣжитъ къ Грачинину*). Гриша! читай, голубчикъ! Что жь ты задумался?

Грачининъ. Сейчасъ, Леля, сію минуту. Садись! Вмѣстѣ прочитаемъ.... (*Садятся на диванъ. Грачининъ ломаетъ печать и читаетъ вслухъ:*) «Грачининъ! Воскресай и готовься въ путь. Ты свободенъ... Деньги и подробныя вѣсти получишь на дняхъ. Твой Ломовъ-Юговскій.»

Леночка (*судорожно вскрикиваетъ*). Господи!.. Гриша! Ты свободенъ... (*Кидается ему на грудь и судорожно мечется. Грачининъ подымаетъ ее: «Леночка! что ты! Богъ съ тобой!» Леночка охватываетъ его шею:*) Радость ты моя! милый ты мой! Ты свободенъ!.. (*Цалуетъ его глаза, лобъ, уши, щоки*). Ахъ, Господи!.. ахъ, Господи!.. (*Опускается въ изнеможеніи на спинку дивана*).

Грачининъ. Леночка! другъ мой! Не отдавайся такъ чувству...

Леночка (*снова бросаясь къ нему на грудь*). Гриша! жизнь ты моя! Счастья сколько!... счастья сколько!...

Грачининъ (*прижимая ее къ груди*). Много счастья!... Ты моя теперь! Навсегда моя. У насъ жизнь пойдетъ!...

Леночка (*судорожно вздрагивая*). Ахъ, Гриша! я умру отъ радости! я съ ума сойду... (*Откидываетъ голову на спинку*).

Грачининъ (*притягивая ее къ себѣ*). Леночка! Отрезвись! Торжественный поцалуй дадимъ! Мы оба счастливы.... (*Раздается громкій поцалуй*).

Леночка (*глубоко вздыхая*). Охъ, какъ я счастлива! Какъ счастлива я!... (*Склоняетъ голову на грудь и задумывается*).

Грачининъ. Радуйся, Леля! радуйся!... (*Поетъ, обнимая ея шею:*)

Вѣй сильнѣе, вѣтръ игривый,
Въ бѣлый парусъ челнока,

Понесн насъ въ путь счастливый
Волга — свѣтлая рѣка!...

Леночка (*быстро подымаясь*). Гриша! уйди, голубчикъ! уйди домой! Я плакать хочу... думать хочу... Уйди, Гриша!.. Господи! счастья сколько!.. счастья сколько!..

Грачининъ. Зачѣмъ, Леля? Вмѣстѣ порадуемся...

Леночка. Нѣтъ, Гриша, уйди! Уйди, милый!... (*Черезъ секунду*). Стой, я благословлю тебя... (*Хочетъ его благословить*).

Грачининъ (*уклоняясь*). Что ты, Леночка! что ты!..

Леночка (*притягивая его*). Дай, голубчикъ! дай, Гришенька! Я хочу такъ!... (*Креститъ его и потомъ цалуетъ*). Ну, уйди!...

Грачининъ. Леля! не гони ты меня! Зачѣмъ мнѣ уходить?

Леночка. Уйди, Гриша! Я сама приду къ тебѣ! Слышишь!.. Уйди, голубчикъ! (*Цалуетъ его*). Ну, прощай!..

Грачининъ (*отворяя дверь*). Прощай, Леля! Смотри, приходи же! Я дома буду... (*Уходитъ. Леночка бѣжитъ въ боковую дверь. — Минутъ черезъ десять входятъ: Матрена Марковна, Дарья Акимовна и Мавзолеевъ.*)

СЦЕНА VI.

Матрена Марковна, Дарья Акимовна и Мавзолеевъ.

Матрена Марковна (*входя и продолжая разговоръ*). Заспула, матушка, на мѣстѣ заспула... А понять ничего не могла... Только вотъ и помню, что о какомъ-то Сырломырликанскомъ царствѣ онъ ей разсказывалъ: какъ тамъ все это... и опчество, говоритъ, этакое... все по своему закону... ну и все прочее тоже своимъ, манеромъ... не по нашему, матушка, не по христіански-то...

Дарья Акимовна. Должно быть, антиресное что нибудь... Сказка чай какая?

Матрена Марковна. Не знаю, матушка, должно быть антиресное... Все, говоритъ, тамъ... и опчество, говоритъ, не по нашему... ну и все другое своимъ манеромъ... (*Обращаясь къ вошедшимъ*). Да садитесь, Акимовна! милости прошу! (*Къ Мавзолееву*). Садись, Иванъ Серапіонычъ! (*Всѣ садятся*).

Дарья Акимовна (*садясь*). А мнѣ намедни протопопскій Мишутка о королевичѣ Цылодонѣ сказку читалъ — ужасти какъ антиресно... Просто, такъ и антиресно!..

Матрена Марковна. Не знаю, матушка, не знаю, что̀ ужь это — сказка, али что другое?... Я въ скорости заснумши была... Сонъ меня одолѣлъ... А допрежь того все о Сырломырликанскомъ царствѣ разговоръ-то былъ.... все объ этомъ царствѣ: какъ тамъ все это.... и опчество, говоритъ, этакое.... по своему закону.... ну, и все прочее другое....

Мавзолеевъ (*поднимаясь со стула*). Матрена Марковна! позвольте мнѣ возразить: Сырломырликанскаго царства нѣтъ на Земномъ Шарѣ.... Это должно быть о Сѣверо-Американскомъ государствѣ у нихъ рѣчь была!..

Матрена Марковна. Можетъ, батюшка, — можетъ, и объ этомъ. Ничего не помню!... (*Черезъ секунду*). А ты, Ѳерапонтычъ, нешто тоже знаешь объ этомъ царствѣ?

Мавзолеевъ. Какъ не знать!... Въ отношеніи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ достойно замѣчанія, что когда у насъ день, тамъ въ это время ночь.

Матрена Марковна. Ишь чудеса-то Господни! Господи помилуй!... Акимовна, матушка! вы слышите?..

Дарья Акимовна. Слышу, Матрена Марковна! слышу! Что и говорить! Господнее дѣло!..

Матрена Марковна. Да, да,—что и говорить!... (*Къ Мавзолееву*). Ну, а ежели теперича у насъ ночь, — тамъ стало быть день приходится?

Мавзолеевъ. Всенепремѣнно! Это ужь такъ по обратной системѣ: здѣсь день—тамъ ночь; здѣсь ночь—тамъ день!

Матрена Марковна (*качая головой*). Господи, царь небесный! Ишь ты, по братней системѣ!... Такъ, такъ!... Охъ, ты воля Божія!... (*Наступаетъ общее молчаніе. Черезъ нѣсколько времени Матрена Марковна, спохватившись, поспѣшно поднимается со стула*). Господи! да что жь я засѣла! Надо дорогихъ гостей угостить. (*Идетъ во вторую комнату*).

Дарья Акимовна (*останавливая ее*). Матрена Марковна! да вы не хлопочите! Ничего не надо...

Матрена Марковна. Что вы, матушка! Какъ же можно?..

Дарья Акимовна. Не надо, Марковна! вотъ Богъ — не надо!... Позвольте лишь воды напиться.... Смерть, жарко!

Матрёна Марковна. Полно, родная! Какъ можно воду пить! Чайку напьемся...

Дарья Акимовна. Нѣтъ, матушка! Ни за что!.. И не хлопочите напрасно. Вотъ воды съ удовольствіемъ...

Матрена Марковна. Ну, такъ съ вареньицемъ напейтесь. Я вареньица принесу.... (*Идетъ и останавливается на порогѣ*). А вы какое больше любите — малиновое, аль клубничное?

Дарья Акимовна. Клубничное, матушка, клубничное... (*Матрена Марковна уходитъ и чрезъ минуты двѣ возвращается съ графиномъ и банкой варенья*).

Матрена Марковна (*поднося*). Прошу покорно! (*Дарья Акимовна кушаетъ варенье и пьетъ воду*). Признаться, я къ Леночкинымъ именинамъ припасла,—да вотъ ужь третья банка на исходѣ... Смерть люблю!..

Дарья Акимовна. Привычка, матушка, привычка... Я сама по привычкѣ.... Покойный Титъ Лукичъ пріучилъ — царство небесное! (*Кушаетъ и потомъ вздыхаетъ*). Господи! вотъ ужь покойникъ-то любилъ его! И сказать вамъ не умѣю... Повѣрите ли, бывало въ день по три и по четыре раза хлебалъ!

Матрена Марковна. Бываютъ, мать моя, такіе охотники!.. Сладость!.. Что и говорить!

Дарья Акимовна. Ужасть, какъ любилъ!... Да на что вамъ больше? Велѣлъ на ночь у кровати себѣ ставить!.. Проснется это ночью, отвѣдаетъ изъ чашечки и снова заснетъ...

Матрена Марковна (*качая головой*). Господи помилуй!

Дарья Акимовна. Да, матушка, — такой былъ сластолюбецъ!... Иной разъ, что случалось? Бывало, по какой нибудь причинности, аль по гнѣву, откажешь ему въ этомъ удовольствіи... Такъ что жь? Сейчасъ покойникъ запримѣтитъ! Ну, и прямо ко мнѣ: «Доричка! что же клубнички-то?... Заскупилась, говоритъ?... Эхъ, матушка! все тлѣнъ и прахъ! Давай, пока живъ!» Ну, и даешь, бывало. А при немъ ужь и сама пріучилась...

Матрена Марковна. Немудрено, матушка! Мой покойникъ чуть къ вину меня не пріучилъ... (*Идетъ во вторую комнату*).

Мавзолеевъ (*помолчавъ довольно долгое время*). Тетенька! что жь это Елены Кириловны не видать?

Дарья Акимовна. Не знаю, другъ мой, — должно, ушла куда нибудь... Погоди, я вотъ ужо спрошу.

Мавзолеевъ. Да вы поскорѣй спросили бы, какой отвѣтъ ея на наше предложеніе?.. (*Минуты черезъ двѣ, восторженно:*)

Нѣтъ, тетенька! Не обладать мнѣ этимъ прелестно-плѣнительнымъ... этимъ блистательно-очаровательнымъ... этимъ восхитительно-благоуханнымъ....

Дарья Акимовна (*прерывая его*). Ваня! что ты съ ума сходишь!... Еще заслышитъ кто-нибудь... (*Входитъ Матрена Марковна*).

Матрена Марковна (*входя*). Этакое несчастье мое съ этой дѣвкой! Чуть съ глазъ ее спустишь — сейчасъ убѣжитъ!...

Дарья Акимовна. Кто? Ѳеня?

Матрена Марковна. Ѳеня, матушка!... Этакая дѣвка канальская! Просто хуже рѣдьки надоѣла!

Дарья Акимовна. А она куда же у васъ бѣгаетъ?

Матрена Марковна. Да къ прокурорскому лакею, матушка!... (*Помолчавъ минуту*). Лѣшій въ брюхѣ играетъ,—вотъ дѣло въ чемъ...

Дарья Акимовна. Ишь ты ее!

Матрена Марковна. Право, матушка! Покою тебѣ нѣтъ! Чуть вечеръ, только и слышишь: шу-шу да шу-шу, хи-хи да хи-хи!... Мочи нѣтъ! Ужь два раза его выгоняла...

Дарья Акимовна. Вотъ дѣла какія!.. Господи помилуй!

Матрена Марковна. Нѣтъ, Акимовна, — то удивленію подобно—свѣтъ-то нынче каковъ!... Этакіе, съ позволенія сказать, свиненки еще, еле вотъ на ногахъ держатся, а ужь амуры затѣваютъ... Право, уму непостижимо!

Дарья Акимовна. Да, матушка,—да!..

Мавзолеевъ (*улыбаясь*). Виновникомъ этому, Матрена Марковна, законъ натуры, который воюетъ въ тѣлесахъ человѣческихъ...

Матрена Марковна. Что, батюшка?

Мавзолеевъ. Я говорю: виновникомъ этому законъ натуры, который воюетъ въ тѣлесахъ человѣческихъ...

Матрена Марковна (*подумавъ*). Ну, я, признаться-то, и не пойму тебя.... Какой же это законъ такой? Чай въ гражданскихъ книгахъ написанъ, а не въ божественныхъ?

Мавзолеевъ (*продолжая улыбаться*). Нѣтъ, Матрена Марковна, сей законъ на скрижаляхъ сердца человѣческаго начертанъ,—а сердце, по свойству субстанціи своей

..... въ выборѣ невольно;
Льзя ли сердцу отказать?

Видѣть милую довольно,
Чтобъ любовью къ ней пылать!..

Матрена Марковна (*улыбаясь*). Эхъ, грѣховодникъ! вотъ куда онъ рѣчь ведетъ!.. (*Хохочетъ*) Небось, и у тебя чай пылаетъ?..

Мавзолеевъ (*смѣясь*). У меня?.. (*Прикладываетъ руку къ сердцу*) У меня

«Въ крови горитъ огонь желанья,
Душа тобой уязвлена....
Лобзай меня! твои лобзанья
Мнѣ слаще мирра и вина!...»

Вотъ какъ у меня!.. (*Матрена Марковна и Дарья Акимовна хохочутъ*)

Матрена Марковна (*сдерживая смѣхъ*). Ахъ ты шутникъ-баляшникъ! Уморилъ ты насъ, право!.. (*Мавзолеевъ порывается еще что-то сказать*) Ну, полно, Иванъ Ѳерапонтычъ! Не смѣши! не вводи въ грѣхъ!.. (*Снова хохочетъ*) Нѣтъ, не могу я отъ смѣха удержаться... Ишь его, шутъ какой! Смѣху-то напустилъ!.. (*Смѣется нѣсколько времени; потомъ обращается къ Дарьѣ Акимовнѣ*) А вѣдь я, матушка, и не думала, что онъ такой чудодѣй!... Право!... (*Смотритъ на Мавзолеева*) Ишь озорникъ какой! А прежде-то и ухмыльнутся не былъ гораздъ!.. Придетъ, бывало, засядетъ казанскимъ сиротой—слова потѣшнаго не скажетъ...

Мавзолеевъ (*поднимаясь со стула*). Я, Матрена Марковна, потому въ такой инерціи состоялъ, что находился въ присутствіи Елены Кирилловны,—а при дѣвицахъ я всегда степенность соблюдаю...

Дарья Акимовна. Нѣтъ, матушка, это онъ должно быть передъ горемъ своимъ чудодѣйствовать затѣялъ!

Матрена Марковна. И, матушка! что вы!... Да какое жь Ивану Ѳерапонтычу можетъ быть горе?

Дарья Акимовна (*улыбаясь*). Мало ли какое!... Вотъ хошь бы примѣрно насчетъ Елены Кирилловны афронтъ ему вышелъ.... Вѣдь горе же?..

Матрена Марковна. А-а!..

Мавзолеевъ (*привставъ со стула*). Да, Матрена Марковна, ужь если по неумолимому закону судебъ разразится надо мной сіе несчастіе, то я отъ печали въ безуміе впаду!..

Матрена Марковна (*ласково*). Не печалься, Иванъ Ѳерапонтычъ! Господь съ тобой!

Дарья Акимовна. Онъ и то, матушка, всю прошлую недѣлю какъ бурундукъ какой ходилъ... А сегодня, вотъ еще въ обѣдъ прибѣжалъ ко мнѣ: «Тетенька! говоритъ: нѣтъ, не въ силахъ я дольше пребывать въ неизвѣстности... Пойдемъ, говоритъ, къ Матренѣ Марковнѣ—пусть узнаю судьбу свою»!.. А самъ, матушка, то сядетъ, то встанетъ,—мѣста не можетъ найти себѣ! Вижу я, что ему не терпится, — вотъ мы и пошли къ вамъ, признаться, ради этого...

Матрена Марковна (*помолчавъ, вздыхаетъ*). Охъ, Дарья Акимовна, я и сама ужь хотѣла повести рѣчь... Да вотъ не знаю, какъ и сказать вамъ...

Дарья Акимовна (*съ удивленіемъ*). Что такъ, матушка? Нешто супротивничаетъ Леночка?

Матрена Марковна. Нѣтъ, супротивничать-то не супротивничаетъ... а мнется малость... Извѣстно, молодость-то! «Я, говоритъ, объ этомъ еще не думала»...

Дарья Акимовна. Да что жь тутъ думать! Товаръ на лицо... Не первый день знакомы!

Матрена Марковна. То-то, матушка! Да вотъ подите же! Забрала себѣ въ голову, что она «не думала»—и дѣло съ концомъ... «Надъ нами, говоритъ, крыша не горитъ еще—можно подождать»... — Чего, говорю, ждать? Ты разсуди: все-таки лучше, когда женихъ въ рукахъ.... Вѣдь такого человѣка, какъ Ѳерапонтычъ, не скоро найдешь!

Дарья Акимовна. Что жь она вамъ на это?

Матрена Марковна. Да что, матушка,—извѣстно, по молодости пустословитъ—ничего больше!... Какой у ней еще разумъ!

Дарья Акимовна. Нѣтъ, матушка! Что жь она говоритъ?

Матрена Марковна. Да пустяки, Акимовна! Что ее слушать! Она вонъ что брякнула: «за семинариста, говоритъ, не пойду! семинаристы жалкіе люди...»

Дарья Акимовна. Какіе жь жалкіе?

Матрена Марковна. Ахъ, матушка, стоитъ ли ее слушать!... Извѣстно, волосъ дологъ, да умъ коротокъ... Брендитъ—да и только! Я сама ее допрашивала: что, говорю, за жалкіе? въ чемъ они жалкіе? Она только смѣхъ на меня навела:

«они, говоритъ, жизни не знаютъ... въ клѣткѣ сидятъ....» Вотъ какіе пустяки! (*Смѣется*)

Дарья Акимовна (*помолчавъ*). Такъ какъ же теперича? Значитъ—афронтъ намъ съ Ваней?

Матрена Марковна. Что вы, Акимовна! что вы! Боже сохрани!.. Какой афронтъ!.. Я уговорю ее. Будьте въ благонадежности... Что ее слушать! Надо повременить только малость.. Она и сама одумается!..

Дарья Акимовна. Повременить-то не бѣда! Да будетъ ли толкъ какой? А ну она и опосля заупрямится?

Матрена Марковна. Будетъ, родная! будетъ толкъ! Я вамъ слово даю.... Какая жь я мать была бъ — послѣ этого!... Что вы, Акимовна!.. Извѣстно, надо дать ей одуматься... Невеликъ-то у ней смыслъ.... Все за книгами сидитъ!

Дарья Акимовна (*къ Мавзолееву*). Ну, Ваня, поблагодари Матрену Марковну за стараніе!... Это, голубчикъ, въ твою все пользу... (*Мавзолеевъ, съ слезами на глазахъ, подходитъ къ Марковнѣ и цалуетъ у ней руку*).

Матрена Марковна (*приглядываясь къ нему*). Батюшка! да ты никакъ плачешь?

Мавзолеевъ (*утирая слезы*). Да, Матрена Марковна.... прискорбно мнѣ.... Не могу безъ пролитія....

Матрена Марковна. Успокойся, Ѳерапонтычъ! что ты! Зачѣмъ сокрушаться? Я вѣдь даю слово.... (*Мавзолеевъ продолжаетъ плакать*).

Дарья Акимовна. Да полно тебѣ, Ваня, плакать. Какъ тебѣ не стыдно!

Мавзолеевъ (*съ гнѣвомъ*). Ахъ, тетенька! Пожалуйста, не огорчайте меня!

Дарья Акимовна. Что ты, Ваня! Развѣ я огорчаю?... Я только говорю, что мужчинѣ неприлично плакать.

Мавзолеевъ (*съ ожесточеніемъ*). А женщинѣ прилично?

Дарья Акимовна. Извѣстно, другъ, слезы — женское дѣло... Намъ ужь отъ Бога комплекція такая... Мужчина что? мужчинѣ крѣпость дана! мужчинѣ неприлично плакать!

Матрена Марковна. Не тужи, Иванъ Ѳерапонтычъ! Нечего тебѣ печалиться.... Ты вотъ на ея именины приходи, да товарищей наведи, разговоры заведите.... Шутокъ больше, чтобъ было.... Молодость шутки любитъ!... Ну, да и себя покажите!... Она вѣдь какъ въ лѣсу ростетъ, свѣта не видючи.... (*Къ Дарьѣ*

Акимовнѣ) Да и вы, матушка, пожалуйте на именины-то.... Милости прошу! Поговоримъ, повеселимся...

Дарья Акимовна. Приду, Марковна. Какъ не придти!

Мавзолеевъ (*поднимаясь со стула*). Матрена Марковна! позвольте узнать: Елены Кириловны нѣтъ дома?

Матрена Марковна. Дома, батюшка, — должно быть дома. Она въ саду, кажись.... (*Къ Дарьѣ Акимовнѣ*) Не угодно ли, матушка, по саду пройдемся? Вечеръ какой!..

Дарья Акимовна. Минутку развѣ. Домой пора!... Моя Мимочка кабы тамъ не плакала.... (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Небольшая комната семинаристовъ Мавзолеева и Фасолева. Направо и налѣво отъ входа двѣ кровати, покрытыя ситцевыми одѣялами, съ небольшими подушками въ цвѣтныхъ наволочкахъ. На правой сторонѣ окно; подлѣ окна небольшой четвероугольный столъ, изрѣзанный въ разныхъ мѣстахъ и испачканный чернилами. На столѣ — книги, тетради, куски хлѣба, сапожная щетка, складное зеркальце, гитара и разныя мелочи. Налѣво, въ углу, печка съ обвалившимся карнизомъ. Отъ печки, вдоль стѣны, навѣшано на двухъ гвоздяхъ верхнее платье; на полу набросаны клочки бумаги и обрѣзки гусиныхъ перьевъ).

СЦЕНА I.

Мавзолеевъ, Псаломскій, Краснопѣвцевъ и Фасолевъ.

(Мавзолеевъ, заложивъ руки на затылокъ, лежитъ на кровати и задумчиво смотритъ въ потолокъ. Псаломскій, Краснопѣвцевъ и Фасолевъ сидятъ у стола. Передъ ними бутылка водки, куски хлѣба и колбаса. Въ комнатѣ глубокая тишина).

Псаломскій (*прерывая молчаніе*). Ну, что жь, братцы? Споемъ развѣ?

Фасолевъ (*радостно*). Споемъ, ребята, споемъ!

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, ребята, выпить прежде, а потомъ ужь грянемъ!..

Псаломскій. Убирайся къ чорту!... Пѣть прежде! пѣть прежде! Фасолевъ — начинай!

Фасолевъ (*поднимаясь съ мѣста, затягиваетъ*). «Ты ль душа моя, красна дѣвица!»

Псаломскій. Стой! стой! — не ту!.. Въ кружокъ становись! (*Фасолевъ и Краснопѣвцевъ становятся въ кружокъ*) Тс-с! Смирно!... Ну, валяй!

Фасолевъ (*начинаетъ, притопывая ногой*).

«Станемъ въ кругѣ
На досугѣ,
Станемъ въ кругѣ
На досугѣ,
Станемъ пѣть!...»

Остальные подхватываютъ: Пой, пой, пой, братъ, за мной! (*И т. д. поютъ нѣсколько разъ*).

Краснопѣвцевъ. Ну, баста! Довольно! Выпьемъ, братцы!

Псаломскій. Продолжай! продолжай!... (*Затягиваетъ; Краснопѣвцевъ и Фасолевъ подхватываютъ. Пѣсня опять начинается*).

Краснопѣвцевъ. Братцы! Будетъ! — Выпьемъ!

Псаломскій (*входя въ экстазъ*). Продолжай! продолжай!..

Краснопѣвцевъ (*выходя изъ круга*). Ну, нѣтъ, братъ,—дудки! У меня гортань пересохла.(*Указывая на горло*) Здѣсь ужь того... знойная пустыня!.. (*Идетъ къ столу*)

Фасолевъ (*набычая его*). Эй ты! смотри — двухъ не валяй!

Псаломскій (*тоже набычая*). Да, да, двухъ не валяй. Ad numerum bibere! ad numerum! По счету пей!

Краснопѣвцевъ (*наливаетъ и пьетъ*). По счету, братъ! по счету! (*Остальные тоже пьютъ*)

Фасолевъ (*отирая полою ротъ*). Ну, братцы, теперь: «жила была дѣвушка»...

Краснопѣвцевъ. Погоди! Успѣешь! Закусить надо. (*Всѣ закусываютъ*)

Псаломскій (*глотая кусокъ*). Эхъ, братцы! Смерть люблю пѣсни... (*къ Мавзолееву*) Мавзолеевъ! да вставай—чортъ съ тобой! Что глупишь! Экой, право!..

Фасолевъ. Его, братъ, не поднимешь! Пропащій человѣкъ! Ты спой ему пѣсенку: «Заря меня не нарумянитъ»,—вотъ онъ и встанетъ...

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, ты ему загадку задай: «Что на свѣтѣ прежестоко?» Это какъ разъ ему по сердцу!.. (*Всѣ смѣются*)

Псаломскій. Я его, братцы, дубинкой свезу,—это безпримѣрно будетъ лучше! Авось возчувствуетъ!.. (*Всѣ хохочутъ*)

Краснопѣвцевъ. Выпьемъ, братцы! Что на него глядѣть!

Фасолевъ. Что ты! что ты! Сейчасъ проглотилъ!..

Краснопѣвцевъ (*Фасолеву, тихо*). Я братъ, тово... одну только. Право!

Псаломскій (*торжественно*). Слушайте, братцы! А нука произведемъ комедію — Мавзолеева побѣсимъ! Ей-богу! Ну-ка!

Фасолевъ и Краснопѣвцевъ (*радостно*). Произведемъ, братъ, произведемъ! Валяй его!

Фасолевъ (*вскакивая съ мѣста*). Господа! За ноги... за ноги его!

Краснопѣвцевъ (*взлѣзая на стулъ*). Нѣтъ, братцы, сатирой гряпемъ!

Псаломскій (*во все горло*). Комедіей, господа, комедіей почнемъ! Здѣсь сатира будетъ!

Фасолевъ (*громко*) Господа! я пѣсенку ему затяну: «Стонетъ сизый!»

Псаломскій (*вспыльчиво*). Замолчи, Фасолевъ! Дай говорить! Тсс! Тише!

Краснопѣвцевъ (*Фасолеву*). Молчи, Тереша! Его слушайся!

Псаломскій (*становясь на стулъ*). Братцы! Меня слушай!

Фасолевъ. Слушаемъ, братъ, внимаемъ! Валяй!

Псаломскій (*торжественно*). Комедію, господа, комедію представимъ! Я все обдумалъ... Слушайте! мы театральное зрѣлище произведемъ!

Фасолевъ (*апплодируя*). Браво, Псаломскій!

Псаломскій. Мы любовную грусть его изобразимъ! Дѣло въ остроуміи, господа! Остроуміе запасайте! Посмѣемся, братцы, душу увеселимъ!..

Фасолевъ (*прыгая по комнатѣ*). Давай, братъ, давай!

Псаломскій. Роли, братцы, роли теперича! (*къ Фасолеву*) Фасолевъ! ты Елену изобразишь — предметъ души его! У тебя физика женоподобна!.. (*Къ Краснопѣвцеву*). Ты, братъ, Мавзолеева отваляй—въ отчаяніи этакъ, о любви умоляющимъ... А я,

братцы,—я соболѣзнующаго друга олицетворю! Я произнесу проклятіе виновницѣ его страданій... Браво, господа?..

Краснопѣвцевъ и Фасолевъ. Браво, Псаломскій, браво! Ай — молодецъ!..

Псаломскій (*поспѣшно отходя въ уголъ*). За мной, братцы! За мной! Я вамъ секретно разъясню!.. (*Краснопѣвцевъ и Фасолевъ бѣгутъ въ уголъ. Псаломскій начинаетъ шептать что-то на ухо Краснопѣвцеву. Фасолевъ, постоявъ не больше секунды, поворачивается и бѣжитъ къ двери. Псаломскій, замѣтивъ это, кричитъ:* «Тереша! стой! Куда же ты?» *Фасолевъ прыгая у двери:* «Сейчасъ, братъ, сейчасъ! Я юбку захвачу!» (*Уходитъ. Оставшіеся продолжаютъ шептаться. Черезъ нѣсколько минутъ и они уходятъ.*

Мавзолеевъ (*обводя глазами комнату и лежа въ томъ же положеніи*). Эка бѣсы, прости Господи! Арава проклятая!..(*Повертывается на бокъ и снова задумывается.*

СЦЕНА II.

Тѣ же.

(Входятъ: Псаломскій, Краснопѣвцевъ и Фасолевъ. Фасолевъ одѣтъ въ женское платье. На немъ юбка и большой платокъ. Псаломскій отводитъ его къ стулу и сажаетъ; самъ же съ Краснопѣвцевымъ становится у печки. Спустя нѣсколько минутъ, оба выходятъ на середину комнаты).

Краснопѣвцевъ (*въ роли Мавзолеева, подходя къ Фасолеву*). Милостивая государыня! Удостойте простить, что осмѣливаюсь возмутить ваше спокойствіе...

Фасолевъ (*въ роли Леночки*). Что вамъ угодно?

Краснопѣвцевъ (*съ жаромъ*). Милостивая государыня! Два года тщетно я старался погасить бѣдственный пламень, зажженый вами въ моемъ сердцѣ! Два года тщетно я боролся съ внушеніемъ моего разума,—но непреодолимая сила влечетъ меня къ вамъ, я невольно внимаю гласу моего сердца, зовущему меня повергнуться къ стопамъ вашимъ.... (*Падаетъ на колѣни*). Милостивая государыня! умоляю васъ — троньтесь отчаяніемъ, меня терзающимъ, и произнесите свой приговоръ!..

Фасолевъ. Милостивый государь! Прекратите ваше безумство! Я сказала вамъ разъ-навсегда мой приговоръ!

Краснопѣвцевъ. Жестокій приговоръ!... О, сударыня! если бъ вы знали, какъ трудно повиноваться ему, какъ тяжело слушать его, когда любовь, сіе пагубное чувство, управляетъ сердцемъ!..

Фасолевъ. Что жь, — не моя вина! Зачѣмъ вы допустили обманчивую любовь въ ваше сердце?..

Краснопѣвцевъ. Вы сомнѣваетесь въ любви моей?... О, сударыня, какъ жестоко вы ошибаетесь! Именемъ Бога, именемъ жизни клянусь вамъ, я страстно люблю васъ! Нѣтъ дикой пустыни, нѣтъ необитаемой страны, куда бъ я не послѣдовалъ за вами, моя прелестница!..

Фасолевъ (*топая ногой*). Замолчите, дерзкій человѣкъ! Какъ вы смѣете поносить меня такими именами?... Прочь съ глазъ моихъ! Прочь, недостойный!

Краснопѣвцевъ (*въ отчаяніи*). О, лестныя мечты, обольщавшія мое сердце! О, полупощные сны, наполнявшіе грудь мою блаженствомъ! Гдѣ вы? гдѣ вы, мои благодѣтели? Я стражду! я плачу!... (*Плачетъ*). О, Елена! скажи, — скажи несчастному, какое дѣйствіе ожесточило твою душу?.. Ты молчишь! О, Боже, ужели никто не приметъ участія въ судьбѣ моей!..

Псаломскій (*подходя къ нему*). Милый и истинный другъ! Излей горесть твою въ грудь мою, для которой ты всего любезнѣе!..

Краснопѣвцевъ (*хватая себя за голову*). О, жребій! жестокій удѣлъ! О, природа — мать недобрая! Зачѣмъ, зачѣмъ ты одарила чувствительнымъ сердцемъ грудь мою? (*Хватая себя за грудь*). Возьми! возьми свой даръ, — преврати его въ камень, или окончи мое существованіе!..

Псаломскій. Милый другъ, остановись! Сжалься надъ собою! Возможно ли въ цвѣтущей юности отдавать себя въ объятья смерти? Взгляни (*подноситъ зеркало*) на сію небесную красоту и разсуди, для того ли Всевышній одарилъ тебя ею, чтобы скрыть ее преждевременно въ могилѣ?..

Краснопѣвцевъ. Отойди отъ меня! Отойди, искуситель!

Псаломскій (*къ Фасолеву*). Милостивая государыня! сжальтесь надъ несчастнымъ! Дайте ему признаніе во взаимной склонности...

Фасолевъ (*съ негодованіемъ*). Безчестный человѣкъ! Оставь-

те свое краснорѣчіе! Иначе вы узнаете, какъ жестока женщина, когда мщеніе управляетъ ея рукою...

Краснопѣвцевъ (*вскакивая на ноги*). Нѣтъ! все кончено! (*Хватая на столѣ ножъ*). О, смерть! единственное прибѣжище несчастныхъ! Спѣши остреемъ косы своей пресѣчь пить бѣдственныхъ дней моихъ... Тамъ, за предѣлами гроба, надѣюсь сыскать тихое пристанище отъ бѣдъ, коихъ здѣсь я жертвою! (*Бьетъ себя въ грудь ножомъ и падаетъ*).

Псаломскій (*наклонясь къ нему*). Онъ умеръ! Онъ умеръ!... (*Къ Фасолеву*) О, жестокая женщина! За что ты растерзала душу сего невиннаго младенца, сердце коего трепетало для тебя?... Иди, иди отъ насъ! Пусть Богъ тебя накажетъ!... (*Фасолевъ поднимается и уходитъ; черезъ минуту возвращается въ своемъ костюмѣ. Псаломскій силится между тѣмъ поднять мертваго. Входитъ Фасолевъ*). Фасолевъ! смотри, онъ умеръ! Онъ убилъ себя, несчастный!

Фасолевъ (*наклонясь и ощупывая его*). О, Боже! смертный хладъ въ его останкахъ...

Псаломскій (*становясь въ трагическую позу*). Проклятье, проклятье вамъ, жестокосердыя женщины!... О, Боже! великій Боже! накажи, отмсти за сію жертву, распростертую на полу безъ чувствъ и движенія... (*Бросается на стулъ и схватываетъ себя за голову*).

Фасолевъ. Не упывай, любезный другъ! Не предавайся отчаянію! Свѣтъ сей — юдоль плачевная... Встань, братъ, воздадимъ честь праху! Поднимемъ его! (*Поднимаютъ и кладутъ на кровать*).

Псаломскій (*уложивъ Краснопѣвцева*). Спи, о юноша! спи, несчастный! Наслаждайся тишиною смертельнаго спа! Да покроетъ онъ завѣсою забвенія горечь жребія твоего...

Фасолевъ (*становясь на колѣни*). Миръ и вѣчное спокойствіе тебѣ, драгоцѣнный прахъ моего друга! Наслаждайся блаженствомъ въ тихомъ пристанищѣ отъ бѣдъ...

Псаломскій (*тоже становясь на колѣни*). Прощай, любезный другъ! прощай, пріятель! Ты свершилъ уже тягостный путь жизни, оставивъ насъ посреди онаго... Прощай! Да хранитъ тебя Вельзевулъ въ глубинѣ земнаго чрева!... (*Фасолевъ прыскаетъ отъ смѣху. Краснопѣвцевъ вскакиваетъ съ постели. Начинается продолжительный хохотъ*).

Краснопѣвцевъ (*апплодируя*). Браво, братцы, браво! Ай да молодцы!

Псаломскій. Браво, ребята, браво! Fora! Fora!..

Фасолевъ (*во все горло*). Браво-о–о-о!... (*Раздается общій хохотъ*).

Псаломскій (*прыгая по комнатѣ*). Ай да хватили! Величественно, братцы, безпримѣрно величественно! Optime bene! Praestantissime bene!

Краснопѣвцевъ (*апплодируя*). На славу отхватили! на славу! Знай нашихъ!..

Фасолевъ. Браво! Браво-о-о!...

Псаломскій. Братцы! а Мавзолеева–то, Мавзолеева — вѣдь жупеломъ жгли! Смотрите, еле живъ остался!...

Краснопѣвцевъ (*подбѣгая къ Мавзолееву*). Бѣдный Ваня! каково тебѣ! Чай утробушку извернуло?... (*Хохочетъ. Въ это время остальные тоже подбѣгаютъ и хохочутъ*).

Мавзолеевъ (*долго посмотрѣвъ на нихъ*). Эхъ вы, лѣшіе, лѣшіе! Халимоны проклятые! Плевать-то на васъ жалко!.. (*Повертывается отъ нихъ къ стѣнѣ*).

Псаломскій (*смѣясь*). А! небось хрѣномъ стало!.. Не дури, братъ, не дури. Вотъ тебѣ наука! (*Хохочетъ*). Ну, братцы, выпьемъ теперича. Подвигъ совершили!..

Краснопѣвцевъ. Наливай, братъ, наливай! (*Псаломскій наливаетъ. Пьютъ по очереди. Нѣсколько минутъ продолжается общее молчаніе*).

Фасолевъ (*закусывая*). А что, братцы, я думаю тяжело быть влюбленнымъ?..

Краснопѣвцевъ. Не приведи Богъ! Жизни не радъ будешь...

Фасолевъ. Ой-ли?..

Краснопѣвцевъ. Ей-богу! Я, братъ, на себѣ испыталъ...

Фасолевъ. Ишь ты! А я думалъ, пріятность есть...

Краснопѣвцевъ. Какое — пріятность! Вѣчно на ногахъ! Такъ пѣтухомъ и ходишь: куда она — туда и ты, куда она — туда и ты.... Точно вотъ тѣнь за человѣкомъ!

Псаломскій. Иль слава за полководцемъ!

Краснопѣвцевъ. Не совѣтую, братъ, Тереша, не совѣтую, — не стоитъ!... Этакъ еще фигли-мигли, лясы да балясы — валяй; ну, а влюбляться — нѣтъ, братъ, съ нами Богъ! Избави насъ отъ лукаваго...

ФАСОЛЕВЪ. А что?

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Существенности, братъ, никакой!... Вожделеніе, да и только.... Ты возьми, напримѣръ, дѣвицу: развѣ ты можешь сказать: «сударыня! вы меня плѣнили!» Нѣтъ, вовсе не можешь, потому—стыдно, да и конфузъ получить можешь... Вотъ ты поневолѣ и долженъ скрыть свою любовь: а тутъ-то и есть для тебя мука: во-первыхъ, въ груди твоей пещь огненная; во-вторыхъ, не знаешь, гдѣ главу преклонить, то есть словно одержимый ходишь, а въ-третьихъ.... въ-третьихъ, братъ, вотъ и будешь воздыхать подобно ему: «гдѣ ты, гдѣ ты, — ай, ау? безъ тебя я здѣсь умру!» (*Всѣ смѣются*).

ПСАЛОМСКІЙ. Слушай, Краснопѣвцевъ! А ты въ кого былъ влюбленъ?

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Да у меня, братецъ, сказать истину, двѣ любви было: одна вотъ этакая, воздыхательная, а другая — другая, братъ, славная любовь!

ПСАЛОМСКІЙ. Что ты!

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Ей-богу! Что мнѣ лгать!.. У! братцы! какая славная! Просто вотъ се добрò и краснò, еже очами видѣти, а устами разумѣти...

ФАСОЛЕВЪ (*радостно*). Разскажи, Краснопѣвцевъ! Разскажи, братъ!

ПСАЛОМСКІЙ. Разскажи, Семенычъ, разскажи!

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Да сказка, братцы, долгая.... А впрочемъ, слушайте, разскажу! Любила меня, братцы, одна дѣвица — Аннушкой прозывалась. Дѣвушка она была преотмѣнная, этакая претолстая!... Ну, и полюбила она меня въ самые каникулы.... Смотрю одинъ разъ, а она мнѣ изъ-за забора платочкомъ машетъ.... «Подойдите, говоритъ, Яковъ Семенычъ! слово скажу!» Я, братцы, и подошелъ. Вижу, а у ней «Еруслань Лазаревичъ» въ рукахъ. — «Вы, говоритъ, читали эту книгу?» — Читалъ, говорю, сударыня! — «Ахъ, говоритъ, Яковъ Семенычъ, что это нѣтъ у насъ героевъ такихъ?» — Нѣтъ, говорю, сударыня! Должно быть, говорю, желанія ни у кого нѣтъ!—«А вы, говоритъ, желали бы?» Я, братцы, сталъ и молчу.... Она это посмотрѣла-посмотрѣла на меня, да и говоритъ мнѣ: «Яковъ Семенычъ! перелѣзайте, говоритъ, сюда. Побесѣдуемъ вмѣстѣ!» Я, братцы, и перелѣзъ. Вотъ и пошли у насъ тутъ слѣдующіе разговоры.... «Яковъ Семенычъ, говоритъ она мнѣ: вы не осер-

дитесь что̀ я вамъ скажу?» — Не осержусь, говорю, Анна Зотовна. На дѣвицъ, говорю, непристойно сердиться!... «Ахъ, Яковъ Семенычъ! я, говоритъ, васъ очепно люблю! Жизни не рада!..» А сама — бацъ мнѣ на грудь!... Слышу я, а у ней сердце такъ и стучитъ, такъ и стучитъ.... Стою, братцы, и глазамъ не вѣрю! А у самаго-то, самого такая робость ходитъ — рукой вотъ не двину. Сказать бы что — и того не знаю!... Ну, и стою себѣ нѣмъ, яко рыба.... (*Псаломскій и Фасолевъ хохочутъ*). Да, братцы, за себя стыдно.... Этакой былъ младенецъ!.. Вотъ отняла она голову, посмотрѣла этакъ на меня, да и говоритъ: «Яковъ Семенычъ! можетъ, вы презираете меня?».... Я, братцы, вошелъ въ разумъ и прямо ей: нѣтъ, говорю, сударыня, я васъ обожаю! Позвольте, говорю, ручку поцаловать! Ну и давай искать руки-то ея. Она, братцы, вы мои, усмѣхнулась — и говоритъ: «зачѣмъ, говоритъ, руку цаловать. Мы, говоритъ, въ уста поцалуемся», — и прямо мнѣ въ рыло впилась!... Ухъ! братцы! какое жь тутъ цалованіе у насъ пошло — что̀ твоя малина! Гулъ, братцы, гулъ поднялся! До обмиранія цаловались!.. Меня разъ десять даже трепетъ прохватилъ.... Она-то уже и изнемогать почала, а я, братцы, еще чмокъ да чмокъ! Такая сладость далась, — просто съѣлъ бы кажись!... Ну кончили.... Вотъ погодя, она и говоритъ мнѣ: «Яковъ Семенычъ! будете, говоритъ, любить меня?» — Буду, говорю, сударыня, по гробъ жизни буду!... — «И не измѣните?» спрашиваетъ. — Не измѣню, сударыня, за всѣ блага міра не измѣню! — «Любите, говоритъ. Я васъ давно уже полюбила; сказать только боялась!»

Фасолевъ. Чортъ возьми! Экое тебѣ счастіе далось!..

Псаломскій. Продолжай, братъ, продолжай!

Краснопѣвцевъ. Ну, и началось, братцы, для меня блаженство: что вечеръ — то поцалуи, что вечеръ — то любовное пресыщеніе, — просто живи да не умирай! Вѣкъ златой!... (*Черезъ минуту*) Избаловался я, братцы, страшно: сижу это днемъ, а въ груди у меня такъ и пышетъ, такъ и возгарается, — нѣтъ, мочи ждать вечернихъ блаженствъ — да и только!.. Ну, и сталъ я, братцы, посѣщать ея родителей: то книжки какой забѣгу взять, то чернилъ одолжить, то отъ скуки будто посидѣть, — словомъ, повадился воробей въ мою конопельку... Приду это, сижу минутъ тамъ сколько — и глазами, братцы, ее пожираю... Дальше больше, дальше больше—упаслѣдился я такъ, что и по цѣлымъ днямъ сталъ сиживать....

Мать-то, благослови ее Богъ, добрая была старушка — полюбила меня. — «Приходите, говоритъ, Яковъ Семенычъ, и завтра: вы, говоритъ, своими рѣчами усладу намъ дѣлаете...» И сталъ я, братцы, ходить почти каждый день. Отвернется это мать — къ окну тамъ, аль къ печкѣ — мы съ Аннушкой чмокъ! и поцаловались... Въ сѣни ли старуха выйдетъ — мы опять чмокъ! и поцаловались... (*Черезъ минуту*) Одначе этого мало было: сталъ я измышлять, братцы, какъ бы мнѣ съ Аннушкой во второй комнатѣ сиживать, чтобъ, значитъ, на свободѣ находиться... Думалъ я эту думу долго, — нѣтъ, ничего не могъ выдумать! Вотъ и говорю я какъ-то Аннушкѣ: «Аннинька! говорю: какую бы намъ, говорю, причину найдти, чтобъ во второй комнатѣ сидѣть? Маменька да папенька чтобъ не мѣшали...» Она это подумала да и говоритъ: «да это, говоритъ, не трудно,—вы начните, говоритъ, меня по французски учить. Мы и будемъ въ той комнатѣ заниматься съ вами. А я, говоритъ, сегодня же родителямъ скажу, что вы желаете меня французскому языку научить.» Ладно, говорю. А самъ, братцы, и думаю себѣ: «кой чортъ языкъ французскій! — я самъ рыла не смыслю!...» Однако, пораскинувши разумомъ, оказалось, что и у меня голова не мѣдная... Ухитрился я, братцы, вотъ что сдѣлать: отыскалъ свою латинскую грамматику, вырвалъ первую страницу — и отправляюсь преспокойно на учительское поприще... Прихожу. Мать не нарадуется. «Благодѣтель, говоритъ, вы нашъ, Яковъ Семенычъ, просто благодѣтель! Научите ее, говоритъ, научите! Пусть утѣшается!...» Ну, и пошло у насъ дѣло какъ по маслу... Читаю ей, братцы, латынь — просто стѣны движатъ! А сами-то знай не зѣваемъ: лобзаніе за лобзаніемъ рѣкой плыветъ... И вкусилъ я на этихъ урокахъ великую радость... Эхъ, славное было время!... (*Помолчавъ*) Научить-то ее ничему не научилъ. Отыскалъ только въ Кронеберга лексиконѣ латинскій глаголъ — цаловаться: collabelare se, — этому ее и вразумилъ.... И какъ братцы, выгодно было съ этимъ глаголомъ! Сидимъ, бывало, въ первой комнатѣ, при отцѣ и матери, разговоръ ведемъ али что. Вдругъ у меня разженіе водворится—смерть да и только! Я, братцы, при всѣхъ и обращаюсь къ Аннушкѣ: «Анна Зотовна! говорю: пойдемъ collabelare se!» И идетъ она, волнуемая любовною бурею, — и совершаемъ мы сладострастный поцалуй.... А мать послѣ и спрашиваетъ ее: «что это, говоритъ, Яковъ Семенычъ тебѣ сказалъ?» — Да это, говоритъ, онъ меня

учиться звалъ. (*Помолчавъ*) Вотъ, братцы, какой славной любви я вкусилъ! Въ жизнь свою не забуду!

Псаломскій. Да, братъ, поистинѣ славная. Этакой любви всѣмъ давай Богъ. Сущее блаженство!..

Фасолевъ (*вертясь на стулѣ*). Это... это, чортъ возьми, просто благодать!..

Псаломскій. Ну, а какъ, братецъ, по справкамъ-то — въ первобытномъ, значитъ, состояніи....

Краснопѣвцевъ. Что ты, братецъ! Да она и осталась въ первобытномъ.... У насъ на поцалуяхъ все дѣло стояло...

Псаломскій. Ахъ, ты крокодилъ египетскій! Какъ же такъ?..

Краснопѣвцевъ. Да такъ!

Псаломскій. Нѣтъ, ты скажи — какъ же такъ?..

Краснопѣвцевъ (*неохотно*). Что тутъ сказывать! Дѣло ясное: смѣлости лишонъ былъ!... Самъ ты посуди: какъ начать такое дѣло? какъ къ нему приступить? А ну вдругъ она меня бацъ въ рыло! Что тогда? Оконфузился смертельно!... Нѣтъ, братцы, гдѣ ужь рѣшаться на такія дѣла, не имѣя такъ-сказать законности! Будь я во власти — ну, тогда я элефантъ: что хочу, то и дѣлаю, и бояться не буду! А въ партикулярномъ состояніи опасно — конфузъ устрашаетъ! Слѣдовательно, и будьте довольны оброки вашими...

Псаломскій. Да, это такъ! Справедливо изволишь разсуждать! Valet consequentia!

Краснопѣвцевъ. А ужь какъ, братцы, какъ она меня подмывала — мочи не было! То за шею обхватитъ, то на колѣни сядетъ, то въ глаза мнѣ смотритъ — просто искушеніе!.. Особливо, если этакъ въ сумракъ вечерній разластится — звѣремъ становился: съѣлъ бы, кажись, цѣликомъ проглотилъ...

Псаломскій. А ты бы покрайности поползновеніе сдѣлалъ...

Краснопѣвцевъ. Эхъ, братецъ! О поползновеніи-то и самъ я думалъ, — ужь какъ думалъ: ночей бывало не сплю! Чтожь, мужества не было! Рѣшиться не могъ! (*Печально*) Ну, — такъ и не рѣшился...

Фасолевъ. А послѣ ты ужь не видѣлся съ ней?

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, братъ, не видѣлся. На другіе-то каникулы я ужь не засталъ ее: къ дядѣ уѣхала, въ другой уѣздъ. Слыхалъ я только, что какой-то офицеръ ее достигнулъ... По-

ходомъ проходилъ... (*Черезъ минуту*) У дяди-то она и по сію пору остается... (*Наступаетъ общее молчаніе*).

Псаломскій (*поднимаясь со стула*). Да, братъ, ты-таки вкусилъ радостей... Счастливый человѣкъ!

Краснопѣвцевъ. То-то, братцы! Вотъ я и говорю, что этакая любовь подходящая... Никакихъ мученій тутъ нѣтъ. Взаимная склонность видна. Не то, что ты, напримѣръ, ей сердечные вздохи возсылаешь, а она на тебя смотрѣть не хочетъ, никакимъ вниманіемъ не награждаетъ... Вотъ какъ Мавзолеева, напримѣръ! (*Псаломскій и Фасолевъ смѣются*).

Псаломскій. Да, да!.. (*Къ Мавзолееву*) Мавзолеевъ! ты слышишь, что Краснопѣвцевъ говоритъ?.. (*Мавзолеевъ продолжаетъ молчать. Наступаетъ молчаніе*).

Краснопѣвцевъ. Слушайте, братцы! А вѣдь мы не должны его такъ оставить.... Смотрите, какъ онъ страдаетъ!

Псаломскій. А что съ нимъ дѣлать? Пусть его!..

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, братъ, надо что нибудь предпринять!

Псаломскій. Что жь намъ, — ублажать его, что ли?

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, не ублажать, — а вотъ надо благоутробіе имѣть.... Вѣдь ты посмотри, какъ его тоска съѣдаетъ...

Псаломскій. Пусть его съѣдаетъ! Не рыдать же надъ нимъ! Ну его совсѣмъ!

Краснопѣвцевъ (*съ сердцемъ*). Эхъ, каменный ты человѣкъ! Да ты возьми въ толкъ, что онъ соучастія требуетъ...

Псаломскій. Ну вотъ, соучастія еще!... Да для чего ему твое соучастіе? что оно ему поможетъ?

Краснопѣвцевъ. Очень поможетъ! (*Псаломскій смѣется*) Да ты зубы-то не скали! А вспомни, какъ въ психологіи сказано было на счетъ соучастія?..

Псаломскій (*продолжая смѣяться*). А какъ было сказано?

Краснопѣвцевъ. Прямо сказано: «соучастіе утѣшаетъ и притупляетъ скорбь страждущаго человѣка»...

Псаломскій. Ну, братъ, это не для насъ писано.... Вотъ пѣсенку лучше споемъ!

Краснопѣвцевъ (*вспыльчиво*). Какъ не для насъ? А для кого же?

Псаломскій. Эхъ ты, голова, голова! Тебя на день семь

разъ распекутъ, — значитъ, надо къ тебѣ каждый разъ соучастіе имѣть?... Нѣтъ, братъ, въ терпѣніи стяжите души ваши — вотъ тебѣ правило!.. (*Къ Фасолеву*) Фасолевъ, начинай! (*Фасолевъ откашливается и затягиваетъ:* «Какъ у нашихъ у воротъ»).

Краснопѣвцевъ (*громко*). Слушайте, братцы! По крайней мѣрѣ на ноги его поставимъ... Авось онъ оживотворится!

Фасолевъ (*къ Псаломскому*). Да, братъ, въ самомъ дѣлѣ, двинемъ его!

Псаломскій (*подумавъ*). Быть по сему! Идемъ! (*Идутъ къ Мавзолееву*).

Краснопѣвцевъ (*взявъ его за руку*). Слушай, Ваня! вставай, братъ. Полно тебѣ сокрушаться!

Фасолевъ. Вставай, Мавзолеевъ! мы тебѣ пѣсенку споемъ! Смотри, какъ у насъ весело...

Псаломскій (*кланяясь ему*). Не помяни, братъ, беззаконій нашихъ...

Краснопѣвцевъ. Да, да, — не осердись, другъ! Потѣшились немного! (*Тянетъ его за руку*). Ну, вставай же, Ваня!

Мавзолеевъ (*сопротивляясь*). Да что вы, братцы! Что вамъ отъ меня нужно? Дайте покой!..

Псаломскій. Нѣтъ, другъ любезный, — гряди вонъ! Полно бабиться. Ты насъ срамишь!..

Краснопѣвцевъ (*стягивая его съ кровати*). Мы, Ваня, добро тебѣ дѣлаемъ. Вотъ самъ увидишь!.. Ну, становись! становись! (*Мавзолеевъ встаетъ на ноги*)

Фасолевъ (*подбѣгая съ рюмкою*). Выпей, Ваня! хвати! Сейчасъ раскуражитъ... (*Подноситъ ему*)

Мавзолеевъ (*отклоняя рукой*). Братцы! оставьте вы меня! Прошу васъ!..

Краснопѣвцевъ. Нѣтъ, другъ, не оставимъ! (*Тянетъ его къ стулу*). Садись вотъ здѣсь, да мужайся!.. (*Мавзолеевъ садится*)

Псаломскій (*съ иронією*). Что, братъ Мавзолеевъ, тяжка любовь и грустенъ свѣтъ, а?.. Такъ-то, братецъ, такъ-то! Все на свѣтѣ скоротечно!.. (*Смѣется*)

Фасолевъ. Замолчи, Псаломскій! Экой ты!..

Краснопѣвцевъ (*къ Мавзолееву*). Ну, братъ, — какъ же она тебѣ афронтъ-то сдѣлала?

Мавзолеевъ (*съ сердцемъ*). Какъ сдѣлала? Сдѣлала—да и все все тутъ!

Краснопѣвцевъ. Да ты, братъ, не сердись. Не больно боимся!.. Ты разскажи. Мы тебя утѣшимъ...

Псаломскій (*подходя къ нему и кланялсь*). Милый и истинный другъ! излей горесть твою въ грудь нашу...

Краснопѣвцевъ (*къ Псаломскому*). Ну, полно тебѣ бѣсноваться! Вишь, онъ на себя непохожъ...

Фасолевъ (*трогая Мавзолеева за плечо*). Ну, Ваня, разскажи! что жь ты молчишь? (*Мавзолеевъ продолжаетъ молчать. Всѣ смотрятъ на него и тоже молчатъ. Проходитъ нѣсколько минутъ*)

Мавзолеевъ (*быстро поднимая голову*). Братцы! будете мнѣ помощниками?... (*Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ. Мавзолеевъ возвышая голосъ*) Будете мнѣ помощниками, говорю?... (*Тѣ молчатъ*) Что жь вы, оглохли, что ли?.. (*Къ Краснопѣвцеву*) Краснопѣвцевъ! Ты будешь мнѣ помощникомъ?

Всѣ. Что ты, братъ! что ты! Богъ съ тобой! Какими помощниками?

Мавзолеевъ (*съ сердцемъ*). Будете мнѣ помощниками, спрашиваю васъ?

Краснопѣвцевъ. Да что ты, Ваня! бѣлены объѣлся?.. Христосъ съ тобой!

Мавзолеевъ. Экой народъ! Я васъ спрашиваю: будете мнѣ помощниками?

Псаломскій (*къ Фасолеву*). Тереша! окати его водой. Вишь, у него бредъ начинается... (*Фасолевъ бѣжитъ къ дверямъ*)

Краснопѣвцевъ. Живѣй, Тереша, живѣй! Да лоханку захвати!

Мавзолеевъ (*во все горло*). Братцы! что вы! — съ ума сошли?... За кого вы меня принимаете? Вѣдь я при своемъ умѣ! (*Хочетъ встать*)

Краснопѣвцевъ (*удерживая его*). Нѣтъ, Ваня, не пущу! Сиди, родной! Вотъ голову окатимъ. Тебѣ легче будетъ...

Мавзолеевъ (*вырываясь*). Братцы! да что вы, въ самомъ дѣлѣ, никакъ спятили?... Я вѣдь при своемъ умѣ! Вотъ вамъ Богъ, при своемъ... Что вы! (*Входитъ Фасолевъ съ кувшиномъ и лоханкой*)

Краснопѣвцевъ. Какъ же, братъ, при своемъ? Вѣдь ты сейчасъ что говорилъ!.. Подумай!

Мавзолеевъ. Ахъ вы меренья, меренья! Да я васъ спраши-

ваю, будете ли помощниками? Вѣдь мнѣ надо передъ Еленой Скиѳиной честь нашу отстоять! Слышите? честь, братцы! Она всѣхъ насъ жалкими людьми обозвала!..

Краснопѣвцевъ и Псаломскій. А–а!... Будемъ, братъ, будемъ! Какъ не быть! А мы полагали, ты дебошъ....

Мавзолеевъ (*прерывая ихъ*). Такъ, братцы, и обозвала! «Это, говоритъ, жалкіе люди... Я, говоритъ, на нихъ съ сожалѣніемъ гляжу...»

Краснопѣвцевъ. Ахъ она погань этакая! Да какіе жь мы жалкіе?

Мавзолеевъ. Да, братцы, такъ и сказала: «это, говоритъ, жалкіе люди. Они, говоритъ, понятій не имѣютъ...»

Псаломскій (*сердито*). Типунъ ей на языкъ! Да понимаетъ ли она, какіе мы люди?..

Краснопѣвцевъ. Слушай, Ваня! И ты ничего ей не сказалъ?

Мавзолеевъ. Нѣтъ, братцы, это она матери говорила. «Я, говоритъ, потому и не пойду за Мавзолеева, что они всѣ жалкіе люди... Понятій ни о чемъ не имѣютъ...»

Псаломскій (*энергически*). Братцы! не дадимъ себя въ обиду! Мы ей подметное письмо напишемъ!..

Краснопѣвцевъ. Да, да! Письмо написать!

Псаломскій. Напишемъ — что вретъ она! Какіе мы жалкіе? Мы — просвѣщенные люди!..

Мавзолеевъ (*громко*). Слушайте, братцы! не надо письма! Мы сами пойдемъ...

Краснопѣвцевъ и Псаломскій (*съ удивленіемъ*). Какъ сами?

Мавзолеевъ. Сами, братцы! Меня мать приглашала. «Ты говоритъ, Ваня, съ товарищами приди, разговоры заведите... Можетъ, она и одумается...»

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Пойдемъ, братцы, пойдемъ! Не посрамимъ земли русской!..

Мавзолеевъ. Господа! вотъ въ чемъ дѣло: тутъ условиться надо—какъ намъ дѣйствовать?.. Мы показать себя должны!

Псаломскій. Да, да! условиться надо. Это важная статья...

Мавзолеевъ (*обращаясь ко всѣмъ*). Садитесь, братцы! По надлежащему рѣчь поведемъ... Дѣло не какое нибудь!

Краснопѣвцевъ. Сядемъ, друзья! О чести вѣдь дѣло! Надо порядкомъ поразмыслить... (*Всѣ садятся*)

Мавзолеевъ (*усѣвшись*). Мы, господа, въ именины ея дол-

жны явиться. На будущей недѣлѣ именины Лепочки. Такъ мать сказала!

Псаломскій. Что жь!—и въ именины пойдемъ!

Краснопѣвцевъ. Ежели въ именины, такъ надо съ ангеломъ поздравить...

Псаломскій. Да, да,—политику соблюсти... Поздравить, непремѣнно поздравить!

Краснопѣвцевъ. Стихами, братцы, нельзя ли? Это важно будетъ!

Псаломскій (*въ восхищеніи*). Славно выдумалъ! Стихами, друзья, стихами... Стихи написать!

Мавзолеевъ. Господа, а мнѣ тоже стихами?

Краснопѣвцевъ. Непремѣнно, братъ! какъ же!.. Ты первый долженъ говорить.

Псаломскій (*ударяя кулакомъ по столу*). Дѣло братцы! Эта статья рѣшена — стихами поздравимъ...

Краснопѣвцевъ. Господа! я стихи напишу! я мастеръ! А не успѣю для всѣхъ—третій и прозой двинетъ...

Мавзолеевъ и Псаломскій. Ладно, братъ! валяй!

Псаломскій. Ну, братцы, теперь дальше какъ дѣйствовать? Вотъ вопросъ!

Мавзолеевъ. Что жь?—дѣло ясное: придемъ, поздравимъ и разговоры заведемъ...

Псаломскій. О чемъ разговоры? Это знать надо! Такъ нельзя!

Краснопѣвцевъ. Какъ о чемъ? Извѣстно, о предметахъ возвышенныхъ... Чтобъ форсъ показать!

Псаломскій (*съ восторгомъ*). Ладно, братцы! Наканунѣ всю логику прочитаю,—нарочно прочитаю... Знай нашихъ!

Краснопѣвцевъ (*къ Мавзолееву*). А тамъ, кто будетъ? Какъ ты думаешь?

Мавзолеевъ. Не знаю, братцы! Должно быть свои... Кому больше!

Псаломскій. А этотъ... какъ его? Гра.... Гра.... Грачининъ?

Мавзолеевъ. Вѣроятно будетъ. Онъ тамъ принятъ...

Псаломскій (*подумавъ, Мавзолееву*). А знаешь, что я тебѣ скажу? Намъ надо Пригвожденнаго взять...

Мавзолеевъ. Зачѣмъ?

Псаломскій. Надо, братъ!

Мавзолеевъ. Зачѣмъ же надо?

Псаломскій. Это, братъ, голова... Онъ подмогой будетъ!

Краснопѣвцевъ. Да, да! этотъ собаку съѣлъ! Съ кѣмъ хочешь, поспоритъ... Взять его! взять!

Фасолевъ. Слушайте, братцы! да онъ пьянствуетъ теперь...

Псаломскій. Кто? Пригвожденный?.. Что ты, Тереша! Опомнись! Онъ вина и въ ротъ не беретъ...

Фасолевъ. Я вамъ говорю — пьянствуетъ! Мнѣ Кимвалинъ сказывалъ... Уже нѣсколько дней гуляетъ...

Краснопѣвцевъ. Да съ чего ему пьянствовать? Онъ на ногѣ сапога не имѣетъ... Быть не можетъ!

Фасолевъ. Съ горя, говорятъ, пьетъ... (*Наступаетъ молчаніе. Въ это время на порогъ является Пригвожденный*).

СЦЕНА III.

Тѣ же и Пригвожденный (*).

Пригвожденный (*на порогѣ*). У! синклитъ какой... Здравствуйте, народные витіи! Привѣтъ вамъ мой!

Всѣ. Вотъ онъ! вотъ онъ!.. Здравствуй, братъ. Милости просимъ!

Пригвожденный (*входитъ въ шапкѣ, напѣвая*): «Не видалъ я дня счастливаго съ самой юностей моей!» *Бросаетъ шапку на столъ и смотритъ попеременно то на того, то на другаго*). Братцы! водки давайте!.. (*Всѣ молчатъ и смотрятъ на него съ изумленіемъ. Пригвожденный садится*)

Псаломскій. Что ты, Петровичъ! да ты не пьешь!..

Пригвожденный (*громовымъ голосомъ*). Пью, братцы, пью!... Жизнь свою пропиваю! (*Бьетъ кулакомъ по столу*) Жизнь пропиваю!..

Краснопѣвцевъ (*Фасолеву*). Тереша! пошли Мавру, пусть сбѣгаетъ... Вотъ деньги. (*Фасолевъ беретъ деньги и уходитъ*).

Псаломскій. Что съ тобой, Петровичъ? Мы не узнаемъ тебя...

Пригвожденный. Все пропало! все погибло!.. Пью, брат-

(*) Пригвожденный говоритъ густымъ басомъ.

цы!... (*Затягиваетъ*: «Не видалъ я дня счастливаго съ самой юности моей!»)

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Да ты опомнись, Петровичъ! Что ты съ собой дѣлаешь!..

Пригвожденный (*грозно*). Молчать, рыбы безгласныя! Я царь своей головѣ!.. (*Псаломскій и Краснопѣвцевъ отходятъ къ кровати. На нѣсколько секундъ совершенная тишина*). Слышите, эѳіопы? Я царь своей головѣ!... (*Смотритъ на нихъ съ презрѣніемъ*) Пни безтолковые! вамъ ли меня учить?... Цыцъ! цыцъ, зайцы трусливые! (*Опирается на столъ и снова затягиваетъ*: «Не видалъ я дня счастливаго съ самой юности моей!»)

Псаломскій (*чрезъ нѣсколько времени*). Да ты, Петровичъ, не шуми. Мы изъ дружества къ тебѣ сказали...

Пригвожденный. Изъ дружества?

Псаломскій. Право, изъ дружества...

Пригвожденный (*кланялся*). Спасибо, родные! Душевное спасибо!... (*Опять запѣваетъ:* «Не видалъ я дня счастливаго съ самой юности моей!» *Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Мавзолеевъ перешептываются между собой. Пригвожденный, посмотрѣвъ на нихъ, бьетъ кулакомъ по столу*). Эхъ, жизнь-то наша!.. (*Вздыхаетъ*) Братцы! хочете, стихи вамъ прочту?

Краснопѣвцевъ,
Псаломскій и
Мавзолѣевъ. } Прочитай, Петровичъ, прочитай!

Пригвожденный (*достаетъ изъ кармана клочокъ бумаги*). Слушайте!.. Это, братцы, Сумарокова, стихи. (*Читаетъ*)

«Насталъ намъ часъ иль смерти, иль свободы,
Умремъ, иль побѣдимъ, о храбрые народы!
Надежда есть, друзья! Оскольдъ еще живетъ —
Безсильнымъ мужество, побѣды плодъ даетъ!
О, вѣрные друзья! Отримемъ плѣна бремя!
Настало то, судьбой назначенное время,
Въ которое должны мы вселенной показать,
Что намъ несвойственно подъ игомъ унывать!
Коль нашей храбростью оковы разорвутся!
Какія радости повсюду раздадутся!
А ежели судьба намъ умереть велитъ, —
Друзья! паденіе дѣлъ нашихъ не затмитъ!..»

Слышите?.. Слышите? Паденіе дѣлъ нашихъ не затмитъ!.. (*Смотритъ на нихъ долго*) Братцы! пойдемъ нашему зубы колотить!..

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Что ты, братъ! что ты!

Пригвожденный (*смѣривая ихъ глазами*). Эхъ, вы! Волы подъяремные! зайцы трусливые! ослы вислоухіе!... Прочь съ глазъ моихъ! Расшибу!.. (*Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Мавзолѣевъ переглядываются между собой. Пригвожденный опускаетъ голову на руку и смотритъ въ одну точку. Проходитъ нѣсколько минутъ*)

Краснопѣвцевъ. Петровичъ! Ты спать ли не будешь? Ложись, другъ.

Пригвожденный (*поднимаетъ голову*). Спать? Мнѣ спать?.. (*Смотритъ на нихъ нѣсколько секундъ*) Братіе! давайте плакать!.. (*Дѣлаетъ безнадежный жестъ и начинаетъ плакать. Въ это время входитъ Фасолевъ съ бутылкой въ рукѣ. Псаломскій и Краснопѣвцевъ мимикой подзываютъ его къ себѣ и начинаютъ шептаться*)

Псаломскій (*подходя къ Пригвожденному*). Петровичъ! а, Петровичъ! Водка есть...

Пригвожденный. Водка?.. Спасибо, братцы! (*Отирая слёзы*) Сюда ее! сюда!.. Горе запью! прахомъ развѣю!.. (*Выпиваетъ залпомъ и задумывается*)

Псаломскій. Скажи, Петровичъ, что тебя мучаетъ? Можетъ, ты ѣсть хочешь?

Краснопѣвцевъ. Откройся намъ, пріятель! не тайсь! Мы не безчувственные человѣки... (*Пригвожденный молчитъ*)

Псаломскій (*Краснопѣвцеву, вполголоса*). Отойдемъ, братъ. Не надо его тревожить...

Пригвожденный (*поднимаетъ голову*). Братцы! Кто мы?.. Мы — люди? (*Всѣ смотрятъ на него молча*)

Псаломскій. Извѣстно, братъ, люди!

Пригвожденный (*бьетъ кулакомъ по столу*). Нѣтъ! гробы мы повапленные, а не люди!.. Мы паріи несчастные!.. (*къ Псаломскому*) Скажи, что мы значимъ, а? Что?.. Волы мы подъяремные!.. (*Обводитъ ихъ глазами*) Гдѣ нашъ разумъ? гдѣ жизнь наша? Жизнь наша гдѣ?... (*Оборачивается*) Что это? Гиль заплеснѣвшая! тьма кромѣшная!.. Прочь, мерзость запустѣнія! Прочь!... (*Приходитъ въ азартъ: тедради одна за другой летятъ къ порогу*)

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Братецъ! что ты дѣлаешь!..

Пригвожденный. Свѣта, друзья, свѣта намъ нѣтъ! Кроты мы подземельные... (*Опускаетъ голову*)

Псаломскій (*къ Фасолеву*). Тереша! подними, братъ, тетради.

Пригвожденный. А онъ мнѣ что̀ сказалъ?... Ты, говоритъ, бунтовщикъ!.. Въ сторожа̀ сошлю!.. (*Приходитъ въ азартъ*) Рѣжь меня! рѣжь, Калигула кровожадный! Я человѣкъ, а не пѣшка... Рѣжь меня! (*Сверкаетъ глазами*).

Краснопѣвцевъ и Псаломскій. Петровичъ! другъ сердечный! Успокойся!

Пригвожденный (*грозясь кулаками*). У–у! звѣрь лютый! Камнемъ убью!... (*Падаетъ въ изнеможеніи на стулъ*)

Краснопѣвцевъ. Петровичъ! брось ты печаль! Выпьемъ съ горя!... (*Подмигиваетъ на остальныхъ*) Братцы! спойте что нибудь... Что за тоска! Ну ее! (*Псаломскій и Фасолевъ начинаютъ:* «Быстры какъ волны дни нашея жизни...»)

Пригвожденный (*порывисто вставая*). Вина̀, друзья, вина! Въ немъ наша радость!.. (*Пьетъ*) Дружнѣй, господа!.. (*Еще пьетъ*) Юность, братцы, юность спойте!... (*Опять пьетъ. Псаломскій и Фасолевъ поютъ:* «Юность, юность веселися! Веселись, пока цвѣтешь...»)

Краснопѣвцевъ (*къ Пригвожденному*). Петровичъ! не ляжешь ли, другъ? Вонъ кровать. Отдохни, милый!

Пригвожденный (*не слушая его*). Дружнѣй, братцы, дружнѣй!... Эхъ, жизнь распроклятая!.. (*Пьеся продолжается. Пригвожденный надѣваетъ фуражку и встаетъ*).

Краснопѣвцевъ (*останавливая его*). Куда ты, Петровичъ? Посиди! (*Пригвожденный, не слушаясь его, идетъ*)

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Стой, Петровичъ! Слушай! Мы просить тебя хотѣли.... (*Пригвожденный, не оборачиваясь, уходитъ. Наступаетъ внезапная тишина. На лицахъ оставшихся выражается что–то въ родѣ страха. Они сходятся въ кружокъ и начинаютъ разговоръ вполголоса*)

Мавзолеевъ (*почти шопотомъ*). Господа, что это съ нимъ?

Псаломскій. А Богъ его знаетъ! Я первый разъ его такимъ вижу...

Краснопѣвцевъ. Ахъ, братцы! какъ онъ испугалъ меня! И теперь дрожу...

Псаломскій. Вотъ что, ребята! Глупо сдѣлали.... не надо было отпускать. Онъ кутерьмы какой надѣлаетъ!

Краснопѣвцевъ. Что ты, Павлуша! Его развѣ удержишь?.. Смотри, какой онъ! Это, братъ гигантъ... Ты знаешь, онъ Павлу Павлычу въ рыло треснулъ!

Псаломскій (*вздыхая*). Несчастный, братцы, человѣкъ!... А уменъ–то какъ! Геній!..

Мавзолеевъ (*вопросительно*). Но что же съ нимъ? Вѣдь онъ просто какъ сумасшедшій!

Псаломскій (*докторально*). Это, братъ, отъ водки... Недавно пить началъ!

Фасолевъ. Трезвый онъ не бушуетъ, — это я знаю! Вѣчно задумчивъ.... Развѣ обидитъ кто...

Краснопѣвцевъ. Несчастный, братцы, несчастный человѣкъ... Пожалуй, съ ума сойдетъ! (*Наступаетъ общее молчаніе*)

Мавзолеевъ. Господа, какъ же намъ быть? Вѣдь его нельзя на именины... Онъ, пожалуй...

Псаломскій и Краснопѣвцевъ. Ну, нѣтъ! Онъ трезвый не станетъ... не станетъ, братъ! Мы его знаемъ.

Краснопѣвцевъ. Захватить только съ утра, вотъ и все тутъ!

Мавзолеевъ. Ну, и дѣло. Слушайте, братцы! такъ, значитъ, кончено! Въ четвергъ пойдемъ! Эхъ, кабы–то успѣть!..

Краснопѣвцевъ и Псаломскій. Успѣемъ, братъ, успѣемъ! Ужь мы себя поставимъ... Раскошеливайся только...

Фасолевъ. Да, да, Ваня! раскошеливайся! Что ужь тутъ!

Мавзолеевъ Ну, быть по сему! (*Къ Фасолеву*) Отправляйся, Тереша!..

Краснопѣвцевъ (*въ восторгѣ*). Эхъ, ма! Какіе жь я стихи хвачу! Просто на славу!..

Псаломскій. Бойкіе, братъ, бойкіе отваляй! Чтобъ въ носъ бросились! (*Хохочутъ*).

Мавзолеевъ. Братцы! а вотъ что: на Поляну идемъ. Не стоитъ здѣсь...

Краснопѣвцевъ и Псаломскій. Браво, Ваня! идемъ! Тамъ прохладнѣй будетъ... (*Начинаютъ собираться. Мавзолеевъ суетится около сундука. Краснопѣвцевъ и Псаломскій отыскиваютъ фуражки. Фасолевъ убираетъ со стола хлѣбъ и бутылку и ставитъ*

ихъ подъ кровать. Краснопѣвцевъ, надѣвъ фуражку, прыгаетъ по комнатѣ, потомъ подбѣгаетъ къ Мавзолееву).

Краснопѣвцевъ. Слушай, Ваня! а ты ее очень любишь?..

Мавзолеевъ (*запирая сундукъ*). Послѣ, братъ, скажу! послѣ!.. Идемъ!.. (*Всѣ надѣваютъ фуражки и идутъ. Фасолевъ у порога затягиваетъ*: «Громъ побѣды раздавайся! Веселися, храбрый Россъ!» *Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

День именинъ Леночки. — Прежняя комната въ домѣ Скопиной. Посерединѣ разложенъ большой столъ, покрытый бѣлой скатертью. На немъ уставлена разная закуска съ напитками. Въ комнатѣ Леночка и Соня. Леночка копается въ ящикѣ комода; Соня стоитъ возлѣ нея.

СЦЕНА I.

Соня и Леночка.

Соня. Ахъ, Леночка! вѣдь маменька умретъ отъ тоски! Развѣ тебѣ не жаль ее?..

Леночка. Что дѣлать! я не для маменьки должна жить... Маменька не понимаетъ моего счастья... Ты посуди, развѣ маменька имѣетъ право распоряжаться моимъ сердцемъ? Развѣ она вправѣ требовать отъ меня такой жертвы, какъ любовь, какъ свобода, независимость?.. А она что со мной дѣлаетъ, какія сцены!.. за кого отдаетъ!..

Соня (*помолчавъ*). Ну, а если онъ измѣнитъ тебѣ?..

Леночка. Измѣнитъ?.. (*Задумывается*) Нѣтъ, онъ не можетъ этого сдѣлать! Онъ не способенъ на это. Я не вѣрю!.. Нѣтъ! нѣтъ!..

Соня. Смотри, Леночка,—мужчины, говорятъ, какой народъ!.. Они не вѣрны слову.... Тогда что?

Леночка. Вздоръ, Соня, вздоръ! онъ не броситъ меня! (*Черезъ минуту*) Ну, а если и броситъ, —что жь! Все-таки я счастье знала, я жизнію жила... я любила лучшаго человѣка!... Ахъ, Соня, это рѣдкій человѣкъ! здѣсь нѣтъ такихъ людей...

Соня. Смотри, Леночка, истинно ли онъ любитъ тебя? Ты съ него клятву возьми...

Леночка. Любитъ, Соня! онъ меня истинно любитъ... (*Помолчавъ*) Ахъ, ты не знаешь, Соня, какъ я счастлива бываю! какія чудныя минуты я живу! сколько счастья онъ мнѣ дастъ! Сновъ не надо...

Соня. Счастливица ты! (*Задумывается долго*) Нѣтъ, Леля, я ни за что не рѣшилась бы! Ни за что!.. Вѣдь тамъ чужіе люди пойдутъ! Ни одной души знакомой... Подумай, какъ ты будешь!..

Леночка. Ахъ, Соня, какая ты трусиха, право!.. Ну, чего бояться? Я, напротивъ, рада этому!

Соня (*въ замѣшательствѣ*). Нѣтъ... да какъ же такъ внезапно?.. Зачѣмъ непремѣнно сегодня?

Леночка. Онъ ѣдетъ сегодня! (*Продолжаетъ копаться въ комодѣ. Соня задумчиво смотритъ ей въ лицо*)

Соня (*бросается на шею Леночки*). Леночка, душечка! Не дѣлай ты этого! пожалѣй ты маменьку!.. (*Цалуетъ ее*) Не дѣлай, Леля! не дѣлай, милая!

Леночка. Соня! не уговаривай меня,—это напрасно!.. Ты вотъ помоги мнѣ. Я къ вечеру должна готовой быть... Онъ пришлетъ... (*Въ сосѣдней комнатѣ слышны шаги*)

Соня (*дѣлая предупредительный жестъ*). Тсъ! Тише!.. (*Отскакиваетъ къ стулу и садится. — Входятъ: Матрена Марковна, Дарья Акимовна и Лукерья Ѳедосѣевна*)

СЦЕНА II.

Тѣ же, Матрена Марковна, Дарья Акимовна и Лукерья Ѳедосѣевна.

Дарья Акимовна (*переступая порогъ*). Прибѣжала, и навзрыдъ, матушка, плачетъ, — просто слезами заливается... Что, говорю, съ тобой, Соломонида? о чемъ сокрушаешься?— «Ахъ, тетенька! Какъ, говоритъ, не сокрушаться,—вчера опять жалованье просадилъ...» (*Леночка и Соня уходятъ въ другую комнату*)

Матрена Марковна. Господи! экой мужъ-то ей дался! Просто наказаніе!..

Дарья Акимовна. Ну, и почала жаловаться на судьбу свою... «Тоска, говоритъ, тетенька, — тоска меня съѣдаетъ... Цѣлые дни одна, какъ отшельница какая, просиживаю, живой души предъ собой не вижу... Хоть бы ребенокъ, говоритъ, у меня былъ,—все бы мнѣ веселѣе...»

Матрена Марковна. Конечно, съ ребенкомъ позанятнѣе... Все-таки утроба твоя передъ тобою... Какъ же! не въ примѣръ веселѣе.

Дарья Акимовна. Я, знаете, и говорю ей: что жь, Соломонида, видно, говорю, Господу не угодно, коли Богъ не посылаетъ...—«Ахъ, тетенька! отвѣчаетъ она мнѣ: тутъ другая причинность есть...»—Какая, говорю, причинность? Вотъ и почала она мнѣ разсказывать (*наклоняется къ уху Матрены Марковны и что-то шепчетъ ей; — возвышая голосъ*) Ну, оно и понятно, что сокруха ей бѣдной! Вѣдь бабенка-то она молодая, — всего двадцать второй годокъ пошелъ...

Матрена Марковна. Что и говорить! Вѣстимо, въ такихъ годахъ душа своего требуетъ...

Дарья Акимовна. То-то, матушка! А вотъ поди — пожалуйся она на судьбу свою, — никто не услышитъ, никакого рѣшенія не получитъ... Вотъ я и говорю: какова-то жисть наша! Одно мученіе, да слезы горькія!..

Матрена Марковна. Да, Акимовна, ужь истинно мученіе!

Дарья Акимовна. А вѣдь заповѣдь-то Господня, теперича сказать, какъ намъ дана? «Раститеся и множитеся», сказано!.. Вотъ и живи воздыханіемъ!.. (*Вздыхаетъ. Начинается общее молчаніе*)

Матрена Марковна (*черезъ нѣсколько времени*). Что жь это соколы наши не идутъ?

Дарья Акимовна. Придутъ, матушка! скоро ужь прилетятъ! Должно быть, прихорашиваются... Извѣстно, молодость! Имъ вотъ бы прифрантиться...

Лукерья Ѳедосѣевна. Ну, безъ этого нельзя. Сами-то съ молоду грѣшны были... (*Вздыхаетъ*)

Матрена Марковна (*подходитъ къ столу*). Не пройтись ли намъ по одной? Больно ужь долго ждать-то...

Дарья Акимовна. Охъ, Марковна, будетъ! Перехватишь, пожалуй!

Матрена Марковна (*наливъ рюмку*). Акимовна! во здравіе именинницы! Лукерья Ѳедосѣевна! здоровье ваше! (*Пьетъ*)

Дарья Акимовна и Лукерья Ѳедосѣева. Кушайте во здравіе! дай Богъ внучатъ женить!..

Матрена Марковна (*наливаетъ и подноситъ Лукерьѣ Ѳедосѣевнѣ*). Прошу покорно!

Лукерья Ѳедосѣевна (*къ Акимовнѣ*). Дай Богъ всякаго здоровья! (*Надпиваетъ и обращается къ Матренѣ Марковнѣ*) Дай Богъ, матушка, дочку подъ вѣнцомъ видѣть!.. (*Пьетъ и подноситъ діаконницѣ*)

Дарья Акимовна (*принимая рюмку*). За здоровье именинницы и нареченнаго... Дай Богъ дѣло сладить и пиръ пировать!.. (*Пьетъ*)

Матрена Марковна. Авотъ никакъ и они пришли... (*Прислушивается*)

Дарья Акимовна (*тоже прислушиваясь*). Они, матушка, они! Прилетѣли ясны соколы!.. (*Въ сѣняхъ слышенъ шопотъ; отворяются двери, входятъ: Мавзолеевъ, Краснопѣвцевъ, Псаломскій, Фасолевъ и Пригвожденный*).

СЦЕНА III.

Тѣже, Краснопѣвцевъ, Мавзолеевъ, Псаломскій, Фасолевъ и Пригвожденный.

(Вошедшіе останавливаются у порога и дѣлаютъ общій поклонъ. За тѣмъ жмутся и стараются скрыть себя одинъ за другаго).

Мавзолеевъ (*выступивъ нѣсколько впередъ*). Матрена Марковна! позвольте имѣть честь представить вамъ моихъ товарищей, желающихъ въ сей знаменательный день принести нелицемѣрное поздравленіе вашему дому и излить свои чувства отъ того многообильнаго источника, который хранится въ скрижаляхъ ихъ сердца...

Всѣ (*кланяются и произносятъ въ одинъ голосъ*). Честь имѣемъ поздравить съ именинницей и пожелать всѣхъ благъ и благополучія...

Матрена Марковна. Очень признательна вамъ, милостивые господа! благодарю за честь! Прошу садиться! (*Всѣ дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ*)

Краснопѣвцевъ. Позвольте намъ рекомендовать себя! Честь имѣю быть Платонъ Семенычъ Краснопѣвцевъ. (*Кланяется и отходитъ встороиу*)

Псаломскій. Честь имѣю быть, Павелъ Авксентьичъ Псаломскій (*Кланяется и отходитъ второну*)

Фасолевъ. Честь имѣю быть, Терентій Кузьмичъ Фасолевъ. (*Кланяется и отходитъ второну*)

Пригвожденный. Яковъ Петровичъ Пригвожденный, сынъ умершаго дьячка.

Матрена Марковна (*къ Пригвожденному*). Давно умерли родители?

Пригвожденный. На второй мѣсяцъ по поступленіи моемъ въ бурсу.

Матрена Марковна. Господа! прошу садиться. Милости просимъ!

Мавзолеевъ. Матрена Марковна! позвольте намъ прежде принести поздравленіе Еленѣ Кириловнѣ...

Матрена Марковна. Сейчасъ, батюшка, я позову ее! Присядьте, господа! Очень рада! (*Всѣ садятся. Матрена Марковна уходитъ во вторую комнату*)

СЦЕНА IV.

Тѣ же, кромѣ Матрены Марковны.

Дарья Акимовна (*къ Мавзолееву*). Ваня! смотри, дружокъ, ты первый долженъ поздравить Елену Кириловну, а за тобой ужь господа богословы... Да непремѣнно поцалуй ручку! Слышишь?

Мавзолеевъ. Я и безъ васъ знаю, тетенька! Пожалуйста, не безпокойтесь... Вѣчно съ своими наставленіями!

Дарья Акимовна. Обижаться нечего! А ты вотъ смотри, поразвязнѣе будь...

Мавзолеевъ (*съ сердцемъ*). Сказалъ — буду! чего вамъ еще!

Дарья Акимовна. А носовой-то платокъ не забылъ?

Мавзолеевъ. Тетенька, перестаньте оскорблять меня!.. Это наконецъ невыносимо!

Дарья Акимовна (*обращаясь къ сидящимъ*). Господа! скажите на милость: развѣ это оскорбленіе, что я о немъ забочусь?.. Эхъ, Ваня, вѣтеръ у тебя въ головѣ... Другой бы поблагодарилъ еще! (*Черезъ секунду*) Вѣдь осрамишься—хуже будетъ!

Мавзолеевъ. Не безпокойтесь! Мы поставимъ себя отлично... Вотъ увидите!

Краснопѣвцевъ (*поднимаясь со стула*). Мы намѣрены стихотворно поздравить.... Ваня и я стихотворныя поздравленія прочтемъ. Нарочно приготовили!

Дарья Акимовна. Это будетъ очень пріятно... Отлично, господа, отлично!.. (*Къ Мавзолееву*) Ваня, поправь манишку... Смотри, уголъ-то весь вылѣзъ!.. (*Мавзолеевъ заправляетъ манишку. Входятъ: Матрена Марковна, Леночка и Соня. Всѣ быстро встаютъ съ мѣстъ, становятся въ кучу и кланяются*).

СЦЕНА V.

Тѣ же, Матрена Марковна, Леночка и Соня.

Матрена Марковна (*къ Леночкѣ*). Вотъ господа богословы пришли поздравить тебя съ днемъ ангела. Это товарищи Ивана Ѳерапонтыча... (*Молодые люди кланяются*).

Мавзолеевъ (*выступая впередъ*). Елена Кириловна! позвольте мнѣ въ сей священный день излить предъ вами благожеланія моего сердца и повергнуть къ стопамъ вашимъ стихотворное поздравленіе...

Леночка (*съ легкой улыбкой*). Благодарю васъ, г. Мавзолеевъ.

Мавзолеевъ (*дѣлаетъ два шага впередъ, кланяется и произноситъ*):

И се, съ святыхъ высотъ эфира,
Невидимой для глазъ тропой,
Въ дыханьи кроткаго зефира,
Явился ангелъ вашъ святой!..

Его краса, что благодать святая,
Днесь дивно осѣнила васъ,
И вы, какъ нимфа неземная,
Явились въ блескѣ средь насъ!

Въ восторгѣ чувствъ и вдохновенья,
Въ святѣйшій для меня сей часъ,
Души моей всѣ помышленья
Полны желаній — счастія для васъ...

Всѣ блага видимаго міра,
Всѣ наслажденья на земли,
Всѣ блага внутренняго мира, —
О, Боже! все вамъ ниспошли!..

Желаній спхъ не отвергайте,
Какъ сердца дань святую,
И ручку вашу мнѣ подайте —
Прелестную пусть расцалую!..

Леночка (*отнимая руку*). Зачѣмъ! не надо, г. Мавзолеевъ. Покорно благодарю!

Краснопѣвцевъ (*ставъ на мѣсто Мавзолеева, декламируетъ*):

Поклонившися Омиру,
Взялъ я въ руки Пинда лиру
И возсѣвши на Парнасъ,
Мнилъ воспѣть, о ангелъ, васъ!
Но узрѣвши ликъ вашъ ясный,
Лучезарный и прекрасный,
Я остался какъ нѣмой,
Пораженный красотой!..

Мнѣ ли существу земному,
Бывшу съ вами незнакому,
Красоты зря идеалъ,
Воспѣвать вамъ мадригалъ?..
Только счастье видѣть васъ
Мнѣ дало сей смѣлый гласъ, —
Смѣлость тожь дало безспорно
Васъ поздравить стихотворно!..

(*Кланяется и отходитъ въ сторону*).

Псаломскій (*выступая впередъ*). Милостивая государыня! Не имѣя творческаго дара поэзіи, осмѣливаюсь исполнить священный долгъ мой прозою!.. Дерзаю принести вамъ всеусерднѣйшее поздравленіе съ святымъ днемъ вашего ангела... Яко исчезаетъ тьма отъ лица солнца, тако да исчезнутъ отъ васъ всякія печали, и да снидутъ въ обитель вашу всѣ блага, способствующія спокойствію и пріятности сей бренной жизни!.. Примите, государыня, сіи искреннія благожеланія отъ единоземца

вашего!.. *(Кланяется и отходитъ. На пути сталкивается лбомъ съ Фасолевымъ. Происходитъ легкій хохотъ).*

Леночка (*кланяясь имъ*). Господа! очень вамъ благодарна! Прошу садиться.

Фасолевъ (*останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Леночки*). Позвольте, высокоуважаемая сударыня, и мнѣ присоединить хвалебный гласъ въ общую сокровищницу высказанныхъ вамъ привѣтствій! Желаю, дабы горизонтъ вашей жизни никогда не омрачался тучами скорби,—и считаю себя счастливымъ, видя предъ собой ту, которая дѣлаетъ честь не только намъ, но и всему человѣчеству!.. (*Кланяется*).

Пригвожденный, *не говоря ни слова, тоже кланяется, и отходитъ къ стульямъ*).

Матрена Марковна. Господа! благодарю покорно за вниманіе. Не угодно ли выпить и закусить? Милости прошу! (*Къ Леночкѣ*) Леночка, проси господъ богослововъ. Господа! прошу покорно! (*Молодые люди садятся за столъ. Матрена Марковна, наливъ рюмку и обращаясь ко всѣмъ:*) Господа! благодарю васъ за честь. Очень одолжили!.. (*Поднося рюмку къ губамъ*) За ваше здоровье, господа! Дай Богъ вамъ невѣстъ хорошихъ!.. (*Пьетъ*)

Голоса: — Покорно благодаримъ!

— Дай Богъ! дай Богъ!

— Я въ монахи иду!

— Не надо хорошей! Хорошая — чужое достояніе!

Дарья Акимовна. Кто въ монахи идетъ? Вы, господинъ Фасолевъ?

Фасолевъ. Я!.. (*Раздается общій хохотъ*)

Дарья Акимовна. Что жь васъ побуждаетъ, мододой человѣкъ, къ такому подвигу?

Фасолевъ. Сердечное произволеніе, сударыня! Отъ юности борютъ мя страсти... (*Новый хохотъ*).

Дарья Акимовна. А вы, г. Пригвожденный, тоже въ монахи?

Пригвожденный (*посмотрѣвъ на Дарью Акимовну*). Нѣтъ, я въ дураки...

Дарья Акимовна. Какъ такъ? (*Пригвожденный молчитъ. Всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ*).

Матрена Марковна. Господа! что жь вы не пьете? Иванъ Ферапонтычъ, пей къ товарищамъ!

Мавзолеевъ. Нѣтъ, я за здоровье именинницы хочу... Елена Кириловна! позвольте за ваше здоровье выпить!

Леночка. Кушайте на здоровье! (*Мавзолеевъ пьетъ*).

Краснопѣвцевъ (*держа въ рукѣ рюмку*). Елена Кириловна! Будучи въ счастливыхъ лѣтахъ невинности, вы проливаете свѣтъ вокругъ себя! Свѣтъ сей проникаетъ до глубины души и оживотворяетъ въ настоящую минуту сердца наши... Пріемлю смѣлость отъ лица всѣхъ товарищей — предложить тостъ во здравіе ваше! Ура!.. (*Пьетъ*).

Псаломскій (*поднимая рюмку*). Милостивая сударыня! Взирая на сіе торжество, какъ на событіе достопамятной эпохи вашей, я проникаюсь неизреченнымъ дерзновеніемъ выпить за здоровье ваше!.. (*Пьетъ*).

Фасолевъ (*обращаясь къ именинницѣ*). Великодушная сударыня! Разумъ мой ослабѣваетъ предъ сіяніемъ душевной красоты вашей, и побуждаетъ термометръ чувствъ моихъ къ священнѣйшему долгу—выпить сей бокалъ за здоровье ваше!.. (*Пьетъ*).

Леночка (*къ Приговожденному*). Господинъ богословъ! а вы что не пьете за мое здоровье?

Приговожденный. Я ужь пилъ, сударыня!

Краснопѣвцевъ. Елена Кириловна! это не въ счетъ! Онъ пилъ безъ поздравленія!..

Леночка (*съ улыбкой*). Да, г. богословъ! вы пили безъ поздравленія. Прошу выпить съ поздравленіемъ. Я желаю этого... (*Смѣется и наливаетъ рюмку Приговожденному*).

Приговожденный (*взявъ рюмку, смотритъ на Леночку*). Сударыня! право, я не рожденъ для краснорѣчія...

Леночка. Нѣтъ, нѣтъ! Не отговаривайтесь!

Приговожденный (*подумавъ*). Извольте. Я стихи вамъ скажу! (*Отодвигаетъ стулъ и обращается къ Леночкѣ:*)

Есть въ жизни и правда! Есть въ ней свобода!
Путь первый да будетъ вашей тропой!
Во имя жь слезъ и нуждъ народа
Желаю избрать вамъ путь второй!..

Пью за ваше здоровье! (*Пьетъ*)

Леночка. На здоровье, г. Приговожденный! Очень вамъ благодарна за стихи... (*Жметъ ему руку*).

Дарья Акимовна (*къ Мавзолееву*). Ваня! а ты что же не скажешь стиховъ Еленѣ Кириловнѣ? Смотри, Елена Кириловна

какъ довольна г. Пригвожденнымъ... (*Мавзолеевъ конфузится и желаетъ сказать какое-то извиненіе*).

Леночка. Не надо, не надо! Мнѣ другихъ стиховъ не надо!.. Я больше не хочу!

Дарья Акимовна. Нѣтъ, Елена Кириловна, дайте и Ванѣ сказать...

Леночка. Извольте! не запрещаю! Но вѣдь г. Мавзолеевъ не имѣетъ стиховъ... (*Къ Мавзолееву*) Господинъ Мавзолеевъ, вы развѣ можете сказать подобные стихи?

Мавзолеевъ (*краснѣя*). Я.... я.... такъ сказать.... Я.... надо.... Вотъ.... Подумать позвольте!

Леночка (*съ улыбкою*). Извольте! Думайте! (*Бѣжитъ во вторую комнату и приноситъ съ собою бумагу и карандашъ*). Господинъ Пригвожденный! спишите мнѣ ваши стихи. Будьте добры!

Пригвожденный. Сударыня! Зачѣмъ?..

Леночка. Ради Бога! (*Пригвожденный беретъ бумагу и пишетъ. Леночка обращается къ Мавзолееву*) Ну что, — надумали?

Мавзолеевъ. Надумалъ, Елена Кириловна! позвольте сказать!

Леночка. Говорите!

Мавзолеевъ (*поправляя одной рукой волосы, а другую вставивъ за жилетъ*).

«О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья нѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Ты часто по воз. . . .»

(*Раздается общій хохотъ*).

Леночка (*смѣясь до упаду*). Господинъ Мавзолеевъ! да вѣдь это не ваши стихи! это державинскіе! Вотъ у меня и книга есть... Нѣтъ, вы свои скажите!

Мавзолеевъ. Простите!.. Я того...

Дарья Акимовна. Ваня, да ты смѣлѣе будь! Не конфузься, дружокъ!

Мавзолѣевъ (*обращаясь къ Леночкѣ*):

Цвѣти, цвѣти, дѣвица неземная,
Межь дѣвъ младыхъ, какъ пальма горъ Синая!..

(*Раздается новый хохотъ*).

Леночка. Благодарю, г. Мавзолеевъ! Очень благодарю! (*Хохотъ продолжается*).

Матрена Марковна. Господа! будетъ вамъ забавляться!.. Прошу и насъ, старухъ, не забывать. Господинъ Краснопѣвцевъ, выпейте къ намъ!

Краснопѣвцевъ. За несравненное благополучіе почту! (*Наливаетъ*). За ваше здоровье, Матрена Марковна!—Дарья Акимовна, ваше здоровье! (*Пьетъ. Затѣмъ пьютъ и всѣ прочіе, по очереди, съ новыми благожеланіями*).

Матрена Марковна (*вставая*). Ну, господа, кому угодно, въ садъ пойдемъ! Грушъ поѣдимъ! (*Всѣ встаютъ и уходятъ въ садъ. Остается одинъ Приговоренный. Посидѣвъ немного, онъ подходитъ къ столу и выпиваетъ разомъ двѣ рюмки. Затѣмъ садится у раскрытаго окна. Чрезъ нѣсколько времени вбѣгаетъ Леночка*).

СЦЕНА VI.

Приговоренный и Леночка.

Леночка (*вбѣгая*). А! да вы здѣсь одни!

Приговоренный. Одинъ...

Леночка (*отпирая комодъ*). Что вы не идете въ садъ? Тамъ такъ пріятно...

Приговоренный. Я, сударыня, отсюда наслаждаюсь... (*Происходитъ молчаніе. Леночка копается въ комодѣ. Приговоренный поднимается со стула*) Елена Кириловна! простите мою просьбу...

Леночка. Что вамъ угодно?

Приговоренный (*заминаясь*). Нѣтъ, я того.... Нѣтъ, Елена Кириловна, не смѣю... Извините, что обезпокоилъ...

Леночка. Да говорите, г. Приговоренный! Я вамъ слово даю — исполню.

Приговоренный (*посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени*). Елена Кириловна! я въ жизни своей не пилъ еще съ дѣвицей... Позвольте мнѣ чокнуться съ вами.

Леночка. Извольте! Съ большимъ удовольствіемъ! Но я вѣдь не пью...

Приговоренный (*конфузясь*). Я самъ недавно пить началъ... Я былъ врагъ этого порока... Но жизнь моя... жизнь моя.... (*Голосъ у него обрывается. Онъ опускаетъ глаза въ землю.*

Леночка смотритъ на него съ участіемъ). Елена Кириловна! не осудите меня!..

Леночка. Г–нъ Пригвожденный! Вы душою больны... Я угадала? да?

Пригвожденный. Да, я дѣйствительно... я... Нѣтъ, Елена Кириловна, къ чему чужое горе! Вы меня не спасете! Никто меня не спасетъ... (*Указывая на рюмку*) Вотъ для меня дверь въ сферы безумныя! Тутъ моя могила!.. (*Поднимая рюмку*) Чокнемтесь, Елена Кириловна! Сегодня для меня новый день въ жизни!.. (*Чокаются. Пригвожденный пьетъ*).

Леночка. Слушайте! вы напрасно отдаетесь отчаянію... На вашемъ мѣстѣ я не сдѣлала бъ этого... Я нашла бы другой какой путь... А самому убивать себя, право, не мужество!

Пригвожденный. Ахъ, Елена Кириловна! все погибло!... Я — несчастнѣйшій человѣкъ... Я забитъ... задавленъ! Я исковерканъ... ограбленъ!.. Презирайте меня! глушайтесь мною!.. Я— изчадіе, я поношеніе человѣка... Нѣтъ для меня лучшаго имени!.. Я... я презрѣнный человѣкъ! я убитый человѣкъ!..

Леночка. Что жь васъ убило? Вы такъ молоды еще!..

Пригвожденный (*съ горькой улыбкой*). Что меня убило? Вы спрашиваете, что убило? Гробы поваленные.... сатурны лютые... звѣри плотоядные... быки одичавшіе — вотъ кто убилъ!.. Мы всѣ убиты! Одни — на–повалъ, до безумія, безъ возврата; другіе—до уродства, безобразія, отупѣнія, съ долею жизни, съ долею смысла... Нѣтъ въ мірѣ картины ужаснѣе!.. Это вѣчныя похороны чувства, разума жизни!... (*Помолчавъ*) Въ насъ нѣтъ человѣческихъ качествъ!.. Мы попуган въ желѣзной клѣткѣ! Мы уроды жалкіе!.. Практическія цѣли общества намъ невѣдомы... умственные интересы наши связаны!.. (*Приходя въ ожесточеніе*). Да я не нахожу словъ, чтобъ опозорить... чтобъ...

Леночка. Зачѣмъ вы горячитесь, г. Пригвожденный? Успокойтесь!

Пригвожденный (*опустивъ голову и простоявъ нѣсколько секундъ*). Елена Кириловна! Позвольте мнѣ еще рюмку выпить! Я... я... (*Наливаетъ рюмку*).

Леночка. Зачѣмъ вы пьете? Удержитесь! Право, мнѣ жаль васъ...

Пригвожденный (*скорбнымъ голосомъ*). Мозгъ у меня болитъ... Дайте, сударыня... дай мнѣ забыться!.. (*Пьетъ, и потомъ смотритъ въ полъ*).

Леночка. Слушайте! И вы всегда.... (*Слышны шаги въ другой комнатѣ. Леночка прерываетъ разговоръ и прислушивается. Входятъ: Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Фасолевъ*).

СЦЕНА VII.

Тѣ же, Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Фасолевъ.

Краснопѣвцевъ (*входя и не замѣчая Леночки*). Да, братцы, я такъ прямо и закричалъ тогда: кто бы ты, говорю, ни былъ— человѣкъ или стенящая тѣнь, скитающаяся вокругъ сихъ мѣстъ, внемли словамъ моимъ!.. (*Увидѣвъ Леночку*). Ахъ, сударыня, извините!

Леночка. Вы о чемъ это разсказываете? О мертвецахъ?

Краснопѣвцевъ (*конфузясь*). Да... я... именно... Я однажды упыря встрѣтилъ, сударыня!.. Это вотъ въ прошлое лѣто... До смерти былъ испуганъ!

Леночка (*смѣясь*). И вы вѣрите въ мертвецовъ?

Краснопѣвцевъ. Какъ же, Елена Кириловна! Мы всѣ обязаны вѣрить.

Леночка. Пустяки какіе! Я никогда не повѣрю. Это выдумка! Не правда ли, г. Пригвожденный?

Пригвожденный. Оставьте, сударыня, этимъ мертвымъ разглагольствовать о мертвецахъ...

Псаломскій (*къ Пригвожденному*). Ты, Яковъ Петровичъ, не измышляй неправды! Хожденіе мертвецовъ всегда заслуживаетъ вѣры!..

Леночка. Почему же заслуживаетъ?

Псаломскій. Потому... потому... Гм! то есть потому...

Пригвожденный. Потому что языкъ твой прильпе къ гортани... Не такъ ли?..

Псаломскій. Сударыня! ей-богу сейчасъ скажу... Заслуживаетъ потому...

Леночка (*направляясь къ двери*). Нѣтъ, нѣтъ! пустяки! Я не повѣрю... И вы, г. Краснопѣвцевъ, напрасно испугались!.. (*Хохочетъ и уходитъ*).

СЦЕНА VIII.

Тѣ же, кромѣ Леночки.

Псаломскій. Слушай, Петровичъ, что она здѣсь съ тобой говорила?

Пригвожденный. Говорила, что вы глупцы... (*Идетъ къ столу и наливаетъ рюмку*) Вотъ выпить надо!

Псаломскій. Ты постоянно обижаешь, Петровичъ! Не можешь съ человѣкомъ говорить почеловѣчески...

Пригвожденный. Молчи, червь! Не раздражай меня!.. (*Садится у окна*).

Псаломскій. А! ты ужь успѣлъ нахлебаться... Понимаю!

Краснопѣвцевъ. Слушайте, братцы! хватимъ по одной... ей-богу! (*Наливаетъ*).

Фасолевъ. Наливай, братъ!

Краснопѣвцевъ (*указывая на рюмку*). Ты вонъ ту бери! Чего ждешь! (*Пьютъ всѣ, кромѣ Привожденнаго*).

Псаломскій. А вѣдь намъ, братцы, надо бы съ ней какіе нибудь разговоры завести? Пора уже!

Краснопѣвцевъ. Я начну о чувствахъ...

Псаломскій. Нѣтъ, братъ, о чувствахъ не хорошо... Надо что нибудь другое. (*Задумывается*).

Краснопѣвцевъ. Эврика, братцы! Я прямо задамъ ей вопросъ: какія страсти опаснѣйшія для юношескихъ лѣтъ?

Псаломскій (*не отвѣчая*). Гдѣ Мавзолеевъ?

Фасолевъ (*указывая на садъ*). Онъ тамъ, со старухами...

Краснопѣвцевъ. Ну, что жь, братцы, — задать ей этотъ вопросъ?

Псаломскій. А вотъ надо Пригвожденнаго спросить. Слушай, Петровичъ! можно задать ей этотъ вопросъ?

Пригвожденный. Займи пудовъ пять толку, тогда и задавай! (*Помолчавъ*) Дураки вы преестественные...

Псаломскій (*обидчиво*). Петровичъ! ты опять ругаешься?

Краснопѣвцевъ. Видишь, онъ пьянъ! Проваливай отъ него!

Фасолевъ. Этотъ Пригвожденный постоянно дуритъ! (*Наступаетъ общее молчаніе*).

ПСАЛОМСКІЙ (*чрезъ нѣсколько времени*). А что, братцы, если теперича танцы будутъ, какъ надо приглашать даму?

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Очень просто. Подойти и сказать: удостойте счастія, сударыня!

ПСАЛОМСКІЙ. А поклониться не надо?

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Нѣтъ, надо! Разумѣется, поклонъ долженъ быть новомодный,—вотъ какъ я тебѣ показывалъ...

ПСАЛОМСКІЙ. То есть, вотъ такъ? (*Дѣлаетъ уродливый поклонъ*).

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Да, да! Только ногу-то ловчѣе оттягивай!.. (*Входятъ: Матрена Марковна, Дарья Акимовна, Леночка, Соня и Мавзолеевъ*).

СЦЕНА IX.

ТѢ ЖЕ, МАТРЕНА МАРКОВНА, ДАРЬЯ АКИМОВНА, ЛЕНОЧКА, СОНЯ, МАВЗОЛѢЕВЪ И ПРИГВОЖДЕННЫЙ (*).

МАТРЕНА МАРКОВНА (*входя*). Господа богословы! а вы что здѣсь скучаете? Не посидѣли въ саду!..

КРАСНОПѢВЦЕВЪ. Мы, Матрена Марковна, собственно по части куренія сюда отправились... Для большей безопасности, такъ сказать.

МАТРЕНА МАРКОВНА. А-а!.. (*Садится. Прочіе тоже садятся*). Ну, господа кавалеры, разскажите что нибудь старухамъ, повеселите насъ! Вонъ и барышни скучать не будутъ... (*Молодые люди переглядываются между собой, ожидая, кто изъ нихъ скажетъ что первый*).

ДАРЬЯ АКИМОВНА. Кто дѣвушекъ цаловалъ, тому первому начинать... Господа! кто изъ васъ дѣвушку цаловалъ? (*Раздается общій хохотъ. Молодые люди конфузятся и смотрятъ одинъ на другаго*). Господинъ Псаломскій, вы цаловали дѣвушекъ? (*Всѣ смѣются*).

ПСАЛОМСКІЙ. Нѣтъ, никогда!

ДАРЬЯ АКИМОВНА. А вы, г. Фасолевъ?

ФАСОЛЕВЪ. Нѣтъ, я не имѣлъ этого благополучія...

(*) Пригвожденный во всю эту и въ послѣдующую сцену сидитъ на одномъ мѣстѣ постоянно. Во время ихъ онъ дремлетъ, а подъ конецъ десятой сцены совершенно засыпаетъ.

Дарья Акимовна. Ну, а ты, Ваня?

Мавзолеевъ. Нѣтъ! я и во снѣ не видалъ!

Дарья Акимовна. Ну, а вы, г. Краснопѣвцевъ?

Краснопѣвцевъ. Я... я такъ-сказать невиненъ, какъ младенецъ... (*Общій хохотъ*).

Псаломскій и Фасолевъ. Неправда! неправда! Онъ цаловалъ. Самъ сознавался!

Дарья Акимовна. А-а! Ну, такъ вамъ и начинать! Извольте не отказываться...

Краснопѣвцевъ. Право, они клевещутъ! Я только мысленно предвкушалъ сіе блаженство... (*Всѣ хохочутъ*).

Матрена Марковна и Дарья Акимовна. Нѣтъ, г. Краснопѣвцевъ, не извольте отказываться! Мы слушаемъ!

Краснопѣвцевъ. Да что жь мнѣ разсказывать?

Дарья Акимовна. Это ужь ваше дѣло! Подумайте,—пораскиньте разумомъ...

Краснопѣвцевъ. Извольте, я разскажу вамъ сонъ моей тетеньки, когда она еще дѣвицей была... Въ прошлые святки она разсказывала его васютинской діаконицѣ, Акулинѣ Парфентьевнѣ.

Матрена Марковна. Какой же это сонъ?

Краснопѣвцевъ. Сонъ, Матрена Марковна, занимательный, — самый какъ есть дѣвичій. Снился ей рыцарь съ копьемъ...

Матрена Марковна. Рыцарь?

Краснопѣвцевъ. Да, рыцарь. Вотъ, можетъ, видѣли вы у никольской протопопши на картинкѣ нарисованъ, съ копьемъ въ рукахъ и въ доспѣхахъ?

Матрена Марковна. Видѣла, батюшка, видѣла. Точно есть...

Краснопѣвцевъ. Ну вотъ такой именно и снился моей тетушкѣ. Сонъ этотъ она видѣла въ самый Николинъ день... (*Помолчавъ*) Вотъ какъ она его разсказывала: «сплю я, говоритъ, Акулина Парфентьевна, вдругъ снится мнѣ большая-пребольшущая рѣка, ну и берега кругомъ ея зеленые-презеленые, — всѣ покрыты кустами, да тальникомъ. И будто къ этой-то рѣкѣ я купаться пришла. Вокругъ меня, говоритъ, хоть бы одна живая душа, только птицы Господни поютъ»... (*Леночка и Соня встаютъ и уходятъ*).

Матрена Марковна. Леночка! Соня! Куда же вы?

Леночка. Мы сейчасъ... (*Уходятъ*).

Краснопѣвцевъ. «Сѣла я, говоритъ, на берегъ, раздѣлась поспѣшно и бухъ въ воду — купаюсь... Только что жь? Вижу, говоритъ, а передо мной стоитъ рыцарь съ копьемъ, — стоитъ да такъ прямо на меня и смотритъ»...

Дарья Акимовна. Господи! Страсти какія!

Краснопѣвцевъ. «Меня, матушка, говоритъ, какъ кипяткомъ обдало! Со страха да стыда, кажись, умереть готова... Смотрѣлъ это, говоритъ, смотрѣлъ онъ, да и говоритъ мнѣ: здравствуйте, прелестная дѣвица! Позвольте, говоритъ, васъ въ китайскую пустыню съ собой взять.»

Матрена Марковна. Какъ, батюшка, какъ сказалъ?

Краснопѣвцевъ. «Позвольте, говоритъ, васъ въ китайскую пустыню взять... Ахъ, матушка, я такъ, говоритъ, перепугалась, такъ перепугалась, — себя даже не помню! Одначе вошла это въ разумъ и говорю ему: незачѣмъ, говорю, мнѣ въ китайскую пустыню идти. Ступай, говорю, рыцарь, своей дорогой, — не займай меня! — «Нѣтъ, говоритъ, не пойду. Мнѣ, говоритъ, приказано тебя въ пустыню взять!»

Дарья Акимовна. Ишь ты! приказано!.. Ахъ ты лѣшій!

Краснопѣвцевъ. «Кто, говорю, приказалъ?—«А кто приказалъ, тебѣ говоритъ не спрашивать! Ты вотъ поскорѣй изъ воды выходи, а не то, говоритъ, я самъ въ воду-то пойду.»

Дарья Акимовна. Господи помилуй! Вотъ срасти-то!..

Краснопѣвцевъ. «И сказавши это, начинаетъ, матушка моя, раздѣваться, — этакой безстыжій!» (*Общій хохотъ*).

Дарья Акимовна. А я бы его водой охлюстала! Ишь, хватъ какой нашелся!

Краснопѣвцевъ. «Вижу я, говоритъ, матушка, свое несчастье и давай кричать ему: послушай, рыцарь! Ты, говорю, шути да не забывайся. Я молъ честная дѣвица! (*Присутствующіе хохочутъ*). Ладно, отвѣчаетъ, — а самъ все раздѣвается... Я, матушка, и закричала къ нему: лыцарь! уйди, говорю,—дай мнѣ хоть изъ воды-то выйдти... Онъ моихъ словъ и послушался: отошелъ на шаговъ двадцать и сталъ одѣваться»...

Дарья Акимовна. Вотъ напасть-то! Экой бѣсъ какой!..

Краснопѣвцевъ. «Я, матушка, тотчасъ же и выбѣжала изъ воды, одѣлась проворнымъ манеромъ и пустилась бѣжать,— уйдти, значитъ, хочу. Только, говоритъ, оглядываюсь, а онъ

скачетъ за мной на конѣ и копье-то свое въ рукахъ держитъ...»

Матрена Марковна. Вотъ, значитъ, и не спастись ей, бѣдной!..

Дарья Акимовна. Да, да! гдѣ ужь тутъ! какое спасенье!

Краснопѣвцевъ. «Ну, думаю, — нѣтъ мнѣ спасенія; бросилась на-земь и почала плакать... Вотъ онъ и подъѣхалъ ко мнѣ, — подъѣхалъ, матушка, слѣзъ съ лошади и тащитъ меня на сѣдло... А я, говоритъ, ужь ни жива, ни мертва, и не супротивничаю: жду только, что со мной будетъ? Вытащилъ это онъ меня, обхватилъ рукой, пріударилъ коня, — конь и помчался... Тутъ я и закричала къ нему: рыцарь! скажи мнѣ, говорю, добрый господинъ, куда везешь меня? А онъ и молвитъ мнѣ: «въ китайскую пустыню, милая дѣвица, въ китайскую пустыню!»

Матрена Марковна. Должно быть, онъ самъ-то въ этой пустынѣ жилъ...

Краснопѣвцевъ. «Тутъ я говоритъ, матушка, и проснулась... Котъ, Парфентьевна, разбудилъ меня, — на кровать канальи скочилъ. Черезъ него и проснулась. А то ужь, говоритъ, и не знаю, что̀ дальше со мной было бы...» (*Помолчавъ*) Вотъ какой сонъ видѣлся моей тетушкѣ! Вѣдь правда, занимательный?

Дарья Акимовна. Вы небось сами выдумали... Сна, я думаю, и вовсе не было!

Краснопѣвцевъ. Былъ, Дарья Акимовна, право былъ! Вонъ тетушка моя и по сію пору злится на ваську, что не далъ сну кончиться... Нельзя же, говоритъ Акулинѣ-то Парфентьевнѣ, вѣдь любопытствіе, — сами знаете!.. (*Присутствующіе хохочутъ. Въ это время въ дверяхъ является Бычковъ — толстенькая, низенькая фигурка, въ военномъ мундирѣ, съ медалями на груди. Всѣ быстро встаютъ.*

СЦЕНА X.

Тѣ же и Бычковъ.

Бычковъ (*въ дверяхъ*). Га-га-га! Компаніи сколько!.. Славно, славно!.. (*къ Матренѣ Марковнѣ*) Здравствуй, сестра! съ именинницей поздравляю... (*Цалуется съ Матреной Марковной и затѣмъ кланяется всѣмъ*) А! Дарья Акимовна! га-га-га! Здрав-

ствуйте, матушка, — здравствуйте! Сколько лѣтъ! сколько зимъ! (*Жметъ ей руку*) Когда же мы на свадьбу-то къ вамъ? га-га-га!.. Пора, пора! Смотрите какой раскрасавицей стали!..

Дарья Акимовна. Что вы, Иванъ Максимычъ! какая ужь мнѣ свадьба! Въ гробъ скоро положатъ... (*Смѣется*).

Бычковъ. Полно, Дарья Акимовна! га-га-га!.. Значитъ, и мнѣ въ гробъ! А я еще жениться хочу!.. (*Хохочетъ*) Сестра! гдѣ же именинница?

Матрена Марковна. Она въ саду съ Сонечкой.

Бычковъ (*повертывая голову на лѣво*). Га-га-га! да это господа семинаристы! Узналъ! узналъ!.. Здравствуйте, господа! Люблю семинаристовъ, люблю, — славный народъ! га-га-га!.. (*Молодые люди кланяются*) Господа! я самъ всѣ эти географіи училъ: Сант-яго-де-Кампостелла, Зюдерзе, Пласенціи тамъ, Буремпутеры разные... Училъ! училъ!.. Садитесь, господа! (*Молодые люди садятся*). У насъ въ полку былъ юнкеръ изъ семинаристовъ,—вотъ ужь бестія — свѣтъ подобнаго не производилъ!.. Чудный пѣвецъ!.. Бывало, это на зарѣ какъ затянетъ: «Бранный жаръ въ крови пылаетъ! Сердце просится на бой!», — такъ, я вамъ скажу, кровь такъ въ тебѣ и заходитъ, такъ и зашевелится! Чудный пѣвецъ!.. Вы, господа, тоже поете?

Мавзолеевъ, Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Фасолевъ. — Поемъ!

Бычковъ. Браво, господа! Вотъ мы сейчасъ повеселимся!.. (*къ Матренѣ Марковнѣ*) Сестра! вели накрыть столъ въ саду, здѣсь жарко! Да полынной поставь намъ побольше!.. Господа! пойдемъ въ садъ! Дарья Акимовна, идемъ на свѣжій воздухъ! (*Всѣ уходятъ. Остается одинъ Привожденный. Онъ сидитъ въ углу и дремлетъ. Вскорѣ изъ саду долетаютъ звуки пѣсни:* «Русскимъ знакома къ славѣ дорога!» *Проходитъ нѣсколько минутъ, входитъ Феня и беретъ со стола нѣсколько бутылокъ. Привожденный просыпается*).

СЦЕНА XI.

Феня и Привожденный.

Привожденный (*принимая Феню за Леночку*). Елена Ки-

риловна! я человѣкъ... ей-богу, человѣкъ... У меня честная душа...

Ѳеня. Вы обознались! Елены Кириловны нѣтъ здѣсь.

Пригвожденный (*встаетъ и присматривается*). Извините, сударыня!

Ѳеня. Я не сударыня! (*Смѣется*).

Пригвожденный. Такъ кто же вы?

Ѳеня. Я горничная здѣшняя...

Пригвожденный (*взявъ бутылку*). Поди-ка сюда, Настасья, — выпей! (*Наливаетъ*).

Ѳеня. Хи-хи-хи! (*Уходитъ*).

Пригвожденный (*пьетъ*). Эхъ ты дѣвушка! Поймн ты сію тоску тяжелую... (*Идетъ въ уголъ, садится и опять начинаетъ дремать. Повременамъ пробуждается. Проходитъ нѣсколько времени. Пригвожденный, пробудившись, вскрикиваетъ*: «Гдѣ вы геніи міра! Гдѣ вы бойцы истины!» *Опять засыпаетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, въ комнату входитъ Леночка, и за ней, минуты чрезъ двѣ, вбѣгаетъ Соня.*

СЦЕНА XII.

Леночка, Соня и Пригвожденный.

Соня (*вбѣгая*). Леночка! гдѣ ты? Ну что, — приготовила письмо къ маменькѣ?

Леночка. Вотъ оно! Запечать надо.

Соня. Прочитай, Леночка! Я послушаю. Прочитай, душечка!

Леночка. Зачѣмъ, Соня! (*Указывая на Пригвожденнаго*) Вотъ Пригвожденный здѣсь... Не надо! (*Ищетъ сургучъ и печать*).

Соня. Онъ спитъ... Прочитай, Леночка, я прошу тебя! Ну, ради Бога!

Леночка (*развертывая письмо*) Отойдемъ туда! (*Отходятъ къ противоположенной сторонѣ. Леночка читаетъ*) «Милая маменька! мы шли съ вами разными дорогами, на которыхъ встрѣтиться намъ было никакъ невозможно... Вы могли проклинать меня, могли тиранить, — но перемѣнить мои понятія было не въ силахъ вашихъ... Я осталась имъ вѣрна, и останусь до гроба... На сколько честь моя позволяла, я терпѣливо выносила всѣ капризы вашей власти. Но когда вы задумали распорядиться моею будущностію,—я не могу дальше уважать васъ, какъ мать, и жить въ ва-

шемъ домѣ... Я уѣзжаю отъ васъ навсегда!.. Итакъ, милая маменька, между нами все кончено... Съ болью въ сердцѣ выговариваю я это слово;—но увы! я должна его выговорить во имя моего счастія... Можетъ вы когда нибудь и пожалѣете, что потеряли дочь изъ-за своей вины,—это будетъ искупительнымъ покаяніемъ за все зло, которое вы хотѣли мнѣ сдѣлать... Прощайте! Горячо цалую васъ, какъ мою бывшую, но не какъ нынѣшнюю мать. Дочь ваша Елена». (*Посмотрѣвъ на Соню*) Соня! что же ты плачешь?

Соня (*закрывая лицо платкомъ*). Ахъ, Леночка! мнѣ жаль мамемьку... Господи!.. Господи!.. (*Плачетъ*).

Леночка. Ну вотъ, Соня! ты всегда расплачешься!.. Перестань, ради Бога! (*Черезъ минуту*) Ахъ, Боже мой, что жь это Ѳеня не идетъ?.. (*Складываетъ письмо. Вхдитъ Ѳеня*) Ѳеня, дай скорѣе свѣчу! (*Ѳеня уходитъ и чрезъ минуту приноситъ зажженную свѣчу. Леночка печатаетъ письмо. Слышенъ лай собаки. Леночка вздрагиваетъ*) Ахъ, Ѳеня, должно быть онъ!.. Бѣги, бѣги, пожалуйста! Скорѣй, Ѳеня! скорѣй, душечка! (*Ѳеня бѣжитъ и чрезъ минуту возвращается*).

Ѳеня. Нѣтъ, барышня, никого нѣтъ. Это такъ собака залаяла.

Леночка. Ѳеня! а узлы-то... Гдѣ же узлы? Ты все уложила?

Ѳеня. Все, барышня! Будьте спокойны—узлы я припрятала въ сѣняхъ.

Леночка. Смотри, Ѳеня, сейчасъ же дай знать, какъ придетъ! Ради Бога, сейчасъ! Я, можетъ, въ саду буду.

Ѳеня. Ладно, барышня! Ужь вы не безпокойтесь! (*Уходитъ*)

Леночка (*къ Сонѣ*). Соня! да перестань же плакать! Ты, право, на меня тоску наводишь... Пойдемъ въ садъ! (*Идутъ*).

Пригвожденный (*въ просонкахъ*). Нѣтъ, вельзевулъ! Пригвожденный живой человѣкъ... Предъ нимъ горы раздвинутся!.. (*Бьетъ кулакомъ по стулу*).

Леночка. Господинъ Пригвожденный! что это вы!—съ кѣмъ воюете?..

Пригвожденный (*протирая глаза*). Сударыня! Е-е-елена Кириловна! Тѣсенъ мой кругъ... Грязенъ мой міръ... Давайте плакать!.. (*Хочетъ встать и опускается на стулъ. Леночка и Соня уходятъ. Изъ саду долетаютъ звуки пѣсни*: «Ты разилъ врага громами. Завладѣлъ ты всѣхъ сердцами! Съ нами Богъ! ура! ура!

ура!..» *Пригвожденный, посидѣвъ немного, встаетъ и, запинаясь о стулья, направляется къ столу. Ставъ у стола, онъ долго смотритъ на бутылки*). Ну, Петровичъ! Я, братъ, еще выпью! Нельзя не выпить... (*Наливаетъ, пьетъ, и здѣсь же у конца стола садится и дремлетъ. Въ комнату входитъ Фасолевъ. Ставъ на порогѣ и осмотрѣвъ углы, направляется къ Пригвожденному. На пути тоже шатается*).

Фасолевъ (*подходя и толкая Пригвожденнаго*). Слушай, Петровичъ! Экой ты, братъ, вахлакъ!

Пригвожденный. Что-о?..

Фасолевъ. Экой, говорю, вахлакъ!

Пригвожденный (*поднимая руку*). Я-те ублаготворю! Прочь, егоза!..

Фасолевъ (*отскакивая встороиу*). Ты опять ругаешься?

Пригвожденный. Ругаюсь... А что такое ругательство?.. Нѣтъ, ты скажи, что такое ругательство?

Фасолевъ. Разумѣется, скажу!

Пригвожденный. Говори, подлецъ!

Фасолевъ. Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная. (*Уходитъ... Пригвожденный засыпаетъ. Спустя нѣсколько минутъ, въ саду раздается пѣсня:*

«Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ злодѣи могли зрѣть,
Что свои мы можемъ руки
Въ край вселенныя простерть!»

Въ комнату, съ двухъ противоположныхъ дверей, вбѣгаютъ Соня и Оеня).

Оеня. Барышню... барышню зовите! Записку принесли!.. (*Соня бѣжитъ назадъ. Оеня, постоявъ минуту, вздыхаетъ*) Охъ, голубушка моя! красавица ненаглядная! Послѣдній вечерокъ-то дома... Каково-то ея сердцу!.. (*Помолчавъ, снова вздыхаетъ*) Господи! ужь лучше бы она не знала его, чѣмъ оставлять ей родную сторонушку... (*Вбѣгаетъ Леночка и за ней Соня*).

СЦЕНА XIII.

Оеня, Леночка и Соня.

Леночка (*вбѣгая*). Гдѣ записка? гдѣ записка?

Оеня. Вотъ, барышня. (*Подаетъ записку*). Это Иванъ при-

несъ. Онъ сказываетъ, что Григорій Алексѣичъ у заставы дожидается, — а вамъ велѣлъ съ Иваномъ на извощикѣ ѣхать.

Леночка (*пробѣжавъ записку, суетится*). Господи! скорѣй, Ѳеня, скорѣй!.. Пожалуйста, скорѣй!

Ѳеня. Барышня! что скорѣй?

Леночка (*бѣгая по комнатѣ*). Скорѣй, Ѳеня! платокъ скорѣй! Гдѣ узлы?

Ѳеня. Да вы придите въ себя, барышня! Этакъ нельзя дѣла-то дѣлать. Надо узлы-то Ивану отдать, — пусть онъ впередъ изъ дому выйдетъ, да на углу и подождетъ васъ...

Леночка. Зови, Ѳеня, — ну, зови! Гдѣ же мой платокъ? Соня! помоги мнѣ найдти платокъ! (*Бѣгаетъ изъ угла въ уголъ*).

Ѳеня. Барышня! да что вы, ей-богу!.. Придите же въ себя, говорю. Надо прежде Ивана отправить!

Леночка (*опускаясь на стулъ*). Ѳеня! дай мнѣ воды! Воды скорѣй! (*Ѳеня бѣжитъ со стакаиомъ. Соня начинаетъ плакать*).

Ѳеня (*давъ отпить нѣсколько глотковъ*). Лицо-то смочите! (*Леночка смачиваетъ лицо*) Вотъ такъ! вотъ такъ! Ну, Христосъ съ вами!

Леночка (*посидѣвъ немного, встаетъ*). Ну, Ѳеня, пора идти! Гдѣ Иванъ? гдѣ узлы?

Ѳеня. Да посидите же, барышня! Я вамъ говорю, Ивана надо впередъ отправить...

Леночка (*садясь*). Ну, отправляй, Ѳеня, отправляй! Я посижу. (*Ѳеня уходитъ*).

СЦЕНА XIV.

Леночка и Соня.

Леночка. Соня, ты что же плачешь?..

Соня (*бросаясь ей на шею*). Ахъ, Леля! мнѣ жаль тебя! Вѣдь мы никогда ужь не увидимся!.. (*Цалуетъ ее долго*).

Леночка. Я буду писать къ тебѣ, Соня... Я о всемъ буду писать. Я не забуду тебя...

Соня (*не выпуская ея шеи*). Леночка! простись ты съ маменькой! Простись, душечка! Ей легче будетъ!..

Леночка. Ахъ, Соня, какая ты, право!.. Да какъ же я могу проститься? Этого нельзя сдѣлать...

Соня. Ну, по крайней мѣрѣ пиши ей оттуда!

Леночка. Я тамъ увижу!.. (*Входитъ Феня*).

СЦЕНА XV.

Тѣ же и Феня.

Феня (*входя*). Ну, барышня, — ушелъ Иванъ. Онъ на углу дожидаться будетъ... Теперича, помоливши святымъ образамъ, дай Богъ въ счастливый путь-дороженьку... (*Начинаетъ плакать*).

Леночка (*вставъ со стула и вынимая изъ кармана письмо*). Вотъ, Феня, это письмо ты отдай маменькѣ, когда она меня хватится... Станетъ тебя спрашивать, гдѣ я, — ты скажи: не знаю, ушла куда-то; а куда — неизвѣстно мнѣ. Слышишь, такъ и скажи — неизвѣстно!

Феня. Понимаю, барышня, — я понимаю... (*Утираетъ слезы*).

Леночка. А вотъ тебѣ, Феня, за твое усердіе. (*Кладетъ ей въ руку деньги. Феня хочетъ поцаловать ея руку. Леночка не даетъ*) А это на память отъ меня... (*Даетъ ей кольцо*).

Феня. Спасибо, барышня! награди васъ Богъ! (*Кланяется и начинаетъ плакать. Соня тоже плачетъ. Леночка надѣваетъ платокъ*).

Леночка. Ну, теперь прощайте! (*Обнимая и цалуя Соню*). Прощай, Соня! будь счастлива! Смотри, пиши ко мнѣ... (*Долго цалуются. Соня начинаетъ рыдать. Леночка, освобождаясь изъ ея объятій*) Прощай и ты, Феня! Дай Богъ тебѣ въ добрѣ да въ счастьи жизнь прожить... (*Цалуется съ ней*). Ну, прощайте!.. (*Хочетъ уйдти*).

Феня (*останавливая ее*). Барышня! вы бы хоть образокъ какой съ собой взяли... Не годится этакъ-то, безъ иконы, изъ родительскаго дому ѣхать... (*Хочетъ снять со стѣны образокъ*).

Леночка (*торопливо*). Не надо, Феня, не надо! Онъ этого не любитъ... (*Уходитъ. Соня и Феня идутъ за ней. Въ сѣняхъ раздаются вновь рыданія Сони. Наконецъ все стихаетъ. Въ это время изъ сада долетаютъ звуки*:

«Царь православный! мы всѣ готовы
На супостата бранью идтить,
Натискомъ быстрымъ адскія ковы
Предупредить!»

Минуты черезъ двѣ, Соня возвращается изъ сѣней и проходитъ чрезъ комнату, утирая слезы. Привожденный просыпается, что-то бормочетъ и опять засыпаетъ. Изъ сада по временамъ долетаютъ громкій смѣхъ и говоръ. Наконецъ, около четверти часа спустя, слышны шаги и веселый смѣхъ идущихъ. Входятъ: Бычковъ, Матрена Марковна, Дарья Акимовна, Соня, Мавзолеевъ, Краснопѣвцевъ, Псаломскій и Фасолевъ. Привожденный спитъ.)

СЦЕНА XVI.

Бычковъ, Матрена Марковна, Дарья Акимовна, Соня, Мавзолеевъ, Краснопѣвцевъ, Фасолевъ и Привожденный.

Бычковъ (*входя*). Га-га-га! молодецъ! молодецъ! Славно накуликался, славно! У стола заснулъ! га-га-га!.. Сестра! видишь, какъ Храповицкаго затягиваетъ! га-га-га!.. Люблю, люблю молодой народъ!.. Господа, не трогайте его! Это картина! это ландшафтъ!.. га-га-га! (*Къ Матренѣ Марковнѣ*). Ну, сестра, давай намъ пушпъ. Да лимончики чтобъ были! (*Всѣ усаживаются*).

Матрена Марковна. Сейчасъ, братецъ! (*Обводитъ глазами комнату*). Гдѣ же Леночка?.. Соня! ты не видѣла Леночки?

Соня. Ее давно нѣтъ. Не знаю, гдѣ она. (*Матрена Марковна уходитъ и чрезъ нѣсколько минутъ вбѣгаетъ въ испугѣ*).

Матрена Марковна. Братецъ! Леночки нѣтъ!..

Бычковъ. Что-о?..

Матрена Марковна. Леночки нѣтъ! Леночка пропала!.. (*Бѣгаетъ по комнатѣ*).

Бычковъ (*вскакивая со стула*). Что ты, сестра! что ты! Куда же ей пропасть!.. (*Всѣ тоже вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ. Матрена Марковна подбѣгаетъ къ окну, потомъ бѣжитъ къ двери:* Ѳеня! Ѳеня! Ѳеня! (*Вбѣгаетъ Ѳеня*).

Матрена Марковна. Гдѣ Леночка?

Ѳеня. А не знаю, барыня! Они ушли куда-то...

Матрена Марковна (*дико*). Куда же ушла?

Ѳеня. Почемъ мнѣ знать! Надѣли платокъ и ушли! А куда — не сказывали!..

Дарья Акимовна. Матрена Марковна, да вы успокойтесь! Христосъ съ вами!.. Куда ей пропасть?.. Должно быть въ городъ за чѣмъ ушла...

Ѳеня. Они вамъ письмо оставили.... Возьми, говорятъ, Ѳеня, это письмо и отдай его маменькѣ, когда она спроситъ меня...

Матрена Марковна (*въ отчаяніи*). Какое письмо? Ой, Господи! Гдѣ, гдѣ оно?... (*Феня вынимаетъ изъ кармана письмо и подаетъ его Матренѣ Марковнѣ. Всѣ присутствующіе группируются около нея. Матрена Марковна, разорвавъ конвертъ и пробѣжавъ глазами письмо, испускаетъ дикій крикъ и падаетъ на полъ. Присутствующіе — въ страшной суматохѣ: одни поднимаютъ Марковну, другіе кричатъ:* «Воды! воды скорѣй! Давайте воды!» *Человѣка два бѣгутъ за водой. Матрена Марковна мечется и дико кричитъ:* «Ой, спасите! Погибла моя головушка! на вѣки погибла!..» *Ее уносятъ во вторую комнату. Тамъ начинается снова суматоха. Слышны крики:* «За докторомъ! за докторомъ!» *потомъ вопли Марковны:* «Ой, головушка моя! Ой, умираю!»—*Въ это время просыпается Пригвожденный. Онъ поднимаетъ голову и начинаетъ осматриваться. Осмотрѣвъ комнату, снова опускаетъ голову на руку и сначала что-то бормочетъ, потомъ говоритъ вслухъ, напряженно всматривалсь въ одну точку:* «бысть же мѣсто сіе пустынно... бяше бо пустыня зѣло!.. (*Возвышая голосъ*). Зѣло бо бяше пустыня!.. Мракъ великій и звѣріе множество!.. (*Помолчавъ долгое время, вздыхаетъ*). А онъ мнѣ что сказалъ? Ты, говоритъ, бунтовщикъ!.. (*Сверкаетъ глазами и судорожно вздрагиваетъ. Минуты черезъ двѣ, бодро поднимаетъ голову и поетъ:*

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Тамерланову десницу,
Силы, воли и огня!..

(*Повторяетъ съ раздраженіемъ:*

Силы, воли и огня!..

(*Въ изнеможеніи опускаетъ голову на столъ. Чрезъ минуту, снова вздрагиваетъ, поднимаетъ руку и бьетъ по столу:* «У! звѣрь лютый! камнемъ убью!..» *Засыпаетъ).*

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Е. СТОПАКЕВИЧЪ.

ЭТРУРІЯ.

Подъ этимъ именемъ я имѣю въ виду помѣстить нѣсколько замѣтокъ о внутренней Тосканѣ, странѣ слишкомъ мало извѣстной не только за границей, но даже и въ остальной Италіи, а между тѣмъ весьма интересной во многихъ отношеніяхъ... Вся она между прочимъ наполнена остатками этрусскихъ древностей и давно, въ тѣ времена, когда въ Италію ѣздили изъ-за древностей, нѣкоторые смѣлые туристы заглядывали и сюда. Теперь все перемѣнилось и тутъ только по преданію знаютъ туристовъ, и слова *форестьеръ* и *англичанинъ* на языкѣ здѣшнихъ горцевъ считаются однозначащими. Предоставленная такимъ образомъ самой себѣ, страна очень много выиграла во многихъ отношеніяхъ, но потеряла со стороны гостинницъ. — Къ сожалѣнію, я слишкомъ плохой археологъ, и потому мнѣ придется много молчать объ этрусскихъ древностяхъ. За то я надѣюсь многое сказать объ *итальянскихъ помѣщикахъ* — предметѣ особенной рѣдкости, и который попадается за то въ очень хорошихъ экземплярахъ именно здѣсь, въ долинахъ Чѣчины и Эльсы.

ВОЛЬТЕРРА.

(дорожныя замѣтки).

Среди пустынныхъ, дикихъ горъ вулканическаго происхожденія, на которыхъ ни куста не видно свѣжаго и зеленаго, на высокой скалѣ построили, много лѣтъ тому назадъ, городъ, весь изъ прочнаго, сѣ-

раго камня. Онъ и теперь еще стоитъ на своемъ мѣстѣ, и теперь еще живутъ въ немъ люди. Стоитъ онъ, потому что еще не развалился, живутъ въ немъ, потому что нельзя же городу стоять пустому. Другихъ законныхъ причинъ существованію Вольтерры въ настоящее время нѣтъ, да ихъ и не нужно. Жители Вольтерры — тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ читать и писать — проводятъ большую часть своей жизни въ утомительныхъ и ученыхъ розысканіяхъ по трудному вопросу: кто и когда построилъ ихъ городъ. Прадѣды ихъ дѣлали тоже, а вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ. Не желая отбивать хлѣбъ у вольтеррскихъ жителей, которымъ и безъ того не много остается дѣлать на земномъ шарѣ, я считаю священною своей обязанностью не мѣшаться въ это запутанное дѣло. Пеласги или этруски, или кто другой строилъ Вольтерру, намъ отъ этого чести не прибудетъ — мы выскочки въ исторіи человѣческаго рода — наши предки Рима не спасали. Только быстрѣе ли, вслѣдствіе этого мы идемъ впередъ?...

Относительно Вольтерры очевидно одно — строили ее тогда, когда города строились для того, чтобы не имѣть сообщеній съ остальнымъ міромъ. Опредѣленію этому не достаетъ хронологической точности, такъ какъ подобныя времена повторялись въ исторіи не рѣдко. Каждый разъ, когда рушился старый порядокъ вещей, а новый не успѣвалъ стать рутиною, воровство и грабежъ не успѣвали стать законными за давностію лѣтъ. Тогда приходилось отнимать открытою силою то, что потомъ требовалось на основаніи святаго права. Золотая откровенность тогда царствовала повсюду, а слабые — неувѣренные еще можетъ быть сами въ своей слабости—не разъ подымали голову. Это имъ, впрочемъ, никогда не обходилось даромъ; потому что когда у сильныхъ не хватало силы на насиліе, у нихъ были неприступные замки, въ которые они уходили, всегда унося съ собою добычу, пережидали грозу, и окрѣпнувъ, отправлялись на новые подвиги... Въ тѣ времена Вольтерра первенствовала въ Средней Италіи, и въ ней, на досугѣ, германское кулачное право—врожденное до такой степени всѣмъ офиціальнымъ нѣмцамъ, что они не могутъ забыть его, какъ ни потѣютъ надъ «пандектами» и «юстиніановскимъ кодексомъ», но въ Италіи вовсе не туземный продуктъ—переродилось въ итальянское феодальное, которое тоже плохо принялось на этомъ блаженномъ полуостровѣ, и даже въ Тосканѣ первенствовало не долго. Во Флоренціи утвердилась олигархическая республика, и духъ времени измѣнился. Рыцарскія добродѣтели, наравнѣ съ банкротствомъ, стали худшими пороками, а старые пороки въ свою очередь стали добродѣтелями. Только старыя добродѣтели вовсе не думали склониться передъ этими новыми, «какъ передъ новою царицей порфироносная вдова». Разбойничьи шайки укрѣпились въ Вольтеррѣ и въ

окрестныхъ замкахъ, и наносили громадный вредъ флорентійской торговлѣ, грабя караваны и затрудняя имъ путь въ морѣ. Вражда между флорентійской и вольтерранской республиками, можетъ быть, единственная муниципальная вражда, имѣющая логическое основаніе... Однако мирные негоціанты не могли и помышлять объ открытой войнѣ съ дикими, горными баронами. Они ограничились тѣмъ, что дали другое направленіе своимъ каравапамъ. Это былъ самый чувствительный ударъ, который можно было нанести тамошнимъ шайкамъ: такимъ образомъ онѣ должны были ограничиться одними мѣстными ресурсами. Большинство отправилось искать счастья въ чужихъ земляхъ, такъ какъ мѣстные ресурсы были очень и очень не богаты. Въ вольтерранскихъ горахъ никогда не было никакой торговли, благодаря географическому положенію: о минералогическихъ богатствахъ тамошней почвы тогда и не думали: весь край населенъ былъ бѣдными хлѣбопашцами, задавленными и тяжестью собственнаго ремесла, и баронами съ ихъ челядью. У земледѣльца—кромѣ его труда—украсть нечего; феодальному праву здѣсь дали чудовищные размѣры....

Едва во Флоренціи взяла верхъ свободная городская община, положеніе вольтерранскихъ бароновъ ухудшилось, такъ какъ новая республика, не могшая терпѣть подобнаго опаснаго сосѣдства, со смѣлостью, свойственной господствовавшимъ въ ней классамъ народонаселенія, начала открытую, упорную войну противъ Вольтерры. Доблестные рыцари сразу поняли, что съ подобнымъ врагомъ справиться не легко, а потому отказались отъ своей пресловутой честности и стали искать спасенія во всякаго рода измѣнахъ и иностранныхъ союзничествахъ.

Борьба эта тянулась долго, и вовсе не къ славѣ феодальныхъ бароновъ; наконецъ Франческо Ферручіо — этотъ Гарибальди XVI вѣка—закончилъ ее блистательнымъ финаломъ.

Это было во время Гвельфо-Гибеллинскаго союза противъ флорентійской демократической общины, которая отстаивала не свои только интересы: это была борьба права противъ насилія, возродившейся Италіи противъ оживленнаго германскимъ кулачнымъ правомъ и клерикальнымъ деспотизмомъ чужеземнаго владычества... Вольтерра, конечно, приняла сторону послѣдняго. Положеніе Флоренціи было слишкомъ затруднительно. Друзья и союзники ее оставили, а непріятель тѣснилъ со всѣхъ сторонъ. Приверженцы Медичей и *умѣренные* работали внутри ея, а дряхлый сенатъ ждалъ минуты, чтобы сдаться на приличную капитуляцію. Франческо-Ферручіо съ нѣсколькими сотнями arrabiati и наемниковъ не думалъ о сдачѣ. Въ подобныя критическія минуты только отчаянныя попытки могутъ удасться...

Ферручіо собралъ все свое маленькое войско и держалъ ему слѣдующую рѣчь:

«Я веду васъ на тяжелые подвиги. Вы, флорентійцы, должны идти за мною. Вы же, наемники, прежде подумайте. Жалованья я вамъ обѣщать не могу, мнѣ можетъ быть нечѣмъ будетъ даже кормить васъ; смерть, трудъ и слава—вотъ что ждетъ васъ со мною. Вы говорите однимъ съ нами языкомъ, но слова *родина*, *свобода* вамъ непонятны—вы торгуете всѣмъ, даже жизнью вашей. Родины и свободы продать нельзя, и вы забыли ихъ, какъ неимѣющія въ вашихъ глазахъ никакой цѣнности. Пусть только тѣ изъ васъ, кто, хотя въ эту минуту, способенъ ихъ вспомнить, идутъ за мною. Кто попроситъ отставку теперь, тому я дамъ ее, и дамъ кромѣ должныхъ ему денегъ, какую только могу денежную награду. Но, едва мы выйдемъ изъ-за стѣнъ, первый, кто хоть на шагъ отъ меня отстанетъ, будетъ убитъ, какъ собака, какъ измѣнникъ отечеству».

Всѣ пошли съ нимъ вмѣстѣ подъ Вольтерру; подъ стѣнами ея въ первый разъ прокричали Viva l'Italia и взяли неприступную крѣпость. Это былъ не стратегическій разсчетъ; Ферручіо шелъ не на завоеванія: онъ мстилъ и мстилъ жестоко...

Высокія черныя стѣны крѣпости, словно кровью залитыя, торчали высоко передо мною, пока я взбирался въ неудобномъ барочино на крутую гору. Цѣлый часъ кряду я видѣлъ по сторонамъ тѣ же дикія, голыя скалы и между ними красный коническій холмъ Монте-Россо. Были сумерки. Въ крѣпости, гдѣ теперь пенитенціарная тюрьма, перекликались часовые. Мой извощикъ, котораго дядя cavalier presidente della Corte Regia di Luxa, съ наслажденіемъ вслушивался въ ихъ протяжное All 'Erta Sto. «Восемьсотъ ихъ сидитъ тамъ», говорилъ онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, показывая бичемъ на каменную громаду: «и еще столько же помѣстится. Славное заведеніе.»

Наконецъ колеса глухо застучали подъ аркою тюрьмы и мы въѣхали въ городъ, весь очень похожій на подобное же *славное заведеніе*...

Пришелъ чичероне въ остроконечной карбонарской шляпѣ на затылокъ, на очень коротенькихъ кривыхъ ножкахъ, но за то съ очень длинною бородою клиномъ и съ превысокимъ плѣшивымъ лбомъ. Зовутъ его Signor Giuseppe Calai, и я тѣмъ смѣлѣе рекомендую его всѣмъ и каждому за перваго вольтерранскаго чичероне, что во всемъ городѣ нѣтъ втораго. Во всей фигурѣ его, въ манерахъ, въ движеніяхъ замѣчательно дружеское сочетаніе офиціальной торжественности дворецкаго и угрюмаго равнодушія факельщика, показывающее, что s-r Калаи жилъ въ хорошемъ обществѣ. Первое дѣйствительно онъ

пріобрѣлъ на службѣ какого-то польскаго графа, посылавшаго его, между прочимъ, въ Лондонъ за кровною кобылою, и какого-то русскаго барина, посылавшаго его въ Лондонъ за настоящимъ бульдогомъ съ кличкою Джэкъ и съ приличнымъ аттестатомъ. Акуратно ли исполнилъ s-r Джузеппе эти порученія — богъ вѣсть. Онъ увѣряетъ очень искреннимъ тономъ, что у кобылы глазъ былъ очень широкъ и что Джэкъ, несмотря на свои молодые годы, обладалъ «крѣпостью черныхъ мясовъ, уму непостижимою», и я готовъ во всякое время поручиться за истину его словъ, но пари не подержу.

Въ 1848 году мой чичероне случился въ Венгріи и выполнялъ тамъ порученія совершенно иного рода. Вообще онъ много путешествовалъ и пріобрѣлъ очень разнообразныя свѣдѣнія насчетъ характера разныхъ европейскихъ національностей, сомнительную репутацію, чахотку, порядочный ревматизмъ и маленькій капиталъ. Утилизировалъ онъ только первое и послѣднее, заведя въ Вольтеррѣ лавченку антикварія. Вотъ уже девятый годъ, какъ онъ мирно доживаетъ свой бурный вѣкъ въ родномъ своемъ городѣ, показывая его достопримѣчательности иностранцамъ и продавая имъ же всякую дрянь по очень умѣреннымъ, или кажущимся ему умѣренными, цѣнамъ.

Въ его сообществѣ отправился я осматривать всякія мѣстныя знаменитости, и увидѣлъ ихъ дѣйствительно множество.

На площади, возлѣ подслѣповатаго, закопченнаго собора, стоитъ вольтерранскій музей, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Европѣ по части этрусскихъ древностей. Успокойтесь — я не скажу ни слова о всѣхъ грязныхъ и уродливыхъ драгоцѣнностяхъ, собранныхъ въ немъ въ большомъ количествѣ, — онѣ могутъ имѣть громадный интересъ для науки; но вѣдь музей патологической анатоміи имѣетъ его вѣроятно еще больше, однакоже вы не выберете его мѣстомъ своей прогулки. Кромѣ того, я составилъ уже проэктъ закона, которымъ подъ смертною казнью запрещается говорить во всей Тосканѣ объ этрусскихъ древностяхъ, и жду только, чтобы меня выбрали депутатомъ въ парламентъ, да чтобы пьемонтское.... виноватъ, итальянское министерство позволило не только de jure, но и de facto депутатамъ предлагать на разсмотрѣніе камеры свои законы. Это будетъ очень неудобно для камеры, но что же дѣлать: нужно жертвовать въ извѣстныхъ случаяхъ собою благу отечества.... Посѣщеніе вольтерранскаго музея во многихъ отношеніяхъ очень полезно: нигдѣ древнее, отжилое не является въ такой отвратительной формѣ, какъ тамъ. Обломокъ торса геркулеса Фарнезскаго поражаетъ пріятно, потому что въ немъ проявляется мысль, чувство красоты, что-то живое. Но всѣ эти придавленные своды, безобразно взваленные одинъ на одинъ ко-

лоссальные камни циклопскихъ построекъ свидѣтельствуютъ о совершенно другомъ, и вся Вольтерра съ ея достопримѣчательностями— мертвецъ, котораго еще не похоронили. Дѣтямъ показываютъ гипста, который можетъ у нихъ зародиться, если они будутъ ѣсть сладкое, и говорятъ, многіе изъ нихъ въ ротъ не берутъ сахару послѣ этого; отчего же въ тосканцахъ видъ Вольтерры не возбуждаетъ такого же отвращенія къ ихъ прошедшему?.. Пока здѣшніе ученые спорятъ о трехъ головахъ воротъ dell'Ercole, львиныя ли онѣ или человѣческія, жизнь уходитъ изъ рукъ. Во время всеобщаго движенія въ Италіи, когда рѣшалась судьба полуострова, когда затронуты были всѣ тѣ вопросы, которые необходимо близки каждому, кто живетъ на свѣтѣ,— въ Вольтеррѣ очень серьёзно спорили о томъ, что означаетъ двуголовый Янусъ, эмблема города? Можетъ быть древніе обладатели Вольтерры предугадывали, что нѣкоторымъ изъ ихъ потомковъ не будетъ доставать этой части тѣла и потому выбрали подобнаго бога своимъ патрономъ.

Едва вышелъ я изъ воротъ dell'Ercole, передо мною открылся чудный видъ на окрестную кампанью. Странно, что среди этой мрачно величавой природы выродился всего одинъ энергически дѣятельный человѣкъ, живописецъ Даніилъ Ричьярелли, извѣстный подъ именемъ *Вольтеррано*. Въ Вольтеррѣ есть только одна его картина «Илья пророкъ въ пустынѣ», и та въ домѣ, принадлежавшемъ прежде ему самому, а теперь какому-то кавалеру Ричьярелли, посылавшему свой портретъ эксъ-герцогу Леопольду въ Вѣну. Я отправился смотрѣть на нее.

Вситъ она въ гостиной почтеннаго кавалера, уставленной всякаго рода алебастровыми вазами и изваяніями. Общій эффектъ напоминаетъ нѣсколько наши мѣщанскіе домики въ провинціальныхъ городахъ.

Пока я смотрѣлъ на эту картину и понималъ, почему Вольтеррано не любятъ въ Вольтеррѣ, двѣ черномазыя горничныя смотрѣли на меня, отодвинувъ портьеру, и вѣроятно не понимали, какъ можно полчаса стоять передъ раскрашеннымъ полотномъ. А картина эта разъяснила мнѣ многое и многое. Разсказать впечатлѣніе подобнаго рода произведеній невозможно, а между тѣмъ во всякомъ взмахѣ кисти маэстро живо чувствуется самый энергическій, гордый протестъ противъ всего условнаго, всего неподвижнаго, всего сковывающаго, давящаго человѣка. Живопись считаютъ искусствомъ вполнѣ объективнымъ — напрасно. Этотъ «Илья пророкъ» заставилъ меня полюбить смѣлую, мощную личность своего автора, который не плакалъ надъ людскими слабостями, не улеталъ въ неземныя сферы, который былъ другомъ Микель-Анжело, когда тотъ бѣжалъ изъ Флоренціи,

но не хотѣлъ быть его ученикомъ, считая недостойнымъ человѣка подчиняться даже геніальности другаго...

Положеніе путешественника, котораго чечероне водитъ по совершенно незнакомому ему городу, иногда бываетъ чрезвычайно пріятно, въ особенности въ теплый весенній день и для того, кто имѣлъ честь родиться подъ счастливымъ небомъ Малороссіи. Тутъ вполнѣ извѣдаешь всѣ прелести беззаботной лѣни, не той лѣни,—которая заставляетъ цѣлый день лежать на боку; напротивъ: ходишь много, физически утомляешься, а мысль отдыхаетъ; собственному произволу нѣтъ мѣста. Ведутъ туда-сюда, и туда или сюда все равно идешь лѣниво, безпечно, все равно исполняешь священную обязанность путешественника, смотришь на то, или на другое, что покажутъ. А въ Вольтеррѣ-то благодать: нѣтъ ни дилижансовъ, ни желѣзныхъ дорогъ—заботиться не о чемъ: всюду поспѣешь во время; въ гостинницѣ служанка безъ кринолина не ждетъ вѣдь съ петерпѣніемъ и не считаетъ минуты, а поѣсть вездѣ и во всякое время найдешь!.. Г. Калаи водилъ меня по всѣмъ уголкамъ и я повсюду шелъ за нимъ съ покорностью ребенка, и мы наконецъ очутились у самыхъ дверей кабинета одного изъ самыхъ важныхъ вольтерранскихъ сановниковъ: директора тамошняго пенитенціарскаго заведенія. Величественная фигура, въ форменномъ платьѣ и съ шевронами на рукавахъ, нѣсколько вывела меня изъ сладостнаго усыпленія.

«Это что такое»? спросилъ я чичероне.—«А нужно разрѣшеніе директора.... вы развѣ не хотите осмотрѣть первую пенитенціарную тюрьму всей Италіи». —«Хочу, хочу—вѣдь я за тѣмъ сюда пріѣхалъ, чтобы смотрѣть; такъ показывайте за одно ужь и тюрьму и директора»... Чѣмъ ближе подходили мы къ заповѣдной двери, тѣмъ болѣе низенькая фигурка моего спутника вся проникалась выраженіемъ глубочайшаго уваженія и преданности: шаги его мало-по-малу теряли всякую звучность, шагахъ въ пяти отъ двери онъ снялъ свою карбонарскую шляпу, обнажилъ черепъ, за который Галль и Лафатеръ дали бы полцарства — и тѣмъ охотнѣе, что у нихъ его никогда не было...

Нѣтъ худа безъ добра и въ худѣ безъ добра есть добро — какъ же бы не было его въ табачномъ откупѣ... И оно есть. Итальянское правительство радо бы во всѣхъ своихъ подданныхъ пробудить склонности сослуживца Манилова, который какъ извѣстно куритъ даже въ... Лица, занимающія здѣсь важные административные посты—желая конечно подать хорошій примѣръ кому слѣдуетъ,—принимаютъ всѣхъ и каждаго съ сигарою въ зубахъ и это даетъ посѣтителямъ полное право дѣлать тоже... Но директоръ вольтерранскаго пенитенціарнаго заведенія не такого рода сановникъ. Корыстныя соображенія недостойны его возвышеннаго ума, занятаго исключительно высшими государст-

венными разсчетами, и онъ не даромъ брѣетъ свой подбородокъ, какъ наши дипломатическіе чиновники за границей. Въ манерахъ своихъ пьемонтскій сановникъ корчитъ петербургскихъ начальниковъ департамента, чѣмъ производитъ сильное впечатлѣніе на подчиненныхъ и на непосвященныхъ...

Подобные тузы въ Италіи рѣдкость; въ Пьемонтѣ я никогда не бывалъ, а отъ Петербурга успѣлъ уже отвыкнуть: я спроста вошелъ въ кабинетъ директора, какъ въ Италіи всѣ входятъ въ кабинетъ директора и всякаго рода присутственныя мѣста, магазины и кофейныя...

Величавый взглядъ божества этого храма далъ мнѣ сразу понять, что я промахнулся; но что нужно было мнѣ снять: шапку-ли, какъ при входѣ въ Исакіевскій соборъ, или сапоги, какъ въ Смирнѣ при посѣщеніи мечети вертящихся дервишей—я рѣшительно не могъ догадаться въ моемъ смущеніи. По счастью, величіе всегда сопровождается снисходительностью къ слабостямъ простыхъ смертныхъ, и величавый директоръ — снисходя къ моему горестному положенію— снялъ самъ свою шляпу и этимъ подалъ мнѣ спасительный примѣръ, которому я поторопился... не послѣдовать... Несмотря на это, директоръ принялъ меня съ гостепріимствомъ, достойнымъ управляемаго имъ заведенія, и далъ позволеніе осмотрѣть все, что мнѣ вздумаетъ показать усатый сторожъ съ шевронами... И я отправился за окованныя двери съ тяжелыми замками, благодаря Всевышняго за то, что на выходъ оттдуда мнѣ ни у кого еще не нужно было спрашивать позволенія. Живется въ пенитенціарной тюрьмѣ впрочемъ недурно — это я слышалъ прежде отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ пріятелей, знавшихъ по опыту то, о чемъ говорили; теперь же я могъ заключить объ этомъ по веселому виду заключенныхъ, прогуливавшихся въ красныхъ костюмахъ по корридорамъ, такъ какъ день былъ праздничный... Рѣшительно нѣтъ худа безъ добра—и въ квакерствѣ, и въ пьетизмѣ есть добро...

Мысль посылать въ Вольтерру—въ эту незасыпанную еще могилу, приговоренныхъ на гражданскую смерть—совершенно достойна и этой квакерской системы, и артистическаго духа итальянцевъ, умѣющихъ всему прибрать соотвѣтствующую форму... Въ той же самой крѣпости сохранили одну изъ башенъ въ первоначальномъ ея видѣ, для большаго контраста. Башня эта, высокая, круглая, называется башнею *Мужчины* — Torre del Maschio; на противоположномъ ей концѣ стоитъ другая и ее называютъ *Женщина*—Femina. Эти живописныя имена я впервыѣ разъ услышалъ отъ чичероне, такъ какъ боясь затеряться въ незнакомомъ городѣ, я не вынималъ изъ подъ мышки мой gude, а будучи близорукъ, не могъ читать его въ этомъ положеніи,

и онѣ заставили меня ожидать какой нибудь чудесной легенды среднихъ вѣковъ. Чичероне откашлялся и началъ:

«Всѣ форестьеры, дѣлающіе мнѣ честь смотрѣть эти башни, предполагаютъ, что насчетъ ихъ существуетъ какая нибудь легенда... Я же положительно могу увѣрить васъ, что легенды нѣтъ никакой, а названія: Maschio и Femina производятъ оттого, что—какъ сами вы можете замѣтить (и онъ указалъ мнѣ на «Женщину»), она нѣсколько ниже первой».—Я очень недовольный огляпулся и увидѣлъ, что чичероне правъ: она приземистѣй и форма ея мягче и круглѣе, чѣмъ Maschio. Легенды не было!

По корридорамъ и на дворикахъ гуляли заключенные въ красныхъ курткахъ, такихъ же панталонахъ и шапочкахъ. «У насъ есть еще и желтые», говорилъ мнѣ усатый тюремщикъ съ одной стороны, пока съ другой истинный чичероне очень обстоятельно сообщалъ мнѣ исторію каждаго камня, со всѣми возможными подробностями. Сообщенія унтеръ-офицера были гораздо интереснѣе; онъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ *красныхъ*, которые всѣ вообще были очень привѣтливы и любезны. Пенитенціарная система въ Тосканѣ, — въ остальной Италіи она еще не заведена, — значительно перемѣнилась. Квакерскаго въ ней осталось только то, что заключеннымъ брѣютъ усы и бороду, и это дѣлаетъ ихъ очень похожими на здѣшнихъ поповъ, такъ какъ благодаря хорошему содержанію, у всѣхъ ихъ довольно круглыя физіономіи. *Красные* живутъ здѣсь только на время, *желтые* на всю жизнь. Красные обыкновенно работаютъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, а только спятъ по одному, въ маленькихъ кельяхъ, вдоль длинныхъ корридоровъ. Они раздѣлены по ремесламъ, и плотникамъ, кузнецамъ и столярамъ всѣхъ лучше житье; работаютъ они всегда въ большомъ обществѣ, въ нарочно устроенныхъ для этого мастерскихъ. Желтыхъ держатъ поодиночкѣ и по большей части они не имѣютъ между собою никакихъ сообщеній. При ихъ кельяхъ маленькій дворикъ, шаговъ пять квадратныхъ, отгороженный со всѣхъ сторонъ каменною оградою: они видятъ только часовыхъ, бродящихъ на высокой площадкѣ крѣпости... Въ Вольтеррѣ нѣтъ регулярнаго войска, всѣ военные посты заняты національной гвардіей. Меня поразило сперва то, что почтенные здѣшніе воины-буржуа не имѣютъ свойственнаго имъ въ другихъ мѣстахъ воинственнаго вида. Усатый вахмистръ, истинный профессоръ во многихъ наукахъ, объяснилъ мнѣ и это. Оказалось, что они вовсе не были буржуа, а контадины изъ окрестныхъ деревень, которыхъ отправляютъ въ Вольтерру для обученія военному ремеслу. Во все время пребыванія ихъ въ городѣ, имъ выдаютъ по 1 фр. 4 сант. въ день, чѣмъ они вовсе недовольны, такъ какъ за эти деньги работника въ рабочую пору

напять нельзя, а между тѣмъ у нихъ отнимается право жаловаться на свою горькую участь... Усатый вахмистръ весь начиненъ самыми разнообразными познаніями; онъ дѣлалъ кампанію 48 года, то есть отправился изъ Вольтерры въ Ливорно, а оттуда во Флоренцію, гдѣ спокойно дождался прибытія нѣмцевъ. Онъ недоволенъ всѣмъ въ настоящее время, а всего болѣе пьемонтцемъ-директоромъ.

«Это деспотическая душа», увѣряю васъ, говорилъ онъ мнѣ таинственнымъ шопотомъ: «самъ префектъ передъ нимъ ходитъ по струнке. А ужь съ нами что онъ дѣлаетъ, и... Вотъ скажу я вамъ, напримѣръ, о себѣ. Ну, да что о себѣ! А вотъ о заключенныхъ. Прежде всѣмъ имъ выдавалось вино пять разъ въ недѣлю; приказалъ выдавать каждый день, но только тѣмъ изъ нихъ, которые хорошо работаютъ. Изъ этого что вышло? Раздаемъ вино ужь не мы, а corimaestri. Да вѣдь это незаконно, а главное — равенства нѣтъ. А ему поди, скажите. «Здѣсь, говоритъ, распоряжаюсь я!» Да такъ еще кулакомъ по столу хлопнетъ, что окна задрожатъ. Развѣ дѣлаются такія дѣла въ конституціонномъ государствѣ!»

— Отсюда, изволите видѣть, толковалъ мнѣ между тѣмъ чичероне: — черезъ этотъ подъемный мостъ войдемъ мы въ башню, гдѣ тюрьма Лоренцо Лоренцини, въ которую запирали еще политическихъ преступниковъ.

— Во времена послѣдняго великаго герцога, перебилъ унтеръ-офицеръ.

— Когда, наконецъ, Леопольдъ... продолжалъ съ неудовольствіемъ чичероне.

— Входъ въ нее прежде былъ съ третьяго этажа, продолжалъ унтеръ-офицеръ.

— По узенькой и крутой лѣстницѣ... Эффектъ былъ потрясающій...

— Страшно было ходить...

И такимъ образомъ, въ запуски, какъ Добчинскій и Бобчинскій, разсказывали они мнѣ всевозможныя подробности о тюрьмѣ, о великихъ герцогахъ, о Лоренцо Лоренцини, котораго Франческо Медичи заперъ въ эту тюрьму за то, что онъ переносилъ любовныя записочки отъ своего брата къ его женѣ. Лоренцо Лоренцини просидѣлъ въ этой тюрьмѣ, прикованный на цѣпь, какъ собака, слишкомъ 11 лѣтъ, протеръ своими ногами дорожку на каменномъ полу, и съ горя сочинилъ трактатъ о коническихъ сѣченіяхъ, котораго рукопись и теперь еще хранится во Флоренціи, въ мальябечьянской библіотекѣ. Тюрьма Лоренцини, маленькая, круглая и совершенно темная, занимаетъ самый центръ башни. По обѣимъ ея сторонамъ два низенькіе, узкіе, сырые корридоры, извивающіеся дугами по обѣимъ ея сторонамъ; корридоры, которые называютъ тюрьмами двухъ сестеръ. А, такъ вотъ она наконецъ, желаемая —

ЛЕГЕНДА О ДВУХЪ СЕСТРАХЪ.

Легенду эту разсказалъ мнѣ не чичероне... Онъ даже увѣрялъ меня, что и тутъ легенды никакой нѣтъ, что тюрьмы называются вовсе не *двухъ сестеръ*, а *двѣ сестры*, и что называются онѣ такъ, потому что совершенно похожи одна на другую... Это былъ сущій вздоръ, и я прямо изъ крѣпости пошелъ въ кофейную... Послѣ нѣсколькихъ стакановъ крѣпкаго пунша, я разсказалъ самъ синьору Калан легенду о Вельтриціи и Патриціи. «Вѣдь это легенда о двухъ сестрахъ?» спросилъ я его въ заключеніе. Молчаніе — знакъ согласія. А синьоръ Калан отвѣчалъ молчаніемъ: онъ спалъ глубокимъ сномъ, склоня на собственное свое плечо свою лысую голову...

Недалеко за городомъ находится городокъ смерти — la Necropoli, мѣсто, въ которомъ рыскаютъ обыкновенно англичане и разрываютъ на немъ всю землю, въ надеждѣ докопаться до чего нибудь очень хорошаго. До сихъ поръ еще это имъ неудалось, но тѣмъ болѣе остается надежды на будущее...

Имя Некрополя обѣщало... Мы шли около получасу по каменистой дорогѣ. Солнце палило отчаянно и не было ни одного деревца, которое могло бы догадаться бросить на насъ спасительную тѣнь... Остановились мы наконецъ у свинаго хлѣва; чичероне пробормоталъ что-то и вдругъ исчезъ, словно сквозь землю провалился. Замѣчу, что это послѣднее въ Вольтеррѣ вовсе не такъ трудно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, и есть надежда, что скоро весь городъ наконецъ исчезнетъ подъ землею — но объ этомъ впослѣдствіи, потому что въ ту минуту я вовсе не думалъ объ этомъ и ни о чемъ другомъ... Солнце палило такъ, что было вовсе не до думанья... Гармоническое хрюканье свиньи раздавалось изъ хлѣва. Въ сторонѣ стоялъ высокій деревянный крестъ со всѣми принадлежностями, то есть съ пѣтухомъ на верху, съ прислоненнымъ копьемъ и пр... Подъ крестомъ сидѣла какая-то фигура, которую я съ перваго раза не принялъ за человѣческую, но со втораго принялъ...

— Зачѣмъ стоитъ тутъ этотъ крестъ? спросилъ я ее, желая начать интересный разговоръ.

— Поставили...

Я остался совершенно озадаченъ такимъ раціональнымъ и логическимъ отвѣтомъ.

— Да кто же поставилъ? спросилъ я.

— Кто? Бальдассаро — добрый человѣкъ (Baldassarro il Buon homo).

— Да кто же былъ этотъ Бальдассаро — добрый человѣкъ?

— Бальдассаро — добрый человѣкъ.

Чичероне появился въ сообществѣ какой-то пожилой женщины. Я ошибся не многимъ: онъ дѣйствительно вылѣзалъ изъ подъ земли...

— Я ходилъ за ключами, объяснилъ онъ мнѣ свое отсутствіе.

Благословясь мы отправились въ путь. Впереди шла толстая крестьянка съ зажженною лампою. Она единственная хранительница единственной, уцѣлѣвшей въ настоящемъ видѣ надъ Вольтеррою римской гробницы, наполненной всякаго рода интересными древностями. «Будь это въ другой странѣ», подумалъ я: «тутъ бы приставили по крайней мѣрѣ двухъ штатскихъ или военныхъ хранителей, съ приличною канцеляріею и главнымъ штабомъ. Лучше ли бы отъ этого сохранились древности? Пусть отвѣтятъ тѣ, которые по 15 цѣлк. покупали картины Рембрандта и др.»

Гробница эта очень интересна, но такъ какъ по милости свойственной всѣмъ человѣческимъ глазамъ слабости, мои вовсе не были въ состояніи различать окружающіе предметы при тусклой лампѣ, послѣ яркаго солнечнаго свѣта, — то я могу сообщить только то, что наткнулся на какую-то *должно быть* урну, *должно быть* когда-то содержавшую въ себѣ пепелъ какого нибудь *должно быть* очень почтеннаго римскаго гражданина съ двойнымъ именемъ, кончавшимся два раза на US. Однимъ словомъ, я не могу выйдти изъ гипотезъ; гипотезы же составлять можно очень удобно — и я думаю въ настоящее время даже съ большимъ удобствомъ въ Россіи, чѣмъ въ Вольтеррѣ.

Изъ этой римской гробницы мы отправились въ *царство Лжи*, то есть въ ту часть Некрополя, гдѣ покоются пеплы вольтерранскихъ гражданъ, умершихъ послѣ того, какъ умеръ городъ...

На свѣтѣ — или правильнѣе въ свѣтѣ — есть одна очень важная наука, которой до сихъ поръ не воздали должнаго, даже не признали ее съ подобающею откровенностью за науку, тогда какъ она имѣетъ на это столь же неотъемлемыя права, какъ напримѣръ, френологія и чистая философія. Наука эта — ложь, къ которой всѣхъ насъ хорошо пріучаютъ съ дѣтства, стараясь отучить даже лгать съ откровенностью. Во всякомъ случаѣ, чтобы усовершенствоваться въ ней, пріобрѣсти артистическую оконченность, необходимо побывать въ новой вольтерранской Некрополіи...

Но пора же выбраться наконецъ изъ этихъ гробницъ, въ которыхъ давно нѣтъ даже и пеплу человѣческаго, хотя бы для того, чтобы попасть въ другую, гдѣ вы найдете очень благовоспитанныхъ живыхъ мертвецовъ. Иначе тѣ, которые по волѣ злыхъ судебъ читаютъ меня, могли бы спросить: да куда же дѣвались тѣ 5000 жителей, которые при землетрясеніи 1846 устроили цѣлый лагерь въ пѣ-

скольких миляхъ отъ Вольтерры. Это единственное событіе, которымъ вольтерранцы (не волтерьянцы — Боже сохрани) дали знать о своемъ существованіи... Да, и въ Вольтеррѣ есть жители...

Есть въ ней г. Америго Витти, а у него въ жилахъ течетъ не кровь—иначе она застыла бы отъ одного взгляда на настоящее положеніе города — а ртуть, — такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ меня г. Калаи... Результатомъ этой физіологической странности выходитъ то, что синьоръ Америго не можетъ посидѣть полчаса на мѣстѣ — но мечется и бросается во всѣ стороны, поэтому нѣкоторые либеральные флорентинскіе журналы подумали было, что онъ живетъ... Ошибка простительна въ людяхъ, хотя бы они были даже редакторы журналовъ, а въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе, что флорентинскіе либералы смотрѣли на дѣло издалека. Что дѣлаетъ Америго Витти? Нѣтъ, въ этой формѣ на вопросъ рѣшительно нельзя отвѣтить. Чего не дѣлаетъ г. Витти?—Отвѣтъ простой: дѣла. Онъ скульпторъ, членъ всевозможныхъ и невозможныхъ обществъ, какого бы ни было направленія; онъ представитель вольтерранской демократіи и кавалеръ св. Маврикія и Лазаря...

Во время послѣдняго итальянскаго переворота, Вольтерра поторопилась... подождать, что сдѣлаютъ другіе. Не то, чтобы тенденціи ея не были опредѣленны; напротивъ, она и душой и тѣломъ хочетъ доживать спокойно. Но согласитесь, смѣшно же бы было, ради квіетизма, поднять тревогу, тѣмъ болѣе что оставалось много несравненно болѣе удобныхъ способовъ высказать свои патріотическія стремленія. Она конечно остановилась на этихъ послѣднихъ. Синьоръ Conte A, Marchese B, Barone C (въ Вольтеррѣ нѣтъ нетитулованныхъ особъ) отростили себѣ усы и бородки all'Italiana, предварительно снявъ съ себя портреты, которые послали въ Вѣну — кому слѣдовало. Говорятъ, будто получивъ драгоцѣнный альбомъ, Леопольдъ забылъ, что онъ въ Вѣнѣ, гдѣ запрещены цензурою сонеты Филикаіи, и воскликнулъ съ порывомъ истинно-итальянскаго увлеченія:

Foste roi ancor piu bruti, ma piu forti! Но рѣчь не о Филикаіѣ — его въ Вольтеррѣ не читаютъ. Достаточно того, что signor cavaliere Америго Витти непотерпѣлъ позора своего роднаго города, и едва пьемонтскія войска вошли въ городъ, онъ поднялъ трехцвѣтное знамя на своемъ великолѣпномъ дворцѣ. Онъ даже не ограничился и этимъ, а предложилъ муниципальному правленію назвать именемъ Виктора-Эммануила театръ, носящій теперь имя Персія Флакка и въ которомъ съ самаго времени его существованія не было дано ни одного представленія. Муниципія на это не согласилась, находя, что видъ Вольтерры и такъ слишкомъ много измѣнился, съ тѣхъ поръ, какъ жители отростили себѣ либеральныя бородки.

Между тѣмъ г. Америго Витти не ограничился этимъ, а тотчасъ же открылъ въ Вольтеррѣ комитетъ итальянскаго единства, котораго самъ онъ президентъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный членъ до сихъ поръ.

Общество взаимнаго вспомоществованія между работниками не привилось въ Вольтеррѣ. Г. Витти никогда хорошенько имъ не занялся, потому что во всей Италіи еще ни одинъ изъ предводителей подобнаго общества не получилъ креста св. Маврикія и Лазаря. Да впрочемъ подобное общество едва ли необходимо въ Вольтеррѣ; собственно работниковъ тамъ нѣтъ.

Единственная промышленность этого города — выдѣлка алебастровыхъ вазъ и поддѣлка изъ алебастру же этрусскихъ древностей. Основаніе хрупкое — да оно и подломилось съ разу, едва прекратился въ Италію наплывъ праздношатающихся съ набитыми карманами. Такимъ образомъ большинство вольтерранскихъ рабочихъ перешли, либо въ пенитенціарное заведеніе, либо въ богадѣльню.

За то г. Витти учредилъ здѣсь батальонъ Надежды. Это-то и есть его капитальное дѣло, и оно-то и доставило ему святое право напечатать на своихъ визитныхъ карточкахъ «Cavaliere di S. Maurizio e Lassaro».

Кстати, о батальонахъ Надежды вообще. Батальоны эти состоятъ изъ мальчиковъ, которыхъ даромъ учатъ военнымъ хитростямъ. Они очень распространены въ Италіи, но въ Вольтеррѣ они вѣроятно не были бы надеждой г. Витти. Странно, что Италія такъ скоро успѣла забыть, что батальоны, сражавшіеся при Мелаццо и при Вольтурно, не умѣли ходить въ ногу. Военная лихорадка—болѣзнь, какъ видно, заразительная, и немудрено, что бонапартовскіе агенты завезли ее и въ Италію. Впрочемъ, тутъ всѣ эти батальоны—лафаршьянская пародія проэкта Гарибальди всенароднаго вооруженія.

Въ Вольтеррѣ вѣчный антагонистъ Витти, Ингирами, хотѣлъ было, по образцу батальона Надежды, учредить *батальонъ Софьи*, съ тѣмъ, чтобы послать его на помощь разбойникамъ въ сѣверныя неаполитанскія провинціи. Проэктъ этотъ было однако не легко исполнить и вовсе не безопасно, а потому вольтерранскій аристократъ счелъ за лучшее на деньги, предназначенныя для этого, построить баню, на подобіе древнихъ римскихъ термъ — что исполнилъ съ большимъ успѣхомъ.

Витти и Ингирами—два противуположные полюса въ Вольтеррѣ, и если бы только была хоть какая нибудь внутренняя, общественная жизнь, она, конечно, состояла бы изъ упорной борьбы между ними. Борьба эта есть и теперь, но въ весьма карикатурной и смѣшной формѣ; оба они считаютъ себя предводителями партій, тогда какъ партіи

нѣтъ ни у того, ни у другаго. Да что и дѣлать въ Вольтеррѣ партіямъ; жить можно очень удобно и безъ нихъ.

Въ Вольтеррѣ нѣтъ не только партій, но даже того, что есть въ большей части нашихъ уѣздныхъ городовъ—клубовъ, собраній, театровъ. Нѣтъ журнала, а иногородные получаются очень плохо, а читаются еще плоше.

Осмотрѣвъ синьора Витти, который такая же офиціальная достопримѣчательность Вольтерры, какъ и соборъ и этрусскія гробницы, я возвращался въ свою гостиницу, чтобы отдохнуть на лаврахъ. На улицѣ у домовъ, съ обѣихъ сторонъ, безъ шляпъ и на колѣняхъ стояла толпа. Пришлось остановиться. Проходила какая-то процессія съ крестами и хоругвями. Попы въ очкахъ и въ ермолкахъ на головѣ шли распѣвая въ носъ по тетрадкѣ какіе-то гимны. За ними лакеи здѣшнихъ синьоровъ, увѣшанные галунами и разноцвѣтными (но не трехцвѣтными) лентами. А позади всѣхъ хоръ музыки контадинской національной гвардіи, играя какой-то торжественный маршъ. Процессія ушла далеко впередъ, народъ повставалъ съ колѣнъ; вдругъ изъ-за угла вышла толпа работниковъ въ рубашкахъ, съ засученными рукавами. Это были мареммскіе горцы, приходящіе въ Вольтерру на время отдыха отъ полевыхъ работъ: они раскапываютъ здѣсь землю для археологовъ, все еще надѣющихся докопаться наконецъ до чего нибудь хорошаго. Едва услышали музыку, они подхватили дружнымъ хоромъ гимнъ Гарибальди. Музыканты не утерпѣли и подхватили вслѣдъ за ними. Эта новая процессія поворотила въ другую сторону; попы поспѣшили спрятаться въ ближайшей церкви; публика, робко оглядываясь, стала расходиться. «Что за черти эти мареммане», бормотали нѣкоторые себѣ подъ носъ. А синьоръ Калаи съ наслажденіемъ вслушивался въ удалявшіеся звуки:

«Elettrizza», говорилъ онъ мнѣ; но нѣсколько стакановъ пуншу успѣли уже наэлектризовать его достаточно.

Было совершенно темно, на всей улицѣ всего два-три фонаря. Мы шли очень скоро. Вдругъ проводникъ мой уткнулся посомъ въ попавшуюся намъ на встрѣчу стройную женщину. Карбонарская шляпа слетѣла съ его головы, раздался гармоническій звонкій смѣхъ. Онъ однакоже скоро оправился и попробовалъ было вступить въ любезный разговоръ.

«Пустите, пустите», сказала красавица. И она быстро удалилась плавнымъ шагомъ.

Синьоръ Калаи посмотрѣлъ ей вслѣдъ, цалуя пальцы. «Что прикажете дѣлать», замѣтилъ онъ: «женщины — это слабость богъ-знаетъ сколькихъ уже поколѣній рода Калаи».

Оставалось осмотрѣть самую замѣчательную изъ вольтерранскихъ замѣчательностей, единственную прогредирующую съ каждымъ днемъ и грозящую заставить наконецъ молчать о Вольтеррѣ и много говорить о себѣ.

Это такъ-называемое balse, земляные обвалы подъ самымъ городомъ. Ихъ много во всѣхъ почти концахъ города. Самые лучшіе экземпляры на сѣверо-восточномъ углѣ Вольтерры, близь монастыря С. Кьяры. Мы отправились туда.

По дорогѣ пришлось проходить черезъ площадь св. Августина—мѣсто, гдѣ Ферручіо съ флорентійцами вломился въ городъ.

— Сколько здѣсь ни разрывали землю, говорилъ мой чичероне: не въ состояніи были найдти ни одного цѣлаго копья или меча, а обломковъ да скелетовъ нашли столько, что еслибы сложить въ одну кучу—набралось бы выше можетъ быть соборной колокольни.

— Куда же ихъ дѣли, эти обломки и скелеты?

— Бросаютъ куда попало. Не возиться же съ такой дряпью; за нихъ ни одинъ англичанинъ шиллинга не дастъ.

— Можетъ быть; но мнѣ кажется было бы не безполезно собрать ихъ во дворцѣ здѣшняго муниципіо....

Долго шли мы вокругъ городскихъ стѣнъ по каменной, неровной дорогѣ. По сторонамъ показалось множество горныхъ ключей, очень живописнаго вида и съ прекрасною, чистой, какъ расплавленный хрусталь, горной водой.

— Отчего же это въ городѣ вода такая скверная? спросилъ я чичероне.

— Дождевая—сюда за нею не ходятъ.

— Да вѣдь фонтанъ, при такомъ изобиліи источниковъ, не трудно устроить.

— Не трудно, конечно; но ужь если г. Витти не сдѣлаетъ, такъ никто не сдѣлаетъ.

— Развѣ муниципальное правленіе такъ бѣдно, что даже фонтана устроить не можетъ?

— Бѣдно оно, бѣдно, но ужь не такъ... Только фонтана не сдѣлаетъ. Нужно, чтобъ г. Витти, или хоть правительство, напримѣръ...

Всѣмъ этимъ господамъ очень хочется, чтобы правительство, по отношенію къ нимъ, разъигрывало роль няньки.

Наконецъ мы пришли въ огромный монастырь постройки XVI вѣка, но съ пристройками всевозможныхъ вѣковъ. Это и была С. Кьяра.

Мы прошли черезъ пустую галлерею и очутились у наружной двери. Я хотѣлъ было продолжать путешествіе, но мой чичероне кричалъ неистово и наконецъ наивно дернулъ меня за фалды. Я остано-

вился. У самой лѣстницы шелъ крутой обвалъ глубоко, глубоко внизъ, сажень на триста.

— Это новое, замѣтилъ мнѣ чичероне:—нѣсколько дней тому назадъ я былъ здѣсь и еще два человѣка въ рядъ могли бы прогуливаться свободно.

Обвалъ дѣйствительно былъ свѣжаго, ярко краснаго цвѣта. Итакъ земля осыпается мало-по-малу съ каждымъ днемъ. Теперь уже провалилось холма два–три порядочныхъ размѣровъ. Что это за странный геологическій феноменъ — не объяснено еще до сихъ поръ, но такъ какъ этрусскіе умы не считаютъ достойными себя не имѣть на всякій случай готовой уже теоріи, то и приписываютъ вольтерранскія balze дѣйствію подземныхъ водъ. Такъ ли или иначе, гдѣ прошлаго года еще была большая дорога, по которой ѣздили шестеркой запряженные тяжелые дилижансы, теперь дикія скалы, успѣвшія уже порости мохомъ, и по нимъ съ трудомъ пробираются горныя козы, которыя часто и пропадаютъ тамъ, врасплохъ застигнутыя обваломъ. Монахи С. Кьяры, мѣсяца полтора тому назадъ, вынуждены были оставить свой монастырь, стоившій порядочныхъ денегъ вольтерранскимъ набожнымъ старухамъ... Теперь тамъ нѣтъ ни души и даже прогулка въ этихъ мѣстахъ вовсе не безопасна. Теперь торопятся разломать этотъ монастырь, чтобы спасти по крайней мѣрѣ матеріалы. Калаи закупилъ уже у игумена всѣ барельефы, медальоны и другія скульптурныя украшенія, въ надеждѣ богатыхъ барышей.

А невидимый врагъ втихомолку подкапывается подъ самое основаніе города. Рано или поздно провалится наконецъ подъ землю эта душная столица покойниковъ, засыпется наконецъ землею эта богъвѣсть зачѣмъ отрытая и еще отрываемая могила, вмѣстѣ со своимъ двуголовымъ Янусомъ, безголовыми археологами, синьоромъ Витти и его батальономъ Надежды.

21 апрѣля 1862 года.

ВОЛЬТЕРРАНСКІЯ ГОРЫ.

Только выѣхавъ изъ Вольтерры, начинаешь дышать свѣжимъ, суровымъ горнымъ воздухомъ. Дорога убійственная; полумертвая кляча, едва перебирая ногами, тащила маленькій экипажъ съ пригорка на пригорокъ. По сторонамъ горы не теряютъ нимало своего дикаго характера; жилища бѣдны, жители блѣдны и худы; всѣ они какіе-то надорванные, придавленные на видъ;—немудрено: столько лѣтъ надъ ними почти на воздухѣ виситъ Вольтерра со своею высокою башней del Maschio...

Подъ Вольтеррой замѣчается совершенно въ обратномъ порядкѣ то, что видимъ около всѣхъ другихъ городовъ: чѣмъ дальше отъ нея отодвигаешься, тѣмъ больше встрѣчаешь признаковъ жизни... Правда, очень бѣдной жизни.

Всѣ мы знаемъ только городскую Италію съ ея классическими достопримѣчательностями, съ ея голодными пролетаріями. Надъ участью этихъ послѣднихъ сильно сокрушаются европейскіе филантропы. Она незавидна, конечно, но не она послѣднее слово отжившаго феодализма. Въ горахъ подъ Вольтеррою есть еще деревенскій пролетаріатъ — продуктъ совершенно мѣстный. Да онъ, кажется, здѣсь только и могъ породиться, благодаря особенно благопріятнымъ ему условіямъ гражданской жизни и самой почвы. Страна эта самою природою устроена для всякаго рода угнетеній. Едва наконецъ феодализмъ сталъ въ Италіи крайнею нелѣпостью, то есть потерялъ возможность существовать, — тутъ появилось другое, новое, усовершенствованное и привилегированное... Новое впрочемъ оказалось въ сущности старымъ: продолжали по прежнему красть у труженика его послѣдній ресурсъ—трудъ, все то, что у него только можно было украсть. Мать-природа съ своей стороны помогла конечно не слабѣйшему.

Мы до того привыкли встрѣчать повсюду въ сельскомъ народонаселеніи какую-то хотя слабую тѣнь самостоятельности, что мнѣ поневолѣ дышалось какъ-то легче, едва исчезли изъ вида всѣ эти пенитенціарныя заведенія, музеи и пр. Я открыто не хотѣлъ видѣть предметы такими, какими, мнѣ казалось, они бы должны были быть въ дѣйствительности. Все шло прекрасно, пока приходилось имѣть дѣло съ мертвою природою — она стояла себѣ молча и предоставляла мнѣ полное право думать о себѣ все, что мнѣ было угодно. Но скоро, увы! я пріѣхалъ въ маленькій городокъ Монте-Катини. Я называю его городкомъ, потому что его всѣ такъ называютъ—въ сущности это даже не деревня. Здѣсь живутъ нѣсколько семействъ работниковъ, занимающихся раскапываніемъ мѣдной руды, отстоящей мили полторы отъ городка, или какъ хотите его назовите. На этихъ заводахъ работаютъ слишкомъ 300 человѣкъ, но большая часть изъ нихъ бобыли и квартируютъ подъ открытымъ небомъ, находя это несравненно болѣе соотвѣтствующимъ со своими средствами.

Едва пришлось имѣть дѣло съ людьми, золотыя мои мечты разлетѣлись какъ дымъ. Люди не умѣютъ обманывать тамъ, гдѣ это имъ невыгодно. Для того, чтобы мучиться голодомъ и сохранять при этомъ приличную важность лица, нужно быть испанцами, то есть добровольно наложить на себя это бремя. Нищета, отчаяніе кладутъ на всѣ человѣческія лица совершенно особенный отпечатокъ, странно дѣйствующій на всѣхъ безъ исключенія добродѣтельныхъ буржуа.

Какой нибудь Миресъ смѣло будетъ смотрѣть въ глаза государственному прокурору, но онъ отвернется, едва увидитъ на дорогѣ пролетарія. А если нечаянно глаза его встрѣтятъ этотъ непріятный предметъ, онъ очень дурно переваритъ свой обѣдъ или завтракъ.

При первомъ взглядѣ на двухъ-трехъ рудокоповъ, спокойно стоявшихъ у дверей единственной кофейни Монте-Катини, я понялъ, что не умеръ еще феодализмъ въ горахъ подъ Вольтеррою. За то онъ такъ замаскировался, что его узнать нельзя было.

Вмѣсто феодальнаго замка, на холмѣ Капорчіо стоитъ великолѣпное зданіе, крытое желѣзомъ—большая рѣдкость въ Италіи. Дымятъ колоссальныя трубы, прогуливаются барыни въ кринолинахъ и съ ними любезничаютъ воинственнаго вида сторожа, одѣтые въ мундиры, похожіе на нѣмецкихъ стрѣлковъ. И обладатели всего этого гг. Слепъ, Колль и комп. — все чистые британцы родомъ, чистые кодины по убѣжденію... Не судите, да не судимы будете. Они кодины на самомъ законномъ изъ законныхъ основаній. Въ Леопольдѣ оплакиваютъ они утраченную съ переворотомъ 59 года привилегію. Уѣхалъ онъ изъ дворца Питти и грозныя тучи заходили на горизонтѣ гг. Коля, Слена и комп. Начинаютъ учреждаться ремесленныя братства, начинаетъ приближаться время *освобожденія крѣпостныхъ* и въ западной Европѣ. А у гг. Коля, Слена и комп. ихъ много, и имъ есть о чемъ горевать. Понятно, что слово *крѣпостные* имѣетъ въ этомъ случаѣ вовсе не славянофильское значеніе...

Меня повели прямо въ контору, гдѣ встрѣтилъ меня какой-то нѣмецъ управляющій, съ демократической бородкою, но очень аристократически приглаженный и разчесанный. Вѣроятно членъ какого нибудь K. K. privilegirte democratische Bruderschaft... Онъ прикомандировалъ ко мнѣ какого-то толстенькаго стараго прикащика-итальянца и этотъ пустился показывать мнѣ всѣ прелести фабрики.

Отлично вычищенныя машины шумѣли и ворочались во всѣ стороны; толпы запачканныхъ работниковъ всевозможныхъ возрастовъ, блѣдные, худые, возились подлѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что самая большая плата имъ по 1 фр. 40 сант. въ сутки. А работаютъ они 12 часовъ кряду — половина днемъ, половина ночью, и во все это время имъ не дается даже и одного часу на обѣдъ и на отдыхъ. А вѣдь руду копать, хотя и при помощи всевозможныхъ машинъ англійскаго изобрѣтенія и фабрикъ, дѣло не легкое. Зачѣмъ же идутъ они на эту тяжелую работу и за такую умѣренную плату? Отвѣтъ простой и ясный. Заводъ этотъ имѣетъ привилегію отъ правительства. Страна слишкомъ бѣдна всѣмъ, кромѣ минеральныхъ произведеній. На хлѣбопашество довольно и одной десятой доли всѣхъ здѣшнихъ рабочихъ

рукъ. Что же прикажете дѣлать остальнымъ? Они, какъ милостыни, просятъ быть приняты̀ми на фабрику.

— Скажите пожалуйста, а гдѣ же льютъ мѣдь, которую вы здѣсь добываете? спросилъ я у нѣмца, удостоившаго меня своимъ сообществомъ на нѣкоторую часть моей прогулки.

— У насъ литейный заводъ есть подлѣ Прото, отвѣчалъ онъ величаво.

— Да вѣдь тутъ рѣка (Чечина) подъ бокомъ, а перевозка должна стоить вамъ очень дорого. Или воды здѣсь мало?

— Нѣтъ, воды довольно; но это фантазія владѣтелей копей. Возлѣ Прото мѣстность гораздо красивѣе здѣшней, такъ у нихъ тамъ свой дворецъ.

Признаюсь, сначала я самъ не повѣрилъ этому, но потомъ, ознакомившись поближе съ дѣломъ, я увидѣлъ очень хорошо, что, благодаря привилегіи, гг. Сленъ, Колль и комп. могутъ очень удобно бросать на такую фантазію нѣсколько сотъ тысячъ франковъ въ годъ. Жаль только, что мѣстные жители вовсе не пользуются этой фантазіей. Для того, чтобы перевозить руду на литейные заводы, нужны лошади, а лошадей нужно купить; на покупку же нужны деньги, а для того, чтобы имѣть деньги, здѣсь нужны привилегіи, или уже полное уничтоженіе ихъ...

Я совершенно незнакомъ со способами добыванія мѣди и не знаю, такъ ли добываютъ ее здѣсь, какъ и на нашихъ екатеринбургскихъ рудокопняхъ. А потому разскажу все, что я видѣлъ въ Монте-Катини, тѣмъ болѣе, что оно, мнѣ кажется, не лишено нѣкотораго интереса.

Сначала о томъ, что надъ землею. Во первыхъ большой, крытый сарай, въ немъ паровая машина въ 25 лошадиныхъ силъ, которая приводитъ въ движеніе два громадныхъ ящика, устроенные такъ, что когда одинъ опускается, другой поднимается. Опускаются они въ колоссальный колодезь литровъ 300 глубиною. Тамъ работники насыпаютъ въ нихъ руду и пр. Вытащенная такимъ образомъ мѣдная руда толчется другою паровою машиною, потомъ перемывается и въ такомъ видѣ отправляется на литейный заводъ. Самая трудная работа— выкапываніе руды, она достается живымъ работникамъ...

Въ горѣ устроенъ входъ въ подземелье. При входѣ великолѣпныя сѣни. Въ окнахъ бюсты тосканскихъ великихъ герцоговъ съ приличными надписями, выражающими благодарность обладателей рудокопни къ своимъ благодѣтелямъ. Въ темномъ уголкѣ тоже мраморный бюстъ господина съ высокимъ лбомъ и громадными губами.

— Это кто? спросилъ я своего жирнаго провожатаго.

— Это г. Лепортъ! отвѣчалъ онъ мнѣ: — первый, начавшій разработку здѣсь мѣдной руды. Онъ обанкрутился и наши скупили ее у него.

Это постоянная исторія: всѣ, начинающіе разработку мѣдной руды, обанкручиваются. Ее у него скупаютъ другіе — и разживаются. Причина понятна: для того, чтобы добраться до жилы, нужны громадныя подземныя работы, стоющія большихъ денегъ. Притомъ очень много работы теряется даромъ, такъ какъ жила мѣстами бываетъ въ палецъ толщиною и очень плохаго притомъ содержанія. Опредѣлить толщину ея въ данномъ мѣстѣ можно только добравшись уже до нея. Идетъ она вездѣ подъ угломъ 45° къ горизонту и лежитъ между двухъ пластовъ известковаго шпата, изъ которыхъ нижній — габбръ, красный, а верхній зеленый и называется серпентинъ. Лучшіе куски серпентина составляютъ малахитъ, котораго въ Монте-Катини нѣтъ вовсе, то есть и есть, но въ очень маломъ количествѣ и въ мелкомъ видѣ. За то тутъ между габбромъ нашли камень тоже известковаго свойства и очень похожій на малахитъ, только красный. Камень этотъ назвали капорчьянитъ, по имени холма, на которомъ построена фабрика.

Прежде чѣмъ спускаться въ подземелье, мы перерядились въ черныя блузы, такіе же панталоны и неимовѣрной ширины пояса изъ черной же кожи. Къ поясамъ прикрѣпили фонари и отправились по деревяннымъ крутымъ лѣстницамъ. Много ступеней пришлось пересчитать, пока мы очутились въ узкомъ коридорѣ, идущемъ горизонтально. Слышался шумъ воды и работническихъ ломовъ. Мы шли по узкой дорожкѣ, по доскѣ, по обѣимъ ея сторонамъ лежали желѣзныя рельсы. Такимъ образомъ добрались наконецъ до довольно пространной подземной залы. Тутъ было свѣтло. Нѣсколько человѣкъ безъ рубашекъ колотили ломами въ земляныя стѣны. Посреди былъ колодезь, о которомъ я уже говорилъ. Отсюда идутъ галлереи во всѣ стороны и постоянно дѣлаются новыя, слѣдя за жилою руды. Рельсы устроены для того, чтобы по нимъ катить вагоны, нагруженные рудой. Всю ее бросаютъ въ колодезь, а оттуда вытаскиваетъ уже машина. Одинъ человѣкъ такимъ образомъ тащитъ около 5000 итальянскихъ фунтовъ, изъ которыхъ каждый равняется $^2/_3$ нашего. Это первый этажъ. Такихъ еще 4, каждый по 50 метровъ глубиною. Этажи всѣ совершенно похожи одинъ на другой; разница только въ температурѣ — чѣмъ дальше внизъ, тѣмъ она становится все болѣе возвышенною. Въ 3-мъ она за ходитъ до температуры русской бани. Я задыхался и рѣшительно отказался идти дальше, гдѣ, говорятъ, еще душнѣе. У меня начинала кружиться голова; съ верху и со стѣнъ съ однообразнымъ шумомъ падали тяжелыя густыя капли. А нѣсколько сотъ рабочихъ проводятъ 12 часовъ сряду въ этомъ аду, не зная ни праздниковъ, ни отдыховъ. Въ одномъ изъ подземныхъ этажей есть великолѣпная часовня въ честь св. Варвары, покровительницы рудниковъ. Послѣ этого понятно, отчего въ Вольтерран-

ской пенитенціарной тюрьмѣ, несмотря на малочисленность тамошняго населенія, такое большое количество заключенныхъ. Для работниковъ Монче-Катини можетъ показаться разъ пребываніе тамъ.

Въ Гарибальдинскомъ войскѣ я зналъ одного монтекатинскаго рудокопа, отличавшагося геркулесовскою силою и отчаянно мрачнымъ настроеніемъ духа. Его знали почти всѣ по имени, и немудрено: онъ отличался дѣйствительно дьявольскимъ долготерпѣніемъ. Вдвоемъ съ какимъ-то глухимъ геркулесомъ онъ отстаивалъ около 20 дней на передовомъ посту на С. Анжело, тогда какъ на всѣхъ остальныхъ часовые мѣнялись 4 раза въ сутки. Угомонила его наконецъ какая-то шальная пуля 1-го октября. Я заговорилъ о немъ съ нѣкоторыми изъ рабочихъ и это послужило мнѣ хорошей рекомендаціей. Они однакоже видимо стѣснялись говорить при моемъ провожатомъ. Но счастью, какой-то худощавый дѣтина лѣтъ 22-хъ, съ необычайно развитыми мускулами, отозвалъ его подъ какимъ-то предлогомъ.

«Se non li dispiace», вѣжливо обратился ко мнѣ жирный прикащикъ, обнажая свою лысину, на которую тутъ же упала капля жидкой грязи. Я со всевозможной искренностью отвѣчалъ ему, что мнѣ это будетъ очень пріятно.

— Да что, спросилъ я работниковъ, когда онъ исчезъ за какимъ-то поворотомъ:—развѣ изъ вашихъ только одинъ Беппо былъ съ Гарибальди?

— Нѣтъ, были еще двое, только сюда ихъ потомъ не приняли.

— Отчего же?

— Да кто ихъ знаетъ — видно, хозяева не захотѣли.

— Куда они потомъ дѣлись?

— А кто ихъ знаетъ, сперва пошли въ городъ къ префекту, тотъ для нихъ ничего не сдѣлалъ. Они къ сиьору Америго. Кавалеръ Америго—знаете— которому король орденъ далъ — такъ они къ нему отправились. Онъ имъ пообѣщался.

— Ну что же?

— Да ничего. Такъ они потомъ и ушли изъ Вольтерры. Больше ничего не знаемъ, что съ ними сдѣлалось.

— Такъ значитъ только трое всѣхъ и было?

— Трое и было только. Много хотѣли уйдти, только тѣ какъ ушли, такъ сейчасъ же объявили всѣмъ намъ, что кто вздумаетъ идти, такъ уже и не возвращался бы значитъ... не хотѣли.

Въ это время одинъ тихонько толкнулъ локтемъ говорившаго:

— Идетъ! сказалъ онъ ему вполголоса. «Maledetto», пробормоталъ этотъ неистово, ударивши ломомъ по выдававшемуся куску руды. И огромный обломокъ полетѣлъ на землю съ глухимъ гуломъ.

Прикащикъ подошелъ ко мнѣ и сталъ извиняться.

— Вы представить себѣ не можете, что это за плутъ народъ. Выдается имъ порохъ для того, чтобы взрывать гдѣ понадобится землю—они и тотъ въ городѣ продаютъ. Прежде такъ имъ и масло выдавалось—можете вообразить себѣ, какъ они его отдѣлывали. Я ужь настоялъ на томъ, что имъ теперь деньгами выдаютъ, и они покупай его, какъ знаютъ. И съ порохомъ тоже нужно будетъ сдѣлать. Затѣмъ онъ принялся искать образчиковъ различныхъ качествъ руды и посвящать меня въ нѣкоторыя изъ тайнъ выработки.

— Нѣтъ, не нужно, замѣтилъ я ему:—мнѣ уже разсказали все то, что меня интересовало. Тутъ же духота такая, что я боюсь задохнуться; пойдемте-ко по-добру по-здорову на свѣтъ Божій.

И мы стали мало-по-малу взбираться на верхъ, что было вовсе не такъ легко, какъ опускаться. На возвратномъ пути темныя сѣни показались мнѣ лучезарными и я даже могъ прочесть латинскую надпись надъ самыми дверями подземелья: «Господи! въ руки твои предаю духъ мой». Владѣтели руды, я думаю, читаютъ ее, отправляясь туда, а не возвращаясь.

Дорога шла почти постоянно опускаясь, за что я долженъ былъ быть ей очень благодаренъ, такъ какъ проклятая кляченка останавливалась буквально каждый разъ, когда приходилось подыматься на какой нибудь пригорокъ.

По сторонамъ были все тѣ же голыя горы, безъ признаковъ растительности; только уже приближаясь къ казеннымъ соляпымъ заводамъ, миляхъ въ 15-ти отъ М.-Катини, стали попадаться деревья и тощія нивы.

Мой проводникъ уговорился везти меня изъ М.-Катини прямо въ Помаранте, то есть миль 25 одной упряжкой; но по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ соляпымъ заводамъ, онъ все неотступно приставалъ ко мнѣ, чтобы я осмотрѣлъ это «великолѣпное заведеніе». Я былъ вовсе не прочь отъ этого—не то, чтобы ожидалъ найдти тамъ что нибудь интересное, но торопиться было не куда, и мнѣ порядочно уже надоѣло колесить въ полдневный жаръ по каменной, неровной дорогѣ. Я однакоже показывалъ видъ, что никакъ не поддамся, собственно для того, чтобы послушать еще краснорѣчивыя убѣжденія вольтеррина.

— Сюда всѣ форестьеры ѣздятъ, говорилъ онъ мнѣ:—ей-богу ѣздятъ, нарочно изъ Ливорно за тѣмъ сюда пріѣзжаютъ. А вы вотъ мимо ѣдете и не хотите остановиться на полчаса.

— Понимаю—лошадь не повезетъ дальше—я вѣдь это еще въ Вольтеррѣ говорилъ.

— Эхъ вы! Я для васъ же говорю. Хочу, просто, чтобъ вы не даромъ проѣхались. Лошадь не довезетъ! Вотъ что еще вздумали. Да

она такія что ли прогулки дѣлаетъ. Я на ней еще нѣсколько дней тому назадъ двухъ форестьеровъ—неаполитанцевъ что ли, или англичанъ, кажется.... не знаю, только мудрено очень говорятъ.... такъ я ихъ изъ Лагони въ Массу возилъ. Тамъ, скажу я вамъ, дорога—ужасъ... Ни одного спуску. Гора прекрутая... Вольтерринецъ замѣтно воодушевлялся: вотъ все равно, что на стѣну... 28 миль, и моя лошадь всю дорогу....

Но тутъ случился маленькій бугорокъ, лошадь стала. Вольтерринецъ пришелъ въ ярость; это однакоже помогло не много. Пришлось вылѣзать, и вольтерранецъ не докончилъ своей восторженной рѣчи.

Волею или неволею пришлось остановиться на соляныхъ заводахъ. Что собственно ѣздятъ смотрѣть туда форестьеры—неизвѣстно. Выдѣлка соли изъ соляныхъ источниковъ слишкомъ проста и неинтересна. Заводы эти принадлежатъ казнѣ: въ Италіи, какъ извѣстно, откупъ и на соль, котораго условія впрочемъ значительно измѣненены пьемонтскимъ правительствомъ. За то администрація очень сложна, работники ходятъ не безъ рубашекъ, какъ въ Монте-Катини, а въ мундирахъ. Жаль, что ихъ очень мало. За то, правда, очень много чиновниковъ съ кокардами и безъ кокардъ, съ шевронами и безъ шевроновъ.

Противъ фабрики дворецъ, принадлежащій какому-то курносому инвалиду. Прежде онъ принадлежалъ офиціально Леопольду, теперь Виктору-Эммануилу. Но это офиціальная ложь. Настоящій его владѣлецъ курносый инвалидъ, по имени Кекко Пиччини, который живетъ въ немъ одинъ со своими шевронами и съ полдюжиной кошекъ, за что офиціальные владѣтели платятъ ему очень умѣренную сумму ежемѣсячно.

Но истинное божество здѣшнихъ мѣстъ, которому покланяются всѣ извощики, пріѣзжающіе сюда забирать соль изо всѣхъ окрестныхъ городовъ, живетъ ни во дворцѣ, ни въ храмѣ, а въ грязной остеріи, въ которой, за дорогую плату, можно получить и грязную постель, съ правомъ предавать въ ней на съѣденіе извѣстнаго рода хищнымъ животнымъ свое тѣло въ теченіе нѣсколькихъ ночей сряду, но для этого, кромѣ денегъ, необходимо еще благоволеніе хозяина.

Хозяинъ этотъ мальчишка лѣтъ 18-ти, съ заплывшимъ отъ сна и лѣни лицомъ и опухшими глазами. Онъ величаво, лѣнивымъ шагомъ расхаживаетъ по своимъ владѣніямъ, не ломая ни передъ кѣмъ своей мягкой фуражки въ формѣ блина. А передъ нимъ спѣшатъ снимать свои широкополыя шляпы гордые и красивые мареммане, толпящіеся въ большомъ количествѣ у его дверей и въ грязныхъ залахъ нижняго этажа. Чѣмъ объяснить себѣ подобное уваженіе въ нихъ къ человѣку, который ими только и держится — признаюсь, я никакъ не

могъ догадаться. Или это уже врожденное каждому пролетарію, стремящемуся стать собственникомъ, уваженіе къ тому, кто опередилъ его на этой дорогѣ? Можетъ быть и то, что остерія эта, не смотря на большое стеченіе народу, единственное на разстояніи какихъ нибудь 15-ти кв. миль мѣсто, гдѣ можно достать вина, колбасы и хлѣба.

Я умостился въ темной залѣ за кускомъ жареной баранины. Хозяинъ усѣлся противъ меня и началъ со мною разговоръ,—что сразу поставило меня очень высоко въ глазахъ, сидѣвшихъ подлѣ работниковъ.

— Вы зачѣмъ сюда пріѣхали? спросилъ меня хозяинъ такимъ голосомъ, какимъ австрійскіе комиссары задаютъ подобный же вопросъ подозрительнымъ форестьерамъ.

— Да развѣ сюда запрещено ѣздить?

— Запрещено—нѣтъ: кто запретитъ? Только я хотѣлъ знать, зачѣмъ сюда ѣздятъ.

— Ѣздятъ въ сущности низачѣмъ.

— Добро вы были бы англичанинъ. Да вы можетъ быть англичанинъ и есть, замѣтилъ онъ, успокоившись этимъ предположеніемъ. Я вотъ только понять не могу, какъ это только людямъ охота бываетъ ѣздить, замѣтилъ онъ, зѣвая во всю пасть...

— Вы, синьоръ Антоніо, я думаю, за 20 лиръ отсюда въ Поморанче бы не поѣхали, замѣтилъ запискивающимъ и веселымъ тономъ молодой маремманецъ извощикъ, очевидно, желавшій вмѣшаться въ разговоръ... Только ему и не отвѣчали...

Вошелъ мой ветуринъ.

— Ну, я ужь осмотрѣлъ здѣсь все: теперь можно бы и въ дорогу.

— Можно, можно... Только ужь бы надо подождать полчасика... Знаете, лошадь вѣдь хуже всего утомляется маленькимъ отдыхомъ... Мы вотъ изъ М.-Катини сюда пріѣхали. Это что!.. Она не такія дороги дѣлаетъ... А вотъ тутъ мы уже стоимъ полчаса, я съ нее и хомутъ снялъ... такъ она, знаете...

Ветуринъ не находился дальше, и потому налилъ себѣ безъ церемоній стаканъ вина...

«Viva l'Italia» провозгласилъ онъ, выпивая за одинъ духомъ.

«Viva! Viva!» подхватили мареммане и стаканы застучали...

За соляными заводами мѣстность идетъ все понижаясь, пока наконецъ мы добрались до маленькой рѣченки *Чечины*, которую для краткости не означаютъ въ географическихъ картахъ, хотя въ сущности это очень замѣчательная рѣчка. Омываемая ею мѣстность также мало извѣстна въ Европѣ, какъ, напримѣръ, степи внутренней Африки, и подобные пробѣлы въ Италіи рѣдкость. Мѣсто это стоитъ

однако же того, чтобъ его знали. Во первыхъ потому, что это непочатой еще край, настолько же, какъ наша Восточная Сибирь, и кромѣ того очень богатый всякаго рода минералогическими произведеніями... На очень небольшомъ пространствѣ земли находится въ большомъ количествѣ мѣдь, каменный уголь, сѣра, соль, озера буровой кислоты (окись бора), есть желѣзо, минеральныя воды и металлургическое общество для разработки золота и серебра; только золота и серебра до сихъ поръ еще не отыскали. Пока въ гористыхъ городахъ занимались археологіей и ученымп спорами объ этрусскихъ древностяхъ, нѣсколько иностранныхъ рыцарей промышленности, явившихся сюда по большей части съ котомками на плечахъ, воспользовались на досугѣ богатствомъ ихъ края, легко выхлопотали себѣ привилегіи, съ большимъ успѣхомъ стали продолжать дѣятельность феодальныхъ бароновъ... Конечно, они не успѣли исчерпать всѣ ресурсы, на это прежде всего нужно черезъ-чуръ много денегъ—но отъ этого не легче. Народъ мретъ съ голоду, вынужденный принимать работу отъ нихъ на такихъ условіяхъ, на какихъ они даютъ ему... напливъ мареммскихъ горцевъ грозитъ поминутно отнять у нихъ и эти средства къ существованію... Городскіе патріоты учреждаютъ *батальонъ Надежды* и надѣются такимъ образомъ подготовить для будущаго поколѣнія войско, стоющее французскихъ зуавовъ.

Перебравшись черезъ Чечину, пришлось опять подыматься, т. е. всю дорогу идти пѣшкомъ. Здѣшнія горы еще диче Вольтерранскихъ, хотя мѣстами покрыты великолѣпнымъ строевымъ лѣсомъ, который безъ сожалѣнія рубится на топливо, тогда какъ на каждомъ шагу, въ каждой кочкѣ видны куски минеральнаго угля. Вершины горъ какой-то острой конической формы, и на каждой изъ нихъ видны развалины старинныхъ замковъ, Lakka Cullana, и пропасть всякихъ другихъ, которыхъ имена я не запомнилъ...

Потѣя и спотыкаясь, словно читая Шевырева, взобрался я наконецъ на довольно высокій холмъ, гдѣ стоитъ нѣсколько домовъ, какое-то присутственное мѣсто, церковь; табачная лавка и 2—3 кабака;—это Помаранче... Ветуринъ съ лошадью остались далеко позади... Въ ожиданіи ихъ я наслаждался видомъ дѣйствительно великолѣпной мѣстности, а все народонаселеніе города—моимъ видомъ. Я не знаю, что пробуждало въ нихъ это зрѣлище, но въ новомъ видѣ этихъ горъ, этихъ бѣдныхъ избушекъ, которыхъ стѣны даже неисщрены патріотическими надписями, — все вызывало очень тяжелыя размышленія, которыми я вовсе не намѣренъ дѣлиться съ публикой.

Далеко внизу, гдѣ вся почва краснаго, хотя желтаго цвѣта, клубомъ шелъ густой, сѣрый дымъ — это *лагони* Монте-Чербола. Все вмѣстѣ составляло адскую трущобу, которой стѣнами были круглые и дикіе своды.

LAGONI.

Изъ Помаранче мнѣ выпала на долю ухорская лошаденка маремской породы. Дорога опять стала спускаться; по краямъ были то пропасти, то громадныя скалы. Признаковъ жилья никакихъ. Только деревянныя распятья мелькали передъ глазами. Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ сильнѣе въ воздухѣ вояло сѣрнистыми газами. Камни трещали подъ колесами... голова кружилась отъ скорой ѣзды. Наконецъ барочино остановился у какого-то неизвѣстно откуда взявшагося домика съ надписью «Dispensa». Какой-то приземистый господинъ, въ фуражкѣ національнаго гвардейца, очень любезно приглашалъ меня войдти. Я вылѣзъ изъ барочино; оглянулся вокругъ, за домомъ оказалась улица, за улицей цѣлая площадь... однимъ словомъ, цѣлый городъ... А городъ этотъ былъ не что иное, какъ Лардерелло, столица Лагони... Мнѣ предстояло избрать его своей резиденціей на нѣсколько дней, такъ какъ онъ лежитъ въ самомъ центрѣ очень интересной мѣстности, съ которой мнѣ хотѣлось ознакомиться...

Гостинницы въ Лардеррелло нѣтъ «ни всякаго подобія». Dispensa (раздача, буфетъ), куда меня высадилъ ветуринъ, былъ родъ колбасной лавки, гдѣ продавались всякаго рода съѣстные припасы рабочимъ, составляющимъ все народонаселеніе города.

— Можно здѣсь достать постель почи на двѣ на три? спросилъ я рыжебородаго хозяина.

Онъ зачесалъ въ затылкѣ.

— Я уступлю синьору свою, братецъ, мягко замѣтилъ чахоточный человѣкъ въ фуражкѣ національной гвардіи.

— Нѣтъ, что вы, братецъ, выдумали. Зачѣмъ это? важно возразилъ рыжебородый братецъ:—я лучше положу его въ постель Беппоньи. И между ними завязался великодушный споръ.

— Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Пока не безпокойте ни синьора Беппоньи, ни вашего братца. Мнѣ нужно будетъ сходить еще сегодня въ Basni a Morba и вы потрудитесь только указать мнѣ туда дорогу и какъ найдти тамъ синьора Джироламо Мартини.

— Синьора Мартини... да его нельзя не найти въ Basni a Morbo. Вы прямо какъ придете туда, то спросите синьора Джироламо Мартини, замѣтилъ мнѣ чахоточный братецъ.—Впрочемъ нѣтъ... вы не спрашивайте; синьора Джироламо Мартини въ Basni a Morbo спрашивать не нужно. Коли кого встрѣтите — это значитъ онъ и есть,

синьоръ Джироламо Мартини. Тамъ другаго никого нѣтъ, какъ только синьоръ Джироламо Мартини.

— А сколько отсюда до Basni a Morbo?

— Да въ три четверти часа придете, если возьмете короткую дорогу.

Времени еще было довольно, и я отправился осматривать Лардерелло, прежде чѣмъ идти къ синьору Джироламо Мартини—тоже одной и едва ли не главной достопримѣчательности этихъ мѣстъ. Въ 49 году, когда горы эти были наводнены бѣжавшими изъ Рима патріотами, Мартини спасъ для Италіи болѣе сотни ея гражданъ, въ томъ числѣ и Гарибальди — заслуга не малая. Во все время реставраціи, тосканское правительство сильно косилось на бѣднаго Мартини, но тронуть его не рѣшилось, такъ какъ за *сэра Джироламо* готова была возстать вся горная Маремма. По профессіи, онъ — просто управляющій двумя маленькими заведеніями минеральныхъ ваннъ (Morba и Perla), принадлежащими, какъ и всѣ заведенія этой части Италіи, — иностранцу, французу Ламотту. Впрочемъ, прежде чѣмъ о Мартини — о Лардерелло.

Во всемъ этомъ маленькомъ городкѣ, каждый камень, каждая вывѣска дышатъ казеннымъ великолѣпіемъ. Улицы, коротенькія, но широкія, всѣ съ приличными кодинскими названіями: Strada Leopolda, Maria Antonietta и проч.

Городокъ этотъ построенъ старикомъ французомъ Лардерелемъ (теперь графъ Монте-Черболи). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, онъ явился сюда съ котомкой за плечами, продавая всякаго рода мануфактурныя издѣлія своего отечества здѣшнимъ крестьянамъ. Въ то время химикъ Гверрацци успѣлъ уже изслѣдовать свойства лагунъ Монте-Черболи и совершенно готовъ былъ приступить къ выработкѣ изъ нихъ боровой кислоты, на что даже получилъ привилегію. Онъ пробовалъ затѣять общество на акціяхъ, но и то не удалось. Лардерель тѣмъ временемъ успѣлъ внушить своему соотечественнику, Ламотту, съ давнихъ поръ поселившемуся въ Тосканѣ и обладавшему порядочнымъ капиталомъ, соединиться съ нимъ пополамъ въ это предпріятіе. Такимъ образомъ они устроили братскій союзъ, принося каждый дань, сообразную своимъ средствамъ: Ламоттъ деньги, Лардерель трудъ и свои спекулятивныя способности. Гверрацци съ охотою продалъ имъ свою привилегію. Работа закипѣла, и черезъ нѣсколько лѣтъ — Ламоттъ остался почти безъ гроша. Пришлось продать съ молотка заведеніе Монте-Черболи. Покупщики не находились, и Лардерель, желая вѣроятно одолжить своего товарища, скупилъ у него всѣ фабрики и заводы, на деньги, посланныя ему вѣроятно съ неба на такое великое предпріятіе. Дѣла при-

няли совершенно другой оборотъ. Лардерель, ставъ единственнымъ обладателемъ заводовъ, упростилъ значительно производство, замѣнивъ топливо самою жидкостью, заключающейся въ лагунахъ и поддерживающейся постоянно подземными вулканами въ температурѣ выше кипѣнія воды.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Лардерель скупилъ другія лагуны, находящіяся въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль, и скупилъ ихъ очень дешево, потому что кромѣ его, благодаря привилегіи, никто не могъ разработывать эту драгоцѣнную и вонючую вмѣстѣ съ тѣмъ жидкость. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Монте-Черболи онъ построилъ себѣ великолѣпный дворецъ, ставшій скоро центромъ маленькаго городка, построеннаго имъ же для работниковъ, и называемаго по его имени—Лардерелло. За всѣ такія великія заслуги отечеству, Лардереля сдѣлали графомъ, а прежній товарищъ его Ламоттъ, воспользовавшійся очень незначительнымъ оставшимся у него капиталомъ, устроилъ по сосѣдству заведеніе минеральныхъ водъ, съ которыхъ получаетъ теперь порядочные доходы.

Заслуга Лардереля впрочемъ немаловажная: благодаря ему, эти мѣста, бывшія пустынею нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь начинаютъ оживляться. Добиться этого ему было не легко. Рабочія руки находились слишкомъ трудно, и ему приходилось переселять туда работниковъ изъ сосѣдней Мареммы. Заставить переселиться горныхъ жителей—дѣло не легкое. Къ тому же работа на лагунахъ, сама по себѣ вовсе не тяжелая, но губящая здоровье людей, была дѣломъ совершенно новымъ — за нее принимались очень не охотно; на Lagoni съ давнихъ поръ привыкли смотрѣть какъ на пугало. Лардерель долженъ былъ всевозможными способами заискивать у работниковъ, предлагать имъ всевозможныя льготы и удобства,— что конечно стало ему не дешево. Кончилъ онъ тѣмъ, что устроилъ великолѣпный городокъ въ казенномъ стилѣ, снабдилъ его всѣмъ нужнымъ, устроилъ въ немъ театръ для аматеровъ, мастерскія для портныхъ и сапожниковъ съ мраморными вывѣсками. Онъ льстилъ ихъ патріотическимъ наклонностямъ, и сынъ его славился за italianissimo во всей Тосканѣ. Нѣкоторые изъ мареммапскихъ бобылей прельстились этими приманками; многіе, воспользовавшись обстоятельствами, завелись хозяюшками. Лардерелло скоро населился. Этому много еще помогло и то, что въ то время, когда холера свирѣпствовала вездѣ въ окружности, въ Лардерелло ея не было и жители спокойно умирали отъ грудныхъ болѣзней.

Старый графъ умеръ и Лардерелло перешло во владѣніе сынка italianissimo. До 49 года и онъ продолжалъ ту же тактику. Съ новой реставраціей все измѣнилось... Работники успѣли уже осѣсться въ

Лардерелло и на новое переселеніе рѣшились бы не легко; кромѣ того всѣ почти окрестные жители, словно скомпрометированные, были совершенно въ рукахъ Лардерелло, которому многіе изъ нихъ довѣрились. Кончилось дѣло тѣмъ, что сынокъ долженъ былъ уѣхать изъ своихъ владѣній и большую часть своей жизни проводитъ въ Парижѣ, принимая довольно дѣятельное участіе въ нѣкотораго рода экспедиціяхъ... Имена улицъ, перекрещенныхъ послѣ 49 года, остаются и теперь по прежнему, и бюстъ Леопольда на высокой колоннѣ красуется на площади противъ самаго дворца italianissimo...

Осмотрѣвъ всѣ прелести этого городка, я отправился по дорогѣ, которую указалъ мнѣ чахоточный братецъ. Сѣрный запахъ душилъ меня все больше и больше. Приходилось проходить возлѣ самыхъ *лагони*. Тамъ, въ густомъ дыму, возились какія-то фигуры, казавшіяся фантастическими, благодаря обстановкѣ. Дорога была узенькая и грязная, несмотря на то, что дождей не было уже давно. Мѣстами приходилось проходить по узенькой доскѣ, положенной на почвѣ, казавшейся мнѣ твердою, такъ что я совершенно не понималъ этой предосторожности. Наскучивъ наконецъ осторожно ступать по грязной перекладинѣ, я сошелъ съ нее, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ услышалъ отчаянный крикъ. Оглянулся: вижу, тотъ же братецъ въ фуражкѣ національной гвардіи бѣжитъ за мной, отчаянно крича и ломая руки. Я остановился.

— Это что вы вздумали? кричалъ онъ мнѣ, задыхаясь:—идите по доскѣ и ни шагу съ нее не сходите, гдѣ нѣтъ доски — пробирайтесь по проложенному слѣду.

— Да вѣдь тутъ почва, слава Богу, крѣпкая, и посмотрите зелень какая славная.

— Ни-и. Это такъ кажется только.

«Братецъ» объяснилъ въ чемъ дѣло. Лагони не всѣ въ видѣ озеръ или ямъ. Ихъ множество видовъ, а главное, что почти каждый день появляются новыя тамъ, гдѣ ихъ всего менѣе ждали. Мѣстами почва кажется совершенно гладкою и твердою и изъ нее идетъ только густой дымъ—это называется fumacchi. Мѣстами огромныя пространства ѣдкой и горячей густой грязи, въ которой словно черви огромной формы вѣчно ворочаются—это bullicami. Самое же опасное — совершенно зеленыя, и даже особенно ярко зеленыя, словно холмики. Надъ ними нѣтъ ни дыму, ничего. Но достаточно ступить на нихъ, чтобы задохнуться, въ особенности для маленькихъ животныхъ, козъ и т. п., которыхъ привлекаетъ туда особенно свѣжій видъ зелени на этихъ мѣстахъ, называемыхъ въ простонародьи putezze; изъ нихъ не выдѣлываютъ буровой кислоты, а только сѣру въ очень большомъ

количествѣ. Это единственное производство въ здѣшнихъ мѣстахъ, которое не забралъ въ свои руки Лардерель.

Всѣ эти подробности сообщилъ мнѣ чахоточный Пьеро, навязавшійся непремѣнно быть моимъ проводникомъ.

— Нѣтъ, я не пущу васъ одного, говорилъ онъ: — какъ можно. Вы здѣсь какъ разъ попадетесь куда нибудь. Это такое мѣсто, что здѣсь нужно ходить умѣючи. Какъ можно!.. Вы рекомендованы синьору Джироламо, а я пущу васъ бродить одного по лагунамъ, да къ тому же еще подъ вечеръ. Я все равно ничего не дѣлаю, да мнѣ къ тому же нужно повидаться съ *синьоръ Джироламо* по очень важному дѣлу.

Съ новымъ проводникомъ пришлось идти очень тихо; я впрочемъ не жалѣлъ объ этомъ, потому что онъ неутомимо разсказывалъ мнѣ, хотя и задыхающимся голосомъ, всевозможныя подробности о житьѣ-бытьѣ этихъ интересныхъ мѣстъ. Между тѣмъ насъ обогнали нѣсколько человѣкъ работниковъ, шедшихъ скорымъ шагомъ изъ Лардерелло въ Bagni a Morbo. Разойдтись было дѣло нелегкое и они пошли нѣсколько тише, гуськомъ, вслѣдъ за нами.

Пьеро разсказалъ имъ между тѣмъ, будто бы по секрету, кому, кѣмъ и какъ я рекомендованъ. Работники остались совершенно довольны и дружески прокричали мнѣ сзади свое обыкновенное привѣтствіе: Viva Lei! Разговоръ скоро сталъ общимъ. Изъ него я узналъ, что они шли въ Bagni a Morbo «весело провести вечеръ», т. е. погулять въ саду, поиграть на бильярдѣ, который отдается въ полное распоряженіе синьора Джироламо на все то время, когда у него нѣтъ купающихся, т. е. на 10 мѣсяцевъ въ году. «Въ Лардерелло мы мремъ со скуки, со всѣми ихъ прекрасными заведеніями», говорили они.

Однако они не только для того, чтобы поиграть въ бильярдъ, отправляются въ Bagni a Morbo. Синьоръ Джироламо здѣсь представитель совершенно особенной власти, которую не поручало ему ни одно изъ существовавшихъ въ Италіи правительствъ, которой самъ онъ не добивался. «Не будь тутъ синьора Джироламо да еще кавалера Серафини мы бы лучше съ голоду померли, чѣмъ оставаться въ Лардерелло», говорятъ здѣшніе работники, и говорятъ притомъ не въ глаза имъ и не тѣмъ только, которые могутъ передать ихъ слова сэръ Джироламо. Впрочемъ изъ-за чего бы они стали льстить ему — онъ ихъ не *благодѣтельствуетъ*, потому что самъ бѣднѣе большей части ихъ.

Въ видѣ маленькаго примѣчанія прибавлю, что тосканская Маремма съ давнихъ поръ славится своимъ *итальянскимъ* духомъ, что въ 49 году почти одни здѣшніе горцы составляли все войско, дравшееся подъ Куртатоне и что здѣсь составлялась довольно сильная колонна изъ работниковъ, намѣревавшаяся идти въ Римъ на поддержку Мацциніевскаго тріумвирата. Въ окрестности нѣтъ почти ни одного кон-

тадина, который бы не оказалъ Гарибальди какой нибудь важной услуги въ то время, когда онъ провелъ здѣсь нѣсколько тяжелыхъ дней, только что потерявъ свою жену и преслѣдуемый повсюду австрійцами.

Мы застали синьора Джираламо въ его маленькомъ рабочемъ кабинетѣ въ нижнемъ этажѣ заведенія. Это былъ бодрый старикъ лѣтъ 70, слишкомъ высокій и коренастый. Густые сѣдые его волосы были острижены подъ гребенку; въ лицѣ какая-то странная, но вовсе не непріятная смѣсь простодушной доброты и проніи.

Все его обращеніе напоминаетъ нашихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, только нѣсколько благовоспитаннѣе. Онъ принялъ меня со всемозможнымъ добродушіемъ, работниковъ тоже, но тѣ подходили къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ, но безо всякаго подобострастія и не снимали шляпъ съ головы.

На ночь я остался у синьора Джироламо—и онъ отвелъ мнѣ ту же самую постель, на которой 13 лѣтъ тому назадъ Гарибальди, измученный всевозможными несчастьями и физическою усталостью, отдохнулъ на нѣсколько часовъ среди людей, очень горячо ему преданныхъ. Это замѣтилъ мнѣ самъ хозяинъ, отведя меня въ маленькую, но чисто и довольно роскошно убранную спальню. Комната эта впрочемъ одна изъ предназначенныхъ для купальщиковъ. Самъ синьоръ Джироламо живетъ въ другой, убранной несравненно проще и бѣднѣе.

Я пошелъ спать довольно поздно, несмотря на то, что рано всталъ и много ходилъ въ этотъ день. Весь вечеръ просидѣлъ я вдвоемъ съ моимъ хозяиномъ, который между прочимъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ разсказалъ мнѣ со всевозможными подробностями свою достопамятную исторію 49 года. Бѣдному старику не часто достается это невинное удовольствіе.

Я не помню съ точностію всѣхъ его выраженій, а подъ простоту подобныхъ разскащиковъ нелегко поддѣлаться.

— Это было какъ разъ въ ночь съ послѣдняго августа на 1-е сентября. Купающихся этотъ годъ у насъ было немного. Время, знаете, такое что не о купаньи думали — хе-хе! Тамъ одна комната наверху — я вамъ ее покажу послѣ, да тутъ еще одна большая—я ее приготовилъ теперь для хозяина, мосье Ламотта — онъ завтра утромъ долженъ пріѣхать. Такъ вотъ эти двѣ комнаты оставались у меня свободными. Я уже спалъ. Я, знаете, по старому въ 10 часовъ привыкъ на боковую. Приходятъ, будятъ меня, говорятъ, что два форестьера меня спрашиваютъ. «Гдѣ они?» спрашиваю. «Тутъ, говорятъ, у подъѣзда дожидаются.» Я поскорѣе одѣлся — накинулъ поскорѣе, что попало — и выхожу. Подъ воротами тамъ знаете... Прямо наткнулся на кого-то. «Вы, спрашиваютъ, г. Мартини.»—«Я, говорю, къ вашимъ услугамъ.» [illegible] меня

къ вамъ письмо. И подаетъ мнѣ письмо. «Извините, говорю, потрудитесь обождать здѣсь.» А самъ пошелъ читать письмо. Пишетъ мнѣ изъ Прато старый товарищъ. Пишетъ просто: «посылаю тебѣ двухъ моихъ знакомыхъ. Постарайся сдѣлать для нихъ все, о чемъ они тебя попросятъ.» Я пошелъ къ нимъ, не будилъ никого, самъ взялъ маленькій фонарь. Привожу ихъ сюда, въ кабинетъ. Прошу садиться, спрашиваю, чѣмъ могу быть имъ полезенъ. «Мы къ морю хотимъ пробраться», говоритъ одинъ. Я тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. «Извините, говорю, господа, не изъ любопытства. Вы вѣроятно скомпрометированы? Тотъ, что сидѣлъ противъ меня, вотъ какъ вы теперь, на этомъ самомъ мѣстѣ, говоритъ: «я Гарибальди.» Какъ сказалъ мнѣ, я... и добрый старикъ въ лицахъ выразилъ самое полное остолбенѣніе.

«Affare serio», говорю. Но ничего, попробуемъ. Прежде всего, говорю, нужно проводить извощика, который васъ привезъ. «Да попробуйте», говоритъ мнѣ генералъ, уговорить его, не довезетъ ли онъ насъ до Массы. Я его всю дорогу убѣждалъ — не соглашается.» И прекрасно, говорю: какъ же можно такимъ людямъ довѣриться въ вашемъ положеніи. Добро бы они мареммане были... А этотъ, знаете, былъ изъ Прато. «Нѣтъ», говорю я: «ужъ вы позвольте мнѣ его отпустить, я какъ нибудь лучше устрою.» Въ такомъ случаѣ, говоритъ генералъ, отдайте ему эти деньги. И достаетъ изъ кошелька *5 наполеондоровъ*!

Я въ ужасъ пришелъ: «генералъ!» говорю: «извините... Если вы такъ будете платить, васъ схватятъ сейчасъ же. Откуда привезъ васъ этотъ ветуринъ?»

— Изъ Подробаньи.

— И за это 100 фр.?

— Да онъ запросилъ 120 и меньше 100 никакъ нехотѣлъ. Что же прикажете дѣлать!

Я пошелъ за ворота къ извощику. «Что ты» говорю, «братецъ, глупости надѣлалъ. Привезъ ко мнѣ вовсе не купальщиковъ. Это англичане какіе-то, ѣздятъ лѣсъ покупать, и ты ихъ ко мнѣ завезъ. Хочешь везти сейчасъ въ Массу?» Это знаете я все изъ хитрости,—и старикъ усмѣхнулся, довольный своею изобрѣтательностью. Извощикъ конечно не согласился. «Ну, говоритъ, и прекрасно». — Я отправлю ихъ на своей лошади. По крайней мѣрѣ мой Кокко заработаетъ что-нибудь. Отдалъ ему сто франковъ, выругалъ и прогналъ.

«Возвращаюсь въ залу, а генералъ выложилъ на столъ большую географическую карту и показываетъ мнѣ на ней пальцемъ самый берегъ моря, недалеко отъ Серебряной горы:

— Эхъ, говоритъ, добраться бы мнѣ туда, да найдти бы тамъ доску футовъ въ 5 длиною — я бы былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

Жалко мнѣ его стало:

— Ничего, говорю, генералъ, какъ нибудь устроимъ... Только знаете — тутъ не для васъ мѣсто, позвольте я васъ отведу, гдѣ вѣрнѣе будетъ.

Повелъ я ихъ наверхъ. Спрашиваю, не нужно ли чего, поужинать что ли. Генералъ ото всего отказался, попросилъ только воды стаканъ.

Я оставилъ ихъ. Отправился хлопотать. Дѣло было не шутка. У меня, какъ на зло, лошади не было въ этотъ день: хозяинъ уѣхалъ на ней въ Вольтерру. Рѣшительно просто не зналъ, что только и дѣлать.

А нужно вамъ сказать, что въ тотъ самый вечеръ былъ у меня докторъ изъ Лардерелло. Говорили мы, знаете, о тѣхъ бѣдныхъ, что бѣгутъ... Мы за нѣсколько дней передъ тѣмъ Мацони (одинъ изъ тосканскихъ тріумвировъ) отправили... Вотъ онъ, знаете, съ такимъ воодушевленіемъ говорилъ: «жизни бы, говоритъ, не пожалѣлъ, чтобы спасти кого изъ нихъ». А у него лошадка была славная. Я одѣлся да въ попыхахъ къ нему. Спитъ — разбудилъ. Такъ и такъ, говорю. Онъ обомлѣлъ. «Нѣтъ», говоритъ, «я человѣкъ семейный, не могу собою рисковать, да и вамъ, говоритъ, синьоръ Джироламо, не совѣтую».

«Эка штука», думаю: «пойди же угадай, вѣдь сегодня еще такъ горячо говорилъ». Ну, что прикажете дѣлать? Насилу выпросилъ я у него лошадь, чтобы самому въ Санъ-Далмаціо—8 миль отсюда—къ синьору Камилло Серафини—поѣхать. Далъ онъ мнѣ ее. Вскочилъ я на нее и поскакалъ. Чуть не загналъ бѣдное животное. Прискакалъ. Ну, синьоръ Камилло заложилъ барочино и поскакали мы назадъ... Не лошадь — вѣтеръ. Пріѣзжаемъ, еще свѣтать не начало... Я къ нимъ въ комнату. Генералъ мой бѣдный завалился одѣтый совсѣмъ на кровать. Кое-какъ его растолкалъ. Другаго—секретарь его, что ли—труднѣе было разбудить... Усадилъ ихъ кое-какъ въ барочино синьора Камилло—они и уѣхали.

«Легъ я спать, да куда — не спится. На утро рано послалъ я вѣрнаго человѣка въ Массу, чтобъ дали знать, кому нужно — готово чтобы все было. Досталъ себѣ барачино. Только что стемнѣло—выѣхалъ. За милю отсюда встрѣчаю синьора Камилло съ нашими двумя бѣглецами. Онъ, знаете, опередилъ меня. Тутъ обыкновенно 5 часовъ ѣзды, а мы въ $3^1/_4$ обдѣлали. Мили за полторы отъ Массы встрѣтили мы кого было нужно. Вылѣзли и пошли, а лошадей приказали отвести въ городъ. Пока лѣсомъ шли, знаете, отлично было. Ночь темная—ни зги не видно.

«Только потомъ пришлось выходить на полянку. Ну оно, знаете, опасно. Вотъ мы и послали всѣхъ нашихъ—человѣкъ пятнадцать, все

лихихъ маремманъ съ ружьями — впередъ, чтобы осмотрѣли, нѣтъ ли чего и чтобы ждали у опушки, перейдя уже полянку, на той сторонѣ; понимаете, тоже лѣсъ былъ. Они пошли и синьоръ Камилло съ ними и другой-то, что былъ съ Гарибальди. А мы съ генераломъ вдвоемъ остались. Подождали немного и тоже пошли. Вышли мы только что на полянку, вдругъ генералъ остановился, схватилъ меня за руку и показываетъ впередъ, и сталъ я вглядываться. Вижу, толпа передъ нами. Что дѣлать. Я бросилъ ружье, махнулъ генералу рукою, чтобы шелъ обратно въ лѣсъ. А самъ иду себѣ впередъ, будто, знаете, дорогу ищу. И вижу впереди идетъ нѣсколько человѣкъ, и будто вооруженные. Только что были мы уже на близкомъ разстояніи другъ отъ друга, генералъ, откуда ни возьмись, выскочилъ и уже впереди меня. Я обомлѣлъ. Только—хе, хе, хе... оказался напрасный страхъ. Это были наши. Они, изволите видѣть, стояли у опушки, спрятавшись за кусты, какъ вдругъ услыхали, что возлѣ по дорогѣ отрядъ карабинеровъ проѣхалъ. Они, знаете, подумали, чтобы не случилось чего, да и побѣжали къ намъ. Лихой народъ эти маремманы. Только, знаете, все это было вовсе не въ порядкѣ и перепугали же они насъ не на шутку.

Гарибальди сдали съ рукъ на руки мареммскимъ крестьянамъ, тѣ провожали его, передавая одинъ другому. Къ морю пробраться было не легко, потому что всѣ дороги заняты были жандармами и австрійскими отрядами. Бѣдному бѣглецу пришлось пропутешествовать порядочно, и какъ наконецъ онъ спасся, благодаря Гвельфо Гвельфи — я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ.

ЛЕОНЪ БРАНДИ.

Сьена. 25 апрѣля, 1862 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Май наступилъ съ своимъ блестящимъ солнцемъ,
И пряными дыханьями цвѣтовъ,
И воздухомъ шелковымъ, — наступилъ,
И весело, привѣтливо киваетъ
Изъ милыхъ глазъ фіалокъ голубыхъ,
И широко раскидываетъ пышный,
Весь проткапный росой и блескомъ солнца,
Разубранный цвѣточками коверъ, —
И на него манитъ людское племя.
Тупой народъ зву первому послушенъ:
Мужчины надѣваютъ сюртуки
Воскресные и нанковые брюки,
Прекрасный полъ одѣлся въ бѣлый цвѣтъ,
Поэты городскіе запаслись
Карандашомъ, бумагой и лорнеткой, —
И за городъ идетъ толпа, ликуя,
Ложится тамъ на мягкую траву,
Дивится, какъ кусты ростутъ прилежно,
И пестрыми цвѣточками играетъ,
И слушаетъ веселыхъ птичекъ пѣнье, —
И свѣтлаго веселья громкій крикъ
Шлетъ въ вышину, до голубаго неба.

Май и ко мнѣ пришелъ. Три раза стукнулъ
Онъ въ дверь мою, и крикнулъ мнѣ: «я Май;

«Поди ко мнѣ, поди, мечтатель блѣдный,
«Я и тебя хочу поцаловать.»
Не отомкнулъ я двери и отвѣтилъ:
Напрасно ты, злой гость, меня манишь!
Насквозь тебя я понялъ, я проникнулъ
Строеніе вселенной всей насквозь;
И много я, и глубоко я видѣлъ,
И нѣтъ теперь ужь радости въ душѣ,
И вѣчная печаль терзаетъ сердце.
Я вижу все сквозь каменныя стѣны
И мракъ людскихъ жилищъ, и ихъ сердецъ;
Въ тѣхъ и другихъ я вижу ложь и горе,
На лицахъ всѣхъ читаю злыя мысли:
Въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы
Желаній страстныхъ трепетъ вижу я,
На вдохновенно-гордой головѣ
У юноши колпакъ дурацкій вижу, —
И ничего я, кромѣ рожъ какихъ-то
И испитыхъ тѣней, на всей землѣ
Не нахожу, и что она — не знаю:
Больница ли, иль сумасшедшій домъ....
Проникъ мой взоръ сквозь самую основу
Родной земли, какъ будто бы она
Изъ хрусталя, — и вижу я тотъ ужасъ,
Который Май напрасно хочетъ скрыть
Подъ зеленью веселой. Вижу мертвыхъ:
Тамъ, подъ землей, лежатъ они въ гробахъ,
Раскрывъ глаза, скрестивши руки. Бѣлы
Ихъ саваны и бѣлы лица ихъ,
И по губамъ ползутъ большіе черви.
Я вижу — сынъ на гробъ отца пришелъ
Съ любовницей своею посмѣяться;
Хоръ соловьевъ насмѣшливыя пѣсни
Кругомъ поетъ; цвѣточки полевые
Язвительно смѣются; всталъ въ гробу
Старикъ-отецъ, — и вздрагиваетъ грустно,
Болѣзненно мать-старая земля.

О, бѣдная земля! Я знаю, знаю
Всю боль твою, всѣ муки; вижу я

Кипучій жаръ въ груди твоей, и вижу,
Какъ льется кровь изъ бѣдныхъ жилъ твоихъ,
И какъ изъ ранъ, раскрывшихся широко,
Бьютъ съ силой вверхъ огонь, и дымъ, и кровь.
И вижу я сыновъ твоихъ — гигантовъ.
То племя древнее: изъ темныхъ безднъ
Встаютъ они, исполненные гнѣва,
Идутъ впередъ и факелами машутъ,
И лѣстницы желѣзныя несутъ,
И бѣшено по нимъ взлѣзаютъ къ небу;
За ними вслѣдъ свирѣпыхъ, черныхъ карлъ
Ползутъ толпы.... Всѣ звѣзды золотыя
Ломаются и внизъ валятся съ трескомъ....
Съ небеснаго шатра рукою дерзкой
Рвутъ пришлецы завѣсы золотыя,
И съ ревомъ внизъ кидаютъ свѣтлыхъ духовъ, —
И ближе все, и ближе подступаетъ
Свирѣпая и дикая толпа.
Въ широкую небесную обитель
Гиганты факелы свои кидаютъ,
А карлики бичами изъ огня
Бьютъ ангеловъ, за волоса хватаютъ,
И ангелы, отъ боли изгибаясь,
Летятъ стремглавъ отъ бѣшеныхъ толчковъ.
И собственный мой ангелъ тоже здѣсь,
Съ кудрями золотыми, милымъ ликомъ,
И вѣчною любовью на устахъ,
И благостью въ лазурно-свѣтломъ взорѣ.
И вижу я, какъ черный, гадкій карликъ
Хватаетъ вдругъ тебя, мой блѣдный ангелъ,
На члены благородные твои
Любуется, оскаливъ страстно зубы,
И въ пылкія объятья заключаетъ....
И крикъ *одинъ*, ужасный, страшный крикъ
Вдругъ пробѣгаетъ землю; съ страшнымъ трескомъ
Все рушится — и небо, и земля,
И царствуетъ Ночь старая повсюду....

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(*Окончаніе*).

ГЛАВА X.

Кому неизвѣстна характеристическая черта нашихъ деревень— это гниль, голь и грязь, прежде всего попадающіяся на глаза?.. Деревня помѣщика Лакотникова носила тотъ же самый отпечатокъ: ни лѣсовъ, ни огородовъ, ни даже кустарника не было около нея; а потому громадный дубъ, одиноко зеленѣющій посреди гнилыхъ избушекъ и плетней, казался какимъ-то оазисомъ въ этой мертвой пустынѣ, и для деревенскаго народонаселенія одинъ онъ былъ нѣкоторой отрадой. Сколько поколѣній жило и умерло въ его время? Сколько дѣтей рѣзвились и играли въ его тѣни, и какихъ разговоровъ, какихъ гореваній не наслушался этотъ нѣмой, невольный свидѣтель! Тутъ и усталые прохожіе сладко отдыхали въ жаркіе лѣтніе дни, и міръ велъ свои горячіе споры, а по временамъ даже куры и собаки искали себѣ защиты около него отъ зноя или дождя. Въ праздничные дни и старый и малый — всѣ шли къ дубу. Парни и дѣвушки заводили хоро-

воды, и разливались вокругъ дуба веселыя пѣсни, а подъ-часъ и пляски. Ночью въ его густомъ мракѣ нерѣдко назначались свиданія, при которыхъ онъ опять бывалъ молчаливымъ свидѣтелемъ горячихъ поцалуевъ и горькихъ слезъ. Однимъ словомъ, не было человѣка въ деревнѣ, у котораго бы воспоминанія о его дѣтствѣ и молодости не были связаны съ дубомъ...

Въ одинъ лѣтній вечеръ, на диво всей деревнѣ, явился барскій садовникъ-нѣмецъ, и принялся мѣрять землю вокругъ него. Ребятишки и взрослые съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за каждымъ движеніемъ нѣмца; а одна изъ догадливыхъ старухъ даже рѣшила, что нѣмецъ колдуетъ: хочетъ-де приворожить къ себѣ всѣхъ бабъ и дѣвокъ, до которыхъ былъ большой охотникъ и имѣлъ всѣ удобства для своего волокитства, потому что каждодневно подъ его команду отдавалось нѣсколько бабъ и дѣвушекъ для чистки сада. Мысль старухи заинтересовала всѣхъ, вокругъ нея собралась большая толпа и глазѣла, что творитъ нѣмецъ около ихъ дуба. Съ появленіемъ управляющаго и старосты все объяснилось; какъ бы электрическая искра пробѣжала по всѣмъ и всѣ стали произносить: «выкорчевать, выкорчевать», причемъ прибавлялось аханье, оханье, качаніе головой и суета. Вся деревня рѣшила, что нѣмецъ-садовникъ это придумалъ изъ злобы, не желая, чтобы въ праздничные дни его Дунька и другія дѣвки балагурили бы съ парнями около дуба. Долго толпа не расходилась, прощаясь съ своимъ старымъ другомъ, котораго теперь разсматривала пристально съ любовью со всѣхъ сторонъ, точно въ первый разъ замѣчая его ростъ и красоту. По уходѣ управляющаго, какой-то весельчакъ-парень даже затянулъ было пѣсню, но на него всѣ накинулись, какъ будто онъ запѣлъ въ присутствіи человѣка, только что осужденнаго на смерть. Парни и дѣвушки цѣлую ночь просидѣли около дуба, горюя о немъ и вспоминая, какъ имъ хорошо пѣлось и плясалось на этомъ мѣстѣ. Какая-то грустная дума охватила всю деревню, и въ ночь многіе бредили о дубѣ. Старухамъ снилась ихъ молодость: снилось, какъ онѣ, румяныя и голосистыя, водятъ вокругъ него хороводы; молодымъ бабамъ и дѣвушкамъ — ихъ любовныя похожденія; дѣтямъ грезилось, какъ колдунъ-садовникъ гонитъ ихъ отъ дерева и хочетъ съѣсть; мужикамъ и во снѣ и на-яву живо представлялась завтрашняя возня и мучительная работа около дуба. На другое утро нѣмецъ-садовникъ, ругаясь на ломанномъ русскомъ языкѣ и выхвативъ заступъ изъ

рукъ мужика, самъ началъ первый копать землю; а потомъ подоспѣлъ управляющій, прикрикнулъ на мужиковъ, и пошла работа... Вечеромъ вся деревня уже присутствовала при послѣднихъ минутахъ дуба, который подобно умирающему сталъ слабѣть и покачиваться изъ стороны въ сторону, такъ что его должны были окружить подпорками. У всѣхъ зрителей сердце замерло, когда дубъ тихо склонилъ свою вершину къ землѣ, а корни поднялъ кверху. Но когда поволокли его изъ деревни, несмотря на то, что сучья и корни поминутно цѣплялись за все, точно упорствуя оставлять родное мѣсто — дѣти, бабы такъ и заголосили, идя слѣдомъ за нимъ, какъ будто провожая покойника. Въ ночь пошелъ дождь, а на слѣдующее утро всѣ увидѣли вмѣсто зеленѣющаго дуба яму съ мутной водой. По привычкѣ, дѣти тотчасъ сбѣжались къ этой ямѣ и одинъ изъ нихъ даже не замедлилъ упасть въ нее и напугалъ всѣхъ. Долго ребятишки не знали гдѣ имъ усѣсться; и когда какой-то догадливый мальчикъ воткнулъ въ землю отломанный сучокъ отъ дуба — всѣ съ радостью усѣлись около него. Солнце страшно пекло непокрытыя дѣтскія головки и рѣзало глаза грудным младенцамъ, которыхъ няньчили ихъ семилѣтнія сестры и братья.

Деревенскій дубъ, пожалуй, еще былъ красивѣе на зеленѣющей полянѣ, противъ барскаго дома, и бросалъ широко свою тѣнь вокругъ себя, но никто не пользовался теперь его прохладой, потому что помѣщику было гораздо удобнѣе сидѣть въ мягкихъ креслахъ на террассѣ, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ солнца и вѣтра полотномъ и стѣною оранжерейныхъ цвѣтовъ.

Чтобы читатель не составилъ себѣ преждевременно невыгоднаго мнѣнія о помѣщикѣ Лапотниковѣ, я поспѣшу предупредить его, что если бы онъ зналъ, какъ вся деревня дорожила этимъ дубомъ, то пришелъ въ такое же благородное негодованіе на своего садовника, въ какое впалъ либеральный генералъ, когда узналъ о жестокосердомъ поступкѣ становаго у Лаврентія Осиповича Лакотникова, совѣсть была чиста относительно крестьянъ, и онъ могъ смотрѣть имъ прямо въ глаза, потому что былъ извѣстенъ за человѣка умнаго, образованнаго и за горячаго защитника мужика. Сочувствіе его къ притѣсненнымъ было такъ сильно, что его хватило не только на всѣхъ, въ своемъ отечествѣ, но онъ прославился своею скорбью о рабствѣ чеховъ, сербовъ и другихъ славянскихъ народовъ. Въ юные годы Лакотниковъ былъ не много вѣтренъ, тщеславенъ, но все

это стушевалось впослѣдствіи при полномъ его развитіи ума и сердца, — теперь, напротивъ, онъ сталъ величавъ и интересовался только глубокомысленными вопросами жизни.... По праву своего дворянскаго происхожденія, по немалому числу душъ и по барскосвѣтскому образованію, онъ занималъ въ обществѣ видное положеніе, которое впрочемъ не удовлетворяло его благородное самолюбіе, и Лакотниковъ неутомимо работалъ, желая попасть въ число людей, на которыхъ возлагалась, такъ сказать, надежда Россіи. Недавно, какъ извѣстно, такихъ надеждъ было у насъ довольно много, потому что повсюду царствовали признанные всѣми авторитеты; но теперь почему-то даже самымъ заслуженнымъ авторитетамъ перестали довѣрять слишкомъ много: все хотятъ, чтобъ они свои убѣжденія прежде всего доказывали на дѣлѣ... Нѣтъ! въ золотое время вѣрили бывало на слово, и никто не смѣлъ сомнѣваться, если какой нибудь заслуженный авторитетъ торжественно, а подъ часъ и печатно заявлялъ, что онъ мученикъ и носитъ на головѣ терновый вѣнецъ вмѣсто обыкновенной шляпы. Да, тогда никто не смѣлъ и пикнуть; а теперь случись это, такъ вѣдь просто засмѣютъ, скажутъ, что ломается передъ публикой. Но Лакотниковъ, слава Богу, жилъ еще въ золотомъ вѣкѣ, хотя, надо правду сказать, уже и въ то время въ юношахъ стала появляться какая-то непочтительность къ старшимъ, что-то недоброе, —«признаки нравственной порчи», какъ говорили тогда. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, читатель, молодость, положимъ, вещь хорошая, но зрѣлые года, согласитесь сами, все-таки лучше. Вотъ хоть, напримѣръ, возьмемъ Лакотникова... Въ молодости онъ страшно горячо возмущался противъ помѣщичьей власти, не ладилъ съ своимъ отцомъ, потому что тотъ былъ съ ногъ до головы стараго закала баринъ, и проч. и проч. Ну, достанься наслѣдство такой горячей головѣ — и погибло все! Онъ бы, пожалуй, еще отпустилъ на волю крестьянъ, а тѣ и пропали бы на свободѣ, безъ пастыря! Да и самъ Лакотниковъ могъ ли тогда такъ хорошо устроить свою жизнь? могъ ли онъ посѣщать такъ часто Европу, бывать въ свѣтскихъ салонахъ русскихъ баръ и въ то же время предаваться глубокой и благородной скорби о рабствѣ чеховъ и сербовъ? Все это онъ, пожалуй, и дѣлалъ бы, но дѣлалъ на половину: трудъ убивалъ бы въ немъ всю поэзію жизни, дѣлалъ бы его сухимъ матеріалистомъ!.. Когда же досталось Лакотникову въ зрѣлые года владѣніе душами, то онъ увидѣлъ, какъ было бы

неблагоразумно освобождать эти души, потому что теперь онъ вполнѣ согласился со многими умными людьми, что крестьяне дѣти, которымъ нуженъ руководитель и защитникъ. Поэтому старый порядокъ въ управленіи мужиковъ былъ необходимъ, и ни барщина, ни управляющій не были отмѣнены. Да и что бы могъ сдѣлать одинъ Лакотниковъ съ хитрыми мужиками при своей неслыханной добротѣ! Онъ и теперь нерѣдко приходилъ въ отчаяніе, когда мужики останавливали его съ жалобами на управляющаго, котораго и вся-то вина состояла только въ томъ, что онъ, видя необычайную слабость и доброту своего барина, соблюдалъ его же барскія выгоды и сдерживалъ въ границахъ наглыя требованія мужиковъ. Лакотниковъ самъ всѣмъ разсказывалъ о своей непрактичности, стараясь въ этихъ анекдотахъ провести мысль о своемъ необычайномъ безкорыстіи, о своей безграничной деликатности съ прислугой, и проч. Можно сказать навѣрно, что Лакотниковъ постоянно былъ жертвой своихъ гуманныхъ чувствъ... О наружности Лакотникова могу сказать опредѣлительно только, что это былъ видный мужчина. Не смотря на пробившуюся уже просѣдь въ его черныхъ густыхъ волосахъ и на обрюзглость лица, онъ все-таки могъ производить губительное дѣйствіе на дамскія сердца. Лакотниковъ въ этомъ отношеніи былъ очень избалованъ и даже слегка кокетничалъ, когда бывалъ въ дамскомъ обществѣ. Надѣюсь, что читатель не осудитъ его за такую невинную слабость, особенно когда видитъ, что въ этомъ человѣкѣ соединялось столько замѣчательныхъ добродѣтелей...

Въ одинъ изъ туманныхъ, душныхъ лѣтнихъ вечеровъ, все женское народонаселеніе деревни Лакотникова, послѣ полевыхъ работъ, съ визгливымъ и унылымъ пѣніемъ, неугомонно стучало вальками, разбивая ленъ, предназначенный для барскаго амбара, гдѣ и безъ того уже за нѣсколько лѣтъ гнилъ оброчный холстъ.

Стукотнѣ и визгливому пѣнью работницъ вторили однообразные крики лягушекъ, населявшихъ извилистую, узенькую рѣченку, сплошь поросшую осокой и тростникомъ: вѣроятно и у нихъ была какая нибудь оброчная статья, по приказанію большой жабы, сидящей, раздувшись, въ своемъ гнѣздѣ... Садъ у Лакотникова былъ великолѣпный, весь покрытый цвѣтами, къ тому же содержался необыкновенно чисто. Оно правда, что каждое утро наряжалось такое множество бабъ, дѣвочекъ и дѣвушекъ, которыя ползали по куртинамъ и дорожкамъ, что саду

и нельзя было быть инымъ; но въ этомъ случаѣ уже отрадно было и то, что хозяинъ обращалъ на него должное вниманіе и не оставлялъ глохнуть, какъ это дѣлается у другихъ.

Начало темнѣть. Туманъ мало по малу охватилъ весь садъ и домъ съ большой террассой, заставленной душистыми цвѣтами. Одна только крыша еще оставалась слабо освѣщенной дальней, огненной полосой, неуспѣвшей еще погаснуть послѣ заката солнца въ сизую тучу, обхватившую большую часть неба. Воздухъ былъ наполненъ какими-то парами, обхватывавшими и затѣмнявшими всѣ предметы. Но вотъ на этомъ грустномъ колоритѣ рельефно обрисовалась женская фигура, въ черномъ платьѣ, одиноко стоящая, облокотясь на перила балкона. Лицо ея было закрыто бѣлымъ платкомъ, который она поддерживала руками. Плачущая женщина какъ нельзя больше гармонировала съ унылымъ пейзажемъ, погруженнымъ въ непроглядный туманъ. У кого бы не вызвало слезъ это унылое, визгливое женское пѣніе, этотъ стукъ вальковъ, это заунывное квакапье лягушекъ, этотъ киселеобразный воздухъ и проч.?

Наконецъ плачущая женщина совершенно стушевалась въ туманѣ, и только черезъ нѣсколько времени она снова отчетливо обрисовалась, потому что въ комнату былъ внесенъ огонь, ярко свѣтившійся въ стеклянную дверь балкона. Женщина, какъ статуя, стояла по прежнему, не измѣняя своей позы, пока не окликнулъ ея изъ сада другой женскій голосъ.

— Что вамъ за охота стоять тамъ? спрашивалъ голосъ.— Одно квакапье этихъ лягушекъ можетъ навести тоску.

— Я привыкла къ нимъ! отвѣчала съ балкона женщина, голосомъ еще полнымъ слезъ.

— Неужели вы также привыкли и къ этому пѣнію, что вонъ слышится изъ деревни?

— Что же тутъ особеннаго? это ленъ бабы колотятъ. Лѣтомъ онѣ всегда по ночамъ работаютъ и поютъ.

— Хороши же у васъ привычки, да и хорошо самое пѣніе!.. Нѣтъ! я никакъ не могу привыкнуть къ деревенской жизни.

— Это все потому, что вы откуда-то получили мрачный взглядъ на деревенскую жизнь.

— Откуда же? спрашивалъ голосъ снизу.

— Александръ Егоровичъ также недоволенъ ничѣмъ.

— Мнѣ кажется, что нельзя и имѣть другаго взгляда на нее

при этихъ условіяхъ.... Но вы, кажется, думаете, что я нахожусь подъ вліяніемъ Александра Егоровича?

— Почему же мнѣ и не думать, какъ всѣ думаютъ?

Съ минуту длилось молчаніе и потомъ опять раздался голосъ изъ сада:

— О другихъ я не интересуюсь: пусть думаютъ обо мнѣ что хотятъ, пусть сочиняютъ на меня, что придумаетъ ихъ праздное воображеніе; но я бы хотѣла, чтобы вы не всему вѣрили. На счетъ того, что я нахожусь подъ вліяніемъ Александра Егоровича, это нисколько не обидно было бы для всякой женщины, потому что у этого человѣка всегда честныя убѣжденія и здравый взглядъ на все. Но есть другія вещи, которыя распускаютъ про меня, которыя я желаю опровергнуть, а потому мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами откровенно, — но вы все такая грустная.

— Вы не дождетесь, чтобъ я была весела!

— Такъ я приду къ вамъ сейчасъ, только попрошу подождать Александра Егоровича, съ которымъ мы хотѣли идти домой пѣшкомъ. Семь верстъ пройдешь теперь шутя.

— Не дѣлайте этого! порывисто отвѣчала ей женщина съ балкона. — Будьте благоразумны! не надѣйтесь много на свою правоту и на свои силы... Останьтесь здѣсь, какъ это было предположено.

— Можно съума сойдти, пробывъ здѣсь цѣлую недѣлю! А завтра еще наѣдутъ гости. Право, мое отсутствіе будетъ никѣмъ незамѣчено.

— Это нескренно!.. съ упрекомъ произнесла женщина съ балкона.

— Вы правы! простите меня! но можетъ быть потому-то я бы и хотѣла уйдти домой.

— Теперь поздно. Ваше отсутствіе только можетъ доставить непріятности тѣмъ, у кого и безъ того ихъ очень много въ жизни.

— Я пойду скажу Александу Егоровичу, что раздумала идти домой, торопливо отвѣчала женщина изъ сада.

— Пришлите ко мнѣ его скорѣе; мнѣ надо ему сказать два слова.

— Хорошо! и легкіе шаги скоро какъ бы замерли въ отдаленіи. Женщина, стоявшая на балконѣ, снова стала плакать; но ея слезы были прерваны мужскимъ возволновавшимъ голосомъ, кричавшимъ изъ сада.

— Гдѣ Анна Васильевна?.. я васъ спрашиваю? гнѣвно повторилъ тотъ же голосъ, не получая отвѣта.

— Развѣ я обязана знать, гдѣ она? раздражительно отвѣчала ему женщина.

— Это все ваши хитрости! Это вы подбиваете ее ѣхать домой; но вы...

Женщина, не дослушавъ фразы, ушла, хлопнувъ дверью.

— Лаврентій Осиповичъ! раздался мужской голосъ съ террассы, Анна Васильевна нашлась, она сидитъ на своей любимой скамейкѣ.

Мужчина быстро направился въ темную аллею и исчезъ тамъ.

Комната, куда ушла женщина съ балкона, была не большая, съ простой меблировкой. У круглаго стола, на диванѣ, сидѣла она, горько рыдая; возлѣ нея въ другомъ углу сидѣлъ молодой человѣкъ съ тревожно-печальнымъ лицомъ и съ понуренной головой, и имѣлъ то же выраженіе, какое бываетъ у докторовъ, когда они сидятъ у постели безнадежно-больнаго. Лица этихъ печальныхъ людей были освѣщены довольно хорошо двумя свѣчами, стоявшими на столѣ у дивана.

— Не мучьте себя! вѣдь всего этого вамъ надо было ожидать, какъ неизбѣжной вещи въ вашемъ положеніи, заговорилъ тихо молодой человѣкъ.—Безъ грозы не могло обойтись то удушливое состояніе, въ которомъ вы давно находитесь. И, право, гроза лучше, чѣмъ вѣчно кислая, хмурая атмосфера. Не унижайте себя. Будьте горды! Въ своей гордости вы найдете и силы поступить, какъ слѣдуетъ честной женщинѣ.

— Гордость! гордость! рыдая повторила женщина.—Господи, да гдѣ мнѣ ее взять? Столько лѣтъ меня унижали, топтали въ грязь — и вы требуете отъ меня гордости!

— Послушайте, я знаю, что вы много выстрадали, но все же человѣкъ можетъ имѣть надъ собой столько власти, чтобъ не подвергать себя новымъ страданіямъ и униженіямъ, когда это зависитъ отъ него самого.

— Такъ вы скажете, что я виновата, что пріѣхала сюда? въ горячности воскликнула рыдавшая женщина.

— Да! вамъ не надо было этого дѣлать. Чего вы могли надѣяться? Вы знали очень хорошо, съ какой цѣлью все это устраивается. Развѣ вы не видите, какія придумываются вещи, чтобъ болѣе было удобствъ. Крестный отецъ удаленъ отъ нея подъ видомъ о его необходимомъ присутствіи въ деревнѣ, изъ которой

спокоѣ-вѣку пріѣзжалъ самъ староста съ оброкомъ. Но этого еще мало. Я боюсь, что тутъ скрывается еще хуже что нибудь. Въ его отсутствіе дѣлаютъ пересмотръ конторскимъ книгамъ, гдѣ очень легко могутъ найти придирки, потому что Василій Карповичъ по этой части былъ рѣшительно несвѣдущъ, а его конторщикъ пьяница. Изъ всего этого могутъ выдти очень печальныя вещи.

— Неужели Евлампій Андреевичъ такъ низокъ? спросила женщина, переставъ рыдать.

— Тамъ, гдѣ дѣло пойдетъ объ оскорбленномъ самолюбіи,— я не сомнѣваюсь, что онъ способенъ на все.

— Неужели вы подозрѣваете, что и онъ влюбленъ въ нее? Тогда для чего же всѣ эти услуги, которыя онъ явно дѣлаетъ Лаврентью Осиповичу? Боже мой, что это за люди!

И женщина снова заплакала.

Молодой человѣкъ задумался и потомъ вдругъ спросилъ:

— Да скажите мнѣ откровенно, неужели вы думаете, что со стороны ея былъ поданъ какой нибудь поводъ?

— Все равно: не она — другая! сильнѣе зарыдавъ, отвѣчала женщина.

— Можетъ быть другой вскружило бы голову даже это перенесеніе дуба, который она ходила рисовать туда, въ деревню; эти праздники въ честь ея именинъ, эти букеты и тысячи нѣжныхъ изъявленій; можетъ быть другая соблазнилась бы на богатство, на дворянство, — но только не Анна Васильевна! Я васъ увѣряю, что для этой дѣвушки подобныя вещи такъ ничтожны, что она и минуты не думаетъ объ нихъ, и никогда неспособна поступить противъ чести, даже если бы ей нравился этотъ человѣкъ.

Молодой человѣкъ говорилъ съ такимъ жаромъ и съ такой увѣренностью, что слушавшая пристально посмотрѣла ему въ глаза и вздохнула свободнѣе.

— Отчего вы избѣгаете ее? продолжалъ въ томъ же топѣ молодой человѣкъ.—Вы вѣроятно подозрѣвали ее въ чемъ нибудь? Это все очень оскорбительно для нея. Не будь теперь крестный ея отецъ въ рукахъ Евлампія Андреевича, она бы давно уѣхала. Она ждетъ не дождется, когда дѣла и счеты по имѣнію будутъ сданы ея отцомъ, чтобы уѣхать скорѣе. Это ея сильное желаніе. Я думаю, что въ этомъ уже нельзя подозрѣвать разсчетовъ? Нѣсколько дней назадъ, вы ее оскорбили страшно своимъ

подозрѣніемъ и подали поводъ всѣмъ думать, что она или влюблена, или завлекаетъ его. За что было вамъ такъ унижать ее?

— Ахъ, Боже мой! развѣ я теперь понимаю, что дѣлаю! воскликнула въ отчаяніи женщина.

— Все же и въ горѣ не надо оскорблять тѣхъ людей, которые беззащитны и, главное, ничѣмъ невиноваты въ вашемъ несчастьи. И знаете ли, что не будь такъ благородно-самолюбива она, ей, какъ оскорбленной женщинѣ, очень легко было бы отомстить вамъ и страшно васъ унизить. Но она этого не сдѣлала, потому что она поняла, какъ вы страдали и почему не имѣли силы сдержать себя... Откажитесь вы ѣхать сюда на праздники, она бы тоже не поѣхала; но вы сами при всѣхъ уговаривали ее ѣхать. Къ чему вы играли въ эту комедію?

— Господи-боже мой! я хотѣла доказать, что я не ревную ее! заплакавъ, отвѣчала женщина.

— Нѣтъ, не то! Вы хотѣли перехитрить. Но въ силахъ ли вы выдержать эту роль? Развѣ вы не знаете себя? Къ чему подвергать себя новымъ оскорбленіямъ, подавать поводъ къ пересудамъ, къ сценамъ. Дѣйствуйте откровенно съ ней, она достойна этого. Да и право, въ какомъ бы положеніи не находился человѣкъ, все-таки не надо идти кривыми путями: это даже вѣрный разсчетъ не заблудиться, потому что тотъ, кто не привыкъ ходить такими путями, тому трудно достичь своей цѣли, дѣйствуя честно; человѣкъ избавляется отъ презрѣнія къ себѣ, а это важная вещь въ жизни.

— Вы думаете, что нельзя усыпить свою совѣсть разными доводами, и вы не видали людей что ли, которые, сдѣлавъ безчеловѣчный поступокъ, очень покойно наслаждаются жизнью?

— Есть такіе люди, но вы вѣдь не изъ числа ихъ?

— Я теперь способна на все! со мной поступали безчеловѣчно, значитъ я могу также поступить, въ гнѣвѣ отвѣчала женщина.

— Полноте! Вы во сто разъ будете несчастнѣе, если сдѣлаете что нибудь безчеловѣчное.

— Несчастнѣе я болѣе не могу быть! презирать себя такъ, какъ я презираю, больше не могу! Чувствовать униженіе, какое меня заставляютъ выносить, то же болѣе нельзя! значитъ, я ничего не теряю!

— Нѣтъ, вы много потеряете. Теперь все честное вамъ сочувствуетъ и уважаетъ, а тогда....

— Честныхъ людей мало! Я всю жизнь жила посреди лжи, самодовольствія, зависти и всякихъ другихъ низостей.

— Такъ отчего же вы такъ несчастливы,—значитъ, вы сознаете всю гнусность этихъ вещей.

— Другіе еще лучше меня могутъ описать вамъ свое негодованіе противъ всѣхъ этихъ пороковъ въ людяхъ, но, посмотрите, они дѣлаютъ то же самое и еще воображаютъ, что они примѣрной добродѣтели и честности: ихъ всѣ уважаютъ.

— Вы все хотите меня увѣрить въ томъ, что низкихъ людей очень много. Я это знаю; но это не доказываетъ, что и намъ надо быть такими. Вы и я знаемъ хорошо, что самыя счастливыя теперь на свѣтѣ женщины — лоретки; но надѣюсь, что вы не захотите свою дочь приготовить къ такой счастливой жизни, а также не пожелаете, чтобъ вашъ сынъ сдѣлался Евлампіемъ Андреевичемъ, или блестящимъ гусаромъ. Почему же вы не хотите этого? вѣдь тогда они навѣрно были бы счастливы въ жизни.

— Бѣдныя мои дѣти! почти вскрикнувъ, съ рыданіемъ произнесла женщина, закрывъ свое лицо руками.

— Не плачьте! умоляющимъ голосомъ сказалъ ей молодой человѣкъ.

— Мнѣ не плакать о нихъ?.. Ахъ, если бъ вы знали, какъ страшно-мучительно мнѣ глядѣть на нихъ! Я каждую минуту краснѣю при мысли, что рано или поздно все-таки они узнаютъ, что мать ихъ обманывала. Но развѣ я одна могла что нибудь сдѣлать? Неужели для женщины легче испытывать каждую минуту язвительныя насмѣшки, презрительные намеки, что она чужихъ дѣтей подставляетъ своему мужу, чѣмъ разомъ все кончить. Недавно еще, при всѣхъ, m-me Жюли изволила мнѣ задать вопросъ: отчего мои всѣ дѣти не похожи на моего мужа и почему его нѣтъ со мной? А потомъ съ натянутой наивностью воскликнула: «ахъ, maman, какая странность! Митя страшно похожъ на Лаврентья Осиповича». Маменька и гости награждали при этомъ меня двусмысленными улыбочками и взглядами. Да что я вамъ разсказываю пустяки, когда есть вещи во сто разъ страшнѣе, какія должна испытывать каждая женщина въ такомъ ложномъ положеніи, какъ я.

— Какъ могло это случиться, что такъ сложилась ваша жизнь? Вы развѣ желали этого?

— Я любила, вѣрила, я хотѣла устранять непріятныя сце-

ны. Я думала, что меня поймутъ, что облегчатъ мое положеніе современемъ. У меня была до болѣзненности развита гордость! Сама не хотѣла я говорить о своихъ страданіяхъ, близкихъ никого не было около меня, которые бы потребовали тѣхъ правъ, какія обязанъ дать женщинѣ всякій честный человѣкъ, имѣя отъ нея дѣтей. А потомъ, когда я начинала сама говорить, то это послужило поводомъ къ безчисленнымъ сценамъ, которыя только унижали меня.

— Чего же вы ждете?

— Я ничего не жду, кромѣ несчастья. Но поймите меня: каково послѣ всей моей жизни остаться одной, оплеванной!

— Забудьте о себѣ и думайте о дѣтяхъ.

— При мысли объ ихъ участи мнѣ дѣлается еще страшнѣе и позорнѣе... Хоть бы сжалились надо мной — убили бы меня, отправили бы лучше! ломая руки, произнесла, рыдая, женщина.

Молодой человѣкъ взялъ ея руки и съ чувствомъ поцаловалъ ихъ.

— Полноте! умоляющимъ голосомъ произнесъ онъ: — вы точно несчастны, потому что любите еще его; но зачѣмъ такъ отчаяваться?...

— Да, да! горько проговорила женщина. — Это-то мое страшное несчастье, это-то меня и унижаетъ! Этимъ-то я и виновата передъ моими дѣтьми, что я любила его больше ихъ, и люблю еще теперь!

— Что же дѣлать! каждый любитъ, насколько онъ можетъ, и какъ способенъ любить, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Успокойтесь! переговорите откровенно съ ней, можетъ что и придумаете сдѣлать.

— Кто, кромѣ его, можетъ теперь что нибудь сдѣлать?

— Не требуйте отъ человѣка то, чего онъ не можетъ сдѣлать. Если онъ эгоистъ, что же тутъ остается дѣлать?.. По моему мнѣнію, подумавъ, продолжалъ молодой человѣкъ, — надо отыскать другую сторону въ его характерѣ, надо дѣйствовать на самолюбіе что ли, на его обязанности. Не отчаявайтесь! ведите себя осторожнѣе и не подавайте поводовъ къ усиленію его вражды къ вамъ. Я думаю, что онъ самъ одумается.

Стукъ въ двери прервалъ разговоръ.

— Это, вѣрно, Анна Васильевна, сказалъ молодой человѣкъ и пошелъ къ двери, отворилъ ее и впустилъ въ комнату дѣвушку, которая вопросительно поглядѣла на его взволнованное лицо.

Онъ оставилъ женщинъ однѣхъ. Всѣ три лица уже знакомы читателю. Анна Васильевна была путешественница, которую молодой человѣкъ спасъ отъ преслѣдованія генерала на станціи. Молодой человѣкъ былъ Александръ Егоровичъ Снѣговъ. А женщина, повѣрявшая свое безвыходное положеніе Снѣгову, была та самая Софья Григорьевна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ также горько оплакивавшая свою первую любовь. Только теперь эти слезы еще были мучительнѣе, потому что уже ея лобъ былъ исчерченъ мелкими морщинами, въ ея волосахъ пробилась сѣдина и свѣжесть ея лица исчезла. Прошедшее ея было исполнено такихъ страданій, настоящее такъ безвыходно-печально, что становилось страшно за замученную женщину, вина которой состояла въ томъ, что она искала въ новой любви того семейнаго счастья, котораго ей не могъ дать Петръ Васильевичъ, той честной любви, къ которой онъ былъ неспособенъ. Замужняя женщина, дѣлая связь, подвергается безчисленнымъ оскорбленіямъ и непріятностямъ; она постоянно находится въ ложномъ положеніи, даже должна лгать своимъ дѣтямъ, пока они не выросли, и не поймутъ этой тяжкой лжи. Все это еще можетъ переносить женщина, когда она видитъ, что настоящій отецъ ея дѣтей поддерживаетъ ее, ограждаетъ, гдѣ можно, отъ оскорбленій; но если вся тяжесть этой связи падетъ на одну женщину, то жизнь ея есть рядъ однихъ страшныхъ мукъ, да и тогда каждый смѣлѣе рѣшается оскорблять ее, видя беззащитность несчастной. И та капля счастья, какое можетъ дать ей такая любовь, никогда не искупитъ безконечныхъ и ежеминутныхъ оскорбленій. Лаврентій Осиповичъ Лакотниковъ, сдѣлавъ связь съ Софьей Григорьевной, именно поставилъ себя такъ, что вся тягость пала на ее одну. Онъ только еще усиливалъ ея печальное положеніе тѣмъ, что не хотѣлъ даже скрывать своихъ правъ надъ ней. Какое можетъ быть счастье тамъ, гдѣ съ одной стороны безкорыстная любовь и пожертвованія, а съ другой одна чувственная страсть и тщеславіе быть любимымъ красивой, молодой женщиной. Чѣмъ могла оградить себя Софья Григорьевна отъ эгоизма Лаврентія Осиповича? Обязательствами? Но развѣ безкорыстная любовь дальновидна, разсчетлива? Будь около Софьи Григорьевны близкій ей человѣкъ, онъ, разумѣется, могъ бы потребовать отъ Лаврентія Осиповича человѣческаго исполненія своихъ обязанностей какъ отца; но она была одинока, встрѣтила Лакотникова между толпою искателей ея любви, какъ

всегда это бываетъ, когда видятъ, что молодая и красивая женщина оскорблена нагло тѣмъ, кто долженъ быть лучшимъ ея другомъ и защитникомъ въ жизни. Я не стану описывать борьбу Софьи Григорьевны съ своей любовью, а также не буду поименовывать всѣхъ тѣхъ клятвъ и ухаживаній, какія употребляются въ этихъ случаяхъ влюбленными господами. Да и дѣло не въ томъ, какъ она полюбила, чего ей обѣщали, но въ томъ, что она, имѣя троихъ дѣтей отъ Лаврентія Осиповича, ясно видѣла съ каждымъ днемъ, что онъ не желаетъ брать на себя никакой заботы о нихъ и совершенно отказывается отъ своихъ обязанностей. Его частыя путешествія давали ему средства вести жизнь совершенно свободную и безпечную, но все таки онъ тяготился связью съ женщиной, которая не могла уже удовлетворять его чувственности и льстить его тщеславію, а потому, даже при существованіи въ обществѣ полнѣйшей свободы, такимъ людямъ надо сдѣлать обязательными ихъ родительскія отношенія, заставить, чтобы они покорились имъ. Читатель можетъ укорить Софью Григорьевну за отсутствіе въ ней женской гордости, что она, видя охлажденіе Лакотникова къ себѣ и его равнодушіе къ дѣтямъ, все еще не разрывала съ нимъ связи. Но умирающій до послѣдней минуты надѣется еще жить; такъ и она, забывъ всякую женскую гордость, терпѣливо выносила свое страшное положеніе, надѣясь, что ея терпѣніе принесетъ по крайней мѣрѣ пользу ея дѣтямъ.

Анну Васильевну Снѣговъ познакомилъ съ Софьей Григорьевной, у которой онъ давалъ уроки и часто бывалъ въ городѣ, гдѣ она уже лѣтъ пять жила, чтобъ быть поближе къ деревнѣ Лакотникова, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Обѣ женщины очень скоро сошлись; пріѣздъ Лакотникова въ деревню былъ неожиданно ранній въ этотъ годъ. Онъ въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ прямо изъ-за границы на родину, думая углубиться въ сельской тиши въ разрѣшеніе вопросовъ о славянской независимости. Красивая, молодая и образованная дѣвушка сейчасъ же подѣйствовала на чувственную сторону сердца Лакотникова. А тутъ еще подмѣтилъ онъ, что Евлампій Андреичъ не прочь приволокнуться за ней. Лакотниковъ, какъ я уже разъ сказалъ, былъ избалованъ женщинами, а потому онъ возъимѣлъ какое-то упрямство непремѣнно достичь своей цѣли и влюбить въ себя Анну Васильевну. Полная праздности его жизнь способствовала такому намѣренію, — а тутъ еще деревенская свобода подоспѣла... Анна Ва-

сильевна такъ далека была отъ мысли, что Лакотниковъ способенъ волочиться за ней, зная его отношенія къ Софьѣ Григорьевнѣ, что долго вела себя совершенно свободно съ нимъ, гуляла, каталась вмѣстѣ, какъ дѣлала это и со Снѣговымъ. Евлампія Андреевна она скорѣе угадала и была осторожнѣе; она очень хорошо знала, что ея низкое званіе, одиночество, ея независимость, бѣдность—могутъ подать много надеждъ на волокитство. Она ясно видѣла, что либеральный генералъ неспособенъ былъ бы принесть въ жертву своей любви пересуды петербургскаго общества, если бы онъ даже и влюбился серьёзно. Разумѣется, прежде всѣхъ подмѣтила Софья Григорьевна атаку Лакотникова на сердце Анны Васильевны, и какъ ни вѣрила она въ ея честность, но горе, страхъ и неудачныя столкновенія съ людьми убили всякое довѣріе въ ней и она сходила съума отъ отчаянія; но дѣло шло такъ быстро и принимало такой оборотъ, что Лакотниковъ готовъ былъ идти на проломъ, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ поставить на своемъ, а тутъ еще Евлампій Андреевичъ умѣлъ подстрекать его оскорбленное самолюбіе. Читатель можетъ быть подумаетъ, что со стороны Евлампія Андреевича было великодушіе оказывать услуги Лакотникову въ его волокитствѣ; но онъ ошибется, потому что это была очень обдуманная и хитрая штука. Во-первыхъ, Евлампій Андреевичъ очень хорошо понялъ Анну Васильевну, зная что она не могла полюбить Лакотникова, потому что ясно видѣла всѣ его недостатки, которые глубоко презирала. Ну, да и Евлампій Андреевичъ съумѣлъ такъ хвалить своего друга, что только усилилъ то невыгодное мнѣніе, какое уже по разнымъ фактамъ могла составить себѣ о немъ дѣвушка... Престранная была дружба у этихъ двухъ господъ. Они льстили другъ другу въ глаза, а иногда и за глаза, если знали что эта лесть дойдетъ по назначенію, изъявляли всѣ признаки расположенія, съ чувствомъ умиленія говорили о давности своего знакомства; но внутренно ненавидѣли, завидовали другъ другу, потому вѣроятно, что разгадывали слишкомъ хорошо всѣ свои добродѣтели. Евлампій Андреевичъ хлопоталъ кромѣ того, чтобы было нанесено кѣмъ нибудь оскорбленіе избалованному самолюбію своего врага, имѣя тутъ еще и другой разсчетъ. Но пусть читатель самъ послушаетъ тайный разговоръ Евлампія Андреевича съ его тетушкой, женой дяденьки, которой онъ оказывалъ всегда глубокое уваженіе.

ГЛАВА XI.

По случаю съѣзда гостей, Лакотниковъ устроилъ импровизированный салончикъ въ одномъ изъ отдѣленій своей оранжереи, находящейся въ углубленіи сада. Плохой полъ покрыли коврами, мохъ, плющъ маскировалъ полки, на которыхъ стояло множество цвѣтовъ, въ углахъ были поставлены большіе кусты зелени. При свѣтѣ лампъ, салончикъ былъ очень сносенъ и въ немъ было расположено семейство Метелиной, важной барыни, тетки Евлампія Андреевича, къ которому она пріѣхала на лѣто, въ деревню. Тутъ было два круглыхъ, большихъ стола, съ лампой, окруженныхъ стульями, мягкими креслами и диванчиками. За однимъ сидѣли двѣ тощія, перетянутыя, выпрямленныя дѣвочки, одна лѣтъ четырнадцати, другая лѣтъ тринадцати, и сонливо складывали картины, которыми были обязаны заниматься всякій день по вечерамъ. Посреди двухъ дѣвочекъ сидѣла ихъ наставница, старая англичанка; она спала, что было удобно дѣлать, потому что зеленый зонтикъ, надѣтый на глаза, скрывалъ ея лицо. У раскрытыхъ дверей въ темный садъ стояла бѣлокурая барышня лѣтъ девятнадцати, одѣтая по дѣтски, въ кисейномъ платьѣ съ открытымъ лифомъ и съ перетянутой въ рюмочку тальею, плечи были прикрыты тюлевой жилетою, рукава у платья коротенькіе и по локоть шведскія перчатки. Этотъ юный туалетъ не шелъ къ жеманной барышнѣ, съ такими глазами, въ которыхъ то выражалась натянутая невинность, то такое зрѣлое кокетство, что подавало поводъ думать, что она слишкомъ много уже изощрялась въ этомъ искусствѣ. Молодой человѣкъ былъ такъ-себѣ: ни красивъ, ни дуренъ, и въ его сѣрыхъ глазахъ выражалась хитрость, а въ улыбкѣ что-то не совсѣмъ хорошее. У другаго стола, на диванчикѣ, сидѣла важная барыня, дама очень пожилая, но судя по изысканному туалету, не желающая казаться такой. Длинное лицо, съ крупными чертами, покрытое бѣлилами, румянами, тушью, было исполнено напыщенной гордости. Глаза ея трудно было видѣть, потому что она то щурила ихъ, то смотрѣла въ лорнетъ. Манеры у нея были величавы, тонъ голоса повелительный, иногда снисходительная улыбка кривила ея губы, чѣмъ она желала выразить свѣтскую любезность. Евлампій Андреевичъ сидѣлъ въ мягкихъ креслахъ

возлѣ барыни, которая разговаривала съ нимъ по французски и тономъ ниже обыкновеннаго.

— Ты знаешь, что я всегда довѣрялась твоему такту и твоей проницательности; но признаюсь, на этотъ разъ мнѣ страшно, что ты ошибся. Можетъ быть подъ этимъ равнодушіемъ скрывается западня? Она хитритъ, чтобы завлечь его сильнѣе. Право, я не могу довѣряться такого рода женщинамъ. Развѣ она имѣетъ понятіе о приличіи, о чести?!...

— Она не хитритъ! съ увѣренностью отвѣчалъ либеральный генералъ.

Барыня бросила на него проницательный взглядъ и язвительно сказала:

— Можетъ быть! Ты имѣлъ болѣе меня средствъ разузнать ее.

Евлампій Андреевичъ не моргнулъ глазомъ.

Важная барыня продолжала съ большимъ достоинствомъ:

— Положимъ, что я ошибаюсь; но меня утомляетъ все это. Да и я боюсь, что такое общество можетъ наконецъ подѣйствовать на мою дочь. Кѣмъ она здѣсь окружена? Этотъ Снѣговъ, богъ-знаетъ, какія имѣетъ понятія о всемъ: такъ дерзко отзывается о самыхъ уважительныхъ вещахъ, не знаетъ никакого приличія!... А эти двѣ эмансипированныя особы? Что это такое за неприличіе? Читаютъ всякія вредныя книги, о всемъ судятъ, толкуютъ о какихъ-то мужскихъ правахъ.... все имъ ни почемъ, ночью идетъ одна гулять, днемъ пропадаетъ по нѣсколько часовъ.... Я до сихъ поръ не имѣла понятія, что могутъ существовать подобныя эмансипированныя женщины — эти Жоржъ Занды!.. Признаюсь, я дѣлаю большую уступку тебѣ, что терплю такое общество. Я ѣхала сюда, думая найти здѣсь если не вполнѣ хорошаго тона общество, то ужь никакъ не ожидала проводить время съ мѣщанками и мѣщанами!—Барыня была взволнована, но дѣлала надъ собой усиліе, стараясь подавлять это волненіе своимъ величіемъ.—И кто можетъ поручиться, продолжала она: — что Софья Григорьевна не надѣлаетъ скандала? Она уже доказала, на что способна эмансипированная женщина. Если мужчина иногда нарушаетъ своимъ поведеніемъ приличіе, то это не оставляетъ на немъ пятна, но женщина, пренебрегающая общественнымъ приличіемъ, достойна полнаго презрѣнія! И я это высказываю ей, чтобъ она не думала, что можно безнаказанно нарушать приличія. Ея мужъ долженъ былъ бы требовать

развода, потому что это унизительно для него, что такого скандальнаго поведенія женщина пятнаетъ его дворянскую фамилію. Всѣ сосѣди въ вашемъ городѣ, всѣ знаютъ, что дѣти ея не принадлежатъ Петру Васильевичу!... Можетъ ли такую эмансипированную особу остановить что нибудь?!

— Если она пойдетъ на скандалъ, тѣмъ лучше! замѣтилъ Евлампій Андреевичъ.

Барыня въ ужасѣ и вопросительно поглядѣла на генерала.

— Это, продожалъ онъ: — ускоритъ дѣло, и онъ покончитъ навсегда со всѣмъ старымъ.

— Ты играешь съ огнемъ! строго произнесла барыня.

— Предоставьте мнѣ это дѣло; я все взвѣсилъ и ручаюсъ вамъ, что все устроится въ нашу пользу. Я очень хорошо изучилъ его самолюбивую натуру: пусть его уязвятъ, онъ поторопится скорѣе залечить рану. Во всякомъ случаѣ онъ партія выгодная, вы вѣдь видѣли всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ, — это неучи! Съ имѣнія можно получить вдвое больше. Онъ, желая заискать въ крестьянахъ, дѣлаетъ имъ послабленія, а хитрый управляющій, пользуясь этимъ, надуваетъ его и разоряетъ мужиковъ.

— Все-таки намъ надо очень осторожно вести себя.... Я удивляюсь, для чего ты не кончаешь счетовъ со старымъ управляющимъ? Я бы желала скорѣе избавиться отъ его эмансипированной дочери. И какъ она дерзка! Я ей предложила на время отсутствія ея крестнаго отца занять въ домѣ нашемъ комнату, такъ она изволила отказаться. Глупая, не поняла, что я это дѣлаю не для нея, а для своей дочери, потому что вижу, что молодая дѣвушка живетъ одна, а къ ней въ гости то-и-дѣло является Снѣговъ....

Въ это же самое время барышня вела съ молодымъ человѣкомъ два разговора: одинъ громко, другой тихо. Громко говорилось о Петербургѣ, тихо слѣдующее:

— Я вамъ не вѣрю, вы всѣ здѣсь влюблены въ эту авантюристику! Она вскружила голову даже ему! и барышня указала глазами на генерала.

— Клянусь, я въ ней ничего не нахожу хорошаго и вообще не люблю эмансипированныхъ женщинъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Полноте! Я очень хорошо видѣла, какъ вы прежде вздыхали.

— Я отводилъ проницательные глаза, обращенные на васъ.

— Мнѣ ужасно непріятно, что этотъ господинъ сталъ навязываться на разговоры съ Жюли, замѣтила барыня посреди своего разговора: ея материнскому чуткому уху показалось страннымъ то громкій, то тихій разговоръ молодыхъ людей.

— Ивановъ! отыщите Лаврентья Осиповича и пригласите его сюда, далъ приказаніе генералъ молодому человѣку, который немедленно скрылся въ темномъ саду.

Важная барыня подозвала къ себѣ барышню и прочла ей длинное наставленіе, что ей не слѣдуетъ разговаривать много съ такого рода ничтожествомъ, какъ Ивановъ, и дала приказаніе также удаляться дамскаго общества. Барышня очень равнодушно выслушала наставленіе барыни, пошла, сѣла къ столу возлѣ сестеръ, раскрыла книгу, но не читала ее, а снявъ перчатку, любовалась своей рукой и внимательно прислушивалась къ разговору ея съ генераломъ, который былъ продолженіемъ прежняго....

Я думаю, читатель самъ могъ заключить изъ словъ барыни объ Ивановѣ, что онъ бѣденъ; а по исполненію приказанія генерала можно даже видѣть, что онъ вовсе не щекотливъ до обращенія съ нимъ. Ивановъ точно былъ грязненькій, разсчетливый господинъ: онъ втерся къ Лакотникову съ тѣмъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ покровителя и пользоваться на шаромышку удобствами жизни и косвенными лучами извѣстности Лакотникова, какъ приближеннаго къ нему человѣка; даже разсчетъ его простирался до того, что онъ собиралъ матеріалы для будущихъ своихъ воспоминаній на случай смерти Лакотникова. Нельзя сказать, чтобъ Лакотниковъ не разгадалъ всю подленькую натурищку молодаго человѣка, высказывающаго ему на каждомъ шагу раболѣпное благоговѣніе и въ глаза и за глаза прославлявшаго его геніальность и душевныя доблести. Но Лакотниковъ снисходилъ къ нему, потому что считалъ нужнымъ имѣть при себѣ постояннаго господина, кадящаго ему. Въ средніе вѣка рыцари покровительствовали министрелямъ за то, чтобъ они прославляли ихъ храбрость, а въ наше время многіе авторитеты покровительствуютъ личностямъ, подобнымъ Ивановымъ, за то, что они повсюду славятъ ихъ и распространяютъ ихъ извѣстность. Впрочемъ авторитеты даже иногда держатъ при себѣ Ивановыхъ изъ одной прихоти, какъ богатыя барыни прижива-

локъ, желая, чтобъ за ними ухаживали и ихъ развлекали. Ивановъ былъ очень способенъ къ такой роли. Сплетничество въ немъ было развито до невѣроятности, такъ что онъ часто не въ силахъ былъ бороться съ своимъ разсчетомъ и сплетничалъ на самаго Лакотникова Евлампію Андреевичу, въ которомъ онъ, впрочемъ, заискивалъ, чтобъ получить въ Петербургѣ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и безъ работы...

Исполнивъ порученіе, Ивановъ возвращался-было въ оранжерею, чтобы опять увѣрять барышню въ своей любви къ ней, — какъ наткнулся на Снѣгова.

— Что это вы прогуливаетесь? спросилъ онъ его.

— Какъ видите, отвѣчалъ ему Снѣговъ.

— Я радъ, что встрѣтился съ вами. Знаете, бываетъ иногда какая-то потребность поговорить по душѣ! разсуждалъ Ивановъ, слѣдуя за Снѣговымъ.—Да и у меня съ вами болѣе общаго, чѣмъ съ кѣмъ нибудь здѣсь: вы имѣете какую-то притягательную силу, которая такъ и влечетъ къ вамъ... Вы знаете, что Евлампій Андреевичъ считаетъ васъ за опаснаго человѣка, потому что вы, по его понятіямъ, имѣете слишкомъ смѣлый взглядъ на вещи; что въ васъ одинъ разрушительный элементъ, что очень вредно для будущности Россіи, которую вы будто бы нисколько не любите.... Онъ любитъ! Да, знаемъ мы такихъ патріотовъ!

Снѣговъ замѣтно ускорилъ свои шаги, Ивановъ продолжалъ говорить ничего не замѣчая.

— Барыня насъ съ вами считаетъ за плебеевъ и ее всегда коробитъ, когда мы разговариваемъ съ ея дочкой. Вотъ такъ барышня! она проведетъ хоть кого! Евлампій Андреевичъ хлопочетъ ее сбыть скорѣе съ рукъ,—она вѣдь ему близкая особа, потому что онъ съ ней былъ въ интрижкѣ: она ему денегъ давала, втирала въ общество чиновныхъ стариковъ, которые бывали у ея мужа. Теперь она разорилась — все лѣзетъ въ аристократію. Пріѣхала сюда, думая сбыть свою дочь за какого нибудь богатаго провинціала, но неудалось: не очень-то всѣ польстились на ея званіе, а ужь какъ она хлопотала, приглашала ихъ на обѣды. И какая злость ее разбираетъ, что Анна Васильевна лучше ея дочери образована: она готова стереть ее съ лица земли! Впрочемъ, не одна сенаторша точитъ зубы на Анну Васильевну, есть особа....

— Перестанете ли вы сплетничать? неожиданно прервалъ

Снѣговъ Иванова.—Неужели вы не видите, что я избѣгаю васъ, и какъ вы недальновидны, что не замѣтили давно, какъ я презираю сплетниковъ и льстецовъ.

Ивановъ съ минуту ничего не могъ произнести, но оправясь дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Вы забываетесь! это вамъ такъ не пройдетъ!

— Чего вы хотите? остановясь, спросилъ Снѣговъ.

— Я буду просить Лаврентья....

— Не прячьтесь за другихъ и не впутывайте никого! Если я васъ оскорбилъ—имѣйте дѣло со мной.

— Я знаю, вы имѣете много причинъ избѣгать объясненій съ Лаврентьемъ Осиповичемъ! задыхающимъ злобнымъ тономъ отвѣчалъ Ивановъ.

— Какой вы грязный клеветникъ! съ отвращеніемъ сказалъ Снѣговъ и пошелъ прочь.

— Это вамъ не пройдетъ даромъ, милостивый государь, вы раскаетесь въ своей дерзости, прокричалъ ему вслѣдъ Ивановъ и скрылся въ противуположную сторону аллеи.

Нельзя сказать, чтобъ эта встрѣча не раздражила Снѣгова, тѣмъ болѣе, что онъ еще находился подъ мрачнымъ впечатлѣніемъ отчаянныхъ слезъ бѣдной Софьи Григорьевны. Онъ зналъ, что въ губернскомъ городѣ Ивановъ старался распускать слухи, что Софья Григорьевна влюблена въ него и всюду защищалъ поведеніе Лакотникова въ отношеніи къ ней. Какъ-то машинально Снѣговъ вошелъ въ салончикъ и хотѣлъ-было уйдти сейчасъ же, потому что почувствовалъ какое-то непріятное ощущеніе при видѣ барынинаго семейства, но сама барыня, скрививъ свои зубы въ снисходительную улыбку, обратилась къ нему съ слѣдующей просьбой:

— М-г Снѣговъ, мы сейчасъ толковали, какъ бы намъ одушевить наши вечера здѣсь! Такъ какъ вы литераторъ, то вѣроятно можете устроить дѣтскій театръ,—это займетъ и взрослыхъ! Только выборъ пьесъ, пожалуйста, былъ бы строгій, а то всѣ эти комедіи и водевили вѣчно полны неприличныхъ объясненій. Гораздо было бы лучше, еслибъ вы написали что нибудь въ невинномъ родѣ. Я васъ прошу, — устройте это для меня!

Сенаторша большое сдѣлала удареніе на послѣднюю фразу, какъ бы желая сказать, что отказа не хочу слышать; но Снѣговъ, какъ не свѣтскій человѣкъ, не понялъ этого тона и отвѣчалъ довольно рѣзко:

— Нѣтъ я не могу ни ставить пьесъ, ни писать ихъ.

— Неужели вамъ нужно вдохновеніе на всякую шутку въ три строки? спросилъ либеральный генералъ, замѣтя негодованіе барыни, которая лорнировала величаво молодаго человѣка.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Снѣговъ тѣмъ же тономъ.

— Тогда объясните мнѣ, съ ироническимъ строгимъ голосомъ продолжалъ генералъ:—какъ же это теперь молодые писаки пишутъ для денегъ?

— Также какъ писали прежде, еще рѣзче сказалъ Снѣговъ.

— Вы очень ошибаетесь: прежде никогда не получали денегъ за свое вдохновеніе!

— Зато за свои оды и другія сочиненія получали доходныя мѣста, чины.

— Не всѣ же писатели! озлобясь говорилъ либеральный генералъ.

— Такъ тѣ жили собирая оброки съ мужиковъ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Лакотникова подъ ручку съ Ивановымъ: вѣроятно, хозяинъ дома желалъ этимъ показать Снѣгову, чью онъ принялъ сторону. Лакотниковъ встрѣтилъ Иванова, какъ только, тотъ ушелъ отъ Снѣгова; разумѣется, разговоръ былъ переданъ Ивановымъ съ поэтической вольностью которая уколола самолюбіе Лакотникова. Впрочемъ, Лаврентій Осиповичъ и безъ этого недолюбливалъ Снѣгова: онъ съ перваго раза разгадалъ, что у молодаго человѣка натура неподатливая, гордая. Вообще Лакотникову было не попутру независимое мнѣніе всякаго, а не только человѣка безъ авторитета и бѣдняка. Потомъ Лакотниковъ не могъ не подмѣтить въ Снѣговѣ полное пренебреженіе къ его рисующейся любви и сочувствію къ мужикамъ, къ его скорби о рабствѣ чеховъ и сербовъ. А тутъ еще примѣшались женщины, оказывающія большое довѣріе ему и всегда Анна Васильевна была на сторонѣ Снѣгова, когда Лакотниковъ заводилъ споры съ нимъ.

Я уже замѣтилъ разъ, что Лакотниковъ имѣлъ эффектную наружность, но когда онъ желалъ производить эффектъ своей особой, то онъ иногда пересаливалъ до того, что дѣлался глупымъ; впрочемъ, можетъ быть, только на одну изъ женщинъ,—это на Анну Васильевну—производила невыгодное впечатлѣніе такая эффектація въ Лакотниковѣ, всѣ другія считали ее очень естественной въ такомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Лакотниковъ сѣлъ

противъ Снѣгова, вставилъ въ глазъ стеклышко, придалъ своему глубокомысленному лицу ту презрительно – свѣтскую гримасу, которая своимъ нахальствомъ возмутительна, и оглядывалъ Снѣгова съ ногъ до головы, но тотъ не смутился. Барыня поспѣшила съ свѣтской находчивостью завести такой разговоръ, чтобъ Снѣговъ не могъ принять участіе. Говорили о родословныхъ русской аристократіи и о ея богатствѣ. Лакотниковъ пожелалъ рисоваться. Онъ сталъ описывать свои встрѣчи за границей съ европейскими знаменитостями: какъ на водахъ одна коронованная нѣмецкая особа пожелала познакомиться съ нимъ, какъ онъ пилъ чай у Пальмерстона, о чемъ толковалъ съ соціалистами,— и закончилъ слѣдующей встрѣчей. Будто онъ на желѣзной дорогѣ изъ Берлина въ Дрезденъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который заинтересовалъ его уродливостью своихъ воззрѣній на все и необыкновенной беззастѣнчивостью, съ какою онъ высказывалъ постоянно, что онъ—замѣчательная личность.

— Я изучалъ это уродливое явленіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, говорилъ Лакотниковъ.—Въ каждомъ словѣ этого барина высказывалось одностороннее понятіе соціальныхъ крайностей, которыя дики и въ книгахъ, а этотъ господинъ не выработавъ ихъ, въ сыромъ видѣ желалъ примѣнять всюду. Онъ весь былъ пропитанъ матеріализмомъ, безъ всякаго чутья къ художеству, а брался судить о всемъ. Онъ не понималъ искусства, и старался прикрыть этотъ недостатокъ глумленіемъ надъ тѣмъ, кто способенъ стоять въ благоговѣніи по часу передъ Мадонной Рафаэля. Для него даже не существовала природа. Вотъ еслибы онъ увидѣлъ эти цвѣты, то началъ бы доказывать намъ, что вмѣсто нихъ гораздо лучше посадить капусту, огурцы.

Все общество засмѣялось, исключая Снѣгова. Лакотниковъ еще съ бо́льшимъ одушевленіемъ продолжалъ свою импровизацію, потому что ему хотѣлось уничтожить Снѣгова, передавая въ карикатурѣ нѣкоторыя мнѣнія изъ его споровъ съ нимъ.

— Я васъ увѣряю, что онъ Фауста Гёте называлъ чепухой, и доказывалъ, что всѣ должны стремиться къ тому, чтобъ въ обществѣ преобладалъ матеріализмъ во всемъ; что всѣ заслуги передовыхъ людей должно топтать въ грязь, потому что у нихъ искусство стояло на первомъ планѣ. Этотъ дикій баринъ вообразилъ, что это новое направленіе, которому должны всѣ сочувствовать.

— А знаете ли, что такія личности очень зловредны? замѣтилъ либеральный генералъ. — Потому что каждый мальчишка, учившійся на мѣдный грошъ, будетъ радъ такому безобразному ученію. Надо стараться, чтобы такого рода направленіе въ молодежи было пресѣчено.

Снѣговъ взглянулъ такъ на либеральнаго генерала, какъ будто хотѣлъ сказать:

— Да не возстановить ли костры?

— Вамъ, Снѣговъ, не случалось встрѣчать такихъ личностей? спросилъ Лакотниковъ, смотря на него въ стеклышко.

Всѣ устремили на Снѣгова свое вниманіе: барыня глядѣла напыщенно въ лорнетъ на молодаго человѣка, а Ивановъ язвительно улыбался.

— Нѣтъ! отвѣчалъ твердо Снѣговъ. — Да я думаю, чтобъ встрѣтить такую уродливую личность, надо много ѣздить по Европѣ, какъ вы это дѣлали. А въ Россіи, вы сами знаете, какъ однообразны всѣ типы: юродивые, авторитеты, надувающіе простодушныхъ своими изрѣченіями; либеральные хапжи, толкующіе о консерватизмѣ; гуманиторы, скорбящіе о рабствѣ негровъ и обременящіе своихъ крестьянъ барщиной. Всѣмъ, здѣсь находящимся, очень знакомы такія личности.

Этотъ ясный отвѣтъ поразилъ всѣхъ. Барыня какъ-то пугливо встала, сказавъ, что она желаетъ прогуляться по саду,—и велѣла идти дѣтямъ за ней; пригласила кавалеровъ сопровождать ее—одинъ Снѣговъ не удостоился этой чести. Дорогой барыня изъявила свое удивленіе безтактности Снѣгова и его дерзкимъ отвѣтамъ.

— Какое же это образованіе, которое не знаетъ приличія, даже какъ слѣдуетъ говорить съ людьми, которые изъ снисхожденія, можетъ быть, слушаютъ его и говорятъ съ нимъ, говорила барыня, идя подъ руку съ Лакотниковымъ.

— Вы, кажется, испугались? смѣясь, спросилъ Лакотниковъ. Это я виноватъ: мнѣ хотѣлось раздразнить этого звѣрка.

— Онъ страшенъ!

— Мы усмиримъ его, замѣтилъ Евлампій Андреевичъ, слѣдуя за барыней, подъ руку съ барышней. — Завтра долженъ пріѣхать къ обѣду Прущенко—пусть онъ по военному поговоритъ съ нимъ.

— Только, ради Бога, не въ моемъ присутствіи и не при дѣтяхъ, сказала барыня.

— Нѣтъ, мы ихъ сведемъ подальше изъ дому, произнесъ Лакотниковъ.

— А этотъ Прущенко—очень услужливый господинъ. Когда я пріѣхала къ вамъ въ губернскій городъ, то онъ явился ко мнѣ сейчасъ же и непремѣнно требовалъ, чтобъ я дала ему хоть какое нибудь порученіе, чтобъ оказать свои услуги, сказала она.

— Онъ добрякъ! отвѣтилъ ей Лакотниковъ.

— Такіе люди весьма полезны для Россіи, особенно въ тѣ годы, когда нарождаются разные Сиѣговы, произнесъ либеральный генералъ.

Я попрошу читателя оставить гуляющихъ и перепестись со мной въ комнату эмансипированной женщины, какъ съ презрѣніемъ называла барыня Софью Григорьевну. И какъ бы подивилась эта почтенная дама, если бы увидала, что обѣ эмансипированныя женщины говорили съ искреннею откровенностію. Анна Васильевна первая подала примѣръ. Войдя въ комнату, она дала придти въ себя Софьѣ Григорьевнѣ, послѣ разговора со Сиѣговымъ. Потомъ приступила прямо къ щекотливому вопросу, который она ей сдѣлала, смотря съ ясностью чистой совѣсти въ глаза ей.

— Софья Григорьевна, будемъ говорить откровенно: это уяснитъ всѣ недоразумѣнія... Вы подозрѣваете меня или въ кокетствѣ, или въ сочувствіи къ нему?

— Я это не думала, но...

Софья Григорьевна не докончила своей фразы, потому что ея нескренній отвѣтъ былъ остановленъ умоляющимъ взглядомъ дѣвушки не употреблять лжи.

— Право, я понимаю, что можно легко ошибиться въ своемъ предположеніи, продолжала Анна Васильевна. — Вы измѣните свое мнѣніе, если вникните въ мои слова. Мое исключительное, независимое положеніе подаетъ поводъ искать всякому праздному господину моего расположенія; моя бѣдность заставляетъ думать, что я легко могу согласиться на удобства обезпеченной жизни. Отвѣтственности никакой не могутъ они подлежать за меня— я не принадлежу вашему обществу. Вотъ что подало ему надежду. Даю вамъ честное слово, что я ни на волосъ не увлечена, и если бы увлеклась, то и тогда бы не могла рѣшиться связывать свою участь съ человѣкомъ, который...

— Видно, что вы еще не любили, прервала дѣвушку Софья Григорьевна, и, смотря съ нѣкоторою завистью на ясное и гордое

выраженіе ея лица, она прибавила съ увѣренностью: — вы не такъ бы заговорили!

— Но прежде, чѣмъ полюбить человѣка, надо, чтобы онъ тебѣ казался честнымъ! Въ моемъ поступкѣ не было бы никакихъ жертвъ, я руководилась бы здравымъ смысломъ, потому что могла бы каждую минуту подвергнуться униженію, одиночеству.

— Вы красивы и молоды, вамъ нечего еще бояться этого.

— Моя мать была красавица и молода, а бросили же ее съ ребенкомъ. Нѣтъ, я красоту цѣню ни во что! Она можетъ приносить удобства жизни корыстолюбивымъ женщинамъ, которыя изъ всего извлекаютъ выгоду... Положимъ, что моя молодость и избавила меня отъ многихъ оскорбленій, но могла ли я быть счастлива, зная, что я была участницей въ отравленіи чужой жизни?

— Нравственное отравленіе не считается за преступленіе.

— Нѣтъ! для всякаго честнаго и развитаго человѣка все равно, пожемъ ли убить кого или нравственно.

— Изъ каждаго вашего слова видно, что вы не знаете ни жизни, ни людей.

— А я такъ думаю, что знаю и то и другое даже лучше васъ, потому что вамъ надо было знакомиться съ жизнью, не приготовясь къ ней. Вы должны были брать съ бою каждую вашу независимую мысль, страдать жестоко отъ столкновеній съ дурными людьми, потому что не знали, какъ слѣдуетъ избѣжать сближенія съ ними. Съ дѣтства вамъ клали на голову свинцовые компрессы, чтобъ не проникла никакая здравая мысль. Ваши руки вѣчно были связаны словомъ приличія. Я же росла совершенно независимо, и когда вздумали меня пугать приличіемъ, то я презирала эти фразы, потому что приготовилась къ независимой жизни. Мнѣ много помогло къ знанію жизни дѣльное чтеніе: некому было вырывать у меня изъ рукъ полезныхъ книгъ, и замѣнять ихъ другими съ пошлыми тенденціями. Встрѣтясь съ мужчинами, я не дичилась ихъ изъ страха нарушить приличіе, да и они не церемонились со мной, а потому я имѣла случай узнать ихъ взглядъ на женщинъ, на любовь, такъ что поневолѣ не могла составить себѣ разныхъ иллюзій на счетъ жизни, какія себѣ составляютъ вообще всѣ женщины. Это и заставляетъ меня быть осторожной во многомъ. Я, напримѣръ, не польстилась на предложеніе барыни, чтобъ я поступила къ ней въ домъ на со-

вершенно равныхъ правахъ съ ея дочерью. Я устранила отъ себя эту честь и, какъ видите, держу себя очень далеко, потому что знаю, какъ дика для такой барыни моя независимость и мой образъ мыслей о вещахъ. Этимъ я устранила отъ себя много поводовъ дѣлать мнѣ оскорбленія. А іезуитское поведеніе со мной Евлампія Андреевича я сейчасъ разгадала, и не поддалась на его безкорыстное вниманіе и участье, какое онъ старается показывать мнѣ. Меня нисколько не удивитъ, если онъ сниметъ маску и предложитъ мнѣ быть его любовницей. Онъ никакъ не можетъ понять, что бѣдная и безъ званія дѣвушка не польстится на-такую честь и на удобства барской жизни. Если я не была на сторожѣ еще и съ другими, такъ только потому, что я, думала, достаточно ограждена вашимъ присутствіемъ. Такъ унижать женщину только могутъ люди, или юноши, или очень мало заботящіеся о человѣческомъ своемъ достоинствѣ... Я рѣшаюсь уѣхать отсюда завтра же; меня ничто не остановитъ.

— Нѣтъ, не дѣлайте это! умоляющимъ голосомъ сказала Софья Григорьевна.

— Почему? чтобъ находиться въ ложномъ положеніи? Къ чему я буду лицемѣрить?

— Это будетъ необходимая уступчивость для спокойствія другихъ.

— Вы ошибаетесь!... Каждый часъ моего здѣсь присутствія можетъ доставить только оскорбленіе другихъ... Вы знаете, что я поѣхала сюда единственно по вашему желанію,—ужь не знаю, право, для чего вы этого хотѣли!... Я предчувствовала, что мнѣ надо будетъ выслушать его оскорбительныя претензіи на мою взаимность.

— Онъ вамъ наконецъ объяснился? въ отчаяніи произнесла Софья Григорьевна, закрывъ лицо руками.

— Почти. Но я ушла, не давъ ему продолжать свое объясненіе; потому-то я и хотѣла идти домой пѣшкомъ съ Александромъ Егоровичемъ. Все равно, я завтра уѣду.

Софья Григорьевна долго сидѣла молча, закрывъ лицо. Ей было такъ тяжко ея униженіе, такъ страшно-мрачна вся ея будущая жизнь. Анна Васильевна поняла бѣдную женщину и съ полнымъ состраданіемъ ей сказала:

— Хотите знать причину еще, почему я должна уѣхать скорѣе отсюда?

Софья Григорьевна посмотрѣла съ удивленіемъ на зардѣвшееся лицо дѣвушки, которая тихо произнесла:

— Я боюсь, чтобы чрезъ меня не пришлось получить оскорбленіе честному человѣку, котораго...

— Вы любите? радостно спросила Софья Григорьевна.

— Да!

Лицо Софьи Григорьевны вдругъ прояснилось: какая-то надежда озарила ее; она походила на утопающаго, хватающагося за соломенку.

— Онъ знаетъ это?

— Нѣтъ. Къ чему я буду выказывать свою любовь: чтобъ онъ изъ состраданія связалъ свою жизнь съ моей? Многія нетребовательны и для минутнаго счастія готовы на все; я же очень требовательна. Человѣкъ не можетъ удовлетворяться минутнымъ счастьемъ—ему надо постоянно испытывать счастіе, сначала можетъ быть сильно потрясающее, а потомъ тихое. Къ одиночеству не можетъ привыкнуть та натура, которая имѣетъ потребность въ привязанности... Я ужь вамъ скажу все: всѣ думаютъ, что Спѣговъ любитъ васъ!

Софья Григорьевна печально покачала головой и отвѣчала:

— Это грязныя губернскія сплетни, въ которыхъ Ивановъ принимаетъ большое участіе и которыя мнѣ стоили много унизительныхъ сценъ! Меня ревновали, оскорбляли, какъ будто любили!

Софья Григорьевна печально склонила голову подъ тяжестью своихъ воспоминаній, какъ она была унижена такимъ подозрѣніемъ, но, къ стыду своему, сознавалась, что въ этомъ униженіи она находила тогда утѣшеніе — она приписывала это остаткамъ любви къ ней. Но теперь ясно видѣла, что то былъ одинъ предлогъ оскорблять ее по праву сильнаго. Софья Григорьевна была смущена честностью своей соперницы и ея гордымъ независимымъ характеромъ. Она невольно сравнивала свое безсиліе и, протянувъ къ ней руку, какъ ребенокъ протягиваетъ руки къ взрослому, прося его защиты, — Софья Григорьевна умоляющимъ голосомъ сказала:

— Ради Бога, научите меня, что мнѣ дѣлать! Я дошла до такого униженія, что готова на все, только бы меня не бросили; не презирайте меня!

— Можно ли презирать васъ за это! вѣдь онъ отецъ вашихъ дѣтей.

Какъ только упоминали о дѣтяхъ и сама Софья Григорьевна произносила слово «дѣти», то впадала въ дикое отчаяніе. Долго Анна Васильевна хлопотала, чтобъ успокоить ее немного. Софья Григорьевна, какъ бы въ свое оправданіе и для облегченія себя, разсказала подробно свою встрѣчу съ Лакотниковымъ. Такъ какъ она находилась подъ вліяніемъ честной откровенности дѣвушки, то и сама разсказывала все, безъ утайки своихъ слабостей, своихъ ошибокъ; впрочемъ, эта правдивость нисколько не уменьшила состраданія, какое вызывала ея печальная судьба.

Обѣ женщины такъ были увлечены бесѣдой, что не обращали вниманія на грозу, только иногда вздрагивали отъ блеску молніи, которой освѣщалась комната. Но вотъ все утихло, даже дождь пересталъ назойливо стучать въ окна, какъ будто желая напомнить бесѣдующимъ, что скоро будетъ разсвѣтать. Точно, разговаривающія очень удивились, когда первый лучъ солнца освѣтилъ ихъ лица.

Яркій восходъ солнца какъ-то тягостно дѣйствуетъ на человѣка, когда онъ весь преданъ отчаянію, точно оно своимъ блескомъ освѣтитъ всю бездну мрака, которая еще ждетъ впереди. Свѣти ты тѣмъ, кто можетъ весело встрѣтить новый день! А твои яркіе лучи мучительно дѣйствуютъ на бѣдную Софью Григорьевну: она впала въ убитую покорность судьбѣ и увѣряла, что приготовилась къ нравственной смерти. Анна Васильевна наслу уговорила ее лечь въ постель, а сама пошла въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ, потому что голова у ней болѣла, тоска щемила ея сердце.

ГЛАВА XII.

Въ полдень этого же дня солнце пекло страшно, особенно въ полѣ, одна часть котораго уже наканунѣ была сжата, а другую еще дожинали вдали лакотниковскіе крестьяне. Короткіе, торчащіе стебли придавали сжатому полю ощетинившійся видъ, точно оно озлилось, что сняли съ него его зернистую красу и вскрыли, наконецъ, его влажную почву, столько времени сокрытую отъ лучей солнца. Посреди сжатой нивы одиноко стояла тощая береза, у которой были сложены котомки жнецовъ съ ихъ скуднымъ обѣдомъ, состоящимъ, какъ обыкновенно, изъ хлѣба и кислаго кваса. У этой-то березы сидѣла Анна Васильевна, одной

рукой поддерживая свою голову, упершись локтемъ въ колѣно, а другою большой вѣткой отмахивала мухъ отъ личика спящаго младенца, завернутаго въ лохмотья.

Говорятъ, бываютъ дни, когда человѣкъ встаетъ съ постели лѣвой ногой, и оттого будто бы приходитъ въ раздраженіе на все; но Анна Васильевна, хотя и не ложилась въ этотъ день, потому что должна была ухаживать за больной Софьей Григорьевной, слѣдовательно—уже никоимъ образомъ не подходила подъ примѣту, однако находилась въ такомъ мрачномъ настроеніи, что даже не съумѣла найдти поэзіи тамъ, гдѣ ее всѣ находятъ, т. е. при видѣ жатвы. Напротивъ, она не могла смотрѣть равнодушно на сгорбленныя спины жнецовъ, на ихъ опаленныя и омоченныя потомъ лица, на ихъ коричневыя и мозолистыя руки, съ синими толстыми жилами, вооруженныя серпомъ, ослѣпительно сверкающимъ на солнцѣ и съ хрустѣніемъ опустошавшимъ поле.

Анна Васильевна до того была углублена въ неженскія разсужденія, что замѣтила только тогда Евлампія Андреевича, когда онъ былъ передъ ней въ нѣсколькихъ шагахъ. Эта встрѣча была очень некстати для Анны Васильевны—болѣе, чѣмъ когда нибудь. Мертвая его наружность показалась еще болѣе отталкивающей, и ей такъ было странно видѣть, когда онъ заботливо укрывалъ свое безжизненное лицо дождевымъ зонтикомъ отъ солнца, какъ бы скелетъ прикрывалъ свой черепъ. Евлампій Андреевичъ протянулъ дѣвушкѣ свою руку въ перчаткѣ и, смотря на младенца, съ гримасой сказалъ:

— Что это вы тутъ усѣлись? И гдѣ вы пропадаете со вчерашняго вечера?

— Вчера и утромъ я сидѣла у больной, а теперь, какъ видите, спасаю этого несчастнаго отъ мухъ: онъ бѣдный докричался до изнеможенія отъ нихъ.

— Вы хотите превратиться въ сестру милосердія? Если такъ, то вы должны быть милосердной ко всѣмъ. Не хотите ли идти домой? скоро будетъ завтракъ, да и мнѣ нужно было бы поговорить съ вами.

Анна Васильевна встала, взяла подъ руку Евлампія Андреевича, съ полной рѣшимостью ясно ему высказать, чтобы онъ прекратилъ свое іезуитское поведеніе съ ней, потому что она разгадала его давно.

— Вы ходите безъ перчатокъ и не боитесь загорѣть? смотря на руку Анны Васильевны спросилъ генералъ.—Вы пренебрегае-

те самой важной вещью для женщины, — это красотой. Впрочемъ, я еще не видалъ лица, къ которому бы такъ шелъ загаръ, какъ къ вашему... Скажите мнѣ откровенно: для чего это вы всегда такъ строго одѣты—вѣчно темное платье? Женская красота, мнѣ кажется, выигрываетъ отъ изящнаго туалета... Вы что-то не въ духѣ сегодня?—заглянувъ въ лицо дѣвушки, спросилъ генералъ.

— Право, я ничего не нахожу отвѣчать вамъ на всѣ ваши вопросы.

— Какая досада, что вы чѣмъ-то недовольны! А я такъ сегодня настроенъ очень хорошо! Я въ первый разъ въ жизни провожу время совершенно свободно и по сельски; это на меня такъ подѣйствовало, что я способенъ дѣлать глупости, какъ юноша! И, вѣрно въ доказательство своихъ словъ, генералъ слегка прижалъ руку дѣвушки и продолжалъ: — зачѣмъ вы такъ жестоко кокетничаете? Вы знали очень хорошо, что ваше отсутствіе доставитъ непріятность. И не жалко вамъ такъ мучить? Я ни за что не повѣрю, чтобъ женщинѣ было не лестно вниманіе мужчины, и тѣмъ болѣе такого умнаго, красиваго, отъ котораго всѣ безъ ума...

— Вѣроятно, я уродливая женщина! отвѣчала Анна Васильевна, нѣсколько озадаченная; она думала, что генералъ намекалъ о своей особѣ.

— Вы вооружены противъ него и я знаю кѣмъ.

— Я вооружена, какъ свидѣтельница его поступковъ съ женщиной.

— Это у васъ дѣтскій взглядъ на вещи. То, что вы видите,— такая обыкновенная исторія, такъ часто повторяется въ жизни, что никто изъ опытныхъ людей не удивляется этому, да и смѣшно требовать отъ человѣка жертвъ за увлеченіе молодости!

— А если бы онъ былъ женатъ?

— Это дѣло другое. Тогда приличіе: она носила бы его фамилію!.. Всякая благоразумная женщина должна покоряться такого рода вещамъ, противъ которыхъ возстаетъ Софья Григорьевна. Это ужь законъ природы, что женщина не имѣетъ права изъявлять никакихъ претензій на мужчину, какъ только ея молодость и красота исчезли.

— Лучше вы скажите, что вы положили себѣ въ законъ бросать женщину, чуть она начнетъ старѣться!

— Я спорить съ вами не стану о какихъ-то равныхъ правахъ

женщинъ и мужчинъ, потому что нахожу, что это все такъ же непримѣнимо къ жизни, какъ соціализмъ. Я знаю одно, что мужчинѣ всегда свойственно желать быть свободнымъ, питать нѣжныя чувства къ молодой и красивой женщинѣ...

— А развѣ несвойственно матери желать, чтобъ отецъ ея дѣтей заботился о ихъ воспитаніи и не бросилъ бы ее на одиночество, когда онъ воспользовался ея красотой и молодостью.

— Дѣти! съ презрѣніемъ произнесъ генералъ и внушительнымъ тономъ продолжалъ. — Въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Софья Григорьевна, она не имѣетъ правъ этого требовать, потому что ея дѣти носятъ фамилію ея мужа, и въ такомъ случаѣ это дѣло темное.

Анна Васильевна вся покраснѣла отъ негодованія отъ словъ генерала, который очень хорошо зналъ жизнь Софьи Григорьевны.

— Я долженъ сказать вамъ, продолжалъ онъ: — что вашъ мрачный взглядъ на все можетъ помѣшать вамъ жить! Неужели вы пренебрегли бы любовью, состояніемъ и хорошимъ именемъ человѣка только за то, что онъ имѣлъ связь когда-то съ другой женщиной, которая на столько неделикатна, что не хочетъ дать человѣку свободы?

Генералъ пытливо смотрѣлъ на Анну Васильевну.

— Вы уполномочены вести переговоры? спросила она его.

— Я принимаю большое участіе въ васъ, уклончиво отвѣчалъ генералъ. — Неужели вы не понимаете своего неловкаго положія въ обществѣ? Знаете ли, что каждую минуту вы можете подвергнуться оскорбленію отъ грубаго невѣжды, а ваше званіе даже лишаетъ васъ возможности требовать себѣ защиты? А какія ваши средства къ жизни? Уроки... рисованье на продажу картинъ?.. Нѣтъ, вы вникните хорошенько въ свое положеніе, отбросьте всѣ эти пышѣшія фантазіи о независимой жизни женщины, о небывалыхъ герояхъ, о романической вѣчной любви! Я, пожалуй, согласенъ съ вами, что все это прекрасно въ теоріи, но помните, что всѣ эти вещи не существуютъ въ дѣйствительной жизни. Вы можете жестоко пострадать отъ вашихъ фантазій. Совѣтую вамъ послушаться меня, какъ человѣка опытнаго и принимающаго въ васъ нѣжное участіе.

Генералъ, къ удивленію, немного одушевился, давая такіе совѣты Аннѣ Васильевнѣ, которая, выслушавъ ихъ, отвѣчала самымъ утвердительнымъ тономъ:

— Благодарю васъ, но я всегда останусь при своихъ убѣжденіяхъ и готова перенести бѣдность, но никогда не рѣшусь продавать себя. Скажите ему, что только безумная кокетка, или глупая и злая женщина рѣшаются быть участницами въ тѣхъ страшныхъ страданіяхъ и оскорбленіяхъ бѣдной матери и дѣтей.

— Что за экзальтація! съ улыбкой замѣтилъ Евлампій Андреевичъ. — Сегодня, я вижу, съ вами нельзя говорить объ этомъ.

— Я васъ прошу не возобновлять этого разговора никогда, если вы не желаете меня оскорбить. Я не измѣню своего взгляда на вещи и всегда буду презирать то, что достойно презрѣнія, и возмущаться безчеловѣчными поступками.

— Успокойтесь! произнесъ либеральный генералъ, сжимая руку взволнованной дѣвушкѣ, и съ соболѣзнованіемъ прибавилъ: — мнѣ васъ жаль!

— Сожалѣйте о тѣхъ, кто погрузился до того въ эгоизмъ, что человѣческія чувства даже ему недоступны ни въ комъ!

Либеральный генералъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этихъ словъ и завелъ рѣчь о совершенно другомъ предметѣ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что окончательно удостовѣрился, что самолюбію Лакотникова будетъ нанесенъ жестокій ударъ и что для него нѣтъ препятствій вести долгое время волокитство, которое ему, казалось, можетъ быть удачнымъ, если Анну Васильевну удалить отъ Снѣгова, Софьи Григорьевны и понрижать отчетами ея крестнаго отца. «Она заговоритъ другое тогда: всѣ бредни оставитъ въ сторонѣ», думалъ генералъ. Уполномоченія ходатайствовать о расположеніи Анны Васильевны Лакотниковъ не думалъ давать либеральному генералу, потому что онъ и не воображалъ связывать свою свободу. Если онъ искалъ взаимности въ Аннѣ Васильевнѣ, то на свободныхъ условіяхъ, а къ тому было много удобствъ, и главное — ея независимость, за которую никому не придется ей давать отчета. Поѣдутъ они за границу и проживетъ онъ съ ней сколько вздумается. Какъ развязаться потомъ съ ней, объ этомъ Лакотниковъ не думалъ: онъ твердо вѣровалъ въ свой эгоизмъ, который оградитъ его отъ всякой отвѣтственности, какъ оградилъ отъ обязанностей къ Софьѣ Григорьевнѣ, которую онъ вшилъ въ интригахъ, клеветѣ, и думалъ, что, съ удаленіемъ ея, все пойдетъ на ладъ. Оба имѣли данныя такъ разсуждать объ Аннѣ Васильевнѣ, потому что, къ стыду честныхъ женщинъ, много есть женщинъ корыстныхъ, тщеслав-

ныхъ, которыя бы съ радостію воспользовались представлявшимися выгодами. Не далеко идти за примѣромъ. Дочка барыни, подслушавъ разговоръ своей матери и дяди, прочившихъ ей въ женихи Лакотникова, осталась очень довольна этимъ и уже мечтала, какъ она гордо и съ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на Софью Григорьевну. Такая барышня не испугается за свою участь, потому что для нея существуетъ одно только желаніе: выдти скорѣе выгодно замужъ. Ея самолюбіе и лицемѣрство были бы достаточною защитою противъ деспотизма Лакотникова. Доказательствомъ тому, что Лакотниковъ былъ убѣжденъ въ успѣхѣ своей любви, можетъ служить письмо его, посланное въ то же утро на почту. Оно было писано къ знакомому лицу для читателя — это къ симпатичному Ѳедору Ѳедоровичу.

«Ты радуешься за меня, что снова пахнуло на меня весной, и ты увѣренъ, что это благотворно подѣйствуетъ на меня; совѣтуешь пользоваться свѣтлыми минутами жизни и не жертвовать собой выдохшимся чувствамъ. Ты правъ: человѣкъ не можетъ насиловать себя каждую минуту. Характеры наши не гармонировали, пылъ страсти маскировалъ многое, но когда онъ прошелъ, то все сдѣлалось ясно. Въ отношеніи къ ней, я всегда держалъ себя, кажется, слишкомъ благородно и совѣсть меня не можетъ упрекнуть ни въ чемъ... Но довольно объ этомъ. Я желаю, по возможности, сохранить уваженіе къ старому чувству и не растравлять дурныхъ сторонъ, которыя бы могли меня заставить дѣйствовать негуманно: это не въ моихъ правилахъ... Теперь поговоримъ о другомъ, тоже очень важномъ дѣлѣ. Ты знаешь вѣдь, что я всегда съ радостью бросаюсь на встрѣчу къ людямъ съ талантами, съ благороднымъ образомъ мыслей. Я то же самое сдѣлалъ и съ Снѣговымъ, когда его прислали въ губернскій городъ. Но нашелъ въ этомъ господинѣ столько отталкивающихъ вещей, столько вредныхъ принциповъ, что я въ ужасѣ отшатнулся отъ него. Этотъ господинъ положительно зловреденъ, и для всѣхъ насъ будетъ позоромъ, если онъ займетъ видное мѣсто въ литературѣ. Ты имѣешь вѣсъ въ журналѣ, гдѣ печатается Снѣговъ, и можешь сдѣлать доброе дѣло, если докажешь редактору, что онъ уронитъ свое изданіе, если станетъ печатать его статьи. Я содрогаюсь при одной мысли, что такой господинъ окрылится и будетъ, съ высоты своего величія, разбирать и насъ. Я слышалъ, что за него хлопочетъ нашъ общій знакомый, Григорій Петровичъ. Не полѣнись, съѣзди къ нему и скажи, что этотъ госпо-

днiъ не стоитъ гроша, что Евлампiй Андреевичъ сначала принялъ въ немъ живое участiе, но, узнавъ его покороче, отшатнулся какъ и я. А кто не знаетъ, что Евлампiй Андреевичъ человѣкъ развитый, умный, хлопочетъ о прогрессѣ, хочетъ окружить себя дѣльными молодыми людьми. Дѣйствуйте дружнѣй, чтобъ изгнать изъ нашей литературы такое зловредное существо... Въ деревнѣ у меня отлично, цвѣтовъ бездна, — просто поэзiя! Ты не подумай, что я только вздыхаю, да любуюсь цвѣточками? нѣтъ, я много работалъ и много посвятилъ времени на устройство и улучшенiе своихъ мужиковъ. Кажется, вполнѣ успѣлъ, такъ что теперь я совершенно покоенъ на этотъ счетъ и могу ѣхать на-долго заграницу».

Читатель видѣлъ, въ какомъ величавомъ спокойствiи находился Лакотниковъ въ отношенiи къ своей совѣсти.

Войдя въ садъ, Анна Васильевна встрѣтилась съ важной барыней и ея дочерью, прогуливающимися съ гостями. Лицъ петербургскихъ дамъ не было возможности видѣть: онѣ были скрыты большими полями шляпокъ, густыми вуалями и зонтиками. Между тремя пріѣзжими помѣщицами, одна была знакома Аннѣ Васильевнѣ,—это та самая коренастая богомолка, которая на станцiи грозилась проучить ее, но, вѣроятно, эти угрозы были позабыты помѣщицей, и она любезно отрекомендовалась и сама напомнила свою встрѣчу съ ней. Впрочемъ, много подѣйствовало на всѣхъ то, что либеральный генералъ, разыгрывающiй такую важную роль въ губернiи, велъ ее подъ руку. Прущенко тоже былъ очень хорошо знакомъ Аннѣ Васильевнѣ. Это тотъ самый, который на станцiи расправлялся съ смотрителями и съ ней, какъ одинокой женщиной, да еще мѣщанскаго званiя. Прущенко такъ побагровѣлъ при видѣ ему знакомой путешественницы, что легко могъ получить ударъ отъ прилива крови. Онъ зналъ, что она находится здѣсь, но не ожидалъ, чтобъ она такое важное лицо держала подъ руку. Прущенко трусилъ либеральнаго генерала, потому что онъ могъ его уничтожить за всѣ его грязныя, беззаконныя самоуправства, какiя онъ дозволялъ себѣ по праву своей службы.

Не смотря на приглашенiе барыни, продолжать съ ней прогулку, и на желанiе своего кавалера, чтобъ она не оставляла его руки, Анна Васильевна все-таки ушла къ себѣ въ комнату, подъ предлогомъ большой усталости.

— Эхъ, не такъ онъ разговариваетъ съ этой эмансипе! за-

мѣтилъ Прущенко Иванову, съ которымъ шелъ позади всѣхъ.— Кабы я былъ на его мѣстѣ, она у меня плясала бы по дудочкѣ. Я бы подрѣзалъ ей крылышки, если бъ не онъ!

— Да чѣмъ? спросилъ Ивановъ.

— Чѣмъ?.. а кто она такая—мѣщанка? а?.. Ну-съ, а знаете ли вы, молодой человѣкъ, что мѣщанку можно засадить въ острогъ, даже плетьми постращать!

Ивановъ засмѣялся.

— Что смѣетесь? У меня сидѣли мать и дочь въ острогѣ, такъ шелковыя стали потомъ!.. Не такъ, совсѣмъ не такъ надо было бы вести себя съ эмансипе.

— Надо же имѣть предлогъ.

— Вотъ тебѣ на! экая мудреная вещь! У меня ужь такой нравъ, коли на какую женщину разгорѣлись у меня глаза, то лбомъ стѣну прошибу, а добьюсь чего хочу! И то сказать, что тутъ киснуть-то! Жизнь наша, батюшка, коротка, надо пользоваться ею; придетъ смерть, тогда поздно думать, за чѣмъ не жуировалъ... Жаль, очень жаль, что онъ тутъ замѣшался: она больно красива.

— Не знаю, что вы находите въ ней хорошаго—въ ней нѣтъ расы.

— А на чорта тутъ нужна раса? я плюю на вашу расу! Мнѣ подай косу до пятъ, да крохотныя ножки, какъ у этой эмансипе.

— А для меня главное раса — эта матовая блѣдность, эта худоба...

— И-и-и, батюшка: вы вѣрно больше по части стиховъ-съ! а я больше имѣю-съ наклонность къ прозѣ... А гдѣ же любовникъ-то?

— Какой? съ удивленіемъ спросилъ Ивановъ.

— Ну, этотъ-то молодецъ, что въ интрижкѣ съ Софьей Григорьевной. Мы таки потѣшились надъ ней! У насъ цѣлая компанія составилась; дамочки наши участвуютъ въ писаніи къ ней анонимныхъ писемъ—и ужь мы ее пропекаемъ. Все напрямикъ! Лакотниковъ какъ начнетъ ѣздить да приволакиваться за нашими дамочками, мы и шлемъ ей увѣдомленіе. А вотъ поразсказали вы у Синелобовыхъ, что она въ интрижкѣ со Снѣговымъ, мы имъ обоимъ по письму... Ишь явилась въ нашъ городъ и никому не сдѣлала визита, точно и богъ-знаетъ какая важная особа. А прошлаго года, онъ было пріударилъ за одной разбитной

нашей дамочкой, ну, кажется, дѣло у нихъ зашло далеко, да вдругъ онъ укатилъ. Вотъ эта дамочка и озлилась, встрѣтила ее съ дѣтьми въ саду и высунула ей языкъ! Ей-богу! Прущенко прыснулъ отъ смѣха. Иванов улыбнулся и сказалъ:

— Вы бы написали еще ей письмецо, что есть одна особа, которая водитъ ее за носъ и кокетничаетъ передъ Лаврентіемъ Осиповичемъ, чтобы онъ женился на ней.

— Неужто эмансипе?

— Нѣтъ!

— Не хитри! ты вѣдь знаешь, что я про васъ могу узнать всю подноготную, любезно грозя Иванову, заговорилъ Прущенко и со злобою прибавилъ: — я вотъ про этого молодца, Снѣгова, такихъ штучекъ развѣдалъ, что запряталъ бы его далеко отсюда, только вотъ боюсь, что Евлампій Андреевичъ принимаетъ въ немъ участіе. А мнѣ нежелательно дѣлать ничего непріятнаго для него.

У Иванова сверкнули эхидно глаза, его фигура изобразила столько подлости, что гадко было смотрѣть на него, и еще возмутительнѣе было слышать его слова.

— Здѣсь Снѣговъ ничьимъ не пользуется расположеніемъ.

— Что?—въ радости спросилъ Прущенко.

— Сами можете увидѣть, или поговорить о немъ.

Прущенко въ восторгѣ потеръ руки, самодовольно крякнулъ и грозно произнесъ:

— Ну, теперь онъ поинтересуется—кто я такой! будетъ онъ помнить свое ходатайство по судамъ для мужиковъ. Ишь какой даровой адвокатъ явился!

— Вы не внушайте Лаврентія Осиповича! пугливо произнесъ Ивановъ.

— Что мнѣ внушывать его! Я знаю, что онъ тамъ это вольнодумствуетъ о мужикѣ. Такая, на видъ, тихоня — этотъ Снѣговъ, что Боже упаси, ни за что не проговорится, какъ его не старались завлечь въ споръ; нѣтъ, молчитъ, а вѣдь почитай его письма, такъ волосъ станетъ дыбомъ.

— Ну, да вѣдь вы любите изъ мухи слона дѣлать! замѣтилъ Ивановъ.

— Пустяковину болтаете, молодой человѣкъ, строго прикрикнулъ Прущенко на Иванова:—я-съ, милостивый государь, взялъ эту должность, чтобъ облагородить ее, а не изъ мухи слона дѣлать! завирательнымъ идеямъ потакать не намѣренъ!.. На-

до замѣтить читателю, что Прущенко держалъ себя совершенно иначе, и тонъ его голоса значительно понизился противъ того, какъ онъ разговаривалъ на станціяхъ.

Послѣ прогулки, всѣ собрались въ аранжереи къ завтраку, и въ ожиданіи его Лакотниковъ ораторствовалъ, какъ обыкновенно, о своемъ сочувствіи къ мужику. Либеральный генералъ и Прущенко спорили съ нимъ, что только до извѣстной степени можно сближаться съ мужикомъ, потому что иначе, онъ по своему невѣжеству сейчасъ же забудется и почтетъ себя равнымъ.

— Я вамъ говорю-съ, что не нужно и заводить никакихъ школъ для мужиковъ! они стали и такъ образованы; посмотрико, какъ курятъ папиросы нынче! Я вамъ скажу...

Прущенко былъ прерванъ вошедшимъ лакеемъ, который подалъ хозяину дома записочку. Пробѣжавъ ее, Лакотникова замѣтно передернуло всего и онъ торопливо вышелъ. Либеральный генералъ сдѣлалъ мимическій знакъ Иванову, чтобъ онъ шелъ слѣдомъ за нимъ и въ то же время продолжалъ прерванный разговоръ съ Прущенко. Важная барыня эту мимическую сцену подмѣтила и ждала нетерпѣливо появленія Иванова; она слушала разсѣянно коренастую богомолку, которая ей то же самое говорила, какъ ей въ сновидѣніи явился старецъ и проч. Потомъ богомолка занялась мірскими дѣлами и стала навязывать въ кабалу на 10 лѣтъ своего крѣпостнаго лакея.

— Останетесь довольны имъ, ваше высокопревосходительство! Это слуга во всѣхъ отношеніяхъ: одно слово — лакей! Усерденъ, трезвъ и пока жилъ у меня, такъ даже ни разу не пахло отъ него, не только что нибудь эдакое!..

— Очень дворовыя стали балованы нынче, и такая рѣдкость найти преданнаго слугу, замѣтила другая гостья.

— А все отъ злоумышленниковъ! слухи зловредные посѣваютъ въ нихъ, отвѣчала богомолка.

— Неужто взаправду воля имъ будетъ? спросила третья помѣщица.

— Да вотъ онъ все знаетъ! указывая на Прущенко, сказала богомолка и крикнула ему: —ваше превосходительство! слыхали вы что нибудь на счетъ воли?..

— Могу завѣрить, сударыня, что одни пустяки толкуютъ въ народѣ!.. отвѣчалъ Прущенко.

Въ эту минуту Ивановъ вошелъ въ оранжерею, шепнулъ что-то либеральному генералу и они пошли вмѣстѣ вонъ. Барыня сго-

рѣла отъ любопытства и была очень разсѣяная съ гостями. Записка, которую получилъ Лакотниковъ, была отъ Анны Васильевны; въ ней она просила его распорядиться объ экипажѣ, потому что желала сейчасъ ѣхать въ городъ съ Софьей Григорьевной, которая чувствовала себя нездоровой. Кромѣ объясненія объ Лакотниковѣ съ Евлампіемъ Андреевичемъ, Анну Васильевну еще подвинуло къ отъѣзду внезапное исчезновеніе Снѣгова, который принялъ приглашеніе отъ Лакотникова только по усиленнымъ просьбамъ ея и Софьи Григорьевны.

— Что нибудь да случилось! въ тревогѣ думала дѣвушка, потому что подмѣтила давно всю непріязнь къ нему всѣхъ трехъ мужчинъ; ее пугала еще мысль, не подумалъ ли Снѣговъ, что она увлеклась кѣмъ нибудь изъ нихъ. Ей было не долго уговорить Софью Григорьевну ѣхать въ городъ; стоило только дѣвушкѣ разсказать уполномочіе Евлампія Андреевича вести съ ней переговоры.

Лакотниковъ приписалъ отъѣздъ Анны Васильевны Софьѣ Григорьевнѣ, а потому озлился страшно и написалъ ей записку въ двѣ строки, но вѣрно онѣ заключали въ себѣ что нибудь страшное, потому что когда Софья Григорьевна прочла ихъ, а до этого не въ силахъ была сидѣть отъ слабости, какъ вдругъ вскочила, какъ безумная, и бросилась бѣжать. Анна Васильевна хотѣла ее остановить, но бѣдная женщина дико вскрикнула, оттолкнула ее и, съ не постижимой силой, слетѣла съ лѣстницы. Анна Васильевна бѣжала за ней, умоляя ее придти въ себя, и только тогда остановилась, когда Софья Григорьевна скрылась въ кабинетѣ Лакотникова. Дѣвушка въ отчаяніи не знала, на что ей рѣшиться: идти ли ей туда, и своимъ присутствіемъ предварить страшную сцену, какая могла выдти при такомъ отчаянномъ состояніи Софьи Григорьевны? Ну какъ она усилитъ эту сцену своимъ появленіемъ? Ея положеніе было мучительно, и она въ ужасѣ спрашивала себя: неужели онъ не сжалится надъ ней, неужели такая привязанность не обезоружитъ его поступить съ ней жестоко? И только что подумала: «нѣтъ, невозможно на столько очерствѣть, чтобъ не тронуться ея отчаяніемъ, какой бы не былъ онъ эгоистъ; надо потерять всякое понятіе о совѣсти, чтобъ не сжалиться надъ матерью своихъ дѣтей, хоть въ такую страшную минуту!»—какъ дверь въ кабинетѣ распахнулась и на порогѣ появилась Софья Григорьевна, блѣдная, какъ смерть, съ блуждающими глазами и съ такимъ потрясающимъ убитымъ от-

чаяніемъ, выражающимся во всей фигурѣ, что Анна Васильевна содрогнулась отъ ужаса—ноги подкосились у ней и она съ минуту не могла двинуться съ мѣста. Софья Григорьевна точно не знала: куда ей идти, гдѣ она, и съ полнымъ равнодушіемъ повиновалась, когда Анна Васильевна, придя въ себя, взяла ее за ледяныя руки и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Уѣдемте скорѣе отсюда!

Пройдя нѣсколько шаговъ, Софья Григорьевна вдругъ остановилась, взглянула на дувушку и, встрѣтя ея глаза, полные слезъ и самаго горячаго состраданія, бросилась къ ней на грудь и изнемогающимъ голосомъ произнесла:

— Онъ отрекся отъ дѣтей!—и замерла съ этимъ страшнымъ воплемъ.

Анна Васильевна прижала ея голову къ своимъ дрожащимъ губамъ и рѣки слезъ полились у ней изъ глазъ; дѣвушка насилу могла довести до ея комнаты Софью Григорьевну, которая впала въ какое-то безчувственное состояніе—сидѣла понуривъ голову, судорожно сжавъ руки и пугливо смотря на одну точку. Анна Васильевна стояла возлѣ молча,—что же и можно говорить холодному трупу, а Софья Григорьевна то же былъ трупъ только въ нравственномъ смыслѣ. Въ дверь кто-то постучался, на что Софья Григорьевна не обратила вниманія: Анна Васильевна увидѣла въ дверяхъ Евлампія Андреевича; она быстро подошла къ двери и, загораживая дорогу ему, сказала:

— Оставьте насъ однѣхъ, пожалуйста!

— Я долженъ сейчасъ же говорить съ вами, отвѣчалъ либеральный генералъ.

Аннѣ Васильевнѣ вдругъ пришла мысль, что онъ парламентеръ отъ устыдившагося Лакотникова и она вышла за дверь, оставивъ ее открытой, и сказала:

— Говорите тише, я не могу оставаться ни на минуту.

— Вы должны оставить ее навсегда, если не хотите быть участницей въ скандалѣ, который она надѣлаетъ, желая запугать его. Очень вѣроятно, что она сдѣлаетъ видъ, что бросится въ воду, начнетъ рѣзать себѣ горло, даже сыграетъ роль Медеи съ своими дѣтьми— и вы окомпрометируете себя на весь городъ, и можете впутаться въ очень... Евлампій Андреевичъ замолкъ и спросилъ съ удивленіемъ:

— Что съ вами?—потому что Анна Васильевна попятилась отъ него назадъ и, ничего не отвѣчая захлопнула дверь и заперла

даже на ключъ, и, сѣвъ тутъ же въ изнеможеніи на стулъ, заплакала горько, произнеся: «нѣтъ, это не люди!»

Софья Григорьевна, услышавъ рыданіе, какъ бы очнулась и спросила дѣвушку, о чемъ она плачетъ?

— Если обо мнѣ, то не плачьте. Надо жалѣть дѣтей,—ихъ бѣдныхъ надо всѣмъ жалѣть!

— Уѣдемте скорѣе отсюда къ нимъ! плача отвѣчала Анна Васильевна.

— Къ дѣтямъ? въ ужасѣ воскликнула бѣдная мать. — Какъ же я покажусь имъ на глаза? что я имъ скажу? за кого они должны считать свою мать, что отъ нея, какъ отъ безчестной женщины всѣ бѣжатъ?..

И Софья Григорьевна, въ отчаяніи, судорожно сжала свою голову руками и бросилась скрыть свое лицо въ подушки дивана.

Барыня сама являлась уговаривать Анну Васильевну не ѣхать въ городъ, но это не подѣйствовало на нее. Лакотниковъ прислалъ письмо Аннѣ Васильевнѣ, но она, не распечатывая его, отослала назадъ; то же самое сдѣлала и съ запиской Лакотникова.

Въ самую глухую зимнюю пору, по иркутской дорогѣ ѣхали двѣ простыя рогожаныя кибитки, которыя обращали на себя вниманіе проѣзжихъ и ямщиковъ тѣмъ, что въ нихъ ѣхали женщины совершенно одни. Молчаливая старуха, въ крестьянскомъ платьѣ, была такъ грустна, съ такимъ строго-печальнымъ лицомъ, что хватало за душу при взглядѣ на нее.

Какой-то прохожій купецъ очень пристадъ къ ней, зачѣмъ это она ѣдетъ одна въ такую дальнюю страну.

— Мнѣ эта дорога знакома, я въ молодости по ней два раза пѣшкомъ прошла, отвѣчала старуха: — а теперь привелъ Богъ ѣхать къ внуку!

У проѣзжаго болѣе не повернулся языкъ распрашивать старуху, у которой голосъ дрожалъ и все лицо задергалось.

Въ это время пришла погрѣться и другая женщина, ѣхавшая тоже въ кибиткѣ. Это была молодая дѣвушка въ траурѣ; ея красота и одиночество невольно вызывали къ ней искреннее участіе. Обѣ женщины не разъ встрѣчались при перемѣнѣ лошадей и мысленно жалѣли другъ-друга: одной казалось ужаснымъ, какъ

такая старая ѣдетъ одна; а другая соболѣзновала, что такая красивая, молоденькая, одна одинехонька рѣшилась ѣхать въ такой дальній путь. Проѣзжій купецъ шепнулъ старухѣ, показывая на вновь прибывшую путешественницу:

— Къ жениху ѣдетъ! я насилу допытался отъ нея отвѣта; а потомъ и она очень меня распрашивала объ Иркутскѣ, какъ узнала, что я тамошній. — Ея женихъ-то должно быть сосланный...

— Понимаю, перебила старуха: — что же, это она честное, доброе дѣло дѣлаетъ!

— Ужь, значитъ, любитъ его, коли эдакую даль ѣдетъ одна, да и на какую жизнь-то.

— Коли любишь, такъ на край свѣта пойдешь!

— Хорошо, коли человѣкъ-то добрый да честный, чтобъ не пришлось каяться ей. А вѣдь эдакая красавица за богача могла выдти.

— Можетъ такой же хорошій, какъ и она сама! тогда, она, моя голубка, и не покается, что честное дѣло сдѣлала.

Обѣ женщины и не подозрѣвали, что ѣдутъ къ одному и тому же лицу, и что скоро будутъ близкіе люди другъ-другу. Старуха была бабушка Снѣгова, а другая была Анна Васильевна, которая, только что схоронивъ своего крестнаго отца, ѣхала къ человѣку, котораго любила искренно, и не было жертвы, на которую бы она не рѣшилась для него. Снѣговъ былъ сосланъ въ Иркутскъ, вскорѣ по пріѣздѣ Анны Васильевны съ больной Софьей Григорьевной въ городъ. Выѣздъ его былъ такъ неожиданъ и быстръ, что проститься онъ не успѣлъ съ ней, а прислалъ на клочкѣ бумаги, писанныя карандашемъ нѣсколько словъ.

«— Уѣзжаю сейчасъ въ Иркутскъ; я вѣрую твердо въ вашу энергію, но все-таки сердце сжимается при мысли, какъ можетъ пострадать беззащитная женщина отъ самоуправства наглеца. Если найдете случай, обрадуйте меня хоть однимъ словомъ, гдѣ вы и что съ вами. Но какъ много хотѣлось бы вамъ сказать на прощаньи!.. Впрочемъ, вѣдь я теперь умеръ для васъ! а отъ умирающаго можно всѣмъ выслушать безъ гнѣва его послѣднее слово. — Я васъ люблю и увѣренъ, что это чувство такъ сильно, что я точно умру съ нимъ. Простите! тысячу разъ цалую ваши ручки за бѣдную мать и дѣтей. Вы спасительница ихъ, безъ васъ Софья Григорьевна легко могла

бы въ нервномъ припадкѣ убить себя! Какъ я былъ бы покоенъ, если бы около васъ была такая же еще женщина!»

Если такъ принято, чтобъ авторъ заканчивалъ свой романъ подробнымъ отчетомъ, что и какъ продолжаютъ существовать главныя лица, то я долженъ это сдѣлать. Анна Васильевна и Снѣговъ ни одной минуты даже не помыслили о раскаяніи, что женились. Жизнь ихъ самая дѣятельная, въ Иркутскѣ они открыли школу для дѣтей. Средства у нихъ къ жизни очень небольшія, но они не унываютъ, потому что оба по своему воспитанію не привыкли къ роскоши, да и никогда не помышляли, что въ ней счастье.

Ивановъ имѣетъ доходное мѣсто и пріобрѣлъ себѣ небольшой капиталецъ; но за то его подлость приняла громадные размѣры, какъ и надо было ожидать отъ такого господина.

Лакотниковъ, увы! женатъ. Это, впрочемъ, былъ для него самого сюрпризъ. Жюли прикинулась страшно влюбленной въ него, писала ему письма, получала отъ него, даже разъ пришла на свиданіе ночью въ садъ, и на другое утро бросилась на колѣни къ мамашѣ и все разсказала: во всемъ покаялась преступная дочь. Евлампій Андреевичъ и важная барыня съ письмами явились къ Лакотникову. Свадьбу сыграли очень скоро и заставили Лакотникова немедленно же отписать женѣ часть имѣнія. Трудновато было Лакотникову покоряться чужому эгоизму; но какъ онъ ни требовалъ, ничего не могъ сдѣлать, чтобы вернуть свободу. Жюли такъ была ловка, что съумѣла сохранять нѣжныя отношенія съ мужемъ, имѣя любовника; несмотря на то, что всѣмъ твердила: «я такъ молода, неопытна, я боюсь безъ мужа выѣхать на улицу».

Лакотниковъ за то находилъ для себя полную отраду въ своей извѣстности, которая росла не по днямъ, а по часамъ. Одно только было страшно, что его окружали только Ивановы, Прущенки, или умственно-убогіе франтики; а все что было подѣльнѣе изъ молодежи, то все держало себя въ сторонѣ, ну да за то и доставалось же такимъ господамъ отъ Лакотникова: онъ ихъ громилъ, какъ Юпитеръ; впрочемъ, льстецы бросались въ благоговѣніи передъ нимъ на колѣни, когда Лакотниковъ посвящалъ ихъ въ геніи.

Участь Софьи Григорьевны, разумѣется, была самая печальная: одиночество, болѣзни и нищета, потому что Петръ Васильевичъ продалъ послѣднее имѣніе, небольшими доходами кото-

раго она пользовалась, а Лакотниковъ даже не помышлялъ дать хоть ничтожныя средства ей на воспитаніе своихъ дѣтей, которыя, впрочемъ, скоро, по случаю смерти матери, должны были разбрестись во всѣ концы Россіи.

Жюли проживала очень много, такъ что надо было продать Лакотникову по частямъ мужиковъ, для уплаты долговъ.

Н. СТАНИЦКІЙ.

ИЗЪ СОНЕТОВЪ МИЦКЕВИЧА.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ДВОРЕЦЪ.

Какъ привидѣніе стоитъ чертогъ пустынный;
Тускнѣетъ золото, осыпалась парча,
Печально тлѣнъ изобличa...
Гдѣ нѣкогда рабы толпой всходили чинной,
Ползетъ змѣя по лѣстницѣ старинной
И скачетъ саранча;
И всюду запустѣнія картина!
По сводамъ вѣковымъ ползущая трава
Выводитъ Вальтассаровы слова:
«*Руина!*»
А тамъ, въ глуши садовъ, дробясь о мраморъ плитъ,
Играющій фонтанъ пустынѣ говоритъ:
«Гдѣ слава? гдѣ любовь? гдѣ вы, о дѣвы-розы?»

Кругомъ все пусто, все молчитъ,
Лишь онъ одинъ журчитъ, журчитъ
И ронитъ на траву серебряныя слезы...

НѢМАНЪ.

О Нѣманъ, ты моя родимая рѣка!
Какъ памятна ты мнѣ! Раздольная, не ты ли
Вкругъ дѣтскаго играла челнока,
Когда мы по тебѣ однажды съ нею плыли?

Сильнѣй кипѣла кровь, сильнѣе мы любили...
И глядя, какъ въ тебѣ качались облака,
То весело смѣялись, то слегка
Слезами счастія струи твои мутили.

О Нѣманъ! гдѣ же тѣ счастливыя струи,
Надежды сладкія, восторги, ожиданья?
Гдѣ годы лучшіе и нѣжные мои?

Гдѣ милая моя, гдѣ съ ней мои свиданья?
Все, все давно прошло... стою какъ въ забытьи...
Когда жь пройдете вы, души моей страданья?

Н. БЕРГЪ.

КОРОЛЬ

РИЧАРДЪ ТРЕТІЙ.

ДРАМА

В. ШЕКСПИРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1862.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

«Современникъ» 1862 годъ.

РИЧАРДЪ III.

В. ШЕКСПИРА.

ВСТУПЛЕНІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ.

Историческая драма Шекспира «Ричардъ III», по свидѣтельству Чельмерза и Дрека, написана въ 1695 году (*). Поэту въ то время шелъ тридцать второй годъ отъ роду; онъ уже шесть лѣтъ трудился для театра, и успѣлъ написать, между другими не столь замѣчательными твореніями, *Сонъ въ Лѣтнюю Ночь*, — *Ромео и Юлію*. Почти въ одно время съ «Ричардомъ III» были написаны: *Король Ричардъ II* и *Укрощеніе строптивой женщины*. Изъ этихъ сближеній можно видѣть, что «Ричарда III» должно отнести къ великимъ произведеніямъ молодости Шекспира, — если только выраженіе «произведеніе молодости»—можетъ быть примѣнено къ твореніямъ гиганта, ускользающаго отъ всѣхъ критеріумовъ цѣнителя и своей дѣятельностью уничтожающаго всѣ гипотезы комментаторовъ. Если постройка драмы имѣетъ нѣкоторыя несовершенства, какихъ не встрѣчается въ періодѣ Шекспировой зрѣлости, если она избыткомъ лиризма показываетъ въ поэтѣ еще не полное обладаніе драматической манерою, — зато она въ отношеніи языка представляетъ загадку своего рода. Англійская литература была заражена эвфуизмомъ въ періодъ ея появленія; самъ Шекспиръ, за два года до «Ричарда III», поставилъ на сцену «Ромео и Юлію»—*одно изъ величай-*

(*) Мелонъ относитъ ее 1697 году.

шихъ и наиболѣе дурно написанныхъ своихъ твореній (*); его «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» обиліемъ метафорическихъ тирадъ превзошелъ всѣ современныя ему произведенія, — а между тѣмъ языкъ «Ричарда III» сжатъ, воздержепъ, и въ самыхъ лирическихъ своихъ мѣстахъ не имѣетъ почти никакой напряженности. Если допустить, что Шекспиръ, послуживъ модѣ своего поколѣнія, наконецъ почувствовалъ ея дурныя стороны и кончилъ съ нею въ своей исторической драмѣ, — то опять придется рѣшать другую задачу: отчего же онъ поддавался тому же эвфуизму въ своихъ послѣдующихъ, зрѣлыхъ произведеніяхъ? Такихъ задачъ мы рѣшать не беремся, да едва ли онѣ когда нибудь и будутъ рѣшены, какъ слѣдуетъ.

«Ричардъ III» принадлежитъ къ числу популярнѣйшихъ и самыхъ любимыхъ публикою драмъ Шекспира. Съ первой ея постановки, когда товарищъ поэта, актеръ Бербеджъ, въ роли Ричарда повергалъ въ ужасъ придворныхъ Елизаветы и восхищалъ королеву, —до нашего времени, когда Ольдриджъ называетъ эту роль лучшей своей ролью, — драма «Ричардъ III» держится на недосягаемой сценической высотѣ. Ее вполнѣ разумѣютъ даже люди, для которыхъ «Гамлетъ» слишкомъ глубокъ и «Лиръ» утомителенъ. Даже въ періодѣ владычества французскаго вкуса, въ пору холодности англичанъ къ генію своего поэта, «Ричардъ III» не сходилъ съ британской сцены. Роль горбатаго короля была тріумфомъ Гаррика,— и не успѣлъ умереть великій актеръ, какъ новые сильные таланты поспѣшили принять ее, какъ наслѣдство. Популярность драмы была такова, что старикъ Джонсонъ счелъ долгомъ на нее вооружиться, въ защиту другихъ твореній Шекспира. «Ричардъ III»—писалъ онъ,—считается въ народѣ одною изъ самыхъ знаменитѣйшихъ драмъ Шекспира, но мнѣ кажется, что тутъ произошло то, что часто происходитъ на свѣтѣ: величайшая похвала досталась на долю произведенія, напменѣе ее заслуживающаго. Никто не посмѣетъ отрицать того, что «Ричардъ III» изобилуетъ сценами высокими и разительными. Но нѣкоторыя подробности драмы ничтожны, другія возмутительны, а нѣкоторыя совершенно не правдоподобны.»

Ни современники, ни потомство не утвердили этого приговора. Съ каждымъ годомъ росла слава суровой драмы, и утвердительно можно сказать, что въ настоящее время она проникла въ такіе слои общества, которые почти неспособны цѣнить геній поэта въ его другихъ произведеніяхъ. Первою изъ причинъ такой несравненной популярности прежде всего должно назвать оригинальность главна-

(*) Льюэзъ.

го лица въ сценическомъ отношеніи. Герой драмы — помимо всѣхъ своихъ достоинствъ — овладѣваетъ воображеніемъ самаго неразвитаго, самаго неподготовленнаго зрителя. И простолюдинъ, и ребенокъ, и неразвитая женщина могутъ не понять «Макбета», позабыть ужаснувшаго ихъ «Отелло»,—но кто въ состояніи не понять «Ричарда III»; а забыть этого блѣднаго, хромаго, покрытаго кровью тирана такъ же невозможно, какъ невозможно позабыть разсказъ о мертвецахъ, слышанный въ дѣтствѣ, наконецъ какой нибудь кровавый эпизодъ изъ собственной жизни. Первое появленіе Глостера на сценѣ уже приковываетъ къ нему напряженное вниманіе зрителя: Шекспиръ хорошо зналъ, что дѣлаетъ, напирая на физическое и нравственное уродство своего историческаго героя. Даже на лицъ, тщательно изучавшихъ поэта, коротко ознакомившихся съ толпою героевъ, созданныхъ его фантазіею, лицо «Ричарда III» дѣйствуетъ какъ-то особенно разительно. Стоитъ только, съ помощью воображенія, вызвать передъ собою нѣсколько лицъ изъ драмъ Шекспира, для того, чтобъ помимо нашей воли, впереди всѣхъ и отдѣльно отъ великой фаланги, появился образъ маленькаго блѣднаго человѣка съ злымъ взглядомъ, циничесой усмѣшкой и грозной осанкой воина, почти заставляющей забывать все его физическое безобразіе...

Вторая причина безпримѣрной популярности драмы «Ричардъ III» —чрезвычайная энергія въ ея замыслѣ. Будто желая испробовать, возможно ли строить произведенія искусства безъ любви, счастливой или несчастной, Шекспиръ обошелся безъ нея въ своей драмѣ. Онъ замѣнилъ любовь интересами, доступными для всѣхъ людей честолюбивыхъ и властолюбивыхъ, и чрезъ то затронулъ массу людей, холодныхъ для нѣжной стороны поэтическихъ созданій. На сценѣ идетъ борьба зла съ добромъ, рѣшается участь государства взволнованнаго до основанія, люди падаютъ съ высоты величія и изъ ничтожества возносятся на вершину почестей. Дѣйствующія лица защищаютъ свои головы, свою родину и свою семью. Горбатый выкидышъ восходитъ на британскій престолъ, а гордыя королевы, сидя во прахѣ, оплакиваютъ свое былое величіе. Могущественныя арміи идутъ одна на другую; корона снимается съ кроваваго чела похитителя и возлагается на голову его счастливаго соперника. Всюду кровь, ужасъ, — но всюду борьба, всюду отпоръ и защита. Потому вся драма, увлекая собой массы, поражая ихъ величавостью экспозиціи, вмѣстѣ съ тѣмъ трогаетъ самый не легко возбуждаемый классъ зрителей. Люди пережившіе періодъ любви и поэзіи, люди зачерствѣвшіе въ практической сферѣ, лица наклонныя къ политической дѣятельности или необладающія развитіемъ, необходимымъ для наслажденія неуловимыми красотами искусства — не остаются

равнодушными при представленіи короля «Ричарда». Передъ ними развертывается страшная картина, полная злодѣйствъ и труповъ, и эта картина способна овладѣть самыми сухими душами и разгорячить самое неподатливое воображеніе.

Послѣ всего нами сказаннаго, можно бояться, что самыя достоинства пьесы, только-что нами изложенныя,—привлекая къ «Ричарду III» лицъ, отчасти равнодушныхъ къ другимъ шекспировскимъ созданіямъ,—могутъ отвратить отъ него людей съ тонкимъ поэтическимъ развитіемъ. Но и въ этомъ отношеніи за разбираемую нами драму бояться ничего. Не взирая на интригу безъ любви, не взирая на безпредѣльную, иногда даже бѣшеную энергію изложенія, «Ричардъ III» не уступаетъ ни одному изъ созданій Шекспира по великой поэзіи, его наполняющей.

Повидимому, замыселъ произведенія вовсе не предполагаетъ сторонъ трогательныхъ, нѣжныхъ и чарующихъ: въ «Ричардѣ III» нѣтъ мѣста для лирическихъ изліяній; сумрачная атмосфера преступленій и грозы, нависшая надъ дѣйствующими лицами, словно исключаетъ собой возможность поэтическихъ вдохновеній, такъ неизбѣжныхъ, напримѣръ, при обработкѣ «Ромео и Юліи». Но для нѣвцовъ, подобныхъ Шекспиру, не существуетъ условій, обязательныхъ для другихъ поэтовъ. Воплощеніе дѣлъ крови онъ смѣло перемѣшиваетъ съ рядомъ картинъ, полныхъ поэтической прелести; между сценами зла и отчаянія онъ разсыпаетъ «собраніе плѣнительнѣйшихъ стихотвореній, когда либо сочиненныхъ». Совершенно справедливо, что повременамъ стихотворенія эти замедляютъ дѣйствіе и нисколько не способствуютъ полнотѣ объективнаго изображенія лицъ, ихъ произносящихъ, — потомство восхищается ими, не спрашивая, насколько онѣ согласны съ законами драматической механики. Пускай Тиррель, злодѣй и мерзавецъ, описываетъ смерть дѣтей Эдварда такъ, какъ могъ бы это описывать родной отецъ, лишившійся своихъ малютокъ — дѣйствующее лицо отъ этого блѣднѣетъ; но кто изъ грамотныхъ людей въ мірѣ не знаетъ «дѣтей Эдварда!» Герцогъ Кларенсъ подробно разсказываетъ свой сонъ, сидя въ темницѣ,—сонъ этотъ, какъ всѣ сны, не нуженъ для дѣйствія, разсказъ его не произведетъ впечатлѣнія на сценическихъ подмосткахъ; но необъятной поэзіею дышетъ сонъ Кларенса, и оставаясь ошибкою, относительно хода пьесы, навѣки останется однимъ изъ первыхъ алмазовъ въ вѣнцѣ Шекспира. Букингама приводятъ на казнь и останавливаютъ передъ зрителями (какъ извѣстнаго графа въ «Риголетто») единственно затѣмъ, чтобъ онъ произнесъ нѣсколько стиховъ, замедляющихъ дѣйствіе, — но что за стихи произноситъ этотъ человѣкъ съ душой, «пробитой скорбью!» Во всякомъ представленіи, для удобства дѣй-

ствія, послѣднюю рѣчь Букингама необходимо выкинуть, но не выкинетъ ее никогда изъ своей памяти почитатель Шекспира.

Все это несомнѣнно замедляетъ дѣйствіе, повидимому даже не согласуется съ живостью драмы, а между тѣмъ дѣйствіе течетъ съ возможною быстротою только огибая эти оазисы поэзіи, какъ какой нибудь стремительный водопадъ Новаго Свѣта огибаетъ цвѣтущіе острова, раскинувшіеся по рѣкѣ, выше и ниже его паденія.

Мы разсказали въ немногихъ словахъ причины безпримѣрной популярности драмы «Ричардъ III»; дальнѣйшія замѣтки, по поводу ея хода, читатель найдетъ въ нашемъ обозрѣніи главнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ произведенія. Кончая съ общими выводами, мы должны кончить и свести къ одному цѣлому замѣчанія о слабыхъ сторонахъ труда, когда-то вызвавшаго уже приведенный нами протестъ суроваго лексикографа Джонсона. Въ отношеніи драматической постройки, «Ричардъ III» уступаетъ многимъ первокласснымъ драмамъ Шекспира, въ особенности: «Макбету», «Гамлету», «Лиру», «Отелло», «Юлію Кесарю». Эта драма уступаетъ имъ въ разнообразіи второстепенныхъ лицъ и въ естественности развитія. Въ ней есть сцены, разительныя и высокія, но которыхъ поэтъ однакоже не дозволилъ бы себѣ въ эпоху полной зрѣлости. Въ «Ричардѣ III» Шекспиръ иногда поперечитъ Шекспиру, и какъ бы уклоняется отъ принциповъ творчества, составляющихъ его неотъемлемую собственность. Со времени Бѣлинскаго у насъ принято говорить: «въ Шекспирѣ ни одно лицо не выдаетъ себя словами, не называетъ себя злодѣемъ, честолюбцемъ» и т. д. Но Ричардъ Глостеръ, впослѣдствіи король Ричардъ III, съ первыхъ же словъ перваго явленія, и довольно длиннымъ монологомъ, выдаетъ себя такъ, какъ дѣлаютъ это тираны псевдо-классической французской трагедіи. У Шекспира все творится естественно, просто и послѣдовательно, какъ въ самой жизни; но перечитайте изъ «Ричарда III» сцену съ леди Анной у гроба короля Генриха, и вы согласитесь съ Нэйтомъ, что здѣсь Шекспиръ подходитъ къ самому краю неестественности (on the verge of impossibility). Далѣе, уже близь самаго конца, дѣйствіе прерывается длиннымъ объясненіемъ короля Ричарда съ королевой Елизаветой, матерью имъ убитыхъ малютокъ. Объясненіе это вовсе не нужно по ходу пьесы, и хотя прибавляетъ нѣсколько художественныхъ чертъ къ изображенію двухъ дѣйствующихъ лицъ, но взамѣнъ того надолго пріостанавливаетъ ходъ событій, тучами надвинувшихся со всѣхъ сторонъ, не терпящихъ ни малѣйшаго промедленія. Выше, на предыдущихъ страницахъ, мы указали другія неправильности дѣйствія—сонъ Кларенса, рѣчь Букингама передъ казнью и т. д.; теперь же, ко всему этому перечню можно присовокупить лишь тотъ общій вы-

водъ, что погрѣшности въ драматической постройкѣ «Ричарда III», хотя и выкупаются высокими лирическими красотами, — но все же показываютъ въ драматургѣ нѣкоторую юношескую незрѣлость, отъ которой онъ избавился въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ.

Не то встрѣчаемъ мы въ созданіи дѣйствующихъ лицъ драмы. Тутъ передъ нами геній во всемъ оружіи; тутъ проявляется намъ сердцевѣдецъ въ полной зрѣлости. Полной живыхъ людей выступаютъ передъ нами эти лица, и чѣмъ долѣе мы въ нихъ всматриваемся, тѣмъ болѣе распознаемъ ихъ полноту и художественность. Бо́льшая часть изъ нихъ высказываются съ перваго раза даже критику невнимательному и разсѣянному: другія требуютъ поясненій, и въ особенности раскрытія той точки зрѣнія, безъ которой полное разумѣніе останется невозможнымъ. Потому-то мы попросимъ читателя проглядѣть съ особеннымъ вниманіемъ эту часть нашего этюда: она кажется намъ почти необходимою. Мы писали ее съ большимъ тщаніемъ, ибо на себѣ испытали, какъ трудно дается настоящее пониманіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ въ драмѣ «Ричардъ III».

Подобно поэмѣ Мильтона, драма «Ричардъ III» наполнена однимъ дѣйствующимъ лицомъ. Какъ у Мильтона всѣ остальныя лица мелки предъ истиннымъ героемъ поэмы, такъ у Шекспира все меркнетъ и блѣднѣетъ передъ главнымъ лицомъ драмы. У поэта «Потеряннаго Рая» впереди всѣхъ стоитъ сатана; у творца «Ричарда III» — человѣкъ наиболѣе приближающійся къ существу, которое мы привыкли звать сатаною. Повелитель злыхъ духовъ очерченъ Мильтономъ съ неподражаемой силой и величіемъ: онъ громаденъ въ своей гордости и отчаянномъ могуществѣ, онъ истинно падшій ангелъ, когда-то бывшій первымъ между ангелами. Шекспировъ «человѣкъ зла» такъ же несходенъ съ Мильтоновымъ сатаною, какъ несходны съ падшимъ ангеломъ рогатыя чудовища въ искушеніяхъ св. Антонія, фламандской школы. Ричардъ III ближе къ простымъ, народнымъ изображеніямъ дьявола, изображеніямъ, которыя впослѣдствіи частію олицетворились въ Мефистофелѣ. Подумавъ о характерѣ Ричарда III-го, можно уразумѣть, какимъ образомъ средневѣковой и, по нашему, довольно пошлый образъ безобразнаго, циническаго, пронырливаго бѣса могъ быть истинно страшенъ, а не презрителенъ. Ричардъ страшенъ потому, что силенъ, а силенъ онъ потому, что духъ его могучъ, даже великъ, хотя великъ только на злыя дѣла. Онъ не обладаетъ прелестію Мильтонова демона, но имѣетъ передъ нимъ перевѣсъ своего рода. Онъ не былъ ангеломъ и не былъ бро-

шепъ, помимо своей воли, въ источникъ силы, враждебной законамъ неба. Онъ самъ создалъ свое могущество, онъ изъ ничего сдѣлался мучителемъ людей, изъ «слабаго и хромаго урода» — непобѣдимымъ королемъ Британіи. По грудамъ жертвъ онъ взобрался на престолъ, и сѣлъ на самомъ сердцѣ своей родины, какъ ночное страшилище, облитое кровью. Онъ король, — и король — извергъ, король — мучитель. Онъ не прикрытъ фатализмомъ или несокрушимымъ началомъ зла. Убивая другихъ и проливая кровь потоками, — онъ не выше борьбы и мщенія. Его можно проклинать, умирая; съ нимъ можно биться на смерть, когда на то достаетъ силы. Его собственная жизнь, его сатанинское величіе, его военные и политическіе успѣхи постоянно стоятъ на одной картѣ. Онъ ведетъ азартную, смертную игру со всѣмъ добрымъ на землѣ, — и перипетіи этой игры, своимъ исполинскимъ интересомъ, наполняютъ всю драму. Ричардъ III ненавистенъ читателю, и между тѣмъ поглощаетъ собою всю нашу душу. Мы не знаемъ, какъ дождаться его паденія, а между тѣмъ наше сердце замираетъ отъ восторга, когда онъ, въ порывѣ воинственнаго бѣшенства, летитъ передъ своимъ войскомъ на полки Ричмонда. Мы проклинаемъ его, какъ самаго лютаго непріятеля, — но духъ нашъ ужасается и мутится, когда онъ немногими словами переманиваетъ на свою сторону всякаго, къ кому только ни обратитъ свои бѣсовскія, медовыя рѣчи. Ужасомъ и отвращеніемъ Ричардъ переполняетъ наши души, — но въ наши души, наперекоръ намъ самимъ, рядомъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, прокрадывается чувство удивленія къ этой энергіи зла, къ этому могучему, несокрушимому, циническому безстрашію передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Гервинусъ говоритъ, что король Ричардъ не имѣетъ ни качествъ, ни слабостей обыкновеннаго смертнаго, и что въ немъ есть только одна человѣческая особенность, сближающая его съ породою людей и мирящая съ нимъ читателя, а именно *суевѣріе* (*). Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ слишкомъ знаменитаго германскаго критика. Суевѣріе Шекспирова Ричарда слишкомъ невелико и совершенно сообразно съ понятіями его времени; сверхъ того намъ кажется, что проявленіями суевѣрія трудно плѣнить читателей и изъ тирана, губителя людей, сдѣлать особу, къ нимъ близкую. Не черезъ мелкія черты суевѣрія король Ричардъ завладѣваетъ нашими помыслами. Онъ овладѣваетъ ими, какъ величайшее олицетвореніе политической энергіи, какъ типъ мучителя людей, изъ ничего умѣвшаго вознестись надъ цѣлымъ поколѣніемъ, и кровавыми буквами

(*) Высказывающееся въ сценахъ съ королевой Маргаритой, въ примѣтахъ передъ боемъ и въ небольшемъ числѣ другихъ частностей.

вписать свое имя въ лѣтописи родины. Взглянувши на Ричарда съ этой точки зрѣнія, мы уже не въ силахъ оторваться отъ его личности, какъ, напримѣръ, не въ силахъ оторваться отъ вида сильной азартной игры, покуда она не кончится, отъ разсказа о какомъ нибудь великомъ преступникѣ, покуда общественная правда не удовлетворена его казнью. Съ напряженіемъ слѣдя за всѣми словами и дѣлами Ричарда, отъ его перваго монолога до той минуты, когда онъ требуетъ коня, чтобъ въ шестой разъ кинуться на ненавистнаго Ричмонда, мы убѣждаемся въ безконечной, всесторонней энергіи этого человѣка, въ его способности бороться съ судьбою и властвовать людьми по своему произволу. Черезъ громадную энергію духа, всюду пробивающуся наружу и всюду вступающую въ бой съ враждебными обстоятельствами, и проявляется безконечное разнообразіе характера, созданнаго Шекспиромъ. Сообразно различнымъ положеніямъ и ходу своего возвышенія, Ричардъ является намъ въ тысячѣ противоположныхъ видовъ, — начиная отъ хитраго плута, прикидывающагося добрякомъ и простодушнымъ другомъ правды, до грознаго полководца, созданнаго на то, чтобъ повелѣвать милліонами себѣ подобныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на герцога Ричарда Глостера въ началѣ драмы, въ ту пору, когда онъ еще только-что пробивается къ престолу. Какими невѣроятными трудностями загороженъ его путь, подъ какимъ гнетомъ ничтожества ворочается его бѣдная, безобразная личность (*). Безъ голоса въ королевской семьѣ, нелюбимый народомъ, снискавшій себѣ незавидную славу злаго и хилаго выкидыша, — Глостеръ не имѣетъ ни надежды на возвышеніе, ни друзей, ни партіи, на которую могъ бы опереться. Онъ хорошій воинъ: военное поприще одно могло бы дать какой нибудь исходъ пожи-

(*) На сценѣ существуютъ два преданія о томъ, въ какомъ видѣ долженъ являться актеръ, представляющій Ричарда III. По первому, онъ долженъ являться горбатымъ, безобразно хромымъ и физически уродливымъ. Такъ принято на всѣхъ почти театрахъ, — и безспорно, безобразный Глостеръ однимъ своимъ видомъ сильно дѣйствуетъ на публику. Но на нѣкоторыхъ театрахъ Германіи, Ричардъ представляется не горбатымъ и не противнымъ на видъ, но слегка хромымъ, съ неровными плечами, съ лицомъ чрезвычайно блѣднымъ—и только. Это олицетвореніе главнаго дѣйствующаго лица намъ кажется болѣе поэтическимъ. Правда, что въ драмѣ Шекспира и самъ Ричардъ, и многія другія лица безпрестанно говорятъ о безобразіи; но не слѣдуетъ забывать, что во времена рыцарства и безпрестанныхъ военныхъ упражненій, хилыми уродами считались люди, которые въ наше время, можетъ быть, показались бы красивыми. Можетъ быть мы очень ошибаемся,—но намъ всегда казалось, что актеръ, пытающійся дать королю Ричарду наружность Квазимодо, посягаетъ на величіе одного изъ величайшихъ Шекспировскихъ созданій.

рающему его честолюбію; но война давно кончилась, заслуги Глостера забыты и новой войны не предвидится. Презирая людей и считая всѣ преступленія дозволенными, Глостеръ посѣваетъ раздоръ въ своей семьѣ, склоняетъ короля на дѣла жестокости и мало по малу губитъ всѣхъ лицъ, стоящихъ между нимъ и короной. Планъ его очень простъ, и злодѣйскій путь не извилистъ; но взгляните, какими демонскими средствами онъ заметаетъ свои слѣды и съ какой дивной изобрѣтательностью онъ скрываетъ свои хищные помыслы! Прежде всего онъ силится прослыть правдивымъ чудакомъ, добрякомъ и такимъ человѣкомъ, который не трогаетъ никого и желаетъ только, чтобъ другіе его не трогали. Разъ ставши на эту точку, Ричардъ Глостеръ, во-первыхъ, пріобрѣтаетъ возможность всюду сѣять раздоръ, во-вторыхъ, хотя изрѣдка давать волю своему сердцу, которое безъ того разорвалось бы отъ сосредоточеннаго бѣшенства. Герцогъ не изъ тѣхъ злодѣевъ, которые творятъ темныя дѣла съ сладкой улыбкою и безстрастіемъ, — душа его полна ненависти къ людямъ, а потому не можетъ оставаться спокойною въ ожиданіи гибели противниковъ. Глостеръ не въ силахъ холодно выжидать плода своихъ замысловъ,—ему, какъ воздухъ, необходима возможность оскорблять, позорить и ожесточать всякаго, кто стоитъ на его дорогѣ. Вотъ почему роль правдиваго чудака ему такъ по сердцу. Прикрываясь ею, онъ отравляетъ послѣднія минуты короля Эдварда, злыми рѣчами доводитъ жену его до отчаянія, ссоритъ между собой лицъ ближайшихъ къ престолу, и наслаждается муками людей, уже помѣченныхъ на гибель, но которыхъ еще нельзя погубить безнаказанно. Мало по малу, успѣхи всѣхъ его происковъ начинаютъ наполнять сердце Глостера лютою гордостью; онъ сознаетъ свое превосходство надъ людьми, онъ видитъ свою силу, все болѣе выбивающуюся изъ ничтожества, онъ любуется своими подвигами, и съ наслажденіемъ кидается всюду, гдѣ видится поле для побѣды надъ себѣ подобными. Неподражаемая, хотя нѣсколько эксцентрическая сцена съ леди Анной, у гроба Генриха VI, показываетъ намъ Глостера во всемъ величіи наслажденія зломъ, во всемъ безпредѣльномъ его могуществѣ, какъ обманщика. Крикъ неподдѣльнаго восторга, вырывающійся изъ его души въ ту минуту, когда вдова убитаго имъ принца, позабывъ свои проклятія и жажду мщенія, отвѣчаетъ лаской на его страстныя рѣчи, — этотъ крикъ выдаетъ намъ всего Глостера и одинъ ставитъ художественный типъ, созданный поэтомъ, на высоту истинно недосягаемую.

Въ слѣдующихъ сценахъ драмы путь честолюбца расчищается болѣе и болѣе. Король Эдвардъ умеръ, герцогъ Кларенсъ убитъ въ темницѣ, Ричардъ Глостеръ назначенъ протекторомъ королевства;

между нимъ и престоломъ лишь нѣсколько младенцевъ, да партія придворныхъ, преданныхъ семьѣ Эдварда. Дѣйствіе становится шире,— шире идетъ и дѣятельность герцога. Онъ уже оставилъ роль правдиваго добряка, кинулъ свои колкныя рѣчи, онъ чувствуетъ, что теперь начинается настоящая игра за корону и болѣе прежняго обуздываетъ свои наклонности. Онъ уже не задираетъ, не мучитъ словами своихъ недруговъ, — онъ мягокъ и ласковъ, онъ имѣетъ для всякаго любезное слово, не грозитъ никому, старается обласкать всякаго. Только изрѣдка волканъ злобы, подавленной и клокочущей въ его сердцѣ, высказывается въ краткомъ монологѣ, въ бесѣдѣ съ самымъ довѣреннымъ изъ клевретовъ; затѣмъ все умолкаетъ — и передъ нами снова является лицемѣръ, превозмогающій свое бурное сердце. Съ каждымъ часомъ ростетъ могущество Ричарда. Ему не трудно переманить на свою сторону сильнаго Букингама, овладѣть особами молодыхъ принцовъ, изъ которыхъ старшій еще не коронованъ на царство, избавиться отъ родныхъ королевы Елисаветы; но остается еще небольшое число людей, несклонныхъ къ измѣнѣ. Лордъ Гестингсъ стоитъ во главѣ этихъ людей, съ нимъ прежде всего надо свести счеты. За нѣсколько дней назадъ, Глостеръ рѣшился бы избавиться отъ Гестингса съ помощью разныхъ мѣръ сатанинской хитрости, но теперь обстоятельства измѣнились и хитрость болѣе не нужна. Страшнымъ величіемъ дышетъ сцена погибели Гестингса. Лорды собрались въ Товеръ толковать о днѣ коронаціи, довѣрчивый Гестингсъ сидитъ между ними въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Протекторъ является въ совѣтъ, добродушно сознается, что проспалъ долѣе обыкновеннаго, шутитъ съ лордами, и вспомнивши, что въ саду у гольборнскаго епископа видѣлъ отличную клубнику, проситъ, чтобъ велѣли ее нарвать и принести въ собраніе. Всѣ спокойны, всѣ радуются, всѣ очарованы дружеской болтовней протектора, когда громовый ударъ вдругъ разражается надъ собраніемъ. Придравшись къ пустому слову, вслѣдствіе самого невѣроятнаго обвиненія, Ричардъ Глостеръ закрываетъ совѣтъ и приказываетъ казнить Гестингса немедленно. За казнью идетъ рядъ сценъ, оканчивающихся избраніемъ Глостера на царство. Вслѣдъ за тѣмъ рѣшается погибель дѣтей Эдварда; и мы видимъ хромаго и хилаго урода на королевскомъ престолѣ, въ кругу вѣрноподданныхъ перовъ, на вершинѣ почестей и величія.

Періодъ полнаго, безспорнаго владычества Ричарда, какъ короля и тирана, въ драмѣ чрезвычайно коротокъ. Уклоняясь отъ исторической истины, Шекспиръ дѣйствуетъ на основаніи самыхъ коренныхъ правилъ искусства. Въ двухъ или трехъ сценахъ онъ рисуетъ намъ кровавыя дѣла своего героя — убійство невинныхъ младенцевъ, погибель королевы Анны, и выказываетъ намъ всѣ изгибы души мучи-

теля, не стѣсненнаго никакими препятствіями. Держаться долѣе на такомъ пунктѣ не позволяетъ искусство, несовмѣстное съ картиной злодѣйства безъ примѣси, какъ и съ изображеніемъ притворной добродѣтели. Потрясающая сцена материнскаго проклятія служитъ переходомъ къ новому фазису художественнаго созданія. Уже тучи скопились надъ головой изверга: оскорбленный Букингамъ поднялъ знамя бунта, частные мятежи вспыхнули по разнымъ угламъ Британіи, и въ довершеніе всего, рядомъ съ десятью тревожными вѣстями, до короля доходитъ извѣстіе о высадкѣ Ричмонда на берега Англіи. Престолъ, добытый рядомъ преступленій, снова становится спорнымъ престоломъ, подданные не хотятъ повиноваться мучителю, и снова должна начаться только-что пріостановившаяся игра на жизнь и на царство.

Тутъ-то, въ виду рѣшительной борьбы, за одинъ шагъ отъ паденія, развертывается передъ нами вся необъятная, и въ самомъ злѣ царственная натура Ричарда. Наперекоръ всему ряду только-что свершенныхъ преступленій, наперекоръ законному голосу попраннаго человѣчества,—блѣдная, искривленная фигура короля и воина возвышается надъ міромъ, надъ правдою, надъ самой судьбою. Первая, истинно царственная нота вырывается у Ричарда въ ту минуту, когда лордъ Стенли, уже замышляющій измѣну, извѣщаетъ его о томъ, что народъ зоветъ Ричмонда на престолъ британскій.

«Иль тронъ мой пустъ? иль праздно царство наше?» грозно восклицаетъ король Ричардъ, кидаясь какъ тигръ, на оробѣвшаго вельможу. Помимо невыразимаго сценическаго эффекта, слова эти предсказываютъ намъ вполнѣ, какимъ покажетъ себя бывшій герцогъ Глостеръ въ послѣдней схваткѣ за свое величіе. И онъ вполнѣ сдерживаетъ свое предсказаніе: пятый актъ драмы, безспорно самый энергическій во всемъ самомъ энергическомъ изъ твореній Шекспира, достаточно подтвердитъ слова наши.

Сцена переходитъ на босвортское поле (*), гдѣ долженъ рѣшиться споръ между тираномъ и его противникомъ. Войска сблизились, обѣ стороны жаждутъ боя; войско короля втрое сильнѣе мятежниковъ, въ самомъ Ричардѣ разгорѣлись всѣ его воинскія доблести; но, стран-

(*) Босвортское поле находится въ весьма небольшомъ разстояніи отъ шекспировскаго роднаго Стратфорда. Эта мѣстность и народныя преданія съ ней неразлучныя—не могли быть неизвѣстны поэту во время его дѣтства. Память о зломъ Ричардѣ еще была свѣжа въ народѣ, и Шекспиръ не изъ однѣхъ книгъ черпалъ свѣдѣнія о своемъ героѣ. Въ этомъ отношеніи легко разъясняются причины несходства шекспирова Ричарда III съ Ричардомъ III лѣтописцевъ и историковъ; тиранъ поэта подготовленъ фантазіею вольнолюбиваго народа, соединившаго въ этомъ лицѣ черты многихъ властителей, ему ненавистныхъ.

ное дѣло, онъ не веселъ духомъ, не чувствуетъ въ себѣ своей обычной, несокрушимой бодрости. Наступаетъ ночь, послѣдняя ночь для многихъ. Палатка короля находится неподалеку отъ палатки графа Ричмонда; зритель присутствуетъ при ихъ распоряженіяхъ на завтрашній день,—видитъ, какъ они оба ложатся и засыпаютъ. Во время ихъ сна происходитъ сцена, исполненная поэтическаго ужаса. Въ тишинѣ ночной, изъ зловѣщаго сумрака поднимаются тѣни жертвъ короля Ричарда, тѣни младенцевъ, задушенныхъ въ Товэрѣ, тѣни погубленныхъ сообщниковъ, въ крови и съ смертельными ранами на тѣлѣ... Каждая тѣнь пророчитъ Ричарду кровавую гибель, и потомъ обратясь къ палаткѣ Ричмонда, ласковыми словами призываетъ его на царство. Съ послѣдними словами обезглавленнаго Букингама привидѣнія исчезаютъ, король Ричардъ вскакиваетъ съ постели, и изъ глубины души мучителя вырывается небывалое слово. «Умилосердись, Іисусе!...» произноситъ онъ въ безпамятствѣ...

Кажется, послѣ сцены привидѣній, дѣйствію невозможно подвигаться, и интересу драмы держаться съ прежней силою. И предсказанія мертвыхъ, и голосъ правды, и преданія исторіи громко говорятъ про исходъ босвортской битвы,—гдѣ же взять неизвѣстность, и неизвѣстность необходимую для послѣднихъ сценъ произведенія? Но Шекспиру все возможно; болѣе чѣмъ когда либо во всей драмѣ, онъ приковываетъ насъ къ своему Ричарду. Утро освѣтило равнину, Ричмондъ весело проснулся, сказалъ войскамъ рѣчь и увелъ ихъ впередъ;—дружины Ричарда каждую минуту ждутъ нападенія. Видите вы передъ войсками этого блѣднаго короля, еще неоправившагося отъ впечатлѣній ночи, еще недавно призывавшаго имя Спасителя и все еще какъ будто вспоминающаго зловѣщій сонъ, ему приснившійся? Солнце скрыто за тучами, роса все еще лежитъ на полѣ, небо хмурится надъ полками, — во всемъ дурная примѣта. Ричардъ задумчивъ и говоритъ неохотно. Но вотъ скачетъ гонецъ съ извѣстіемъ, что враги уже перешли болото.—«Стройтесь, бейте сборъ!» кричитъ король и немедленно выростаетъ въ своемъ прежнемъ величіи. Въ быстрыхъ, крылатыхъ словахъ онъ даетъ послѣднія распоряженія; весело спрашиваетъ Норфолька, хорошо ли онъ придумалъ планъ сраженія, съ рыцарскимъ презрѣніемъ кидаетъ отъ себя подметное письмо, въ которомъ ему предсказываютъ измѣну. Самая подозрительность тирана замолкла тамъ, гдѣ заговорило сердце воина и полководца. Тихо подходитъ Ричардъ къ войску; его какъ будто еще гнетутъ остатки ночныхъ воспоминаній: какъ-то неохотно начинаетъ онъ обычную рѣчь передъ битвою; «что бы вамъ еще сказать на этотъ случай?» произноситъ онъ, между прочимъ. Но видъ мечей и закованныхъ въ сталь воиновъ быстро разгоняетъ прежнюю вялость. Какъ громъ трубы, какъ голосъ истиннаго повелителя лю-

дей, разражается рѣчь короля, начатая почти черезъ силу. Это не призывъ къ славѣ, не поэтическая импровизація Ричмонда, — это циническая, возбуждающая рѣчь властителя надъ людьми, не произносящаго даромъ лишняго слова. Тутъ все, что способно расшевелить душу суроваго англійскаго воина, готоваго лечь костьми за свой клочокъ поля и за свой семейный очагъ; тутъ ругательства надъ непріятелемъ, до сихъ поръ любимыя британскимъ солдатомъ; тутъ непристойныя слова и вмѣстѣ съ ними безпредѣльная увѣренность въ побѣдѣ, увѣренность не фальшивая, а вырывающаяся изъ сердца и увлекающая самаго шаткаго изъ подчиненныхъ. Ни въ одной литературѣ мы не знаемъ образца военнаго краснорѣчія, который хоть сколько нибудь приближался бы къ послѣдней рѣчи короля Ричарда. Всѣ приметы забыты, всѣ колебанія разсѣялись прахомъ, и передъ нами остается одна грандіозная фигура полководца съ «побѣдой на шлемѣ». И какимъ великолѣпнымъ моментомъ завершаются слова короля Ричарда. Непріятель уже наступаетъ, его барабаны загремѣли въ утреннемъ воздухѣ: барабаны мятежниковъ, послѣдній вызовъ *королю отъ головы до ногъ*! При этомъ звукѣ Ричардъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ изступленія. «На бой, дворяне Англіи!» кричитъ онъ, кидаясь впередъ передъ своими полками: — «на бой, лихіе поселяне Британіи! Стрѣлки, впередъ! шпорьте коней изо всей силы, скачите по крови, ломайте копья на страхъ самому небу! Въ груди забилась тысяча сердецъ! Впередъ знамена — святой Георгъ и побѣда!»

Несправедливо было бы увлечься колоссальною личностью героя до такой степени, чтобъ не примѣтить за нею достоинствъ другихъ лицъ драмы, сколько бы они не исчезали передъ фигурой короля Ричарда. Поэтому переходъ отъ короля къ лицу графа Ричмонда, — немного неловкій, если взять въ соображеніе размѣры обоихъ соперниковъ, — все-таки необходимъ и законенъ. Графъ Генрихъ Ричмондъ, впослѣдствіи король Генрихъ VII, является на сцену только въ пятомъ актѣ разбираемой нами трагедіи; но его значеніе, какъ противника и побѣдителя короля Ричарда, какъ представителя добраго начала, и мстителя, вызваннаго разгнѣваннымъ народомъ, даетъ ему первое мѣсто между другими второстепенными лицами. Шекспиръ видимо не придавалъ большаго значенія отдѣлкѣ этого характера, все-таки необходимаго, какъ необходимо jeune premier въ трудѣ намъ современныхъ драматурговъ. Генрихъ Ричмондъ совершенный jeune premier и джентльменъ по понятіямъ елисаветинскаго времени; но не слѣдуетъ забывать, что елисаветинское время было великимъ историческимъ періодомъ и что, стало быть, его идеалы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться мелкими. Ричмондъ — герой

того общества, которое при всѣхъ своихъ порокахъ и несовершенствахъ, все-таки стояло во главѣ современной цивилизаціи,—истинное дитя Британіи, въ которой прилагательное gentle (милый, кроткій, ласковый), присоединенное къ собственнымъ именамъ вельможъ и принцевъ, считали почетнѣе словъ: vaillant, noble, puissant, употребляемыхъ по сосѣднимъ странамъ. Во многихъ драмахъ Шекспира видимъ мы молодыхъ рыцарей въ родѣ Ричмонда, gentle Richmond; но въ «Ричардѣ III» этотъ современный типъ яснѣе обрисованъ, и сверхъ того получаетъ особенную прелесть отъ своей противоположности съ сатанинской фигурой соперника.

Непорочнымъ и нѣжнымъ агнцемъ выходитъ графъ Ричмондъ на апокалиптическаго исполина-змѣя, обвившаго его родную Британію своими кольцами. Чистымъ и трогательнымъ явленіемъ проходитъ онъ посреди крови и огня, поверженныхъ труповъ и лицъ, распаленныхъ бѣшенствомъ. Онъ считаетъ себя избранникомъ неба, «капитаномъ Господа», и благочестиво, смиренно, но съ юношеской гордостью, носитъ это званіе. Осиротѣвшая отрасль царственнаго дома, онъ воспитанъ вдали отъ междоусобій, матерью и старушкой герцогиней Йоркской, о которой будетъ ниже сказано; слѣды женскаго вліянія еще свѣжи въ молодомъ графѣ. Въ ночь передъ сраженіемъ, на минуту увидавъ отчима своего, лорда Стенли, онъ почтительно спрашиваетъ о томъ, что дѣлаетъ его мать, и проводивъ лорда, закончивъ приготовленія къ предстоящему бою, набожно творитъ молитву, и какъ младенецъ «*опускаетъ окна своихъ глазъ*», въ полной надеждѣ на недремлющее покровительство Спасителя. Во всѣхъ разговорахъ съ своими подчиненными вождями, онъ показываетъ себя истиннымъ типомъ благовоспитаннаго рыцаря, всегда готоваго на ласковое слово и привѣтливую шутку. И въ бою, и передъ боемъ, не взирая на весь свой дѣвственный пламень воина, онъ не произноситъ жестокой брани, не позволяетъ себѣ ни одной циничесской выходки, которыя такъ страшны и такъ возбудительны въ устахъ короля Ричарда. Gentle Richmond покраснѣлъ бы, какъ дѣвушка, услыхавъ какъ нибудь отрывокъ изъ рѣчей своего соперника,—и можно сказать, что если Ричардъ—король всѣмъ тѣломъ, то юный его побѣдитель—елисаветинскій джентльменъ отъ головы до ногъ, что тоже не мало значитъ въ Англіи. Импровизація, которую говоритъ графъ Ричмондъ своимъ войскамъ въ день сраженія, совершенно исчезаетъ передъ бѣшеными, кипучими, неблагопристойными словами Ричарда къ своимъ дружинамъ; но при вторичномъ чтеніи, когда нашъ умъ успокоился отъ всей бури пятаго дѣйствія,—мы найдемъ, что эта рѣчь полна юношескимъ, возвышеннымъ лиризмомъ. Ничего болѣе свѣтлаго и *крылатаго* не въ силахъ ска-

зать молодой полководецъ передъ первымъ своимъ сраженіемъ, а едва бой кончается и корона снята съ кроваваго чела ея похитителя, какъ Ричмондъ освѣдомляется о сынѣ лорда Стенли, томившемся въ заложникахъ у Ричарда, приказываетъ съ почетомъ похоронить непріятельскихъ вождей и объявить помилованіе всякому, кто придетъ въ его войска съ изъявленіемъ покорности. Вслѣдствіе прелести, приданной всѣми этими подробностями особѣ молодаго Ричмонда, — заключеніе драмы, пунктъ самый трудный для поэта, не имѣетъ ничего безцвѣтнаго: не такъ, какъ напримѣръ, заключительныя слова Фортимбраса, свалившагося съ неба при концѣ «Гамлета», единственно затѣмъ, чтобъ немного пофилософствовать надъ кучей труповъ. Радостныя пророчества Ричмонда на боевомъ полѣ, передъ грудой убитыхъ враговъ, и коропой ему предлагаемой, не общее мѣсто счастливаго резонера, а радостный вздохъ народа, съ груди котораго снята тяжесть, благодарственная молитва страдальцевъ, избавленныхъ отъ плѣна вавилонскаго. Величавымъ аккордомъ заканчиваютъ они всю грозную ораторію, за минуту назадъ доходившую до полнаго crescendo, и умилительно возносятся къ небу, снова прояснившемуся надъ небомъ любимой Британіи.

Для полнаго уразумѣнія, сложнаго и нелегко разгадываемаго характера *Букингама*, прежде всего въ немъ надобно видѣть человѣка придворнаго. Не понапрасну Шекспиръ пользовался милостями двора и имѣлъ дружескія связи съ людьми, высоко стоящими въ государствѣ,—безъ этого счастливаго обстоятельства въ жизни поэта, онъ можетъ быть не былъ бы въ силахъ коснуться многаго въ своихъ историческихъ драмахъ. Само собой разумѣется, утопченный дворъ королевы Елизаветы не могъ представить Шекспиру лицъ, сходныхъ съ Букингамомъ «Ричарда III» по злодѣйствамъ,—но въ отношеніи типическихъ сторонъ и, такъ сказать, всего остова этой личности, онъ былъ способенъ дать наблюдателю многое, какъ и всякій дворъ въ гораздо позднѣйшее время. Букингамъ—лицо двойственное. Натура его вовсе не натура злодѣя, въ ней есть величавость вельможи и еще другое чисто британское качество — независимость, которая можетъ на время изгладиться, даже замѣниться раболѣпствомъ, но которая непремѣнно проявится при избыткѣ гнета, и потому всегда будетъ требовать большой осторожности со стороны повелителя. Ричардъ на минуту забылъ эту осторожность, и за то нажилъ себѣ врага въ человѣкѣ, который, за день тому назадъ, продалъ бы свою душу дьяволу по его прихоти. Это свѣтлыя стороны Букингама; черныя его стороны всѣ въ одномъ словѣ: онъ царедворецъ всей душой, и способенъ быть человѣкомъ тогда

только, когда царедворецъ погибъ навѣки. Какъ хамелеонъ получаетъ свой цвѣтъ отъ предмета, на которомъ сядетъ,—такъ Букингамъ получаетъ свои качества и пороки отъ властителя, который даетъ ему поле для интригъ и почести для честолюбія. При вяломъ, но кроткомъ Эдвардѣ, Букингамъ не только не дѣлаетъ худыхъ дѣлъ, но считается истиннымъ вельможей, стоящимъ выше мелкихъ ссоръ или смятеній. Въ тревожную пору междоусобій, при концѣ царствованія Генриха VI, онъ не только велъ себя съ осторожностью, но даже пріобрѣлъ почетную извѣстность, не принимая участія въ кровавыхъ дѣлахъ, развязка которыхъ была для него еще загадочна.

«Ты не запятнанъ нашей царской кровью», говоритъ ему королева Маргарита и выдѣляетъ его изъ общихъ своихъ проклятій до тѣхъ поръ, пока онъ не раздражаетъ ее, угождая Глостеру. Живи Букингамъ при Генрихѣ V, мы бы видѣли его на конѣ, врубающимся во французскія дружины; при Ричардѣ II, онъ забавлялъ бы короля разными увеселеніями и, можетъ быть, пошелъ бы защищать его противъ Болингброка. Но судьба послала ему въ повелители кроваваго злодѣя, въ лицѣ Ричарда III. Дальновидный болѣе всѣхъ своихъ товарищей по двору, Букингамъ сразу понялъ, что этотъ человѣкъ сокрушитъ все передъ нимъ стоявшее и схватитъ корону въ свои руки. Безъ усилія, безъ внутренней борьбы, онъ избралъ единственный путь, сулившій ему власть: милость сильнѣйшаго изо всѣхъ принца, довѣріе существа, рожденнаго для владычества. Онъ продалъ свою душу и хладнокровно сталъ Іудою при особѣ повелителя адскихъ легіоновъ. — Спокойно и навсегда передавшись интересамъ герцога Глостера, Букингамъ до малѣйшихъ подробностей дѣйствуетъ сообразно своему призванію царедворца. Не имѣя въ душѣ никакой жестокости, онъ исполняетъ всѣ желанія тирана; не питая никакой вражды къ людямъ, ни даже къ своимъ сверстникамъ у трона, онъ проливаетъ кровь, исполняетъ казни, замышляетъ убійства. Привязанности къ Глостеру онъ не чувствуетъ ни малѣйшей; въ этомъ отношеніи онъ замѣтно отдѣляется отъ Кетсби и Ратклиффа,—грубыхъ убійцъ, по симпатіи зла питающихъ къ Ричарду собачью преданность (*). Наслажде-

(*) Вспомнимъ, какъ Ратклиффъ ухаживаетъ за королемъ въ пятомъ актѣ, какъ онъ говоритъ съ нимъ, и насколько самъ Ричардъ полонъ къ нему довѣрія. Что до Кетсби, то онъ увлеченъ личностью своего повелителя, дивится ей за минуту до потери сраженія:

На помощь, герцогъ Норфолькъ! Выручай!
Король въ бою творитъ за чудомъ чудо.
Какъ бѣшеный, въ опасность лѣзетъ онъ,
Подъ нимъ коня убили,—безъ коня
Онъ рубится....

нія зломъ Букингамъ не понимаетъ и между тѣмъ, какъ Глостеръ при всякомъ помыслѣ о еще живомъ врагѣ, позволяетъ себѣ выходки бѣшенаго бульдога, его клеврета ведетъ дѣла мрака и крови, словно какое нибудь дипломатическое дѣло или придворный праздникъ. Въ тонкомъ, требующемъ великой ловкости дѣлѣ, по избранію на царство Ричарда Глостера, Букингамъ одушевляется несравненно болѣе, во-первыхъ потому, что тутъ интересъ его собственнаго возвышенія, а во-вторыхъ изъ-за возможности вести огромную интригу, передъ которой ничто всѣ-такъ, презираемыя имъ интриги, кипѣвшія при королѣ Эдвардѣ. Тутъ онъ на своей почвѣ, тутъ душа его радуется, рѣчь становится весела, и хитрѣйшія выдумки идутъ одна за другою. Что за тонкость въ подготовкѣ всей суеты избранія, что за глазъ на эффекты обстановки, что за свѣтлое сознаніе своего мастерства въ ту минуту, когда Глостеръ выходитъ на балконъ своего замка, съ молитвенникомъ въ рукѣ, между двумя почтеннаго вида епископами. И епископы, и молитвенникъ, и далѣе ожиданіе гражданъ подъ галлерею — все это придумано Букингамомъ; при всей хитрости патрона его, такія ухищренія даже Глостеру не подъ силу! Вчитайтесь со вниманіемъ въ рѣчь, которою Букингамъ призываетъ на престолъ своего соумышленника: какой торжественно-офиціальный тонъ, какая изворотливость доводовъ, какая тонкость лести, какое смѣлое и такъ необходимое для глупаго парода обращеніе къ угрозамъ, — вслѣдствіе колебаній Глостера! Тутъ Букингамъ весь высказывается, и послѣ этой сцены, характеръ его не требуетъ уже никакихъ художественныхъ дополненій.

Ссора Букингама съ королемъ Ричардомъ вдвойнѣ замѣчательна: и по поводу, и по событію. Изъ-за чего свѣтлѣйшій вельможа, по богатству и значенію почти равный съ принцами крови, да сверхъ того, никогда не выказывавшій признаковъ корыстолюбія, — до такой степени вдругъ захотѣлъ какого-то графства и движимой собственности покойнаго короля Эдварда? Какимъ образомъ этотъ тонкій человѣкъ могъ до такой степени увлечься жадностью и даже позабыть первыя условія двора, запрещающія тревожить короля частными просьбами во время торжественныхъ выходовъ? А какимъ же способомъ объяснимъ мы безуміе сильныхъ и умныхъ вельможъ, выходящихъ изъ себя за то, что имъ не данъ въ очередь какой нибудь орденъ святаго Лазаря, цѣной въ девять червонцевъ, считая тутъ и ленту? Изъ-за какихъ причинъ екатерининскій магнатъ, получивъ извѣстіе о томъ, что ему велѣно побывать въ его великолѣпныхъ имѣніяхъ, упалъ на полъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ? Кто самъ не испытывалъ или, по крайней мѣрѣ, не видалъ

ничего подобнаго, тотъ можетъ философствовать вволю; но Шекспиръ не счелъ тутъ философію за необходимость, а предпочелъ воспользоваться истинно художественной чертою, безъ сомнѣнія, не разъ подмѣченною имъ въ Виндзорѣ и Ричмондѣ.

Какъ ни презрѣненъ поводъ разрыва герцога Букингама съ королемъ Ричардомъ, но нельзя не сознаться, что самый разрывъ не можетъ быть заклейменъ этимъ эпитетомъ. При всѣхъ своихъ преступленіяхъ и безсовѣстности, Букингамъ все-таки британскій лордъ, котораго не всегда можно оскорблять безнаказанно. Баронъ Пумперникель или Картоффельпъ-Францъ, германскіе вельможи, на его мѣстѣ, отправились бы въ свои замки, полные безсильнаго гнѣва, и король, ихъ обидѣвшій, оставилъ бы обоихъ недовольныхъ дуться на свободѣ, — но въ настоящемъ случаѣ ничего подобнаго быть не можетъ. И Букингамъ не уѣдетъ дуться въ свой замокъ, и король Ричардъ не оставитъ его хмуриться сколько ему угодно. Первое слово раздора между этими товарищами по пролитой крови есть слово войны и вызова. Герцогъ скачетъ на берегъ моря, собираетъ ополченіе и зоветъ на царство графа Ричмонда, — король немедленно идетъ на него и, захвативъ своего бывшаго друга, приказываетъ казнить его немедленно. Мы встрѣчаемъ Букингама въ послѣдній разъ, передъ топоромъ и плахой, на концѣ кроваваго поприща, съ полнымъ сознаніемъ всѣхъ своихъ преступленій. Здѣсь онъ въ первый разъ предстаетъ предъ насъ не царедворцемъ, а человѣкомъ. Душа его пробита скорбью, память хранитъ въ себѣ весь рядъ ложныхъ клятвъ, всѣ жертвы, когда-то принесенныя минутному кумиру. Завѣса спала съ глазъ несчастнаго, и подобно умалишеннымъ, которые почти всегда приходятъ въ разумъ предъ смертью, Букингамъ кидаетъ взглядъ раскаянія на свое отвратительное прошлое, а потомъ безъ ропота сходитъ въ могилу.

Лордъ Гестингсъ и *лордъ Стенли* — тоже британскіе аристократы и тоже придворные люди. Ни между ними двумя, ни между ними и Букингамомъ, нѣтъ ни малѣйшаго сходства: Букингамъ не можетъ существовать безъ двора и великаго вліянія на государство, — Гестингсъ же слишкомъ молодъ, а Стенли слишкомъ старъ для такой исключительности. Гестингсъ слишкомъ любитъ наслажденія, слишкомъ крутъ для того, чтобъ сдѣлаться чьимъ либо хамелеономъ, — лордъ Стенли слишкомъ дорожитъ остаткомъ своей жизни для того, чтобъ, очертя голову, бросаться въ опасный водоворотъ придворныхъ происковъ. Тѣмъ не менѣе и Стенли и Гестингсъ люди далеко не ничтожные; король Ричардъ понимаетъ ихъ хорошо и видитъ

въ нихъ опасныхъ непріятелей. Онъ дѣлаетъ все возможное для того, чтобъ переманить на свою сторону блестящаго, храбраго, щедраго и любимаго народомъ лорда Гестингса. Гестингсъ, какъ всѣ вельможи, еще не вполнѣ порабощенные дворомъ, не умѣетъ скрытничать: его дружба горяча, его непріязнь порывиста, открыта и неумолима. Онъ ненавидитъ родню королевы Елизаветы, не можетъ ладить съ новоиспеченными графами и маркизами, подпадаетъ ихъ павѣтамъ, и несмотря на свое званіе лорда-камергера, подвергается аресту въ Товэрѣ. Ричардъ пытается подойти къ нему съ этого пути. По смерти короля Эдварда, онъ арестуетъ и осуждаетъ на казнь противниковъ Гестингса, и подсылаетъ къ лорду-камергеру Кетсби съ этимъ извѣстіемъ. Радость лорда порывиста и необуздана. Онъ весело вспоминаетъ о гоненіяхъ, какія терпѣлъ отъ своихъ враговъ; подсмѣивается надъ ихъ бѣдой; какъ ребенокъ, хвастаетъ своей побѣдой передъ посторонними лицами, еще недавно бывшими свидѣтелями его немилости. Но Кетсби, клевретъ герцога Глостера, имѣетъ къ Гестингсу другое, болѣе щекотливое порученіе: онъ долженъ выпытать его мысль насчетъ честолюбивыхъ видовъ Ричарда, насчетъ низложенія сына той самой Елизаветы, которая когда-то такъ вредила нашему лорду. При первомъ намекѣ передъ нами раскрывается вся прямота Гестингса, вся его преданность законности, а вмѣстѣ съ нею и его гибельная несмотрительность.

Покуда голова моя цѣла,
Короною играть я не позволю!

говоритъ Гестингсъ, и словами этими выкупаетъ многое изъ своего прошлаго. Кетсби искусно лавируетъ въ сторону, замираетъ рѣчь и безъ труда обманываетъ довѣрчиваго пріятеля, произнесшаго собственный смертный приговоръ и все еще продолжающаго считать себя на верху величія и почестей. Мало того, что Гестингсъ безъ нужды выдаетъ свои помыслы и становится на дорогѣ лорда-протектора, онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ для защиты короны, даже для спасенія собственной жизни. Напрасно Стенли даетъ ему добрые совѣты, напрасно самый конь его спотыкается на пути и вздрагиваетъ, глядя на стѣны Товэра; — ни старческая мудрость, ни суевѣріе не наводятъ Гестингса на мысль объ осторожности. Онъ спокойно входитъ въ западню: шутитъ и болтаетъ въ совѣтѣ лордовъ, а минуту спустя, пропасть разверзается подъ нимъ — и мертвая голова Гестингса падаетъ съ плахи.

Лордъ Стенли, какъ было уже сказано, старъ и остороженъ, да и странно было бы не выучиться осторожности, видѣвши на своемъ

вѣку все то, что видѣлъ нашъ лордъ въ теченіе самыхъ кровавыхъ годовъ британской исторіи. Стенли не принадлежитъ къ друзьямъ законности; головы своей онъ не положитъ ни за кого на свѣтѣ, и уживется со всякимъ извергомъ, до той поры однакоже, пока не представится явная, *положительная* возможность отдѣлаться отъ изверга, насолившаго ему какъ слѣдуетъ. Ричардъ III видитъ Стенли насквозь, ненавидитъ въ немъ отчима графа Ричмонда, но при всей своей смѣлости и ловкости, не можетъ погубить этого старика, выскользающаго изъ рукъ, умаляющагося, увертывающагося при каждой опасности. Можетъ быть популярное имя Стенли удерживаетъ руку тирана, можетъ быть король надѣется на свой зоркій глазъ и своихъ шпіоновъ; но какъ бы то ни было, старый лордъ, подобно Протею въ миѳологіи, неминуемо ускользаетъ отъ всѣхъ преслѣдованій. Ричардъ не можетъ говорить съ нимъ хладнокровно: съ каждымъ словомъ онъ колетъ его своими подозрѣніями, выказываетъ къ нему оскорбительное недовѣріе, даже передъ сраженіемъ беретъ его сына въ заложники, — а между тѣмъ Стенли все-таки остается однимъ изъ главныхъ вельможъ и командиромъ цѣлаго отряда, который въ рѣшительную минуту весь передается Ричмонду, конечно со своимъ начальникомъ.

На босвортскомъ полѣ, послѣ выиграннаго сраженія, лордъ Стенли снимаетъ корону съ мертваго Ричарда и надѣваетъ ее на голову своего пасынка. Эта минута, по всей вѣроятности, должна назваться лучшей минутой въ жизни старой лисицы — Стенли. Но мы думаемъ, что радость стараго лорда должна нѣсколько разниться отъ радости Ричмонда и вождей, съ нимъ побѣдившихъ. Пока юноши возносятъ мольбы къ небу и пророчатъ счастливые годы своей родинѣ, хитрый старичокъ, по всей вѣроятности, размышляетъ о томъ, какъ сладко будетъ ему отдохнуть въ своемъ великолѣпномъ замкѣ и оттуда явиться ко двору, гдѣ ждетъ его, подъ конецъ жизни, почетное спокойствіе, безъ всякой перспективы быть обезглавленнымъ или задушеннымъ въ Товэрѣ.

Побочная и безъ всякаго старанія отдѣланная роль *короля Эдварда IV* стоитъ однакоже бо̀льшаго вниманія въ психологическомъ отношеніи. Король не дѣлаетъ ровно ничего и является только въ одной сценѣ, впрочемъ довольно̀ обширной, на которую мы долгомъ считаемъ обратить особенное вниманіе читателя. Въ ней соединены всѣ художественныя черты, вслѣдствіе которыхъ выростаетъ передъ нами образъ умирающаго сластолюбца, истощеннаго излишествами, не злаго по душѣ, и самой болѣзнью расположеннаго къ болѣзненной

нѣжности. Мнительность и суевѣріе короля, которыми Глостеръ воспользовался на погибель Кларенса, тоже совершенно подходятъ къ положенію Эдварда и роду его недуга. Люди неумѣренные въ любовныхъ наслажденіяхъ рѣдко бываютъ злы, но ипохондрическая недовѣрчивость, чувствительность, развитая ненормально, и трусливость во всѣхъ дѣлахъ жизни, почти всегда бываютъ ихъ удѣломъ, что̀ подтвердитъ всякій медикъ, знающій свою науку. Въ этомъ отношеніи Шекспировъ Эдвардъ вѣренъ природѣ, и такъ какъ мы видимъ его въ послѣднемъ періодѣ истощенія, за нѣсколько дней передъ смертью, то и черты, выше обозначенныя, сказываются въ немъ съ полной рельефностью. Его тяготятъ несогласія приближенныхъ, въ будущемъ видитъ онъ бѣды для своей семьи, и потому пытается примирить враждующихъ вельможъ, соединить ихъ воедино словами дружбы и благочестія. Какъ дитя, онъ радуется дружеской комедіи, разыгранной въ его угоду лицами, неспособными на примиреніе; какъ больной человѣкъ, онъ съ отрадою встрѣчаетъ минуту отдыха, разсчитываетъ на ея продолженіе, — и посреди до приторности добродѣтельнаго расположенія духа, внезапно получаетъ извѣстіе о смерти своего брата Кларенса. Тутъ къ его сердцу подступаютъ и ужасъ передъ судомъ Божіимъ, и болѣзненная чувствительность, про которую мы говорили, и дѣйствительная братская любовь, на время позабытая. Душу леденящими словами, истиннымъ воплемъ сердца встрѣчаетъ король Эдвардъ роковое извѣстіе, и на долю его, одного изъ самыхъ незначительныхъ лицъ драмы, выпадаютъ строки, принадлежащія къ лучшимъ памятникамъ Шекспировой поэзіи:

Имѣлъ я духъ сгубить роднаго брата,
И я рѣшусь помиловать раба?...
. . . . . .
Кто мнѣ напомнилъ, какъ мой бѣдный братъ,
Порвавши связи съ Варвикомъ могучимъ,
Сталъ за меня и бился за меня?
Кто мнѣ напомнилъ, какъ въ бою тяжеломъ,
Когда Оксфордъ меня одолѣвалъ,
Онъ спасъ мнѣ жизнь и ласково сказалъ мнѣ:
«Живи и будь царемъ, мой милый братъ!»
Кто мнѣ напомнилъ, какъ въ холодномъ полѣ,
Полузамерзшіе, лежали мы,
И онъ меня закрылъ своей одеждой,
А самъ, больной, полунагимъ остался
Подъ леденящимъ сводомъ темной ночи?...

Нужно ли говорить о томъ, какое дѣйствіе производитъ этотъ

вопль о погибшемъ, этотъ пароксизмъ братской любви въ устахъ умирающаго человѣка и короля Англіи?

Женскихъ лицъ въ драмѣ не много: первое и плѣнительнѣйшее изъ нихъ несомнѣнно леди Анна, несчастная супруга короля изверга. Мы знаемъ очень хорошо, что женщинамъ не нравится характеръ леди Анны, и даже многіе изъ горячихъ поклонниковъ Шекспира не шутя упрекаютъ за него поэта. По мнѣнію поклонниковъ этихъ, творецъ «Ричарда III-го», всегда готовый смотрѣть на женщинъ съ слишкомъ средне-вѣковой точки зрѣнія, умышленно совмѣстилъ въ леди Аннѣ всѣ шаткія, ребяческія и слабыя стороны женскаго характера. Защищать шекспировыхъ героинь мы не беремся. Корделія и Дездемона въ этомъ случаѣ краснорѣчивѣе всякой защиты; — что же касается до леди Анны, то по нашему мнѣнію, она не только не представляетъ типа, по чему нибудь оскорбительнаго, но напротивъ, кажется намъ прелестною при всѣхъ своихъ слабостяхъ. Леди Анна есть лицо живое, вѣрное во всѣхъ поколѣніяхъ, стоящее не одного пристальнаго изученія, но и всей симпатіи читателя. Она не имѣетъ героизма Корделіи,—это правда; у нея шаткій, женскій разумъ, какъ она сама сознается; при первомъ своемъ появленіи на сцену, она совершаетъ величайшее дѣло непостоянства, на какое только можетъ быть способна женщина, — но изъ-за этого еще нельзя бросать камня въ одно изъ трогательнѣйшихъ созданій Шекспира. Міръ наполненъ женщинами въ родѣ леди Анны, — хотя, по счастію для нихъ, въ томъ же мірѣ рѣдко встрѣчаются демоны – соблазнители, подобные Глостеру. Натура Анны—страстная и вспыльчивая, не знающая границъ въ своихъ порывахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неспособная на продолжительный гнѣвъ, и смягчающаяся тѣмъ полнѣе, чѣмъ ужаснѣй были минуты ея недолгаго раздраженія. Это натура чистаго, горячаго, благороднаго ребенка, вѣчно нуждающагося въ надзорѣ и любящемъ руководствѣ, — вѣчно впадающаго въ бѣду, чуть его предоставятъ собственному произволу. Всѣ побужденія этой натуры идутъ изъ чистаго источника; лишенная всякой зоркости на худое, она легко поддается каждому обольщенію, если оно прикрыто маской любви, страданія, чистаго раскаянія. Безсиліе леди Анны передъ страстной рѣчью есть недугъ всѣхъ преданныхъ женщинъ; ея способность скоро забывать старую любовь показываетъ въ ней существо, полное жизни и жаждущее любви живой, а не мертвой. Безъ этого, какъ же бы могли мы объяснить ея вниманіе къ человѣку, который зарѣзалъ ея мужа, ея отца, — и еще при гробѣ послѣдняго, едва

умывши свои кровавыя руки, осмѣлился произнести передъ нею признанія отчаянной страсти? Не физическая же красота Ричарда ее обольстила, не увлеклась же она положеніемъ Глостера, въ то время не имѣвшаго ни силы, ни общественнаго уваженія, да еще и запятнаннаго во всѣхъ отношеніяхъ! Ее просто увлекъ голосъ раскаянія и преданности; ея довѣрчивое сердце не могло предугадать обмана въ человѣкѣ, который подставилъ ей свою грудь и съ воплемъ требовалъ смерти; наконецъ, ея женское самолюбіе увлеклось мыслію о любви мужа, всѣмъ страшнаго, который никогда —

Ни къ другу, ни къ врагу
Не обращался съ ласковой мольбою.

Неужели же эти побужденія презрѣнны, неужели они могутъ набросить тѣнь на характеръ леди Анны и дать поводъ къ осужденію Шекспировыхъ понятій о женщинѣ? Да ежели бъ наконецъ леди Анна была дѣйствительно тѣмъ, что хотятъ видѣть въ ней иные комментаторы, то есть пустою дурою; еслибъ въ ея существѣ не было началъ святыхъ и чистыхъ,—то какъ же объяснить послѣ того исхищеніе Глостера послѣ ея ласковаго прощанія? Такъ можетъ радоваться только демонъ, смутившій душу ангела; а для ангела плохая характеристика въ глупости и женскомъ непостоянствѣ. Когда въ четвертомъ дѣйствіи, король Ричардъ уничтожаетъ гнѣвъ королевы Елизаветы, матери имъ зарѣзанныхъ принцевъ, и даже выпрашиваетъ у ней согласіе на бракъ съ ея дочерью, такая побѣда не исторгаетъ изъ его души никакихъ радостныхъ криковъ. «Наслу-то смягчилась непостоянная дура», холодно говоритъ онъ вслѣдъ королевѣ, и въ этомъ случаѣ онъ правъ, какъ нельзя болѣе: побѣдѣ надъ Елисаветой радоваться не стоитъ. Леди Анна — дѣло иное, и вотъ почему, обольстивъ ее, человѣкъ-демонъ доходитъ до проявленій безпредѣльнаго восхищенія. Нѣтъ, и повторяемъ это съ полнымъ убѣжденіемъ: леди Анна есть достойный цвѣтокъ въ роскошномъ цвѣтникѣ шекспировыхъ женщинъ; свѣтлое созданіе, не теряющее своего блеска въ созвѣздіи другихъ свѣтлыхъ и болѣе безгрѣшныхъ созданій, которымъ цѣлый свѣтъ по справедливости удивляется. Подобно Корделіи, она является лишь въ самомъ небольшомъ количествѣ сценъ драмы, но вездѣ является живою, вѣрною себѣ, возбуждающею наше безграничное состраданіе. Мы не знаемъ ничего умилительнѣе сценъ, въ которыхъ снова является это бѣдное дитя, созданное для любви и несчастія,—и является передъ нами обольщеннымъ, покинутымъ, и какъ будто въ насмѣшку надъ его долею, осыпаннымъ всѣми наружными признаками величія. Трудно удержаться отъ слезъ въ тѣ минуты, когда Стенли прихо-

дитъ звать леди Анну въ церковь для коронованія такое сочетаніе неизбѣжнаго величія съ безутѣшной скорбью могло бы одно прославить всякого поэта,—но у Шекспира подобныя сближенія родятся безпрестрастно, и подмѣчать ихъ значило бы писать новый этюдъ въ добавленіе къ этюду нашему.

Королева Елизавета, которой мы сейчасъ только коснулись, говоря о леди Аннѣ, есть дѣйствительно, если не дура, какъ называетъ ее король Ричардъ, то во всякомъ случаѣ женщина пустая и вялая. Поэтъ очертилъ ее съ небрежностью; но обыкновенная сила таланта сказалась сама собой — и помимо всякой заботы со стороны творца. Елизавета стоитъ предъ нами, какъ живая. Елисавета Грей, впослѣдствіи жена и вдова короля Эдварда, родилась въ небогатомъ семействѣ, вышла замужъ за небогатаго дворянина и служила образцомъ пехитрыхъ мѣщанскихъ добродѣтелей до той поры, когда Эдвардъ, самъ человѣкъ не блистательный, не плѣнился ею и не возвелъ ее съ собою на тронъ британскій. Елизавета была уже не молода во время своего втораго брака; вмѣстѣ съ ней, въ семью Эдварда вошла многочисленная толпа ея родственниковъ, которымъ надавали титловъ и чиновъ, въ ущербъ людямъ болѣе достойнымъ. Это породило ссоры и интриги, въ которыхъ королева не могла не принять участія. И дворъ, и народъ не были расположены къ Елизаветѣ, хотя, помимо пристрастія къ своей родинѣ, она не дѣлала ничего худаго, и даже можетъ быть, при другихъ болѣе спокойныхъ годахъ, могла бы прослыть доброю королевою; какъ бы то ни было, посреди политическихъ смутъ, неизвѣстности за свою будущность, ссоръ и вѣчнаго столкновенія партій, Елизавета могла думать только о себѣ, своихъ дѣтяхъ и своихъ неспособныхъ родственникахъ. Нелюбимая братьями короля, тяжко оскорбляемая Глостеромъ и его сторонниками, она горько сѣтуетъ о своей прежней скромной долѣ; но сѣтованія эти (художественная черта, общая всѣмъ безхарактернымъ женщинамъ) не мѣшаютъ ей высоко цѣнить званіе королевы, безпрестанно трепетать за свою власть и свое вліяніе. Разъ вкусивши почестей, бѣдная женщина привязалась къ нимъ со всей силой своей мѣщанской натуры, но не получила ни энергіи, нужной для королевы, ни даже способности вполнѣ наслаждаться своимъ величіемъ. Несмотря на то, Елизавета все-таки выше всего цѣнила свой санъ, была готова забыть все на свѣтѣ для его сохраненія. Всѣ эти тонкія особенности мелкой души переданы Шекспиромъ съ большою рельефностью. Съ самаго начала драмы жена Эдварда плачется на свою долю, тоскуетъ о прежнихъ безмятежныхъ годахъ, открыто говоритъ, что званіе британской королевы принесло ей одни оскорбле-

нія, — а между тѣмъ боится всякой перемѣны и не столько жалѣетъ объ умирающемъ мужѣ, сколько заботится о томъ, что будетъ съ ней самой послѣ его смерти. Когда послѣ смерти короля, Ричардъ Глостеръ наноситъ ударъ всей ея партіи арестомъ Грея и Вогена; Елизавета, даже еще не зная о ихъ предстоящей казни, почти лишается разсудка со страху. Вмѣсто того, чтобъ соединить вокругъ себя друзей законности, и принявъ всѣ мѣры для защиты, выжидать своего часа, она запирается въ церкви съ своимъ младшимъ сыномъ, раздражаетъ протектора признаками явнаго недовѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣластъ ровно ничего, способнаго разрушить его зловредные планы. Плаксивая и пустая женщина, она упускаетъ всѣ случаи въ свою пользу, до послѣдней минуты не помышляетъ о возможности дать отпоръ злодѣю, — и оставаясь истинно неспособною на какое нибудь дѣло, все-таки отчаянно держится за свой безплодный санъ королевы. Самое состраданіе, возбуждаемое въ насъ Елизаветою въ ту пору, когда на голову ея обрушивается потокъ величайшихъ бѣдствій, когда дѣти ея, невинные отроки, предательски умерщвлены въ Товэрѣ,—самое состраданіе наше, говоримъ мы, какъ-то неполно и перемѣшано съ нѣкоторымъ чувствомъ презрѣнія. Елизавета выказывается пустою и шаткою даже въ своей ненависти къ Ричарду, убійцѣ ея малютокъ. Она встрѣчаетъ губителя вскорѣ послѣ преступленія, когда еще тѣла маленькихъ принцевъ не успѣли предаться тлѣнію: мы ждемъ отъ нея проклятій или какого нибудь отчаяннаго дѣла,—а она довольствуется многословными упреками, за которыми, въ самомъ скоромъ времени, слѣдуетъ поступокъ истинно позорный, то есть согласіе на бракъ оставшейся дочери, и съ кѣмъ же—съ Ричардомъ, губителемъ всего ихъ семейства! Тѣмъ или другимъ путемъ, званіе королевы и почетъ съ нимъ неразлучный будутъ сохранены для Елизаветы. «Дрянная дура!» говоритъ про нее Ричардъ, и эти слова—единственная награда несчастной женщины, позабывшей и стыдъ, и мщеніе, и материнскую скорбь для сохраненія сана, которымъ столько лѣтъ не умѣла пользоваться.

Не такова *королева Маргарита*, вдова короля Генриха II, свергнутаго съ престола и умерщвленнаго представителями Йоркскаго дома. Это королева настоящая и рожденная для королевскаго сана, это женщина запятнанная кровью и преступленіями, но горько поплатившаяся за свое прошлое, — и все-таки величавая въ своемъ уничиженіи. Не безъ боя уступила Маргарита свои права во время предпослѣдней борьбы ланкастеровъ съ Йоркскимъ домомъ: народъ называлъ ее французской волчицей (she wolf of France), и не понапрасну. Она, какъ волчица, грызлась за свое логовище, она выѣз-

жала верхомъ передъ войсками, собирала дружины и вызывала помощь изъ Франціи; она издѣвалась надъ умирающимъ Йоркомъ и радовалась, глядя, какъ убивали маленькаго Рутленда, его сына. Изгнанная подъ страхомъ смертной казни, Маргарита нѣсколько разъ пробиралась въ Лондонъ, нѣсколько разъ замышляла возстаніе и до послѣдняго часа не переставала звать себя королевою. Для Маргариты санъ королевы выше всего, утрата его тяжеле гибели мужа и сына; о ней она никогда не забываетъ, ею она начинаетъ и заканчиваетъ всѣ свои проклятія. Сыну Елизаветы говоритъ она:

Вамъ, новаго издѣлія вельможи,
Знать не дано, что значитъ—*санъ высокій*
Утратить и оплакивать его...

«*Ты мой престолъ взяла*», безпрестанно повторяетъ она женѣ Эдварда IV, и за то пророчитъ ей отплату, по ея мнѣнію, изо всѣхъ отплатъ самую страшную:

Ты, королева,—такъ же, какъ и я
Переживи свой королевскій санъ,
Переживи дѣтей, и плачь надъ ними,
И все живи, — *и наглядись на то,*
Какъ новая захватитъ королева
Твои права и почести твои!

Даже увидавши прежнихъ своихъ враговъ посреди уничиженія, она неспособна смягчить своего гордаго сердца,—и только можетъ радоваться исполненію своихъ проклятій, да снова припомнить свои слова о томъ, что значитъ когда-то быть королевою и навсегда проститься съ этимъ званіемъ. «Теперь ты пузырь на водяной глади», повторяетъ она Елизаветѣ,—«теперь ты королева, годная только для театральныхъ подмостковъ! Гдѣ твоя былая радость,—*гдѣ вельможи, толпами ходившіе за тобой? гдѣ войска, тебя сопровождавшія? Кто становится на колѣни передъ тобою? кто кричитъ въ честь твою: да здравствуетъ королева Британіи?...*» Слова истинно страшныя, — раскрывающія передъ нами всю душу этого неукротимаго существа, у порога гроба не имѣющаго силы забыть о прошломъ величіи. Какая разница съ Елизаветою и ея жалобами по поводу прежней безвѣстной доли и тихихъ радостей!

Роль королевы Маргариты невелика, но вся преисполнена великолѣпныхъ лирическихъ мѣстъ, и потому можетъ дать много чудныхъ моментовъ артисткѣ съ дарованіемъ. Какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ, черезъ избытокъ лиризма, эта роль не всегда ладитъ съ ходомъ драматическаго дѣйствія, и несмотря на то, вооб-

разить драмы «Ричардъ III» безъ королевы Маргариты мы не въ состояніи. Душѣ было бы тяжело, еслибъ, во всемъ этомъ лабиринтѣ кровавыхъ и беззаконныхъ дѣлъ, глаза наши не останавливались на величественной фигурѣ женщины, жестоко пострадавшей за свои преступленія и пророчащей еще страшнѣйшія кары злодѣямъ, наполняющимъ сцену. Потребность высшей справедливости удовлетворена, — а нѣкоторая задержка въ движеніи пьесы съ избыткомъ выкупается художественнымъ созданіемъ этой дряхлой, изтерзанной, но несокрушимой Сивиллы, съ ея жаждой мщенія, съ безконечной скорбью объ утраченномъ величіи.

Въ созданіи лица *герцогини Йоркской*, матери короля Ричарда и бабушки младенцевъ задушенныхъ въ Товерѣ, опять-таки сказывается поэтъ, безпредѣльный какъ море, и сильный какъ сама природа. Самой чорствой душѣ хоть что нибудь скажетъ этотъ безукоризненный, сердцу говорящій образъ кроткой старушки, чуждой всѣмъ преступленіямъ, вокругъ нея совершающимся, испытавшей всѣ удары враждебнаго рока, оплакавшей все свое, когда-то цвѣтущее семейство, родившей на свѣтъ сына-чудовище, и несмотря на все это, милой и любящей, чуждой всякаго ожесточенія, — до той поры, когда наконецъ послѣднее гибельное дѣло Ричарда, убійство дѣтей Эдварда, переполнивъ всѣ мѣры зла, не заставляетъ ее произнести свое тяжелое, материнское проклятіе. Герцогиню Йоркскую мы постоянно видимъ окруженную дѣтьми, въ кругу сиротъ Кларенса, маленькихъ принцевъ, сыновей Эдварда,—и всякій читатель, когда либо наблюдавшій за проявленіями любви *прародительской*, неминуемо признаетъ въ старушкѣ типическое лицо бабушки. Ея нѣжныхъ разговоровъ съ внучатами, ея горькихъ сѣтованій о ихъ участи, никто не смѣшаетъ съ нѣжностью материнской, съ материнской скорбью: тутъ сказывается нѣжность и горе женщины, черезъ старость сближенной съ дѣтствомъ, положившей всю свою честную, любящую душу въ любовь къ внучатамъ. Даже въ ту минуту, когда, поглощенная отчаяніемъ, герцогиня Йоркская проклинаетъ своего сына-злодѣя, грозныя слова получаютъ особенный характеръ отъ одного нѣжнаго выраженія по поводу погибшихъ младенцевъ. «Малютки-души дѣтей Эдварда вдохнутъ отвагу твоимъ врагамъ, и предскажутъ имъ побѣду надъ тобою», произноситъ страдалица, убитая во всѣхъ своихъ привязанностяхъ. Неправильное и полное ласки выраженіе little souls (малютки-души), своей прелестью выдается изо всей рѣчи, вызывая слезу отъ самаго холоднаго цѣнителя.

Собственно о переводѣ мы не считаемъ нужнымъ распространяться, и скажемъ только, что онъ сдѣлалъ не по Колльерову изда-

нію. Полемика по поводу колльерова открытія, въ прошломъ году разгорѣлась съ новой силою и мы сожалѣемъ откровенно, что у насъ недостало терпѣнія снова слѣдить за ходомъ этого нескончаемаго спора. Съ годами вопросъ рѣшится, и тогда мы успѣемъ, если будетъ нужно, сдѣлать въ нашемъ текстѣ небольшія измѣненія, сообразно замѣткамъ, открытымъ въ знаменитой рукописи. Равнымъ образомъ читатель почти не найдетъ въ нашихъ примѣчаніяхъ подстрочно-буквальнаго перевода нѣкоторыхъ стиховъ, какъ это было въ примѣчаніяхъ «Коріолана». Въ «Ричардѣ III-мъ» мы тоже останавливались предъ странностью нѣкоторыхъ, черезчуръ метафорическихъ отрывковъ, и переводили ихъ безъ смягченія.

Такое дѣло, безъ сомнѣнія, облегчалось—отчасти энергіею подлинника, отчасти его чистотой отъ эвфуистическихъ пятенъ.

РИЧАРДЪ III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король ЭДВАРДЪ IV.
ЭДВАРДЪ, принцъ Валлійскій } сыновья короля.
РИЧАРДЪ, герцогъ Йоркскій }
ГЕОРГЪ, герцогъ Кларенсъ }
РИЧАРДЪ, герцогъ Глостеръ, впо- } братья короля.
слѣдствіи КОРОЛЬ РИЧАРДЪ III }
ГЕНРИХЪ, графъ Ричмондъ, впослѣдствіи король ГЕНРИХЪ VII.
Архіепископъ Кентерберійскій.
Архіепископъ Йоркскій.
ДЖОНЪ МОРТОНЪ, архіепископъ Эли.
ГЕРЦОГЪ БУКИНГАМЪ.
ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ.
ГРАФЪ СЕРРИ, его сынъ.
ГРАФЪ РИВЕРСЪ, братъ королевы Елизаветы.
МАРКИЗЪ ДОРСЕТЪ } ея сыновья отъ перваго брака.
ЛОРДЪ ГРЕЙ }
ГРАФЪ ОКСФОРДЪ.
ЛОРДЪ ГЕСТИНГСЪ.
ЛОРДЪ СТЕНЛИ.
ЛОРДЪ ЛОВЕЛЬ.
СИРЪ ТОМАСЪ ВОГЕНЪ.
СИРЪ РИЧАРДЪ РАТКЛИФФЪ.
СИРЪ ВИЛЬЯМЪ КЕТСБИ.
СИРЪ ДЖЕМСЪ ТИРРЕЛЬ.
СИРЪ ДЖЕМСЪ БЛОУНТЪ.
СИРЪ ВАЛЬТЕРЪ ГЕРБЕРТЪ.
СИРЪ РОБЕРТЪ БРЕКЕНБЕРИ, комендантъ Товэра.
КРИСТОФЕРЪ ЮРСВИКЪ, священникъ.
Другой священникъ.
Лордъ мэръ Лондонскій.
Шерифъ Вильтшейрскій.
ЕЛИЗАВЕТА, королева и супруга Эдварда IV.
МАРГАРИТА, вдова короля Генриха VI.
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ, мать короля Эдварда IV и герцоговъ: Кларенса Глостера.
ЛЕДИ АННА, вдова Эдварда Валлійскаго, (сына Генриха VI), впослѣдствіи супруга короля Ричарда III.
Маленькій сынъ и маленькая дочь герцога Кларенса.
Лорды, придворные, джентльмены, герольдъ, писецъ, граждане, убійцы, гонцы, привидѣнія, воины и проч.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ АНГЛІИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЛОНДОНЪ. — УЛИЦА.

(Входитъ Глостеръ).

ГЛОСТЕРЪ.

Прошла зима междоусобій нашихъ,
Подъ йоркскимъ солнцемъ лѣто разцвѣло,
И тучи всѣ, нависшія надъ нами,
Въ пучинѣ океана погреблись.
Свое чело мы лавромъ увѣнчали,
Сложили прочь избитые доспѣхи,
Весельемъ замѣнили грозный бой,
А звуки трубъ — напѣвомъ пѣсни нѣжной.
Разгладила морщинистый свой лобъ
Война свирѣпо-лицая, — и нынче
Не на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Разноситъ страхъ по вражеской толпѣ,
А ловко пляшетъ въ залахъ, между дамъ,
Подъ сладострастно-тихій голосъ лютни.
Одинъ я — не для нѣжныхъ созданъ шутокъ!
Не мнѣ съ любовью въ зеркало глядѣться:
Я видомъ грубъ, — въ величіи любви
Не мнѣ порхать предъ нимфою безпутной;
И ростомъ я, и стройностью обиженъ,
Обезображенъ лживою природой;
Не конченъ, искривленъ и раньше срока
Я выброшенъ въ волнующійся міръ —
На половину недодѣлокъ я.
И вышелъ я такимъ хромымъ и гадкимъ,
Что взвидѣвши меня, собаки лаютъ!
Чѣмъ, — въ эту пору вялыхъ наслажденій,
И музыки, и мирнаго веселья,—
Чѣмъ убивать свое я буду время?
Иль тѣнь свою слѣдить, на солнцѣ стоя,

Да разсуждать о томъ, что я уродъ?
Вотъ почему, надежды не имѣя
Въ любовникахъ дни эти коротать,
Я проклялъ наши праздныя забавы
И бросился въ злодѣйскія дѣла....
Чрезъ клевету, пашептыванье злое
Про сны, про толки пьяныхъ сумасбродовъ,
Мнѣ удалось смертельную вражду
Межь королемъ и Кларенсомъ посѣять;
И ежели Эдвардъ, нашъ государь,
Такъ прямъ и смѣлъ, какъ я хитеръ и ловокъ,
То Кларенса сегодня же засадятъ
Въ темницу. — Есть пророчество о томъ,
Что буква Г убьетъ-дѣтей Эдварда...
Ныряйте въ душу, мысли! Вотъ и Кларенсъ.
(Входитъ Кларенсъ подъ стражей и Брекенбери).
Здорово, братъ! Что значитъ эта стража
Въ оружіи вокругъ твоей особы?

КЛАРЕНСЪ.

Его величество, въ заботѣ нѣжной
О безопасности моей, велѣлъ
Подъ стражею меня отправить въ Тоуэръ.

ГЛОСТЕРЪ.

За что жь?

КЛАРЕНСЪ.

За то, что я зовусь Георгомъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Мой бѣдный братъ! твоя ли въ томъ вина?
Пускай въ тюрьму сажаютъ тѣхъ, кто назвалъ
Георгомъ при крещеніи тебя,—
Не въ Товэрѣ же вновь тебя крестить!
Въ чемъ дѣло, Кларенсъ?

КЛАРЕНСЪ.

Какъ же, Ричардъ, я
Скажу про то, чего и самъ не знаю?
Извѣстно лишь одно, что нашъ король
Толкуетъ все про сны и предсказанья.
Изъ азбуки изгналъ онъ букву Г
За то, что будто бы колдунъ какой-то

Ему сказалъ, что черезъ букву Г
Его семья престола не увидитъ.
Георгомъ я зовусь, и черезъ это
Онъ заключилъ, что я его злодѣй.
Вотъ что, съ причудами другими вмѣстѣ,
Противъ меня воздвигло короля.

ГЛОСТЕРЪ.

Да! такъ идутъ дѣла, когда мужья
У женъ своихъ сидятъ въ повиновеньи!
Не нашъ король тебя сажаетъ въ Тоуэръ,
Нѣтъ, Кларенсъ! Леди Грей, его жена,
Виною въ этомъ безразсудномъ дѣлѣ.
Такъ, не она ль съ смиреннѣйшимъ ханжой,
Антономъ Удвилемъ, достойнымъ братцомъ,
Склонили короля отправить въ Тоуэръ
И Гестингса, что выпущенъ сегодня?
Не хорошо здѣсь, Кларенсъ, намъ съ тобой.

КЛАРЕНСЪ.

Кому жь здѣсь хорошо, клянуся небомъ!
Ея роднѣ, да тѣмъ ночнымъ геральдамъ,
Что рыщутъ къ мистриссъ Шоръ отъ короля.
Ты не слыхалъ, какъ униженно Гестингсъ
Ее просилъ вступиться за себя?

ГЛОСТЕРЪ.

За то, что онъ молился съ униженьемъ,
Лордъ-камергеръ и былъ освобожденъ.
По моему, съ тобою намъ осталось,
Чтобъ милостей добыть отъ короля,
Надѣть ливрею Шоръ и поскорѣй
Проситься къ ней на службу: лишь она,
Да старая и злая королева
Имѣютъ власть и силу въ нашемъ царствѣ!

БРЕКЕНБЕРИ (*Кларенсу и Глостеру*).

Васъ, герцоги свѣтлѣйшіе, прошу я
Меня простить, — по волѣ короля,
Не допущу бесѣдъ я съ обвиненнымъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Вотъ что!... Однако, слушай, Брекенбери,
Мы отъ тебя, какъ видишь, не таимся,

Здѣсь нѣтъ измѣны. Говоримъ мы только,
Что нашъ король премудръ и благороденъ,
Что королева вовсе не стара,
Мила, добра и хороша собою,
Что мистриссъ Шоръ болтлива, весела,
Что губки у нея, какъ вишни —
Хорошенькая ножка, свѣтлый взглядъ;
Что въ ходъ пошли родные королевы...
Все это правда? Ты согласенъ съ нами?

БРЕКЕНБЕРІ.

До этого, милордъ, мнѣ нѣту дѣла.

ГЛОСТЕРЪ.

До мистриссъ Шоръ нѣтъ дѣла? Коли такъ,
То было бъ хорошо, когда бъ другіе
Такъ думали; а дѣло съ ней имѣлъ бы
Одинъ лишь человѣкъ.

БРЕКЕНБЕРІ.

Кого жь, милордъ,
Вы этимъ разумѣете?

ГЛОСТЕРЪ.

Кого?
Ея супруга, плутъ! Теперь ты можешь
На насъ доносъ подать.

БРЕКЕНБЕРІ.

Прошу я снова
Скорѣй бесѣду эту прекратить.

КЛАРЕНСЪ.

Твое мы уважаемъ порученье
И сдѣлаемъ по твоему.

ГЛОСТЕРЪ.

Въ опалѣ
У королевы мы, — и потому
Осталось намъ одно — повиноваться!
Прощай же, братъ! Я къ королю пойду
И все, что ты поручишь мнѣ исполнить,
Хотя бъ назвать сестрой вдову Эдварда, —
Я выполню и дамъ тебѣ свободу.
Прощай, и вѣрь — бѣдой твоею я
Сильнѣе тронутъ, чѣмъ ты можешь думать.

КЛАРЕНСЪ.

Обоимъ намъ тяжка она, я знаю.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты проспишь недолго въ заточеньи:
Я пропаду, иль выручу тебя.
Надѣйся же, и потерпи покуда!

КЛАРЕНСЪ.

Что дѣлать, потерплю! Прощай же, братъ!

(Уходятъ Брекенбери, Кларенсъ и стража).

ГЛОСТЕРЪ.

Ступай, ступай! назадъ ты не вернешься,
Довѣрчивый простакъ! Ты такъ мнѣ милъ,
Что душу я твою пошлю на небо,
Коли оно подарокъ приметъ мой.
Кто къ намъ идетъ? Лордъ-Гестингсъ?

(Входитъ Гестингсъ.)

ГЕСТИНГСЪ.

Добрый день
Вамъ, свѣтлый герцогъ!

ГЛОСТЕРЪ.

А, лордъ-каммергеръ!
Я радъ, что ты опять на волѣ бродишь.
Ну, какъ, милордъ, бѣду ты перенесъ?

ГЕСТИНГСЪ.

Съ терпѣніемъ, какъ узникамъ прилично;
Но я надѣюсь отблагодарить
Людей, черезъ которыхъ пострадалъ я.

ГЛОСТЕРЪ.

Еще бы нѣтъ! Того жь и Кларенсъ хочетъ.
Твои враги — его враги, и съ нимъ
Такую же они сыграли шутку.

ГЕСТИНГСЪ.

Не хорошо, когда орлы — по клѣткамъ,
А ястреба и копчики на волѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Что новаго на свѣтѣ?

ГЕСТИНГСЪ.

На свѣтѣ ничего, а дома плохо:
Король печаленъ, слабъ и все хвораетъ,
И лѣкаря боятся за него.

ГЛОСТЕРЪ.

Клянусь святыми! дѣло очень худо!
О, знаю я, кто виноватъ во всемъ,
Чѣмъ изнурилось царственное тѣло!
Да, тяжело объ этомъ толковать.
Король въ постелѣ?

ГЕСТИНГСЪ.

Да.

ГЛОСТЕРЪ.

Прощай же, Гестингсъ.
Я за тобой сейчасъ иду къ нему.

(Гестингсъ уходитъ).

Не встанетъ онъ, надѣюсь... Но Георга,
На небо, вскачь, пошлетъ онъ передъ смертью.
Я разожгу искусной клеветою
Его вражду, — и если мнѣ удастся,
То Кларенсу до завтра не дожить.
А тамъ, пускай Господь нашъ милосердный
Возьметъ къ себѣ Эдварда короля
И мнѣ пошлетъ просторъ на этомъ свѣтѣ!
Дочь Варвика себѣ возьму я въ жены.
Конечно... я убилъ ея отца!
Конечно... я убилъ ея супруга! —
Да что же въ томъ? Чтобы поправить дѣло,
Я самъ пойду въ отцы ей и въ мужья!
Не то, чтобъ очень я ее любилъ,
Но этотъ бракъ во многомъ мнѣ поможетъ.
Однако я запесся, — нашъ король
Еще на тронѣ, Кларенсъ живъ покуда;
Съ дороги ихъ, а тамъ сочтемъ добычу!

(Уходитъ).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЛОНДОНЪ. — ДРУГАЯ УЛИЦА.

(Вносятъ тѣло короля Генриха VI въ открытомъ гробѣ. Стража изъ джентльменовъ съ алебардами охраняетъ его. Леди Анна, невѣстка покойнаго короля, идетъ за гробомъ, въ глубокомъ траурѣ).

ЛЕДИ АННА.

Сложите же честную ношу вашу,
Когда въ гробу скрываться можетъ честь;
Поставьте гробъ на землю, чтобъ могла я
Еще рыдать надъ доблестною жертвой.
Холодный трупъ святаго короля!
Несчастный прахъ Ланкастерскаго дома!
Безкровный слѣдъ великой царской крови!
Позволь мнѣ плакать, царственная тѣнь!
Склони свой слухъ къ рыданьямъ бѣдной Анны,
Жены Эдварда, сына твоего,
Убитаго той самою рукой,
Что нанесла тебѣ вотъ эти раны!
О, въ эти окна, изъ которыхъ жизнь
Твоя ушла, и я бальзамъ безплодный
Хочу пролить изъ бѣдныхъ глазъ монхъ.
Будь проклята рука убійцы злаго!
И кровь того, кто кровь твою пролилъ!
Будь проклято и сердце, гдѣ сложилось
Рѣшеніе на пагубное дѣло!
Пускай на ненавистнаго злодѣя,
На горе намъ сгубившаго тебя,
Нагрянетъ зло, какого не желаю
Ни жабамъ я, ни паукамъ, ни гадамъ,
Что ползая, по свѣту носятъ ядъ!
Пусть, — если сынъ родится у него,
Родится онъ не въ срокъ и безобразенъ,
Чтобъ видъ его, чудовищный и гнусный,
Родную мать собою испугалъ!
Пусть будетъ сынъ его всѣхъ бѣдъ наслѣдникъ!
Пусть, — если онъ жену себѣ возьметъ,
Онъ передъ ней умретъ, ее сразивши
Еще страшнѣй, чѣмъ я поражена
Убійствомъ мужа и твоею смертью!

(Носильщикамъ).

Берите гробъ святой, — идемте въ Чертси,
Туда несите царственную ношу,
И если утомитесь, снова сложимъ
Мы гробъ на землю, и тогда я снова

Начну рыдать надъ прахомъ короля.

(Носильщики берутъ тѣло короля и дѣлаютъ нѣсколько шаговъ).

Входитъ Глостеръ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ни съ мѣста всѣ! Сложите гробъ на землю!

ЛЕДИ АННА.

Какимъ волхвомъ проклятымъ этотъ дьяволъ
Къ намъ присланъ, чтобъ мѣшать святому дѣлу?

ГЛОСТЕРЪ.

Сложите трупъ, бездѣльники! Иль я
Въ трупъ превращу того, кто съ мѣста ступитъ!

1-й ДЖЕНТЛЬМЕНЪ.

Съ дороги, герцогъ, — пропустите тѣло!

ГЛОСТЕРЪ.

Молчать, собака! Стой, когда велятъ!
Пошевелить осмѣлься алебардой —
И я тебя сейчасъ о землю брошу
И раздавлю, кляпусь святымъ я Павломъ!

(Носильщики ставятъ гробъ на землю).

ЛЕДИ АННА *(свитѣ)*.

Какъ? Вы дрожите? испугались вы?
Увы! — я не виню васъ: всѣ вы люди,
А взглядъ людской безъ силы передъ бѣсомъ!
Иди отъ насъ, избранникъ страшный ада!
Ты власть имѣлъ надъ этимъ смертнымъ тѣломъ,
Не надъ душой его, — иди же прочь!

ГЛОСТЕРЪ.

О, праведница милая! За что же
Бранишься такъ?

ЛЕДИ АННА.

Оставь насъ, гнусный дьяволъ!
Во имя Бога, не смущай насъ больше.
Ты свѣтлый міръ нашъ обращаешь въ адъ,
Исполненный проклятій и стенаній.
Гляди на слѣдъ кровавыхъ дѣлъ своихъ
И радуйся, убійца, передъ жертвой.

(Джентльменамъ).

Глядите всѣ, друзья мои, глядите!
Запекшіяся раны мертвеца

Раскрылись вновь и льютъ потоки крови.
Дрожи, краснѣй, ты выкидышъ поганый!
Ты подошелъ, и что же? — хлещетъ кровь
Изъ жилъ охолодѣвшихъ и безкровныхъ.
Отмсти ему, Господь, явившій намъ
Въ потокахъ крови чудеса свои!
Земля сырая, пьющая ту кровь,
Отмсти за это гибельное дѣло!
Ты, громъ небесный! разрази убійцу!
Земля, раскрывшись, поглоти его,
Какъ поглотила ты святую кровь,
Пролитую бѣсовскою рукою!

ГЛОСТЕРЪ.

Принцесса! не умѣешь ты платить
Добромъ за зло, прощеньемъ за проклятья.

ЛЕДИ АННА.

Тебѣ ль, мерзавецъ, Божій знать законъ?
И звѣри сами — знаютъ состраданье.

ГЛОСТЕРЪ.

Но я не звѣрь — его не знаю я!

ЛЕДИ АННА.

О чудо! дьяволъ правду говоритъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Еще чуднѣй, что ангелъ разсердился!
Позволь, моя божественная прелесть,
Въ моихъ воображаемыхъ винахъ
Передъ тобой достойно оправдаться.

ЛЕДИ АННА.

Позволь и мнѣ, чудовище изъ смертныхъ,
За всѣ твои кровавыя дѣла
Проклясть тебя, безстыдное созданье!

ГЛОСТЕРЪ.

Красавица, которой красоту
Не въ силахъ я изобразить словами,
Когда нибудь ты извинишь меня!

ЛЕДИ АННА.

Уродъ поганый, — удавись на мѣстѣ,
Ты лучшихъ извиненій не найдешь!

ГЛОСТЕРЪ.

Я обвиню себя такимъ поступкомъ.

ЛЕДИ АННА.

Нѣтъ, оправдаешь, если надъ собою
Ты совершишь отмщеніе за тѣхъ,
Кого убилъ ты, извергъ вѣроломный!

ГЛОСТЕРЪ.

Не убивалъ я ихъ.

ЛЕДИ АННА.

Такъ гдѣ жь они?
Нѣтъ, ты убилъ ихъ, рабъ, мерзавецъ, дьяволъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Не мной твой мужъ убитъ.

ЛЕДИ АННА.

Такъ гдѣ же мой мужъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Твой мужъ погибъ, — убитъ рукой Эдварда.

ЛЕДИ АННА.

Нѣтъ, лжешь ты! королева Маргарита
Въ его крови твой видѣла кинжалъ,
И ужь надъ ней ты тѣмъ взмахнулъ кинжаломъ,
Но братья отклонили твой ударъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Взбѣшенъ я былъ ея обидной бранью,
Я вызванъ былъ ихъ умысломъ, — вину
Взвалить ко мнѣ, безвинному, на плечи!

ЛЕДИ АННА.

Ты вызванъ былъ твоей душой кровавой,
Исполненной убійствъ и преступленій!
Не ты ли Генриха убилъ? Ты! ты!

ГЛОСТЕРЪ.

Согласенъ.

ЛЕДИ АННА.

А, ты согласенъ, ёжъ? Такъ пусть Господь
На то согласенъ будетъ, чтобы ты
Во вѣки проклятъ былъ за злое дѣло!
О, какъ онъ кротокъ, добръ, и ласковъ былъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Тѣмъ онъ нужнѣй для Господа, на небѣ.

ЛЕДИ АННА.

На небѣ онъ, гдѣ не бывать тебѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Все жь мнѣ спасибо — я его спровадилъ
Туда, гдѣ онъ нужнѣй чѣмъ на землѣ.

ЛЕДИ АННА.

А ты, злодѣй, въ одномъ аду лишь нуженъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, не въ одномъ аду.

ЛЕДИ АННА.

А гдѣ жь еще?
Въ темницѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, въ твоей опочивальнѣ!

ЛЕДИ АННА.

Будь проклятъ домъ, гдѣ ты живешь и спишь!

ГЛОСТЕРЪ.

И точно, проклятъ домъ мой одинокій,
Покуда въ немъ я сплю — и безъ тебя!

ЛЕДИ АННА.

Должно быть такъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да такъ оно и есть.
Но, леди Анна, милая моя,
Пора оставить этотъ бой острот
И перейти къ другой, спокойной рѣчи.
Не правда ли, что тотъ, кто умертвилъ
Плантагенетовъ, Генриха съ Эдвардомъ,
Имѣлъ причину жаждать крови ихъ?

ЛЕДИ АННА.

Ты былъ причиной, и убійцей ты же!

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, красота твоя всему виной, —
Та красота, которой грезилъ я...
Та красота, изъ-за которой смѣло
Рѣшуся я на всѣ убійства въ мірѣ,
Чтобъ хоть на мигъ къ груди твоей припасть!

ЛЕДИ АННА.

Когда бъ тебѣ я вѣрила, съ лица
Ту красоту ногтями бъ я сорвала.

ГЛОСТЕРЪ.

Твою красу губить не далъ бы я:
Моимъ глазамъ не снесть такой невзгоды!

Мнѣ жизнь и свѣтъ — краса твоя; какъ міру
И жизнь и свѣтъ въ лучахъ веселыхъ солнца!

ЛЕДИ АННА.

Пусть сгибнетъ жизнь, и свѣтъ твой мракомъ станетъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Красавица, не проклинай себя,
Ты жизнь моя, ты свѣтъ очей моихъ!

ЛЕДИ АННА.

О, еслибъ такъ! Отмстить съумѣла бъ я!

ГЛОСТЕРЪ.

Согласно ли съ природой, кроткій ангелъ,
Отмщать тому, кто такъ въ тебя влюбленъ?

ЛЕДИ АННА.

Правдиво и съ природою согласно
Отмстить убійцѣ мужа моего.

ГЛОСТЕРЪ.

Кто разлучилъ тебя съ твоимъ супругомъ,
Найдетъ тебѣ другаго, подостойнѣй.

ЛЕДИ АННА.

Достойнѣйшихъ чѣмъ онъ — на свѣтѣ нѣтъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, есть одинъ — тебя онъ больше любитъ.

ЛЕДИ АННА.

Кто жь онъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Платагенепетъ.

ЛЕДИ АННА.

То имя мужа.

ГЛОСТЕРЪ.

Хоть имя то, да человѣкъ не тотъ.

ЛЕДИ АННА.

Гдѣ жь онъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ здѣсь. *(Анна плюетъ на него)*
За что жь плевать на насъ?

ЛЕДИ АННА.

Я плюнуть бы хотѣла смертнымъ ядомъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Изъ милыхъ устъ идти не можетъ ядъ!

ЛЕДИ АННА.

Прочь съ глазъ моихъ: твой видъ — зараза мнѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

Твой взглядъ прелестный мнѣ давно зараза!

ЛЕДИ АННА.

О, ежели бъ, какъ василискъ, могла
Тебя убить я взглядомъ этихъ глазъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Я самъ того хочу, чтобъ сгибнуть разомъ
И кончить съ мукой, что терплю отъ нихъ!
Твои глаза мнѣ токи слезъ наслали,
Постыдныхъ и соленыхъ дѣтскихъ слезъ....
Мнѣ токи слезъ!... тому, кто никогда
Одной слезы изъ глазъ своихъ не пролилъ!
Когда Эдвардъ съ отцомъ моимъ рыдали,
Заслышавши, какъ Рутлендъ застоналъ
Подъ взмахомъ сабли смуглаго Клиффорда, —
И въ пору ту, когда отецъ твой грозный
Разсказывалъ, какъ умеръ мой отецъ,
И какъ дитя, печальную ту повѣсть
Десятки разъ рыдая прерывалъ,
Когда у всѣхъ стоящихъ тутъ лились
Потоки слезъ, какъ дождь съ древесныхъ листьевъ,—
Мои глаза, при горькомъ томъ разсказѣ,
За стыдъ сочли бы жалкую слезу!
И чтожъ? — глаза, сухіе въ горькій часъ,
Изъ-за красы твоей отъ слезъ ослѣпли!
Я никогда ни къ другу, ни къ врагу
Не обращался съ нѣжною мольбою;
Не зналъ языкъ мой ласковыхъ рѣчей.
Теперь, — я жажду прелестей твоихъ
И гордымъ сердцемъ на мольбу рѣшаюсь!

(Леди Анна смотритъ на него съ гнѣвомъ).

О, не сжимай такъ гнѣвно устъ твоихъ!
Они даны тебѣ для поцалуевъ,—
Не для презрѣнья. Слушай, леди Анна,
Когда твое безжалостное сердце
Прощать не въ силахъ, — вотъ мой острый мечъ —
Бери его, кончай со мною разомъ!
Пробей мнѣ сердце, полное тобой;
Нагую грудь тебѣ я подставляю
И на колѣняхъ смерти я прошу!

(Раскрываетъ грудь; леди Анна силится его ударить).

Не медли же, — я Генриха убилъ,
Но вызванъ былъ на то твоей красою!...
(Леди Анна снова хочетъ его ударить).
Кончай же! Я Эдварда закололъ,
Но вызванъ былъ твоимъ лицомъ небеснымъ!...
(Леди Анна роняетъ мечъ).
Бери жь мой мечъ! — или бери меня!
ЛЕДИ АННА.
Вставай, обманщикъ! Казни стоишь ты,
Но палачомъ твоимъ я быть не въ силахъ!
ГЛОСТЕРЪ.
Лишь прикажи: я самъ убью себя!
ЛЕДИ АННА.
Я ужь сказала разъ.
ГЛОСТЕРЪ.
Въ минуту гнѣва!
Но повтори мнѣ приказанье то —
И та рука, что изъ любви къ тебѣ
Людей, тобой любимыхъ, поразила —
Покончитъ и съ вѣрнѣйшею любовью.
ЛЕДИ АННА.
Кто можетъ знать, что въ сердцѣ у тебя?...
ГЛОСТЕРЪ.
Передъ тобой, языкъ мой сердце выдалъ.
ЛЕДИ АННА.
Боюсь я, оба лгутъ....
ГЛОСТЕРЪ.
Тогда и правды
На свѣтѣ нѣтъ.
ЛЕДИ АННА.
Ну.... ну.... вложи свой мечъ!
ГЛОСТЕРЪ.
Скажи, что ты прощаешь.
ЛЕДИ АННА.
Это послѣ
Узнаешь ты.
ГЛОСТЕРЪ.
Надѣяться ль?
ЛЕДИ АННА.
Всѣмъ людямъ,
Я думаю, надѣяться дано.
ГЛОСТЕРЪ.
О, согласись принять вотъ этотъ перстень!

ЛЕДИ АННА.

Принять его — не значитъ подарить.

(Надѣваетъ перстень на палецъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Смотри, какъ онъ присталъ къ рукѣ твоей!
Такъ вся душа моя къ тебѣ пристала.
Бери же насъ, — съ нимъ оба мы твои!
И если ты еще позволишь мнѣ
Униженно просить одной отрады,
То бѣдный рабъ твой вѣчно счастливъ будетъ!

ЛЕДИ АННА.

Чего жь еще ты проснешь?

ГЛОСТЕРЪ.

Удостой
Мнѣ передать надгробныя заботы
Надъ тѣмъ, чей прахъ оплакивать я долженъ;
Сама жь на время удалися въ Кросби,
Туда,—похоронивши съ торжествомъ
Великаго монарха, и смочивъ
Его могилу горькими слезами, —
Къ тебѣ явлюся я безъ промедленья.
Изъ-за причинъ таинственныхъ и важныхъ,
Молю тебя, о, согласись на это!

ЛЕДИ АННА.

Отъ всей души, и радуюсь я очень
Что видѣла раскаянье твое.

(Джентльменамъ).

Беркли и Трессель пусть идутъ за мной!

ГЛОСТЕРЪ.

Простися же со мной!

ЛЕДИ АННА.

Не много ль будетъ?
Но если ты склонилъ меня на лесть;
То можешь думать, что ужь я простилась.

(Уходятъ леди Анна, Тресселъ и Беркли).

ГЛОСТЕРЪ.

Эй вы! несите тѣло!

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ.

Въ Чертси, герцогъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ, — я приду туда.

(Уходятъ джентльмены съ гробомъ).

Была ль когда такъ ведена любовь?

Была ль когда такъ женщина добыта?
Она моя — да не надолго, впрочемъ.
Какъ!... я, зарѣзавшій ея отца,
Какъ!... я, зарѣзавшій ея супруга,
Пришелъ къ ней, въ часъ неслыханнаго гнѣва,—
Къ ней, полной слезъ и яростныхъ проклятій,
Рыдающей надъ жертвою моею, —
Пришелъ, имѣя все противъ себя:
И прошлое, и Бога самого;
Безъ всякаго заступника въ мольбахъ,
Съ однимъ притворствомъ дьявольскимъ,—и что же?
Она моя, наперекоръ всему!
Га!...
Уже забытъ неустрашимый воинъ
Эдвардъ, ея супругъ, въ минуту гнѣва
Убитый мной три мѣсяца тому?
Красивъ онъ былъ. Такого джентльмена,
Рожденнаго природой въ щедрый часъ,
И юнаго, и царственнаго духомъ,
Широкій міръ не скоро дастъ опять!...
И что жь? свой взглядъ она къ тому склонила,
Кѣмъ скошенъ былъ цвѣтъ жизни золотой,
Кто далъ ей ложе горестной вдовицы!
Ко мнѣ, хромому, гадкому уроду,
Не стоящему половины мужа!...
Нѣтъ! герцогство свое поставлю я
Противъ копѣйки нищаго: должно быть
Я самъ своихъ красотъ не понимаю!
Кляпуся жизнью — вѣдь нашла жь она
Во мнѣ весьма приличную особу!
Нѣтъ, надо будетъ зеркало добыть,
Да пріискать десятка два портныхъ,
Чтобы меня по модѣ нарядили.
Ужь ежели я вдругъ похорошѣлъ,
Такъ стоитъ и потратиться на это.
Ну, свалимъ же покойника въ могилу;
А тамъ, въ слезахъ, пойдемъ мы къ нашей дамѣ....
Сіяй же, солнце свѣтлое, покуда
Я зеркала еще не пріобрѣлъ,
На тѣнь свою мнѣ надо наглядѣться!

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ЛОНДОНЪ.—КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

(Входятъ королева Елизавета, лордъ Риверсъ и лордъ Грей).

РИВЕРСЪ.
Утѣшьтесь, государыня! здоровье
Навѣрно возвратится къ королю.
ГРЕЙ.
Отъ вашей грусти онъ и самъ тоскуетъ:
Такъ Бога ради успокойтесь, чтобы
Его веселой рѣчью оживить.
ЕЛИЗАВЕТА.
Когда умретъ онъ, что со мною будетъ?
ГРЕЙ.
Чему же быть, кромѣ потери мужа?
ЕЛИЗАВЕТА.
Въ такой потерѣ слиты всѣ потери!
ГРЕЙ.
Отъ Господа вамъ данъ достойный сынъ, —
Онъ васъ утѣшитъ въ часъ потери горькой.
ЕЛИЗАВЕТА.
Ахъ, молодъ онъ, и юныхъ лѣтъ его
Назначенъ стражемъ герцогъ Ричардъ Глостеръ;
А герцогъ ни меня, ни васъ не любитъ!
РИВЕРСЪ.
Правителемъ уже назначенъ онъ?
ЕЛИЗАВЕТА.
Хоть не назначенъ, но назначенъ будетъ,
Коль къ королю здоровье не вернется.
(Входятъ Букингамъ и Стенли).
ГРЕЙ.
Сюда идутъ лордъ Букингамъ и Стенли.
БУКИНГАМЪ.
Привѣтъ ея величеству отъ насъ!
СТЕНЛИ.
И пусть къ ея величеству Господь
Вернетъ ея обычную веселость!
ЕЛИЗАВЕТА.
Мой добрый лордъ! едва ль графиня Ричмондъ
Одобритъ это честное желанье?

Такъ, Стенли, хоть она, твоя жена,
Меня не очень любитъ, — но не въ силахъ
За злобу ту я ей платить враждой.

СТЕНЛИ.

Прошу васъ, государыня, не вѣрьте
Ея враговъ вы ложнымъ обвиненьямъ;
А еслибъ тѣ враги и правы были,
То снизойдите къ слабостямъ графини,
Всегда больной, но не враждебной вамъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Вы съ королемъ видались ужь, лордъ Стенли?

СТЕНЛИ.

Мы съ герцогомъ сейчасъ лишь отъ него.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ вы нашли его?

БУКИНГАМЪ.

Сказать въ часъ добрый,
Онъ веселъ былъ во время всей бесѣды.

ЕЛИЗАВЕТА.

Дай Богъ ему здоровья! Что же вы
Съ нимъ говорили?

БУКИНГАМЪ.

Хочетъ онъ согласья
Межь Глостеромъ и вашими родными....
Ихъ всѣхъ, а также лорда-каммергера
Изволилъ онъ потребовать къ себѣ.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, еслибъ такъ! но не бывать тому!
Я вижу, что надъ бездной счастье наше.

(Входятъ Глостеръ, Гестингсъ и Дорсетъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Я не стерплю такой себѣ обиды!
Кто смѣлъ пожаловаться королю,
Что я ихъ врагъ, что грубъ и золъ я съ ними?
Святымъ клянуся Павломъ! сплетни эти
Кто распустилъ, тотъ недругъ короля!
За то, что я не ласковъ и не льстивъ,
Не въ силахъ врать и сладко улыбаться,
Французскіе отвертывать поклоны,
Вертѣться обезьяной, мягко стлать, —
Меня считаютъ недругомъ упорнымъ.
Неужли жь простодушный человѣкъ

Не можетъ жить безвредно, — безъ того
Чтобъ простоту его не осквернили
И сплетники, и хитрые пройдохи?

ГРЕЙ.

Кого жь тутъ разумѣетъ ваша честь?

ГЛОСТЕРЪ.

Хотя бы тебя, — въ комъ чести пѣтъ и правды!
Въ чемъ грѣшенъ я? когда тебя обидѣлъ?
Или тебя? или тебя? иль всѣхъ
Изъ вашей шайки? Чортъ васъ поберп!
Едва лишь нашъ великій государь
(Господь храни его, — вамъ всѣмъ на горе!)
Успѣетъ часъ одинъ вздохнуть спокойнѣй,
Какъ вы опять его идете мучить
Своими сплетнями.

ЕЛИЗАВЕТА.

Нѣтъ, братъ нашъ Глостеръ,
Ошибся ты! Король своею волей,
А не по паговорамъ чьимъ нибудь
Такъ порѣшилъ: конечно, онъ примѣтилъ
Въ твоихъ поступкахъ ненависти признакъ
Ко мнѣ, къ моимъ роднымъ и сыновьямъ;
А видя это, хочетъ онъ причину
Вражды узнать—и устранить ее.

ГЛОСТЕРЪ.

Кто знаетъ васъ! Такъ гадокъ сталъ нашъ свѣтъ,
Что галки тамъ, куда орловъ не пустятъ.
Когда шуты полѣзли въ джентльмены,
Дворянамъ остается роль шутовъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Тебя мы разумѣемъ, братецъ Глостеръ:
Завидуешь ты мнѣ и всѣмъ къ намъ близкимъ.
Дай Богъ, чтобъ не нуждались мы въ тебѣ!

ГЛОСТЕРЪ.

А между тѣмъ, по той же Божьей волѣ,
Мы всѣ въ тебѣ нуждаемся: нашъ братъ
По милости твоей въ тюрьму посаженъ;
Въ опалѣ я; дворянству пѣту хода, —
А всякій день возводятъ въ санъ дворянскій
Такихъ людей, что и гроша не стоятъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Клянуся тѣмъ, кто на бѣду мою

Изъ скромной и счастливой прежней доли
Меня возвелъ на эту высоту, —
Не я возстановила государя
Противу Кларенса; а за него
Сама не разъ усердно я просила.
Милордъ, ты страшно оскорбилъ меня
Своимъ обиднымъ, лживымъ подозрѣньемъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты можетъ быть намъ скажешь, что и Гестингсъ
Былъ заточенъ не по твоей винѣ?

РИВЕРСЪ.

И будетъ въ правѣ то сказать, милордъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Неужели, лордъ Риверсъ, точно будетъ?
Мнѣ, кажется, у ней еще есть право:
Вамъ надавать отличій и чиновъ,
А послѣ объявить, что не она
Тому причиной, — а твои заслуги....
Она права, — и въ правѣ....

РИВЕРСЪ.

Что же въ правѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Свои дѣла поправить ловкимъ бракомъ,
Поймавши холостаго короля.
Бываютъ браки хуже, и въ примѣръ
Поставлю я твою родную бабку.

ЕЛИЗАВЕТА.

Лордъ Глостеръ! слишкомъ долго я сносила
И брань твою, и горькія насмѣшки!
Клянуся небомъ, прямо государю
Я разскажу объ этихъ оскорбленьяхъ.
О, лучше бы мнѣ быть простой служанкой,
Чѣмъ этотъ санъ носить, и чрезъ него
Терпѣть обиды, брань и шутки злыя!
Нѣтъ, радостей немного принесло
Мнѣ званіе британской королевы!

(Входитъ сзади королева Маргарита).

МАРГАРИТА (*про себя*).

И пусть Господь тѣхъ радостей убавитъ, —
Ты отъ меня взяла и тронъ и честь!

ГЛОСТЕРЪ (*къ Елизаветѣ*).

Что? государемъ ты грозишься мнѣ?

Иди жь къ нему и говори что хочешь;
Я самъ готовъ, въ присутствіи его,
Все подтвердить, что высказано мною.
Пускай себѣ меня сажаютъ въ Товэръ,
Когда мои заслуги позабыты.

МАРГАРИТА (*про себя*).

Нѣтъ, дьяволъ! тѣ заслуги помню я.
Ты Генриха, ты моего супруга
Убилъ въ тюрьмѣ, и ты же умертвилъ
Въ Тексбери сына моего Эдварда.

ГЛОСТЕРЪ (*къ Елизаветѣ*).

Когда ты королевой не была
И мужъ твой не сидѣлъ еще на тронѣ,
Ему служилъ я такъ, какъ вьючный конь:
Искореняя гордыхъ супостатовъ,
И не щадя друзьямъ его наградъ,
Чтобъ ваша кровь считалась царской кровью,
Я проливалъ свою.

МАРГАРИТА.

И кровь людей,
Достойнѣйшихъ чѣмъ ты и чѣмъ они!

ГЛОСТЕРЪ.

А въ тѣ года и ты, и мужъ твой Грей
За бунтъ и домъ ланкастерскій стояли,
И Риверсъ съ вами былъ. Твой мужъ убитъ
Противу насъ въ бою, подъ Сент-Альбенсомъ....
Вотъ вамъ совѣтъ мой: помните всегда
То, чѣмъ вы были, и что вы теперь,
А также чѣмъ я былъ, и что теперь я.

МАРГАРИТА.

Ты былъ и есть мерзавецъ кровожадный!

ГЛОСТЕРЪ,

А бѣдный Кларенсъ измѣнилъ отцу,
Нарушилъ клятвы, — пусть Господь всесильный
Проститъ его!

МАРГАРИТА.

Господь отмститъ за это!

ГЛОСТЕРЪ.

Соединился съ мужемъ онъ твоимъ,
Ему корону добылъ, — и теперь
За это онъ отправленъ въ заточенье!
О, лучше бъ сердце бѣдное мое

Изъ камня было, какъ у короля, —
Иль сердце королевское смягчилось
Такъ, какъ мое — и стало жалость знать!
Нѣтъ! глупъ я, кротокъ, дѣтски-слабъ для свѣта!

МАРГАРИТА.

Такъ брось нашъ свѣтъ, безстыдникъ! спрячься въ адъ!
Тамъ царствуй въ волю, дьявольское сѣмя!

РИВЕРСЪ.

Лордъ Глостеръ! въ эти тяжкіе года
Мы не были врагами государства,
Мы шли за нашимъ королемъ законнымъ —
Такъ точно, какъ пошли бы за тобой,
Когда бъ ты нашимъ государемъ былъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Я государемъ вашимъ? Нѣтъ, ужь лучше
Въ разпощики пойду я. Мысль о томъ
Противна сердцу!

ЕЛИЗАВЕТА.

Герцогъ! точно такъ же,
Какъ и тебѣ нерадостна та мысль, —
Нерадостно мнѣ званье королевы.

МАРГАРИТА.

А мнѣ, какъ настоящей королевѣ,
Еще нерадостнѣй великій санъ!
Нѣтъ, далѣе терпѣть не въ силахъ я....

(Выходитъ впередъ).

А! наглые разбойники! грызетесь
Вы за добычу, взятую отъ насъ?
Вы въ силахъ ли стоять, не задрожавши,
Рабы — передъ своею королевой?
Бунтовщики — предъ жертвою своей?

(Глостеру).

Что жь отвернулся ты, мошенникъ свѣтлый?

ГЛОСТЕРЪ.

Чего ты, вѣдьма, хочешь отъ меня?

МАРГАРИТА.

Хочу я счесть всѣ мерзости твои,
И не уйдешь отъ моего ты счета!

ГЛОСТЕРЪ.

Ты изгнана подъ страхомъ смертной казни.

МАРГАРИТА.

Да, — только мнѣ въ изгнаньи жить тошнѣй,

Чѣмъ умирать въ моей родной столицѣ.
Отдай мнѣ сына и супруга, — Глостеръ!
Елизавета! возврати мнѣ царство!
Вы всѣ склонитесь снова предо мною!
Вамъ горе я сдаю свое по праву,
Грабители всѣхъ радостей моихъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Тебя отецъ мой проклялъ благородный —
Въ тотъ часъ, когда на грозное чело
Надѣла ты бумажную корону, —
Въ тотъ часъ, какъ ты насмѣшкой ядовитой
Изъ глазъ его потоки извлекла
И бросила рыдающему ты
Платокъ, запятнанный невинной кровью
Дитяти Рутленда.... Въ тотъ горькій часъ
Его проклятье на тебя упало,
И Богъ тебѣ отмщаетъ, а не мы!

ЕЛИЗАВЕТА.

Господь всегда отмщаетъ за невинныхъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Безжалостно младенца умертвить —
Неслыханное, мерзостное дѣло!

РИВЕРСЪ.

Злодѣи сами плакали тогда!

ДОРСЕТЪ.

Всѣ люди призывали мщенье неба!

БУКИНГАМЪ.

Нортумберлендъ тамъ былъ, — и онъ заплакалъ!

МАРГАРИТА.

Какъ! предъ моимъ приходомъ грызлись вы,
Другъ-друга чуть за горло не хватали, —
И что жь, теперь противъ меня вы всѣ?
Иль такъ ужь святъ проклятый Йорка голосъ,
Что смерть Эдварда, Генриха погибель,
Потеря царства и мое изгнанье
Пошли въ отмщенье за его щенка?
Когда проклятье тучи разсѣкаетъ,
И открываетъ доступъ къ небесамъ:
Лети же къ небу, ты, мое проклятье,
И разступитесь облака предъ нимъ!
Какъ нашъ король жизнь кончилъ отъ убійцы,

Такъ вашъ умретъ отъ подлаго недуга!
Пускай Эдвардъ, твой сынъ и князь Валлійскій,
За моего валлійскаго Эдварда
Умретъ до срока той же самой смертью!
Ты, королева, такъ же, какъ и я
Переживи свой королевскій санъ!
Переживи дѣтей, и плачь надъ ними
И все живи, и наглядись на то,
Какъ новая захватитъ королева
Твои права и почести твои!
Пусть золотые дни твои погибнутъ
Задолго до твоей кончины! — пусть
Переживешь ты много дней тяжелыхъ
И сгибнешь — не британской королевой,
А жалкою бездѣтною вдовой!
Риверсъ и Дорсетъ, — также ты, лордъ Гестингсъ,
Смотрѣли вы, какъ подъ ножемъ кровавымъ
Мой сынъ погибъ, — и Богъ пошлетъ за то
Вамъ всѣмъ тоимъ безвременную гибель!

ГЛОСТЕРЪ.

Кончай скорѣй, изсохшая колдунья!

МАРГАРИТА.

Кончать, тебя забывши? Нѣтъ, постой
И выслушай, собака! Если небо
Еще хранитъ запасъ бѣды и зла,
Страшнѣйшаго чѣмъ я сказать умѣю, —
Пускай оно въ разгаръ грѣховъ твоихъ
Бѣдами тѣми грянетъ надъ тобой,
Рушителемъ спокойствія на свѣтѣ!
Пусть совѣсть, словно червь, тебя изгложетъ!
Пускай, страшась предательства въ друзьяхъ,
Ты ввѣришься предателямъ страшнѣйшимъ!
Пускай глаза проклятые твои
Не знаютъ сна безъ адскихъ грезъ тяжелыхъ,
Наполненныхъ бѣсовскимъ безобразьемъ!
Ты — выкидышъ, помѣченный на зло,
Свинья, что носомъ землю разрываетъ!
Ты при рожденьи заклейменный адомъ,
Какъ гнусный рабъ и адово изчадье!
Ты — тяжкій срамъ утробы материнской;

Ты — мерзкій плодъ отцовской мерзкой крови,
Отребіе безчестное!... Ты! ты!...

ГЛОСТЕРЪ.

Ты — Маргарита.

МАРГАРИТА.

Ричардъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Что угодно?

МАРГАРИТА.

Я не съ тобою говорю.

ГЛОСТЕРЪ.

А мнѣ
Представилось, что именно меня
Осыпала ты горькими словами.

МАРГАРИТА.

Да! только мнѣ не надобно отвѣтовъ, —
Я кончила съ проклятіемъ моимъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Назвавъ тебя, я тоже съ нимъ покончилъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Себя ты прокляла своимъ проклятьемъ!

МАРГАРИТА.

Ты — бѣдная, поддѣльная царица!
И ты льешь медъ на злаго паука,
Въ его сѣтяхъ запутавшись смертельныхъ!
Ты точишь ножъ на самое себя,
Безумная! И близко, близко время,
Когда со мной ты станешь проклинать
Горбатую и злую эту жабу!

ГЕСТИНГСЪ.

Довольно брани, бѣшеная вѣдьма!
Ты на бѣду себѣ разсердишь насъ.

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, вы меня, проклятые, взбѣсили!

РИВЕРСЪ.

Ты стòишь, чтобъ тебѣ внушить теперь
О томъ, кто ты и съ кѣмъ ты говоришь.

МАРГАРИТА.

Ну, что жь, внушайте. Я сама все знаю:
Я королева, вы мои рабы:
Вы сами это знаете, конечно.

ДОРСЕТЪ.

Она съума сошла.... Чего съ ней спорить!

МАРГАРИТА.

Молчать, маркизъ-мальчишка! Самъ ты глупъ
И не въ ходу твой юный гербъ дворянскій!
Вамъ, поваго издѣлія вельможи,
Знать не дано, что значитъ санъ высокій
Утратить и оплакивать его!
Кто высоко стоитъ, тотъ знаетъ грозы
И падая, ломается въ куски.

ГЛОСТЕРЪ (*Дорсету*).

Совѣтъ хорошъ и для тебя, маркизъ.

ДОРСЕТЪ.

Да и для васъ, милордъ, совѣтъ недуренъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Конечно, такъ. Но высоко взнеслось
Мое гнѣздо — туда, въ вершину кедра,
На зло вѣтрамъ, съ могучимъ солнцемъ въ спорѣ!

МАРГАРИТА.

И даже затмѣваетъ солнца свѣтъ!
Мой сынъ сіялъ въ лучахъ великой славы,
Но гнѣвной тучей ты закрылъ его
И свѣтлый лучъ исчезнулъ въ вѣчномъ мракѣ!
Въ гнѣздѣ чужомъ себѣ гнѣздо вы свили,
Но Богъ всезрящій не снесетъ того,
И сгибнетъ все, что добыли вы кровью!

БУКИНГАМЪ.

Посовѣстись хоть нѣсколько, на милость.

МАРГАРИТА.

Ни милости, ни совѣсти здѣсь нѣтъ:
Безъ милости со мной вы поступили,
Безъ совѣсти сгубили жизнь мою.
Мнѣ милость — срамъ, и совѣсть — жизнь моя
И въ жизни той лишь живы гнѣвъ и горе!

БУКИНГАМЪ.

Довольно же!

МАРГАРИТА.

Свѣтлѣйшій Букингамъ
Тебѣ цалую дружески я руку.
Будь счастливъ ты и домъ высокій твой.
Ты не запятнанъ нашей царской кровью
И проклинать тебя не стану я.

БУКИНГАМЪ.

Да и другихъ не надо! — злое слово

Несетъ бѣду устамъ, его сказавшимъ.

МАРГАРИТА.

Нѣтъ, на небо восходитъ слово то
И будитъ міръ, что тихо спитъ предъ Богомъ.
О Букингамъ, страшись собаки злой—
Она кусаетъ, ласково виляя,
И зубъ ея смертельно ядовитъ!
О берегись, бѣги отъ злаго пса—
Онъ заклейменъ и смертью, и грѣхами,
И слуги ада служатъ псу тому.

ГЛОСТЕРЪ.

Лордъ Букингамъ, что говоритъ она?

БУКИНГАМЪ.

Того передавать не стоитъ, герцогъ.

МАРГАРИТА.

Ты на меня — за добрый мой совѣтъ?
Ты льстишь тому, кого беречься долженъ?
О, вспомяни жь меня въ тотъ горькій день,
Когда тебѣ пробьетъ онъ душу скорбью!
Скажи тогда: *права ты, Маргарита*!
Да, пусть всѣхъ васъ онъ вѣчно ненавидитъ
И вы его — и всѣхъ васъ самъ Господь!

(Уходитъ.)

ГЕСТИНГСЪ.

Поднялись дыбомъ волоса мои
Отъ всѣхъ проклятій этихъ.

РИВЕРСЪ.

И мои.
Зачѣмъ даютъ бродить ей на свободѣ?

ГЛОСТЕРЪ.

Кляпусь Владычицей,—не въ силахъ я
Ее винить: она страдала много
И я винюся въ части тѣхъ страданій.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ничѣмъ я не обидѣла ее!

ГЛОСТЕРЪ.

Однако жь все, что отнято у ней
Себѣ взяла ты. Страшно и подумать,
Какъ много зла я въ пылкій часъ надѣлалъ!
И Кларенсъ также терпитъ по дѣламъ, —
Пусть Богъ проститъ того, кто сдѣлалъ это!

РИВЕРСЪ.

И честно, и согласно съ христіанствомъ
За тѣхъ молиться, кто обидѣлъ насъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Всегда таковъ я въ добрыя минуты:
Кляня другихъ, себя бы проклялъ я.

(Входитъ КЕТСБИ.)

КЕТСБИ.

Васъ, государыня, король зоветъ,
Васъ, герцогъ, также,—также васъ, милорды.

ЕЛИЗАВЕТА.

Иду сейчасъ. Милорды, вы со мной?

РИВЕРСЪ.

Мы слѣдуемъ за вами, королева.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Глостера.)

ГЛОСТЕРЪ.

Я зло творю,—и самъ кричу я первый
Затѣмъ, чтобъ всѣ коварныя дѣла
Искуснѣй на чужія плечи сбросить.
Я Кларенса въ темницу засадилъ,
И я жь кричу различнымъ ротозѣямъ
И Стенли съ Гестингсомъ, и Букингаму,
Что королева и ея родня
Возстановили брата противъ брата, —
И вѣрятъ мнѣ, и рвутся дураки
Отмстить Вогану, Риверсу и Грею!
Но я, вздохнувъ, твержу имъ изъ Писанья,
Что Богъ велитъ за зло платить добромъ...
Такъ прикрываю умыселъ я свой
Изъ книгъ святыхъ старинными клочками,
И чорта другъ — святымъ кажуся я.

(Входятъ двое убійцъ.)

Однако тише: вонъ мои ребята!
Ну, что, мои надежные друзья,
Идете вы покончить дѣло наше?

1-й УБІЙЦА.

Идемъ, милордъ, — намъ нуженъ только пропускъ,
Безъ этого не пустятъ насъ къ нему.

ГЛОСТЕРЪ.

Догадливъ я,—онъ взятъ, и здѣсь со мною.

(Даетъ бумагу.)

Окончивъ дѣло, приходите въ Кросби.

Но помните—не медлить, не зѣвать,
Не медлить и рѣчей его не слушать.
Я знаю, Кларенсъ говоритъ красно
И васъ еще разжалобитъ, пожалуй.

1-й УБІЙЦА.

Ну, ну, милордъ,—болтать не станемъ мы,
Отъ краснобаевъ дѣла не дождешься,—
Работать мы взялись не языкомъ,
А нашими руками.

ГЛОСТЕРЪ.

Это дѣльно!
Люблю я васъ, друзья!... Гдѣ дураки
Разплачутся,—изъ вашихъ глазъ скорѣе
Посыплются каменья, а не слезы!
За дѣло же, скорѣй.

1-й УБІЙЦА.

Идемъ, милордъ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛОНДОНЪ.—КОМНАТА ВЪ ТОВЕРѢ.

(Входятъ КЛАРЕНСЪ и БРЕКЕНБЕРИ.)

БРЕКЕНБЕРИ.

Какой сегодня безотрадный взглядъ
У вашего высочества.

КЛАРЕНСЪ.

Провелъ я
Дурную ночь. Была она полна
Тяжелыхъ грезъ и страшныхъ сновидѣній.
Какъ вѣрно то, что христіанинъ я —
Другой такою ночью не хотѣлъ бы
Купить я цѣлой жизни дней счастливыхъ.
Да, въ ужасѣ провелъ я эту ночь.

БРЕКЕНБЕРИ.

Что жь видѣли вы, герцогъ? Разскажите.

КЛАРЕНСЪ.

Мнѣ снилось, что бѣжалъ я изъ тюрьмы,
И по морю въ Бургундію я ѣду.
На кораблѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
И будто изъ каюты онъ взманилъ

Меня на палубу. Мы съ нимъ вдвоемъ
Глядѣли на родной британскій берегъ,
Припоминая все, что съ нами было
Въ тяжелые года войны тяжелой
Межь йоркскимъ и ланкастерскимъ домами.
Бесѣдуя, по зыбкому помосту
Ходили мы,—вдругъ оступился Глостеръ...
Я бросился къ нему, но онъ упалъ,
И падая, меня за бортъ онъ сбросилъ
Въ качавшуюся зыбь морскихъ валовъ.
О Боже! какъ мучительно тонулъ я!
Какъ шумъ воды въ ушахъ моихъ былъ страшенъ,
Какихъ смертей ужасно-безобразныхъ
Не насмотрѣлся я! Казалось мнѣ,
Я вижу тысячи судовъ затопшихъ,
По дну валялись тысячи людей
И рыбы ихъ глодали, — якоря,
И слитки золота, и жемчугъ въ грудахъ,
Цвѣтные камни, дивные алмазы,
Разбросаны, лежали подъ водою.
Изъ нихъ одни засѣли въ черепахъ
У мертвецовъ; другіе жь, какъ въ насмѣшку,
Ввалившися по скважинамъ глазнымъ,
Горѣли блескомъ страсти, какъ глаза
Между костей, раскиданныхъ повсюду
По вязкому пространству дна морскаго.

БРЕКЕНБЕРИ.

Да какъ же, умирая, вы успѣли
Всѣ тайны дна морскаго разглядѣть?

КЛАРЕНСЪ.

Казалось, все я видѣлъ. Много разъ
Духъ испускалъ я, но пучина злая
Душѣ моей свободы не давала
Летѣть въ пространство воздуха пустое,
И словно разрывалась грудь моя—
И задохнулся я въ морской пучинѣ.

БРЕКЕНБЕРИ.

И не проснулись вы отъ муки злой?

КЛАРЕНСЪ.

О нѣтъ, мой сонъ и послѣ смерти длился!
И буря началась въ душѣ моей:

Казалось мнѣ, что въ царство вѣчной ночи
Провезъ меня по лопу темныхъ водъ
Злой лодочникъ, поэтами воспѣтый.
И кто жь на берегу меня встрѣчаетъ?
Мой славный тесть, графъ Варвикъ знаменитый!
Онъ подошелъ ко мнѣ и закричалъ:
«Какая казнь за клятвопреступленье
Ждетъ Кларенса въ подземномъ царствѣ нашемъ?»
И вдруъ пропалъ онъ. Тутъ другая тѣнь,
Какъ будто ангелъ, съ свѣтлыми кудрями
Замокшими въ крови, вскричала громко:
«Здѣсь Кларенсъ! Лжецъ, злодѣй, предатель Кларенсъ,
Подъ Тексбери зарѣзавшій меня!
Ведите жь, духи тьмы, его на муку!
И съ этимъ словомъ, тьма бѣсовъ поганыхъ
Съ ужаснымъ смѣхомъ кинулась ко мнѣ,
И взвыла такъ, что пробудился я
Въ невыразимомъ трепетѣ... И долго
Казалось мнѣ, что все еще въ аду я—
Такъ былъ смущенъ я тѣмъ ужаснымъ сномъ!

БРЕКЕНБЕРИ.

Вашъ страхъ, милордъ, вполнѣ понятенъ мнѣ.
Я самъ дрожу, отъ одного разсказа.

КЛАРЕНСЪ.

О Брекенбери, точно грѣшенъ я
Во всемъ, что мнѣ теперь терзаетъ душу.
Эдварду я грѣхомъ моимъ служилъ,
И вотъ, какъ онъ за эту службу платитъ!
О Боже, если жаркая молитва
Смягчить не въ силахъ гнѣва твоего,
Когда за зло рѣшилъ ты мнѣ отплату, —
Пускай твой гнѣвъ лишь надо мною грянетъ,
Не надъ женой невинною моей,
Не надъ дѣтьми несчастными злодѣя!

(Къ Брекенбери).

Прошу тебя, мой другъ, побудь при мнѣ:
Душа моя грустна — и клонитъ сонъ.

БРЕКЕНБЕРИ.

Я не уйду, милордъ. Усните съ Богомъ.

(Кларенсъ засыпаетъ, сидя въ креслѣ).

Ломаетъ грусть привычки жизни нашей:

Ночь — утромъ дѣлаетъ, а полдень — ночью.
Вы, сильные земли! наружной честью
Вамъ платится за внутреннюю боль.
И часто, за душевное мученье,
Награждены вы лишь пустымъ почетомъ!
Межь темной долей и высокимъ саномъ
Гдѣ разница?—Въ одной наружной славѣ!

(Входятъ двое убійцъ.)

1-й УБІЙЦА.

Эй, кто тутъ?

БРЕКЕНБЕРІ.

Чего тебѣ надо, плутъ? Какъ ты сюда попалъ?

1-й УБІЙЦА.

Надо мнѣ говорить съ Кларенсомъ, а попалъ я сюда по милости своихъ ногъ.

БРЕКЕНБЕРІ.

Этого мало.

2-й УБІЙЦА.

О, сэръ, лучше говорить мало, чѣмъ болтать безъ толку! (*Къ товарищу*). Что толковать! дай ему приказъ въ руки.

(Брекенбери даютъ бумагу и онъ ее пробѣгаетъ).

БРЕКЕНБЕРІ.

Приказомъ этимъ мнѣ повелѣно
Сдать герцога вамъ на руки сейчасъ же.
Не мнѣ судить о томъ, что это значитъ.
Я не хочу брать на душу грѣха.
Вотъ вамъ ключи — вотъ герцогъ — въ креслѣ спитъ онъ.
Я къ королю иду — и передамъ,
Что герцога я сдалъ на ваши руки.

1-й УБІЙЦА.

Ступайте же, сэръ, вы дѣльно разсудили.
Прощайте же!

(Брекенбери уходитъ).

2-й УБІЙЦА.

Что жь? Убить его, покуда онъ спитъ.

1-й УБІЙЦА.

Нѣтъ! — еще проснется да скажетъ, что мы трусы!

2-й УБІЙЦА.

Проснется! Дуракъ ты! не проснется онъ до страшнаго суда.

1-й УБІЙЦА.

За то на страшномъ судѣ скажетъ, что мы его убили сонаго.

2-й УБІЙЦА.

На страшномъ судѣ!... Это слово затронуло мою совѣсть.

1-й УБІЙЦА.

Это что? Или ты трусишь?

2-й УБІЙЦА.

Убить его я не трушу, на то намъ приказъ дали. Боюсь я за свою душу,—ей никакой приказъ не поможетъ.

1-й УБІЙЦА.

Ну, думалъ я, что ты потверже!

2-й УБІЙЦА.

Да я и теперь твердо рѣшился — не убивать его.

1-й УБІЙЦА.

Такъ надо о томъ сказать герцогу Глостеру.

2-й УБІЙЦА.

Нѣтъ, погоди... Можетъ быть эта душеспасительная прихоть еще пройдетъ, — она у меня всегда не долга.

1-й УБІЙЦА.

Ну, рѣшился ты, что ли?

2-й УБІЙЦА *(помолчавъ)*.

По чести, все еще во мнѣ остается совѣсть!

1-й УБІЙЦА.

Вспомни, насъ наградятъ послѣ работы.

2-й УБІЙЦА.

Да, смерть ему! Я было и забылъ про награду.

1-й УБІЙЦА.

А-а, гдѣ теперь твоя совѣсть?

2-й УБІЙЦА.

Въ кошелькѣ герцога Глостера.

1-й УБІЙЦА.

Ну, а какъ она улетитъ, когда кошелекъ откроютъ для расплаты?

2-й УБІЙЦА.

Пусть летитъ, — кому она надобна?

1-й УБІЙЦА.

Такъ она прилетитъ къ тебѣ снова!

2-й УБІЙЦА.

Не хочу я съ ней знаться больше. Совѣсть—опасная штука, изъ-за нее человѣкъ попадаетъ въ трусы. Хочетъ онъ украсть—совѣсть мѣшаетъ; поклясться — совѣсть остановитъ; согрѣшитъ онъ съ чужой женою, совѣсть его обличитъ тутъ же. Этотъ стыдливый, краснѣющій бѣсъ только поднимаетъ въ нашей душѣ распри, да перечитъ всякому помыслу. Изъ-за него одинъ разъ я отдалъ назадъ кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него люди становятся нищими; его гонятъ изъ городовъ, какъ

вредное созданье, и всякій, кому хочется жить покойно, прежде всего долженъ съ нимъ развязаться.

1-й УБІЙЦА.

Вотъ и теперь онъ возлѣ меня, —говоритъ, чтобъ я не убивалъ герцога.

2-й УБІЙЦА.

Не вѣрь ему, — не вѣрь: онъ въ тебя какъ разъ заберется...

1-й УБІЙЦА.

Ну, я силенъ... Со мной сладишь не скоро.

2-й УБІЙЦА.

Дѣльно сказано. Ну что жь? за работу?

1-й УБІЙЦА.

Въ той комнатѣ бочка съ мальвазіей. Коли его,—мы его кинемъ въ бочку.

2-й УБІЙЦА.

Славно придумалъ...

1-й УБІЙЦА.

Тише, онъ проснулся!

2-й УБІЙЦА.

Что жь—коли!

1-й УБІЙЦА.

Нѣтъ, мы съ нимъ еще потолкуемъ.

КЛАРЕНСЪ *(просыпаясь)*.

Гдѣ сторожъ? Дайте мнѣ стаканъ вина.

1-й УБІЙЦА.

Сейчасъ вамъ будетъ много вина, милордъ!

КЛАРЕНСЪ.

Ради Бога! Что ты такое?

1-й УБІЙЦА.

Тоже, что и ты — человѣкъ.

КЛАРЕНСЪ.

Только не царскаго рода.

1-й УБІЙЦА.

За то честнаго, чего про тебя не скажутъ.

КЛАРЕНСЪ.

Ты дерзко говоришь, но робко смотришь.

1-й УБІЙЦА.

Говорю я голосомъ короля, а гляжу по своему.

КЛАРЕНСЪ.

Какъ сумрачна и злобна рѣчь твоя!
Грозишь ты взглядомъ. Отчего ты блѣденъ?
Ты отъ кого пришелъ? Зачѣмъ ты здѣсь?

ОБА УБІЙЦЫ.

Чтобъ... чтобъ... чтобъ...

КЛАРЕНСЪ.

Чтобъ умертвить меня?

ОБА УБІЙЦА.

Да, да...

КЛЕРЕНСЪ.

У васъ нѣтъ силъ, чтобы признаться въ томъ!
Гдѣ жь вы возьмете силъ на злое дѣло?
Друзья мои! чѣмъ васъ обидѣлъ я?

1-й УБІЙЦА.

Не насъ ты оскорбилъ, а короля.

КЛАРЕНСЪ.

Я скоро примирюся съ государемъ.

2-й УБІЙЦА.

Нѣтъ, герцогъ, никогда. Готовься къ смерти.

КЛАРЕНСЪ.

За что жь, изъ всѣхъ людей, васъ двухъ избрали
Убить невиннаго? Въ чемъ грѣшенъ я?
Въ какомъ я преступленьи уличенъ?
Передъ какимъ судомъ меня судили?
Какой судья изрекъ, нахмурясь грозно,
Для Кларенса послѣдній приговоръ?
Кто смѣетъ смертной казнію пугать
Того, кто не судимъ судомъ законнымъ?
Во имя Бога, васъ я заклинаю
Христовой кровью, пролитой за насъ,
Уйдите прочь, не проливайте крови...
Такое дѣло въ вѣчную погибель
Васъ вовлечетъ.

1-й УБІЙЦА.

Не мы за то въ отвѣтѣ.
Намъ велѣно.

2-й УБІЙЦА.

И королемъ еще.

КЛАРЕНСЪ.

Лжешь, рабъ! Тотъ, кто король надъ королями,
Въ своемъ законѣ людямъ начерталъ:
«*Не убивай!*» И смѣлъ ты тотъ законъ
Отвергнуть, человѣку угождая!
О, берегись, сильна Его рука
И молніей ослушниковъ караетъ!

2-й УБІЙЦА.

Такъ и тебя она теперь казнитъ

За клятвопреступленье и убійство.
Ты клялся предъ Господними дарами
Всегда за домъ ланкастерскій стоять.

1-й УБІЙЦА.

И разорвалъ священную присягу:
И, какъ предатель, въ грудь вонзилъ желѣзо
Ты сыну государя своего!

2-й УБІЙЦА.

Котораго ты защищать поклялся!

КЛАРЕНСЪ.

И для кого жь я сдѣлалъ злое дѣло?
Для брата, для Эдварда моего,
И онъ теперь, со мной преступникъ равный,
Васъ шлетъ ко мнѣ, чтобъ умертвить меня!
О, если Богъ меня казнить захочетъ,
Меня казнитъ онъ предъ лицомъ вселенной.
Не спорьте же съ Его рукой могучей:
Господь не совершаетъ тайныхъ казней
Надъ тѣми, кто законъ его попралъ!

1-й УБІЙЦА.

Такъ кѣмъ же былъ ты посланъ въ палачи
Въ тотъ часъ, когда Плантагенетъ державный
И удалой, и юный — былъ убитъ?

КЛАРЕНСЪ.

Я наученъ былъ дьяволомъ, а также
Любовью къ брату и минутой гнѣва.

1-й УБІЙЦА.

Твой братъ, твои грѣхи и должность наша
Приказываютъ намъ убить тебя.

КЛАРЕНСЪ.

Когда вамъ дорогъ государь, должны вы
Любить меня: я братъ его родной,
Ему я преданъ всей душою моею.
Уйдите жь. Васъ, быть можетъ, подкупили?
Такъ я пошлю васъ къ Глостеру. Онъ васъ
Щедрѣе наградитъ за жизнь мою,
Чѣмъ самъ король за вѣсть о смерти брата.

2-й УБІЙЦА.

Ошибся ты: вѣдь Глостеръ врагъ тебѣ.

КЛАРЕНСЪ.

О, нѣтъ, меня мой братъ по-братски любитъ.
Идите же къ нему.

ОБА УБІЙЦЫ.

Да, мы пойдемъ.

КЛАРЕНСЪ.

Пусть вспомнитъ онъ, какъ нашъ родитель славный,
Великій Іоркъ, могучею рукою
Своихъ троихъ сыновъ благословлялъ
И имъ приказывалъ любить другъ-друга!
Не думалъ онъ тогда объ этомъ дѣ!
Пусть Глостеръ вспомнитъ это, и заплачетъ.

1-й УБІЙЦА.

Каменьями скорѣе, чѣмъ слезами:
Такъ плакать онъ и насъ училъ недавно.

КЛАРЕНСЪ.

Не оскорбляйте Ричарда, — онъ добръ.

1-й УБІЙЦА.

Попалъ ты вѣрно. Разувѣрься, другъ,
Онъ насъ прислалъ, чтобъ мы тебя убили.

КЛАРЕНСЪ.

Не можетъ быть! Онъ такъ жалѣлъ меня,
Такъ обнималъ, и клялся онъ, рыдая,
Что скоро онъ освободитъ меня.

1-й УБІЙЦА.

И точно онъ тебѣ даетъ свободу
Отъ золъ земныхъ на небо перейти.

2-й УБІЙЦА.

Молись же Богу, — намъ давно пора!

КЛАРЕНСЪ.

Неужли ты въ душѣ своей способенъ
Такъ набожно сказать, чтобъ я молился,
И въ то же время, въ тяжкомъ ослѣпленьи,
Убійцей быть, и съ Богомъ враждовать?
Опомнитесь, друзья: кто васъ послалъ
Убить меня, — васъ проклянетъ за это.

2-й УБІЙЦА.

Что жь дѣлать намъ?

КЛАРЕНСЪ.

Спасти себя отъ ада,

2-й УБІЙЦА.

И сжалиться?

1-й УБІЙЦА.

Какъ женщины и трусы?

КЛАРЕНСЪ.

Лишь дьяволы и бѣшеные звѣри

Не знаютъ жалости. О, кто бъ изъ васъ
На мѣстѣ этомъ, посреди темницы,
Увидя двухъ убійцъ передъ собою,
Не сталъ молить о жизни?
Мой другъ, въ твоихъ глазахъ я вижу жалость:
О, ежели не лгутъ глаза твои,
Стань за меня, и умоляй со мною,
Какъ о своей бы жизни ты молилъ!
Кто изъ послѣднихъ нищихъ въ силахъ слушать
Моленья умоляющаго принца!

2-й УБІЙЦА.

Взгляните-ка назадъ, милордъ.

1-й УБІЙЦА (*колетъ Кларенса кинжаломъ*).

Вотъ такъ!—вотъ такъ еще! А если мало,
Я въ винной бочкѣ утоплю тебя.

(Уходитъ съ трупомъ).

2-й УБІЙЦА.

Кровавое, отчаянное дѣло!
Я, какъ Пилатъ, умыть хотѣлъ бы руки
Въ проклятомъ и безсовѣстномъ убійствѣ!

(Опять входитъ 1-й УБІЙЦА.)

1-й УБІЙЦА.

Что жь ты стоишь и мнѣ не помогаешь?
Я герцогу скажу, какъ медлилъ ты.

2-й УБІЙЦА.

Хотѣлъ бы я сказать ему, что братъ
Его не умерщвленъ. Бери всѣ деньги.
Скажи ему, что я сказалъ теперь, —
Я въ смерти герцога жестоко каюсь.

(Уходитъ).

1-й УБІЙЦА.

Ну, я не каюсь. Вонъ, трусишка скверный!
Пойдемъ однако,—надо спрятать трупъ,
Покуда не велятъ зарыть его.
Какъ деньги получу, мнѣ надо будетъ
Куда нибудь уйти — нечисто дѣло!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЛОНДОНЪ.—КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

(Выходятъ: король Эдвардъ (его ведутъ, больнаго) королева, Елизавета, Дорсетъ, Риверсъ, Гестингсъ, Букингамъ, Грей, и другіе)

ЭДВАРДЪ.

Такъ: доброе мы совершили дѣло.
Вы, лорды, сохраняйте вашъ союзъ:
Я каждый день готовлюся, по зову
Спасителя, оставить этотъ міръ;
Но радостнѣй отдамъ я душу Богу,
Согласіе впушивъ друзьямъ моимъ.
Риверсъ и Гестингсъ! кончите вражду,
Соедините руки, и клянитесь
Любить другъ-друга.

РИВЕРСЪ.

Небомъ я кляпусь,—
Моя душа чиста отъ гнѣвныхъ мыслей,
И вотъ печать любви—рука моя!

ГЕСТИНГСЪ.

И въ томъ же я клянусь душей моею!

ЭДВАРДЪ.

Страшитесь лгать предъ вашимъ государемъ.
И помните, что царь царей земныхъ,
Когда вы лжете, тяжко вамъ отплатитъ
И чрезъ вражду обоихъ сгубитъ васъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Пусть счастья не видать мнѣ, если лгу!

РИВЕРСЪ.

И мнѣ, когда я съ Гестингсомъ враждую!

ЭДВАРДЪ.

Ты, королева, тоже здѣсь грѣшна
И сынъ твой Дорсетъ съ принцомъ Букингамомъ, —
Вы всѣ другъ съ другомъ горько враждовали.

Жена, мирися съ Гестингсомъ, — лордъ Гестингсъ
Цалуй ей руку, и забудь вражду.

ЕЛИЗАВЕТА.

Лордъ Гестингсъ, вотъ рука моя. Отнынѣ
На вѣкъ забыта прежняя вражда.

ЭДВАРДЪ.

Лордъ Гестингсъ и лордъ Дорсетъ, обнимитесь!

ДОРСЕТЪ.

Здѣсь объявляю я, что нашъ союзъ
Во вѣки не разрушится.

ГЕСТИНГСЪ.

Я тоже.

(Обнимаются).

ЭДВАРДЪ.

Свѣтлѣйшій Букингамъ! скрѣпи союзъ,
Обнявши всѣхъ родныхъ моей супруги:
И съ радостью на васъ я погляжу.

БУКИНГАМЪ (*королевѣ*).

Коль Букингамъ когда нибудь забудетъ
Служить съ любовью дому твоему,
Когда посмѣетъ онъ смотрѣть враждебно
На королеву,—пусть ему Господь
Враждою отъ друзей его отплатитъ!

(Гестингсу, Дорсету и пр.)

Пускай въ тотъ часъ, какъ въ преданнѣйшемъ другѣ
Всего сильнѣй нуждаться буду я,
Мой лучшій другъ окажется глубокимъ
И гибельнымъ предателемъ, — и небо
Воздастъ мнѣ тѣмъ, когда я васъ забуду.

(Обнимаетъ Гестингса и др.)

ЭДВАРДЪ.

Твои слова, свѣтлѣйшій Букингамъ,
Мнѣ пролили бальзамъ въ больную душу.
Зачѣмъ же братъ нашъ Глостеръ не спѣшитъ
Закончить тотъ союзъ благословенный?

БУКИНГАМЪ.

Вотъ, въ добрый часъ, — и герцогъ благородный!

(Входитъ Глостеръ).

ГЛОСТЕРЪ.

День добрый государю моему,
И королевѣ, и вельможнымъ перамъ!

ЭДВАРДЪ.

Да, этотъ день въ добрѣ мы провели,

Любезный братъ; мы послужили Богу
И миромъ замѣнили мы вражду
Межь пэрами, которыхъ здѣсь ты видишь.

ГЛОСТЕРЪ.

Богъ въ помочь вамъ, великій государь!
Когда во всемъ ихъ благородномъ кругѣ
Есть кто нибудь считающій меня,
По наговорамъ или по ошибкѣ,
Своимъ врагомъ;
Когда я самъ, въ часъ гнѣва, иль невольно,
Изъ нихъ кого жестоко оскорбилъ,
Здѣсь я прошу и мира и прощенья.
Тошнѣе смерти—всякая вражда,
Мнѣ ссоры ненавистны, — и хочу я
Любимымъ быть отъ всѣхъ людей достойныхъ.
Васъ, королева, прежде всѣхъ прошу я
Простить меня, принять мою любовь;
Потомъ тебя, кузенъ мой Букингамъ,
Прошу забыть всѣ споры между нами;
Тебя, лордъ Риверсъ, и тебя, лордъ Грей,
Что хмурились на меня напрасно;
Васъ, джентльмены, герцоги и графы,
Я всѣхъ прошу не враждовать со мной.
Я въ Англіи не знаю человѣка,
Съ которымъ бы я больше враждовалъ,
Чѣмъ только-что родившійся младенецъ,—
И Бога я хвалю за эту кротость.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мы этотъ день какъ праздникъ помнить станемъ;
Пускай Господь такъ кончитъ ссоры всѣ.
Мой государь! теперь просить хочу я,
Чтобы брата Кларенса простили вы.

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ, королева! — развѣ для того
Я говорилъ слова любви предъ вами,
Чтобъ быть осмѣяннымъ при государѣ?
Всѣ знаютъ, что погибъ нашъ добрый герцогъ:
За что жь вы прахъ позорите его?

(Всѣ ужасаются).

ЭДВАРДЪ.

Всѣ знаютъ, что погибъ онъ? Какъ? кто знаетъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Господь, Господь! что дѣлается съ нами?

БУКИНГАМЪ.

Лордъ Дорсетъ! поблѣднѣлъ я, какъ и всѣ?

ДОРСЕТЪ.

Да, добрый лордъ, — и межу всѣми нами
Ни на одномъ лицѣ румянца нѣтъ.

ЭДВАРДЪ.

Какъ? Кларенсъ умеръ? Но приказъ мой первый
Самъ отмѣнилъ я!

ГЛОСТЕРЪ.

Только бѣдный братъ
Погибъ, и не дождался той отмѣны.
Гонецъ крылатый первый снесъ приказъ,
Второй достался вялому калѣкѣ —
И тотъ гонецъ къ похоронамъ поспѣлъ.
О, знаю я людей, не такъ высокихъ
И меньше преданныхъ, чѣмъ бѣдный Кларенсъ,
Которыхъ за кровавыя дѣла
Давно бъ должна постигнуть та же участь:
А ихъ никто не обвиняетъ даже!

(Входитъ Стенли.)

СТЕНЛИ (*ставъ на колѣно.*)

Я къ королю за милостью являюсь.

ЭДВАРДЪ.

Оставь меня,—въ тоскѣ душа моя.

СТЕНЛИ.

Не встану я, не высказавши просьбы.

ЭДВАРДЪ.

Такъ говори жь скорѣе, въ чемъ она?

СТЕНЛИ

За жизнь слуги прошу я, государь,
Имъ буйный дворянинъ убитъ сегодня
Изъ прежней свиты герцога Норфолька.

ЭДВАРДЪ.

Имѣлъ я духъ сгубить роднаго брата —
И я рѣшусь помиловать раба?
Мой братъ былъ грѣшенъ мыслью, не убійствомъ,
Но горькой смертью былъ наказанъ онъ.
Кто за него молилъ? Кто въ гнѣвный часъ,
Передо мною преклонивъ колѣни,
Просилъ меня одуматься? Кто вспомнилъ

И прежнюю любовь, и узы крови?
Кто мнѣ напомнилъ, какъ мой бѣдный братъ,
Порвавши связи съ Варвикомъ могучимъ,
Сталъ за меня и бился за меня?
Кто мнѣ напомнилъ, какъ въ бою тяжеломъ,
Когда Оксфордъ меня одолѣвалъ,
Онъ спасъ мнѣ жизнь и ласково сказалъ мнѣ :
«*Живи, и будь царемъ, мой милый братъ!*»
Кто мнѣ припомнилъ, какъ въ холодномъ полѣ
Полузамерзшіе лежали мы,
И онъ меня закрылъ своей одеждой,
А самъ, больной, полунагимъ остался
Подъ леденящимъ сводомъ темной ночи?
Мой звѣрскій гнѣвъ все это вырвалъ разомъ
Изъ памяти,—и что жь? — никто изъ васъ
Не захотѣлъ къ добру вести мой разумъ!
Но чуть лишь конюхи и слуги ваши
Напьются и злодѣйски осквернятъ
Спасителемъ благимъ намъ данный образъ,
Вы на колѣни : «*пощади! помилуй!*»
И беззаконно милую я ихъ !
Зачѣмъ же вы за брата не молили ?
Зачѣмъ я самъ не могъ, неблагодарный,
Его заслугъ припомнить? Самый гордый
Изъ всѣхъ васъ многимъ былъ обязанъ брату,
И за него не вымолвилъ ни слова!
О, вѣрю я, судъ Господа правдивый
Меня и васъ за это поразитъ!
Веди меня отсюда, Гестингсъ. О!
Несчастный Кларенсъ !

(Уходятъ король, королева, Гестингсъ, Риверсъ, Дорсетъ и Грей).

ГЛОСТЕРЪ.

Вотъ плодъ поспѣшности! Кто не примѣтилъ,
Какъ королевы злобная родня
При страшной вѣсти тотчасъ поблѣднѣла?
Они на зло склонили государя.
Имъ Богъ за то отплатитъ. Что же, лорды?
Отправимтесь Эдварда утѣшать.

БУКИНГАМЪ.

Мы слѣдуемъ за вашимъ высочествомъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТАМЪ ЖЕ.

(Входитъ ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ СЪ СЫНОМЪ И ДОЧЕРЬЮ ГЕРЦОГА КЛАРЕНСА).

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Скажи намъ, бабушка, отецъ нашъ умеръ?

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, дитя мое.

ДОЧЬ ГЕРЦОГА.

Зачѣмъ же плачешь ты, бьешь въ грудь себя
И говоришь: «*мой Кларенсъ, бѣдный сынъ мой!*»

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Когда отецъ нашъ живъ, зачѣмъ же ты
Глядишь такъ жалко, головой качаешь,
Насъ бѣдными сиротками зовешь?...

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ, внучки милые, ошиблись вы:
Я плачу о болѣзни короля,—
О немъ, не объ отцѣ я вашемъ плачу:
Что тосковать о томъ, кого ужь нѣтъ!

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Вотъ, бабушка, сама ты намъ призналась,
Что нѣтъ отца на свѣтѣ. Знаю я,
Король въ томъ виноватъ. Молиться стану
Я Господу, чтобъ онъ отмстилъ ему.

ДОЧЬ ГЕРЦОГА.

И я также.

ГЕРЦОГИНЯ.

Молчите, дѣти! Любитъ васъ король;
Вамъ не понять, невинные младенцы,
Кто вашего родителя сгубилъ!

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Нѣтъ, бабушка, мы знаемъ —кто. Мнѣ Глостеръ,
Нашъ добрый дядя, говорилъ не разъ,
Что государь, въ угодность королевѣ,
Отца велѣлъ въ темницу посадить.
И говоря мнѣ это, дядя плакалъ,
Жалѣлъ объ насъ и цаловалъ меня,

И все твердилъ, что онъ отцомъ мнѣ будетъ,
А я — его роднымъ, любимымъ сыномъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ахъ, кротостью обманъ онъ прикрываетъ
И честной маскою великій грѣхъ!
Онъ сынъ мой,—да—и срамъ мой вмѣстѣ съ этимъ,
Но лживый правъ не я ему дала.

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Неужли, бабушка, нашъ дядя лжетъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Лжетъ онъ, дитя мое.

СЫНЪ ГЕРЦОГА.

Не вѣрится мнѣ какъ-то. Что за шумъ?

(Входитъ КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЪ ОТЧАЯНІИ, ЗА НЕЙ РИВЕРСЪ И ДОРСЕТЪ.)

ЕЛИЗАВЕТА.

О, не мѣшайте мнѣ рыдать и плакать,
И мучиться, и проклинать судьбу!
Пусть буду я врагомъ себя самой, —
Но не прощусь я съ мрачнымъ изступленьемъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Зачѣмъ твоя отчаянная рѣчь?

ЕЛИЗАВЕТА.

Затѣмъ, что дѣло тяжкое свершилось!
Эдвардъ скончался,—умеръ нашъ король,
Твой сынъ Эдвардъ, — мой мужъ и повелитель!
Что жить вѣтвямъ, коль въ корнѣ жизни нѣтъ?
Зачѣмъ листы, когда въ нихъ сокъ изсякнулъ?
О плачьте вѣчно, иль умрите разомъ,
Чтобы на быстрыхъ крыльяхъ души наши
Нагнать успѣли душу короля!
Покорные рабы, идемъ за нимъ
Въ его святыя, новыя владѣнья!

ГЕРЦОГИНЯ.

Я эту скорбь дѣлю душой моею:
Къ ней близокъ былъ великій твой супругъ!
Когда меня мой мужъ покинулъ славный,
Въ моихъ дѣтяхъ его остался образъ,
И я жила и любовалась ими!
И вотъ теперь два царственные лика —
Два зеркала въ куски разбиты смертью,
И мнѣ на скорбь лишь третье не погибло,

И тусклое, и лживое стекло!
Хоть ты вдова, но матерью осталась,
Въ своихъ дѣтяхъ найдешь отраду ты;
А у меня и мужа смерть отняла
И костыли изъ этихъ слабыхъ рукъ:
Эдварда съ Кларенсомъ! Ты испытала
На половину менѣе, чѣмъ я,
И весь твой плачъ въ моихъ потонетъ стонахъ!

СЫНЪ ГЕРЦОГА ЙОРКА (*королевѣ Елизаветѣ.*)

Мы, тетя, о тебѣ не станемъ плакать:
Ты плакала ль, какъ умеръ нашъ отецъ?

ДОЧЬ ГЕРЦОГА ЙОРКА.

Для насъ, сиротъ, ты пожалѣла слезъ —
И мы съ тобой, вдовою, не заплачемъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, я рыдать безъ помощи могу!
Я не бѣдна тоскою и слезами,
Въ моихъ глазахъ слилися ихъ потоки,
И водъ морскихъ владычица-луна
Слезами тѣми цѣлый міръ затопитъ!
Мой милый мужъ! Эдвардъ! мой повелитель!

ДѢТИ.

О, бѣдный Кларенсъ, милый нашъ отецъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

О, сыновья мои, Эдвардъ и Кларенсъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Эдварда нѣтъ! моей подпоры нѣтъ!

ДѢТИ.

И Кларенса — подпоры нашей, нѣтъ!

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ сыновей моихъ, моей подпоры!

ЕЛИЗАВЕТА.

На свѣтѣ нѣтъ вдовы, меня несчастнѣй!

ГЕРЦОГИНЯ.

Нѣтъ матери несчастнѣе меня!
О, горе мнѣ, — я мать всему ихъ горю:
Что часть для нихъ, то все далося мнѣ!
Я объ Эдвардѣ плачу вмѣстѣ съ нею,
О Кларенсѣ я плачу безъ нея.
Вотъ эти дѣти объ отцѣ рыдаютъ
И я о немъ рыдаю съ ними вмѣстѣ;
Но объ Эдвардѣ плачу я безъ нихъ.

Васъ трое здѣсь, но я тоскую втрое....
О, плачьте жь! я со всѣми плакать стану
И няньчить вашу скорбь моимъ рыданьемъ.

ДОРСЕТЪ (*королевѣ Елизаветѣ*).

Мать милая, утѣшься! Грѣхъ роптать
На Господа великія дѣянья.
Въ дѣлахъ мірскихъ неблагодаренъ тотъ,
Кто съ грубой неохотой возвращаетъ
Даръ, временно довѣренный ему;
А если такъ, то можно ль спорить съ небомъ,
Когда оно рѣшило взять назадъ
Свой царскій даръ, тебѣ на время данный?

РИВЕРСЪ.

Подумайте скорѣе, королева,
О сынѣ вашемъ, принцѣ молодомъ.
Пошлите же за нимъ, поторопитесь
Его вѣнчать на царство, — и тогда
Заройте грусть свою съ Эдвардомъ-мужемъ,
И тронъ Эдварда-сына васъ утѣшитъ.

(Входятъ Глостеръ, Букингамъ, Стенли, Ратклиффъ, Гестингсъ и другіе вельможи).

ГЛОСТЕРЪ.

Сестра, не плачь! Намъ всѣмъ судьба судила
Рыдать надъ свѣтлой, скрывшейся звѣздой;
Но горе наше не пройдетъ отъ плача.
(Становясь на колѣни предъ герцогиней Йоркской).
Прости мнѣ, мать почтенная, сначала
Тебя я не примѣтилъ. На колѣняхъ
Прошу я твоего благословенья.

ГЕРЦОГИНЯ.

Пусть Богъ тебя помилуетъ и дастъ
Тебѣ любовь, и міръ, и кротость духа!

ГЛОСТЕРЪ.

Аминь! и пусть умру я добрымъ старцемъ!
(Встороиу).
Такимъ желаньемъ мать всегда кончаетъ,
Но герцогиня пропустила это.

БУКИНГАМЪ.

Вы, принцы грустные, и вы, вельможи,
Подавленные общимъ, тяжкимъ горемъ,
Сомкнемтесь во взаимной дружбѣ нашей;

Хоть кончилася царственная жатва,
Но впереди другая жатва зрѣетъ,
И намъ остался юный царскій сынъ.
Прошла вражда въ сердцахъ суровыхъ вашихъ,
Они недавно сблизились и свились,
И долгъ нашъ — то согласіе хранить.
Я предлагаю: небольшую свиту
За юнымъ принцемъ въ Ледло отрядить
И въ Лондонѣ вѣнчать его на царство.

РИВЕРСЪ.

Зачѣмъ же небольшую свиту, герцогъ?

БУКИНГАМЪ.

Затѣмъ, милордъ, что въ многолюдномъ сборѣ
Съ опасностью великой вскрыться можетъ
Едва залѣченная рана смутъ:
Все въ государствѣ юно и непрочно,
И всякій въ немъ, какъ лошадь безъ узды,
Готовъ на бѣгъ крутой и своевольный.
И тѣнь вражды, и признакъ несогласья
Мнѣ кажется, должны мы устранять.

ГЛОСТЕРЪ.

Насъ примирилъ король между собою,
И крѣпко сохраню я эту связь.

РИВЕРСЪ.

И я, и всѣ мы сохранимъ ее.
Но связь нова, и точно мы должны
Ее беречь отъ всякихъ подозрѣній,
Какія въ многолюдствѣ могутъ крыться.
Согласенъ я съ свѣтлѣйшимъ Букингамомъ
Не посылать за принцемъ многихъ лицъ.

ГЕСТИНГСЪ.

И я согласенъ съ нимъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Пусть такъ и будетъ.
А мы рѣшимъ, кто долженъ ѣхать въ Ледло.
Вы, матушка, — вы, королева, — съ нами
О томъ совѣтъ держать не откажитесь.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Букингама и Глостера)

БУКИНГАМЪ.

Милордъ, кого бъ за принцемъ ни послали,
Мы съ вами здѣсь остаться не должны.

Дорогой я придумаю, какъ намъ,
На основаньи общихъ нашихъ плановъ,
Отъ принца молодаго отдалить
Родныхъ падменныхъ нашей королевы.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты правая рука моя! оракулъ!
Совѣтникъ-проницатель! Добрый братъ,
Я, какъ дитя, — во всемъ тебѣ ввѣряюсь.
Такъ въ Ледло! Здѣсь намъ нечего сидѣть.

(Уходятъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

УЛИЦА ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Входятъ съ разныхъ сторонъ два гражданина).

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Сосѣдъ, здорово! Ты куда бѣжишь?

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Признаться, я и самъ себя не помню.
Ты слышалъ новость?

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да, король нашъ умеръ.

Худыя вѣсти! тутъ добра не жди:
Боюсь я, плохо будетъ жить на свѣтѣ.

(Входитъ еще одинъ гражданинъ).

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Богъ въ помочь вамъ, сосѣди!

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Добрый день!

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Вы слышали, король нашъ добрый померъ?

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Слыхали, сэръ. Да сохранитъ насъ Богъ!

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Плохихъ временъ дождались мы, сосѣди!

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Богъ милостивъ, наслѣдникъ намъ остался.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Бѣда странѣ, гдѣ королемъ дитя!

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Чего же намъ бояться? При ребенкѣ
Совѣтники дѣлами править станутъ;
А выростетъ онъ — приметъ самъ дѣла
И править нами будетъ онъ не худо.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

При Генрихѣ шестомъ вѣдь тоже было:
Ему и года не было, когда
Въ Парижѣ королемъ его вѣнчали.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

При Генрихѣ шестомъ? Нѣтъ, нѣтъ, сосѣди!
Тогда въ странѣ совѣтъ былъ знаменитый
Изъ мудрыхъ лордовъ, и при королѣ
Стѣной стояли доблестные дяди.

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да и у принца тоже есть родня
По матери и по отцу.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Когда бы
Всѣмъ по отцу она родней была,
Иль чтобъ отъ той родни насъ Богъ избавилъ!
О первенствѣ она теперь заспоритъ
И отзовутся споры тѣ на насъ,
Коль Богъ не защититъ насъ. Герцогъ Глостеръ
Хитеръ и золъ, — родные жь королевы
Горды, честолюбивы и надменны.
Ихъ надо обуздать, и лишь тогда
По прежнему вздохнетъ нашъ край несчастный.

-й ГРАЖДАНИНЪ.

Что трусить? Все уладится, быть можетъ.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Берись за плащь, когда все небо въ тучахъ;
Зима идетъ, когда листы валятся,
Жди почи, если солнце закатилось,
И голода, коль лѣто было бурно.
Конечно, все уладить можетъ Богъ,
Да я того не жду и мы не стоимъ.

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Всѣ люди перетрусились недаромъ,
И не найдешь ты никого теперь,
Кто бъ не робѣлъ и не глядѣлъ нахмурясь.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Передъ бѣдой всегда бываетъ такъ.
По волѣ Божьей, мы разсудкомъ чуемъ
Опасность близкую: такъ какъ вода
Вздымается предъ сильной непогодой.
Положимся жь на Бога. Вы куда?

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Зачѣмъ-то въ судъ обоихъ насъ позвали.

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

Да и меня. Такъ и пойдемте вмѣстѣ.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛОНДОНЪ. — КОМНАТА ВО ДВОРЦѢ.

(Входятъ АРХІЕПИСКОПЪ ЙОРКСКІЙ, маленькій ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ, КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА и ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ).

АРХІЕПИСКОПЪ.

Вчера они прибыли въ Стоней-Стратфордъ.
Сегодня жь въ Норгемптонъ прибудутъ на ночь,
А къ намъ—иль завтра, или послѣзавтра.

ГЕРЦОГИНЯ.

Всѣмъ сердцемъ я хочу увидѣть принца.
За это время очень выросъ онъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Я слышала, что нѣтъ, — вотъ младшій братъ,
Какъ говорятъ, его не переросъ ли?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Нѣтъ, мама, я расти бы не хотѣлъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Зачѣмъ, дитя мое? Расти не худо.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Ахъ, бабушка, за ужиномъ недавно
Замѣтилъ дядя Риверсъ, что я выше,
Чѣмъ старшій братъ. Тогда намъ дядя Глостеръ
Сказалъ: «*трава дрянная въ ростъ идетъ*».
Я не хотѣлъ бы быть дрянной травою,
А въ ростъ идти тихонько, какъ цвѣтки.

ГЕРЦОГИНЯ.

Вотъ какъ! Да только къ дядѣ самому
Пословица едва ль подходитъ эта.

Дитятей онъ такъ былъ и слабъ, и худъ
Такъ плохо росъ, что по словамъ его,
Онъ долженъ выдти славнымъ человѣкомъ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Да, безъ сомнѣнья, онъ такимъ и вышелъ.

ГЕРЦОГИНЯ.

Такъ.... Но я мать, — и сомнѣваться въ правѣ.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Вотъ не припомнилъ я тогда, — а могъ бы
Я дядѣ самому кой-что сказать
О немъ самомъ, въ отвѣтъ на поговорку.

ГЕРЦОГИНЯ.

Ну, что жь, шалунъ, ему ты могъ сказать?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Я слышалъ, что мой дядя, чуть родившись,
Зубами корку хлѣба могъ сглодать;
А я два года жилъ совсѣмъ беззубымъ.
Вотъ, бабушка, какъ могъ я подшутить!

ГЕРЦОГИНЯ.

Малютка, кто сказалъ тебѣ про это?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Его кормилица, бабушка.

ГЕРЦОГИНЯ.

Да она умерла раньше, чѣмъ ты родился.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Такъ я не помню, кто мнѣ разсказалъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Болтунъ-мальчишка! Слишкомъ боекъ ты!

АРХІЕПИСКОПЪ.

Не гнѣвайтесь на крошку, королева.

ЕЛИЗАВЕТА.

Здѣсь стѣны слышатъ.

(Входитъ Гонецъ.)

АРХІЕПИСКОПЪ.

Вотъ гонецъ какой-то.
Что новаго?

ГОНЕЦЪ.

Милордъ, привезъ я вѣсти
Не очень радостныя.

ЕЛИЗАВЕТА.

Принцъ здоровъ?

ГОНЕЦЪ.

Здоровъ онъ, государыня.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Какія жь

Ты вѣсти намъ привезъ?

ГОНЕЦЪ.

Взяты подъ стражу
Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними взятъ
Сиръ Томасъ Вòганъ. Всѣхъ трохъ вельможъ
Послали въ Помфретъ.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКСКІЙ.

Кто жь ихъ взялъ подъ стражу?

ГОНЕЦЪ.

Два герцога могущественныхъ — Глостеръ
И Букингамъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

За что? Въ чемъ ихъ вина?

ГОНЕЦЪ.

Я передалъ все то, что знаю самъ:
Причины же ареста тѣхъ вельможъ,
Знать не могу я.

ЕЛИЗАВЕТА.

Горе, горе мнѣ!
Я вижу гибель дому моему:
Лань кроткая попалась въ зубы тигра,
И распростерлось дикое злодѣйство
Надъ тропомъ беззащитныхъ и невинныхъ!
Идите жь, — гибель — кровь — и преступленье
Все ясно мнѣ, я вижу все теперь!

ГЕРЦОГИНЯ.

Тревогъ и смутъ проклятыхъ злые дни!
О, сколько васъ глаза мои видали!...
Мой мужъ погибъ, корону добывая,
И смутами кидало сыновей
То вниэъ, то вверхъ, — на горе мнѣ и радость!
Едва война замолкла, какъ за нею
Семейныхъ распрей вспыхнула пора:
Властители возстали другъ на друга
На брата братъ, — и кровь на кровь пошла!
О, бѣшеный потокъ жестокихъ смутъ,
Остановись въ своей проклятой злобѣ,
О пусть умру я, — пусть не вижу я
Еще убійствъ и новыхъ злодѣяній!

ЕЛИЗАВЕТА (*сыну.*)
Пойдемъ, дитя мое, пойдемъ въ храмъ Божій,
Тамъ насъ никто не тронетъ... Герцогиня,
Прощайте!
ГЕРЦОГИНЯ.
Съ вами въ церкви скроюсь я.
ЕЛИЗАВЕТА.
Вамъ нечего бояться.
АРХІЕПИСКОПЪ.
Королева,
Укройтесь въ храмѣ, и на всякій случай
Казну и вещи ваши тамъ же спрячьте;
Я въ ваши руки передамъ печать,
Довѣренную мнѣ, и пусть Господь
Меня хранитъ такъ, какъ хранить я стану
И васъ, и все семейство ваше. Ну,
Идемте же, я проведу васъ въ храмъ.
(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

УЛИЦА ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Трубы. Входятъ принцъ Валлійскій, Глостеръ, Букингамъ, кардиналъ Бурливеръ и другіе вельможи.)

БУКИНГАМЪ.
Добро пожаловать, дражайшій принцъ,
Въ родной чертогъ твой, Лондонъ.
ГЛОСТЕРЪ.
Мой привѣтъ
Тебѣ, кузенъ, и царь души моей!
Ты что-то грустенъ; — ты усталъ съ дороги?
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Нѣтъ, дядюшка, но путь мой труденъ былъ
И тягостенъ, и дологъ. Неужели
Изъ дядей всѣхъ моихъ одинъ ты здѣсь?
ГЛОСТЕРЪ.
Принцъ, — молодъ ты, и духъ невинный твой

Въ житейской лжи еще не искусился,
Ты въ человѣкѣ можешь различать,
Одинъ наружный видъ, — а знаетъ Богъ,
Что видъ тотъ не всегда съ душой согласенъ.
Тѣ дяди, о которыхъ ты грустишь,
Тебѣ желали зла: за сладкой рѣчью
Ты не примѣтилъ яда ихъ сердецъ.
Пусть Богъ тебя хранитъ, и отдаляетъ
Тебя отъ вѣроломныхъ тѣхъ друзей!

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Пусть Богъ хранитъ отъ злыхъ друзей меня,
Но въ нихъ я зла не видѣлъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Государь!
Мэръ Лондона идетъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

(Входитъ лордъ-мэръ со свитой.)

МЕРЪ ЛОНДОНА.

Пусть Богъ благословитъ васъ, государь,
Здоровьемъ и счастливыми годами.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Благодарю васъ, добрый лордъ, — и васъ
(свитѣ мэра.)
Друзья мои, благодарю-я также.

(Лордъ-мэръ и свита уходятъ.)

Я думалъ, что и мать моя, и братъ
На встрѣчу поторопятся къ намъ выйдти.
И Гестингсъ полѣнился встрѣтить насъ
И сообщить, когда мы ихъ увидимъ.

БУКИНГАМЪ.

Вотъ, въ добрый часъ, и Гестингсъ, весь въ поту.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Привѣтъ вамъ, добрый лордъ. Гдѣ королева?

ГЕСТИНГСЪ.

Изъ-за причинъ, мнѣ вовсе непонятныхъ,
Извѣстныхъ только Богу одному,
Родительница ваша съ братомъ вашимъ
Укрылись въ храмѣ. Юный принцъ желалъ
Идти со мной сейчасъ же къ вамъ на встрѣчу,
Но королевѣ не угодно то.

БУКИНГАМЪ.

Какъ это странно, неприлично даже!
Лордъ-кардиналъ! сходите къ королевѣ,

Скажите ей, что герцогъ Йоркъ обязанъ
Явиться къ повелителю и брату.
Когда она откажетъ въ томъ, Лордъ Гестингсъ,
Возьмите принца отъ нея насильно.

КАРДИНАЛЪ.

Лордъ Букингамъ! когда мой слабый голосъ
Смягчитъ упорство матери, то я
Сейчасъ же съ юнымъ герцогомъ явлюся;
Но если кроткой просьбой королева
Не убѣдится, — сохрани насъ Богъ
Попрать права убѣжища святаго!
За всѣ сокровища страны родной,
На страшный грѣхъ такой я не рѣшуся!

БУКИНГАМЪ.

Милордъ! упрямы вы и суевѣрны,
И мелочны, и просто безтолковы;
Вамъ скажетъ самый грубый старовѣръ,
Что взявши принца, вы не согрѣшите.
Кому права убѣжища даются?
Тому, кто ищетъ казни избѣжать,
Кто за дѣла свои скрываться долженъ.
Судите жь сами, принцу молодому
Изъ-за чего въ убѣжищѣ сидѣть?
И взявъ его оттуда, вы ничѣмъ
Священныхъ храма правъ не оскорбите.
Для взрослыхъ гражданъ тѣ права даны,
А дѣтямъ правъ убѣжища не надо.

КАРДИНАЛЪ.

Милордъ! я долженъ согласиться съ вами.
Лордъ Гестингсъ, вы со мной?

ГЕСТИНГСЪ.

Идемте вмѣстѣ.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Вернитесь, лорды добрые, скорѣй.

(Уходятъ Кардиналъ съ Гестингсомъ).

Скажи мнѣ, дядя, гдѣ мы, вмѣстѣ съ братомъ,
До дня коронованья станемъ жить?

ГЛОСТЕРЪ.

Тамъ, государь, гдѣ самъ захочешь ты.
А мой совѣтъ — отсюда ѣхать въ Товэръ
И отдохнуть тамъ день-другой, покуда

Пріищешь ты по вкусу своему
Здоровое, спокойное жилище.
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Неправится мнѣ почему-то Товэръ.
Его построилъ Юлій Кесарь? Такъ ли?
ГЛОСТЕРЪ.
Онъ, государь, лишь началъ это зданье;
Впослѣдствіи покончено оно.
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Одно преданье говоритъ объ этомъ,
Иль доказательства другія есть?
БУКИНГАМЪ.
Одно преданье, государь.
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Зачѣмъ же
Оно не въ лѣтописяхъ? Правдѣ должно
Изъ вѣка въ вѣкъ переходить въ потомство
До той поры, пока нашъ свѣтъ стоитъ.
ГЛОСТЕРЪ (*про себя*).
Съ такимъ умомъ недолговѣчны дѣти!
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Что говоришь ты дядя?
ГЛОСТЕРЪ.
Я сказалъ,
Что слава и въ преданьяхъ долговѣчна.
(Всторону).
Какъ слѣдуетъ пороку, я даю
Два толкованья и на то же слово.
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Да, Юлій Кесарь былъ великимъ мужемъ:
Онъ въ подвигахъ своихъ умомъ сіялъ,
И умъ его тѣ подвиги прославилъ.
Такихъ бойцовъ не поражаетъ смерть:
Покинувъ свѣтъ, онъ живъ своею славой.
Вотъ что, кузенъ нашъ Букингамъ, хотѣлъ я
Сказать тебѣ.
БУКИНГАМЪ.
Что скажешь, государь?
ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.
Когда я выросту большой, пойду я
На Францію; чтобъ или вновь отнять
Старинныя завоеванья наши,
Или въ бою окончить жизнь по царски.

ГЛОСТЕРЪ (*про себя*).

Недолго будетъ лѣто, коль весна
Пришла такъ рано.

(Входятъ маленькій герцогъ Іоркъ, Гестингсъ и кардиналъ).

БУКИНГАМЪ.

Вотъ и герцогъ Йоркскій!

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

А, Ричардъ! братъ мой милый! Какъ живешь ты?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Благополучно, повелитель мой!
Такъ называть тебя теперь я долженъ.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Да, милый братъ, къ великой скорби нашей,
Ужь нѣтъ того, кто этотъ санъ носилъ,
И самый санъ ужь не таковъ, какъ прежде?

ГЛОСТЕРЪ (*маленькому герцогу*).

Какъ поживаешь, благородный герцогъ?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Спасибо, милый дядюшка. Ты мнѣ
Сказалъ, что въ ростъ идетъ трава дурная:
А государь меня повыше ростомъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, выше.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Такъ мой братъ — трава дурная?

ГЛОСТЕРЪ.

Я этого, кузенъ, сказать не смѣлъ бы.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Такъ, значитъ, ты насъ любишь неравно.

ГЛОСТЕРЪ.

Онъ—государь мой, я его слуга;
Ты жь близокъ мнѣ, какъ родственникъ любезный.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Такъ подари же мнѣ, дядя, твой кинжалъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Кинжалъ мой? Вотъ, возьми его, малютка.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Ахъ, попрошайка!

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Это вѣдь игрушка,
Ее не пожалѣетъ добрый дядя.

ГЛОСТЕРЪ.

И лучшаго подарка для кузена
Я не жалѣю.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Лучшаго подарка?
Какого жь? Ты и мечъ свой мнѣ отдашь?

ГЛОСТЕРЪ.

Охотно, еслибъ мечъ мой былъ полегче.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

А! такъ даришь ты то лишь, что легко;
Во всемъ другомъ же «попрошайка!» скажешь?

ГЛОСТЕРЪ.

Да можешь ли носить ты мечъ тяжелый?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Могу, потяжелѣе твоего.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты въ самомъ дѣлѣ хочешь взять мой мечъ, крошка?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

И поблагодарить тебя на одну....

ГЛОСТЕРЪ.

На одну — на одну?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

На одну крошку.

ПРИНЦЪ ВАЛЛЙСКЙ.

По прежнему нашъ братъ на шутки боекъ,
И ласково ихъ сноситъ добрый дядя.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Какъ сноситъ? Да ему меня не снесть!
Вотъ, дядя, какъ мой братъ надъ нами шутитъ!
Хоть ростомъ я не больше обезьяны,
Ты на плечахъ едва ль снесешь меня!

БУКИНГАМЪ.

Какъ мило шутитъ маленькій хитрецъ!
Чтобъ дядя не сердился на него,
Онъ надъ самимъ собой теперь смѣется.
Да, онъ уменъ и боекъ не по лѣтамъ!

ГЛОСТЕРЪ.

Мой государь, мы съ лордомъ Букингамомъ
Осмѣливаемся проститься съ вами.
Идемъ мы вашу матушку просить,
Чтобы она пришла васъ встрѣтить въ Товэръ.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Какъ, государь? Зачѣмъ идти намъ въ Товэръ?

ПРИНЦЪ ВАЛЛЙСКЙ.

Милордъ-протекторъ говоритъ, что надо.

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Мнѣ въ Товэрѣ не будетъ спаться ночью.

ГЛОСТЕРЪ.

Чего же ты въ Товэрѣ боишься, герцогъ?

ГЕРЦОГЪ ЙОРКЪ.

Тамъ гнѣвной тѣнью ходитъ герцогъ Кларенсъ;
Мнѣ бабушка сказала, что онъ былъ
Зарѣзанъ въ Товэрѣ.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Я мертвыхъ дядей
Бояться не привыкъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да и живыхъ
Вамъ нечего бояться.

ПРИНЦЪ ВАЛЛІЙСКІЙ.

Это правда,
Я не боюсь, покуда живы, дяди.
Ну, братецъ, въ путь, хоть очень горько намъ
Съ тяжелой думой отправляться въ Товэръ.

(Уходятъ принцъ Валлійскій, герцогъ Йоркъ, Гестингсъ кардиналъ и свита.)

БУКИНГАМЪ.

Милордъ! мнѣ кажется, болтливый крошка
Не матерью ль своею наученъ
Шутить и оскорблять васъ непристойно?

ГЛОСТЕРЪ.

Конечно такъ. А боекъ мальчикъ этотъ:
И ловокъ, и хитеръ, и скоръ, и смѣлъ, —
Весь въ мать онъ вышелъ, съ головы до ногъ.

БУКИНГАМЪ.

Ну, хорошо, оставимъ ихъ покуда.

(Входитъ Кетсби.)

А, Кетсби, здѣсь ты? Подойди жь скорѣе.
Ты клялся нашимъ планамъ помогать
И свято сохранять всѣ тайны наши,
За то и знаешь все, что знать должно.
Какъ думаешь ты? согласится Гестингсъ
На то, чтобъ благородный герцогъ Глостеръ
Былъ возведенъ на королевскій тронъ
Британіи родной и знаменитой?

КЕТСБИ.

Онъ преданъ былъ отцу — и сыну преданъ,

И противъ принца вѣрно не пойдетъ.

БУКИНГАМЪ.

А Стенли какъ? Пойдетъ онъ вмѣстѣ съ нами?

КЕТСБИ.

Что будетъ Гестингсъ дѣлать, то и онъ.

БУКИНГАМЪ.

Пока довольно. Отправляйся жь, Кетсби,
Ты къ лорду Гестингсу, да издалека,
Поосторожнѣй, разузнай о томъ,
Какъ будетъ онъ глядѣть на дѣло наше,
И пригласи его на завтра въ Товэръ
Держать совѣтъ насчетъ коронованья.
Когда расположенъ онъ къ намъ, его
Ты подстрекни, и выскажи, что надо.
А если жь тупъ онъ, холоденъ и сухъ,
Самъ будь такимъ, не продолжай бесѣды,
И передай намъ весь вашъ разговоръ:
Большой совѣтъ держать мы завтра станемъ,
И отъ тебя услугъ мы ждемъ большихъ.

ГЛОСТЕРЪ.

И отъ меня ты лорду Вилліаму
Отдай поклонъ. Скажи ему еще,
Что всей толпѣ враговъ его заклятыхъ
Въ Помфретскомъ замкѣ завтра пустятъ кровь.
Пусть онъ, на радостяхъ отъ доброй вѣсти,
Разъ лишній поцалуетъ мистриссъ Шоръ...

БУКИНГАМЪ.

И поскорѣй все кончи, добрый Кетсби.

КЕТСБИ.

Потороплюсь, милорды, какъ могу.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты дашь намъ вѣсть сегодня къ ночи?

КЕТСБИ.

Да.

ГЛОСТЕРЪ.

Такъ помни же, мы оба будемъ въ Кросби.

(Уходитъ Кетсби.)

БУКИНГАМЪ.

Однакожь, герцогъ, что мы станемъ дѣлать,
Когда лордъ Гестингсъ съ нами не пойдетъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Что? Голову долой ему, — и только!
А кстати, если королемъ я буду,

То не забудь мнѣ предъявить права
На графство Гертфордъ, и на вещи всѣ,
Которыми владѣлъ король покойный.

БУКИНГАМЪ.

Я не забуду вашихъ обѣщаній
И царская рука исполнитъ ихъ.

ГЛОСТЕРЪ.

И радостно, отъ всей души исполнитъ.
Однако, ужинать пора. Пойдемъ,
И послѣ потолкуемъ мы объ этомъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

УТРО. — ПРЕДЪ ДОМОМЪ ЛОРДА ГЕСТИНГСА.

(Входитъ гонецъ.)

ГОНЕЦЪ (*стучитъ въ двери*).

Милордъ, милордъ!

ГЕСТИНГСЪ (*за дверями*).

Кто тамъ стучитъ?

ГОНЕЦЪ.

Пришелъ я
Отъ лорда Стенли.

ГЕСТИНГСЪ.

А!.. Который часъ?

ГОНЕЦЪ.

Сейчасъ пробьетъ четыре.

(Входитъ Гестингсъ.)

ГЕСТИНГСЪ.

Видно, нынче
Не спится господину твоему.

ГОНЕЦЪ.

Должно быть такъ, судя по порученьямъ.
Во-первыхъ, свой привѣтъ онъ шлетъ милорду...

ГЕСТИНГСЪ.

А далѣе?

ГОНЕЦЪ.

А далѣе — увѣдомляетъ васъ,
Что ночью дикій вепрь ему приснился
И шлемъ съ него клыкомъ своимъ сорвалъ.
Еще велѣлъ сказать онъ, что вельможи
На двухъ совѣтахъ нынче собрались,

И можетъ быть, рѣшенье одного
Обоимъ вамъ бѣдой грозитъ великой.
А потому онъ приглашаетъ васъ
Сѣсть на коня и съ нимъ скакать на сѣверъ,
И скрыться отъ бѣды, что чуетъ онъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Скачи назадъ, вернися къ господину
И передай, что намъ совѣтъ не страшенъ.
Въ одномъ совѣтѣ вмѣстѣ мы сидимъ,
Въ другомъ сидитъ вѣрнѣйшій другъ мой Кетсби;
И еслибъ тамъ что было противъ насъ,
Про все я самъ немедленно узналъ бы.
Скажи, что безъ толку страшится онъ,
Что я дивлюсь, какъ можетъ онъ пугаться
Причудливыхъ и безпокойныхъ сновъ,
И что бѣжать отъ вепря — значитъ прямо
Его за нами гнаться заставлять
И звѣря раздражать безъ всякой нужды.
Скажи, чтобъ Стенли самъ пришелъ сюда
И вмѣстѣ съ нимъ отправимся мы въ Товэръ,
Гдѣ, знаю я, къ намъ вепрь ласкаться станетъ.

ГОНЕЦЪ.

Все передамъ, милордъ, какъ вы сказали.

(Уходитъ.)

(Входитъ Кетсби.)

КЕТСБИ.

Съ пріятнымъ утромъ, благородный лордъ!

ГЕСТИНГСЪ.

А, здравствуй, Кетсби: ты поднялся рано.
Что, какъ дѣла въ печальномъ царствѣ нашемъ?

КЕТСБИ.

Качается оно и вкривь и вкось,
И врядъ ли станетъ на ноги оно,
Пока вѣнца нашъ Глостеръ не надѣнетъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Вѣнца?... Корону разумѣешь ты?

КЕТСБИ.

Да, мой добрый лордъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Покуда голова моя цѣла,
Коропою играть я не позволю.
Ты думаешь, онъ мѣтитъ на нее?

КЕТСБИ.

Не только мѣтитъ, но вполнѣ увѣренъ,
Что за него ты станешь прежде всѣхъ:
Меня къ тебѣ прислалъ онъ съ доброй вѣстью
О томъ, что нынче всѣ твои враги,
Родные королевы, въ Помфретъ-Кастлѣ
Пойдутъ на казнь.

ГЕСТИНГСЪ.

Не мнѣ жалѣть о нихъ:
Они всегда для насъ врагами были.
Но Ричарду чтобъ сталъ я помогать
Похитить тронъ наслѣдника прямаго, —
Покуда живъ я, не бывать тому,
Клянуся Богомъ!

КЕТСБИ.

И пускай Господь
Тебя поддержитъ въ помышленьяхъ этихъ!

ГЕСТИНГСЪ.

Да, черезъ годъ припомнишь я буду,
Какъ всѣ, кто мнѣ вредилъ у короля,
Въ моихъ глазахъ погибли смертью злою.
Да, Кетсби, и недѣли не пройдетъ,
Какъ кой-кому отъ насъ придется плохо.

КЕТСБИ.

О, тяжело, милордъ, идти на смерть,
Не изготовясь и не ждавши смерти!

ГЕСТИНГСЪ.

Да, тяжело и страшно! Такъ погибли
Грей, Вòганъ, Риверсъ, и погибнутъ такъ
Другіе люди, что себя считаютъ,
Какъ мы съ тобой, далеко отъ бѣды:
Другіе люди, милые равно
И Глостеру, и лорду Букингаму.

КЕТСБИ.

Какъ дружны оба герцога съ тобой!

(Всторону)

Хоть голову твою желаютъ видѣть
На лондонскомъ мосту.

ГЕСТИНГСЪ.

Я въ томъ увѣренъ,
И дружбу ихъ я честно заслужилъ.

(Входитъ Стенли.)

(Къ Стенли).

А! что же ты рогатины не взялъ?
Иль пересталъ ты кабана бояться?

СТЕНЛИ.

Здорово, добрый лордъ,—здорово, Кетсби!
Смѣяться можно, но клянуся небомъ
Не нравятся мнѣ эти два совѣта.

ГЕСТИНГСЪ.

Мнѣ жизнь мила, какъ и тебѣ, лордъ Стенли,
И даже никогда, клянуся Богомъ,
Такъ, какъ теперь, я не цѣнилъ ее.
Неужли же опасности предвидя,
Я бъ могъ веселость эту сохранять?

СТЕНЛИ.

И лорды тѣ, что въ Помфретѣ теперь,
Пустились въ путь съ веселостью безпечной,
Никто изъ нихъ опасности не ждалъ,
А видишь ты, ихъ свѣтлый день затмился!
Бѣдой грозитъ та быстрая опала...
Дай Богъ, чтобъ попапрасну труспилъ я.
Уже свѣтло, — пора идти намъ въ Товэръ.

ГЕСТИНГСЪ.

Еще успѣемъ. Знаешь ли, милордъ,
Что лорды, про которыхъ говорилъ ты,
Сегодня обезглавлены?

СТЕНЛИ.

Я знаю,
Что лучше бъ шляпы съ головами снять
У тѣхъ, кто погубилъ ихъ. Что жъ? Поѣдемъ!

(Входитъ Герольдъ.)

ГЕСТИНГСЪ.

Идите! я за вами,—лишь скажу
Съ нимъ пару словъ. Что, другъ мой, какъ живешь ты?

ГЕРОЛЬДЪ.

Милордъ! вопросомъ вашимъ счастливъ я.

ГЕСТИНГСЪ.

И я тебѣ скажу — теперь не то,
Что было при послѣдней нашей встрѣчѣ,
Когда меня вели сажать въ темницу
По сплетнямъ королевиной родни.
Сегодня же (не разглашай покуда)
Доносчики тѣ смертью казнены,

А я живу счастливѣе чѣмъ прежде.

ГЕРОЛЬДЪ.

И пусть Господь хранитъ вамъ счастье то.

ГЕСТИНГСЪ.

Спаспбо! Выпей за мое здоровье.

(Бросаетъ ему кошелекъ).

ГЕРОЛЬДЪ.

Милордъ, благодарю васъ!

(Входитъ Священникъ.)

СВЯЩЕННИКЪ.

День добрый вамъ, милордъ. Я радъ васъ видѣть.

ГЕСТИНГСЪ.

Отъ всй души благодарю тебя,
Спръ-Джонъ мой добрый. Я еще въ долгу
Передъ тобой за службу въ прошлый разъ;
Приди же въ воскресенье, мы сочтемся.

(Входитъ Букингамъ.)

БУКИНГАМЪ.

О чемъ лордъ-каммергеръ бесѣду держитъ
Съ духовною особой? Тѣмъ друзьямъ,
Что въ Помфретѣ, теперь священникъ нуженъ:
Тебѣ жь, милордъ, не время умирать.

ГЕСТИНГСЪ.

Я самъ о лордахъ помфретскихъ подумалъ,
Отца святаго встрѣтивши сейчасъ.
Ты такъ же въ Товэръ?

БУКИНГАМЪ.

Только не надолго;
Но можетъ быть, еще вернусь туда.

ГЕСТИНГСЪ.

Я въ Товэрѣ останусь на обѣдъ.

БУКИНГАМЪ *(про себя)*.

А можетъ быть, что и на ужинъ тоже.
Идемъ же вмѣстѣ.

ГЕСТИНГСЪ.

Я готовъ, милордъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ПОМФРЕТЪ.—ПЕРЕДЪ ЗАМКОМЪ.

(Входитъ Ратклиффъ со стражей, ведущей на казнь Риверса, Грея и Вогана.)

РАТКЛИФФЪ.

Скорѣе выводите осужденныхъ!

РИВЕРСЪ.

Сиръ Ричардъ Ратклифъ! выслушай меня:
Сегодня предъ тобой приму я казнь
За вѣру, честь и преданность престолу...

ГРЕЙ.

Пусть юныхъ принцевъ Богъ спасетъ отъ васъ,
Проклятой своры кровопійцъ проклятыхъ!

ВОГАНЪ.

Придетъ пора, и всплачетесь вы сами!

РАТКЛИФФЪ.

Кончайте, — вашей жизни срокъ прошелъ!

РИВЕРСЪ.

О Помфретъ, о кровавая тюрьма,
Погибельная лучшимъ людямъ края!
Здѣсь, за оградой стѣнъ твоихъ преступныхъ,
Ричардъ Второй злодѣйски умерщвленъ.
И мы теперь, на вѣчный твой позоръ,
Невинною тебя напоимъ кровью!

ГРЕЙ.

Постигло насъ проклятье Маргариты,
Насъ, видѣвшихъ, какъ Глостеръ закололъ
Эдварда, сына бѣдной королевы!

РИВЕРСЪ.

Она тогда прокляла Букингама,
И Гестингса, и Глостера съ нимъ вмѣстѣ.
Припомни жь имъ, Господь, ея проклятья!
О Боже, пощади сестру мою
И царственныхъ дѣтей ея, — и пусть
Тебя обезоружитъ наша кровь,
Пролитая, самъ знаешь ты, — безвинно!

РАТКЛИФФЪ.

Пора, пора, — пришелъ вашъ смертный часъ.

РИВЕРСЪ.

Въ послѣдній разъ обнимемся, друзья!
Прощайте, — до свиданія на небѣ!

(Уходятъ).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЛОНДОНЪ. — КОМНАТА ВЪ ТОВЕРѢ.

(Букингамъ, Стенли, Гестингсъ, Епископъ Эли, Кетсби, Ловель и другіе вельможи—сидятъ за столомъ совѣта. Чиновники имъ прислуживаютъ).

ГЕСТИНГЪ.

Собрались мы, блистательные пэры,
Назначить день вѣнчанія на царство, —
Рѣшите же, какой намъ день избрать?

БУКИНГАМЪ.

Готово ль все къ священному обряду?

СТЕНЛИ.

Готово все, лишь стоить день назначить.

ЕПИСКОПЪ.

Пусть будетъ завтра этотъ славный день.

БУКИНГАМЪ.

Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто съ герцогомъ про это говорилъ?

ЕПИСКОПЪ.

Вамъ, герцогъ, ближе знать его рѣшенье.

БУКИНГАМЪ.

Людей мы лица знаемъ, а не мысли.
Моей души не знаетъ онъ, — я вашей,
И мнѣ его намѣреній не знать.
Лордъ Гестингсъ! съ нимъ вы ближе по душѣ.

ГЕСТИНГСЪ.

Я думаю, что онъ ко мнѣ привязанъ;
Но только о вѣнчанья днѣ я съ нимъ
Не говорилъ, и мнѣ не сообщалъ онъ
Высокаго рѣшенья своего.
Назначьте жь день, хоть вы, мой добрый лордъ!
И я подамъ за герцога мой голосъ,
Въ надеждѣ, что онъ тѣмъ не оскорбится.

(Входитъ Глостеръ).

ЕПИСКОПЪ.

Вотъ, въ добрый часъ, и самъ милордъ-протекторъ!

ГЛОСТЕРЪ.

День добрый вамъ, милорды и кузены.
Заспался я сегодня; но надѣюсь,

Что безъ меня не пострадало здѣсь
То дѣло, что мы кончить собрались.

БУКИНГАМЪ.

За васъ сейчасъ, мой благородный герцогъ,
Вильямъ лордъ Гестингсъ подалъ голосъ свой
Насчетъ вѣнчанья молодаго принца.

ГЛОСТЕРЪ.

Лордъ Гестингсъ нашъ смѣлѣе всѣхъ на свѣтѣ:
Онъ знаетъ насъ, и сердцемъ любитъ насъ.
Милордъ епископъ, я у васъ, въ Гольборнѣ,
Въ саду видалъ отличную клубнику:
Велите-ка ее для насъ нарвать.

ЕПИСКОПЪ.

Сейчасъ велю, мой благородный герцогъ.
(Уходитъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Еще съ тобой мнѣ надо, Букингамъ,
Сказать два слова.
(Отходитъ съ Букингамомъ второну).
Гестингса нашъ Кетсби
Выспрашивалъ, — и нашъ горячій лордъ
Сказалъ, что прежде голову положитъ,
Чѣмъ согласится отстранить отъ трона
Онъ сына государя своего.

БУКИНГАМЪ.

Уйдемте-ка отсюда на минуту.
(Уходятъ Глостеръ и Букингамъ).

СТЕНЛИ.

И все-таки не выбранъ день вѣнчанья.
Я думаю, что можно подождать:
Я первый не готовъ еще на завтра,
И небольшой отсрочкѣ буду радъ.
(Входитъ епископъ Эли).

ЕПИСКОПЪ.

А гдѣ жь милордъ-протекторъ? За клубникой
Я ужь послалъ.

ГЕСТИНГСЪ.

Сегодня милъ'и веселъ герцогъ нашъ!
Когда онъ такъ привѣтливъ поутру,
То значитъ, онъ обрадованъ былъ чѣмъ-то.
Кто въ свѣтѣ неспособнѣе его
Скрывать вражду иль дружескія чувства?
Въ его лицѣ душа всегда видна.

СТЕНЛИ.

Ну что жь ты изъ души его примѣтилъ
Сегодня по наружности его?

ГЕСТИНГСЪ.

То, что онъ къ намъ ко всѣмъ расположенъ:
Когда бъ не такъ, — лицо бъ его сказало

(Входятъ Глостеръ и Букингамъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Я васъ прошу, милорды, объявить,
Чего достоинъ тотъ — кто умышляетъ
На жизнь мою посредствомъ адскихъ чаръ
И волхованьемъ губитъ наше тѣло?

ГЕСТИНГСЪ.

Я къ вашему высочеству приверженъ
Душой моей, — а потому всѣхъ прежде
Я объявляю, что злодѣй такой
За ту вину достоинъ смертной казни.

ГЛОСТЕРЪ.

Глядя жь на доказательства вины,
Глядите всѣ — меня околдовали:
Моя рука суха, какъ сукъ гнилой!
Вдова Эдварда, мерзостная вѣдьма,
Стакнувшись съ непотребной вѣдьмой Шоръ,
Меня сгубили колдовствомъ проклятымъ!

ГЕСТИНГСЪ.

Когда они, милордъ, виновны въ этомъ...

ГЛОСТЕРЪ.

Когда?... Ты покровитель мерзкой вѣдьмы,
Ты смѣешь говорить, когда они?...
Святымъ клянуся Павломъ! ты измѣнникъ!
Казнить его сейчасъ! Чтобъ до обѣда
Мнѣ показали голову его!
Ловель и Кетсби — кончить это дѣло!

(Совѣту).

Всѣ, кто за насъ, — вставайте, и за мной!

(Уходятъ лорды совѣта съ Глостеромъ и Букингамомъ).

ГЕСТИНГСЪ.

О, горе, Англіи — не мнѣ! Я стою смерти.
Я могъ предупредить все это зло.
Сорвался вепрь,—правдивъ былъ сонъ твой, Стенли!
Я не бѣжалъ, я презрилъ твой совѣтъ!
Три раза въ утро конь споткнулся мой

И вздрагивалъ предъ Товэра стѣнами,
Какъ будто бы на бойню везъ меня!
О, какъ теперь священникъ нуженъ мнѣ!
Какъ каюсь я въ разсказѣ горделивомъ
О томъ, что всѣ противники мои
Сегодня кровь свою прольютъ на плахѣ.
Межъ тѣмъ, какъ я спокоенъ и силенъ!
О, Маргарита, Маргарита! — тяжко
Обрушилось проклятіе твое
Надъ Гестингса несчастной головою!

КЕТСБИ.

Скорѣй, милордъ! — обѣдать хочетъ герцогъ:
И головы твоей онъ ждетъ давно.

ГЕСТИНГСЪ.

О, милость ненадежная князей,
Ты намъ дороже милостей Господнихъ!
Бѣда тому, кто вѣру возложилъ
На ласковые взгляды сильныхъ міра!
Онъ, какъ на мачтѣ пьяный мореходъ
Качается, и съ каждымъ колыханьемъ
Готовъ свалиться въ бездну Океана.

ЛОВЕЛЬ.

Ну, что тутъ плакаться, — кончай скорѣй!

ГЕСТИНГСЪ.

О, кровопійца-Ричардъ! О, родная,
Несчастная Британія! Пророчу
Тебѣ я горькій рядъ годовъ тяжелыхъ!
Гдѣ плаха? Вотъ вамъ голова моя!
Тѣ, что смѣются гибели моей,
Мои убійцы — сами сгибнутъ скоро!

(Уходятъ).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ЛОНДОНЪ. — ВЪ ТОВЭРѢ.

(Входятъ Глостеръ и Букингамъ въ заржавленномъ и безпорядочно-надѣтомъ вооруженіи.)

ГЛОСТЕРЪ.

Кузенъ! умѣешь ты блѣдиѣть, трястись,
На половинѣ слова задыхаться,

И снова рѣчь безъ склада начинать,
Какъ человѣкъ въ отчаянномъ испугѣ?

БУКИНГАМЪ.

Еще бы нѣтъ! Съ трагическимъ актеромъ
Я потягаюсь въ сумрачныхъ рѣчахъ:
Оглядываясь, буду говорить,
Блѣднѣть и вздрагивать при всякомъ шумѣ,
Какъ предъ опасностью; владѣю я
И страшнымъ взглядомъ, и притворнымъ смѣхомъ,
И ими я могу во всякій часъ
Достойно поддержать мои затѣи.
Да гдѣ же Кетсби? Онъ пошелъ за мэромъ?

ГЛОСТЕРЪ.

Не видишь развѣ? Онъ ведетъ его.

(Входятъ лордъ Мэръ и Кетсби).

БУКИНГАМЪ (*представляясь встревоженнымъ*).

Одинъ я все скажу ему. Лордъ мэръ...

ГЛОСТЕРЪ (*то же*).

Что, спущенъ мостъ подъемный?

БУКИНГАМЪ.

Это что?

Я слышу барабанъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Скорѣе, Кетсби,
Гляди за часовыми на стѣнѣ!

БУКИНГАМЪ.

Лордъ-мэръ, мы васъ за тѣмъ сюда призвали...

ГЛОСТЕРЪ.

Гляди назадъ, спасайся, — здѣсь враги!

БУКИНГАМЪ.

Господь да охраняетъ насъ, безвинныхъ!

(Входятъ Ловель и Ратклиффъ, съ головою Гестингса).

ГЛОСТЕРЪ.

Приди въ себя! къ намъ не враги пришли,
То Ловель нашъ и другъ нашъ Ричардъ Ратклиффъ.

ЛОВЕЛЬ.

Вотъ голова предателя. Погибъ
Злоумышлявшій и преступный Гестингсъ.

ГЛОСТЕРЪ (*плачетъ*).

О, какъ его любилъ я! Лейтесь, слезы!
Его считалъ я кроткимъ существомъ,
Добрѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ свѣтѣ;
Въ него привыкъ я вписывать, какъ въ книгу,

Исторію всѣхъ помысловъ моихъ,
И такъ умѣлъ добромъ онъ прикрываться,
Что исключая одного грѣха —
Его любви къ безпутной этой Шоръ —
Въ немъ и предвидѣть зла не можно было!

БУКИНГАМЪ.

Да, да, — такого скрытнаго злодѣя
На свѣтѣ не бывало. Вы, лордъ-мэръ,
Повѣрите ль (одинъ Господь то сдѣлалъ,
Что живы мы и съ вами говоримъ), —
Повѣрите ль, что мерзостный предатель
Намѣренъ былъ сегодня, — средь Совѣта, —
Меня и лорда Глостера убить?

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Ужели это правда?

ГЛОСТЕРЪ.

Какъ ужели?
Мы турки, иль безбожники какіе?
Да развѣ бъ мы рѣшились, безъ суда,
Предателя подвергнуть смертной казни,
Когда бы ужасъ замысловъ его,
Миръ Англіи, спасенье жизни нашей
Къ тому тотчасъ не побудили насъ?

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Храни васъ Богъ! Онъ стоилъ смертной казни,
И васъ обоихъ обвинять нельзя
Въ томъ, что урокъ спасительный вы дали
Другимъ измѣнникамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Гестингсъ
Связался съ мистриссъ Шоръ, я отъ него
Добра не ждалъ.

БУКИНГАМЪ.

Мы съ герцогомъ хотѣли,
Чтобъ вы, милордъ, его видали казнь;
Друзья же наши, противъ нашей воли,
Поторопились слишкомъ съ казнью той.
Хотѣлось намъ, чтобъ сами вы могли
Изъ устъ злодѣя услыхать разсказъ
О преступленьи, ходѣ заговора—
И гражданамъ разсказъ тотъ передать,
Во избѣжанье всякихъ лживыхъ толковъ
И сожалѣній о злодѣѣ томъ.

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Мой добрый лордъ, — и вашихъ словъ довольно:
Я вѣрю имъ и казни не видавши.
Сейчасъ же я, достойнѣйшіе принцы,
Велю созвать всѣхъ нашихъ вѣрныхъ гражданъ
И въ точности ходъ дѣла имъ скажу.

ГЛОСТЕРЪ.

Затѣмъ сюда мы васъ и пригласили,
Чтобъ лживый свѣтъ не могъ насъ обвинять.

БУКИНГАМЪ.

Хоть нѣсколько и опоздали вы,
Но дѣло ясно изъ разсказовъ нашихъ.
Прощайте же, достопочтенный лордъ!

(Уходитъ лордъ-мэръ).

ГЛОСТЕРЪ.

За нимъ, за нимъ! родной мой Букингамъ!
Его найдешь ты въ ратушѣ, съ народомъ.
Тамъ, улучивъ удобную минуту,
Ты сообщи народу, что считаешь
Побочными дѣтьми дѣтей Эдварда.
Напомни, какъ одинъ изъ горожанъ
Сказалъ шутя, что сыну своему
Передаетъ престолъ онъ и наслѣдство,
И какъ король покойный, болтуна
За слово то велѣлъ казнить тотчасъ же;
Припомни, какъ распутенъ былъ Эдвардъ,
Какъ часто онъ мѣнялъ своихъ любовницъ,
Безчестилъ женъ и дочерей чужихъ,
Какъ дикій звѣрь, вездѣ ища добычи,
Куда лишь взглядъ развратный проникалъ.
Потомъ, слегка косн. ся и меня:
Скажи, что въ годъ рожденія Эдварда
Великій Йоркъ, мой доблестный родитель,
Во Франціи войною занятъ былъ,
И свѣривши своей отлучки время,
Эдварда сыномъ не хотѣлъ признать;
Замѣть при томъ, что даже и лицомъ
Эдвардъ совсѣмъ не походилъ на Йорка,
Но помни: должно говорить слегка,
Ты знаешь, мать моя еще на свѣтѣ.

БУКИНГАМЪ.

Милордъ, не сомнѣвайтесь: рѣчь держать
Я стану такъ, какъ будто бъ для себя
Я золотой награды добивался.
Прощайте!

ГЛОСТЕРЪ.

И, когда удастся рѣчь,
Веди ихъ всѣхъ въ Бейнардскій замокъ; тамъ
Найдете вы меня въ кругу почтенномъ
Епископовъ ученыхъ и святыхъ.

БУКИНГАМЪ.

Иду, — и къ тремъ или четыремъ часамъ
Изъ ратуши вы новостей дождетесь.

(Уходитъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Ловель, скорѣй! Намъ нуженъ докторъ Шау.
Ты, Кетсби, къ брату Пенкеру бѣги,
Чтобъ оба черезъ часъ въ Бейнардѣ были.

(Уходятъ Ловель и Кетсби).

Теперь, скорѣй отдамъ приказъ я тайный
Подальше спрятать Кларенса щенковъ,
Да прикажу еще, чтобъ никого
До принцевъ молодыхъ не допускали.

(Уходитъ).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

УЛИЦА.

(Входитъ писецъ).

ПИСЕЦЪ.

Вотъ актъ, которымъ добрый нашъ лордъ Гестингсъ
И обвиненъ, и осужденъ на смерть.
Онъ переписанъ четко и красиво
И въ церкви прочитается сегодня.
Вотъ каковы дѣла! Еще вчера
Его прислалъ мнѣ Кетсби! Я надъ нимъ
Одиннадцать часовъ трудился къ-ряду,
Вчернѣ его писали такъ же долго,
А между тѣмъ, часовъ пять, шесть назадъ,
Лордъ Гестингсъ былъ спокоенъ и свободенъ,
Не обвиненъ, не заподозрѣнъ даже!

Да, страненъ свѣтъ! Одни лишь дураки
Здѣсь не увидятъ явнаго обмана, —
Да кто жь рѣшится намекнуть о немъ?
Нерадостно на бѣломъ свѣтѣ жить,
Когда дѣла такія въ немъ творятся!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

ЛОНДОНЪ. — ДВОРЪ БЕЙНАРДСКАГО ЗАМКА.

(Входятъ съ разныхъ сторонъ Глостеръ и Букингамъ).

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, какъ дѣла? Что говоритъ народъ?

БУКИНГАМЪ.

Клянусь святой Владычицей небесной,
Молчитъ народъ и рта не разжималъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Ты говорилъ ли, что дѣтей Эдварда
Не можешь ты законными признать?

БУКИНГАМЪ.

Еще бы нѣтъ! Условье съ леди Люси
Припомнилъ я съ условіемъ другимъ:
Что съ Франціею заключить велѣлъ онъ.
Припомнилъ жизнь безпутную его,
До женъ чужихъ безстыдную охоту;
Его жестокость мелкую, а послѣ
И незаконность рода и несходство
Его лица съ родительскимъ лицомъ.
При этомъ я сказалъ, что герцогъ Глостеръ
Своимъ лицомъ и благородствомъ духа
Весь вышелъ въ благороднаго отца,
Что въ мирѣ мудръ онъ, что на полѣ брани
Въ Шотландіи онъ побѣждалъ враговъ,
Что щедръ онъ, добръ и дѣтски кротокъ сердцемъ;
И честію клянусь, не пропустилъ
Я ничего, что намъ служить могло бы.
Затѣмъ, кончая рѣчь, я предложилъ
Всѣмъ, кто добра для родины желаетъ,
Кричать со мной: «*да здравствуетъ на вѣки
Великій Ричардъ, Англіи король!*»

ГЛОСТЕРЪ.

Ну, что жь, они — кричали?

БУКИНГАМЪ.

Богъ свидѣтель,
Ни слова! Какъ нѣмые истуканы
Иль камни мертвые, стоялъ народъ;
И граждане, какъ трупы поблѣднѣвъ,
Глазѣли другъ на друга. Я съ упрекомъ
Къ нимъ обратился, и спросилъ у мэра:
Что значитъ это мрачное молчанье?
А онъ отвѣтилъ, что къ такимъ рѣчамъ
Нашъ не привыкъ народъ, и что къ нему
Рѣчь держутъ чрезъ глашатаевъ обычныхъ.
Я лорда мэра пригласилъ тотчасъ
Разсказъ мой передать: онъ согласился,
Сказалъ народу: «*Герцогъ полагаетъ....*
Передаетъ вамъ герцогъ....» Отъ себя жь
Ни слова не добавилъ въ пользу нашу.
Чуть кончилъ онъ, и спутники мои,
Поодаль стоя, закидали шапки
И закричало голосовъ съ десятокъ:
«*Да здравствуетъ король британскій Ричардъ!*»
Я поспѣшилъ воспользоваться тѣмъ,
Сказалъ: «*спасибо, честные граждане!*
Друзья мои, восторгъ вашъ доказалъ,
Что мудры вы, что Ричардъ дорогъ вамъ!»
И распростившись съ ними, тутъ же вышелъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Чурбаны безъязычные! Ни слова!..
Такъ мэръ со свитой не придетъ сюда?

БУКИНГАМЪ.

Сейчасъ онъ будетъ здѣсь. Не позабудь же
Прикинуться встревоженнымъ: не вдругъ
Ты соглашайся выслушать его.
Молитвенникъ межь тѣмъ въ рукахъ держи;
Да надобно, милордъ, тебѣ стоять
Между двумя священниками. Я
На эту святость и налечь памѣренъ.
Затѣмъ не вдругъ склоняйся, какъ дѣвица.
Тверди имъ: «нѣтъ» а дѣлай то, что надо.

ГЛОСТЕРЪ.

Иду, — и если ты запросишь такъ,
Какъ сильно я отнѣкиваться стану,
То безъ сомнѣнья — все пойдетъ на ладъ.

БУКИНГАМЪ.

Скорѣй на галлерею! Онъ стучится.

(Уходитъ Глостеръ).

(Входитъ лордъ-мэръ, альдермены и граждане).

Привѣтъ вамъ, добрый лордъ! Я жду, да жду —
И по пустому, кажется. Нашъ герцогъ
Едва ли съ нами хочетъ говорить.

(Входитъ изъ замка Кетсби.)

Ну, Кестби, что намъ отвѣчаетъ герцогъ?

КЕТСБИ.

Мой свѣтлый лордъ! онъ честью проситъ васъ
Зайти хоть завтра, или послѣ завтра.
Онъ въ замкѣ, и съ двумя духовниками
Святой бесѣдѣ сердцемъ отдался.
Для просьбъ мірскихъ не хочетъ онъ оставить
Своихъ душеспасительныхъ заботъ.

БУКИНГАМЪ.

Сходи къ его высочеству, другъ Кетсби,
Скажи, что я, лордъ-мэръ и альдермены
По дѣлу крайней важности пришли;
Скажи, что мы, для общей всѣхъ насъ пользы,
Рѣчь съ герцогомъ намѣрены держать.

КЕТСБИ.

Немедленно ему скажу я это.

(Уходитъ.)

БУКИНГАМЪ (*лорду-мэру.*)

А-а, милордъ! пришли мы не къ Эдварду!
Нашъ герцогъ не валяется въ постели,
Съ молитвой на колѣняхъ онъ стоитъ:
Не рѣзвится онъ съ парою прелестницъ,
А говоритъ съ двумя духовниками;
Не дремлетъ онъ, чтобъ тѣломъ разжирѣть —
Молитвами обогащаетъ душу;
О, если бы достойный этотъ мужъ,
На счастье всѣмъ, бразды правленья принялъ!
Но нѣтъ! — едва ль его преклонимъ мы.

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Избави Богъ! Уже ль онъ намъ откажетъ?

БУКИНГАМЪ.

Боюсь, боюсь я... Вотъ пришелъ и Кетсби.

(Входитъ Кетсби.)

Ну, Кетсби, что нашъ герцогъ говоритъ?

КЕТСБИ.

Дивится онъ, зачѣмъ явился ты
Къ нему съ такой большой толпою гражданъ,
Безъ всякаго о томъ увѣдомленья.
Недобрый планъ въ томъ видитъ герцогъ нашъ.

БУКИНГАМЪ.

Мнѣ горько, что свѣтлѣйшій мой кузенъ
Меня въ недобрыхъ мысляхъ заподозрилъ.
Клянуся небомъ, здѣсь мы съ доброй цѣлью.
Иди къ нему и сообщи о томъ.

(Уходитъ Кетсби.)

Когда святые, набожные люди
Взялись за четки, — не добьешься толку!
Такъ сладостенъ для нихъ молитвы часъ!

(На галлерею вверху выходитъ Глостеръ, между двухъ епископовъ,— Кетсби возвращается).

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Вотъ и его высочество! — стоитъ онъ
Межь двухъ духовныхъ лицъ.

БУКИНГАМЪ.

Святому принцу
Они подпора отъ грѣхопаденья.
Смотри: молитвенникъ въ его рукѣ,
Краса и честь людей благочестивыхъ!
Плантагенетъ великій, герцогъ нашъ!
Склони свой слухъ къ мольбамъ усернымъ нашимъ
И насъ прости за то, что мы посмѣли
Прервать твои духовныя дѣла.

ГЛОСТЕРЪ.

Милордъ! твои напрасны извиненья;
Я самъ прошу простить меня за то,
Что весь предавшись Господа служенью,
Замедлилъ я принять монхъ друзей.
Оставимъ это. Ты чего желаешь?

БУКИНГАМЪ.

Желаю я просить, во имя Бога,
О томъ, чего желаетъ весь народъ
Въ странѣ родной, оставшейся безъ власти.

ГЛОСТЕРЪ.

Боюсь я, не свершилъ ли я чего
Обиднаго для нашихъ чéстныхъ гражданъ,
И вы пришли, чтобъ укорить меня
Въ моемъ грѣхѣ невольномъ?

БУКИНГАМЪ.

Свѣтлый герцогъ!
Ты угадалъ. Но тотъ проступокъ можно
Исправить, — къ нашимъ просьбамъ слухъ склоня.

ГЛОСТЕРЪ.

И мы его исправимъ. Развѣ я
Живу не въ честномъ, христіанскомъ краѣ?

БУКИНГАМЪ.

Такъ знай же, герцогъ, въ чемъ вина твоя:
Ты отступился отъ верховной власти,
Отъ трона пышнаго, отъ скиптра предковъ,
Отъ мѣста своего, отъ правъ рожденья,
Отъ славы царской дома твоего, —
И отступился, сдавъ все это вѣтви,
Испорченной, отъ дерева гнилаго.
Отъ кроткихъ и сопливыхъ дѣлъ твоихъ
(Для блага края, мы тебя разбудимъ).
Нашъ славный островъ въ силахъ ослабѣлъ,
Его лицо давно въ рубцахъ позора,
Презрѣнныя растенья привились
Къ его стволу державному, а царство
Ушло по плечи въ жадную пучину
Забвенья, запустѣнія и мрака!
Спасая край, всѣмъ сердцемъ просимъ мы,
Чтобъ ты, свѣтлѣйшій герцогъ, на себя
Заботы принялъ мощнаго правленья,
Не какъ протекторъ, опекунъ, чиновникъ,
Не какъ наемникъ мелкій чуждой власти,—
Но какъ наслѣдникъ рода своего.
Какъ кровный властелинъ роднаго царства!
Вотъ почему, въ собраньи вѣрныхъ гражданъ,
И любящихъ, и преданныхъ тебѣ,
По просьбѣ ихъ, усиленной и жаркой,
Тебя молить мы всѣ пришли сюда!

ГЛОСТЕРЪ.

Не знаю я, чѣмъ должно встрѣтить мнѣ

По сану моему такую просьбу:
Въ молчаніи уйти ли прочь отъ васъ,
Иль горькимъ словомъ встрѣтить дерзость вашу?
Не отвѣчать? Но вы рѣшите всѣ,
Что я въ молчаньи жадномъ соглашаюсь
Принять златую пошу тяжкой власти;
А гнѣвно встрѣтить жаркія мольбы,
Такъ полныя довѣрьемъ и любовью,
Не значитъ ли корить друзей своихъ?
Чтобъ сразу избѣжать и подозрѣнья
И горькихъ жалобъ на друзей моихъ,
Такой отвѣтъ даю я вамъ теперь же:
За преданность — благодарю я васъ,
Но бѣденъ я заслугами, и вашихъ
Великихъ просьбъ принять я не могу.
Когда бы мнѣ до царственной короны
Былъ гладокъ и лишенъ препятствій путь,
Когда бъ по праву тронъ мнѣ доставался,
То и тогда, — при слабостяхъ моихъ,
При множествѣ грѣховъ моихъ тяжелыхъ, —
Отъ пышной доли скрылся бы я самъ.
Мой утлый челнъ не для морей могучихъ,
И лучше отказаться отъ величья,
Чѣмъ задохнуться въ дымѣ пышной славы!
Но, благостью Спасителя, во мнѣ
Вамъ нѣтъ нужды; — державное растенье
Намъ принесло державный, юный плодъ;
Въ медлительныхъ годахъ тотъ плодъ созрѣетъ,
Родной престолъ украситъ онъ собой
И счастье намъ пошлетъ своимъ правленьемъ.
Да, на его счастливую звѣзду
Сложить могу я то, что на меня
Сложить желали вы, —и Богъ свидѣтель,
Не мнѣ идти противъ законныхъ правъ!

БУКИНГАМЪ.

Мой свѣтлый герцогъ! рѣчь твоя честна;
Но разсмотри, какъ слабы и безсильны
Всѣ доводы, что ты представилъ намъ.
Ты утверждаешь намъ, что принцъ Эдвардъ —
Сынъ брата твоего, — мы съ тѣмъ согласны;

Но сынъ ли онъ Эдвардовой жены?
Твой братъ, ужь обрученный съ леди Люси,
(И мать твоя — тому живой свидѣтель)
Черезъ посла, былъ съ Боной обрученъ,
Родной сестрой французскаго монарха.
Огъ двухъ невѣстъ его потомъ отбила
Увядшая и бѣдная вдова,
Съ семьею цѣлой взрослыхъ сыновей,
Давно ступившая за полдень жизни.
Она прельстила взглядъ непостоянный,
И мыслями Эдварда завладѣвъ,
На двоеженство короля склонила.
Съ ней, въ беззаконномъ бракѣ, прижитъ сынъ.
Тотъ самый сынъ Эдвардъ, кого межь нами
Наслѣднымъ принцомъ принято считать.
Есть доводы, потяжелѣе этихъ,
И могъ бы я припомнить ихъ; но честь
Еще живыхъ людей боюсь я тронуть,
И потому обузданъ мой языкъ.
Итакъ, милордъ, поторопись принять
Высокій санъ, предложенный тебѣ:
Ужь если не для насъ и не для края,
То хоть затѣмъ, чтобъ родъ очистить свой
Отъ гнили, что въ немъ годы развели,
И для того, чтобъ водворить порядокъ
Въ законной передачѣ царскихъ правъ.

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Не откажи намъ, свѣтлый лордъ! — о томъ
Сограждане твои усердно молятъ!

БУКИНГАМЪ.

Не отвергай любви ихъ, добрый герцогъ!

КЕТСБИ.

Обрадуй ихъ, склонись на просьбы ихъ!

ГЛОСТЕРЪ.

О, горе мнѣ! Зачѣмъ заботъ такихъ
Всю груду вы мнѣ валите на плечи?
Я не гожусь для царскаго величья.
Не оскорбляйтеся, я васъ прошу:
Я не могу, не въ силахъ уступить вамъ.

БУКИНГАМЪ.

Когда, по кротости, не смѣешь ты

Лишить престола этого ребенка
За то, что онъ сынъ брата твоего,
То знай, что мы, цѣня любовь твою,
Цѣня всю нѣжность сердца твоего
Ко всѣмъ тебѣ и близкимъ и неблизкимъ,
Своихъ рѣшеній не измѣнимъ ввѣкъ.
Отвергнешь ты иль примешь просьбу нашу,
Племянникъ твой не будетъ королемъ;
Мы твой вѣнецъ вручимъ лицу другому,
На стыдъ и гибель дому твоему!

(Гражданамъ)

Съ такимъ рѣшеньемъ мы идемъ отсюда
Домой, друзья, — намъ нечего просить!

(Уходятъ Букингамъ и граждане.)

КЕТСБИ.

Любезный герцогъ! воротите ихъ,
Примите просьбу: въ цѣломъ государствѣ
Отчаянье вашъ причинитъ отказъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Рѣшились вы сковать меня заботой.
Ну, такъ и быть — верни ихъ. Я не камень!

(Уходитъ Кетсби.)

Противъ мольбы стоять не въ силахъ я,
Хоть совѣсть и душа моя страдаютъ.

(Входитъ опять Букингамъ съ гражданами.)

Братъ Букингамъ, и вы, честные мужи!
Коль вы рѣшились на спину мою
Взвалить заботы тяжкія правленья, —
Я вижу то, что, волей иль неволей,
Я нòшу ту обязанъ взять себѣ.
Но ежели упрекомъ безобразнымъ
Иль черной клеветою встрѣтитъ свѣтъ
Послѣдствія усильной просьбы вашей:
То вспомните, что вынужденъ я вами,
И не давайте честь мою пятнать.
Богъ видитъ, — и вы видѣли теперь, —
Какъ я далекъ отъ всякой жажды власти.

ЛОРДЪ-МЭРЪ.

Пусть Богъ хранитъ васъ! Знаемъ это мы,
И всѣмъ передадимъ мы то, что знаемъ.

ГЛОСТЕРЪ.

Да, и правдива будетъ ваша рѣчь.

БУКИНГАМЪ.

Прими жь теперь привѣтъ, тебя достойный:
Да здравствуетъ надолго Ричардъ нашъ,
Британіи великій повелитель!

ВСѢ.

Аминь.

БУКИНГАМЪ.

Угодно ль будетъ, государь,
Короноваться завтра жь?

ГЛОСТЕРЪ.

Если вы
На то рѣшились, я со всѣмъ согласенъ.

БУКИНГАМЪ.

Такъ завтра мы здѣсь будемъ, государь.
Теперь же, съ радостной душой, мы смѣемъ
Откланяться.

ГЛОСТЕРЪ (*епископамъ*).

Воротимся жь опять
Къ святой бесѣдѣ нашей. Букингамъ,
Прощай покуда! Добрые друзья,
И вы прощайте!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ПЕРЕДЪ ТОВЗРОМЪ.

(Входятъ, съ одной стороны, КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА, ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ и МАРКИЗЪ ДОРСЕТЪ; съ другой — АННА, герцогиня ГЛОСТЕРЪ, ведетъ за руку леди МАРГАРИТУ ПЛАНТАГЕНЕТЪ, маленькую дочь герцога КЛАРЕНСА.)

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Кто къ намъ идетъ? Моя малютка внучка
Съ своею доброй теткой, Анной Глостеръ?
Идутъ онѣ, навѣрно, съ нами вмѣстѣ
Привѣтствовать младенца-короля.

(Леди Аннѣ)

Здорово, дочь моя!

АННА.

Пусть Богъ пошлетъ
Обѣимъ вамъ веселый день и свѣтлый.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Тебѣ того жь желаемъ мы, сестра.
Куда идешь ты?

АННА.

Въ Товэръ, какъ и вы,
Чтобъ поглядѣть на нашихъ милыхъ принцевъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Благодарю, сестра. Пойдемъ же вмѣстѣ.

(Входитъ Брекенбери.)

Вотъ, кстати, самъ смотритель къ намъ идетъ.
Что, Брекенбери, можешь намъ сказать,
Здоровы государь и герцогъ йоркскій?

БРЕКЕНБЕРИ.

Они здоровы, королева. Только
Я допустить васъ къ принцамъ не могу.
Король о томъ приказъ мнѣ отдалъ строгій.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Король? Какой король?...

БРЕКЕНБЕРИ.

Хотѣлъ сказать я:
Милордъ-протекторъ.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Сохрани Господь
Протектора отъ титула такого!
Онъ смѣетъ ли преграды полагать
Между любовью дѣтскою и мною?
Я мать — и кто меня не пуститъ къ дѣтямъ?

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Я къ нимъ пройду: отецъ ихъ былъ мнѣ сыномъ.

ЛЕДИ АННА.

Я по родству — имъ тетка, по любви —
Ихъ матерью считаю я себя.
Веди насъ къ нимъ: я за тебя въ отвѣтѣ,
И на себя беру вину твою.

БРЕКЕНБЕРИ.

Нѣтъ, герцогиня, клятвой связанъ я,
И вашей просьбы выполнить не въ силахъ.

(Уходитъ.)

(Входитъ Стенли.)

СТЕНЛИ (*дамамъ*).

Когда бы васъ я встрѣтилъ часомъ позже,

То къ герцогинѣ Йоркской мой привѣтъ
Я бъ обратилъ, какъ къ спутницѣ почтенной
И матери двухъ славныхъ королевъ!

(Герцогинѣ Глостеръ)

Я присланъ къ вамъ, миледи. Васъ ужь ждетъ
Въ Вестминстерѣ обрядъ коронованья,
Достойная подруга короля!

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

Разрѣжьте поясъ мой! мнѣ душно, душно!
Простора дайте трепетному сердцу,
Не то умру отъ тяжкой вѣсти я!

ЛЕДИ АННА.

Проклятая и гибельная вѣсть!

ДОРСЕТЪ.

О, успокойтесь! (*Матери*) Что`съ тобой, родная?

К. ЕЛИЗАВЕТА.

Сынъ, прочь иди! Не говори со мной,
Погибель скрыта въ имени моемъ,
Погибель дѣтямъ,—за тобою первымъ
Бѣда и смерть стремятся по пятамъ.
Не медли же, бѣги отъ адской силы,
Бѣги отсюда, за море — бѣги!
Ты къ Ричмонду бѣги, бѣги скорѣе
Изъ этой бойни, полной мертвыхъ тѣлъ.
Не умножай собою жертвъ злодѣя,
Не заставляй меня переживать
Проклятія несчастной Маргариты,
Не допусти, чтобъ кончила я жизнь
Безъ сыновей, безъ мужа и коропы!

СТЕНЛИ (*Дорсету.*)

Разуменъ, королева, вашъ совѣтъ.
Спѣши жь, часы и дороги и быстры;
Ты отъ меня получишь письма къ сыну,
Его ты встрѣтишь на своемъ пути.
Ступай же, и медлительностью глупой
Не загуби ты самого себя.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

О, вихрь бѣды неотразимо-бурный!
О ложе смерти! о моя утроба!
Ты василиска выкинула въ свѣтъ,
И взглядъ его несетъ съ собой погибель!

СТЕПЛИ (*леди Анны.*)

Идите жь, государыня. Спѣшить
Мнѣ велѣно.

ЛЕДИ АННА.

Я за тобой иду
Съ глубокимъ и великимъ отвращеньемъ.
О, еслибъ обручъ золотой короны
Мнѣ сталью легъ каленой на чело,
И черепъ мой и мозгъ мой сжегъ бы разомъ!
Пускай меня не царственнымъ елеемъ,
А смертнымъ ядомъ въ храмѣ умастятъ,
О пусть умру я, не слыхавши криковъ:
«Да здравствуетъ надолго королева!»

К. ЕЛИЗАВЕТА.

Иди, страдалица! не накликай
Ты на себя бѣды. Въ твоемъ почетѣ
Завидовать тебѣ я не могу.

ЛЕДИ АННА.

Не накликать бѣды? Когда злодѣй,
Котораго теперь зову я мужемъ,
Явился мнѣ въ тотъ часъ, когда я шла
Съ рыданіемъ за Генриховымъ трупомъ,—
Явился, не успѣвши рукъ обмыть
Отъ Генриха святой и чистой крови...
Явился онъ, зарѣзавшій того,
Кто былъ мнѣ ангеломъ и первымъ мужемъ;
Тогда, взглянувши Ричарду въ лицо,
Сказала я: *Навѣки проклятъ будь!*
Ты, сдѣлавшій меня вдовою дряхлой
Во цвѣтѣ лѣтъ моихъ! И если ты
Себѣ жену возьмешь — пусть злое горе
Прильнетъ навѣки къ ложу твоему!
И пусть жена твоя (когда такое
Безумное созданье ты найдешь)
Чрезъ жизнь твою страдать сильнѣе будетъ,
Чѣмъ я чрезъ гибель мужа моего!»
И что жь? скорѣе чѣмъ бы я могла
Произнести опять проклятье это,
Медовыми рѣчами онъ успѣлъ
Поработить мой шаткій, женскій разумъ!
Себя своимъ проклятьемъ прокляла

Несчастная, — и съ той поры не знаютъ
Мои глаза минутнаго покоя,
И съ той поры, на Ричардовомъ ложѣ,
Сонъ золотой меня не освѣжалъ;
Но каждый часъ я въ страхѣ просыпаюсь
Отъ страшныхъ, безпокойныхъ грёзъ его.
Недолго жить мнѣ! Какъ отецъ мой Варвикъ,
Я ненавистна мужу: скоро, скоро
Онъ навсегда развяжется со мной!

К. ЕЛИЗАВЕТА.

Прощай, бѣдняжка,—какъ мнѣ жаль тебя!

ЛЕДИ АННА.

И о тебѣ душа моя тоскуетъ!

ДОРСЕТЪ.

Прощай! какъ горько ты почетъ встрѣчаешь!

ЛЕДИ АННА.

Прощай! какъ горько съ нимъ разсталась ты!

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ (*Дорсету.*)

Бѣги же къ Ричмонду, и счастливъ будь!

(Леди Аннѣ.)

Ты къ Ричарду иди! и пусть тебя
Хранятъ святые ангелы!

(Королевѣ Елизаветѣ.)

Не медли!
Укройся въ храмѣ и молися тамъ!
А мнѣ—одна могила остается:
Тамъ я найду покой и тишину!
Я восемьдесятъ горькихъ лѣтъ прожила,
За сладкій часъ платя недѣлей горя.

К. ЕЛИЗАВЕТА.

Не уходи. Огляпемся на Товэръ.
О, древняя твердыня!—пожалѣй
Младенцевъ, что въ стѣнахъ твонхъ сокрыты.
О жосткая малютокъ колыбель!
Ты нянька грозная, сѣдой товарищъ
Ихъ дѣтскихъ игръ, — храни дѣтей монхъ!...
Въ безумномъ горѣ я прощаюсь съ вами,
О, камни Товэра!

(Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ТРОННАЯ ПАЛАТА ВО ДВОРЦѢ.

ЗВУКИ ТРУБЪ. — КОРОЛЬ РИЧАРДЪ НА КОРОЛЕВСКОМЪ ТРОНѢ, БУКИНГАМЪ, КЕТСБИ, ПАЖЪ И СВИТА.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (*свитѣ.*)
Подальше станьте. Здѣсь ли Букингамъ?

БУКИНГАМЪ.
Я здѣсь, державный повелитель мой!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Дай руку мнѣ. На эту высоту
Меня взвели совѣты Букингама
И помощь прямо братская твоя.
Что скажешь ты? продлится слава наша,
Иль день одинъ прожить ей суждено?

БУКИНГАМЪ.
Продлится, и не на день, а на вѣки!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Мой Букингамъ! теперь я испытаю,
Изъ чистаго ли золота ты слитъ?
Эдвардъ–младенецъ все еще на свѣтѣ,—
Ты понялъ ли, что я сказать хочу?

БУКИНГАМЪ.
Приказывайте, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Какихъ же
Тебѣ приказовъ надо? Королемъ
Я быть хочу.

БУКИНГАМЪ.
Мой государь великій!
Вы развѣ не король?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Король? король я?
Быть можетъ,—но Эдвардъ живетъ на свѣтѣ.

БУКИНГАМЪ.
Такъ, повелитель мой.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Немного толку
Въ такихъ словахъ: «такъ, повелитель мой.»

Эдвардъ живетъ — и долго жить онъ будетъ.
Кузенъ, ты прежде потолковѣй былъ.
Я выскажусь яснѣе: я хочу
Избавиться отъ тѣхъ щепковъ побочныхъ, —
Избавиться немедленно. Ну, что же
Ты скажешь намъ, не тратя лишнихъ словъ?

БУКИНГАМЪ.

Что королю угодно,—то и будетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Совсѣмъ твоя услужливость замерзла
И самъ ты—ледъ. Ну что жь, согласенъ ты
За дѣло взяться?

БУКИНГАМЪ.

Государь! позвольте
Подумать, и потомъ ужь дать отвѣтъ.
Я ждать васъ не заставлю слишкомъ долго.

(Уходитъ.)

КЕТСБИ (*встрону.*)

Король не въ духѣ — закусилъ онъ губы.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (*сходитъ съ трона.*)

Нѣтъ, лучше я готовъ вести бесѣду
Съ мальчишками безмозглыми, глупцами,
Съ чугунной головою на плечахъ!
Того, кто смотритъ на меня пытливо,
Не надо мнѣ,—а Букингамъ, надменный,
Не кстати остороженъ сталъ. Эй, пажъ!

(Пажу.)

Поди сюда.

ПАЖЪ.

Мой государь!

РИЧАРДЪ.

Скажи мнѣ,
Ты знаешь ли кого нибудь, кто бъ могъ
Для золота рѣшиться на убійство?

ПАЖЪ.

Я знаю дворянина одного,
Котораго высокомѣрный разумъ
Не можетъ ладить съ тощимъ кошелькомъ:
За деньги онъ все сдѣлаетъ скорѣй,
Чѣмъ изъ-за сотни просьбъ краснорѣчивыхъ.

РИЧАРДЪ.

А какъ зовутъ его?

ПАЖЪ.

Джемсъ Тиррель.

РИЧАРДЪ.

Я

Его немного знаю. Такъ ступай
И позови его ко мнѣ сейчасъ же.
Не стану больше съ хитрымъ Букингамомъ
Я тайнами дѣлиться по сосѣдски,
Безъ устали со мной онъ все бѣжалъ
И вздумалъ духъ перевести не кстати.
Пусть будетъ такъ!

(Входитъ Стенли).

Что новаго, милордъ?

СТЕНЛИ.

Мой государь? сейчасъ лишь я узналъ,
Что къ Ричмонду тайкомъ бѣжалъ лордъ Дорсетъ.

РИЧАРДЪ.

Послушай, Кетсби! распусти скорѣй
Ты слухи объ отчаянной болѣзни
Моей супруги Анны,—я жь велю,
Чтобъ никуда ее не выпускали.
Да изъ дворянъ, не очень знатныхъ родомъ,
Ты пріищи кого нибудь въ мужья
Для Кларенсовой дочери; мальчишка жь
Родился глупымъ и не страшенъ мнѣ.
Что жь ты зѣваешь? Повторяю снова
Я мой приказъ: въ народѣ слухъ пусти,
Что королева Анна умираетъ.
Не мѣшкай же! Я долженъ сокрушить
Въ самомъ началѣ помыслы дурные.

(Уходитъ Кетсби).

Эдварда дочь мнѣ надо въ жены взять, —
Безъ этого все будетъ мой престолъ
Стоять на хрупкихъ черепкахъ стеклянныхъ.
Убивши братьевъ, въ жены взять сестру?
Путь ненадежный! Но въ крови по горло
Я ужь сижу и грѣхъ родитъ грѣхи.
Да и глазамъ моимъ едва ль поладить
Съ слезливымъ сожалѣніемъ!...

(Входятъ пажъ и Тиррель).

Ты Тиррель?

ТИРРЕЛЬ (*склоняется на колѣно*).

Джемсъ Тиррель, государя моего
Слуга и вѣрноподданный.

РИЧАРДЪ.

Не лжешь ты?

ТИРРЕЛЬ.

Пусть государь испробуетъ меня!

РИЧАРДЪ.

Ты согласишься ль изъ людей намъ близкихъ
Убить кого нибудь?

ТИРРЕЛЬ.

Повелѣвайте!
Но лучше я желалъ бы умертвить
Двухъ лицъ враждебныхъ вамъ.

РИЧАРДЪ.

Пусть такъ и будетъ.
Есть у меня два смертные врага:
Чрезъ нихъ я сна и отдыха не знаю.
Ихъ на руки тебѣ сдаю я, Тиррель,
Я говорю про тѣхъ дѣтей побочныхъ,
Что въ Товэрѣ теперь.

ТИРРЕЛЬ.

Велите только
Къ нимъ допустить меня. Я не замедлю
Всѣ ваши опасенья уничтожить.

РИЧАРДЪ.

Мнѣ слаще пѣнья рѣчь твоя. Встань, Тиррель!
Вотъ пропускъ въ Товэръ. Подойди поближе:
(Шепчетъ ему на ухо).
Вотъ весь приказъ. Скажи, что онъ исполненъ
И награжу тебя я, и любовь
Свою тебѣ дарую.

ТИРРЕЛЬ.

Я сейчасъ же
Покончу все.

(Уходитъ).

(Входитъ Букингамъ.)

БУКИНГАМЪ.

Великій государь,
Я ужь обдумалъ вашъ приказъ послѣдній.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Оставимъ это. Слышалъ ты извѣстье
О томъ, что Дорсетъ къ Ричмонду бѣжалъ?

БУКИНГАМЪ.

Я слышалъ, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я помню, Стенли,
Что Ричмондъ — сынъ жены твоей. Смотри,
И берегись!

БУКИНГАМЪ.

Великій государь!
Осмѣлюсь я припомнить обѣщанье,
Что вашимъ честнымъ словомъ скрѣплено.
Вы мнѣ хотѣли гертфордское графство
Съ имѣньемъ брата вашего отдать.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Знай, Стенли, что когда жена твоя
Войдетъ въ сношенья съ Ричмондомъ, — отвѣтишь
Ты за нее.

БУКИНГАМЪ.

Что скажетъ государь
На просьбу, что представить смѣлъ ему я?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мнѣ помнится, что Генрихомъ VI-мъ
Былъ Ричмонду предсказанъ тронъ британскій,
Когда еще мальчишкой Ричмондъ былъ.
Престолъ! быть можетъ...

БУКИНГАМЪ.

Повелитель мой!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я это слышалъ самъ. Но какъ же Генрихъ
Не предсказалъ, что я его убью?

БУКИНГАМЪ.

Вы, государь, мнѣ обѣщали графство...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, Ричмондъ! Въ Экстерѣ я былъ недавно
И видѣлъ тамъ одинъ я замокъ. Мэръ
Его мнѣ назвалъ Ружмонтомъ: я вздрогнулъ
И вспомнилъ, какъ одинъ ирландскій бардъ
Пророчилъ мнѣ, — что Ричмонда увидѣвъ,
Не проживу я долго...

БУКИНГАМЪ.

Государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Который часъ?

БУКИНГАМЪ.

Осмѣлюся напомнить
Я ваше обѣщанье, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Который часъ?

БУКИНГАМЪ.

Сейчасъ ударитъ десять.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ не мѣшай ударить.

БУКИНГАМЪ.

Государь,
Я васъ не понимаю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Какъ дуракъ,
Ты всѣмъ мѣшаешь. Ты своею просьбой
Соображенья путаешь мои,
А къ щедрости не склоненъ я сегодня.

БУКИНГАМЪ.

Такъ сообщите жь сразу вашу волю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты надоѣлъ намъ. Мнѣ не до тебя.

(Уходитъ король Ричардъ и свита).

БУКИНГАМЪ.

А, вотъ оно! Презрѣньемъ платитъ онъ
За всѣ мои безмѣрныя услуги?
Такъ вотъ зачѣмъ я взвелъ его на тронъ!
Припомнимъ Гестингса — скорѣе въ Брекнокъ,
Покуда голова моя цѣла.

(Уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ТАМЪ ЖЕ.

(Входитъ Тиррель.)

ТИРРЕЛЬ.

Свершилося неслыханное дѣло —
Кровавое и лютое убійство,
Когда либо пятнавшее нашъ край!
Дайтонъ и Форрестъ, нанятые мной
Сообщники въ злодѣйствѣ нечестивомъ,
Два кровожадныхъ пса, мерзавцы злые,
Передавая пагубный разсказъ,

Рыдали, словно двое ребятишекъ!
«Вотъ такъ лежали милые младенцы»,
Сказалъ мнѣ Дайтонъ.—*«Такъ они лежали,*
Обнявъ другъ друга», Форрестъ перебилъ,
«Прозрачными ручонками своими.
Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы
Пурпурныя блистаютъ въ лѣтній день,
Такъ цаловались губы спящихъ братьевъ.
На ихъ подушкѣ, возлѣ, я примѣтилъ
Молитвенникъ, и духъ смутился мой,
И я хотѣлъ уйти, — но сатана...»
Тутъ замолчалъ мерзавецъ, и разсказъ
Былъ конченъ Дайтономъ: *«мы задушили*
Малютокъ, мы сгубили два созданья,
Прелестнѣе которыхъ никогда
Природа ничего не создавала.»
Волнуясь и тоской и сожалѣньемъ,
Замолкли палачи,—и я ушелъ,
Чтобъ королю безжалостному, здѣсь же
Все разсказать. Вотъ онъ идетъ ко мнѣ.

(Входитъ КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.)

Привѣтъ вамъ, мой высокій повелитель!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А, добрый Тиррель! Радостную вѣсть
Ты намъ принесъ?

ТИРРЕЛЬ.

Когда вамъ радость дастъ
Свершенье мнѣ довѣреннаго дѣла,
То радуйтесь,—все кончено!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Самъ видѣлъ
Ты ихъ тѣла?

ТИРРЕЛЬ.

Самъ видѣлъ, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И ты же схоронилъ ихъ, милый Тиррель?

ТИРРЕЛЬ.

Ихъ товэрскій священникъ схоронилъ,
А гдѣ онъ схоронилъ ихъ, я не знаю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Явись же, послѣ ужина, ко мнѣ,
И разскажи въ подробности все дѣло,

А самъ пока сообрази о томъ,
Какой просить награды,—я жь исполню
Немедленно желанія твои.
Прощай же!

ТИРРЕЛЬ.

Вашъ слуга, мой государь.

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Сынъ Кларенса сидитъ ужь подъ замкомъ,
Дочь обвѣнчалъ я съ бѣднымъ дворяниномъ,
Дѣтей Эдварда спать отправилъ я
На лоно Авраама—и простилась
Со здѣшнимъ міромъ королева Анна.
Я знаю, Ричмондъ хочетъ въ жены взять
Дочь брата моего, Елизавету,
И тѣмъ союзомъ ближе къ трону стать.
Не допущу я этого, — и самъ
Веселымъ женихомъ иду къ принцессѣ.

(Быстро входитъ КЕТСБИ.)

КЕТСБИ.

Мой государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Съ худой иль съ доброй вѣстью
Вломился ты?

КЕТСБИ.

Съ худою, государь.
Мортонъ бѣжалъ. Онъ съ Ричмондомъ. Въ Валлисѣ
Вооружился герцогъ Букингамъ
И выступилъ на насъ съ отборной ратью.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Мнѣ Ричмондъ съ Эли могутъ быть вреднѣй,
Чѣмъ Букингамъ со сволочью своею.
Впередъ! не мнѣ робѣть и выжидать,
Не мнѣ служить медлительности вялой,
Что за собой безсиліе ведетъ
Съ походкою улитки и калѣки!
Я съ быстротою пламени лечу,
И пусть перунъ—Меркуріемъ Зевеса,
Гонцомъ царя—несется впереди!
Сбери войска—мой щитъ—совѣтникъ мой!
Еще ли ждать? Насъ врагъ зоветъ на бой!

(Уходитъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ТАМЪ ЖЕ.—ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ.

(Входитъ КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.)

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Уже дозрѣло счастіе враговъ
И въ смрадный зѣвъ погибели склонилось.
Я долго здѣсь скиталась, выжидая
Ихъ гибели, и дождалася я
Начала тяжкихъ золъ. Теперь пора мнѣ
Во Францію... Я знаю, что конецъ,
Какъ и начало, будетъ дикъ и страшенъ.
Сюда идутъ. Укройся, Маргарита,
Несчастная!

(Входятъ КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА и ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.)

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

О принцы молодые,
Мои малютки нѣжные! Гдѣ вы,
Мои цвѣтки, увядшіе до срока?
Коль души ваши въ воздухѣ парятъ,
Еще не скрывшись въ вѣчное жилище,—
Спуститесь внизъ, ко мнѣ, на легкихъ крыльяхъ
И матери своей услышьте плачъ!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА (*про себя.*)

Спуститеся, и передайте ей,
Что не безъ права сгубленъ дряхлой ночью
Младенческій и утренній вашъ лучъ.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Подъ грудой золъ разбился голосъ мой
И онѣмѣлъ языкъ мой утомленный.
Эдвардъ Плантагенетъ, зачѣмъ ты умеръ?

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА (*про себя.*)

Эдвардъ пошелъ въ уплату за Эдварда,
И смертію покрылся смертный долгъ
Плантагенета за Плантагенета.

КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.

За что, Господь, забылъ ты агнцовъ нѣжныхъ
И волку въ пасть ихъ бросить попустилъ?
Иль спалъ Твой громъ при этомъ страшномъ дѣлѣ!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА *(про себя.)*
Когда мой сынъ—и мужъ мой умиралъ!
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
Ты, жизни гибель, слѣпота очей,
Ходячій призракъ и жилище скорби,
Позоръ земли, могилой позабытый,
Итогъ и память долгихъ скорбныхъ дней!
Присядь съ тоской на англійской землѣ,
Землѣ родной, безбожно осквернённой
И неповинной кровью залитой!
(Садится на землю.)
КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.
Когда жь ты мнѣ, родимая земля,
Не отдыхъ дашь минутный, а могилу?
Не сѣсть хочу я на сырой землѣ
А кости въ ней сложить свои на вѣки,
Кто вправѣ плакать болѣе чѣмъ мы?
(Садится на землю.)
КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.
Я старѣй васъ по горю, и должны вы
Признать за мной въ страданьяхъ старшинство.
Когда въ тоскѣ вести бесѣду можно,
(садится на землѣ возлѣ нея.)
Высказывайте мнѣ свои несчастья,
И я мои страданья разскажу.
Былъ у меня Эдвардъ, мой сынъ любимый,
И онъ погибъ отъ Ричарда руки;
Былъ у меня и мужъ,—его убилъ
Безсовѣстный и кровожадный Ричардъ.
И твой Эдвардъ отъ Ричарда погибъ,
И Ричардъ твой былъ Ричардомъ погубленъ.
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
И Ричардъ мой убитъ рукой твоей,
И моего ты Рутленда сгубила!
КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.
И Ричардомъ твой Кларенсъ умерщвленъ!
Изъ нѣдръ твоей утробы выползъ въ міръ
Тотъ адскій песъ и насъ онъ къ смерти гонитъ;
У пса того еще не было глазъ,
А зубы онъ имѣлъ и могъ терзать
Ягнятъ и кроткой ихъ питаться кровью.
Тобой рожденъ, чтобъ насъ въ могилы гнать,

Созданій божьихъ мерзостный ругатель,
Тиранъ, какихъ не было на землѣ;
Мучитель, величающійся скорбью,
Рыданіемъ истерзанныхъ имъ душъ.
О правосудный, праведный Господь,
Благодарю тебя! Мнѣ сладко видѣть,
Какъ бѣшеный и гнусный этотъ песъ
Терзаетъ племя матери своей,
И какъ она свой стонъ мѣшаетъ съ нашимъ!

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Ты, Генриха несчастная вдова,
Не веселись страданьями моими.
Богъ видитъ, что жалѣла я тебя!

КОРОЛЕВА МАРГАРИТА.

Прости меня. Я мщеньемъ голодна
И только начала имъ насыщаться.
Погибъ Эдвардъ твой, моего Эдварда
Зарѣзавшій, и твой другой Эдвáрдъ
За моего Эдварда расплатился.
Твой Йоркъ-малютка мнѣ пошелъ въ придачу
Затѣмъ, что онъ и братъ его не стóятъ
Того, что въ сынѣ потеряла я́.
Твой Кларенсъ, что Эдварда умертвилъ,
И всѣ свидѣтели кровавой драмы:
Грей, Вогенъ, Риверсъ и распутный Гестингсъ
Ужь задохнулись въ сумрачныхъ могилахъ.
Лишь ада представитель живъ еще —
Твой Ричардъ живъ, — онъ души покупаетъ,
Онъ въ адъ ихъ шлетъ.... Но близится къ нему
Позорная, всѣмъ радостная гибель!
Земля разверзлась, демоны ревутъ,
Пылаетъ адъ — и молятъ силы неба,
Чтобъ извергъ былъ скорѣй изъ міра взятъ.
Кончай скорѣй, праведный Господь!
О, сокруши его — и жизнь продли мнѣ,
Чтобъ я могла сказать: «издохнулъ пёсъ!»

ЕЛИЗАВЕТА.

О, предсказала ты, что будетъ время,
Когда мы вмѣстѣ станемъ проклинать
Горбатую и мерзостную жабу,

Когда я запрошу твоихъ проклятій
Раздувшемуся злому пауку!

МАРГАРИТА.

Тогда тебя поддѣльною царицей,
Моею бѣдной тѣнью я звала:
Былаго счастья отблескомъ ничтожнымъ
И льстивымъ перечнемъ великихъ бѣдъ.
Ты вверхъ взнеслась — и рухнулась въ пучину;
Дѣтей тебѣ на мигъ судьба дала;
Ты стала грезой прежняго величья,
Цвѣтнымъ значкомъ для цѣли смертныхъ стрѣлъ;
Воспоминаньемъ бывшаго почета;
Смѣшною театральной королевой
И пузыремъ на глади водяной!
Гдѣ твой супругъ? гдѣ сыновья твои?
Гдѣ братья? гдѣ твоя былая радость?
Кто льститъ тебѣ? кто, преклонивъ колѣна,
Передъ тобой кричитъ: «*пошли Господь*
Счастливыхъ дней британской королевѣ!»
Гдѣ пэры, что склонялись предъ тобою?
Гдѣ свита, что толпилась за тобой?
Забудь же это,—на себя взгляни
И разсуди о настоящемъ часѣ!
Ты не супруга — горькая вдова,
Ты плачущая мать дѣтей погибшихъ!
Не раздаешь ты милостей, а просишь!
Была ты королевой, но теперь
Рабыня ты, увѣнчанная горемъ!
Меня когда-то презирала ты,
И чтожь? — тебя теперь я презираю.
Передъ тобой дрожали — ты дрожишь!
Повелѣвала ты, — а кто теперь
Твоей повиноваться станетъ волѣ?
Перевернулось счастья колесо
И бросило тебя въ добычу горю
О прежнемъ и затмившемся почетѣ!
Ты мой престолъ взяла. Бери жь теперь
Заслуженную часть моихъ страданій.
Бери на плеча гордыя свои
Моей тяжелой ноши половину!

Пора мнѣ снять съ усталой головы
Жестокій грузъ и сдать тебѣ по праву.
Прощай, супруга Йорка! Королева
Скорбей и бѣдъ, прощай и ты! Пора
Во Францію укрыться, чтобы тамъ
Нарадоваться Англіи страданьямъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Не уходи. Сильна въ проклятьяхъ ты:
Учи жь меня какъ клясть моихъ злодѣевъ!

МАРГАРИТА.

Не спи ночей и голодай по днямъ,
Припоминай живѣй былое счастье
И съ скорбью новой сравнивай его.
Воображеньемъ прелесть умножай
Своихъ малютокъ, сгубленныхъ злодѣемъ,
А въ немъ — преувеличивай все это!
Украсть твою потерю, и виновникъ
Потери той проклятью подпадетъ,
И сами прилетятъ къ тебѣ проклятья!

ЕЛИЗАВЕТА.

Въ словахъ тупа я, — проклинай со мною!

МАРГАРИТА.

Скорбями заострится рѣчь твоя
И станетъ пробивать однимъ ударомъ!

(Уходитъ).

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Нужна ли рѣчь обильная для скорби?

ЕЛИЗАВЕТА.

Слова — заступники страдальцевъ бѣдныхъ,
Безплотные наслѣдники веселья,
Убогіе глашатаи скорбей!
Пускай текутъ они — хотя безплодно,
Но съ ними сердцу легче.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Если такъ,
То дай свободу слову, — и пойдемъ.
Пойдемъ, задушимъ горькими рѣчами
Того, кто задушилъ твоихъ малютокъ,
Кого проклятымъ сыномъ я зову!

(Слышна музыка.)

Чу! онъ идетъ: готовь свои проклятья.

(Входитъ король Ричардъ со свитой и войскомъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ *(увидя двухъ женщинъ).*
Кто смѣетъ намъ дорогу заграждать?
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
Я, — что могла твой путь загородить
Къ убійству и злодѣйствамъ нечестивымъ,
Въ своей утробѣ задавивъ тебя.
ЕЛИЗАВЕТА.
Ты лобъ прикрылъ короной золотою,
Короны той владѣтеля сгубивъ,
Моихъ дѣтей и братьевъ умертвивши!
По всѣмъ правамъ, не царственный вѣнецъ, —
Клеймо носить на лбу своемъ ты долженъ!
Гдѣ, рабъ презрѣнный, гдѣ мои малютки?
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
Ты — жаба! Гдѣ твой братъ? гдѣ бѣдный Кларенсъ?
Гдѣ Недъ Плантагенетъ, его дитя?
ЕЛИЗАВЕТА.
Гдѣ добрый Риверсъ, Вогенъ, Грей?
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ,
Гдѣ Гестингсъ?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Трубите въ трубы! бейте въ барабаны!
Чтобъ не слыхало небо глупыхъ бабъ,
Шумящихъ на помазанника Божья!
Трубить сильнѣй!
(Женщинамъ).
А вы ведите рѣчь
Съ приличіемъ, иль въ громѣ трубъ военныхъ
Я ваши восклицанья потоплю!
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
Ты сынъ ли мой?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Да, милостью Господней,
По милости отца, а также вашей.
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
Такъ съ кротостью переноси мой гнѣвъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Вы, герцогиня, свой мнѣ дали правъ,
И выносить упрековъ онъ не можетъ.
ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.
О, дай сказать мнѣ все!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Пожалуй, — только
Не стану слушать я.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Мои слова
И ласковы и тихи будутъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Также
И коротки — въ походъ я тороплюсь.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Торопишься? А развѣ не ждала
Тебя я, — знаетъ Богъ! — въ тоскѣ и мукахъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И развѣ не исчезли муки тѣ
Съ моимъ рожденьемъ?

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Нѣтъ, крестомъ Господнимъ
Клянуся я, — и самъ ты слишкомъ знаешь,
Ты родился — и міръ мнѣ адомъ сталъ.
Въ страданьяхъ тяжкихъ я тебя родила,
Ты въ дѣтствѣ былъ и золъ и своеволенъ,
Ты отрокомъ былъ дерзокъ и суровъ,
Горячую и бѣшеную юность
Ты пережилъ, и возмужавъ, явился
Коварнымъ, гордымъ, хитрымъ, кровожаднымъ,
Опаснымъ въ кротости и тихимъ въ злобѣ!
Ты можешь ли назвать хоть часъ одинъ,
Въ который ты отраду мнѣ доставилъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ни одного. Лишь можетъ быть тотъ часъ,
Когда мы съ вами завтракали порознь.
А впрочемъ, если такъ я вамъ противенъ,
То, герцогиня, я пойду впередъ
И больше оскорблять васъ я не стану.
Эй, барабаны!

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Выслушай меня!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Рѣчь ваша слишкомъ зла.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Одно лишь слово,
И больше не услышишь ты меня.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну!

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

Иль праведный Господь сразитъ тебя,
Не давъ тебѣ побѣды въ этой брани,
Иль я умру отъ дряхлости и горя,
Въ лицо тебѣ предъ смертью не взглянувъ.
Неси жь съ собой проклятіе мое,
И пусть оно въ разгаръ тяжелой битвы
Обременитъ тебя сто разъ страшнѣе,
Чѣмъ тяжкій шлемъ и панцырь твой стальной!
Я за враговъ твоихъ молиться стану,
Малютки - души, дѣти короля,
Вдохнутъ твоимъ противникамъ отвагу,
Предскажутъ имъ побѣду и успѣхъ!
Ты кровь глоталъ, — и захлебнешься кровью!
Ты срамомъ жилъ, — и жизнь окончишь въ срамѣ!
(Уходитъ).

ЕЛИЗАВЕТА.

Хоть я должна страшнѣе клясть тебя,
Но духъ мой слабъ, и только въ силахъ я
Проговорить *аминь* ея проклятьямъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не уходи. Съ тобою надо мнѣ
Поговорить.

ЕЛИЗАВЕТА.

Я для ножа убійцы
Ужь не имѣю царскихъ сыновей.
Мнѣ дочери остались, — но онѣ
Монахинями набожными будутъ,
Имъ скорбнаго престола не видать,—
А потому ихъ мнѣ оставитъ Ричардъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Имѣешь ты дитя — Елизавету:
Она мила, прекрасна и кротка,
Какъ слѣдуетъ дѣвицѣ царской крови.

ЕЛИЗАВЕТА.

За что жь ее ты хочешь умертвить?
Оставь ей жизнь,—ее испорчу я,
Я красоту ея обезображу,
Я объявлю, что измѣнила мужу,
Я дочь своимъ безчестіемъ прикрою,

Чтобъ отъ кровавыхъ рукъ ее спасти
Я всѣмъ скажу, что не Эдвардъ—отецъ ей!
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
За что жь безчестить царственную кровь?
ЕЛИЗАВЕТА.
Чтобъ дочь спасти—я отрекусь отъ крови.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Высокій санъ ее спасетъ отъ бѣдъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
Какъ спасъ тотъ санъ ея погибшихъ братьевъ!
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Несчастная звѣзда ихъ погубила.
ЕЛИЗАВЕТА.
И тѣ, кому мѣшала жизнь младенцевъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Никто своей судьбы не избѣжитъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
Когда судьба въ рукахъ злодѣйскихъ скрыта.
Иначе бъ дѣти умерли мои,
Когда бъ тебя Господь иначе создалъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Ты говоришь—какъ будто бъ я сгубилъ
Моихъ родныхъ племянниковъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
А кто же?
По родственному отнялъ ты у нихъ
Родню, свободу, жизнь и королевство!
Не знаю, чья рука убила ихъ,
Но мысль твоя направила ту руку;
Я знаю, что убійцы ножъ тупой
На камнѣ сердца твоего наточенъ,
Чтобы вѣрнѣй зарѣзать агнцевъ бѣдныхъ.
Подъ ношей горя ослабѣла я:
Безъ этого—назвавъ моихъ малютокъ—
Ногтями бъ я впилась въ твои глаза
Какъ якоремъ, и на тебѣ повиснувъ,
Я бъ замерла, покуда бъ не разбилась
О каменную грудь твою, злодѣй,
Какъ лодка безъ снастей и парусовъ
Въ пучинѣ разбивается о скалы!
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Пусть сгибнетъ цѣль похода моего

И весь успѣхъ моихъ кровавыхъ браней,
Когда тебѣ и дому твоему
Я не воздамъ добромъ за это горе.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какое, подъ небеснымъ сводомъ всѣхъ,
Добро найдется для меня, несчастной?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А возвышеніе твоихъ дѣтей,
Елизавета милая?

ЕЛИЗАВЕТА.

Куда жь?
На эшафотъ? на плаху? къ смертной казни?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

На высоту величья и блаженства
И на вершину почестей земныхъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Ласкай мою тоску пустою сказкой!
Какимъ величіемъ, какимъ почетомъ
Дѣтей моихъ ты можешь надѣлить?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Все, что мое, и самого себя
Я дочери твоей отдамъ навѣки.
Спѣши же, въ Лéту горестной души
Скорѣе сбросить тягостную память
Моихъ воображаемыхъ обидъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Скорѣй же говори, не то остынетъ
Вся кротость небывалая твоя.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ знай же, что люблю я дочь твою
Отъ всей души.

ЕЛИЗАВЕТА.

Мать дочери моей
Отъ всей души то знаетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что же знаетъ?

ЕЛИЗАВЕТА.

Что дочь мою ты любишь всей душой,
Какъ всей душой ея любилъ ты братьевъ.
Я жь всей душой тебя благодарю.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты смыслъ худой даешь словамъ моимъ.

Отъ всей души я дочь твою люблю
И королевы санъ ей предлагаю.
ЕЛИЗАВЕТА.
Кто жь будетъ королемъ ей и супругомъ?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Конечно тотъ, кто дастъ ей царскій санъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
Какъ? Ты?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Конечно. Что же, королева,
На это скажешь ты?
ЕЛИЗАВЕТА.
Да чѣмъ же ты
Ея любовь добудешь?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Нравъ дѣвицы
Ты знаешь, и совѣтъ мнѣ добрый дашь.
ЕЛИЗАВЕТА.
И мой совѣтъ ты примешь?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Всей душою.
ЕЛИЗАВЕТА.
Пошли жь, съ убійцей принцовъ молодыхъ,
Сестрѣ ихъ два окровавленныхъ сердца,
Не позабывши вырѣзать на каждомъ
Слова: «Эдвардъ» и «Йоркъ». Она, конечно,
Заплачетъ, и тогда подашь ты ей,
(Какъ Маргарита твоему отцу
Дала платокъ въ крови его ребенка)
Чтобъ отереть тѣ слезы, — полотно,
Пурпурною намоченное кровью
Ея любимыхъ братьевъ. Если этимъ
Подаркомъ ты ее къ любви не склонишь,
То списокъ дай высокихъ дѣлъ твоихъ:
Похвастайся, что сгублены тобой
Ея родные дяди: Грей и Кларенсъ,
И разскажи, что ты, любя ее,
Покончилъ съ жизнью доброй тетки Анны.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Смѣешься ты: такимъ путемъ едва ли
Поправлюсь я.

ЕЛИЗАВЕТА.

Другаго нѣтъ пути,
Когда не можешь ты переродиться
И Ричардомъ не быть, который эти
Злодѣйства совершилъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты ей скажи,
Что изъ любви къ ней совершилъ я ихъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

О, да! возможно ль ей не раздѣлять
Твоей любви, съ такой цѣной кровавой!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что сдѣлано, того не воротить,
И люди ошибаются нерѣдко,
Чтобъ каяться въ своихъ дѣлахъ потомъ.
У сыновей твоихъ я отнялъ царство,
Но каюсь я, — и дочери твоей
Вѣнецъ я предлагаю. Погубилъ я
Твоихъ дѣтей, но замѣню я ихъ
Моимъ и дочери твоей потомствомъ.
Коль матерью счастливой сладко быть,
То по любви не ниже имя бабки,
И дѣти тѣ же будутъ у тебя,
По крови тѣ же, хоть ступенью ниже
Хоть ихъ рожденье не несло съ собой
Труда, болѣзни, цѣлой ночи стоновъ.
Ты въ юности страдала чрезъ дѣтей, —
Въ моихъ дѣтяхъ ты отдохнешь подъ старость.
Ты схоронила сына-короля,
Но въ самомъ горѣ ты найдешь замѣну
И королевой будетъ дочь твоя.
Потеряннаго я вернуть не въ силахъ,
Верни же то, что въ силахъ я отдать.
Въ тоскѣ и страхѣ бродитъ сынъ твой Дорсетъ
Бунтовщикомъ, на чуждой сторонѣ,
Но нашъ союзъ вернетъ его въ отчизну
Къ почету и высокимъ должностямъ.
Король, на тронъ вѣнчавшій дочь твою,
По братски приметъ Дорсета, какъ брата.
И королевой-матерью ты будешь,
И всѣ обломки прежнихъ скорбныхъ дней

Въ двойномъ великолѣпіи воскреснутъ.
Да, свѣтлыхъ дней еще дождемся мы,
И капли слезъ, тобою пролитыя,
Въ жемчужинахъ Востока къ намъ вернутся,
А ихъ цѣна, за время скорбныхъ дней,
Возвысится десятикратнымъ счастьемъ.
Иди жь отсюда къ дочери своей,
Мать милая! младенческихъ годовъ
Застѣнчивость смягчи своимъ совѣтомъ,
Пусть къ нѣжной рѣчи слухъ она готовитъ,
Пусть въ нѣжномъ сердцѣ теплится у ней
Святая жажда сана золотаго;
Раскрой передъ принцессою всю прелесть
Таинственныхъ, завѣтныхъ брачныхъ дней;
А я, сломивъ могучею рукой
Презрѣннаго безумца Букингама,
Вернусь съ вѣнкомъ побѣды на челѣ,
И дочь твою на царственное ложе
Я возведу, свои трофеи сдамъ
Ей, побѣдительницѣ, — и ее
Я Кесаремъ надъ Кесаремъ признаю!

ЕЛИЗАВЕТА.

Но что я ей скажу? Что братъ отца
Ея руки желаетъ? Или дядя?
Или палачъ ея родныхъ и братьевъ?
Какое имя сочинить тебѣ,
Чтобъ честь моя, законъ и самъ Господь
Не помѣшали ей тебя услышать?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажи, что тѣмъ союзомъ прочный миръ
Дадимъ мы Англіи.

ЕЛИЗАВЕТА.

Борьбой и скорбью
Тотъ прочный миръ придется ей купить.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажи, король и повелитель проситъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

Но царь царей согласья не даетъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скажи, что санъ великій ждетъ ее.

ЕЛИЗАВЕТА.

Чтобъ, какъ и мнѣ, грустить о немъ и плакать.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Скажи, что я люблю ее на вѣки.
ЕЛИЗАВЕТА.
Но долго ли продлятся тѣ вѣка?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Что я всю жизнь ее лелѣять стану.
ЕЛИЗАВЕТА.
Но долго ль ты на свѣтѣ жить ей дашь?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ
Какъ небо и природа соизволятъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
Покуда адъ и Ричардъ захотятъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Скажи, что я, король — ея слуга.
ЕЛИЗАВЕТА.
Гнушается она такимъ слугою.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Краснорѣчивѣй за меня проси...
ЕЛИЗАВЕТА.
Намѣреній честныхъ не украшаютъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Такъ просто передай любовь мою...
ЕЛИЗАВЕТА.
Оно и просто и безчестно будетъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Ты горяча, но мелокъ этотъ гнѣвъ.
ЕЛИЗАВЕТА.
Нѣтъ, корнями глубоко вросъ онъ въ землю,
Гдѣ спятъ мои малютки мертвымъ сномъ.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Не трогай этихъ струнъ, — забудь, что было.
ЕЛИЗАВЕТА.
Нѣтъ, не могу, покуда струны сердца
Не порвались.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Клянусь святымъ Георгомъ,
Короной и подвязкою моей!
ЕЛИЗАВЕТА.
Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону же укралъ ты.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Я клянусь...
ЕЛИЗАВЕТА.
Остановись! Нѣтъ клятвы для тебя.
Святой угодникъ осрамленъ тобою,

Ты помрачилъ звѣзду подвязки славной
И блескъ короны кражей погубилъ.
Коль вѣры хочешь ты, — клянися тѣмъ,
Чему ты не успѣлъ нанесть позора.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Клянуся свѣтомъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

Ты нашъ свѣтъ сквернишь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Отца могилой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Ты ее безчестишь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Самимъ собой!

ЕЛИЗАВЕТА.

Въ тебѣ самомъ позоръ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И Господомъ!

ЕЛИЗАВЕТА.

И Господа всѣхъ больше
Ты оскорбилъ! Когда бъ ты не дерзнулъ
Нарушить клятвы, данной передъ Богомъ,
Союзъ бы цвѣлъ, Эдвардомъ заключенный,
И отъ твоей руки не палъ твой братъ.
Когда бъ хранилъ ты данные обѣты,
То царственный металлъ короны царской,
Сверкающій на головѣ твоей,
Собою бъ красилъ нѣжное чело
Малютки моего, — и оба принца,
Что въ пыль, къ червямъ, въ могилу кинулъ ты,
Клятвопреступникъ! жили бы на свѣтѣ!
Такъ чѣмъ же можешь клясться ты теперь?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Всей будущностью!

ЕЛИЗАВЕТА.

Будущность твоя
Осквернена позоромъ прошлой жизни!
Мнѣ первой, — цѣлымъ моремъ горькихъ слезъ
Не смыть того, что сдѣлалъ ты со мною;
Земля полна несчастными дѣтьми
Родителей тобою умерщвленныхъ,
И плачъ сиротъ пойдетъ на всю ихъ жизнь.

Родители дѣтей, тобой убитыхъ,
Какъ дряхлыя, безплодныя растенья,
Еще живутъ и вѣчно будутъ плакать.
Такъ не клянись же будущей порой—
Ты въ прошломъ осквернилъ ее до срока!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Во всемъ я каюсь. Это вѣрно такъ,
Какъ то, что я себѣ желаю счастья,
Что я ищу удачи въ брачномъ дѣлѣ!
Пусть погублю я самъ себя! Пускай
Господь лишитъ меня счастливыхъ дней,
Пусть свѣта день, и ночь мнѣ сна не дастъ,
Пусть звѣзды всѣ противъ меня возстанутъ,
Когда прекрасной дочери твоей
Я не люблю святой и чистой страстью,
Когда я ей не преданъ всей душой!
Въ ней все мое и все твое блаженство,
А безъ нея — тебѣ, и ей, и мнѣ,
И родинѣ, и многимъ честнымъ душамъ
Грозитъ бѣда, погибель, смерть и зло!
Одно спасенье всѣмъ — въ союзѣ нашемъ,
И безъ него намъ всѣмъ спасенья нѣтъ.
Мать милая (такъ звать тебя я смѣю),
Спѣши же за любовь мою просить!
Не говори о томъ, чѣмъ прежде былъ я,
Но передай, чѣмъ быть желаю я,
Не вспоминай о томъ, чего я стою,
А помни то, чего я стоить буду!
Представь ей нужды края, — и забудь
Свой гнѣвъ для общей и великой пользы.

ЕЛИЗАВЕТА.

Какъ! я склонюсь на искушенья бѣса?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Конечно, если бѣсъ къ добру ведетъ.

ЕЛИЗАВЕТА.

И я себя забуду для него?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Забудь, когда ты этимъ зла избѣгаешь.

ЕЛИЗАВЕТА.

Но ты моихъ малютокъ погубилъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я схороню ихъ въ дочери твоей,

И на ея благоуханномъ лонѣ
Они родятся вновь, тебѣ на радость.
ЕЛИЗАВЕТА.
Я дочь мою — склоню любить тебя?
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
И матерью счастливою ты будешь.
ЕЛИЗАВЕТА.
Я къ ней иду. Скорѣй пиши ко мнѣ,
И вѣсть о ней ты отъ меня получишь
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Прощай, — и этотъ нѣжный поцалуй
Ей передай.
(Цалуетъ ее; королева ЕЛИЗАВЕТА уходитъ).
Наплу поддалась,
Непостоянная, дрянная дура!
Что новаго?
(Входитъ РАТКЛИФФЪ, и за нимъ КЕТСБИ).
РАТКЛИФФЪ.
Великій государь!
На морѣ показался флотъ могучій
У западнаго берега. Толпами
Туда бѣжитъ сомнительный народъ,
Не думая на бой вооружаться.
Всѣ думаютъ, что это прибылъ Ричмондъ
И что для высадки онъ ждетъ пока
Прихода ополченій Букингама.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Скорѣй гонца къ Норфольку. Поѣзжай
Ты, Ратклиффъ, — или Кетсби, — здѣсь онъ?
КЕТСБИ.
Здѣсь,
Мой государь.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.
Такъ къ герцогу скачи.
КЕТСБИ.
Не стану медлить я.
КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (*Ратклиффу*).
Ты въ Салисбери
Сейчасъ отправься, и прибывъ туда...
(Кетсби)
Что жь ты, дуракъ, мерзавецъ, здѣсь стоишь
И къ герцогу не ѣдешь?

КЕТСБИ.

Государь,
Что жь герцогу сказать отъ васъ я долженъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты правъ, мой добрый Кетсби. Пусть скорѣй
Онъ соберетъ какъ можно больше войска
И въ Салисбери встрѣтитъ насъ.

КЕТСБИ.

Я ѣду.
(Уходитъ).

РАТКЛИФФЪ.

Что жь дѣлать мнѣ, прибывши въ Салисбери?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Зачѣмъ тебѣ туда? Я самъ поѣду.

РАТКЛИФФЪ.

Вы, государь, велѣли мнѣ скакать.
(Входитъ Стенли).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Раздумалъ я. Съ какою вѣстью, Стенли?

СТЕНЛИ.

Хорошихъ нѣтъ вѣстей, мой государь,
Да тоже нѣтъ вѣстей совсѣмъ печальныхъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что за загадки? Коли ничего
Ни добраго, ни злаго ты не знаешь,
Такъ не къ чему скакать по сторонамъ,
А лучше прямо передать намъ дѣло.
Какія жь вѣсти?

СТЕНЛИ.

Ричмондъ вышелъ въ море.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ пусть въ томъ морѣ ко дну онъ пойдетъ!
Трусъ и бѣглецъ! Зачѣмъ онъ въ море вышелъ?

СТЕНЛИ.

Не знаю я навѣрно, государь,
Но, кажется....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что кажется тебѣ?

СТЕНЛИ.

Что Дорсетъ, съ Мартономъ и Букингамомъ
Его зовутъ на англійскій престолъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Иль тронъ мой пустъ? Иль праздно царство наше?

Король погибъ? Мечъ Англіи пропалъ?
Не я ль наслѣдникъ царственнаго Йорка?
И, стало быть, Британіи король?
Скажи жь, зачѣмъ плыветъ сюда твой Ричмондъ?

СТЕНЛИ.

Мой государь! могу ль я это знать?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

А, ты не можешь знать! А думать можешь,
Что въ государи мѣтитъ онъ твои?
Я знаю, намъ ты измѣнить задумалъ
И передаться Ричмонду.

СТЕНЛИ.

Въ измѣнѣ
Меня напрасно государь винитъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ гдѣ же войско, чтобъ отбить врага?
Ты собралъ ли вассаловъ и дружины?
Твои друзья бѣгутъ толпой на западъ,
Чтобъ съ кораблей принять бунтовщика!

СТЕНЛИ.

Мои друзья на сѣверѣ собрались.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Намъ холодно отъ сѣверныхъ друзей!
Зачѣмъ они на сѣверѣ, когда
На западѣ намъ надобны дружины?

СТЕНЛИ.

Имъ не дано приказа, государь.
Позвольте мнѣ сейчасъ скакать отсюда
И я стяну войска, и встрѣчу васъ,
Гдѣ вашему величеству угодно.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да, да, — ты прямо къ Ричмонду поскачешь!
Я, сэръ, тебѣ не вѣрю.

СТЕНЛИ.

Государь!
Я повода не подалъ къ подозрѣньямъ,
Предателемъ я не былъ и не буду.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Скачи и собирай войска. Но, слушай:
Твой сынъ Георгъ останется при насъ.
Будь въ словѣ твердъ, когда желаешь ты,
Чтобъ твердо голова его держалась.

СТЕНЛИ.

Въ отвѣтѣ онъ за преданность мою!

(Уходитъ).

(Входитъ гонецъ).

ГОНЕЦЪ.

Великій государь! изъ Девоншира
Я отъ людей надежныхъ вѣсть привезъ,
Что сиръ Эдвардъ Кортней и братъ его
Эксетерскій епископъ горделивый,
Съ толпой друзей, подняли знамя бунта!

(Входитъ второй гонецъ).

ВТОРОЙ ГОНЕЦЪ.

Великій государь! вооружились
Гильдфорды въ Кентѣ; каждый часъ приходятъ
Къ нимъ новыя толпы и бунтъ ростетъ.

(Входитъ третій гонецъ).

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Мой государь! дружины Букингама....

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прочь, совы! съ вашей пѣснею зловѣщей!

(Бьетъ гонца).

Вотъ! вотъ тебѣ! впередъ, до лучшей вѣсти!

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Я, государь, пришелъ къ вамъ съ вѣстью той,
Что непогодой и разливомъ рѣкъ
Разсѣяны дружины Букингама,
А самъ онъ, растерявъ свои войска,
Куда-то скрылся.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, прости меня!
Вотъ кошелекъ, лечись имъ отъ ударовъ.
Ты не слыхалъ, назначена награда
Тому, кто намъ предателя представитъ?

ТРЕТІЙ ГОНЕЦЪ.

Назначена, великій государь.

(Входитъ четвертый гонецъ).

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОНЕЦЪ.

Мой государь! въ Іоркшейрѣ поднялись
Лордъ Дорсетъ съ сыномъ Томасомъ Ловелемъ.
Но радостнѣй другая вѣсть моя:
Флотъ Ричмонда разсѣянъ бурей. Самъ онъ
На берегъ выслалъ лодку въ Дорсетшейръ
И спрашивалъ у войскъ на берегу:

Намѣрены ль они идти съ нимъ вмѣстѣ, -
Но получивъ отвѣтъ, что ихъ толпы
Пришли отъ Букингама, герцогъ Ричмондъ
Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И путь направилъ къ берегамъ Бретонскимъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Впередъ же всѣ! Готовы къ бою мы,
И если чужеземецъ-врагъ укрылся,—
Идемъ же сокрушить бунтовщиковъ!

(Входитъ Кетсби).

КЕТСБИ.

Мой государь! захваченъ Букингамъ....
Но нечего скрывать и вѣсть худую:
Графъ Ричмондъ вышелъ къ намъ на берега:
Онъ въ Мильфордѣ, съ могущественнымъ войскомъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Впередъ, впередъ! Скорѣе въ Салисбери!
Пока мы здѣсь болтаемъ, можно бъ было
По царски пасть, иль сокрушить врага!
Вотъ мой приказъ: доставить Букингама
Къ намъ въ Салисбери. А теперь, за мной!

(Уходитъ съ войскомъ и пр.).

СЦЕНА ПЯТАЯ.

КОМНАТА ВЪ ДОМѢ ЛОРДА СТЕНЛИ.

(Входитъ Стенли и сиръ Кристоферъ Юрсвикъ).

СТЕНЛИ.

Ты скажешь графу Ричмонду отъ насъ,
Что кровожадный вепрь—въ своей берлогѣ
Порукой держитъ сына моего,
Георга Стенли. Если я возстану,
То голова Георга съ плечъ слетитъ.
Вотъ почему я медлю въ общемъ дѣлѣ!
Скажи мнѣ, гдѣ теперь нашъ свѣтлый Ричмондъ?

СИРЪ КРИСТОФЕРЪ.

Близъ Пемброка, въ Валлисѣ.

СТЕНЛИ.

Кто жь при немъ
Изъ знатныхъ лицъ?

СПРЪ КРИСТОФЕРЪ.

Спръ Вальтеръ Гербертъ, знаменитый воинъ,
Спръ Гильбертъ Тальботъ и спръ Вильямъ Стенли,
Оксфордъ, безстрашный Пемброкъ, спръ Джемсъ
Блентъ,
И Рейсъ ап-Томасъ, съ храброй дружиной.
Есть и другіе славные бойцы,
И всѣ они на Лондонъ держатъ путь,
Покуда имъ не заградятъ дороги.

СТЕНЛИ.

Такъ поѣзжай же къ Ричмонду. Скажи,
Что королева дочь Елизавету
Отъ всей души ему готовитъ въ жены.
Изъ этихъ писемъ самъ узнаетъ онъ,
Что надо знать. Прощай же, спръ Кристоферъ.
(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

САЛИСБЕРИ. — ОТКРЫТАЯ ПОЛЯНА.

Входитъ шерифъ со стражей, сопровождая на казнь Букингама.

БУКИНГАМЪ.

Не хочетъ говорить со мною Ричардъ?

ШЕРИФЪ.

Не хочетъ, добрый герцогъ. Покоритесь
Своей судьбѣ!

БУКИНГАМЪ.

Эдвардовы малютки!
Вы, Гестингсъ, Риверсъ, праведный король
И сынъ его Эдвардъ, и Грей, и Вогенъ!
Вы — беззаконно преданные смерти!
Коль съ гнѣвомъ ваши сумрачныя души
Глядятъ сюда съ небесной высоты,
Порадуйтесь моимъ послѣднимъ часомъ!
(Стражѣ)
Скажите мнѣ, друзья, сегодня день
Поминовенья мертвыхъ?

ШЕРИФЪ.

Да, милордъ.

БУКИНГАМЪ.

И этотъ день мнѣ днемъ послѣднимъ будетъ!
Я въ этотъ день, при королѣ Эдвардѣ,
Звалъ на себя отмщеніе небесъ,
Коль измѣну его женѣ и дѣтямъ;
Я въ этотъ день звалъ гибель на себя
Отъ тѣхъ, кому всего сильнѣе вѣрилъ!
Такъ, такъ — насталъ день мертвыхъ, день отмщенья
Для ужасомъ исполненной души.
Всевидящій, которымъ я поклялся,
На голову грѣховную направилъ
Тяжелый гнетъ моихъ притворныхъ клятвъ
И ложь мою кровавой правдой сдѣлалъ!
Такъ направляетъ Онъ мечи злодѣевъ
На ихъ же грудь! Всей тягостью легло
На плечи мнѣ проклятье Маргариты!
Она сказала: *«вспомяни меня,*
Когда тебь пробьетъ онъ сердце скорбью...
Скажи тогда: права ты, Маргарита!»

(Шерифу)

Ну, что жь? веди меня къ позорной плахѣ.
Пусть скорбь за скорбь, и срамъ за срамъ я встрѣчу!

(Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ПОЛЕ БЛИЗЬ ТАМВОРТА.

Входятъ, съ барабанами, музыкой и знаменами, Ричмондъ, Оксфордъ, сиръ Джемсъ Блентъ, сиръ Вальтеръ Гербертъ и другіе вельможи, съ войскомъ.

РИЧМОНДЪ.

Сподвижники и добрые друзья,
Измятые ярмомъ тирана злаго!
Не встрѣтивши препятствій, стали мы
На самомъ сердцѣ родины любезной.
Отъ лорда Стенли, моего отца,
Я получилъ хорошія извѣстья,
Надежду на побѣды и успѣхъ.

Ужь недалекъ отъ насъ тотъ злой кабанъ,
Что рылъ сады и гадилъ земли ваши,
Пилъ вашу кровь и внутренности ваши
Клыками рвалъ изъ васъ. Проклятый звѣрь
Залегъ въ срединѣ острова. Отъ насъ
Одинъ лишь переходъ къ нему — на Лейстеръ.
Итакъ, товарищи, во имя Бога,
Смѣлѣй впередъ! Одинъ кровавый бой,
Одна лишь схватка на смерть — и предъ нами
Созрѣвшей жатвой ляжетъ вѣчный миръ.

ОКСФОРДЪ.

Во всякомъ сердцѣ тысяча мечей
На бой готовы съ извергомъ кровавымъ.

ГЕРБЕРТЪ.

Его друзья передадутся намъ.

БЛЕНТЪ.

Его друзья ему изъ страха служатъ,
И въ тяжкій часъ отстанутъ отъ него.

РИЧМОНДЪ.

Тѣмъ лучше намъ. Впередъ, во имя Бога!
Кто вѣритъ и надѣется, тотъ къ цѣли
На ласточкиныхъ крыльяхъ долетитъ.
Съ надеждой — рабъ сильнѣе короля,
А короли богамъ равны по силѣ!

(Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

БОСФОРТСКАЯ РАВНИНА.

Входятъ король Ричардъ съ войскомъ, герцогъ Норфолькъ, графъ Серри и другіе.

К. РИЧАРДЪ.

Разбить палатки, здѣсь, на этомъ полѣ!
Лордъ Серри, что такъ мрачно ты глядишь?

СЕРРИ.

Душа моя свѣтлѣе глазъ моихъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Гдѣ Норфолькъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Здѣсь, великій государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что, Норфолькъ, какъ ты думаешь, добрались
Мы до толчковъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Мой добрый повелитель,
Пора давать и получать толчки!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Палатку мнѣ. Здѣсь мы переночуемъ!
(Солдаты ставятъ королевскую палатку).
А завтра, гдѣ придется ночевать ...
Ну, гдѣ нибудь. Сильны бунтовщики?

НОРФОЛЬКЪ.

Ихъ тысячь шесть, быть можетъ семь, — не больше.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ втрое мы сильнѣе ихъ числомъ...
Да имя короля — такая крѣпость,
Какой имъ не видать. Эй! вы! скорѣй
Кончать съ палаткой! Лорды, вы за мной
Идите, мы осмотримъ поле битвы,
Да пригласить сюда вождей надежныхъ!
Поторопитесь, нечего зѣвать, —
Не праздный день для насъ наступитъ завтра.
(Уходятъ.)

(Входятъ, съ другаго конца поля, Ричмондъ, спръ Вильямъ Брондонъ, Оксфордъ и другіе лорды партіи Ричмода. Солдаты ставятъ Ричмондову палатку (*)

РИЧМОНДЪ.

Все въ золотѣ, на отдыхъ солнце скрылось
И яркій свѣтъ огнистой колесницы
Пророчитъ намъ назавтра свѣтлый день.
(*Брандону*).
Спръ Вильямъ! мой ты понесешь штандартъ.
Подайте мнѣ бумаги и чернилъ,
Въ палаткѣ начерчу я планъ сраженья,
Распредѣлю вождей я по мѣстамъ,
И съ ними — силу небольшую нашу.

(*) На нѣмецкихъ и англійскихъ театрахъ сцена перегораживается надвое цѣпью скалистыхъ холмовъ, что до нѣкоторой степени уменьшаетъ несообразность двухъ палатокъ, стоящихъ рядомъ и въ то же время даетъ удобное мѣсто для появленія привидѣній въ предстоящей сценѣ.

Ты, лордъ Оксфордъ, и ты, сиръ Вильямъ Брандонъ,
(*Герберу*).
И ты, сиръ Вальтеръ, будете со мной.
Графъ Пемброкъ станетъ при своей дружинѣ,
Мой добрый Блентъ, ты пожелай отъ насъ
Хорошей почи графу, и въ палатку
Его ко мнѣ поутру пригласи,
Хоть къ двумъ часамъ. Да кстати, капитанъ,
Ты знаешь, гдѣ дружина лорда Стенли?

БЛЕНТЪ.

Когда узналъ знамена я его,
(И думаю, что я не обманулся)
Его отрядъ за половину мили —
На югъ, отъ мощной рати короля.

РИЧМОНДЪ.

Когда, бѣдѣ большой не подвергаясь,
Его ты можешь видѣть, добрый Блентъ,
Вручи ему записку эту. Въ томъ
Нужда большая.

БЛЕНТЪ.

Жизнью я клянусь
Исполнить все. Пусть Богъ пошлетъ вамъ, графъ,
Спокойной ночи.

РИЧМОНДЪ.

И тебѣ, мой другъ.
Пойдемте же, друзья, держать совѣтъ,
Сюда въ палатку.

(Уходятъ).

(Входятъ въ королевскую палатку король Ричардъ, Ратклиффъ и Кетсби.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Который часъ?

КЕТСБИ.

Сейчасъ пробило девять,
Часъ ужина.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Я ужинать не буду.
Дай мнѣ сюда бумаги и чернилъ.
Мнѣ узокъ шлемъ, — исправили ль его?
Разложено ль оружіе въ палаткѣ?

КЕТСБИ.

Все, повелитель мой, давно готово.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, добрый Норфолькъ, къ мѣсту своему!
Да не зѣвай, гляди за часовыми!

НОРФОЛЬКЪ.

Сейчасъ иду, мой государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Да завтра
До жаворонковъ встань.

НОРФОЛЬКЪ.

Я не просплю,
Великій государь.

(Уходитъ).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Эй, Ратклиффъ!

РАТКЛИФФЪ.

Здѣсь я.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Послать скорѣй герольда къ лорду Стенли,
Чтобъ онъ сюда привелъ войска свои
До солнца, — или сынъ его Георгъ
Провалится въ пучину вѣчной ночи.
Налей стаканъ вина. Подай часы!

(Кетсби)

Чтобъ бѣлый Сёрри къ утру былъ осѣдланъ,
Да копья чтобъ не были тяжелы.
Ратклиффъ!

РАТКЛИФФЪ.

Мой государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ты не видалъ
Нортомберланда-мрачнаго сегодня?

РАТКЛИФФЪ.

Онъ и лордъ Томасъ Сёрри, на зарѣ,
Ходили отъ дружины до дружины,
И ободряли воиновъ своихъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Ну, хорошо. Дай мнѣ стаканъ вина:
Сегодня что-то я не веселъ духомъ,
Не такъ я бодръ, какъ-то бывало прежде.
Поставь стаканъ. Чернила и бумага
Готовы?

РАТКЛИФФЪ.

Все готово.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ прощай.

Повѣрь же часовыхъ, а передъ утромъ
Приди подать оружіе. Ступай!

(Король Ричардъ уходитъ въ палатку, Ратклиффъ и Кетсби уходятъ).

(Открывается палатка Ричмонда. Въ ней Ричмондъ, вожди и пр. Входитъ Стенли).

СТЕНЛИ (*Ричмонду*).

На шлемъ къ тебѣ побѣду я зову!

РИЧМОНДЪ.

Мой славный отчимъ, я тебѣ желаю
Тѣхъ благъ, какія только можетъ дать
Ночь эта темная. Скажи же мнѣ,
Что мать моя? Здорова ли она?

СТЕНЛИ.

Здорова и тебя благословляетъ,
И за тебя молитвы къ Богу шлетъ.
Но къ дѣлу. Непримѣтно ночь летитъ,
Ужь зарѣдѣлъ съ востока мутный сумракъ,
И нѣкогда мнѣ тратить долгихъ словъ.
Когда займется утро, строй войска,
И смѣло предоставь свою судьбу
На волю брани и ударовъ смертныхъ.
Я прямо не могу къ тебѣ примкнуть,
Но обману я время, и на бой
Поспѣю я къ рѣшительной минутѣ.
Ты знаешь, что при первомъ смѣломъ шагѣ,
Въ моихъ глазахъ твой юный братъ Георгъ
Пойдетъ на казнь. Прощай! Съ тобою намъ
Опасно да и некогда мѣняться
Той дружеской и ласковою рѣчью,
Что для друзей въ разлукѣ такъ мила.
Пусть Богъ намъ дастъ досугъ для нѣжныхъ словъ!
Прощай же! Не робѣй, и Богъ съ тобою!

РИЧМОНДЪ (*лордамъ*).

Друзья мои, идите съ лордомъ Стенли
До войскъ его. Хоть я душой встревоженъ,
Но попытаюсь задремать слегка,

Чтобы на утро, вмѣсто крылъ побѣдныхъ,
Свинцовый сонъ меня не охватилъ.
Прощайте жь, лорды! доброй почи вамъ!

(Уходятъ лорды и Стенли).

Господь! Господь! тебя боецъ твой молитъ:
Взгляни съ небесъ на воиновъ моихъ,
Вложи имъ въ руки тяжкій мечъ отмщенья,
И пусть его ударъ неотразимый
Врагамъ падменнымъ шлемы сокрушитъ!
Карай своихъ злодѣевъ черезъ насъ
И дай намъ восхвалить свою побѣду!
Мой бодрый духъ тебѣ вручаю я
И глазъ моихъ я окна опускаю,—
Во снѣ и въ бдѣньи — охрани меня!

(Засыпаетъ).

(Тѣнь Эдварда, сына Генриха VI, поднимается между двумя палатками). (*)

ТѢНЬ (*королю Ричарду*).

Тебѣ на душу тяжко ляжетъ завтра
Валлійскій принцъ Эдвардъ Плантагенетъ!
Припомни, какъ на тексберійскомъ полѣ,
Во цвѣтѣ лѣтъ, тобой зарѣзанъ я.
Умри жь въ отчаяньи! (*Ричмонду*). Будь веселъ, Ричмондъ,
Убитыхъ принцевъ души — за тебя!
Сынъ Генриха пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ.

(Поднимается тѣнь короля Генриха VI).

ТѢНЬ (*королю Ричарду*).

Ты язвами смертельными, убійца,
Помазанника тѣло испятналъ!
Припомни Товэръ, вспомни про убійство!...
Умри жь въ отчаяньи. Король твой Генрихъ
Тебѣ изрекъ отчаянье и смерть!

(Ричмонду).

Ты побѣдишь! Ты святъ и кротокъ духомъ.
Тотъ Гарри, что тебѣ пророчилъ тронъ,

(*) Мы сказали уже, что пространство между двумя палатками перегорожено цѣпью холмовъ. На одномъ изъ нихъ и поднимаются тѣни, при фантастическомъ освѣщеніи. Обѣ палатки остаются раскрытыми такъ, чтобы Ричардъ и Ричмондъ спящіе были видны публикѣ.

Тебя во снѣ привѣтствуетъ сегодня!
(Поднимается тѣнь герцога Кларенса).

КЛАРЕНСЪ (*королю Ричарду*).

Тебѣ на душу тяжко ляжетъ завтра
Твой братъ родной, несчастный герцогъ Кларенсъ,
Твоимъ виномъ проклятымъ смытый съ міра,
Предательски погубленный тобой!
На завтра, въ битвѣ обо мнѣ ты вспомнишь
И выронишь иступленный твой мечъ!
Умри жь въ отчаяньи!
(Ричмонду).
Потомки Йорка,
Безвинно умерщвленные, на небо
За домъ Ланкастерскій молитвы шлютъ!
Пусть ангелы ведутъ тебя къ побѣдѣ!
Привѣтъ тебѣ — живи и счастливъ будь!
(Поднимаются тѣни Риверса, Грея и Вогена).

РИВЕРСЪ (*королю Ричарду*).

Тебѣ на душу тякжо лягу завтра
Я, Риверсъ, обезглавленный тобой.
Умри жь въ отчаяньи!

ГРЕЙ (*королю Ричарду*).

Припомни Грея
И возмутись отчаяньемъ въ душѣ!

ВОГГЕНЪ (*королю Ричарду*).

Умри въ отчаяньи! Припомни въ битвѣ
Ты Вогена, и въ страхѣ брось копье!

ВСѢ ТѢНИ (*Ричмонду*).

Проснись! твой врагъ убитъ обидой нашей,
Проснись — и въ бой! Побѣда ждетъ тебя!
(Поднимается тѣнь Гестингса).

ТѢНЬ (*королю Ричарду*).

Въ крови и злѣ ты жилъ, — и въ злѣ проснешься,
И на кровавомъ полѣ кончишь дни!
Я Гестингсъ, и тебѣ пророчу я
Отчаянье и смерть!
(Ричмонду).
Проснись, проснися,
Святая, безмятежная душа,
На бой за Англію, и жди побѣды!
(Поднимаются тѣни двухъ маленькихъ принцевъ, дѣтей короля Эдварда).

ТѢНИ (*королю Ричарду*).

Не забывай во снѣ родныхъ малютокъ,
Что въ Тоэрѣ ты задушить велѣлъ!
Тебѣ на грудь свинцомъ мы ляжемъ, Ричардъ,
И къ гибели и къ сраму увлечемъ!
Бѣду тебѣ пророчатъ дѣти брата....
Умри въ отчаяньи!

(Ричмонду).

Спокойно спи
И радостно проснися, честный Ричмондъ!
Тебя отъ вепря ангелы хранятъ.
Живи и царствуй въ царственномъ потомствѣ,—
Эдварда дѣти шлютъ тебѣ привѣтъ!

(Поднимается тѣнь королевы Анны.)

ТѢНЬ (*королю Ричарду*).

Жена твоя тревожитъ сонъ твой, Ричардъ, —
Та Анна бѣдная, что близь тебя
Минутъ покойныхъ и во снѣ не знала.
Назавтра, въ битвѣ, обо мнѣ ты вспомнишь
И выронишь пзтупленный свой мечъ!
Умри жь въ отчаяньи!

(Ричмонду).

Ты непороченъ,
Ты можешь спать и грезить о побѣдѣ:
Жена врага молилась за тебя!

(Поднимается тѣнь Букингама.)

ТѢНЬ (*королю Ричарду*).

Я первымъ добывалъ тебѣ корону
И палъ послѣдней жертвою твоей!
О! завтра въ битвѣ вспомни Букингама
И задохнись отъ ужаса, злодѣй!
Пусть смерть и кровь ты видишь въ страшныхъ грезахъ,
Изнемогай и сгибни отъ тоски!

(Ричмонду).

Погибъ я, не приспѣвъ къ тебѣ на помощь.
Но не робѣй и сердцемъ укрѣпись!
Съ тобой въ бою Господь и силы неба,
И Ричардъ съ высоты своей падетъ!

(Тѣни исчезаютъ; король Ричардъ просыпается и вскакиваетъ съ постели).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Смѣнить коня! Перевяжите раны!
Умилосердись, Іисусе!... Тссс!...
Все это сонъ... Ты, совѣсть, жалкій трусъ,
Мучитель мой! Гдѣ я? Глухая полночь.
Огонь блеститъ какимъ-то синимъ свѣтомъ...
Дрожу я — все въ холодныхъ капляхъ тѣло!...
Мнѣ страшно. Но чего жь? Я здѣсь одинъ.
Я Ричарда люблю и Ричардъ — другъ мнѣ.
Я — тотъ же я. Здѣсь нѣтъ убійцы. Нѣтъ,
Здѣсь есть убійца. Да, убійца — я!
Бѣжать мнѣ? Отъ кого же? Отъ себя?
И отчего бѣжать? Отъ мщенья, что ли?
Кто жь будетъ мстить? Я — самому себѣ?
Нѣтъ, я люблю себя... За что жь люблю?
Иль я себѣ добро какое сдѣлалъ?
О, нѣтъ! себѣ скорѣй я лютый врагъ
За мерзкія дѣла и преступленья.
Я извергъ! Нѣтъ, я лгу — не извергъ я...
Дуракъ, не льсти! Дуракъ, себя ты хвалишь!
Сто языковъ у совѣсти моей,
И каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ,
И въ каждой сказкѣ извергомъ зоветъ!
Я клятвамъ измѣнялъ, — и страшнымъ клятвамъ...
Я убивалъ, — и страшно убивалъ я...
Полны грѣховъ, и гибельныхъ грѣховъ,
Сошлись передъ оградою судебной
И всѣ кричатъ: «онъ грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ!»
Отчаянье грызетъ меня... Никто
Изъ всѣхъ людей любить меня не можетъ...
Умру я — кто заплачетъ обо мнѣ?
Меня ль жалѣть имъ, — ежели я самъ
Себя жалѣть не въ силахъ и не въ правѣ?
Мнѣ грезилось, что души мертвецовъ,
Убитыхъ мной, сошлись въ мою палатку
И каждый мнѣ грозилъ, и звалъ на-завтра
Отмщеніе на голову мою!

(Входитъ Ратклиффъ.)

РАТКЛИФФЪ.

Мой государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кто тамъ?

РАТКЛИФФЪ.

Я — Ричардъ Ратклиффъ.

Два раза ужь въ деревнѣ пѣтухи
Привѣтствовали утро раннимъ крикомъ,
Всѣ паши встали и взялись за латы.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О, Ратклиффъ, страшный сонъ приснился мнѣ!
Что скажешь ты? Надежно ль войско наше?

РАТКЛИФФЪ.

Надежно, государь.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Боюсь, боюсь я...

РАТКЛИФФЪ.

Мой государь! Да кто жь боится сновъ?

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Святымъ клянусь я Павломъ, — въ эту ночь
Душа моя отъ сновъ смутилась больше,
Чѣмъ отъ отряда въ десять тысячъ войска
Въ оружіи и съ Ричмондомъ дряннымъ!
Еще не разсвѣло. Пойдемъ со мною,
Подслушаемъ, что въ войскѣ говорятъ,
И не таится ль гдѣ какой измѣны.

(Уходятъ).

(Ричмондъ просыпается. Входятъ Оксфордъ и другіе вельможи; въ глубинѣ сцены войско).

ЛОРДЫ.

Привѣтъ тебѣ, и съ добрымъ утромъ, Ричмондъ!

РИЧМОНДЪ.

Прошу прощенья, бдительные лорды!
Вы разбудили сонпаго лѣнивца.

ЛОРДЫ.

Какъ спали вы, милордъ?

РИЧМОНДЪ.

Сладчайшій сонъ
И самыя блистательныя грёзы,
Когда либо плѣнявшія сопливцевъ,
Съ уходомъ вашимъ пали мнѣ на долю.
Всѣ души, что злой Ричардъ погубилъ,
Казалось мнѣ, слетѣлися въ палатку
И мнѣ кричали: «не робѣй! побѣда!»
Кляпусь вамъ: сердцу весело припомнить

Такой отрадный сонъ. А что, милорды,
Который часъ?

ЛОРДЫ.

Сейчасъ пробьетъ четыре.

РИЧМОНДЪ.

Пора вооружаться,—и за дѣло!

(Подходитъ къ войску).

Друзья мои! я къ вамъ ужь рѣчь держалъ
И больше говорить—теперь не время.
Вы помните самъ Богъ за дѣло наше!
Предстательство угодниковъ честныхъ,
Молитвы душъ, загубленныхъ безвинно,
Стоятъ за насъ, какъ грозная стѣна,
Изъ всѣхъ, кто противъ насъ, одинъ лишь Ричардъ
Побѣды свѣтлой не желаетъ намъ...
Кто вождь враговъ? Сограждане мои,
Ихъ вождь — тиранъ, мучитель и убійца!
Онъ кровью добылъ царственную власть,
Путемъ кровавымъ до вѣнца дошелъ
И разстерзалъ сообщниковъ злодѣйства.
Презрѣнный камень дерзко засіялъ
Въ оправѣ пышной трона золотаго,
И Божій врагъ взошелъ на тронъ британскій!
Идите жь на Господняго врага,
И Богъ пошлетъ своимъ бойцамъ надежду.
Сломите кровожаднаго тирана,
И сладокъ будетъ сонъ спокойный вашъ...
На бой съ врагами родины своей!
И родина заслуги ваши вспомнитъ.
На бой, за честь и счастье вашихъ женъ!
И жены ваши радостно васъ встрѣтятъ.
На бой, за вашихъ юныхъ сыновей!
И внуки васъ ласкать подъ старость будутъ.
Итакъ, за Бога и права людей,
Впередъ знамена, на-голо мечи!
Холоднымъ трупомъ на землѣ сырой
Готовъ я лечь — цѣной попытки смѣлой.
Но ежели побѣда ждетъ меня,
Я воиновъ послѣднихъ не забуду!
Гремите трубы — радостно и смѣло!

Святой Георгъ — и Богъ за наше дѣло!

(Уходитъ съ войскомъ).

(Входятъ король Ричардъ, Ратклиффъ, свита короля и войско).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Такъ, что же говоритъ Нортомберлендъ?

РАТКЛИФФЪ.

Что Ричмондъ ничего въ войнѣ не смыслитъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Онъ правду говоритъ. А Сёрри что же?

РАТКЛИФФЪ.

Съ улыбкой отвѣчалъ: «тѣмъ лучше намъ!»

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

И это правда. Такъ оно и есть.

(Бьютъ часы).

Что, сколько било? Дай мнѣ календарь!
Кто видѣлъ солнце?

РАТКЛИФФЪ.

Я его не видѣлъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Оно не свѣтитъ что-то, — а по книгѣ
Ужь солнце на востокѣ цѣлый часъ.
Знать, черный день кому нибудь придется!
Эй, Ратклиффъ!...

РЛТКЛИФФЪ.

Государь!...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Не видно солнца,
И небо грозно хмурится надъ войскомъ.
Долой бы эту росу, что покрыла
Слезами землю! Солнце не встаетъ...
Что жь мнѣ до солнца? Если надо мною
Грозой нависло небо, то оно же
Не веселѣй на Ричмонда глядитъ!

(Входитъ Норфолькъ.)

НОРФОЛЬКЪ.

Къ оружію, великій государь!
Враги ужь въ полѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Стройтесь, бейте сборъ!
Сѣдлать коня, и съѣздить къ лорду Стенли,
Чтобъ онъ сейчасъ къ намъ велъ свои войска.
Я на поле самъ выведу дружины,
И вотъ приказъ мой, какъ идти на бой :

И конные и пѣшіе полки
Передовыхъ отрядовъ станутъ рядомъ,
На серединѣ развернуть стрѣлковъ.
Джонъ, герцогъ Норфолькъ и лордъ Томасъ Сёрри
Съ пѣхотою и конницей пойдутъ.
За ними самъ я двинусь съ главной силой;
Самъ въ бой введу крылатые полки
Отборной конницы,—и пусть тогда
Святой Георгъ за насъ! Что скажешь, Норфолькъ?

НОРФОЛЬКЪ.

Приказъ хорошъ, могучій государь.
Вотъ что съ зарею я нашелъ въ палаткѣ.

(Подаетъ записку.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ (*читаетъ.*)

«*Ты боекъ, Джакъ Норфолькъ,—но помни одно:*
Твой баринъ ужь купленъ и проданъ давно!»
Придумана врагами шутка эта.

(Бросаетъ записку.)

Ну, джентльмены! станьте по мѣстамъ;
Отъ грёзъ и вздоровъ не смущайтесь духомъ.
Про совѣсть трусы говорятъ одни,
Пытаясь тѣмъ пугать людей могучихъ.
А наша совѣсть — въ нашей силѣ и рукахъ;
Законъ для насъ—въ мечахъ и копьяхъ нашихъ!
Сомкнитесь же, и грянемъ на врага,
Не на небо, такъ въ адъ войдемъ мы рядомъ.
Что жь вамъ еще предъ битвою сказать?
Припомните, съ кѣмъ вы на бой идете,—
Со стадомъ мерзкихъ плутовъ и бродягъ,
Съ бретонскимъ соромъ, жалкими рабами,
Что край, людьми набитый, изрыгнулъ
На гибель и безумные набѣги!
Вашъ тихій сонъ встревожили они;
У васъ есть земли—имъ земель тѣхъ надо,
Красивыхъ женъ послала вамъ судьба,
И вашихъ женъ пришли они безчестить.
И кто жь ведетъ ихъ? Тотъ молокососъ,
Что матерью былъ выкормленъ моею,
Мальчишка — что бѣду и холодъ зналъ,
Лишь въ башмакахъ таскаяся по снѣгу!

Сметемъ же въ море пакостныхъ бродягъ,
Отхлещемъ же оборванцевъ французскихъ,
Голодныхъ и отчаянныхъ рабовъ,
Презрѣнныхъ крысъ, которыхъ вся надежда
На грабежи, которымъ безъ войны
Отъ нищеты повѣситься пришлось бы.
Когда ужь намъ быть битымъ суждено,
Такъ пусть же бьютъ насъ люди, а не гниль,
Нев —— бретонскіе, которыхъ
На ихъ землѣ, отцы и предки наши
Топтали, колотили и затѣмъ
Дѣтей стыда имъ бросили на память.
Имъ—нашихъ женъ? Имъ—нашихъ дочерей?
Имъ—наши земли? Чу! Ихъ барабаны!
Ихъ барабаны! А!...

(Вдалекѣ бьютъ барабаны.)

На бой, дворяне Англіи! На бой,
Британіи лихіе поселяне!
Стрѣлки, впередъ! и бейте прямо въ сердце!
Ломайте копья, небесамъ на страхъ!
Пришпорьте гордыхъ коней боевыхъ!
Сильнѣй, сильнѣй! и вскачь по лужамъ крови!

(Входитъ гонецъ.)

Ну, что же Стенли? Гдѣ его войска?

ГОНЕЦЪ.

Мой государь! идти онъ отказался.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Георгу Стенли голову долой!

НОРФОЛЬКЪ.

Враги уже болото перешли,
Окончивъ бой, его казнить успѣемъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Въ груди забилась тысяча сердецъ!
Впередъ знамена! Прямо на врага!
Святой Георгъ! Пусть древній бранный крикъ
Вдохнетъ въ насъ ярость огненныхъ драконовъ!
Спустилася побѣда къ намъ на шлемъ,
Впередъ,—и на врага!

(Уходитъ съ войскомъ.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДРУГАЯ ЧАСТЬ ПОЛЯ.

(Тревога. Шумъ сраженія. Входитъ Норфолькъ съ войскомъ, къ нему навстрѣчу Кетсби.)

КЕТСБИ.

На помощь, герцогъ Норфолькъ! Выручай!
Король творитъ въ бою за чудомъ чудо:
Какъ бѣшеный, въ опасность лѣзетъ онъ.
Подъ нимъ коня убили: безъ коня
Онъ рубится и въ глотку самой смерти
Кидается, чтобъ Ричмонда сыскать!
На выручку, милордъ, — иль все пропало!

(Шумъ сраженія. Вбѣгаетъ король Ричардъ.)

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Коня! коня! Престолъ мой за коня!

КЕТСБИ.

Вамъ конь готовъ, — спасайтесь, государь!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Прочь, рабъ! Я жизнь мою на карту ставлю,
И я дождусь, чѣмъ кончится игра!
Шесть Ричмондовъ должно быть вышло въ поле,
Я пятерыхъ убилъ, а не его!
Коня, коня! Престолъ мой за коня!

(Уходятъ.)

(Битва продолжается. Бѣгство королевской арміи. Входятъ король Ричардъ и Ричмондъ, и уходятъ, сражаясь. Звуки трубъ. Наконецъ входятъ: Ричмондъ, Стенли съ короной, многіе другіе лорды и войска.)

РИЧМОНДЪ.

Хвала Творцу, товарищи мои!
Хвала Творцу и нашей силѣ бранной!
За нами день — издохнулъ лютый пёсъ!

СТЕНЛИ.

Хвала тебѣ отъ насъ, безстрашный Ричмондъ!
Ты намъ себя достойно показалъ!
Прими жь вѣнецъ, похищенный злодѣемъ:
Съ его чела кроваваго онъ снятъ,

И на челѣ твоемъ опять заблещетъ,
Тебѣ на радость и на славу всѣмъ!

РИЧМОНДЪ.

И пусть Господь *аминь* намъ съ неба скажетъ!
Но живъ ли молодой твой сынъ Георгъ?

СТЕНЛИ.

Живъ, государь. Онъ въ Лейстерѣ, куда мы
Идемъ сегодня, если ты велишь.

РИЧМОНДЪ.

Кто изъ вельможъ погибъ сегодня въ битвѣ?

СТЕНЛИ.

Джонъ герцогъ Норфолькъ, Вальтеръ, лордъ Ферреръ,
Сиръ Робертъ Бракенбери и сиръ Вильямъ Брандонъ.

РИЧМОНДЪ.

Съ почетомъ должнымъ ихъ похоронить;
Помилованье объявить врагамъ,
Которые съ покорностью къ намъ придутъ;
А тамъ, свершивши царственный обрядъ,
Мы бѣлую и розовую розу
Соединеньемъ вѣчнымъ примиримъ,
И небо, что мрачилось ихъ борьбой,
На тотъ союзъ отрадный улыбнется.
Измѣнникъ лишь *аминь* не скажетъ намъ!
Терзалъ себя въ безуміи нашъ край,
Съ слѣпою злобой братъ боролся съ братомъ,
Отецъ родной разилъ роднаго сына
И сынъ отца въ сраженьи убивалъ.
Ланкастеръ съ Йоркомъ бѣшено сражались
И въ родинѣ отъ нихъ росла вражда.
Теперь же — Ричмондъ и Елизавета
Наслѣдники двухъ царственныхъ домовъ,
Во имя Бога пусть соединятся
И пусть ихъ дѣти, коль велитъ Господь,
Дадутъ годамъ грядущимъ миръ смиренный,
Обилье благъ земныхъ и дни веселья!
Сломи жь, о Боже! мечъ измѣны злой,
Чтобъ онъ не могъ вернуть къ намъ дней кровавыхъ,
Чтобъ Англіи несчастной не пришлось
Опять точить кровавыхъ слезъ потоки!
Не допусти, чтобъ врагъ нашъ заклятой

Въ родной землѣ попралъ нашъ миръ святой!
Зажили раны — сгибнулъ общій врагъ,
И скажетъ намъ Господь: *да будетъ такъ!*
(Уходятъ.)

А. ДРУЖИНИНЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. — СЦЕНА ПЕРВАЯ.

«Изъ азбуки изгналъ онъ букву Г».

Эту странную подробность Шекспиръ взялъ изъ извѣстной хроники Голингшеда, въ которой говорится о причинахъ ненависти короля Эдварда IV къ брату своему герцогу Кларенсу. Голингшедъ выражается такъ: «было глупое пророчество о томъ, что послѣ короля Эдварда будетъ царствовать человѣкъ, имя котораго начинается съ буквы G, — и пророчествомъ этимъ король и супруга были крайне встревожены».

Тамъ же:

«До мисстрисъ Шоръ нѣтъ дѣла....»

Тутъ неблагопристойная шутка, которую исключать мы не почли себя вправѣ. Роль Ричарда III въ этомъ отношеніи есть роль не подходящая подъ обычныя условія. Цинизмъ рѣчи—ея существенная принадлежность. Пусть читатель прочтетъ послѣднюю рѣчь Ричарда къ войску, чтобъ убѣдиться, до какой степени Шекспиръ пользуется даже цинизмомъ выраженій, какъ элементомъ поэзіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. — СЦЕНА ВТОРАЯ.

«Запекшіяся раны мертвеца
Раскрылись вновь и льютъ потоки крови.»

Извѣстно старинное преданіе о томъ, что въ присутствіи убійцы, раны убитаго имъ человѣка раскрываются. Та же хроника Голингшеда упоминаетъ, что изъ тѣла Генриха VI два раза показывалась кровь, передъ погребеніемъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. — СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

«Едва ль графиня Ричмондъ
Одобритъ это честное желанье.»

Графиня Ричмондъ, про которую здѣсь говорится, была во второй разъ замужемъ — не за лордомъ Стенли, а за сиромъ Генри Стаффордомъ.

Тамъ же:

«Вправъ
Свои дѣла поправить ловкимъ бракомъ.»

Въ подлинникѣ игра словъ невозможная при переводѣ.

Тамъ же:

«Ты изгнана подъ страхомъ смертной казни.»

Королева Маргарита бѣжала во Францію послѣ Гексгамскаго сраженія, въ 1464 году, и тогда было объявлено ея вѣчное изгнаніе. Черезъ семь лѣтъ она высадилась съ войскомъ на берега Англіи, но тексберійское дѣло разрушило ея надежды. Схваченная и посаженная въ Товэръ, она находилась тамъ болѣе четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ отцу ея было дозволено ее выкупить и отвесть во Францію. Маргарита умерла въ 1482 году, и такъ-какъ настоящая сцена драмы относится къ 1477 году, то ея присутствіе не нарушаетъ исторической истины слишкомъ рѣзко, и по крайней мѣрѣ не даетъ повода къ анахронизму.

Тамъ же:

«Въ тотъ часъ, когда на грозное чело
Надѣла ты бумажную корону.»

Герцога Йоркскаго, схваченнаго въ битвѣ при Сендль-Кастлѣ, взвели на холмъ, увѣнчали короной изъ бумаги и тряпокъ, выставили на позоръ передъ войскомъ и казнили. Шекспиръ воспользовался этимъ преданіемъ и разсказомъ хроникъ въ третьей части «Генриха VI».

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ. — СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Горѣли блескомъ страсти, какъ глаза
Между костей.»

Слово въ слово окончаніе будетъ такъ:

«Глядѣли страстно въ тинную пучину —
Надъ мертвыми костями въ ней сѣлись.»

Тамъ же:

«Я въ винной бочкѣ утоплю тебя.»

По исторіи, герцогъ Кларенсъ былъ утопленъ въ бочкѣ съ мальвазіей. Шекспиръ, по возможности, былъ намѣренъ держаться преданія. Въ пятомъ актѣ тѣнь Кларенса говоритъ Ричарду:

«Я, герцогъ Кларенсъ,
Твоимъ виномъ проклятымъ смытый съ міра.»

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ. — СЦЕНА ВТОРАЯ.

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

«*Зачѣмъ твоя отчаянная рѣчь?*»

ЕЛИЗАВЕТА.

«*Затѣмъ, что дѣло тяжкое свершилось.*»

Въ подлинникѣ странная игра словами:

ГЕРЦОГИНЯ ЙОРКСКАЯ.

«Что значитъ эта пламенная сцена?»

ЕЛИЗАВЕТА.

Часть дѣйствія въ трагедіи жестокой.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ. — СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«.... Трава дрянная въ ростъ идетъ,
Я не хотѣлъ бы быть дрянной травою.»

Мы передали почти равносильною русскою пословицею англійскую поговорку, которая подробнѣе и длиннѣе: «*маленькая трава красива, а въ ростъ идетъ худое растеніе*».

Вообще въ репликахъ маленькаго герцога Йоркскаго есть остроты, невозможныя на русскомъ языкѣ; ихъ особенно много въ третьемъ дѣйствіи, при разговорѣ ребенка съ Глостеромъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

«Добро пожаловать, дражайшій принцъ,
Въ родной чертогъ твой, Лондонъ.»

Лондонъ въ прежнее время назывался *Camera Regis*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ. — СЦЕНА ВТОРАЯ.

«Лучше бъ шляпы съ головами снять
У тѣхъ, кто погубилъ ихъ.

Слово въ слово:

Лучше бы имъ носить на плечахъ свои головы, нежели обвинителямъ — свои шляпы.

Тамъ же. — СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Ты, покровитель мерзкой *вѣдьмы.*»

Въ подлинникѣ не *вѣдьма*, а другое, непристойное слово. Любители точности могутъ подставить его — стихъ будетъ такъ же гладокъ.

Тамъ же. — СЦЕНА ПЯТАЯ.

«Напомни, какъ какой-то гражданинъ
Сказалъ шутя, что сыну своему
Передаетъ «престолъ онъ и наслѣдство».
И, какъ король покойный, болтуна,
За слово то казнить велѣлъ....»

Историческій фактъ. Имя горожанина было *Іокеръ*, и онъ занимался мелочной торговлей въ Чипсейдѣ.

Тамъ же:

«Намъ нуженъ докторъ Шау.»

Шау и *Пенкеръ*, о которыхъ здѣсь упоминается, были извѣстнѣйшими проповѣдниками при Ричардѣ III.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. — СЦЕНА ПЕРВАЯ.

«О, если бъ обручъ золотой короны
Мнѣ сталью легъ калепой на чело....»

Цареубійцъ и особенно тяжкихъ политическихъ преступниковъ казнили, накладывая имъ на голову вѣнецъ изъ раскаленнаго желѣза.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ. — СЦЕНА ВТОРАЯ.

«*За деньги онъ все сдѣлаетъ скорѣй,*
Чѣмъ изъ-за сотни просьбъ красноръчивыхъ.»

Вѣрнѣе будетъ:

Ему милѣе золото, чѣмъ двадцать
Ораторовъ, — и я не сомнѣваюсь,
Что ко всему оно его склонитъ.

Первый варіантъ избрали мы потому, что онъ короче и избавляетъ насъ отъ слова *ораторъ*, не отдаляясь отъ смысла подлинника.

Тамъ же:

«Какъ дуракъ
Ты всѣмъ мѣшаешь. Ты своею просьбой
Соображенья путаешь мои.»

Въ подлинникѣ острота совершенно непереводимая.

ДѢЙСТВІЕ IV. — СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

«Обнявъ другъ-друга, Форрестъ перебилъ,
Прозрачными ручонками своими.»

Въ подлинникѣ: «*алебастровыми ручонками*».

ДѢЙСТВІЕ IV. — СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Лишь можетъ быть тотъ часъ,
Когда мы съ вами завтракали порознь.»

Слово въ слово: «развѣ часъ Гомфрея, одинъ разъ заставившій васъ завтракать не въ моемъ присутствіи».

На этотъ «*часъ Гомфрея*» имѣется множество толкованій, неинтересныхъ для русскаго читателя.

Тамъ же:

«Обременитъ тебя сто разъ страшнѣе,
Чѣмъ тяжкій шлемъ и панцырь твой стальной.

Послѣдній стихъ будетъ вѣрнѣе такъ:

Чѣмъ полное оружіе твое.

Тамъ же:

«*Иль пустъ мой тронъ, иль праздно царство наше?*»

На этотъ моментъ роли Ричарда умный актеръ долженъ обратить особенное вниманіе. Въ немъ, во-первыхъ, огромный сценическій эффектъ: король Ричардъ, кидающійся на Стенли съ этимъ вопросомъ, долженъ заставить задрожать зрителей. Во-вторыхъ, съ этого момента начинается *воинственная и царственная* сторона роли.

ДѢЙСТВІЕ V. — СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

«*Чтобъ бѣлый Серри къ утру былъ осѣдланъ.*»

Любимая лошадь короля Ричарда носила имя Серри.

Тамъ же:

«*Толпы грѣховъ, и гибельныхъ грѣховъ
Сошлись передъ оградою судебной....*»

Въ подлинникѣ слово *bar* означаетъ не ограду, а загородку, которая въ англійскихъ судахъ отдѣляетъ судью отъ обвиненнаго и свидѣ-

телей. Такую *bar* читатель можетъ видѣть въ трудахъ Гогарта (Лѣнивый работникъ, сцена передъ шерифомъ лондонскимъ).

Тамъ же:

«.... *Если надо мной*
Грозой нависло небо, — то оно же
Не веселый на Ричмонда глядитъ!»

Эти слова короля Ричарда совершенно разрушаютъ хитросплетенное заключеніе Гервинуса о его суевѣріи (см. наше вступленіе). Такъ не можетъ говорить человѣкъ, пугающійся примѣтъ и предчувствій.

ДѢЙСТВІЕ V. — СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

«*Вамъ конь готовъ — спасайтесь, государь!*»

Однимъ изъ необходимыхъ условій при представленіи драмы «Ричардъ III», должна быть роскошная, а еще болѣе *умная* обстановка. Разительное окончаніе 5-го дѣйствія будетъ почти непонятно зрителю, если передъ его глазами не совершатся главныя перипетіи битвы. Необходимо, чтобъ при выходѣ Кетсби всякій понималъ, что сраженіе почти проиграно, и что послѣднее появленіе на сценѣ короля Ричарда III совпадаетъ съ полнымъ пораженіемъ его арміи. Всякій знаетъ, какъ глупы выходятъ сраженія на сценѣ, однако, не далѣе, какъ за три года назадъ, въ Лондонѣ мистеръ Кинъ въ своей великолѣпной обстановкѣ «*Генриха V-го*» умѣлъ же представить брешь въ стѣнѣ осажденнаго Гарфлера, битву на бреши, и историческую ея аттаку подъ предводительствомъ «*суроваго короля Гарри*». У насъ Шекспиръ еще не удостоенъ такой роскоши въ обстановкѣ, тѣмъ не менѣе цѣль, про которую мы говорили, можетъ быть достигнута движеніемъ разныхъ отрядовъ на сценѣ, а потомъ картиною общаго бѣгства, которая должна начаться со словъ Ричарда — «*Коня, коня! все царство за коня!*» Король Ричардъ отступаетъ послѣднимъ, *сзади* всѣхъ, а графъ Ричмондъ наступаетъ первымъ, *впереди* всѣхъ своихъ воиновъ. Такимъ образомъ послѣдняя встрѣча ихъ вполнѣ понятна, сцена не остается пустою и статисты, изображающіе войско графа Ричмонда, подготовляютъ должную декорацію къ той минутѣ, когда корона выносится на сцену и новый король на нее выходитъ.

Тамъ же:

Прими жъ вѣнецъ, похищенный злодѣемъ.
Съ его чела кроваваго онъ снятъ....

Можетъ показаться страннымъ, откуда могла взяться корона на убитомъ Ричардѣ? Но короны прежде употреблялись не при одной порфирѣ, въ часъ торжественныхъ аудіенцій. Короли и пэры часто носили короны на боевыхъ шлемахъ, при чемъ или корона охватывала весь шлемъ узорчатой стѣнкою, или, въ уменьшенномъ видѣ, украшала его вершину. На шлемахъ, увѣнчанныхъ короною, перьевъ не носили.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ПОВОДУ ЖЕНСКИХЪ ХАРАКТЕРОВЪ

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ПОВѢСТЯХЪ.

I.

Къ числу многихъ «вопросовъ, затронутыхъ» нашимъ любознательнымъ обществомъ, принадлежитъ «вопросъ о женщинахъ». На разъясненіе его было посвящено очень не много статей, даже если считать въ числѣ ихъ статьи чисто библіографическаго характера, въ которыхъ извѣщалось, что вотъ написалъ-де Михайловъ статью о женщинахъ и перевелъ статью о томъ же Джона Стюарта Милля, и что нельзя, молъ, не сочувствовать прекрасной мысли автора. Статьи эти возбудили въ себѣ интересъ; книжки журналовъ, въ которыхъ онѣ помѣщались, переходили изъ рукъ въ руки; а если судить по успѣху этихъ статей въ обществѣ, то окажется, что оно вполнѣ согласно съ идеею ихъ; между тѣмъ вы часто встрѣтите людей, которые опровергаютъ то ту, то другую сторону вопроса, а нѣкоторыя, болѣе почтенныя лица совсѣмъ не хотятъ слушать доводовъ въ пользу его. Однимъ словомъ, «вопросъ» не совсѣмъ выяснился. Бо́льшая часть указываетъ на различіе въ устройствѣ организма двухъ половъ, на связь духа человѣческаго съ его физической природой и на невозможность, вслѣдствіе этого, совершенно равнаго развитія мужчины и женщины, воспитавшихся при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Нужно замѣтить, что по недостатку положительныхъ знаній въ массѣ общества,

подобные споры происходили довольно курьёзно, и никогда не кончались; такъ что спорившіе оставались каждый при своемъ убѣжденіи.

Такъ, кажется, бываетъ всегда, когда спорятъ двое русскихъ. И возникаетъ въ головѣ много разныхъ вопросовъ послѣ такого спора: въ какой степени различіе организмовъ съ ихъ отправленіями можетъ имѣть вліяніе на умственное развитіе? Дѣйствительно ли массѣ женщинъ суждено быть ниже развитыми, чѣмъ масса мужчинъ? Отчего происходитъ постоянно низшая степень развитія женщинъ до настоящаго времени: отъ вліянія ли организма, или исключительно отъ неблагопріятныхъ развитію обстоятельствъ? Не представляютъ ли замѣчательныя личности женскаго пола неправильнаго, болѣзненнаго развитія? Что же говоритъ наука? А аллахъ ее вѣдаетъ. Къ несчастію, мы, какъ и бо́льшая часть, почти вовсе не знаемъ анатоміи и физіологіи и сами не въ силахъ разрѣшить этого вопроса, а также не можемъ привести никакихъ доводовъ спеціалистовъ, которые не отозвались на наше недоумѣніе и не хотѣли помочь горю, — оттого ли произошло это, что наши интересы показались имъ слишкомъ пустыми, оттого ли, что и вовсе и не знаютъ о нихъ, — рѣшить этого вопроса мы не беремся. Впрочемъ дѣло не въ томъ, кому стать выше, потому что это рѣшится само собою, естественнымъ путемъ, а хлопочутъ люди о томъ, чтобъ не мѣшали никому развивать своихъ способностей, пользоваться своими силами. Такъ и поступили въ обществѣ, послѣ непродолжительныхъ, но остроумныхъ споровъ, и не замѣтивъ нелюбезности гг. ученыхъ, пригласили женщинъ принять участіе въ трудахъ по разнымъ предпріятіямъ. Придется ли сотрудницамъ этихъ обществъ раскаяться, что они поторопились и, не дожидаясь позволенія старшихъ, сдѣлали такой смѣлый шагъ,—это окажется впослѣдствіи. Мнѣніе гг. ученыхъ отодвинулось на второй планъ; опытъ замѣнилъ его. Во всякомъ случаѣ можно считать, что хотя нѣкоторою частью общества вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Какъ ни плодотворенъ для будущаго этотъ шагъ, но на немъ, конечно, успокоиваться не слѣдуетъ; потому что кромѣ оффиціальной, фактической стороны всякаго вопроса, а слѣдовательно и у разбираемаго нами,—есть еще сторона внутренняя, состоящая изъ нравственной подготовки, изъ настроенія воспринимать реформу. Прочное преобразованіе возможно лишь при гармоніи обѣихъ сторонъ; если внѣшнее вліяніе будетъ совершаться безъ участія того лица, для котораго хлопочутъ, если въ этомъ самомъ лицѣ не возбужденъ интересъ къ дѣлу, то оно не приведетъ къ удовлетворительному результату. Это условіе совершенно необходимое, а между тѣмъ у насъ оно

не соблюдено; мы, кажется, слишкомъ увлекаемся внѣшнею стороною, отдаемъ большую часть своего вниманія ей, предоставляя потомству позаботиться о нравственномъ преобразованіи своихъ отношеній. Для будущаго мы создаемъ воскресныя и другія школы, пишемъ статьи о воспитаніи, а для своего развитія дѣлаемъ очень мало.

Мы сваливаемъ всю вину исключительно на независящія отъ насъ обстоятельства, на деспотизмъ окружающихъ насъ лицъ, и не дѣлаемъ ничего, чтобъ уничтожить и этотъ гнетъ, и эти зловредныя, независящія отъ насъ обстоятельства. Эта дисгармонія обнаруживается и въ нашей, пробудившейся дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, есть два рода дѣятельности: одна,—служба выборная, частная, государственная, которая въ бо́льшей части случаевъ обусловливается извѣстнымъ временемъ и мѣстомъ, и требуетъ особенныхъ знаній или способностей; другая проистекаетъ изъ самой природы человѣка, живущаго обществомъ, и состоитъ въ нравственной обязанности содѣйствовать благосостоянію ближнихъ, развитію массы, распространенію здравыхъ понятій, установленію правильныхъ отношеній и т. д. Понятно, что въ такого рода службѣ не можетъ быть ни выборовъ, ни уполномоченій. Каждый долженъ дѣйствовать по мѣрѣ силъ своихъ, руководствуясь указаніями совѣсти и здраваго разсудка. Она обязательна во всякое время, при всякомъ развитіи общества, и лежитъ въ особенности на каждомъ русскомъ нашего времени, по исключительности того положенія, въ которое мы поставлены. Эта дѣятельность можетъ быть искренна лишь при пониманіи своихъ нравственныхъ обязанностей; въ противномъ случаѣ окажется пылъ на первомъ шагѣ—и охлажденіе при оказавшейся трудности дѣла, успокоеніе на невозможности вести его хорошо и т. д. Общество, и мужчины, и женщины, начинаютъ понимать эту обязанность: это доказываетъ учрежденіе воскресныхъ школъ, стремленіе къ сближенію съ народомъ и пр. Но тутъ-то и обрываются наши добрыя стремленія, тутъ-то и оказывается, что мы въ этомъ дѣлѣ болѣе благотворители, жертвующіе въ пользу бѣдныхъ своими поношенными лохмотьями, чѣмъ граждане, которые дѣйствуютъ по сознанію общественныхъ своихъ обязанностей. Въ нашей общественной дѣятельности, выразившейся пока въ заведеніи воскресныхъ школъ, оказывается подтвержденіе истины, что одной мягкости сердца, одной доброй воли мало,—нужно умѣнье, и что въ этомъ отношеніи нашъ капиталъ очень не великъ.

Встрѣчаются неудачи и другаго рода: дѣятелями овладѣваетъ неувѣренность, апатія, дѣло начинаетъ вестись вяло и людямъ неблагонамѣреннымъ сто́итъ не большаго труда выставить все дѣло въ такомъ видѣ, что оно покажется безполезнымъ или даже вреднымъ обществу.

Большое несчастіе заключается также въ томъ, что слишкомъ не многіе принимаютъ участіе въ этого рода дѣятельности, потому что при большемъ числѣ сотрудниковъ можно было бы сдѣлать лучшій выборъ, въ оборотѣ былъ бы большій умственный капиталъ; но разныя обстоятельства многимъ помѣшали принять непосредственное участіе, и внести свою лепту на алтарь общественнаго служенія, какъ выразился бы дурно воспитанный сочинитель. Эти лица остались въ сторонѣ отъ общей дѣятельности, а имъ было бы что дѣлать, если бъ было съ ихъ стороны желаніе;—не говоря уже о внесеніи любви и справедливости въ отношенія ко всѣмъ лицамъ и о другихъ дѣйствіяхъ, естественно вытекающихъ изъ нравственности, они могли бы своимъ участіемъ, своимъ одобреніемъ принести много пользы. Кто не знаетъ силу дружескаго совѣта въ минуты сомнѣній, кто не знаетъ, какъ дорого цѣнишь поддержку близкаго человѣка. Скажемъ болѣе — есть люди, не дѣлающіе ничего фактическаго, но цѣнимые и уважаемые за свои совѣты. И мы думаемъ, что такая роль была бы очень прилична тѣмъ женщинамъ, которыя не могутъ принять на себя прямаго участія въ обученіи народа, въ объясненіи народу его настоящихъ отношеній и т. д. Это предположеніе вытекаетъ изъ настоящаго характера женщинъ. Каждый согласится, что мужчины большею частью страдаютъ нѣкоторою сухостью, они дѣйствуютъ болѣе умомъ и могутъ убѣдить, но не подвинуть на дѣятельность. Очень хорошо извѣстно, что у многихъ лицъ убѣжденія не проводятся въ жизнь, именно потому что это требуетъ или особыхъ напряженій, или жертвъ. Умный мужчина никогда не подѣйствуетъ на такого слабаго характеромъ человѣка, который согласится съ его доводами, но дѣла дѣлать не будетъ. На него скорѣе подѣйствуетъ женщина. Въ нихъ больше любви, онѣ, такъ сказать, вдохновеннѣе, а логика съ вдохновеніемъ очень могучи.

Вспомните, что Ольга могла заставить даже Обломова ѣздить къ себѣ очень часто, до тѣхъ поръ пока не развели мостовъ. Эта роль временная, она обусловливается только духовнымъ несовершенствомъ обоихъ половъ; но мы именно говоримъ о томъ движеніи, которое совершается передъ нашими глазами въ современномъ намъ обществѣ и о той цѣли, которую нужно поставить передъ собою.

И это участіе къ современнымъ интересамъ совершенно необходимо; при пробуждающейся потребности дѣятельности въ молодыхъ людяхъ, возможно сохранить съ ними здоровыя отношенія только при пониманіи ихъ стремленій, только тогда, когда между ними будетъ тѣсная духовная связь, когда существованіе женщины сдѣлается потребностью. Двумъ половинамъ общества нужно идти рука объ руку; если одна половина отстаетъ отъ другой, движеніе будетъ задержано, и явится неполнота, дисгармонія, разрывъ.

Извѣстно, что мы проснулись и двинулись впередъ въ послѣднее время.

Женское общество отозвалось на это движеніе, но отозвалось какъ-то небрежно, и рядомъ съ нѣкоторыми измѣненіями ихъ жизни замѣчается и старая ветошь. Онѣ стали лихорадочно слѣдить за русской журналистикой и вычитали изъ нее, что «Время» лучшій журналъ, а что «Современникъ» дѣлается хуже да хуже; онѣ восчувствовали желаніе серьезно заниматься и выхватили изъ наукъ—одна статистику, другая ботанику, третья греческій языкъ и т. д. Онѣ измѣнили свое обращеніе съ прислугой, стали говорить «вы», и то не всѣмъ, впрочемъ, и въ тоже время называютъ свою горничную полуименемъ Марьи и заставляютъ ее или приносить платки съ комода, или отворять передъ собою двери. Много можно бы было насчитать страшныхъ чертъ нашей современности; да вѣроятно большая часть и то уже замѣтила свою несостоятельность. Эти странности обнаруживаются также въ громадномъ успѣхѣ повѣсти Тургенева «Наканунѣ». Она была встрѣчена публикою съ большимъ энтузіазмомъ, ею восхищались и не со стороны эстетической, а по сочувствію къ героинѣ повѣсти. Елена выразила собою, говорили женщины, ту жажду благотворной дѣятельности, которая снѣдаетъ проснувшееся общество. Русская женщина призвана стать во главѣ общественнаго движенія и вести за собою другихъ. Нѣкоторые даже замѣтили послѣ появленія повѣсти перемѣну въ своихъ знакомыхъ, у нихъ какъ-то прибавилось гонору, онѣ точно выросли на вершокъ.

Мы со своей стороны совершенно согласны, что Елена прекрасно выразила собою черты современнаго движенія женщинъ, но движенія плохо осмысленнаго, непонятаго, движенія съ руками, полными всякимъ хламомъ. Мы это сейчасъ докажемъ. Въ ней восхищались болѣе всего готовностью покинуть семью и обезпеченную, спокойную жизнь и промѣнять ее на трудную и безпокойную жизнь въ Болгаріи. Но въ этомъ еще нѣтъ ровно никакого геройства; это достоинство отрицательное. Она не видѣла любви къ себѣ въ домашнихъ и ничто не привязывало ее къ отцу и матери, связь между ними была давно прервана, — скажемъ болѣе, ей становилось тяжело жить съ плаксой матерью и безпокойнымъ отцомъ. А впереди ей видѣлась жизнь съ любимымъ человѣкомъ. Промѣнять общество родныхъ на общество Инсарова можно было смѣло, не затрудняясь въ выборѣ. Эта рѣшимость, конечно, очень замѣчательная. На нее рѣшатся не всѣ и пойти противъ обычая не всякая можетъ; но вѣдь и судъ не правый творятъ очень многіе, и не возводить же на пьедесталъ тѣхъ, кто не дѣлаетъ этого. Но въ этомъ шагѣ Елены есть еще другая сторона, въ немъ сказалась дѣятельная натура. Дѣй-

ствительно, натура Елены была не изъ сонливыхъ — это доказываетъ ея рѣшимость оставить родительскій домъ, — но то-то и бѣда, что эта энергія односторонняя, и что она разрѣшилась тѣмъ, что Елена кончила свое дѣятельное поприще въ Болгаріи сидѣлкою, сестрой милосердія. Такой исходъ можно было предвидѣть, еслибъ хорошенько разсмотрѣть ея жизнь до встрѣчи съ Инсаровымъ. Она была добра, любила человѣка, какъ увѣряютъ нѣкоторые, въ ней кипѣла молодая кровь, — что же мѣшало ей, не ожидая долго героя Инсарова, заняться на пользу тѣхъ, кто былъ подъ рукою. А дома было что дѣлать: тамъ Шубинъ чахъ отъ пустоты, тамъ Берсеневъ дѣлался суше, да суше. Она часто видѣлась съ ними, пользовалась вѣсомъ въ ихъ глазахъ и могла бы, еслибъ умѣла да хотѣла, своимъ словомъ заставить Шубина всмотрѣться въ себя, научить Берсенева, что отъ его науки проку не будетъ, если онъ не выйдетъ изъ кабинета на свѣтъ Божій. А Елена, при всей своей любви къ человѣчеству, при всей жаждѣ дѣятельности, сидѣла сложа руки, скучала, спасала мухъ отъ пауковъ, кормила кошекъ и отчасти злобствовала. Въ чемъ же тутъ проявилась дѣятельная натура Елены?

Мы не отнимаемъ у нея ни твердости характера, ни стремленій, и видимъ очень хорошо, что Елена хотѣла дѣлать что нибудь, что ей нужна была работа, что она отъ пауковъ кидалась къ нищенкѣ, а отъ нищенки къ Берсеневу. Да вѣдь это работа не осмыслена, сводится на экзальтацію. Но наконецъ Елена успокоилась, опредѣлила къ чему стремилась, увидѣла, что ей нужна дѣятельность, болѣе разумная и полезная для братьевъ. Такъ; но развѣ Берсеневъ и Шубинъ не братья, и если въ Еленѣ были задатки любви къ человѣку вообще, то зачѣмъ же она оттолкнула отъ себя Шубина и постоянно глумилась надъ нимъ.

Люди, въ самомъ дѣлѣ желающіе добра своимъ братьямъ, не останавливаются за мелочностью проявленія любви. Цѣль жизни не мѣшаетъ работать по дорогѣ, гдѣ только можно и какъ только можно. Задать себѣ извѣстный урокъ и ждать, когда сложатся выгодныя для дѣла обстоятельства, не трудно, если въ это время не ворочать обстоятельствъ, не ускорять благопріятныхъ условій прихода. Елена не занималась Шубинымъ и не проявляла своей натуры до прихода Инсарова. Значитъ, любовь къ Инсарову побудила ее идти въ Болгарію. Не приди Инсаровъ, Елена такъ бы и жила въ Москвѣ, покровительствуя бѣднымъ кошечкамъ и мушкамъ, и не удовлетворила бы своихъ стремленій, потому что не нашла бы дѣятельности въ скромной обстановкѣ нашей незатѣйливой жизни; она именно хотѣла оказать услугу, но не людямъ, а народу, и услугу при томъ громадную. Иначе зачѣмъ бы ей было ходить въ Болгарію; вѣдь и у насъ тоже есть, что

дѣлать. Елена или не понимала видно этихъ явленій, или видя ихъ, не скорбѣла, и считала такую сферу дѣйствій нестоющею и искала большаго. Она съ радостью бросилась за Инсаровымъ спасать его родину, его угнетенныхъ собратій. Здѣсь цѣль видна сразу, осязательна. Но умеръ Инсаровъ и Елена уже не спасаетъ отечества, а спускается на степень доброй и заботливой сестры, ходящей за больными, дѣятельность которой не требуетъ большой кипучести натуры. Этотъ оборотъ немного страненъ только на первый взглядъ, но онъ легко объясняется тѣмъ, что Елена любила Инсарова, а не людей, увлеклась его геройствомъ и шла за нимъ все равно куда бы то ни было, на битву или на покой. Страстность и энергичность Елены была цѣликомъ отдана Инсарову, она шла за Инсаровымъ пассивно, и искать въ ней общественную дѣятельность не стоитъ. А между тѣмъ, общество нашло въ ней что-то фатальное, какъ выразилась бы Елена, величественное. Оно сочло Елену непогрѣшимымъ существомъ и не хотѣло посмотрѣть ее поближе. Нѣкоторое превосходство Елены передъ другими закупило этихъ другихъ, подавило ихъ. Они видѣли только, что она приняла участіе въ серьезномъ дѣлѣ, а какъ, по какому поводу? — этого не хотѣли видѣть.

Въ Еленѣ есть еще черта, какъ-то дурно гармонирующая съ искреннимъ и осмысленнымъ желаніемъ дѣлать дѣло. Она какъ-то щепетильна, пикантна, она не разсталась съ взглядами барышень.

Вслушайтесь, напримѣръ, въ слѣдующія фразы Елены. Елена наслушалась разсказовъ Берсенева объ Инсаровѣ и въ ея воображеніи нарисовался образъ человѣка, способнаго на такой великій подвигъ, какъ освобожденіе родины. На лицѣ его написана благородство и отвага, и, главное, онъ хорошъ собою. Встрѣтила она Инсарова и разочаровалась.

«Инсаровъ дѣйствительно произвелъ на Елену меньше впечатлѣнія, чѣмъ она сама ожидала, или, говоря точнѣе, онъ произвелъ на нее *не то впечатлѣніе, котораго ожидала она*. Ей понравилась его прямота и непринужденность, — и лицо его ей понравилось; но все существо Инсарова, *спокойно-твердое и обыденно-простое*, какъ-то *не ладилось съ тѣмъ образомъ, который составился у нея въ головѣ* отъ разсказовъ Берсенева. Елена, сама того не подозрѣвая, ожидала чего-то болѣе «фатальнаго». Но, думала она, онъ сегодня говорилъ очень мало, и сама виновата, я не разспрашивала его; подождемъ до другаго раза.... а глаза у него выразительные, честные глаза. Она чувствовала, что ей не преклониться передъ нимъ хотѣлось, а подать ему дружески руку, и она недоумѣвала: *не такими воображала она себѣ* людей, подобныхъ Инсарову, «*героевъ*» (Тург. IV. стр. 352 и 353).

Разочарованіе это идетъ далѣе; оказывается, что у него вовсе нѣтъ изящныхъ манеръ.

«Долго не забуду я вчерашней поѣздки. Какія странныя, новыя, страшныя впечатлѣнія! Когда онъ вдругъ взялъ этого великана и швырнулъ его, какъ мячикъ, въ воду, я не испугалась.... но онъ меня испугалъ. И потомъ — *какое лицо зловѣщее, почти жестокое*! Какъ онъ сказалъ: выплыветъ! Это меня перевернуло. *Стало быть я его не понимала.* И потомъ, когда всѣ смѣялись, когда я смѣялась, какъ мнѣ было больно за него! Онъ стыдился, я это чувствовала, *онъ меня стыдился.* Онъ мнѣ это сказалъ потомъ, въ каретѣ, въ темнотѣ, когда я старалась его разглядѣть и боялась его. Да, съ нимъ шутить нельзя, и заступиться онъ умѣетъ. *Но къ чему же эта злоба, эти дрожащія губы, этотъ ядъ въ глазахъ*? Или, можетъ быть, иначе нельзя? Нельзя *быть* мужчиной, *бойцомъ*, и остаться *кроткимъ и мягкимъ*? Жизнь дѣло грубое, сказалъ онъ мнѣ недавно. Я повторила это слово Андрею Петровичу; онъ не согласился съ Д. Кто изъ нихъ правъ? А какъ начался этотъ день! Какъ мнѣ хорошо идти съ нимъ рядомъ, *даже молча*.... Но я рада тому, что случилось. Видно, такъ слѣдовало». (Тург. IV. стр. 376).

Она ждала, что такая личность поступитъ отмѣнно хорошо, что онъ незабудется въ обществѣ дамъ, совладаетъ съ собою, сдѣлаетъ все какъ нибудь политично и въ заключеніе, какъ рыцарь, предложитъ ей свою руку и заведетъ съ нею «пріятный» разговоръ. И вдругъ злоба въ лицѣ, энергія выраженія, крутая расправа—совсѣмъ не хорошія манеры!

Разговоръ Елены съ Берсеневымъ объ отлучившемся Инсаровѣ еще лучше.

«Вообразите себѣ, началъ онъ съ принужденной улыбкой: — нашъ Инсаровъ пропалъ.

«— Какъ пропалъ? проговорила Елена.

«— Пропалъ. Третьяго дня вечеромъ ушелъ куда-то, и съ тѣхъ поръ его нѣтъ.

«— Онъ не сказалъ вамъ, куда онъ пошелъ?

«— Нѣтъ.

«Елена опустилась на стулъ.

«— Онъ, вѣроятно, въ Москву отправился, промолвила она, стараясь казаться равнодушной и въ то же время сама дивясь тому, что она старается казаться равнодушной.

«— Не думаю, возразилъ Берсеневъ. — Онъ ушелъ не одинъ.

«— Съ кѣмъ же?

«— Къ нему третьяго дня, передъ обѣдомъ, явились два какихъ-то человѣка, должно быть его соотечественники.

«— Болгары? почему вы это думаете?

«— А потому что, сколько я могъ разслышать, они говорили съ нимъ на языкѣ, мнѣ неизвѣстномъ, на славянскомъ... Вотъ вы все находите, Елена Николаевна, что въ Инсаровѣ таинственнаго мало: ужь на что таинственнѣе этого посѣщенія? Представьте: вошли къ нему — и ну кричать и спорить, да такъ дико, злобно.... И онъ кричалъ.

«— И онъ?

«— И онъ кричалъ на нихъ. Они какъ будто жаловались другъ на друга. И если бы вы взглянули на этихъ посѣтителей! Лица смуглыя, широкоскулыя, тупыя, съ ястребиными носами, лѣтъ каждому за сорокъ, одѣты плохо, въ пыли, въ поту; съ виду ремесленники — не ремесленники, и не господа... Богъ знаетъ, что за люди.

«— И онъ съ ними отправился?

«— Съ ними. Накормилъ ихъ да ушелъ съ ними. Хозяйка мнѣ сказывала: — они вдвоемъ цѣлый огромный горшокъ каши съѣли. Такъ, говоритъ, въ перегонку и глотали, словно волки.

«Елена слабо усмѣхнулась.

«— Вы увидите, промолвила она: — *все это разрѣшится чѣмъ нибудь очень прозаическимъ.*

«— Дай Богъ! Только напрасно вы употребили это слово. Въ Инсаровѣ нѣтъ ничего прозаическаго, хотя Шубинъ и увѣряетъ...

«— Шубинъ! перебила Елена и пожала плечомъ. — *Но сознайтесь, что эти два господина, глотающіе кашу....*

«— И Оемистоклъ ѣлъ наканунѣ Саламинскаго сраженія, съ улыбкой замѣтилъ Берсеневъ.

«— Такъ; *но за то на другой день и было сраженіе.* А вы все-таки дайте мнѣ знать, когда онъ вернется, прибавила Елена и попыталась перемѣнить разговоръ, — но разговоръ не клеился.» (Тург. IV. стр. 356 и 357).

И такой образъ былъ причисленъ къ идеаламъ нашего времени, передъ нимъ поклонились; — эта черта многознаменательная и лучше всякихъ разсужденій рисуетъ недостатки нашей современности. Въ самомъ дѣлѣ, литература указала женщинамъ, что онѣ имѣютъ одинаковыя съ мужчинами права жизни: онѣ встрепенулись, поднялись и остановились на Еленѣ. Этотъ неудачный выборъ показываетъ, что мы еще не совсѣмъ выяснили себѣ, зачѣмъ это все дѣлается, для чего служитъ эта дѣятельность, что обратясь къ ней, онѣ дѣйствовали болѣе сердцемъ. Дисгармонія уже даетъ себя чувствовать, она позволяетъ принять дѣятельность Елены за идеальную, считать ее личностью, достойною подражанія. Женщины наши сочли, что Елена удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ вѣка, и жестоко ошиблись.

Разъ обнаруживши дисгармонію нашего общественнаго движенія, лежащую въ насъ самихъ, мы постараемся указать, отчего она произошла, и чтобъ облегчить себѣ начало, сдѣлаемъ выписку изъ сочиненій нашего общаго учителя.

Вотъ что писалъ еще въ 1844 году Бѣлинскій:

«Стороны духа человѣческаго неисчислимы въ ихъ разнообразіи; но главныхъ сторонъ только двѣ: сторона внутренняя, задушевная, сторона сердца, словомъ, романтика, — и сторона сознающаго себя разума, сторона общаго, разумѣя подъ этимъ словомъ сочетаніе интересовъ, выходящихъ изъ сферы индивидуальности и личности. Въ гармоніи т. е. во взаимномъ сопроникновеніи одной другою этихъ двухъ сторонъ духа, заключается счастіе современнаго человѣка» (Т. VIII, стр. 170). «Но горе тому, кто, въ наше время, зданіе счастія своего вздумаетъ построить на одной только любви, и въ жизни сердца вознадѣется найдти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ стремленіямъ! Въ наше время, это значило бы отказаться отъ своего человѣческаго достоинства, изъ мужчины сдѣлается — самцомъ! Міръ дѣйствительный имѣетъ равныя, если еще не большія права на человѣка, и въ этомъ мірѣ человѣкъ является прежде всего сыномъ своей страны, гражданиномъ своего отечества, горячо принимающимъ къ сердцу его интересы и ревностно поборающимъ, по мѣрѣ силъ своихъ, его преуспѣянію на пути нравственнаго развитія» (стр. 171). «И въ наше время, жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но точно также и для женщины: ибо наше время сознало уже, что и женщина такъ же точно человѣкъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и въ средніе вѣка), но и въ дѣйствительности. Если же мужчинѣ позорно быть самцомъ на томъ основаніи, что онъ человѣкъ, а не животное, то и женщинѣ позорно быть самкою на томъ основаніи, что она—человѣкъ, а не животное. Ограничить же кругъ ея дѣятельности скромностію и дѣятельностію въ состояніи дѣвическомъ, спальнею и кухнею въ состояніи замужества (какъ это было въ средніе вѣка)—не значитъ ли это лишить ее правъ человѣка, и изъ женщины сдѣлать самкою?» (стр. 172.) «Вслѣдствіе этого, отношенія обоихъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Такъ какъ истино человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а не на одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца, — то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой она имѣла прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другѣ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство — свободу въ отноше-

ніяхъ Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина—рабою, и съ обѣихъ сторонъ установляются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другою» (стр. 173). «Мать нашихъ дѣтей, она не унизится, но возвысится въ глазахъ нашихъ, какъ существо свято выполнившее свое святое назначеніе, и наше понятіе о ея нравственной чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ нравственная чистота и невинность женщины — въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей... Идеалъ нашего времени — не дѣва идеальная и не земная, гордая своею невинностью, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ; нѣтъ, идеалъ нашего времени — женщина, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое» (стр. 178). «Общество все еще держится принципами стараго, средневѣковаго романтизма, обратившагося уже въ пустыя формы за отсутствіемъ умершаго содержанія; но люди, имѣющіе право называться «солью земли», уже силятся осуществить идеалъ новаго романтизма» (стр. 170).

Мы обратимъ вниманіе въ этихъ словахъ на то, что главнымъ рычагомъ къ нравственному улучшенію нашихъ взаимныхъ отношеній, къ развитію и преуспѣванію общества, Бѣлинскій считаетъ признаніе собственнаго достоинства, уваженіе и любовь къ другимъ. Съ улучшеніемъ отношеній явится и самостоятельность и болѣе видная роль. А безъ этого нельзя ждать прогресса общества и мы будемъ коснѣть до тѣхъ поръ, пока не будемъ цѣнить въ себѣ образъ человѣка, не будемъ строже къ себѣ и не сдѣлаемъ нравственную безукоризненность—своею idée fixe. Уваженіе къ себѣ заставитъ человѣка гарантировать себя отъ упрековъ совѣсти. Онъ постарается избѣгнуть ставить себя въ фальшивое положеніе, гдѣ могутъ быть заподозрѣны его добросовѣстность, умъ, человѣчность. Прямота дѣйствій и полная откровенность будутъ сопровождать его въ его дѣятельности.

Онъ выскажется въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ его людямъ, и употребитъ всѣ душевныя силы, чтобъ эти отношенія и его дѣятельность общественная были бы честны. Но самое понятіе о честности очень сбивчиво, и извѣстно, что въ разныя времена и даже въ одно и то же время разныя лица понимаютъ слово «честь» различно и нельзя положиться, что—то, что кажется намъ честнымъ, чего мы требуемъ сегодня отъ своихъ собратовъ, покажется гуманнымъ для потомства. Рыцарь среднихъ вѣковъ, уважая женщину, старался вы-

двинуть ее изъ своей собственной среды, поставить на пьедесталъ, окружить ее блескомъ, пышностью, фиміамомъ. Высокое существо женщины не касалось земли, оно было выше ея — ей можно было поклоняться, благоговѣть передъ ея божественною красотою, но отнюдь не касаться грязными руками ея свѣтлаго образа. Заподозрить ее хоть въ безжизненности, сказать ей жестокое слово правды — сочлось бы преступленіемъ. Взглядъ этотъ давно измѣнился, женщина не откажется выслушать горькій упрекъ, если онъ сложился изъ участія къ ней. И если нельзя ручаться за безусловную законность господствующаго понятія о чести, то по крайней мѣрѣ, можно желать, чтобъ дѣйствія человѣка были болѣе сознательны и вытекали изъ его убѣжденій. Эти убѣжденія неминуемо отразятся въ практической дѣятельности въ пользу или во вредъ другихъ, и эти другіе въ правѣ будутъ спросить, для чего и по какому праву мы поступили такъ, а не иначе, и постараться привести взгляды этого лица въ соглашеніе съ составившимися въ обществѣ понятіями и требованіями. Изъ этого уже слѣдуетъ, что человѣкъ, уважающій себя обязанъ выяснить себѣ самого себя, узнать свои способности, взглянуть на силы, окружающихъ лицъ, опредѣлить каковы должны быть отношенія къ нимъ, и на основаніи этой оцѣнки у него сложится взглядъ на жизнь, составится цѣль для его стремленій. Развивать себя до идеала, наиболѣе удовлетворить требованіямъ вѣка, постоянно ища лучшаго и лучшаго въ этомъ самомъ идеалѣ, будетъ его жизненною задачею. Отстаивая и проводя въ самой жизни своей принципы, онъ пріобрѣтетъ характеръ личности, и сохранитъ свою самостоятельность въ столкновеніяхъ, какъ съ лицами равными ему по развитію, такъ и отличными. Эти столкновенія повлекутъ за собою оглядку на свой прошлый путь, оцѣнку созданнаго идеала и дальнѣйшее, постоянное развитіе характера и взглядовъ даннаго лица.

Подобная личность не пройдетъ безслѣдно, она не можетъ быть замкнута и соприкасаясь съ другими, будетъ вліять на нихъ, безъ прямаго на то желанія, только въ силу вѣры въ свои убѣжденія. Ему нужно будетъ знать мнѣніе о немъ другихъ, какъ нужно бываетъ человѣку узнать мнѣніе другихъ о близколежащихъ къ нему предметахъ, и не побоится онъ пристрастія общественнаго суда. Если онъ съумѣетъ внести за собою любовь и справедливость, если онъ будетъ честенъ и твердъ, — на его сторонѣ будутъ адвокаты, его оцѣнятъ. Убѣжденія, прочныя убѣжденія потребуютъ и дѣятельности сообразной съ ними; естественно явится желаніе убѣдить другихъ въ томъ, во что вы вѣрите сами, и если эти убѣжденія жизненны, то есть касаются вопросовъ насущныхъ для человѣческаго духа, то споръ объ нихъ будетъ развитіемъ характера, личности спорящихъ людей.

Въ практической дѣятельности человѣка, уважающаго себя, будетъ замѣтна та же обдуманность, настойчивость. Не желая класть на себя какихъ либо подозрѣній, онъ будетъ приступать ко всякому дѣлу, строго обдумавъ его теченіе и оцѣнивъ всѣ обстоятельства, которыя могутъ встрѣтиться на-пути къ исполненію. Самый выборъ дѣятельности не будетъ случайнымъ; за дѣло, полезность котораго сомнительна, не возьмется человѣкъ, уважающій себя; всякій необдуманный шагъ роняетъ, унижаетъ его.

Само собою разумѣется, что сфера и характеръ дѣятельности различны для различныхъ субъектовъ, смотря по ихъ нравственному развитію; одинъ не видитъ далѣе семьи и тѣснаго кружка близко знакомыхъ, и считаетъ, что до лицъ, съ которыми онъ не имѣетъ чести быть знакомымъ, ему и дѣла нѣтъ, — и требовать, чтобы онъ расширялъ свою дѣятельность невозможно, пока не расширится его умственный горизонтъ; а до тѣхъ поръ, требуемая отъ него дѣятельность будетъ причислена имъ къ обязанностямъ, предписаннымъ начальствомъ, и едва ли будетъ исполнена добросовѣстно; другой видитъ далѣе, будетъ требовать отъ жизни болѣе, и слѣдовательно самъ собою будетъ искать удовлетворенія своему идеалу; его дѣятельность будетъ шире дѣятельности перваго; третій поставленъ такъ высоко, что его дѣятельность имѣетъ вліяніе и на лицъ, стоящихъ очень далеко отъ него, и къ нему можно и слѣдуетъ быть строже, чѣмъ къ первому и второму. Итакъ выясненіе убѣжденій, выработка характера, внесеніе убѣжденій въ жизнь и осмысленная, понятая дѣятельность характеризуютъ человѣка, который высоко цѣнитъ свое достоинство. Безъ этихъ качествъ трудно представить себѣ развитаго человѣка, и во всякомъ случаѣ, можно сказать, что безцвѣтныя личности, проходящія безслѣдно жизненный путь, не уважаютъ себя сами и не могутъ требовать къ себѣ уваженія, потому что ихъ и уважать не за что: они ни для кого не нужны; а прочное уваженіе за одни отрицательныя достоинства, какъ бы много ихъ ни было, едва ли возможно. Уваженіе къ себѣ поможетъ человѣку въ пріобрѣтеніи дальнѣйшихъ правъ; онъ найдетъ силы воспитать и образовать себя; на его сторонѣ будетъ логика, рѣшимость; онъ вправѣ будетъ сказать, что онъ не хуже, если не лучше другихъ; и едва ли даже придется заявлять эти требованія: уваженіе явится само собою, когда будетъ за что уважать.

Отсутствіе уваженія къ самому себѣ влечетъ неясное пониманіе своихъ отношеній къ другимъ, частое поставленіе себя въ невыгодный свѣтъ человѣка, не имѣющаго убѣжденія, говорящаго и дѣйствующаго безсмысленно. Отсюда слѣдуетъ, что со стороны окружающихъ лицъ явится невниманіе, пренебреженіе; лицу суждена будетъ не-

значительная, блѣдная роль въ окружающемъ его обществѣ. Никакія связи съ такимъ лицомъ не могутъ быть прочны, потому что въ нихъ мало будетъ нравственнаго элемента, онѣ не будутъ вытекать изъ потребности духа человѣческаго. Матеріальныя невзгоды будутъ доставаться такимъ людямъ, нравственные толчки будутъ сыпаться на нихъ и едва ли смогутъ они оттолкнуть отъ себя источникъ ихъ, потому что для этого понадобится серьезное возмущеніе своимъ положеніемъ, рѣшимость и умѣнье уйти отъ него, — а на это неспособны такія лица. А сколько оскорбленій и неудачъ будетъ причислено къ тяжелымъ необходимостямъ, съ которыми нужно мириться. Итакъ мало-по-малу притупятся въ человѣкѣ лучшія его желанія, онъ будетъ медленно спускаться, вязнуть въ болотѣ, пока совсѣмъ не загибнетъ.

Женщины наши, желающія исхода изъ своего положенія, сравненія своихъ правъ съ правами мужчинъ, должны не увлекаться внѣшностью, а заглянуть поглубже и позаботиться о томъ, чтобъ не только расчистить себѣ дорогу, но и быть въ силахъ пройти по ней твёрдо. Нѣкоторыя изъ нихъ, оставшись на той же ступени нравственнаго развитія, какъ были до сихъ поръ, стали требовать къ себѣ уваженія отъ другихъ и были недовольны, что ихъ трактовали на старый манеръ, какъ недоросшихъ дѣтей. Само собою разумѣется, что требованіе со стороны женщинъ вполнѣ законно, и несправедливо быть предубѣжденнымъ противъ лица, потому только, что оно женщина; но если женщина не уважаетъ сама себя, не заботится о томъ, чтобъ не ронять своего достоинства, то она очень мало выиграетъ отъ исполненія ея требованій, потому что послѣ двухъ, трехъ шаговъ, она окажется несостоятельною, и то, что прежде высказалось бы какъ предположеніе, теперь выскажется какъ осужденіе. Поэтому, требуя себѣ правъ, требуя къ себѣ уваженія, нужно позаботиться и о томъ, чтобъ это уваженіе было ненарушимо и на будущее время, чтобъ не приходилось заявлять, что и я, молъ, тоже должна быть уважаема. Уваженіе постороннихъ возможно только для лицъ уважающихъ себя, пекущихся о своемъ нравственномъ развитіи, о выработкѣ характера и убѣжденій, и дѣйствующихъ сообразно съ ними до тѣхъ поръ, пока эти убѣжденія не будутъ поколеблены.

Несмотря на всю естественность и законность ожиданія отъ человѣка вниманія къ себѣ, въ источникѣ множества жизненныхъ неудачъ лежитъ небреженіе къ своему достоинству. Мы укажемъ нѣсколько такихъ, гдѣ безтактность и дѣйствіе спустя рукава, безъ строгой оглядки, разрушали созданный идеалъ жизни. Мы будемъ заимствовать примѣры изъ сочиненій Тургенева, и беремъ этого автора предпочтительно потому, что онъ умѣетъ навѣять на читателя

симпатію къ своимъ героямъ, заставляетъ сочувствовать ихъ неисходному положенію. Такое отношеніе побуждаетъ искать какой-то злополучной судьбы тамъ, гдѣ по зрѣломъ обсужденіи всегда оказывается, что виноваты бываемъ мы сами. Вотъ случай, разсказанный въ повѣсти «Затишье».

Въ Ипатовкѣ собирается небольшое общество. Всѣ сошлись между собою и проводятъ большую часть времени вмѣстѣ, или устраивая partie de plaisir, или смыкаясь въ тѣсный кружокъ у себя дома. Молодость и общая близость оживляетъ ихъ собранія и жизнь течетъ ровно и тихо, принося имъ счастье и покой. Всѣ вполнѣ довольны своимъ житьемъ-бытьемъ и лишь изрѣдка спокойствіе одного изъ членовъ общества, Егора Капитоныча, возмущается нападеніями строгой на манеры Матрены Марковны. Не будь этого, и нельзя было бы желать ничего лучшаго. Изъ этого круга могла выпорхнуть одна Надежда Алексѣевна; остальные, казалось, опредѣлили свое мѣсто, и общество ихъ обѣщало просуществовать долго, такъ же довольное, въ томъ же «Затишьи»». Въ этомъ обществѣ живутъ Марья Павловна и Петръ Алексѣевичъ, которые любятъ другъ друга и готовы соединиться бракомъ. Они пользуются общею любовью, счастливы сами и разливаютъ вокругъ себя счастіе и довольство, оживляютъ всѣхъ своимъ присутствіемъ. Петръ Алексѣевичъ, повидимому, былъ человѣкъ не глупый, но порядочно опустился, сдѣлался лѣнивъ и безпеченъ.—Изъ извѣстныхъ изящныхъ и неизящныхъ искусствъ за нимъ водились слѣдующія: пѣнье съ акомпаниментомъ гитары, умѣнье подражать жужжанью мухи, копированіе комичныхъ сторонъ его знакомыхъ и пьянство. Всѣ эти качества дѣлали изъ него пріятнаго (для жителей Ипатовки) собесѣдника.

Она была гораздо степеннѣе его, не любила болтать и вообще казалась очень серьезной дѣвушкой.

Она хотѣла дѣйствовать на него, и повидимому часто говорила ему, чтобъ онъ перемѣнилъ образъ жизни, подумалъ бы о томъ, что изъ него выйдетъ и т. д. На одномъ изъ такихъ увѣщаній авторъ даетъ намъ возможность присутствовать.

Жизнь спустя рукава, склонность къ попойкамъ и любовь къ балагурству во всякое время и по приглашенію всякаго,—всѣ эти качества въ Петрѣ Алексѣевичѣ очень смущали Марью Павловну.

Рано утромъ, два или три часа спустя послѣ того, какъ разъѣхались гости изъ Ипатовки, Марья Павловна и Петръ Алексѣевичъ сошлись въ рощѣ, подъ тѣнію молодыхъ деревъ. Зачѣмъ имъ было нужна эта обстановка—мы не понимаемъ; никто не мѣшаетъ имъ бесѣдовать дома сколько душѣ угодно; заботливая Надежда Алексѣевна стерегла ихъ какъ Аргусъ, и подзывала къ себѣ тѣхъ, кто собирался

подойти къ любящей четѣ. — Но не въ томъ дѣло: у каждаго барона своя фантазія; у насъ фантазія—спать по ночамъ послѣ дневнаго утомленія, у людей влюбленныхъ—предпринимать прогулку въ рощу.

Какъ бы то ни было, они сошлись. Вотъ какъ происходила ихъ бесѣда.

«Они оба молчали. Марья Павловна неподвижно глядѣла въ даль; Веретьевъ сидѣлъ наклонившись и похлопывалъ вѣткой по травѣ (т. II стр. 334). Повидимому, они или недовольны другъ другомъ, или успѣли уже побраниться; и это добрый знакъ: значитъ, они не занимались «сосаніемъ солодковаго корня». И хотя для свиданія съ такимъ характеромъ еще менѣе логична поэтическая обстановка, но за то тѣмъ интереснѣе становится самое объясненіе.

«— Чтожь, началъ онъ наконецъ, вы сердитесь?

«Марья Павловна не отвѣчала.

«Веретьевъ взглянулъ на нее.

«— Маша, вы сердитесь, повторилъ онъ.

«Марья Павловна окинула его быстрымъ взоромъ, слегка отвернулась и промолвила:

«— Да.

«— За что?

«На вопросъ Веретьева, Марья Павловна опять не отвѣчала.»

Выраженіе своего неудовольствія, упорное молчаніе, мрачная, вѣроятно, физіономія Марьи Павловны показываетъ, что она хочетъ вызвать въ самомъ Петрѣ Алексѣичѣ осужденіе своего поведенія. Педагоги одобряютъ эту мѣру. Но для успѣшности ея нужно, чтобъ исправляемый субъектъ интересовался расположеніемъ и уважалъ то лицо, которое хмурится отъ неудовольствія. Марья Павловна вѣроятно знаетъ это и дѣйствуетъ по этой методѣ, потому что находитъ неудобопримѣнимою.

«— Впрочемъ, вы, точно, имѣете право сердиться на меня, началъ Веретьевъ послѣ небольшаго молчанья.—Вы должны считать меня за человѣка не только легкомысленнаго, но даже...

«— Вы меня не понимаете, перебила Марья Павловна.—Я совсѣмъ не за себя сержусь на васъ.

«— За кого же?

«— За васъ самихъ.

«Веретьевъ поднялъ голову и усмѣхнулся» (стр. 334).

Оказывается, что Веретьевъ не сразу догадывается, за что онъ въ опалѣ и только, погодя не много, онъ смекнулъ въ чемъ дѣло.

«— А! понимаю! Опять! опять васъ начинаетъ тревожить мысль: отчего я ничего изъ себя не сдѣлаю! Знаете что, Маша, вы удивительное существо, ей-богу. Вы такъ много заботитесь о другихъ и такъ мало

о себѣ самой. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право. Другой такой дѣвушки, какъ вы, на свѣтѣ нѣтъ. Одно горе — я рѣшительно не стою вашей привязанности, это я говорю не шутя.

«— Тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете, и ничего не дѣлаете» (стр. 334).

Дѣйствительно ли не найдется другой такой дѣвушки, которой было бы больно видѣть недостатки любимаго человѣка или это только громкая фраза въ устахъ Веретьева — пусть рѣшаетъ каждый по своему. Марья Павловна, выслушавъ послѣднія его слова, замѣчаетъ: «тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете и ничего не дѣлаете». И смыслъ, и тонъ упречный и нѣсколько самохвальный этихъ словъ показываетъ, что Марья Павловна сознаетъ законность своихъ требованій, увѣрена въ непреложности своей тактики, что она знаетъ что дѣлаетъ; — это залогъ успѣха.

На замѣчаніе Марьи Павловны, Веретьевъ усмѣхнулся.

«— Маша, выньте изъ-за спины, дайте мнѣ вашу руку, проговорилъ онъ съ ласковой вкрадчивостью въ голосѣ.

«Марья Павловна только плечомъ пожала.

«— Дайте мнѣ вашу красивую, честную руку, мнѣ хочется облобызать ее почтительно и нѣжно. Такъ вѣтренный ученикъ лобызаетъ руку своего снисходительнаго наставника.

«И Веретьевъ потянулся къ Марьѣ Павловнѣ» (стр. 334 и 335).

Судя по началу, можно было ждать больше уваженія къ Марьѣ Павловнѣ со стороны Веретьева, а выписанныя слова свидѣтельствуютъ, что онъ вовсе и не думаетъ принимать серьезно разговоровъ Марьи Павловны; онъ вовсе непохожъ на человѣка выслушивающаго отъ друга горькую истину; онъ любуется граціей Марьи Павловны, его гораздо болѣе занимаетъ мысль о наслажденіи прикоснуться губами къ красивой, мягкой ручкѣ Марьѣ Павловнѣ и тому подобныя вещи.

Далѣе разговоръ идетъ въ томъ же тонѣ: Марья Павловна предлагаетъ подумать о будущемъ, перестать смѣяться и шутить и т. д., а Веретьевъ отвѣчаетъ, что шутить лучше чѣмъ серьезничать, что они еще оба молоды, что незачѣмъ загадывать о будущемъ, что нужно радоваться жизни и пользоваться ею. Онъ полунебрежно говоритъ съ Марьей Павловной и все время проситъ ее или улыбнуться, или дать ручку поцаловать. Такое странное обращеніе во время серьезнаго разговора заставляетъ заподозрить, не выказала ли себя Марья Павловна со стороны безтолковости, не потому ли Веретьевъ не слушаетъ Марьи Павловны, что привыкъ слышать отъ нея нравственныя сентенціи, проповѣдуемыя бездоказательно, безъ толку.

«— Когда вы говорите, Маша, возразилъ Веретьевъ — вы безпрестанно краснѣете отъ самолюбія и стыдливости, кровь такъ и приливаетъ алымъ потокомъ въ ваши щеки, я ужасно это люблю въ васъ.

«Марья Павловна взглянула прямо въ глаза Веретьеву.

«— Прощайте, промолвила она, и накинула шарфъ себѣ на голову.

«Веретьевъ удержалъ ее.

— Полноте, полноте, подождите! воскликнулъ онъ. Ну, что вы хотите? Приказывайте! Хотите вы, чтобы я поступилъ на службу, сдѣлался агрономомъ, хотите, чтобы я издалъ романсы съ аккомпанементомъ гитары, напечаталъ бы собраніе стихотвореній, рисунковъ, занялся живописью, ваяньемъ, плясаньемъ на канатѣ,—все, все я сдѣлаю, все, что прикажите, лишь бы вы были мною довольны! Ну, право же, Маша, повѣрьте мнѣ.

«Марья Павловна опять взглянула на него.

«— Все это вы только на словахъ, не на дѣлѣ» (стр. 335 и 336) Оказывается, что Веретьевъ имѣлъ право предполагать въ Марьѣ Павловнѣ непониманіе того, что она требуетъ отъ него. Изъ ея словъ видно, что она останется вполнѣ довольна, если Веретьевъ займется, напримѣръ, изданіемъ собранія стихотвореній. Ей кажется необходимымъ не пополненіе внутренней пустоты для человѣка, не духовная жизнь, а занятіе, какое бы то ни было. Конечно, полезно занять чѣмъ нибудь празднаго человѣка: не блажитъ въ это время, да вѣдь кончитъ онъ этотъ трудъ когда-нибудь,—чтожь потомъ-то? Предоставленный самому себѣ, онъ вернулся бы на прежнюю дорогу, а подъ руководствомъ Марьи Павловны онъ издастъ романсы съ аккомпанементомъ, потомъ сдѣлается на время агрономомъ, потомъ изваяетъ статую Венеры, напоминающую Марью Павловну; время-то вотъ и убито. А ужь если въ чиновники поступитъ, такъ тогда заботливая Марья Павловна обезпечена на всю жизнь.

«Вы увѣряете, что слушаетесь меня!» Отъ этой фразы какъ-то невольно коробитъ. Признаться сказать, мы не стали бы добиваться, чтобъ насъ слушались, а постарались бы убѣдить несогласнаго съ нашимъ взглядомъ на жизнь; оно и вѣрнѣе, да и для самолюбія не такъ обидно. Для Марьи Павловны достигнуть этого было, конечно, нѣсколько трудно, потому что она сама хорошенько не понимала, чего ей хочется: ей, видите ли, просто не нравится, что Веретьевъ сидитъ сложа руки, ну она и хочетъ дать ему какую нибудь побрякушку, а зачѣмъ тутъ приплелись заботы о будущемъ — это она и сама вѣроятно не выяснила. Къ чему приводитъ бездоказательная система, система послушанія, Марья Павловна узнала: нѣсколько далѣе она сама сознается, что всѣ усилія передѣлать Петра Алексѣича были безплодны. Отчего же она не подумала о другихъ средствахъ, а упорно твердила одно и то же, требуя, чтобъ ее слушались? Отвѣтъ одинъ: оттого что привыкла повторять разныя истины съ чужихъ словъ, оттого что не позаботилась прежде всего выяснить себѣ того дѣла,

за которое бралась, оттого что она сама небрежна къ себѣ и не думала, что ея безтактность и безтолковость вредятъ ей, роняютъ ее. Судя по этой чертѣ ея права, можно заранѣе поручиться, что также безплодны будутъ ея усилія убѣдить Петра Алексѣича въ чемъ нибудь другомъ. Отъ ея требованія будетъ пахнуть рутиной, преданьемъ, она не пріищетъ доводовъ подкрѣпить свои слова. Такъ, дѣйствительно, и оказывается: Марья Павловна очень долго упрашиваетъ Веретьева не пить вина, и совершенно безплодно: тотъ только подсмѣивается. Здѣсь ужь перевѣсъ рѣшительно на сторонѣ Веретьева: у него хоть какіе нибудь есть доводы, а у Марьи Павловны ровно никакихъ. Его не собьешь тѣмъ, что медицина не совѣтуетъ пить, потому что отъ этого и здоровье разстроивается, и умственныя способности слабѣютъ. Онъ уже угомонился, надломился и дорожитъ жизнью только съ точки зрѣнія комфорта. «Это твоя погибель, а ты шутишь, говоритъ ему сестра.

«Хлопецъ сѣе жито, жинка каже макъ.»

запѣлъ ей въ отвѣтъ Веретьевъ.

Поэтому, послѣ упрека Марьи Павловны въ томъ, что онъ не исполнилъ ея просьбы — не пить вина, у нихъ происходитъ такой разговоръ.

«— Эхъ Маша, Маша! И вы туда же! Сестра моя тоже объ этомъ убивается. Да, во-первыхъ, я вовсе не пьяница; а во-вторыхъ, знаете ли вы, для чего я пью? Посмотрите-ко вонъ на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда его и броситъ! Вонъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка.... Швыряй себя куда хочешь, несись, куда вздумается....

«— Да къ чему же это? перебила Маша» (стр. 336).

Она, какъ видите, думаетъ, что можно обойтись и безъ этого швырянія себя куда хочешь; вы думаете, что это ея убѣжденіе, что она докажетъ неосновательность его желаній? — Отнюдь нѣтъ.

«— Какъ къ чему? спрашиваетъ Веретьевъ. — Изъ чего же тогда жить?»

Отвѣтъ этотъ ничего не поясняетъ, потому что само собою ясно, что если человѣкъ ставитъ себѣ какую нибудь цѣль, то потому, что считаетъ ее или пріятною, или полезною. И потому вопросъ, предложенный Марьей Павловной, слѣдовало считать тогда разрѣшеннымъ, когда Веретьевъ объяснилъ бы, почему эту цѣль онъ считаетъ для себя полезною; но Марья Павловна удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, признала справедливость неизвѣстныхъ ей доводовъ и усмири-

лась только насчетъ средствъ къ достиженію этой цѣли. Дѣло, значитъ, выигралъ Веретьевъ.

Затѣмъ разговоръ переходитъ къ другимъ предметамъ: открывается, что Веретьевъ не въ одинаковой степени любитъ вино и Марью Павловну, хотя симпатизируетъ обоимъ по одному и тому же поводу, то есть потому что страсть тоже даетъ человѣку средства забыться и швырять себя куда ни попало; — отсюда прямо переходъ къ глазкамъ, зубкамъ, ручкамъ, въ которыхъ силу чувствуешь (?). Потомъ Веретьевъ присѣлъ на корточки и представилъ зайца, когда онъ утираетъ мордочку; — Марья Павловна не выдержала и засмѣялась, а немного спустя прочла Анчара, въ которомъ съ особеннымъ чувствомъ продекламировала слова:

«И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки....»

Словомъ — свиданіе, начавшееся высокою трагедіею, перешло въ мѣщанскую комедію, и окончилось къ обоюдному удовольствію балетомъ. Гроза, скопившаяся надъ головою Веретьева, миновала благополучно, не разбивъ и не уничтоживъ ничего. Мы остановились на этомъ объясненіи, потому, во-первыхъ, что умственное направленіе человѣка видно въ каждомъ его шагѣ, а во-вторыхъ, это свиданіе играло большую роль въ судьбѣ Марьи Павловны; дѣло, за которое она стояла, было, по ея мнѣнію, вопросомъ жизни или смерти, и потому можно было ожидать, что Марья Павловна употребитъ всѣ силы на успѣшное веденіе его; подобныя объясненія начинались не одинъ разъ. Это обстоятельство, въ особенности если всѣ объясненія носили на себѣ одинаковый характеръ, должно было навести Веретьева на мысль о крайней безхарактерности и безцвѣтности Марьи Павловны. Постоянное тверженіе однихъ и тѣхъ же правилъ нравственности бездоказательно, съ требованіемъ соглашенія съ ними въ силу любви и желанія угодить ей, какая-то безжизненность ея стремленій, все это должно было привести рано или поздно къ разрыву. Веретьевъ начиналъ скучать жизнью, ему нужно было обновленіе, нужно было возбудить внутри его самого потребность любви, привязать къ себѣ, сдѣлать свое общество необходимымъ для него, и тогда можно было ждать успѣха въ его перевоспитаніи. Марья Павловна требовала отъ него жертвъ, не возбудивъ къ себѣ уваженія, и должна была оттолкнуть его черезъ это. Такъ что Веретьевъ, который прежде колебался, не зная, что лучше дѣйствуетъ для самозабвенія, вино или бесѣда Марьи Павловны, окончательно убѣдился, что въ его положеніи вино гораздо дѣйствительнѣе общества Марьи Павловны: онъ спился. Пораженная Марья Павловна долго грустила о погибшемъ Веретьевѣ,

чахла и сохла все болѣе и болѣе и наконецъ рѣшилась покончить съ жизнію.

И безслѣдно прошла жизнь Марьи Павловны, а въ натурѣ ея было много симпатичныхъ сторонъ, было много любви и добра. Сознаніе подобнаго безсилія дѣйствуетъ разрушительнѣе внѣшнихъ, постороннихъ препятствій; оно болѣзненно отзывается въ сердцѣ, и если не всѣхъ ведетъ къ такому очевидному выраженію своего душевнаго состоянія, то очень многихъ приводитъ къ состоянію задавленныхъ личностей и медленно подтачиваетъ въ теченіе всей жизни. Такимъ лицамъ суждена роль забитыхъ, безцвѣтныхъ существъ. Они едва ли возбудятъ въ комъ нибудь прочную къ себѣ любовь, а быть только симпатичнымъ лицомъ еще, право, не много. Въ домѣ отца своего она будетъ пятымъ колесомъ, терпимымъ существомъ. Возродившаяся къ ней привязанность лица посторонняго почти навѣрно ослабнетъ послѣ нѣсколькихъ вмѣстѣ проведенныхъ мѣсяцевъ, а если обстоятельства растянутъ любовь на годъ или около, и увѣнчаютъ ее бракомъ, то бракъ этотъ едва ли будетъ счастливый, и поведетъ или къ разрыву, ссорамъ, семейнымъ непріятностямъ, или при слабости характера мужа къ обязательной любви закрѣпится гнилыми нитками. Конечно, исходъ можетъ быть и лучше; женщина этого рода выйдетъ замужъ за негодяя, который не станетъ искать идеаловъ въ семейной жизни, и не будетъ страдать отъ такого союза и, слѣдовательно, не будетъ возмущать совѣсти своего супруга, — но такого брака вѣроятно никто себѣ не желаетъ, и всякій отстраняетъ отъ себя мысль о возможности его.

Подобные случаи вовсе не рѣдкость, и мы приведемъ далѣе еще нѣсколько въ подобномъ родѣ; они будутъ повторяться очень часто и въ будущемъ времени съ тѣми женщинами, которыя, увлекшись современностью, не разглядятъ, что на знамени современности написаны слова: «уваженіе личности». И напрасно будутъ приводиться ими оправданія себѣ, заключающіяся въ маломъ образованіи, въ неспособности, въ злокачественности среды и т. п. обстоятельствахъ. Въ томъ мало отвращенія къ гадости, кто хнычетъ отъ того, что запачкался въ ней и не движется, чтобъ выпутаться изъ нея, а ждетъ, когда эта грязь сама сойдетъ съ него; въ томъ мало уваженія къ себѣ, кто послѣ неудачъ останавливается въ борьбѣ и объявляетъ себя безсильнымъ. Еще менѣе основательно сваливаніе всей вины на недостатки образованія; не знаній требуетъ жизнь, а разсудка.

Бѣлинскій, какъ разсказываютъ, былъ неучъ, а онъ воспиталъ нашихъ предшественниковъ, воспиталъ наше поколѣніе.

Конечно, всѣ не могутъ сдѣлаться Бѣлинскими; но имѣть убѣжденія и дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ вовсе не трудно, а от-

ступленіе отъ этого рѣшительно роняетъ человѣка, и составляетъ его несчастіе.

Прослушайте другой разсказъ, и въ немъ увидите тѣ же отличительныя черты, убѣдительно говорящія за свою несостоятельность.

Въ немъ говорится о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ жизни Софьи Золотницкой. Авторъ описываетъ ее слѣдующими словами: «при всей ея сухости, при недостаткѣ живости и воображенія, въ ней была своего рода прелесть, прелесть прямодушія, честной искренности и чистоты душевной. Въ домѣ знали ее за дѣвушку съ характеромъ. «По старшей сестрѣ пошла, по Катеринѣ», говорила про нее ея матушка. «Вы ее не знаете (старшей сестры), она на Кавказѣ, замужемъ. Тринадцати лѣтъ, представьте, влюбилась въ своего теперешняго мужа, и тогда же намъ объявила, что за другаго не пойдетъ. Ужь мы что ни дѣлали — ничего не помогло!... До двадцати-трехъ лѣтъ ждала, отца прогнѣвила, и пошла-таки за своего идола. Долго ли до грѣха и съ Сонечкой! Сохрани ея Господь отъ такого упрямства! А боюсь я за нее: вѣдь ей только шестнадцать лѣтъ минуло, а ужь ея не переломишь....» (Тургеп. III, стр. 149). Дѣвушка эта любила Асанова, и вышла за него замужъ. Какъ провели они время, когда жили вмѣстѣ—намъ неизвѣстно. Отношенія Софьи къ мужу, въ повѣсти Тургенева отодвинулись на второй планъ, потому что онъ былъ занятъ Пасынковымъ; и мы встрѣчаемся съ Софьей уже спустя лѣтъ девять послѣ брака. Оказывается, что она не живетъ съ мужемъ, про котораго разсказывали въ обществѣ, что онъ пристрастился къ винѣ, картамъ, сталъ кутить, разорился. Правда, и до сватьбы было извѣстно, что онъ не прочь повеселиться и подъ пьяную руку показываетъ письма, писанныя къ нему любившею его женщиной; но Софья не вѣрила этимъ разсказамъ и считала ихъ клеветою. Какъ бы то ни было, потомъ ей представлялась возможность узнать и оцѣнить своего мужа, если она, какъ и всѣ смертные, не задавала себѣ этого труда въ теченіе перваго знакомства. Мы не знаемъ, узнала ли она мужа, пыталась ли вліять на него благотворно, или нѣтъ, вслѣдствіе чего она разъѣхалась съ мужемъ, — въ повѣсти мало данныхъ для уясненія этого. Во всякомъ случаѣ они разъѣхались. Разрывъ связи съ мужемъ не легко достался для Софьи: она любила его, вѣрила въ него, и оттого-то въ обществѣ «о его (Асанова) женѣ отзывались съ уваженіемъ...», какъ свидѣтельствуетъ разскащикъ, и ей сочувствовали. Въ этомъ сочувствіи было, навѣрное, много пристрастнаго; но оно не могло быть совершенно безъ основанія: она страдала и ее слѣдовало сожалѣть. А между тѣмъ вглядитесь въ характеръ Софьи, и вы увидите, что въ немъ было много задатковъ къ доброму вліянію, и такая дѣвушка, какъ Софья, не должна бы пройти

безслѣдно, не должна бы быть несчастна, даже при сближеніи съ человѣкомъ дурнаго права.

Выше мы привели уже выписку изъ разсказа о характерѣ Софьи. Замѣтимъ къ этому, что мы не совсѣмъ согласны съ разскащикомъ въ его взглядѣ на Софью: ему покалось, что она суха; а изъ дальнѣйшаго разсказа оказывается, что она сильно любила въ это время Асанова, не хотѣла открывать постороннимъ лицамъ этой привязанности и тщательно таила ее въ себѣ. Находясь постоянно на сторожѣ, чтобъ не обнаружиться, она принуждена была избѣгать всѣхъ тѣхъ движеній, которыя исходятъ изъ души, и это состояніе, при сильной волѣ и умѣньи владѣть собою, должно было показаться постороннему—сухостью. Эта женская черта всѣмъ хорошо извѣстна, и вы часто услышите отъ старыхъ и опытныхъ холостяковъ, что съ такими повидимому холодными дѣвушками всего опаснѣе шутить. Отъ нихъ всего скорѣе можно ждать энергическихъ дѣйствій въ пользу ихъ любимца, которыхъ такъ боятся холостяки. Въ Софьи были всѣ задатки, необходимые для полезнаго существованія человѣка: любовь, доходящая до страстности, сосредоточенность и большая сила воли. Любовь, думали мы, воодушевитъ на жертву, на трудъ; сосредоточенность ручается, что цѣль этихъ трудовъ не будетъ пуста, что пути будутъ выбраны вѣрные, твердый характеръ отклонитъ всѣ препятствія, поддержитъ въ трудные минуты. Надежды наши не сбылись. Софья не поддержала Асанова; не избавила его отъ паденія, а прошла безслѣдно, не отмѣтивъ своего съ нимъ сожительства добрымъ вліяніемъ. Можетъ быть, она пыталась передѣлать Асанова, тѣмъ болѣе, что этого требовали ея собственные интересы; можетъ быть между ними произошло нѣсколько душу раздирающихъ сценъ съ обмороками, слезами и другими сильными изъявленіями чувствъ; можетъ быть она дѣйствовала и какъ нибудь иначе, но во всякомъ случаѣ ея попытки оказались безплодны и не остановили, а усилили пороки Асанова. Значитъ, было со стороны Софьи или совершенное непониманіе дѣла, или нелогичность, или совершенная безпечность. Мы не успокоимся, конечно, на томъ отвѣтѣ, что Асановъ былъ неисправимъ, что съ нимъ ничего нельзя было сдѣлать, и наученные Марьей Павловной отвѣтимъ, что это нельзя было для Софьи, потому что она не дала себѣ труда серьезно обдумать дѣла, за которое бралась, нельзя было потому, что она руководясь воспоминаніями о томъ, какъ ея маменька учила ее благонравію и приличію, думала, что передъ нею стоитъ такой же ребенокъ, какимъ сама была нѣкогда, что онъ такъ же обязанъ любить ее и слушаться, какъ нѣкогда она была обязана питать эти похвальныя чувства къ своей маменькѣ, — и очень естественно ошиблась въ разсчетѣ. Потерпѣвъ неудачу, она стала въ

обществѣ въ положеніе невинно-гонимаго существа, она возбуждала сожалѣніе къ себѣ и кажется, мало по малу, привыкла смотрѣть на себя съ этой же точки зрѣнія, нисколько не подозрѣвая унизительности этихъ сожалѣній. Это успокоеніе Софьи, это сохраненіе уваженія къ ней со стороны общества могутъ свидѣтельствовать о томъ, что подобные факты не возбуждаютъ ничьего удивленія, кажутся совершенно возможными случаями и слѣдовательно говорятъ, что подобное отсутствіе уваженія къ себѣ встрѣчается часто. Грѣхи противъ своего человѣческаго достоинства, которые должны бы причинять нравственную боль, заставить энергично отрѣшиться отъ своего уродства, пропускаются нами безъ вниманія, или встрѣчаются, какъ явленія неизбѣжныя, какъ вещь, которая такъ и должна быть при настоящей обстановкѣ нашей жизни. Когда же это нравственное уродство приведетъ погрѣшившую къ болѣе или менѣе сильнымъ непріятностямъ, тогда только судьба ея возбудитъ участіе, тогда будутъ сожалѣть ее. О причинѣ этихъ несчастій никто не подумаетъ и не возмутится душою на свое несовершенство.

Женщинамъ нашего поколѣнія, серьезно задумавшимъ улучшенія своего положенія въ семьѣ и обществѣ, слѣдовало бы не упускать изъ виду этой стороны дѣла. Онѣ не должны увлекаться внѣшностью, не должны останавливаться на пустякахъ, и сдѣлаютъ лучше, если, съ разрушеніемъ стѣнъ бастиліи, дадутъ средства и возможность колодинку жить своею жизнью, идти своею дорогою, побуждаясь своею свободною натурою. Рѣшившись не пренебрегать своею личностью, сдѣлавшись строгими къ самимъ себѣ—онѣ пріобрѣтутъ внутри себя сознаніе своей равноправности и уже не будутъ просить себѣ милостей, не будутъ ждать своего возвышенія отъ помощи и щедротъ старшихъ, а найдутъ въ себѣ силу требовать отъ брата, отца, мужа и кого бы то ни было не стѣсненія себя, а предоставленія полной самостоятельности. Безъ этого условія всѣ честныя побужденія приведутъ къ заявленію мнѣній и не болѣе: практическій результатъ отъ нихъ едва ли получится. Правда, могутъ быть полууступки, но онѣ будутъ народіями на право и скорѣе будутъ напоминать милость барина, говорящаго «вы» старику лакею за выслугу имъ узаконенныхъ 30 лѣтъ. Право вытекаетъ изъ духовной натуры человѣка, а все, что дается извнѣ, — есть награда, и можетъ быть отнята по произволу дающаго.

Убѣдившись, крѣпко убѣдившись въ своихъ правахъ, женщины навѣрно придутъ къ побѣдѣ, потому что—если можно оставлять безъ вниманія просьбы, то отнюдь нельзя не обратить вниманія на требованіе. Оставаться же съ прежнимъ взглядомъ на себя нельзя, и далѣе мы укажемъ перспективу жизни тѣхъ личностей, которыя останутся

небрежны къ самимъ себѣ,—выбирая случаи, когда онѣ не попадали въ руки деспотовъ, то есть беря самыя выгодныя условія, и посмотримъ, какъ такая жизнь будетъ отражаться на тѣхъ, кто будетъ поставленъ обстоятельствами недалеко отъ подобнаго рода лицъ.

II.

Исторія молодости почти у всѣхъ насъ одинакова. Окончивши воспитаніе въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, мы вступаемъ въ общество совершенно не подготовленные къ жизни, вовсе не понимая ее. Мы слышали, что много зла совершается въ этой жизни, что есть какая-то злополучная судьба, гнетущая всѣхъ, что есть среда заѣдающая и губящая всѣхъ, и что много людей погибло отъ нея. Горе брата принимается тогда съ болью въ собственной груди: его несчастіе—твое несчастіе; и потому послѣ этихъ разсказовъ хочется обнять его, утѣшить, успокоить, стать его другомъ, защитникомъ. Горячо бьется сердце въ эту пору, будущая жизнь представляется какъ побѣдоносная борьба за правду, за угнетеннаго брата. И думается тогда, что твое поколѣніе призвано примирить людей съ жизнью, что ты живешь на рубежѣ двухъ вѣковъ, что заря счастливой жизни уже занимается и скоро освѣтитъ землю яркимъ и теплымъ свѣтомъ. Много вокругъ тебя будетъ твориться неправды, много людей будутъ стараться втянуть тебя въ свой кругъ, чтобъ втоптать потомъ въ грязь; но ты не наложишь на себя пятна, тебя не сломитъ успокоивающая философія, ты пройдешь честно свой путь, поселяя всюду любовь и справедливость. Тебя не смутитъ боязнь, что твоя жизнь пройдетъ не между розъ и фіалокъ, что не сытно ты будешь ѣсть и не мягко спать; въ замѣнъ всего этого у тебя будетъ спокойная совѣсть, кругъ близкихъ твоему сердцу людей и любящее тебя семейство. Здѣсь найдешь ты успокоеніе послѣ трудовъ, здѣсь встрѣтишь утѣшеніе послѣ тяжелой борьбы, здѣсь успокоятъ и поддержатъ тебя, когда посѣтятъ тебя невзгоды, и здѣсь благословятъ тебя на новую борьбу. Идеалъ твой — другая жизнь, а не та, какою жили твои предшественники. Что въ жизни тѣхъ людей, которые равнодушны къ горю другихъ людей, которые замкнулись въ тѣсный кружокъ и не хотятъ знать никого другаго? Такая жизнь постыдна и не достойна человѣка. Она говоритъ о нравственномъ усыпленіи его, свидѣтельствуетъ объ упадкѣ силъ. Погрузиться въ нее, все равно, что преждевременно лечь въ могилу. Мы не будемъ жить такъ, мы не откажемся отъ своихъ лучшихъ стремленій, не уступимъ своихъ надеждъ и будемъ

бороться съ тѣми, кто станетъ поперегъ дороги, бороться, пока хватитъ силъ.

Борьба эта не пройдетъ даромъ, и мы оставимъ за собою добрую о насъ память нашихъ дѣтей и внуковъ.

Увлекающаяся молодость забываетъ, что теперешніе антагонисты ихъ такъ же краснорѣчиво мечтали, когда лѣтъ 40 или 30 тому назадъ были сами молоды.

Чѣмъ мы кончаемъ, — это большей части хорошо извѣстно: тяжелыя обстоятельства, грустная необходимость, заѣдающая среда, и проч. и проч. Въ числѣ этихъ прочихъ не малую долю занимаетъ сообщество женщинъ. Какъ ни кажется рѣзко подобное обвиненіе, но оно справедливо. Всмотритесь, напримѣръ, въ случай, разсказанный Тургеневымъ въ повѣсти «Андрей Колосовъ». Случай этотъ очень жизненный, подобныя вещи повторяются часто.

Живетъ дѣвушка очень добрая и милая. Съ ней встрѣчается молодой человѣкъ, знакомится; они проводятъ вмѣстѣ вечера, читаютъ русскихъ авторовъ, толкуютъ и мало-по-малу между ними устанавливаются болѣе и болѣе близкія отношенія. Казалось бы все идетъ хорошо; но спустя нѣсколько времени, молодой человѣкъ, Колосовъ, начинаетъ охладѣвать къ ней и наконецъ бросаетъ ее. Въ то же время, другъ этого молодаго человѣка, посѣщавшій вмѣстѣ съ нимъ ея домъ, все болѣе и болѣе привязывается къ ней, несмотря на полное равнодушіе Вари, и когда Колосовъ оставляетъ ее, онъ не безъ рыцарскаго самоотверженія предлагаетъ ей свою руку, надѣясь, что, благодаря отсутствію соперника, онъ съумѣетъ завоевать себѣ счастье. Но не прошло и недѣли съ полученія согласія, какъ онъ самъ испугался мысли о бракѣ и прервалъ съ Варей всѣ сношенія.

Чтобъ понять смыслъ и найти разгадку этой будничной сцены, мы заглянемъ въ душу дѣйствующихъ лицъ.

Колосовъ, по словамъ разскащика, былъ свѣтлая личность. Онъ не блисталъ обширными свѣдѣніями, не отличался, повидимому, сильнымъ характеромъ, но былъ такъ симпатиченъ, что скоро привязывалъ къ себѣ товарищей и дѣлался для нихъ совершенно необходимъ. Вліяніе его общества было смягчающее, успокоивающее. Варя, встрѣтясь съ нимъ, тоже вся отдалась ему. «Она до того жила его жизнью, до того была проникнута имъ, что не замѣтно перенимала его привычки, также взглядывала, также смѣялась, какъ онъ» (Тург., стр. 11—14).

Варя была существо очень обыкновенное. Мягкость характера, граціозная простота, нѣсколько туманная поэтичность, сердце способное любить, — какъ видите, всѣ атрибуты нашего прошлаго женскаго идеала. Разскащикъ, посѣщавшій домъ ея родныхъ одновре-

менно съ Колосовымъ, постоянно упивался ею, когда она возвращалась въ общую комнату послѣ бесѣды съ Колосовымъ: румянецъ горѣлъ на ея щекахъ, глаза блестѣли, грудь подымалась высоко—и видно было, что она была увлечена этою бесѣдою, что не сидѣла хладнокровно во время рѣчи Колосова. Сладко было ей слушать страницы Пушкина, уноситься мечтою въ даль и создавать другой, идеально-чистый миръ. Но авторы прочитаны, изъ-за нихъ глянула голая, сухая дѣйствительность, струна порвалась: имъ нечего уже было дѣлать вмѣстѣ—и они стали расходиться. Колосовъ оставилъ ее, забылъ, а она и тогда вспоминала о сладкихъ минутахъ, проведенныхъ вмѣстѣ, лелѣяла милый для нея образъ. Сколько страданій перенесла она въ это время отъ сознанія, что ею пренебрегли, что любовь ея отвергнута и отвергнута лучшимъ человѣкомъ, какого она только знала! Что стало съ ней потомъ, — неизвѣстно, и для насъ это не важно. Случай, какъ видите, очень обыкновенный: мы къ нимъ привыкли.

Гдѣ же причина такой развязки? Отчего бы, кажется, не любить такое существо, какъ Варя? Колосовъ самъ былъ не въ состояніи отдать себѣ отчетъ какъ это случилось. «Я пересталъ ходить къ ней по весьма простой причинѣ, — я разлюбилъ ее, говоритъ онъ. — Да отчего же? отчего? — А богъ-знаетъ отчего, отвѣчаетъ онъ». Намъ кажется, что это произошло оттого, что въ ихъ натурахъ была существенная разница: она — воплощенное мягкосердечіе, и больше ничего; онъ, прежде всего, живой человѣкъ. Соня, флегма, едва ли можетъ пріобрѣсти себѣ общую любовь, едва ли пріобрѣтетъ вѣсъ въ глазахъ кружка, едва ли будетъ способна примирить членовъ его, связать ихъ, вести вмѣстѣ. Колосовъ долженъ былъ переживать радости и горе товарищей, чувствовать ихъ нужды и заботы; онъ несъ свои думы и тамъ встрѣчалъ то сочувствіе, какое оказываютъ влюбленныя барышни героямъ прочитанныхъ романовъ. «Какъ онъ несчастливъ, какъ онъ страдалъ бѣдный», говорятъ онѣ и немного спустя прибавляютъ, — но оставимъ ихъ, намъ хорошо, мы счастливы: взгляни, какъ роскошно распустило свои листья это дерево, какъ манитъ оно подъ свою тѣнь... или что нибудь въ этомъ родѣ. Варя принадлежала къ существамъ подобнаго сорта—была способна именно къ такой любви. Вотъ какъ рисуетъ ее авторъ: «Варя была дѣвушка очень обыкновенная. Мнѣ нравилась ея тихая улыбка, я любилъ ея простодушно звонкій голосокъ, ея легкій и веселый смѣхъ, ея внимательные, хотя совсѣмъ не глубокіе взоры. Этотъ ребенокъ не обѣщалъ ничего, но вы любовались имъ» (стр. 13). Любовь живаго человѣка къ молчаливо-покорной личности, какъ Варя, не могла быть продолжительна, потому что въ ней нѣтъ содержанія, нѣтъ жизни: она спитъ безмятежно. И дѣйствительно, Колосовъ утомился и сладкими

рѣчами, и нѣгой, и страстью, и другими пріятными атрибутами женской любви, и послѣ того разомъ прервалъ знакомство.

Какія же были послѣдствія этой любви для того и для другаго? Мы отвѣтимъ на это словами бѣлокураго разскащика.

«Она до того жила его жизнью, до того была проникнута имъ, что не замѣтно перенимала его привычки, также взглядывала, также смѣялась, какъ онъ». Далѣе. — «Этотъ человѣкъ до того завладѣлъ ею, что она, какъ будто, не принадлежала самой себѣ: я тщетно старался возбудить ея гордость.... Она или молчала, или говорила, и какъ? болтала о Колосовѣ (стр. 23). Я знаю, что онъ меня теперь ужь не любитъ, повторяла она:—Богъ съ нимъ! Я не могу придумать, какъ мнѣ жить безъ него. Чтожь мнѣ дѣлать, чтожь мнѣ дѣлать?» (стр. 18).

Колосовъ читалъ съ нею, говорилъ и, какъ видите, добился того, что сталъ для нея необходимъ: онъ пріобрѣлъ въ ея глазахъ вѣсъ, она хотѣла жить такъ, какъ жилъ онъ (хотя и остановилась на перениманіи привычекъ).

А самъ Колосовъ? — «Колосовъ не утратилъ своей свободы; въ ея отсутствіи онъ, я думаю, и не вспоминалъ объ ней; онъ былъ все тѣмъ же безпечнымъ, веселымъ, счастливымъ человѣкомъ, какимъ мы его всегда знавали» (стр. 14).

Значитъ, общество Вари не принесло Колосову никакой пользы, напротивъ того бесѣды Колосова возбудили Варю, и она готова была идти за нимъ, но какъ-то пассивно подлаживаясь подъ его складъ. Она совершенно стушевалась передъ нимъ, перенимала его привычки, но не заботилась работать надъ собою, чтобъ подняться до него. Когда послѣ разрыва ихъ сношеній, разсказчикъ, къ которому она не чувствовала ни малѣйшей привязанности, сталъ просить ея руки, говоря при этомъ: «я не требую отъ васъ любви, я хочу быть вашимъ защитникомъ, вашимъ другомъ» (стр. 24)—она согласилась ввѣриться этому защитнику невинно-угнетенныхъ. Въ этомъ рѣшеніи еще разъ видно, что Колосовъ не могъ сойдтись съ Варей, потому что искалъ въ женщинѣ существа независимаго, уважающаго себя. Когда разсказчикъ является къ нему въ качествѣ примирителя, Колосовъ объявляетъ ему, что онъ уже разлюбилъ Варю, и продолжаетъ: «Что жь? Ты мнѣ прикажешь притворяться, прикидываться влюбленнымъ—что ли? Да изъ чего? изъ жалости къ ней? Если она порядочная дѣвушка, такъ она сама не захочетъ такой милостыни; а если она рада тѣшиться моимъ... участьемъ, такъ чортъ ли въ ней?..»

Здѣсь, слѣдовательно, мы опять встрѣчаемся съ тою же безличностью и отсутствіемъ самостоятельности, которыя обрисовались въ женскихъ личностяхъ первыхъ разсказовъ. Варя слушаетъ чтеніе, но

какъ-то страдательно, не въ качествѣ собесѣдника, а въ роли запуганнаго ученика. Она имѣетъ мягкое сердце, и можетъ быть не прочь фактически заявить его существованіе, но такъ, чтобъ другіе указали ей цѣль, показали путь и повели подъ руку. Она восхищается Колосовымъ, жадно выслушиваетъ его рѣчи и исполняетъ это такъ покорно, что наконецъ надоѣдаетъ самому Колосову. Здѣсь царствуетъ неподвижность, мертвенность, боязнь сдѣлать шагъ. И эта черта довольно общая. Лица, имѣвшія дѣло съ молодымъ людомъ мужскаго и женскаго пола, говорятъ, что послѣднія рѣзко отличаются отъ первыхъ отсутствіемъ самодѣятельности. Они разсказываютъ, что если предоставить молодаго человѣка самому себѣ, дать ему самостоятельную работу, то онъ, хотя и напортитъ, а все таки сдѣлаетъ самъ. Напротивъ того, дѣвушка будетъ жаться, прятаться за другихъ. Это общее настроеніе происходитъ отъ какой-то боязливости, неувѣренности въ себѣ, доходящей до отчаянія. Скоро женщина сживается съ мыслію о невозможности для нея выйдти изъ этого положенія, слабая степень ея энергіи тухнетъ и такимъ образомъ она сама обрекаетъ себя на постоянно незамѣтную роль. Небреженіе къ себѣ, отсутствіе рѣшительнаго намѣренія работать надъ собою—ведутъ неизбѣжно къ успокоенію на своемъ безправіи и примиряютъ со многими оскорбленіями; тогда какъ уваженіе къ самому себѣ не допустило бы и самой мысли о возможности ихъ, побудило бы выискивать всѣ средства выбиться изъ обиднаго положенія и смѣло заявлять протестъ противъ всякаго притѣсненія.

Корень нашего неустройства лежитъ въ насъ самихъ. Мы представляемъ собою больнаго, который хандритъ и не хочетъ лечиться: другіе тутъ помочь не могутъ.

Это самоуниженіе не остается безъ дурнаго вліянія на другихъ. Колосовъ отчасти своимъ опытомъ, отчасти вслѣдствіе разсказовъ своихъ товарищей, убѣдится, что напрасно онъ будетъ искать себѣ друга въ женщинѣ, что она сама и не думаетъ войдти въ его домъ полноправною хозяйкою, а мечтаетъ вступить подъ его сѣнь. Убѣдившись въ этомъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ того идеала женщины, который составился въ его головѣ. Онъ женится, потому что ему опротивѣетъ наконецъ холостая жизнь, потому что увидитъ, что его хозяйство идетъ плохо безъ надзора вѣрнаго человѣка, что некому встрѣтить его, когда онъ ворочается домой усталый отъ трудовъ. О нравственной потребности сообщества тутъ не будетъ и рѣчи: онъ женится на извѣстной дѣвушкѣ не потому, чтобъ между ними установилась уже духовная связь, а потому, что ему пора жениться и невѣста удовлетворяетъ болѣе другихъ какимъ нибудь условіямъ. По невозможности дожидаться друга,—какого бы хотѣлось, поневолѣ

приходится выбирать лучшее изъ того, что есть. Отсюда происходитъ длинный рядъ недоразумѣній, объясненій, ссоръ и проч. и проч. Съ составленіемъ такого взгляда, зная, что впереди ждетъ подобная перспектива, человѣкъ начинаетъ падать духомъ, опускаться. Онъ тухнетъ, имъ овладѣваетъ апатія, онъ дѣлается равнодушнѣе къ окружающему. Надежды его поколеблены, въ средствахъ къ достиженію плановъ жизни оказывается недочетъ и ему остается выбрать одну изъ двухъ дорогъ: или обречь себя на холостячество, или рѣшиться завестись женою, какъ заводятся мягкою мебелью, хорошимъ поваромъ, вообще—вещами необходимыми для комфорта.

Можно также возражать противъ необходимости подчиненія этому вліянію тѣмъ доводомъ, что кто же велитъ оставаться въ такомъ обществѣ, сближаться съ такими людьми. Но такой доводъ будетъ слишкомъ эгоистиченъ, да кромѣ того многіе бываютъ такъ поставлены, что не имѣютъ возможности расширить кругъ знакомыхъ имъ людей и поневолѣ должны вращаться въ полудремлющемъ обществѣ. Наконецъ, въ массѣ развитыхъ людей все таки болѣе мужчинъ, чѣмъ женщинъ, и избытку первыхъ придется или дать обѣтъ безбрачія, или жениться на такихъ субъектахъ, какъ Варя, Марья Павловна и т. п.

Конечно, здѣсь, какъ и вездѣ, могутъ быть исключенія, но мы не будемъ распространяться о нихъ. Замѣтимъ только, что у насъ встрѣчается много счастливыхъ супруговъ, наслаждающихся своею семейною жизнью, но такою, что еслибъ въ молодости они увидѣли во что обратится ихъ жизнь, каково будетъ то семейство, въ которомъ они будутъ влачить свою жизнь, то ихъ вѣрно бы покоробило. Интересы ихъ стали мелочны, умственный горизонтъ ихъ съузился и съуживается все болѣе и болѣе и незамѣтно для самихъ себя они сходятъ на тотъ путь, по которому шли Обломовы, Толстогубы, Добчинскіе, Бобчинскіе и проч. Тогда явится любовь, выражающаяся въ заботахъ объ взаимныхъ угожденіяхъ, объ приготовленіи любимаго кушанья къ обѣду, въ хлопотахъ объ чистомъ бѣльѣ и т. д. И потечетъ тогда жизнь тихая, невозмутимая: свыкнется человѣкъ и не будетъ чувствовать ни толчковъ, ни пеньковъ, ни подводныхъ камней. Славная жизнь!

Или вотъ еще образчикъ счастливой жизни. Разсказана она въ повѣсти «Два пріятеля». Вязовнинъ, дѣйствующее лицо повѣсти, получилъ хорошее воспитаніе, слушалъ курсъ въ университетѣ, зналъ иностранные языки и былъ, слѣдовательно, человѣкомъ образованнымъ, какъ и всѣ мы. Сонливость уже одолѣвала его. «Онъ имѣлъ столичныя привычки: щеголялъ галстухами, мѣнялъ въ день два носовыхъ платка и т. под. и вообще былъ не изъ бойкихъ». Пріѣхавъ въ деревню, онъ скоро сжился съ незатѣйливою жизнью, обзавелся

другомъ-степнякомъ, съ которымъ водилъ назидательныя бесѣды въ слѣдующемъ родѣ.

«Въ первые дни своего знакомства съ Борисомъ Андреичемъ, Петръ Васильичъ почиталъ за долгъ и даже радовался случаю распрашивать сосѣда о столичной жизни, о наукѣ и образованности вообще... вообще о возвышенныхъ предметахъ; отвѣты Бориса Андреича занимали, часто удивляли его и возбуждали его вниманіе, но въ то же время причиняли ему нѣкоторую усталость, такъ что въ скорости всѣ подобные разговоры прекратились; да и самъ Борисъ Андреичъ, съ своей стороны, не обнаруживалъ излишняго желанія возобновлять ихъ. Случалось впослѣдствіи, и то изрѣдка, что Петръ Васильичъ спроситъ вдругъ Бориса Андреича, напримѣръ, о томъ, что, дескать, за вещь электрическій телеграфъ, и, выслушавъ несовсѣмъ ясное толкованіе Бориса Андреича, помолчитъ и скажетъ: «да, это удивительно»—и уже долго потомъ не любопытствуетъ ни о какомъ ученомъ предметѣ. Большею частію разговоры между ними происходили въ родѣ слѣдующаго: Петръ Васильичъ, напримѣръ, наберется дыму изъ трубки и, выпуская его черезъ ноздри, спроситъ:

«— А что это у васъ за новая дѣвушка? я на заднемъ крыльцѣ видѣлъ, Борисъ Андреичъ.

«Борисъ Андреичъ, въ свою очередь, поднесетъ сигарку ко рту, пыхнетъ раза два и, отхлебнувъ глотокъ холоднаго чаю со сливками, промолвитъ:

«— Какая новая дѣвушка?

Петръ Васильичъ нагнется нѣсколько въ бокъ и, глянувъ въ окно на дворъ, гдѣ собака только-что укусила босаго мальчика за икру, возразитъ:

«— Бѣлокурая такая... недурная.

— А! воскликнетъ, не много погодя, Борисъ Андреичъ: — это у меня новая прачка.

«— Откуда? спроситъ Петръ Васильичъ, словно удивившись.

«— Изъ Москвы. Въ ученьи была.

«И оба помолчатъ.

«— А сколько у васъ всѣхъ прачекъ, Борисъ Андреичъ? спроситъ опять Петръ Васильичъ, внимательно глядя на вспыхивающій съ сухимъ трескомъ табакъ, подъ нагорѣвшею золою въ трубкѣ.

«— Три, отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ.

«— Три. У меня только одна. И одной-то дѣлать почти нечего. Вѣдь у меня, вы сами знаете, какое мытье!

«— Гм! отвѣчаетъ Борисъ Андреичъ.

«И разговоръ прекращается на время» (Тург. т. III, стр. 60 и 61).

Въ одну изъ такихъ бесѣдъ, Петръ Васильичъ вздумалъ посовѣ-

товать Борису Андреичу, какъ человѣку образованному, вступить въ уланы, но это оказалось неудобоисполнимымъ, потому что для этого нужно поступить сперва въ юнкера, что не совсѣмъ прилично для возраста Бориса Андреича. Петръ Васильичъ, не долго думая, предложилъ взамѣнъ того жениться. Тутъ ничего неудобоисполнимаго не встрѣтилось, мысль понравилась Вязовнину и онъ поручилъ своему пріятелю пріискать ему невѣсту. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, находится семейство, гдѣ есть дочка, очень милое существо, которое понравилось Вязовнину. Она была изъ тѣхъ, которыя привязываютъ къ себѣ кротостью, располагающею простотою и другими очень цѣнимыми достоинствами, хотя въ сущности эти милыя существа почти всегда бываютъ очень недальняго ума. Вязовнинъ самъ былъ недалекъ, хотя и читалъ много, а потому они могли бы составить счастливую парочку, еслибъ Вѣрочка хоть не много позаботилась объ томъ, чтобъ привязать его къ себѣ, сдѣлать необходимымъ для Вязовнина свое существованіе. Онъ былъ непритязателенъ, разницы между ними почти не было, его образованность заключалась въ любви почитать, потолковать, — Вѣрочка даже и книги въ руки не взяла, а какъ въ дѣвушкахъ была погружена въ хозяйство, такъ и осталась, выйдя за мужъ. Она еще до брака, не надѣясь на свои силы и рѣшившись знать во что бы-то ни стало, говорила Вязовнину, что она ему не пара. И скоро Борисъ Андреичъ почувствовалъ, что ему не совсѣмъ ловко дома, сталъ скучать, тяготился семейною жизнью, ему опять понадобился Петръ Васильичъ, а Вѣрочка отодвинулась на второй планъ. Вязовнинъ ловилъ и цаловалъ ея руки, она улыбалась въ отвѣтъ ему, не знала что сказать, чѣмъ занять его и отправлялась варить кофе, который она умѣла приготовлять отлично. Вязовнинъ понималъ, отчего произошелъ разладъ.

«— Я ничего не нашелъ въ ней, говорилъ Борисъ Андреичъ.

«— Какъ ничего не нашелъ? Да развѣ ты ожидалъ отъ нея чего-нибудь необыкновеннаго? Ты въ ней нашелъ прекрасную жену! Вотъ что!

«— Это правда, торопливо возразилъ Вязовнинъ» (стр. 108).

У Вѣрочки хватило только духу грустить и плакать: «ее томила мысль, что она въ тягость мужу; она не жаловалась, не обвиняла его, она не требовала вовсе, чтобъ мужъ много занимался ею, или даже разговаривалъ.» Ссоръ между ними не происходило, но ихъ отношенія были натянуты: онѣ стѣсняли другъ друга и, несмотря на то, не сдѣлали ни шагу, чтобъ прекратить это неестественное положеніе. Источникъ его лежалъ опять такъ въ недостаткѣ уваженія къ себѣ, въ усыпленіи и успокоеніи своей неспособности. Фраза: «я вамъ не пара»—именно порождена этимъ пагубнымъ сознаніемъ законности

умственной дремоты, въ которую была погружена она до замужства. По всѣмъ вѣроятіямъ, она считала умственную жизнь привилегіею извѣстнаго класса людей и считала ее невозможною для себя, а потому и посторонилась отъ нея такъ тщательно.

И такъ счастливая жизнь имѣетъ за собою еще ту выгоду, что она хоть по крайней мѣрѣ откровенна, что она сонъ, но не тревожный, а тихій. Гораздо чаще встрѣчается другое житье, гдѣ отсутствіе движенія прикрыто хлопотами и безпокойствомъ для удовлетворенія своихъ интересовъ. Это чиновничья жизнь. Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, сюда относящихся, останавливаясь на указаніи: чѣмъ пополняется жизнь людей, изъ-за чего люди хлопочутъ.

«Непила Макарьевна совершенно завладѣла мужемъ, хозяйничала и распоряжалась всѣмъ имѣньемъ—весьма, впрочемъ, умно, во всякомъ случаѣ лучше самого Перекатова. Она не слишкомъ притѣсняла своего сожителя, но держала его въ рукахъ: сама заказывала ему платье и наряжала его по англійски, какъ оно и прилично помѣщику; по ея приказанію господинъ Перекатовъ завелъ у себя на подбородкѣ эспаньйолку для прикрытія большой бородавки, похожей на переспѣлую малину; Непила Макарьевна съ своей стороны объявляла гостямъ, что мужъ ея играетъ на флейтѣ и что всѣ флейтисты подъ нижней губой отпускаютъсебѣ волосы—ловчѣе держать инструментъ. Господинъ Перекатовъ съ утра ходилъ въ высокомъ, чистомъ галстухѣ, причесанный и вымытый. Впрочемъ, онъ былъ своею судьбою весьма доволенъ: обѣдалъ всегда очень вкусно, дѣлалъ что хотѣлъ и спалъ сколько могъ. Непила Макарьевна завела, какъ говорили сосѣди, у себя въ домѣ иностранный порядокъ, держала мало людей, одѣвала ихъ опрятно.» (Тург. II. Вреттеръ стр. 36).

Въ слѣдующемъ примѣрѣ обращено вниманіе больше на внутреннюю сторону человѣка. Вотъ какъ разсказываетъ Егоръ Капитонычъ о супругѣ:

«— Да, извѣстно, все мною недовольна: будто бы вы не знаете? Что я ни скажу, все не такъ, не деликатно, не прилично. А почему не прилично—Господь Богъ знаетъ. И барышни, дочери мои то есть, туда же, съ матери примѣръ берутъ. Я не говорю, Матрена Марковна прекраснѣйшая женщина, да ужь очень строга на счетъ манеръ.

— Да чѣмъ же ваши манеры дурны, Егоръ Капитонычъ, помилуйте?

— Я и самъ то же думаю, да видно ей угодить мудрено. Вчера, напримѣръ, говорю я за столомъ: Матрена Марковна (и Егоръ Капитонычъ придалъ голосу своему самое вкрадчивое выраженіе), Матрена Марковна, говорю я, что это, какъ Алдошка лошадей не бережетъ, ѣздить не умѣетъ, говорю; воронаго-то жеребца совсѣмъ закачало. И-хъ, Матрена Марковна: какъ вспыхнетъ, какъ примется стыдить меня:

выражаться ты, дескать, прилично не умѣешь въ дамскомъ обществѣ; барышни тотчасъ изъ-за стола повскакали, а на другой день бирюлевскимъ барышнямъ, женинымъ племянницамъ, уже все извѣстно. А чѣмъ я дурно выразился? посудите сами. И что бы я ни сказалъ, иногда неосторожно, точно: съ кѣмъ этого не бываетъ, особенно дома?— бирюлевскимъ барышнямъ на другой день уже все извѣстно. Просто не знаешь какъ быть. Иногда сижу я эдакъ, думаю съ своей манерой, — я, вы, можетъ знаете дышу тяжело, — Матрена Марковна опять меня стыдить примется: не сопи, говоритъ, кто нынче сопитъ! Что ты бранишься, говорю я, Матрена Марковна, помилуй, надо соболѣзновать, а ты бранишься. Ужь я теперь дома больше не думаю. Сижу и на низъ все такъ гляжу. Ей-богу. А то еще, на дняхъ, спать мы ложились; Матрена Марковна, говорю я, что ты это, матушка, своего казачка какъ избаловала, вѣдь онъ, говорю, поросенокъ эдакой, хоть бы въ воскресенье лицо-то вымылъ? Что жъ? вѣдь, кажется далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ, опять начала меня Матрена Марковна стыдить: не умѣешь, говоритъ, въ дамскомъ обществѣ держать себя, а на другой день бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно. Гдѣ ужь тутъ о выѣздахъ думать, Михаилъ Николаичъ?

— Это для меня удивительно, что вы говорить изволите, возразилъ Ипатовъ: — я этого не ожидалъ отъ Матрены Марковны, кажется, она....

— Прекраснѣйшая женщина, подхватилъ Егоръ Капитонычъ: — примѣрная, можно сказать, супруга и мать, насчетъ манеръ только строга. Говоритъ во всемъ нуженъ ансамбль, и будто его у меня нѣтъ? Я по французски, вы знаете, не говорю, такъ только понимаю. Но какой же это ансамбль, котораго у меня нѣтъ?

Ипатовъ, который самъ не больно былъ силенъ во французскомъ языкѣ, только плечами пожалъ». (Тург. II, стр. 307 и 308. Затишье).

Вотъ Неплу Макарьевну съ Матреной Марковной не упрекнешь въ недостаткѣ инициативы: онѣ въ этомъ отношеніи далеко успѣли.

Мы удовольствуемся этими двумя образчиками. Каждый видѣлъ, навѣрное, много такихъ случаевъ, и не будетъ ничего страннаго, если у него сложится не совсѣмъ выгодное для женщины мнѣніе. Подъ вліяніемъ впечатлѣнія отъ встрѣчъ съ Варей, Вѣрочкой и т. п., онъ будетъ относиться къ женщинѣ или какъ къ куклѣ, или какъ къ ребенку остановившемуся въ ростѣ, и не пойдетъ искать ея дружбы. Домъ мужа будетъ служить для нея богадѣльней, пріютомъ, больницей,—всѣмъ, чѣмъ хотите въ этомъ родѣ. Это признаніе рабства женщины будетъ первымъ шагомъ нравственнаго паденія мужа, но на этомъ онъ не остановится: за первымъ шагомъ большею частью слѣдуетъ второй.

Беззащитное положеніе жены, неспособность ея къ самодѣятельности приводитъ мужа къ сознанію взятаго имъ на себя черезъ супружество обязательства за обезпеченную и спокойную жизнь семьи. Онъ знаетъ, что еслибъ онъ лишился возможности сытно кормить и тепло одѣвать свою семью, то его ждетъ неудовольствіе, упрекъ, слезы и проч. и проч. Онъ не можетъ отвѣтить за мужество ихъ во время невзгодъ, и невольно склоняется къ тому, что свою семью ставитъ выше другаго люда: ея интересы затемняютъ другія обязательства — болѣе широкія, но менѣе осязательныя.

Такое состояніе общества, совершенно естественное, вызвало въ немъ снисхожденіе къ взяточникамъ и казнокрадамъ. Наша литература уже заявляла подобную мягкость характера. Въ обществѣ порой слышатся такія мнѣнія: иной и честенъ въ душѣ, а все таки воруетъ, потому что содержаніе, получаемое имъ на службѣ, не обезпечиваетъ его—онъ крадетъ по необходимости.

Эта мягкость характера была названа умѣньемъ сыскать человѣческія стороны и въ дурныхъ людяхъ. Противъ такого опредѣленія ничего не скажешь, но какъ странно то общество, въ которомъ человѣческія стороны приводятъ къ воровству и безчестію!

Та же боязнь за семейство побудитъ человѣка выслушать хладнокровно незаслуженное оскорбленіе, снести высокомѣріе, подвергнуться всевозможнымъ притѣсненіямъ поставленнаго выше его человѣка,—и все это потому, что честный протестъ подвергнетъ его гоненію, которое внесетъ несчастіе въ его семью. И когда онъ придетъ разсказать своей женѣ о перенесенной обидѣ, она не упрекнетъ его за безчестную жертву, принесенную для нея, а будетъ бранить злыхъ людей и жаловаться на злую судьбу.

И такъ мало по малу человѣкъ отучается считать женщину нравственно-высокимъ существомъ, какимъ ему хотѣлось бы ее видѣть. Въ ея сообществѣ онъ пріучается къ распущенности, безпечности, онъ усыпляется умственно и нравственно, онъ будетъ унижаться и красть для своей жены и для дѣтей, — и это ему простится, никто не упрекнетъ его за это.

А сколько добрыхъ стремленій и намѣреній было высказано въ молодости этими самыми людьми! Какъ не подкупны казались имъ тогда ихъ понятія о чести и справедливости, ихъ любовь къ человѣку! Что, если и мы остановимся на полумѣрахъ и пойдемъ по старой дорогѣ, варіируя ее на современный ладъ?

Женщинамъ нашего поколѣнія и вообще всѣмъ людямъ, искренно желающимъ лучшаго устройства нашего общества, слѣдуетъ помнить, что многія неурядицы происходятъ отъ насъ самихъ. И если иногда внѣшнія обстоятельства препятствуютъ нашей благонамѣрен-

ности выразиться, то въ этомъ виноваты опять-таки мы сами. Еслибъ наши убѣжденія были прочнѣе, еслибъ любовь къ добру была сильнѣе, мы подточили бы препятствія и разрушили бы ихъ. А если они существуютъ, то значитъ слабы наши нравственныя силы, а безъ этой силы препятствія сами не сдвинутся, не сойдутъ съ дороги. И напрасно будемъ мы ждать своего спасенія отъ вмѣшательства другихъ: безъ личнаго участія человѣка не дѣлается ничего, — съ этою мыслью нужно свыкнуться. Вселите же ему вѣру въ себя, скажите ему, что онъ имѣетъ право пользоваться жизнью, какъ и всѣ другіе, — тогда онъ станетъ работать умственно, пріобрѣтетъ уваженіе къ себѣ и тогда явится въ немъ сила требовать отъ жизни то, чѣмъ она одѣлила его, тогда онъ сдвинетъ препятствія, которыя станутъ ему поперегъ дороги.

А. О.

ПОЛИТИКА.

ПРУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПРУССКАЯ КОНСТИТУЦІЯ.

Послѣднія событія въ Пруссіи, распущеніе палаты и замѣненіе относительно-либеральнаго министерства совершенно реакціоннымъ, казались весьма странными многимъ русскимъ и не-русскимъ политикамъ: они находили необъяснимое противорѣчіе между конституціонными поступками короля Вильгельма I. Но они не хотятъ понять, что Вильгельмъ I не можетъ поступать иначе, потому что онъ дѣйствуетъ совершенно согласно съ монархическими традиціями, которымъ не можетъ измѣнить никакой самодержавный государь. Было бы напротивъ странно, еслибы Вильгельмъ I забылъ политику Фридриха II, Фридриха-Вильгельма III, Фридриха-Вильгельма IV, и сдѣлался бы конституціоннымъ государемъ, какъ королева Викторія англійская, или король Леопольдъ бельгійскій, не имѣющіе за собой никакихъ монархическихъ традицій. Подобно Стюартамъ на англійскомъ престолѣ, подобно реставрированнымъ Бурбонамъ во Франціи, прусскіе короли остаются государями строго монархическими, не смотря на существованіе конституціонныхъ учрежденій въ ихъ государствѣ, и, повторяемъ, было бы странно, еслибы они превратились въ королей, подчиняющихся рѣшеніямъ своихъ палатъ. Правда, мы видимъ подобныя превращенія въ Италіи, гдѣ пьемонтскіе короли серьёзно подчинили свою личную волю рѣшеніямъ большинства, да пожалуй еще въ Тунисѣ, гдѣ бей строго соблюдаетъ дарованную имъ конституцію. Но, какъ мы увидимъ ниже, короли прусскіе сами неоднократно высказывали мысль, что истинно

конституціонныя учрежденія противны германскому духу; слѣдовательно то, что годится для итальянцевъ или для тунисцевъ, совершенно непригодно для серьёзной и ученой Германіи, и поэтому было бы въ высшей степени странно, еслибы король Вильгельмъ I въ управленіи государствомъ слѣдовалъ примѣру Виктора-Эммануила или тунисскаго бея.

Чтобы доказать справедливость только-что высказаннаго нами мнѣнія, считаемъ не лишнимъ прослѣдить въ бѣгломъ очеркѣ развитіе конституціонныхъ стремленій въ прусскомъ народѣ, и судьбу конституціонныхъ учрежденій въ прусскомъ государствѣ. Мы увидимъ, какъ начиная съ 1815 года въ теченіе 30-ти лѣтъ прусское правительство упорно отказывалось даровать своимъ подданнымъ горячо желаемую и громко требуемую ими конституцію; какъ рѣшившись наконецъ дать ее, оно все-таки продолжаетъ считать себя правительствомъ строго монархическимъ, и какъ оно съумѣло при существованіи конституціи ввести систему правленія болѣе стѣснительную, нежели та, которая существовала до изданія ея; наконецъ мы покажемъ, что и послѣ паденія мантейфелева министерства, во время регентства, прусское правительство, хотя и въ менѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, оставалось вѣрно своимъ традиціоннымъ, анти-конституціоннымъ принципамъ, которые болѣе замѣтнымъ образомъ высказались въ послѣднихъ поступкахъ Вильгельма I.

Если идеи 1789 года мало коснулись Пруссіи, то несчастія, постигшія ее въ началѣ нынѣшняго столѣтія, лучше всего убѣдили ее въ неудовлетворительности существовавшей въ ней системы и возбудили стремленія къ иной формѣ правленія,—стремленія, правда еще смутныя и неопредѣленныя. Правительство, находясь въ самомъ стѣсненномъ и бѣдственномъ положеніи, не хотѣло, да и не могло подавить этихъ пробуждающихся стремленій. 1813 годъ возбудилъ еще болѣе пламенныя надежды германскихъ и прусскихъ патріотовъ; правда, что тогдашнія стремленія и надежды прусскихъ патріотовъ нѣсколько разнились отъ послѣдующихъ и настоящихъ. Въ то время они не столько заботились о введеніи лучшаго образа правленія у себя дома, въ Пруссіи, сколько мечтали объ созданіи единой, свободной Германіи, во главѣ которой стояла бы Пруссія. Но имъ очень скоро пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ на образованіе и расширеніе германской имперіи, и они съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ обратились къ мысли о внутреннемъ развитіи Пруссіи подъ сѣнію конституціонныхъ учрежденій. Казалось, что король Фридрихъ Вильгельмъ III, сблизившійся съ своимъ народомъ въ годы несчастія и энергическаго стремленія къ сверженію ненавистнаго ига, не прочь былъ исполнить отчасти эти желанія своихъ подданныхъ; но

крайней мѣрѣ 22-го марта 1815 года, во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, онъ издалъ декретъ, въ которомъ обѣщалъ народу «право представительства». Однако врядъ ли король и въ то время серьёзно думалъ объ исполненіи обѣщаній, данныхъ въ декретѣ 22-го мая, потому что уже четыре мѣсяца спустя (21-го сентября) онъ подписывалъ актъ Священнаго союза, имѣвшаго между прочимъ цѣлью сохранить во всей неприкосновенности самодержавныя права участвовавшихъ въ немъ государей, относительно подвластныхъ имъ народовъ. Немудрено поэтому, что партія, совѣтовавшая королю обратиться на конституціонный путь, должна была вскорѣ уступить австрійскому вліянію. Личный характеръ короля игралъ немаловажную роль въ отношеніяхъ его къ различнымъ партіямъ и ихъ стремленіямъ: онъ былъ человѣкъ сдержанный, умѣренный и выше всего ставилъ порядокъ и спокойствіе; а печальная судьба, испытанная имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, заставила его еще болѣе дорожить тишиною и спокойствіемъ. Очень понятно, что ему не нравились требованія прусской партіи движенія, которая требовала отъ короля энергіи, дѣятельности и даже борьбы за то, что она называла правымъ дѣломъ. Однакоже онъ не хотѣлъ разорвать слишкомъ круто связь съ прежними либеральными своими совѣтниками, оказавшими ему столь важныя услуги въ тяжелые дни. Онъ оставилъ при дворѣ Вильгельма фонъ-Гумбольдта и генерала Бойена, хотя очень рѣдко пользовался ихъ совѣтами. Главнымъ же руководителемъ короля въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики сдѣлался эластическій Гарденбергъ, который пошелъ бы по стопамъ Штейна, еслибъ король того захотѣлъ, но который теперь, сообразно съ вкусами короля, усвоилъ себѣ вполнѣ меттерниховскую политику.

Либеральное движеніе, остановленное такимъ образомъ сверху, продолжалось однако очень замѣтно въ нижнихъ слояхъ прусскаго общества. Но оно часто принимало ложное направленіе; оно не находило себѣ лучшаго проявленія, какъ въ комическихъ гимнастическихъ упражненіяхъ почтеннаго профессора Яна. Однако реакціонная партія въ Пруссіи не дремала: она старательно заботилась о томъ, чтобы выставить безвредные поступки прусскихъ и германскихъ патріотовъ вредными и опасными, пугать робкаго короля страшилищемъ революціи, побуждать его къ строгимъ мѣрамъ, и повести къ преслѣдованію совершенно безвредныхъ людей, въ родѣ Яна.

Чтобы согласовать свою внутреннюю политику, германскія правительства, не исключая Австріи и Пруссіи, назначили съѣздъ своихъ представителей въ Карльсбадѣ, и здѣсь-то были составлены знаменитыя карльсбадскія постановленія, состоявшія въ слѣдующемъ: 1) цензура дѣлалась строже и печать подвергалась самому строгому надзору;

2) самостоятельность университетовъ прекращалась: они подчинялись правительственному коммиссару, пользовавшемуся неограниченными правами; буршеншафты были строжайше запрещены; 3) въ Майнцѣ учреждалась центральная слѣдственная коммиссія, имѣвшая цѣлью открыть настоящій заговоръ. Эти постановленія, подъ которыми красовалась между прочимъ и подпись прусскаго министра Гарденберга, имѣли слѣдовательно силу и для Пруссіи. Конечно, майнцскія разысканія не повели ни къ чему иному, какъ къ многочисленнымъ арестамъ и къ накопленію цѣлыхъ кипъ бумагъ, и кончились отрѣшеніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій.

Заговора, при всемъ стараніи, нельзя было открыть, потому что его не было ни въ Пруссіи, ни въ Германіи; но голоса, требовавшіе конституціи, продолжали раздаваться въ Пруссіи, хотя постоянно безуспѣшно. Еще въ 1817 году Гёрресъ, бывшій издатель запрещеннаго правительственнаго изданія, вручилъ Гарденбергу адресъ города Кобленца, въ которомъ выражалось требованіе, чтобы обѣщанная конституція была приведена въ исполненіе. Въ 1819 году тотъ же Гёрресъ издалъ пламенный памфлетъ подъ заглавіемъ «Германія и революція», въ которомъ онъ совѣтовалъ германскимъ государямъ поступать такъ, чтобы дѣло дѣйствительно не дошло до революціи. Эти пророческія слова, сбывшіяся 30 лѣтъ спустя, подвергли автора ихъ незаслуженному осмѣянію. Наконецъ, либеральная партія въ прусскомъ министерствѣ сдѣлала еще одну послѣднюю попытку, чтобы дать иное направленіе политикѣ короля; она была увѣрена, что Пруссія можетъ достигнуть настоящаго своего значенія не иначе, какъ если она сдѣлается государствомъ конституціоннымъ и согласуетъ свою политику съ французской и англійской. Но правительство досель терпѣло эту оппозицію только съ тѣмъ, чтобы уничтожить ее не вдругъ, а постепенно. Гарденбергъ уже давно согласился съ Меттернихомъ насчетъ будущаго образа дѣйствія прусскаго правительства, и еще на Ахенскомъ конгрессѣ онъ вполнѣ успокоилъ его насчетъ внутренней политики прусскаго правительства (*).

Терпимость къ либеральнымъ членамъ министерства прекратилась вслѣдствіе карльсбадскихъ постановленій; министры Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, Бойенъ и государственный канцлеръ Бейме отказались

(*) Мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ, будто онъ объявлялъ тогда Меттерниху, что «онъ только для виду поддерживалъ народныя желанія», и что «обѣщанія конституціи, данныя въ безпокойныя времена, были такъ неопредѣленны, что есть возможность оставить ихъ неисполненными» (Geheimnisse eines Mediatisirten, Hamburg 1836).

утвердить эти постановленія, заключенныя безъ ихъ вѣдома. Но имъ до сихъ поръ позволялось только говорить, а не дѣйствовать; при первой же попыткѣ ихъ выказать рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Пруссіи, ихъ удалили. Гумбольдтъ, Бойенъ, Бейме, генералъ Гролъманъ должны были выйдти въ отставку; прямой и честный Блюхеръ умеръ въ концѣ 1819 года; прежній министръ Штейнъ былъ отстраненъ уже давно и жилъ въ своемъ помѣстьи. Такимъ образомъ лучшіе люди Пруссіи сошли съ политической арены. Ихъ замѣнили принцъ Карлъ мекленбургъ-стрелицкій, извѣстный своими абсолютическими тенденціями, русскій генералъ князь Витгенштейнъ, Камтцъ, отъ всей души ненавидѣвшій все молодое, доктринеръ-абсолютистъ Ансильонъ и др.; одинаковаго направленія съ ними былъ государственный канцлеръ и номинальный руководитель министерства Гарденбергъ. Даже ученые и философы дѣйствовали отчасти въ духѣ абсолютизма: такъ Гегель, или по крайней мѣрѣ его послѣдователи, примѣнили ученіе «*все дѣйствительное разумно*» къ существующей государственной власти; они не мало польстили тѣмъ бюрократизму и абсолютизму, и не мало способствовали къ тому, чтобы выставить въ смѣшномъ свѣтѣ юношескія фантазіи германскихъ патріотовъ, мечтавшихъ объ единой и свободной Германіи.

Такимъ образомъ небольшая партія прусскихъ либераловъ, надѣявшаяся, что послѣ 1813 года Пруссія получитъ конституцію и станетъ во главѣ конституціонной Германіи, совершенно ошиблась въ своихъ разсчетахъ; единственнымъ результатомъ этихъ надеждъ и стремленій было то, что многіе были заключены въ темницы, удалены изъ отечества, или по крайней мѣрѣ лишены возможности дѣйствовать и даже говорить. Пруссія заснула и спала самымъ непробуднымъ сномъ болѣе 20 лѣтъ, до самой смерти Фридриха Вильгельма III. Даже и Іюльская революція почти вовсе не коснулась Пруссіи. Единственнымъ ея послѣдствіемъ были нѣкоторые безпорядки въ Ахенѣ, Эльберфельдѣ, Бреславлѣ и другихъ мѣстахъ. Оппозиція была совершенно убита и не шевелилась. Еще въ 1823 и 1824 году обѣщанныя королемъ провинціальныя собранія были открыты мало-по-малу въ разныхъ провинціяхъ, и обсуждали безъ шума свои мѣстные интересы. Объ расширеніи ихъ правъ и о сосредоточеніи ихъ въ одно учрежденіе, тоже обѣщанномъ королемъ, не было и помину: Пруссія не увлеклась примѣромъ Франціи и движеніями въ среднихъ германскихъ государствахъ, и даже не напомнила правительству о данномъ обѣщаніи. Все оставалось въ примѣрномъ спокойствіи.

Это мертвое молчаніе едва было нарушено робкимъ представленіемъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ сеймовъ, просившихъ въ 1832 году позволенія сдѣлать засѣданія публичными и даже запкнувшихся

о государственномъ сеймѣ. Болѣе дерзкими могли показаться требованія избирателей города Мюнстера въ Вестфаліи, настаивавшихъ на необходимости представительнаго правленія; но и эти слабые голоса не возбуждали ни сочувствія, ни даже вниманія. Прусское правительство пошло еще дальше: когда въ 1837 году городъ Эльбингъ подалъ адресъ съ ходатайствомъ о семи либеральныхъ геттингенскихъ профессорахъ, лишившихся своихъ мѣстъ въ Ганноверѣ, министръ Роховъ послалъ имъ строгій выговоръ, въ которомъ говорилось, что *«жители Эльбинга съ своимъ ограниченнымъ подданническимъ умомъ* (in ihrem beschrenkten Unterthaunn verschande) *даже не въ состояніи обсуждать мѣръ правительства.»*

Очень понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ общественное вниманіе Пруссіи было обращено исключительно на богословскія распри и на вражду правительства съ католической церковью. Впрочемъ философская литература, и именно ученіе раціоналистовъ и матеріалистовъ, касались отчасти и вопросовъ политическихъ, распространяя понятія анти-монархическія и демократическія. Берлинское правительство конечно не могло терпѣть подобнаго политическаго радикализма и подвергало его многимъ преслѣдованіямъ; вслѣдствіе этихъ преслѣдованій Арнольдъ Руге, издававшій «Hallische Jahrbücher» долженъ былъ перенести свое изданіе изъ Галле въ Лейпцигъ. Такимъ образомъ за спиною правительства, и именно вслѣдствіе преслѣдованій его, образовалась въ Пруссіи демократическая партія, которая не только отвергала монархическое правленіе, но не хотѣла даже ничего слышать о либеральныхъ палатахъ.

Лѣтомъ 1840 года умеръ Фридрихъ Вильгельмъ III и вступилъ на прусскій престолъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ IV. Отъ него, какъ отъ новаго монарха, ожидали много хорошаго, тѣмъ болѣе, что его считали человѣкомъ умнымъ и благонамѣреннымъ (*). Дѣйствительно, онъ даровалъ довольно обширную амнистію за политическія преступленія, приблизилъ къ себѣ генерала Бойена, удаленнаго въ 1819 году вмѣстѣ съ В. Гумбольдтомъ и Беймомъ, и далъ нѣкоторыя либеральныя обѣщанія. Но изъ всего этого еще нельзя было заключить съ достовѣрностью о томъ, какъ будетъ поступать король въ главномъ вопросѣ, занимавшемъ Пруссію: неизвѣстно было, преобразуетъ ли онъ провинціальные сеймы въ государственное совѣщательное собраніе, какъ этого ждали пруссаки въ продолженіе 25 лѣтъ, или онъ объявитъ прежнія обѣщанія своего отца необязательными, и будетъ по его примѣру противиться конституціи, требуемой его

(*) Письма А. ф. Гумбольдта къ Фарнгагену фонъ-Энзе.

подданными. Случай узнать настоящія намѣренія короля представился скорѣе, нежели этого ожидали.

Въ августѣ того же года король отправился въ Восточную Пруссію, чтобы лично принять присягу отъ своихъ новыхъ подданныхъ въ этой провинціи. Кенигсбергскій областной сеймъ имѣлъ по старинному обычаю право испрашивать для себя признанія своихъ привилегій. Но сеймъ рѣшилъ просить не о сохраненіи старинныхъ сословныхъ привилегій, но о народномъ представительствѣ, т. е. объ общей конституціи для Пруссіи согласно съ королевскимъ обѣщаніемъ 1815 года. Онъ просилъ, чтобы назначена была коммиссія, которая, при содѣйствіи провинціальныхъ сеймовъ, занялась бы составленіемъ общей прусской конституціи. Это прошеніе было представлено королю королевскимъ коммиссаромъ и оберъ-президентомъ Шёномъ. Изъ рѣчи короля, произнесенной имъ по случаю принятія присяги, нельзя было заключить съ достовѣрностью о томъ, какъ онъ принялъ это прошеніе; онъ говорилъ, что будетъ стремиться ко всеобщему благу, что Пруссія должна быть единой, для того чтобы быть сильной, и т. п. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ объявилъ самымъ положительнымъ образомъ, что онъ отвергаетъ новѣйшія конституціи, какъ произвольныя, противныя германскому духу и основанныя на принципѣ равноправности; онъ объявилъ, что сохранитъ провинціальные сеймы и раздѣленіе по сословіямъ, какъ единственное прочное основаніе государственнаго порядка. Этотъ категорическій отвѣтъ короля вызвалъ нѣсколько брошюръ со стороны конституціонной оппозиціи. Болѣе всего замѣчательны «Четыре вопроса» доктора Якоби въ Кенигсбергѣ, «Откуда и куда» Шёна, и брошюра Бюлова; послѣдній доказывалъ, что всѣ безпорядки въ прусской администраціи происходятъ отъ отсутствія конституціоннаго правленія; а Шепъ заключалъ статью свою слѣдующими словами: «только при существованіи генеральныхъ штатовъ возможно въ нашей странѣ существованіе общественной жизни.» Наконецъ магистратъ города Бреславля подалъ королю адресъ съ просьбой о созваніи государственныхъ сословій. Что касается до провинціальныхъ сеймовъ, то нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали попытки выразить желанія, сходныя съ желаніями восточно-прусскаго сейма; но эти попытки большею частью были неудачны. Однако король боялся, что духъ оппозиціи станетъ еще сильнѣе, если онъ сохранитъ прежнюю систему во всей ея силѣ, и потому онъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки общественному мнѣнію: онъ удалилъ министра Рохова, давшаго городу Эльбингу приведенный нами отвѣтъ, и назначилъ на его мѣсто графа Арнима, какъ бы выражая этимъ свое желаніе слѣдовать среднему направленію, избѣгая обѣихъ крайностей. Первымъ дѣломъ новаго министра было созваніе депутатовъ отъ про-

винціальныхъ сеймовъ въ Берлинѣ, для того чтобъ ввести нѣкоторое единство въ разсужденія и рѣшенія этихъ сеймовъ. Но при этомъ осторожномъ, боязливомъ шагѣ на пути конституціоннаго развитія, правительство зорко слѣдило за тѣмъ, чтобъ эти депутаты не выходили изъ предначертаннаго имъ круга хозяйственныхъ и административныхъ обсужденій, и не вдавались бы въ разсужденія объ общихъ политическихъ вопросахъ; и когда они однажды заикнулись о государственномъ сеймѣ, ихъ немедленно остановили. Однако либеральная пресса не переставала касаться этого важнаго пункта, потому король счелъ себя обязаннымъ напомнить депутатамъ въ прощальной своей рѣчи, «чтобы они не смотрѣли на себя, какъ на представителей воздушныхъ мечтаній и теорій дня».

Однако Пруссія не была спокойна; въ Восточной Пруссіи, въ Познани, на Рейнѣ господствовало волненіе: въ Силезіи вспыхнуло возстаніе работниковъ; въ Берлинѣ сдѣлано было покушеніе на жизнь короля. Въ то же время вопросъ о дарованіи конституціи продолжалъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе; чѣмъ далѣе отсрочивалась она, тѣмъ болѣе увеличилось общее неудовольствіе. — Несмотря на старанія абсолютистовъ представить господствовавшее въ то время во всей Пруссіи движеніе происками отчаянныхъ новаторовъ и демагоговъ, очевидно было, что за передовыми людьми Пруссіи стояла масса народа, уже успѣвшаго проникнуться сознаніемъ о необходимости конституціи. Когда въ 1845 году собрались провинціальные сеймы, многіе ожидали и надѣялись, что эти собранія будутъ послѣдними. Нѣкоторыя изъ нихъ возобновили прошенія объ общей конституціи для всей страны, и если подобныя же прошенія не получили законныхъ двухъ третей голосовъ или были совершенно отвергнуты на прочихъ сеймахъ, то это происходило оттого, что они помнили выраженіе короля, сказанное имъ прежде въ подобномъ же случаѣ: онъ объявилъ тогда положительно, что не позволитъ торопить и принуждать себя въ этомъ вопросѣ. Поэтому многіе полагали, что скорѣе всего можно добиться конституціи, если воздержаться отъ этихъ напоминаній.

Дѣйствительно, въ то время въ правительственныхъ сферахъ уже началось обсужденіе учрежденія, имѣвшаго нѣкоторое подобіе конституціи: послѣ того какъ оно было обсуждено министерствомъ, государственнымъ совѣтомъ и королевскими принцами, оно было обнародовано 3-го февраля 1847-го года подъ названіемъ: «*королевскій патентъ касательно государственнаго устройства*». Очень любопытно введеніе къ этому акту, въ которомъ король излагаетъ воззрѣніе свое на существо королевской власти и на отношенія короля къ подданнымъ. «Развитіе конституціонныхъ учрежденій, говоритъ онъ, было

постоянною нашею заботою съ самаго вступленія нашего на престолъ, мы видѣли въ этомъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ королевскаго призванія, которое, по нашему мнѣнію, имѣетъ двоякую цѣль: сохранить въ цѣлости для нашихъ потомковъ права, достоинство и могущество наслѣдованной нами отъ предковъ славной короны, и въ то же время предоставить вѣрнымъ чинамъ нашего государства такого рода дѣятельность, которая обезпечивала бы отечеству счастливую будущность, не противорѣча въ то же время правамъ и преимуществамъ нашей короны». Сущность этой давно обѣщанной и пламенно желаемой конституціи состояла въ слѣдующемъ: 8 провинціальныхъ сеймовъ соединялись вмѣстѣ, какъ скоро этого требовали особенно важныя обстоятельства и не иначе какъ по особенному повелѣнію короля; мѣсто и продолжительность засѣданій этого собранія также опредѣлялись королемъ; оно состояло изъ двухъ палатъ, верхней, и нижней, въ которой засѣдали королевскіе принцы и высшая аристократія, и нижней, въ которой засѣдали 231 депутата отъ дворянства, 182 отъ городовъ, 124 отъ сельскихъ общинъ. Его согласіе требовалось преимущественно въ вопросахъ финансовыхъ: при заключеніи новыхъ займовъ, наложеніи новыхъ податей, увеличеніи пошлинъ, и т. п. При перемѣнахъ, производимыхъ въ государственныхъ учрежденіяхъ и при обсужденіи прочихъ законовъ, оно имѣло только голосъ совѣщательный.

Обнародованіе этихъ постановленій было встрѣчено глубокимъ молчаніемъ. Они не удовлетворили никого: приверженцы неограниченной монархіи видѣли въ нихъ первый шагъ на новомъ, опасномъ пути; конституціоналисты ожидали гораздо большаго, они ожидали конституціи въ новѣйшемъ смыслѣ, и потому не могли быть довольными этими уступками. Оппозиція поговаривала даже о томъ, слѣдуетъ ли принять или отвергнуть такія уступки, и по всему видно было, что при первомъ же собраніи сейма правительству придется выдержать жестокую борьбу противъ конституціонныхъ требованій. Предвидя эту борьбу, король счелъ необходимымъ еще разъ объяснить собравшимся депутатамъ самымъ положительнымъ образомъ свои личныя убѣжденія; для этой цѣли онъ открылъ засѣданія сейма рѣчью самаго необыкновеннаго содержанія. Рѣчь касалась только вкратцѣ и поверхностно всего того, что составляетъ обыкновенное содержаніе тронныхъ рѣчей, то есть положенія финансовъ, состоянія администраціи, сношеній съ другими государствами и пр. Но тѣмъ обстоятельнѣе и трогательнѣе, тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ и краснорѣчіемъ король высказалъ свое воззрѣніе на государственную жизнь вообще и въ частности на задачу собранія. Онъ увѣщевалъ и заклиналъ собравшихся депутатовъ проникнуться «духомъ древне-

германскихъ сословныхъ учрежденій, смотрѣть на себя, какъ на представителей германскихъ сословій (въ древнемъ значеніи этого слова), то есть какъ на хранителей и защитниковъ сословныхъ правъ, и не считать себя проводниками школьныхъ мнѣній и теорій дня. Это совершенно противно германскому духу (undeutsch), говорилъ онъ, и безполезно для общаго блага; это неминуемо ведетъ къ столкновеніямъ съ короною, которая должна по волѣ Божьей и по законамъ страны царствовать по своему собственному, свободному усмотрѣнію; *рѣшенія ея не должны подчиняться рѣшеніямъ большинства, иначе Пруссія вскорѣ сдѣлается въ Европѣ пустымъ звукомъ.*»

Король думалъ, что германскому національному характеру противны истинно-конституціонныя учрежденія: либеральная оппозиція имѣла на этотъ счетъ мнѣнія, которыя прямо противорѣчили убѣжденіямъ короля; поэтому она съ самаго начала засѣданій сейма начала стремиться соединенными силами къ своей цѣли, то есть къ пріобрѣтенію болѣе обширныхъ конституціонныхъ правъ. Уже при самомъ обсужденіи отвѣтнаго адреса она возвысила свой голосъ въ лицѣ гг. Бекерата, Ганземана, Фипке, Ауэрсвальда, и другихъ. Всѣ эти лица были представителями умѣренно-либеральной партіи и при рѣшеніи вопроса объ адресѣ побѣда осталась за ними: обѣ крайнія партіи были побѣждены: и тѣ отчаянные консерваторы, которые желали предоставить все дѣло управленія свободному усмотрѣнію короны, и тѣ радикалы, которые желали немедленнаго и открытаго разрыва съ короною,—должны были уступить побѣду большинству умѣренныхъ либераловъ. Это большинство приняло адресъ, предложенный г. Бекератомъ; онъ въ умѣренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ выражалъ убѣжденіе собравшихся депутатовъ, что они считаютъ своимъ правомъ и своею обязанностью добиться отъ правительства полнаго представительнаго правленія. При послѣдующихъ засѣданіяхъ сейма предъявлены были многія важныя требованія: чтобы созваніе сейма не зависѣло отъ произвола короля, а повторялось бы каждые два года; чтобы въ вопросахъ административныхъ и юридическихъ ему предоставленъ былъ не одинъ совѣщательный голосъ; чтобы государственное устройство не было измѣняемо безъ его согласія. Противъ послѣдняго требованія сильно возсталъ принцъ прусскій, назвавши его совершенно безполезнымъ: «короли прусскіе, говорилъ онъ, никогда не нарушатъ произвольно государственнаго устройства: ни братъ его, ни самъ онъ, если когда-либо будетъ королемъ, ни сынъ его не позволятъ себѣ подобнаго нарушенія, иначе они были бы недостойны славныхъ своихъ предковъ». Такъ какъ всѣ эти требованія были предложены партіей умѣренной и выражали желанія большинства населенія, то королю

было бы очень легко найти себѣ опору въ этой партіи и пріобрѣсти расположеніе большинства своихъ подданныхъ, еслибъ онъ согласился на эти требованія; но король отвергъ ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что слѣдуетъ зрѣло обдумать сдѣланныя ему предложенія. Такимъ образомъ этотъ первый общій сеймъ, котораго такъ нетерпѣливо ожидали въ продолженіе цѣлыхъ 30 лѣтъ, разошелся, не успѣвши ничего сдѣлать. Пруссія не вышла изъ состоянія неизвѣстности и неувѣренности, въ которомъ она находилась съ 1840 года, и которое порождало въ ней лихорадочное нетерпѣніе и постоянное неудовольствіе. Въ такомъ положеніи засталъ ее 1848 годъ.

Мы сказали выше, что событія 1830 года почти вовсе не коснулись Пруссіи; но это справедливо только въ томъ отношеніи, что не было нарушено внѣшнее спокойствіе и всѣ государственныя отправленія остались въ своей силѣ. Но въ прусскомъ обществѣ появились новыя политическія, религіозныя и соціальныя идеи, которыя быстро распространялись. Мы замѣтили уже выше, что вслѣдствіе знакомства нѣмцевъ съ французскими соціальными теоріями и съ ученіемъ германскихъ матеріалистовъ въ Германіи и Пруссіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ образовалась партія демократовъ; доселѣ голосъ этой партіи былъ довольно незамѣтенъ въ печати, потому что не позволяли высказываться громко; но за то она тѣмъ дѣятельнѣе распространяла свое ученіе тайными путями, и старанія ея не были безуспѣшны. Эта партія съумѣла даже проникнуть въ сеймъ 1847 года, хотя, какъ мы уже сказали выше, она была здѣсь мало замѣтною, и должна была уступить значительному большинству умѣренныхъ конституціоналистовъ. Вотъ въ какомъ броженіи умовъ, въ какихъ натянутыхъ отношеніяхъ правительства къ различнымъ партіямъ застала Пруссію февральская революція. Очень понятно, что она не могла пройти для нея такъ же безслѣдно, какъ іюльская революція. Правительство само очень хорошо понимало это, и спѣшило предупредить народные взрывы уступками: но было уже поздно. Хотя оно и обратилось на конституціонный путь (и въ первое время, казалось, искренно обратилось), однако сами конституціоналисты, на которыхъ оно спѣшило опереться, уже не въ состояніи были справиться съ демократическими стремленіями. Печальную картину представляетъ въ это время прусское правительство. Устрашенное проявленіемъ народнаго неудовольствія, увѣрившись въ невозможности сдерживать его обѣщаніями, увѣщаніями, просьбами и полицейскими мѣрами, оно соглашается наконецъ сдѣлать нѣкоторыя уступки; но этого оказывается мало, народъ требуетъ большаго, волненіе не унимается; правительство, опять тщетно употребивъ мѣры насилія, дѣлаетъ еще нѣкоторыя уступки; демократическая партія продолжаетъ агитировать, народное

неудовольствіе продолжается. Такимъ образомъ правительство постоянно видитъ, какъ изъ-подъ ногъ его уходитъ почва, на которую оно хочетъ стать твердой ногой. Сдѣлай оно тѣ же уступки полугодомъ раньше, призови оно тогда же къ управленію умѣренныхъ конституціоналистовъ, на которыхъ оно хочетъ опереться теперь, народъ былъ бы вполнѣ доволенъ; онъ восхвалялъ и воспѣвалъ бы своего государя за его благонамѣренность, справедливость и любовь къ подданнымъ. Теперь же правительство съ досадой и ужасомъ замѣчаетъ, что всѣ его мѣры, которыя кажутся ему верхомъ либерализма, на которыя ему такъ трудно рѣшиться,—неудовлетворяютъ народа, встрѣчаются имъ съ недовѣріемъ, — явленіе поучительное, неоднократно повторяющееся въ исторіи, еще недавно видѣнное нами въ Неаполѣ.

При первыхъ извѣстіяхъ о парижскихъ событіяхъ началось движеніе и въ Пруссіи. Впрочемъ это движеніе имѣло въ началѣ довольно мирный характеръ; только въ немногихъ мѣстностяхъ оно повело къ столкновенію между народомъ и полиціей, какъ-то въ Кенигсбергѣ, Эрфуртѣ, Бреславлѣ. Большею же частью это первоначальное движеніе обнаружилось депутаціями и адресами, посылаемыми отовсюду, и въ особенности изъ прирейнскихъ провинцій. Въ этихъ адресахъ въ довольно умѣренномъ духѣ выражались требованія либеральныхъ реформъ. Но въ городѣ Кёльнѣ замѣтно было вліяніе демократической партіи; въ адресѣ этого города, кромѣ обыкновенныхъ конституціонныхъ требованій, выражались еще слѣдующія, чисто демократическія требованія: чтобы управленіе и законодательство были предоставлены народу; чтобъ право избирать и право быть избираемымъ сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ; далѣе требовалась безусловная свобода слова и печати; требовалось уничтоженіе постояннаго войска, введеніе народнаго вооруженія подъ предводительствомъ начальниковъ, избранныхъ самимъ народомъ; требовалась защита труда и воспитаніе дѣтей на счетъ государства. Въ виду такихъ обширныхъ требованій, король думалъ предотвратить серьёзные безпорядки разными незначительными уступками; онъ обѣщалъ новый, болѣе либеральный законъ о печати, и объявилъ засѣданія сейма періодичными, повторяющимися черезъ каждые два года. Когда же берлинскій магистратъ тоже передалъ королю адресъ съ просьбою о либерально-конституціонныхъ реформахъ, король отвѣтилъ, что онъ готовъ сдѣлать нужныя уступки народной свободѣ, но что онъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать этого одинъ; поэтому нужно было дождаться собранія сейма, которое онъ назначилъ на 27 апрѣля. Этихъ скудныхъ обѣщаній было недостаточно, народъ волновался, начались сходки, употреблена была военная сила, и пролилась кровь. Около того же времени (17

марта) получено было въ Берлинѣ извѣстіе о вѣнскихъ событіяхъ, и король рѣшился идти далѣе по пути уступокъ. Королевская прокламація отъ 17 марта объявляла народу, что король созываетъ сеймъ вмѣсто 27 на 2 апрѣля, что дарована будетъ полная свобода печати, и главное—что Пруссія становится въ главѣ германскаго движенія и намѣрена дѣйствовать въ смыслѣ радикальнаго преобразованія германскаго союзнаго устройства. Зная, что желаніе видѣть Германію единою и сильною было всегда однимъ изъ самыхъ пламенныхъ желаній всякаго германца, правительство особенно разсчитывало на это послѣднее обѣщаніе; оно думало, что отвлечетъ этимъ вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ страны, и избавитъ его отъ необходимости сдѣлать новыя уступки народнымъ требованіямъ. Но событія послѣдующихъ трехъ дней показали, что разсчетъ его былъ не совсѣмъ вѣренъ.

Часть населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и магистратъ нашли эти уступки вполнѣ удовлетворительными и рѣшились отправиться на слѣдующій день въ торжественной процессіи къ королевскому замку и изъявить королю народную признательность. Но въ Берлинѣ существовала и другая партія, въ главѣ которой стояли преимущественно публицисты и литераторы, партія, которая находила сдѣланныя уступки недостаточными; она рѣшилась тоже отправиться ко дворцу, просить о новыхъ уступкахъ. 18 марта обѣ эти процессіи одновременно явились на дворцовую площадь и къ удивленію своему нашли ее занятой кавалеріей и пѣшей гвардіей. Это произвело нѣкоторое раздраженіе въ народѣ; однако обѣ процессіи нѣсколько разъ прокричали вошедшему на балконъ королю: «виватъ». Но къ виватамъ все чаще и чаще стали присоединяться голоса, кричавшіе: «прочь войско». Эти крики выходили изъ рядовъ второй процессіи, предводители которой требовали удаленія войскъ изъ столицы и составленія національной гвардіи. Среди этого движенія и волненія, внезапно откуда-то раздались два выстрѣла. Правительство не замедлило объявить, что выстрѣлы эти случились *нечаянно*. Друзья его пошли еще дальше и доказывали, что выстрѣлы были произведены злоумышленниками, желавшими безпорядковъ, баррикадъ, рѣзни (подъ именемъ злоумышленниковъ они разумѣли литераторовъ, французовъ, поляковъ и евреевъ). Но какъ бы то ни было, стрѣляли ли злоумышленники, желавшіе кровопролитія, или солдаты, не умѣвшіе обходиться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но народъ, по которому стрѣляли, объяснилъ это дѣло по своему. Онъ закричалъ: «измѣна! къ оружію!» и пустился бѣжать по всѣмъ берлинскимъ улицамъ. Къ вечеру вездѣ построены были баррикады, и во всемъ Берлинѣ закипѣлъ уличный бой. Несмотря на то, что

въ дѣло введена была артиллерія, послѣ 19 часоваго боя только немногія, ближайшія ко дворцу баррикады взяты были войсками; большая же часть ихъ осталась въ рукахъ ихъ защитниковъ. Тогда, 19 марта утромъ, король убѣдился наконецъ, что надобно уступить народнымъ требованіямъ: по всѣмъ улицамъ разосланы были объявленія, что король готовъ снизойти на требованія народа и удалить войска изъ столицы. Конечно, не легко ему было согласиться на это. Но успѣхъ, одержанный народнымъ возстаніемъ въ продолженіе суточнаго боя, заставилъ его дѣйствовать вопреки собственному своему убѣжденію.

Вслѣдъ за этимъ въ Берлинѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ либеральныхъ мѣръ и разныхъ небывалыхъ и невиданныхъ явленій. Еще 19-го марта войска выступили изъ Берлина съ свернутыми знаменами, и полныя негодованія на то, что имъ не позволили какъ слѣдуетъ расправиться съ этой сволочью, которой они должны были уступить побѣду. На слѣдующій день прежнее консервативное министерство было замѣнено новымъ, либеральнымъ, вліятельными членами котораго были графъ Шверинъ, Ауэрсвальдъ, Кампгаузенъ и только что возвратившійся изъ Парижа тамошній прусскій посланникъ Арнимъ. Принцъ прусскій (теперешній король), главный противникъ либеральныхъ уступокъ и защитникъ строгихъ мѣръ противъ народа, поспѣшно оставилъ Берлинъ и удалился въ Лондонъ. Неудовольствіе противъ него было такъ сильно, что на всѣхъ дверяхъ его дворца надписали: «національная собственность». Король проѣхалъ въ сопровожденіи студентовъ и огромной массы народа по улицамъ Берлина, говорилъ рѣчи о единствѣ Германіи и о великой роли Пруссіи, надѣвалъ трехцвѣтную германскую кокарду, и пр. На слѣдующій день, 22 марта, была новая торжественная процессія: въ этотъ день назначены были похороны 183-хъ берлинскихъ гражданъ, павшихъ на баррикадахъ. Огромная процессія, въ которой участвовали всѣ корпораціи и депутаты отъ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, потянулась мимо дворца, и король смотрѣлъ на нее съ балкона. Пасторъ Сидовъ сказалъ надгробное слово, и къ великому негодованію консерваторовъ и абсолютистовъ, сравнилъ павшихъ 18-го марта съ героями 1813 года. Въ тотъ же день король торжественно обѣщалъ народу «защиту личной свободы, свободу печати, судъ присяжныхъ, право ассоціацій, равноправность передъ закономъ, отвѣтственность министровъ», и пр. Этими обѣщаніями порядокъ былъ возстановленъ какъ въ Берлинѣ, такъ и въ другихъ городахъ, въ которыхъ онъ былъ нарушенъ (Ахенъ, Кельнъ, Крефельдъ, Бреславль). Сеймъ, созванный на 2-е апрѣля, долженъ былъ окончательно успокоить и устроить страну.

Однако, несмотря на кажущееся согласіе между королемъ и народомъ, далеко не всѣ были довольны новымъ образомъ дѣйствій короля. Мы не говоримъ уже объ реакціонерахъ, которые видѣли въ новой политикѣ короля непростительную слабость, и сожалѣли объ его заблужденіяхъ. Но и между лицами, принадлежащими къ народной партіи, многіе продолжали смотрѣть на него съ недовѣріемъ. Они были слишкомъ твердо увѣрены въ томъ, что королю невозможно измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Изо всего было видно, что эти люди будутъ домогаться болѣе прочныхъ гарантій для народной свободы, и что, можно было предвидѣть, въ скоромъ времени возобновится борьба между правительствомъ и народными вождями.

Сеймъ, собравшійся 2-го апрѣля, не могъ имѣть того вліянія на ходъ дѣлъ, котораго многіе отъ него ожидали. Новый духъ времени требовалъ новыхъ учрежденій, на совершенно новыхъ началахъ, а сеймъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ Пруссіей до-мартовской эпохи. Для того, чтобы дать прусскому государственному устройству новую организацію, необходимо было конституивное собраніе. Для этого собранія нужно было произвести новые выборы, и поэтому собравшемуся сейму предложено было издать новый, избирательный законъ. Основанія новаго закона были очень либеральны: всякій гражданинъ, достигшій 21-го лѣтняго возраста, имѣлъ право быть избирателемъ, а достигшій 25-тилѣтняго возраста — право быть избираемымъ; при этомъ право выбора было всеобщее и не требовалось никакого ценза. Что касается до содержанія и формъ будущей конституціи, то новому собранію было предоставлено самому опредѣлить ихъ; сеймъ ограничился только опредѣленіемъ нѣкоторыхъ общихъ основаній. Засѣданія его продолжались всего 8 дней и онъ разошелся 10-го апрѣля.

Такимъ образомъ не оправдались надежды тѣхъ, которые полагали, что сеймъ окончательно успокоитъ страну. Страна, однажды вышедшая изъ нормальнаго своего положенія, не скоро къ нему возвращается; страсти, однажды возбужденныя, не скоро утихаютъ. Началась жестокая избирательная борьба; самая новость и непривычность этого дѣла для прусскаго народа придавала всему движенію характеръ особенной страстности и увлеченія. Поэтому очень понятно, что не скоро прекратились въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ Пруссіи народныя сборища, волненія и демонстраціи. Самою замѣчательною изъ этихъ демонстрацій была та, которая случилась въ Берлинѣ 13-го мая. Мы сказали выше, что принцъ прусскій считался въ народѣ главнымъ противникомъ примирительныхъ мѣръ; о немъ говорили, будто онъ, во время мартовскихъ событій, совѣтовалъ королю не уступать народнымъ требованіямъ и не отступать отъ самыхъ край-

нихъ и строгихъ мѣръ. Вслѣдствіе этого, онъ послѣ побѣды народа долженъ былъ оставить Берлинъ и удалиться въ Лондонъ. Вдругъ, 13-го мая, въ народѣ распространился слухъ, что принцъ, по приглашенію правительства, возвращается изъ Англіи. Массы народа устремились ко дворцу принца. Въ то же время къ королю отправлена была депутація, которая требовала, чтобы принцу тогда только дозволено было возвратиться, когда онъ признаетъ народную свободу.

22-го мая, король довольно незначительною рѣчью открылъ засѣданія вновь избраннаго національнаго собранія. Такъ какъ почти всѣ лучшіе люди Пруссіи еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были избраны въ члены франкфуртскаго парламента, то настоящее собраніе представляетъ намъ мало знаменитостей; президентъ его Шёнъ былъ уже дряхлый старикъ и не могъ играть въ немъ дѣятельной роли. Очень любопытенъ численный составъ этого законодательнаго собранія: изъ 400 депутатовъ почти половина принадлежала къ классу чиновниковъ (100 чиновниковъ юстиціи, 78 чиновниковъ прочихъ вѣдомствъ); затѣмъ слѣдовали 68 депутатовъ изъ крестьянскаго сословія, 50 изъ духовенства и только 49 дворянъ; наконецъ 28 депутатовъ изъ ремесленниковъ и 27 учителей. Въ числѣ членовъ этого собранія мы встрѣчаемъ и прусскаго принца, выбраннаго однимъ изъ избирательныхъ округовъ; но онъ только разъ явился въ собраніи, и то на нѣсколько минутъ. Онъ объявилъ собранію, что посвятитъ всѣ свои силы той конституціонной формѣ правленія, которую угодно будетъ утвердить королю; но это сообщеніе было принято очень холодно собраніемъ и принцъ больше уже въ немъ не показывался.

Предсѣдатель министерства Кампгаузенъ предложилъ собранію свой проэктъ конституціи; но, несмотря на популярность Кампгаузена, проэктъ этотъ былъ принятъ довольно неблагосклонно. Въ особенности не понравилось то, что онъ основывалъ его на системѣ двухъ палатъ, изъ которыхъ верхняя состояла изъ принцевъ королевскаго дома, 60 членовъ назначаемыхъ королемъ и 180 членовъ, выбираемыхъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ или высшихъ чиновниковъ. Но поводомъ къ первому серьёзному столкновенію въ собраніи и къ новымъ уличнымъ демонстраціямъ послужило предложеніе депутата Беренса о томъ, чтобы собраніе объявило, что оно признаетъ революцію и всѣ ея послѣдствія, то есть господство народа. Министерство, сильно поддерживаемое правой стороной и центромъ собранія, возстало противъ этого предложенія, и оно было отвергнуто; но при выходѣ изъ собранія нѣкоторые министры и депутаты правой стороны подверглись оскорбленіямъ народа. Новая національная гвардія не могла или, вѣрнѣе, не хотѣла серьёзно остано-

вить эти проявленія демократическаго духа; это обнаружилось еще яснѣе нѣсколько дней спустя при нападеніи народа на арсеналъ.

Такъ какъ собраніе оказывало очевидное нерасположеніе къ правительственному проэкту конституціи, то министерство Кампгаузена вышло въ отставку. Новое министерство Ганземанна съ самаго начала объявило себя «министерствомъ дѣйствія». Оно намѣревалось провести множество полезныхъ реформъ: организовать національную гвардію, ввести новое, болѣе сообразное съ обстоятельствами судопроизводство и проч. Собраніе встрѣтило эти сообщенія очень благосклонно, — и первое время между нимъ и министерствомъ господствовало полнѣйшее согласіе. Но скоро согласіе было нарушено. Въ городѣ Швейдницѣ случилось столкновеніе между войскомъ и народомъ, и войско безъ всякой причины стрѣляло по народу; по этому поводу силезскій депутатъ Штейнъ предложилъ, чтобы офицерамъ сдѣлано было внушеніе воздерживаться отъ всякихъ реакціонерныхъ стремленій, избѣгать столкновенія съ гражданами, и искать съ ними сближенія; а если кто изъ офицеровъ нашелъ бы это предложеніе несогласнымъ съ своими политическими убѣжденіями, то онъ долженъ былъ оставить службу. Министерство нашло, что національное собраніе не имѣетъ права руководить его дѣйствіями и дѣлать ему предписаній; военный министръ объявилъ, что онъ самъ знаетъ, какъ онъ долженъ поступать, и что онъ сообразно съ своимъ долгомъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе относительно гг. офицеровъ. Однакоже слѣдствіемъ этихъ неосторожныхъ заявленій было то, что въ настоящемъ вопросѣ центръ присоединился къ лѣвой сторонѣ и предложеніе Штейна было принято. Министерство вышло въ отставку и было замѣнено новымъ подъ предсѣдательствомъ генерала Ифюля. Это новое министерство состояло большею частью изъ людей, игравшихъ важную роль въ до-мартовскую эпоху, и поэтому призваніе его можно было считать началомъ реакціи, или, по крайней мѣрѣ, торжествомъ политики противодѣйствія собранію. Правда, программа новаго министерства и первыя его мѣры, а именно принятіе предложенія Штейна, противорѣчили этому мнѣнію. Но и на этотъ разъ согласіе между правительствомъ и собраніемъ продолжалось недолго. Собраніе, обсудивши нѣсколько важныхъ вопросовъ, какъ-то: законъ о личной свободѣ, и другіе, перешло наконецъ, спустя четыре мѣсяца послѣ начала своихъ засѣданій, къ обсужденію новой конституціи.

Въ первомъ вопросѣ, подлежавшемъ обсужденію, умѣренная партія одержала верхъ: когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, зависитъ ли утвержденіе конституціи только отъ собранія, или отъ соглашенія между собраніемъ и королемъ, за первое мнѣніе подано было всего 43 голоса, за второе — 284. Но за этой первой неудачей лѣвой сторо-

ны, начинается для нея рядъ побѣдъ. Мало того, что были отмѣнены ненавистныя народу привилегіи дворянства, право охоты и поборовъ съ крестьянъ, но было уничтожено и самое сословіе дворянства; далѣе уничтожены были ордена и всѣ титулы, не соединенные съ какою нибудь должностью. Народъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ занятій собранія, неоднократно шумными демонстраціями выказывалъ свое сочувствіе членамъ лѣвой стороны и, наоборотъ, встрѣчалъ съ насмѣшками и оскорбленіями депутатовъ правой стороны; — нѣсколько разъ дѣло доходило до столкновенія національной гвардіи съ народомъ. Эти уличныя столкновенія начинали надоѣдать обитателямъ Берлина, и многіе изъ нихъ стали желать выхода изъ этого положенія, какою бы цѣною ни былъ купленъ онъ. Такимъ образомъ реакція приближалась быстрыми шагами: правительство уже давно только ждало случая, чтобы вступить на этотъ путь. Событія, случившіяся въ Вѣнѣ въ послѣднихъ числахъ октября, ускорили кризисъ въ Берлинѣ.

Единство цѣлей обыкновенно сближаетъ какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлые народы. Поэтому въ подобныя эпохи какое нибудь рѣшительное событіе въ одномъ государствѣ, въ одномъ городѣ рѣдко остается безъ важныхъ послѣдствій и для другихъ столицъ и государствъ. Мартовскія событія въ Вѣнѣ имѣли, какъ мы видѣли, рѣшительное вліяніе на ускореніе возстанія въ Берлинѣ. Съ тѣхъ поръ берлинское населеніе слѣдило съ величайшимъ участіемъ за ходомъ революціи въ разныхъ странахъ Европы, и преимущественно Германіи.

Извѣстія о возстаніи народа въ Вѣнѣ и о борьбѣ его съ правительствомъ произвели въ Берлинѣ сильное впечатлѣніе. По мѣрѣ того, какъ приходили эти извѣстія, берлинское населеніе быстро переходило отъ опасенія къ надеждамъ, отъ удивленія къ ненависти. Когда 31 октября пришло извѣстіе о первыхъ успѣхахъ Виндишгреца, крайняя лѣвая сторона въ собраніи сдѣлала предложеніе, чтобы собраніе потребовало отъ министерства энергическаго вмѣшательства въ пользу народнаго дѣла въ Вѣнѣ. Собраніе измѣнило это предложеніе въ томъ смыслѣ, чтобы министерству поручено было ходатайствовать у короля о посредничествѣ его между вѣнскимъ правительствомъ и народомъ. Но народъ, недовольный разсужденіями собранія вообще и въ особенности этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ, занялъ зданіе, въ которомъ засѣдало собраніе, и рѣшилъ не выпускать членовъ его, пока они не перемѣнятъ этого рѣшенія. Національная гвардія не въ силахъ была справиться съ народными массами, и только подоспѣвшія войска высвободили изъ плѣна членовъ народнаго собранія. Это послужило сигналомъ для наступленія сильнѣйшей

реакціи. Министерство Пфюля, считавшееся прежде реакціоннымъ, въ сравненіи съ министерствами Кампгаузена и Ганземанна, оказалось слишкомъ либеральнымъ для новой политики правительства. 2 ноября оно вышло въ отставку, и король поручилъ составленіе новаго министерства графу Бранденбургу, человѣку извѣстному своими аристократическими убѣжденіями, и своими строго консервативными мѣрами въ Бреславлѣ, во время происходившаго тамъ народнаго движенія. Въ этомъ министерствѣ мы видимъ, вмѣстѣ съ другими членами, и знаменитаго впослѣдствіи Мантейфеля.

Національное собраніе отправило къ королю депутацію, которая должна была представить ему настоящее положеніе страны и протестовать противъ назначенія новаго министерства, которое никогда не будетъ пользоваться довѣріемъ страны. Но король считалъ себя уже достаточно сильнымъ для того, чтобы не обратить вниманія на этотъ протестъ. Онъ выслушалъ адресъ, но не отвѣтилъ ни слова. Депутатъ Якоби спросилъ: «такъ ваше величество не удостоиваетъ насъ никакого отвѣта?» — «Нѣтъ», сухо отвѣтилъ король и повернулся къ нимъ спиною. — Народъ выразилъ свое сочувствіе Якоби тѣмъ, что устроилъ въ честь его процессію съ факелами; но король продолжалъ слѣдовать совѣтамъ своихъ новыхъ министровъ. — 9 ноября изданъ былъ декретъ, по которому засѣданія собранія отсрочивались до 27 ноября, и мѣсто его засѣданій переносилось въ городъ Бранденбургъ. Правительство мотивировало эту мѣру тѣмъ, что въ Берлинѣ собраніе не пользовалось надлежащей свободой, и что личность депутатовъ не была защищена отъ насилій злоумышленниковъ. Однако большинство собранія слишкомъ твердо было убѣждено въ стѣснительности этой мѣры правительства, и поэтому только не многіе члены крайней правой стороны послушались королевскаго повелѣнія, и удалились изъ собранія; большинство же собранія постановило такого рода рѣшеніе: собраніе не признаетъ за правительствомъ права отсрочивать или переносить съ мѣста на мѣсто засѣданій его, безъ согласія большинства депутатовъ; а такъ какъ оно само не видитъ никакой уважительной причины отсрочить свои засѣданія или перенести ихъ въ другое мѣсто, то оно рѣшается собраться на слѣдующій день, на томъ же мѣстѣ, для продолженія своихъ занятій. Узнавши о такомъ рѣшеніи собранія, президентъ полиціи пригласилъ національную гвардію запереть зданіе засѣданій, и не дозволять доступъ въ него депутатамъ. Когда національная гвардія отказалась исполнить это, президентъ прямо объявилъ, что правительство приступитъ къ мѣрамъ, которыя признаетъ необходимыми. Несмотря на эту угрозу, большинство депутатовъ собралось 10 ноября въ обычномъ мѣстѣ засѣданій. Положеніе собранія было однако же чрезвычайно затруднительнымъ: депутаты

боялись, чтобы народъ не увидѣлъ въ ихъ сопротивленіи сигнала къ возстанію, и чтобы они такимъ образомъ не сдѣлались виновниками новаго кровопролитія. Чтобы избѣжать этого, они обратились къ гражданамъ съ короткимъ воззваніемъ, въ которомъ убѣдительно просили ихъ не сходить съ почвы законности. Между тѣмъ въ тотъ же день обнаружилось, что̀ правительство разумѣло подъ именемъ необходимыхъ мѣръ: 10 ноября, около обѣда, генералъ Врангель вступилъ въ Берлинъ съ 15,000 войска, и пошелъ прямо къ дому собранія. Когда президентъ собранія, Упру спросилъ его о его намѣреніяхъ относительно собранія, онъ отвѣтилъ, что не знаетъ никакого національнаго собранія, потому что король отсрочилъ его засѣданія, и что онъ до тѣхъ поръ не выведетъ своихъ солдатъ изъ дома собранія, пока не удалятся всѣ депутаты. Послѣ такого отвѣта президентъ закрылъ собраніе и всѣ депутаты удалились. 12 ноября Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, и повелѣно было уничтожить національную гвардію, которая, избѣгая безполезнаго кровопролитія, сложила оружіе. Но національное собраніе не сразу подчинилось требованію правительства: такъ какъ домъ собранія оставался запертымъ, то оно въ послѣдующіе дни неоднократно собиралось то здѣсь, то тамъ, но нигдѣ не находило покоя; повсюду его разгоняла вооруженная сила, и наконецъ выведенное изъ терпѣнія, собраніе постановило, что настоящее правительство не имѣетъ права взимать подати, и пригласило населеніе отказываться отъ платежа ихъ. Но эта мѣра оказалась болѣе гибельною для самого собранія, нежели для правительства. Населеніе Пруссіи выказало чрезвычайно мало настойчивости. Начавши съ жаромъ борьбу съ правительствомъ, оно скоро охладѣло и въ настоящее время жаждало спокойствія во чтобы то ни стало. Въ Пруссіи, Помераніи, Бранденбургѣ открыто выражалась радость тому, что королевская власть возстановлена въ прежней силѣ; рейнскія провинціи и Вестфалія или держались нейтральной политики, или открыто поддерживали министерство; только Саксонія и Силезія оказались болѣе постоянными въ своихъ стремленіяхъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этихъ провинцій нужно было употребить военную силу для подавленія народной партіи. Очень понятно, что при такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, послѣднее постановленіе національнаго собранія не могло имѣть успѣха: оно вообще было встрѣчено довольно неблагосклонно, и только въ немногихъ мѣстностяхъ народъ отказался платить налоги. Видя такую холодность народа, собраніе покорилось своей участи: болѣе скомпрометированные члены его удалились изъ Берлина, остальные согласились отсрочить свои засѣданія и перенести ихъ въ Бранденбургъ.

Дѣйствительно, эти возобновленныя засѣданія открыты были въ Бранденбургѣ 27 ноября. Но послѣднія дѣйствія собранія въ Берлинѣ поставили его въ такія отношенія къ правительству, что трудно было надѣяться на соглашеніе: король не могъ простить ему того, что оно приглашало націю не платить налоги и проч. Къ тому же лѣвая сторона собранія и въ Бранденбургѣ не прекращала своихъ демонстрацій. Такъ, напримѣръ, когда одно изъ ея предложеній было отвергнуто, вся лѣвая сторона поднялась и съ шумомъ оставила собраніе. Слѣдствіемъ всего этого было то, что королевскимъ декретомъ отъ 5 декабря собраніе было распущено. Въ тотъ же день обнародована была новая конституція; въ основаніе ея легли частью постановленія національнаго собранія, частью рѣшенія франкфуртскаго парламента; но тѣ и другія были октроированы королемъ и его новыми министрами. Эта новая конституція, прежде, нежели вступить въ силу, должна была подвергнуться ревизіи обѣихъ палатъ, которыя были созваны королемъ къ 26 февраля 1849 года. Произведены были новые выборы, и въ назначенный день засѣданіе палатъ было открыто. Въ новой второй палатѣ мы опять видимъ извѣстнѣйшихъ изъ вождей лѣвой стороны — Вальдека, Беренса, Родбертуса, Якоби и др. Вообще трудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ большинство въ новой палатѣ; и очень могло статься, что еслибъ правительство сдѣлало открытый шагъ назадъ, большинство оказалось бы на сторонѣ демократовъ. Но въ первое время министерство вело себя съ достаточнымъ тактомъ, и поэтому въ началѣ засѣданій небольшое большинство оказалось на сторонѣ умѣренныхъ конституціоналистовъ. Доказательствомъ тому служитъ то, что поднятый лѣвой стороной вопросъ о томъ — слѣдуетъ ли приступать къ разсмотрѣнію октроированной конституціи 5 декабря — былъ рѣшенъ въ смыслѣ, благопріятномъ для правительства, то есть утвердительно. Но вторая палата была распущена прежде, нежели она окончила свои труды по ревизіи конституціи. Распущеніе это было вызвано двумя рѣшеніями палатъ, очевидно выражавшими неодобреніе министерской политики. Первымъ изъ этихъ рѣшеній было принято предложеніе Родбертуса о томъ, чтобы правительство признало устройство Германіи, данное ей франкфуртскимъ парламентомъ; а между тѣмъ извѣстно было, что министерство старалось объ уничтоженіи франкфуртскихъ постановленій. Нѣсколько дней спустя, палата занялась разрѣшеніемъ вопроса о необходимости и законности продленія осаднаго положенія въ Берлинѣ, и рѣшила его въ смыслѣ, неблагопріятномъ для министерства. Слѣдствіемъ этихъ двухъ рѣшеній было то, что 27 апрѣля послѣдовало повелѣніе о распущеніи второй палаты.

Вскорѣ послѣ того революція вспыхнула въ различныхъ мѣстахъ Германіи: Саксонія, Пфальцъ, Баденъ сдѣлались опять театромъ борьбы правительства съ народомъ. Но Берлинъ, казалось, истощилъ всю свою энергію во время событій 1848 года и впалъ въ какую-то апатію. По крайней мѣрѣ, онъ встрѣтилъ совершенно хладнокровно майскія событія 1849 года — онъ даже не шевельнулся. Болѣе живучести оказали народныя стремленія въ другихъ мѣстностяхъ Прусской монархіи: въ Бреславлѣ, Кёльнѣ, Дюссельдорфѣ, Эльберфельдѣ, Кёнигсбергѣ произошли болѣе или менѣе серьёзныя возмущенія. Они показались тѣмъ опаснѣе правительству, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ландверъ отказался идти противъ инсургентовъ, утверждая, что они, сражаясь за германскую конституцію, сражаются за правое дѣло. Король призвалъ войско къ оружію, и въ прокламаціи отъ 15 марта изъявилъ твердое свое намѣреніе покончить съ революціей въ Пруссіи и Германіи и гарантировать Германіи свободу и единство. Первое дѣло скоро было сдѣлано: справившись безъ особенныхъ усилій съ своими собственными инсургентами, прусское правительство помогло подавить возстаніе въ Саксоніи; затѣмъ принцу прусскому поручено было войско для подавленія его въ Пфальцѣ и Баденѣ.

Въ то время, какъ онъ съ успѣхомъ оканчивалъ возложенное на него порученіе, реакція въ Пруссіи подавляла побѣжденную революцію. Не только Берлинъ, но и самыя отдаленныя провинціи, самые скрытые закоулки сдѣлались театромъ политическихъ преслѣдованій. Произволъ, съ которымъ поступали относительно подозрительныхъ лицъ, былъ весьма чувствителенъ въ Берлинѣ; но въ провинціяхъ онъ не зналъ мѣры. Такъ, напримѣръ, въ городкѣ Даме все мужское населеніе города подверглось судебному преслѣдованію за то, что граждане самовольно отрѣшили отъ должности бургомистра; въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько сотъ человѣкъ были осуждены на многолѣтнее тюремное заключеніе за то, что возстали противъ притѣснительныхъ мѣръ помѣщика. Реакціонная пресса, направляя общественное мнѣніе противъ ненавистныхъ ей людей, клеветала и лгала безпощадно. Если за годъ передъ этимъ демократическая пресса подвергалась отъ своихъ враговъ обвиненію въ томъ, что прибѣгала къ разнымъ нелѣпымъ выдумкамъ, то реакціонная пресса значительно превзошла ее въ этомъ искусствѣ. Трудно повѣрить, чтобы могли найтись люди, которые вздумали бы увѣрять народъ, что демократы и революціонеры имѣютъ намѣреніе отравить, напримѣръ, цѣлый городъ, сжечь цѣлые кварталы, взорвать на воздухъ цѣлые замки и казармы. А между тѣмъ, всѣ эти клеветы можно встрѣтить въ прусскихъ реакціонныхъ органахъ 1849 года.

Правительство старалось извлечь для себя всевозможныя выгоды изъ подобнаго настроенія страны. Оно спѣшило принять цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были предотвратить возвращеніе недавней анархіи. Одною изъ главныхъ заботъ его было составленіе новой палаты, которая оказывала бы ему поддержку для достиженія его цѣлей. Мы сказали выше, что вторая палата, въ которой еще весьма сильна была крайняя лѣвая сторона, была распущена въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ лѣтомъ приступлено было къ новымъ выборамъ. Но предварительно правительство отмѣнило либеральный избирательный законъ 1848 года, и раздѣлило избирателей на 3 класса, такъ что первый классъ, состоявшій изъ людей зажиточныхъ, имѣлъ при выборахъ гораздо значительнѣйшія права, нежели третій классъ, состоявшій изъ людей недостаточныхъ. Въ то же время правительство приняло и другія мѣры, которыя должны были способствовать благопріятному для него исходу выборовъ: оно повелѣло, чтобы подача голосовъ была открытая. Далѣе оно издало новый законъ о собраніяхъ, которымъ запрещались политическія собранія; наконецъ новый законъ о печати значительно ограничилъ свободу газетъ, неблагопріятно расположенныхъ къ правительству. Демократы не захотѣли принимать участія въ выборахъ; да и еслибъ они и не отказались сами отъ выборовъ, то, при тогдашнемъ настроеніи общества, имъ невозможно было надѣяться на успѣхъ; въ особенности сельское и низшее городское населенія чувствовали къ нимъ какую-то боязнь, и ни за что не подали бы голоса за нихъ. Либеральная партія тоже была стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ новыми мѣрами правительства, и поэтому результатъ выборовъ не трудно было предвидѣть. Въ новой палатѣ, собравшейся въ августѣ мѣсяцѣ, преобладающимъ элементомъ былъ элементъ реакціонный; конституціонный элементъ составлялъ меньшинство, а демократическаго элемента въ ней вовсе не было. Мы не видимъ въ ней почти никого изъ извѣстныхъ членовъ сейма 1847 года, ни изъ депутатовъ собранія 1848 года, ни изъ февральской палаты 1849 года.

Главнымъ дѣломъ, которымъ предстояло заняться палатѣ, было разсмотрѣніе конституціи. Очень понятно, что конституція, составленная преимущественно на основаніи принциповъ 1848 года, должна была въ настоящее время подвергнуться весьма значительнымъ измѣненіямъ. Къ концу декабря ревизія была окончена; конституція вышла изъ палаты въ измѣненномъ видѣ. По крайней мѣрѣ теперь всѣ надѣялись, что она не подвергнется дальнѣйшимъ измѣненіямъ, и что она будетъ обнародована въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ палаты. Но въ началѣ января палата получила королевское посланіе, въ которомъ ей предлагалось сдѣлать но-

выя измѣненія въ конституціи. Посланіе это требовало, чтобы палата внесла въ конституцію полную реставрацію дворянства, отмѣну отвѣтственности министровъ, учрежденіе наслѣдственнаго званія пэровъ, увеличеніе королевской прерогативы и др. пункты. Палата согласилась и на эти требованія (кромѣ, впрочемъ, перваго), и въ такомъ видѣ конституція была обнародована 31 января 1850 года; а 6 февраля король и депутаты присягнули ей. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на разсматриваніи этой конституціи, потому что полагаемъ, что это могло бы показаться скучнымъ многимъ изъ нашихъ читателей. Замѣтимъ только, что несмотря на то, что въ ней осталось очень немногое, носившее на себѣ отпечатокъ 1848 года, несмотря на то, что реакціонерное правительство и угодливыя палаты употребили всевозможныя усилія, чтобы передѣлать ее по своему,—въ ней оставались, однако, статьи, сохранившія довольно либеральный характеръ. Поэтому, еслибы эта конституція осталась въ силѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она была обнародована въ 1850 году, безъ дальнѣйшихъ модификацій, ограниченій и лжетолкованій, то прусскіе подданные могли бы пользоваться хоть нѣкоторой степенью политической свободы. Такъ упомянемъ для примѣра, что конституція 1850 года обѣщаетъ прусскому народу слѣдующее: уничтоженіе всѣхъ сословныхъ привилегій, неприкосновенность собственности, жилища и письменной тайны; свободу печати, дозволеніе невооруженныхъ народныхъ сборищъ, и многое другое. Но прусское правительство, устрашенное событіями 1848 года, запуганное страшилищемъ революціи, опасавшееся анархіи и охлократіи, считало излишнею даже ту степень народной свободы, которую обѣщала конституція. Очевидно было, что уже въ то время правительство понимало конституцію по своему, давало ей свое особое толкованіе и вовсе не намѣрено было стѣсняться обѣщаніями, данными въ конституціи. Очень интересна рѣчь, произнесенная королемъ по случаю принесенія присяги конституціи; эта рѣчь показываетъ, во-первыхъ, какъ понималъ король конституцію и свои обязанности, какъ государя; во-вторыхъ, она показываетъ, на сколько искренно дѣйствовалъ король въ 1848 году, и какая разница существовала между его рѣчами въ началѣ 1848 года, во время торжества революціи, и въ 1850 году, во время полнаго торжества реакціи. Давши обѣщаніе заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, управлять ими согласно съ дарованной конституціей и прежде всего служить Господу, король сказалъ: «Конституція имѣетъ началомъ своимъ такую эпоху, *которую будущія вѣрноподданническія поколѣнія тщетно будутъ стараться смыть слезами со страницъ исторіи Пруссіи*. Но существованіе и благотворное дѣйствіе конституціи зависитъ отъ непремѣннаго ис-

полненія разныхъ условій; въ особенности же отъ того, чтобы была согласована дѣятельность верховной власти съ существующими учрежденіями. Поэтому всѣ мои вѣрные подданные должны помогать мнѣ противъ тѣхъ, которые вздумаютъ употребить во зло дарованную имъ мною свободу, которые захотятъ направить ее противъ установленной отъ Бога королевской власти; наконецъ противъ тѣхъ, которые захотятъ видѣть въ этой свободѣ замѣну божественнаго провидѣнія, замѣну исконной священной вѣрности къ королевскому дому, всегдашняго отличительнаго свойства прусскаго народа».

Реакціонеры не замедлили принять къ свѣдѣнію намеки короля на *усовершенствованія* въ конституціи. Они не замедлили приступить къ новымъ ревизіямъ конституціи, которыя не скоро прекратились. Эти ревизіи, хотя и касались часто мелочей, хотя измѣняли часто одно только слово въ какомъ-нибудь параграфѣ, но постоянно имѣли въ виду одну цѣль: усилить неограниченно-монархическую власть и значеніе феодаловъ, и ослабить или совершенно уничтожить то, что вытекало изъ теоріи конституціоннаго государственнаго права. Объ важнѣйшихъ изъ этихъ измѣненій и усовершенствованій, совершенныхъ преимущественно подъ вліяніемъ феодальной партіи, мы будемъ говорить ниже. Теперь же упомянемъ еще объ одномъ изъ замѣчательныхъ и характеристическихъ событій первой эпохи реставраціи въ Пруссіи — именно, о судѣ надъ политическими дѣятелями 1848 года.

Какъ ни старались реакціонеры не оставить въ прусскихъ учрежденіяхъ и слѣда законовъ 1848 года, однако они не могли сдѣлать все разомъ. Такъ, между прочимъ, они предполагали учредить особенное судилище для политическихъ преступниковъ. Но это учрежденіе состоялось не такъ скоро, какъ желали реакціонеры: оно было учреждено не ранѣе 1853 года. А между тѣмъ, послѣ подавленія революціи во всей Германіи, послѣ рѣшенія всѣхъ германскихъ правительствъ безпощадно преслѣдовать всякіе слѣды революціи, и прусское правительство сочло необходимымъ предать суду нѣкоторыхъ изъ болѣе извѣстныхъ прусскихъ демократовъ. Но за отсутствіемъ новаго судилища, эти политическіе дѣятели подвергались суду присяжныхъ, который былъ одинъ изъ послѣднихъ остатковъ учрежденій 1848 года. Очень понятно, что рѣшенія присяжныхъ были болѣе безпристрастны и независимы, нежели были бы рѣшенія королевскихъ судей. Благодаря этой случайности, многіе изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей прусской революціи, какъ-то Вальдекъ, Темме, Якоби, преданные суду правительствомъ, были оправданы судами присяжныхъ.

Ознаменовавши себя еще новыми преслѣдованіями и стѣсненіями

свободы печати, поводомъ къ которымъ послужило покушеніе на жизнь короля (22 мая 1850 года), и потерпѣвши неудачу во внѣшней политикѣ своей относительно Германіи, графъ Бранденбургъ сошелъ въ могилу (осенью 1850 года). Душою прусскаго правительства сдѣлался извѣстный Мантейфель (ноябрь 1850 года).

Демократія была побѣждена: не только республиканскія, но и конституціонно-либеральныя стремленія подвергались строжайшимъ преслѣдованіямъ; конституція была обрѣзана — и все еще продолжались измѣненія въ смыслѣ консервативномъ и реакціонномъ. Итакъ противники абсолютной монархіи разбиты на голову, и, кажется, нескоро оправятся отъ своего пораженія. Но какую же картину представляетъ намъ лагерь побѣдителей? что мы въ немъ замѣчаемъ? Господствуетъ ли тамъ полное согласіе и единодушіе между побѣдителями, всѣ ли они имѣютъ одну цѣль и одни стремленія, или — они соединились только случайно, вслѣдствіе общей ненависти къ либераламъ и демократамъ, для вѣрнѣйшаго подавленія ненавистныхъ имъ тенденцій? Послѣднее едва ли не вѣрнѣе. Мы дѣйствительно видимъ въ лагерѣ побѣдителей двѣ партіи, почти одинаково сильныя и не совсѣмъ дружелюбныя, а именно — партію феодаловъ и партію бюрократовъ. Многіе не привыкли различать обѣихъ этихъ партій, и видятъ въ нихъ одно общее направленіе. Происходитъ это, конечно, оттого, что обѣ партіи дѣйствуютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, когда дѣло идетъ о подавленіи конституціоналистовъ и республиканцевъ, и въ это время между ними исчезаетъ всякій антагонизмъ. Но какъ скоро дѣло дойдетъ до дѣлежа добычи, какъ скоро приходится раздѣлить между собою власть, отнятую у противниковъ, антагонизмъ между ними обнаруживается довольно замѣтнымъ образомъ (*). Новый глава кабинета, Мантейфель, былъ представителемъ партіи бюрократической. Онъ не менѣе феодаловъ ненавидѣлъ демократовъ и конституціоналистовъ, но онъ желалъ, чтобы вся законодательная, судебная и административная дѣятельность, исторгнутая изъ рукъ самого народа, сосредоточивалась въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ, а не привилегированныхъ корпорацій или

(*) Этотъ антагонизмъ и это различіе стремленій выразились чрезвычайно ясно въ различныхъ воззрѣніяхъ прусской журналистики и прусскихъ государственныхъ людей той эпохи на парижскій coup d'état 2 декабря 1851 года. Мантейфель вполнѣ одобрялъ этотъ переворотъ, и его органъ «*Прусская Газета*» превозносилъ Людовика-Бонапарта и его политику; а феодальная партія и ея органъ, «*Крестовая Газета*», встрѣтили съ негодованіемъ и осыпали бранью послѣднія мѣры президента, въ которомъ они видѣли врага наслѣдственной аристократіи и проводника анти-феодальныхъ наполеоновскихъ идей. По этому поводу была даже сдѣлана попытка, хотя и неудачная, склонить короля къ удаленію Мантейфеля.

сильныхъ феодаловъ. Но феодалы желали господства и въ провинціальныхъ сеймахъ, и въ палатахъ, и въ судахъ, и въ администраціи, и мечтали о томъ, какъ бы подчинить всю Пруссію власти сильной аристократіи. При этомъ должно отдать справедливость партіи феодаловъ въ томъ, что она имѣла опредѣленную программу и заранѣе обозначенную цѣль (чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про всѣ прусскія партіи). Вотъ, напримѣръ, нѣкоторые отрывки изъ одной руководящей статьи органа этой партіи, «Крестовой Газеты». «Правая сторона», говоритъ статья эта, «требуетъ очищенія конституціи посредствомъ устраненія нѣкоторыхъ совершенно революціонныхъ принциповъ, которые смущаютъ совѣсть, мѣшаютъ нашему развитію и отравляютъ наше учащееся и вступающее на жизненный путь юношество. Мы оставляемъ конституціи 1848 года тѣ ея основанія, которыя очевидно не вредны; мы оставляемъ, напримѣръ, подобные принципы, какъ слѣдующіе: «наука и изученіе ея должны быть свободны», «начальствованіе надъ войскомъ принадлежитъ королю», и пр. Но съ другой стороны правая сторона будетъ противиться всякому измѣненію въ конституціи въ смыслѣ бюрократическаго и полицейскаго абсолютизма. Пруссія проснулась отъ своего глубокаго паденія и низвергла революцію не для того, чтобы прійдти къ подобному результату.... Нужно измѣнить конституцію относительно общиннаго, окружнаго и областнаго ея устройства; нужно защитить поземельную собственность отъ угрожающаго ей раздробленія.»

Король, отказавшись, какъ мы уже видѣли, отъ уступокъ, сдѣланныхъ имъ народнымъ требованіямъ въ 1848 году, оставался какъ бы особнякомъ между двумя партіями—феодаловъ и бюрократовъ. Но будучи однимъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ историческихъ традицій, онъ болѣе сочувствовалъ аристократическимъ стремленіямъ феодаловъ, нежели бюрократизму своего перваго министра. Сильная сама по себѣ, аристократическая партія дѣлается еще сильнѣе вслѣдствіе явнаго предпочтенія, которое оказываетъ ей король. Одинъ изъ членовъ правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ г. Вестфаленъ, принадлежитъ къ числу вліятельныхъ и усердныхъ членовъ этой партіи. Кромѣ Вестфалена самыми замѣчательными представителями этой партіи при дворѣ и въ палатѣ были Герлахъ, юристъ Шталь, историкъ Лео, Бисмаркъ—Шёнгаузенъ, и другіе.

Плачевную участь готовила прусской конституціи политика, основанная на соединеніи бюрократизма съ феодализмомъ. Мантейфель, при самомъ вступленіи своемъ въ министерство, объявилъ, что «Пруссія совершенно покончила съ революціей и что солидарность консервативныхъ интересовъ заступила мѣсто конституціонной политики и стремленія къ германскому единству».

Вслѣдствіе подобнаго объявленія перваго министра, все, что хотѣло остаться независимымъ отъ такого воззрѣнія на задачу правительства и на отношенія его къ народу, подвергалось преслѣдованію; все, что только можно было подчинить какому нибудь надзору, было поставлено въ самую тяжелую зависимость. Такъ напр. не малымъ ограниченіямъ со стороны правительства подвергалась свобода печати. Напримѣръ, почтамтъ пересталъ принимать на себя пересылку оппозиціонныхъ органовъ. Такъ какъ въ Пруссіи не было другаго способа доставки изданій, то оппозиціонные журналы и газеты были совершенно лишены возможности обращаться въ публикѣ. Несмотря, однакоже, на всѣ преслѣдованія бюрократически-феодальной партіи, прусская пресса оставалась представительницею идей, ненавистныхъ этой партіи.

Мы видѣли выше, что король смотрѣлъ на конституцію 1850 года, какъ на нѣчто вынужденное. Еще въ то время, какъ онъ присягалъ ей, онъ счелъ нужнымъ заявить, что онъ намѣренъ подвергнуть ее новымъ ревизіямъ. Феодальная партія видѣла въ этой конституціи отпечатокъ демократіи, и считала ее (конечно, не безъ нѣкотораго основанія) положительно враждебной старинымъ привилегіямъ. Она никакъ не могла свыкнуться съ тѣмъ, что новыя муниципальныя и областныя учрежденія лишаютъ аристократію возможности играть главную роль въ администраціи страны. Она находила въ новой конституціи еще тотъ недостатокъ, что она, не учредивши наслѣдственнаго достоинства пэровъ, не обезпечила высшей аристократіи сильнаго голоса въ парламентѣ. Подъ вліяніемъ этого враждебнаго взгляда на конституцію 1850 года, эта партія принялась за проведеніе въ нее новыхъ реформъ, которыя должны были уничтожить ненавистныя ей учрежденія и пополнить конституцію тѣми, которыхъ въ ней не доставало.

Преобразованія въ прусскихъ учрежденіяхъ начались съ того, что возстановленъ былъ государственный совѣтъ, которому вручена была высшая законодательная власть. Въ сессію $^{1852}/_{53}$ года, прусское правительство попыталось провести въ палатахъ законъ о томъ, чтобъ сессіи палатъ, вмѣсто того, чтобы быть ежегодными, повторялись бы только каждые два года; попытка, впрочемъ, не удалась и законъ не прошелъ черезъ вторую палату. Далѣе, по настоянію дворянства, возобновлены были старинныя окружныя и волостныя собранія съ тѣмъ, чтобы эти собранія представляли въ палаты свои соображенія и проэкты касательно потребностей и нуждъ извѣстной мѣстности. Въ этихъ собраніяхъ преобладалъ элементъ дворянства. Любопытно слѣдующее мѣсто изъ рѣчи перваго министра, сказанной въ преніяхъ по этому вопросу; оно показываетъ очень наглядно, какъ то-

гдашнее правительство понимало парламентарную систему: «Говорятъ, что страна питаетъ недовѣріе къ правительству. Когда среди важныхъ затрудненій я былъ призванъ къ настоящему моему посту, я сталъ получать многочисленные адресы, выражающіе недовѣріе ко мнѣ и къ моему министерству. Я истреблялъ эти адресы и спокойно продолжалъ свой путь. Трехлѣтній періодъ времени, прошедшій съ тѣхъ поръ, доказалъ, что не смотря на эти изъявленія недовѣрія, страна значительно успѣла. Теперь говорятъ о томъ, что нужно перемѣнить личный составъ министерства. Что касается до меня, то я бы вовсе не прочь былъ исполнить подобное требованіе. Дѣйствительно, господа, могу васъ увѣрить, что нѣтъ никакого особеннаго удовольствія занимать въ настоящее время постъ министра. Но, повторяю, я здѣсь не вслѣдствіе желанія какой нибудь партіи, не вслѣдствіе рѣшенія какого бы то ни было большинства. Я здѣсь потому, что его величество, государь мой, велѣлъ мнѣ быть на этомъ постѣ, и я останусь на немъ, пока онъ мнѣ не повелитъ оставить его». Послѣ долгихъ и жаркихъ преній, проэктъ о возстановленіи провинціальныхъ сеймовъ былъ принятъ большинствомъ 28 голосовъ. Обезпечивши себѣ такимъ образомъ содѣйствіе провинціальныхъ собраній, правительство приступило къ измѣненію общинныхъ и муниципальныхъ законовъ 1850 года.

Еще въ 1808 году главнымъ городамъ королевства дана была организація, основанная на избирательномъ принципѣ и имѣвшая нѣкоторое подобіе самоуправленія; впослѣдствіи подобныя права получили и прочіе города королевства. Что же касается до сельскихъ общинъ, то на нихъ не распространилось это благодѣяніе и онѣ остались подъ управленіемъ помѣщиковъ; только въ Вестфаліи и въ Рейнской области, долгое время бывшихъ подъ французскимъ владычествомъ, сельскія общины получили управленіе, схожее съ городскимъ управленіемъ. Законы о городскомъ и сельскомъ управленіи, изданные въ 1850 году, были довольно либеральны. Но поэтому самому они были ненавистны дворянамъ-землевладѣльцамъ. Съ самаго начала они старались положить всевозможныя препятствія приведенію въ дѣйствіе новыхъ законовъ, и, при господствовавшемъ въ то время реакціонномъ направленіи, это было дѣломъ не особенно труднымъ. Феодалы, ободренные удачей при возобновленіи провинціальныхъ сеймовъ, и видя во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ члена своей партіи, г. Вестфалена, рѣшились идти далѣе и хлопотать объ измѣненіи общинныхъ законовъ въ смыслѣ реакціонномъ. Въ рѣчи, произнесенной по поводу возобновленія областныхъ сеймовъ, Вестфаленъ сказалъ: «обнародованіе новыхъ общинныхъ законовъ заставило было многихъ думать, будто историческія и традиціонныя основы, на которыхъ

зиждется прусская монархія, должны замѣниться новымъ, конституціоннымъ порядкомъ вещей; поэтому новый общинный законъ встрѣченъ былъ съ восторгомъ демократами, съ уныніемъ консерваторами. Пагубныя послѣдствія французской общинной организаціи», сказалъ далѣе министръ, «обнаружились въ Рейнскихъ провинціяхъ. Вообще примѣръ Франціи показываетъ, что новѣйшая конституціонная система не имѣетъ никакой жизненной силы; она только открываетъ путь революціи и соціализму.» Въ заключеніе министръ объявилъ, подобно г. Мантейфелю, что правительство будетъ продолжать идти къ своей цѣли, не отвлекаясь никакими рѣшеніями палаты. Высказавши устами Мантейфеля и Вестфалена такъ опредѣленно свои взгляды на старинную феодально-монархическую, и на новую конституціонную систему правленія, и увѣрившись въ содѣйствіи провинціальныхъ сеймовъ, правительство приступило къ измѣненію муниципальныхъ и общинныхъ законовъ 1850 года. Были изданы новые законы, особенные для городскихъ и сельскихъ общинъ, для восточныхъ и западныхъ провинцій Пруссіи; но всѣ они значительно ограничивали право выбора (такъ въ сельскихъ общинахъ только одна треть прежнихъ избирателей сохранила это право по новымъ законамъ). Они ставили городскія общины въ совершенную зависимость отъ правительственныхъ чиновниковъ, ландратовъ, а сельскія въ зависимость и отъ ландратовъ, и еще болѣе отъ помѣщиковъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ по одному или по нѣскольку голосовъ въ сельскомъ совѣтѣ; изъ нихъ же выбирались сельскіе судьи и администраторы; а такъ какъ этотъ же законъ отмѣнялъ закрытую подачу голосовъ при сельскихъ выборахъ, то они могли оказывать еще значительнѣйшее вліяніе на зависѣвшихъ отъ нихъ сельскихъ избирателей. Эти законы, содержащіе еще много другихъ постановленій, благопріятныхъ юнкерству и бюрократизму, были почти единогласно приняты верхнею палатой; но въ нижнюю палату ихъ не успѣли внести въ ту же сессію. Однако это нисколько не помѣшало ревностному правительству привести ихъ тотчасъ же въ исполненіе: королевскій декретъ повелѣлъ министрамъ дѣйствовать на основаніи этихъ законовъ, въ ожиданіи пока палата утвердитъ ихъ въ слѣдующую свою сессію.

Въ вопросахъ о возобновленіи провинціальныхъ сеймовъ и объ измѣненіи общинныхъ и муниципальныхъ законовъ мы видѣли полное согласіе между бюрократами и феодалами; они дружными усиліями низвергли либеральныя учрежденія 1848—1850 годовъ, и подѣлили между собою добычу, разобравши по рукамъ власть, принадлежавшую доселѣ общинамъ. Но вотъ вопросъ, имѣющій также реакціонерный, консервативный характеръ, и въ то же время обнаруживающій анта-

гонизмъ между бюрократами и феодалами — это вопросъ о составѣ первой палаты. Конституція 1850 года отложила рѣшеніе этого вопроса до 1852 года. Когда же въ началѣ 1852 года пришлось создать новый законъ по этому предмету, оказалось очень труднымъ согласовать требованія различныхъ консервативныхъ партій. Мантейфель и партія бюрократическая хотѣли, чтобы верхняя палата состояла изъ королевскихъ принцевъ и медіатизованныхъ имперскихъ чиновъ или ихъ потомковъ; прочіе члены должны были назначаться по выбору короля изъ высшихъ чиновниковъ по юридическому, гражданскому и военному вѣдомствамъ. Конечно, подобный планъ, будучи совершенно противенъ интересамъ аристократіи, встрѣтилъ сильное сопротивленіе съ ихъ стороны. Предводители феодальной партіи, Шталь и Герлахъ, представили свой проэктъ, по которому проэкту верхняя палата должна была состоять изъ наслѣдственныхъ и пожизненныхъ членовъ. Первые должны были назначаться королемъ (изъ высшихъ сановниковъ), послѣдніе должны были избираться дворянствомъ. Король колебался; онъ желалъ согласить несогласныя между собою требованія вѣрнѣйшихъ совѣтниковъ своихъ, Мантейфеля и Герлаха. Наконецъ объявлено было королевское повелѣніе, что составъ верхней палаты опредѣленъ будетъ самимъ королемъ. Въ 1854 году королевскій декретъ объявилъ о новомъ составѣ верхней палаты. Этотъ новый составъ былъ не совсѣмъ согласенъ съ желаніями феодаловъ: онъ даровалъ наслѣдственное право засѣдать въ первой палатѣ только нѣкоторымъ крупнымъ землевладѣльцамъ; а остальные члены назначались пожизненно самимъ королемъ изъ высшихъ сановниковъ и изъ представителей высшаго дворянства; далѣе были представители отъ всѣхъ университетовъ и отъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городовъ. Мысль объ избраніи самимъ дворянствомъ членовъ верхней палаты вовсе не нашла мѣста въ новомъ законѣ.

Мы изо всего этого ясно видимъ, чего хотѣлъ король, чего хотѣли господствовавшія въ то время партіи бюрократовъ и феодаловъ. Мы убѣждаемся, что и при существованіи конституціи на бумагѣ, въ иной странѣ законы могутъ издаваться и важные вопросы могутъ рѣшаться самымъ не конституціоннымъ путемъ.

Въ 1852 году истекалъ трехгодичный срокъ тогдашней нижней палаты и предстояли новые выборы. При тогдашней правительственной системѣ, а главное при тогдашнемъ общественномъ настроеніи, нельзя было надѣяться, чтобы эти новые выборы были удачнѣе для демократовъ и конституціоналистовъ, нежели выборы 1849 года. Предвидя полную неудачу, радикалы опять уклонились отъ выборовъ, конституціоналисты опять потерпѣли пораженіе во мно-

гихъ мѣстахъ, а большинство палаты состояло изъ приверженцевъ бюрократической и феодальной системы. Итакъ нельзя было ожидать скорой перемѣны въ прусской правительственной системѣ: король разъ навсегда ясно высказалъ свои политическія убѣжденія, министры оставались тѣ же, большинство палатъ оставалось то же, и слѣдовательно на новое трехлѣтіе утвердился въ Пруссіи тотъ порядокъ вещей, который мы изобразили выше.

Дѣйствительно, образованіе верхней палаты въ смыслѣ бюрократически-феодальномъ (*), преобразованіе общинныхъ учрежденій и другіе строго-консервативные законы — вотъ плоды сессій палатъ 1852—1855 годовъ. Въ 1855 году избирательная борьба возобновилась съ бо́льшею силою, нежели въ 1852 году. Вожди конституціонной партіи и католическое духовенство въ западныхъ провинціяхъ употребляли всѣ свои усилія, чтобы убѣдить населеніе принять участіе въ выборахъ. Однако, большинство избирателей по прежнему отстранялось отъ избранія, не надѣясь на благопріятный результатъ. Такъ въ 1855 году изъ 3,900,000 гражданъ, имѣвшихъ избирательный голосъ, не болѣе 464,000 приняли участіе въ выборахъ. Понятно, что это должно было повести къ новой побѣдѣ реакціонерныхъ фракцій. Слѣдующія цифры, показывающія составъ второй палаты въ 1855 году, лучше всего изображаютъ эту побѣду: въ ней было 170 помѣщиковъ (изъ нихъ 80 ландратовъ), 140 офицеровъ, 134 чиновника и 20 духовныхъ лицъ. Первая побѣда правой стороны состояла въ томъ, что въ президенты палаты выбранъ былъ ея кандидатъ, графъ Эйленбургъ, между тѣмъ какъ кандидатъ лѣвой стороны графъ Шверинъ потерпѣлъ пораженіе; равнымъ образомъ оба вице-президента были представители правой стороны. Далѣе, новымъ пораженіемъ для лѣвой стороны было то, что отвергнуто было предложеніе графа Шверина, требовавшаго ревизіи послѣднихъ выборовъ, которые, по его увѣренію, произведены были подъ вліяніемъ разныхъ министерскихъ циркуляровъ и поэтому не могли быть правильны. Между тѣмъ партія феодальная, надѣясь на свое очевидное превосходство, выступила тоже со своими требованіями. Но такъ какъ ея виды и требованія не всегда сходились съ видами министерства, то многіе изъ нихъ были отвергнуты палатою. Такъ были отвергнуты предложенія Вагнера, требовавшаго въ интересахъ феодальной и крайней протестантской партіи отмѣны 4 и 12 параграфовъ конституціи. Въ 4 § сказано: «всѣ прусскіе подданные равны передъ закономъ; происхожденіе не

(*) Самое названіе ея показывало характеръ этого собранія: вмѣсто первой или верхней палаты, она по закону 1854 года была названа «палатою господъ» (Herrenhaus)

дастъ никакихъ привилегій»; а въ 12 §: «пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ религіозныхъ вѣрованій». Правительство, не отказываясь отъ права измѣнять конституцію по своему усмотрѣнію, нашло однакоже ненужнымъ измѣненія, предложенныя Вагнеромъ. Также были отвергнуты предложенія Горста и графа Иценплица (настоящаго министра земледѣлія), которые въ видахъ уменьшенія пролетаріата предложили слѣдующія странныя мѣры: дозволить вступленіе въ бракъ только тому, кто достигъ 24-хъ лѣтняго возраста, и то только въ томъ случаѣ, если онъ докажетъ, что имѣетъ достаточныя средства къ существованію; другая мѣра должна была состоять въ томъ, чтобы запрещено было перемѣнять мѣсто жительства безъ дозволенія начальства. Какъ министерство Мантейфеля ни было склонно къ централизаціи и регламентаціи, однакоже оно нашло, что партія «Крестовой Газеты» зашла уже слишкомъ далеко въ этихъ своихъ требованіяхъ, и они были отвергнуты.

Съ своей стороны партія Герлаха, Вагнера и Шталя платила за эти пораженія тѣмъ, что при обсужденіи вопросовъ, предложенныхъ министерствомъ, соединялась иногда съ католической, иногда съ либеральной партіей и такимъ образомъ наносила пораженіе министерству. Такъ, въ сессію 1856—1857 годовъ министерство предложило законъ о новомъ налогѣ на строенія. Либеральная и католическая партія возстали противъ этого налога, какъ противъ мѣры, стѣснительной для народа; они доказывали, что и безъ того въ послѣдніе годы налоги увеличились на $7^1/_2$ милліоновъ таллеровъ, и что новое увеличеніе ихъ будетъ разорительно. Феодальная партія также возстала противъ этого закона, потому что часть новаго налога падала на поземельныхъ владѣтелей. Проэктъ министерства былъ отвергнутъ большинствомъ 241 голоса противъ 73. Подобное же явленіе повторилось и при обсужденіи новаго закона о разводѣ, поддерживаемаго министерствомъ и феодалами; въ этомъ вопросѣ противъ нихъ соединились партіи либеральная и католическая, и министерскій проэктъ былъ отвергнутъ. Но эти двѣ побѣды либеральной партіи были, какъ мы видимъ, дѣломъ случайнымъ, и произошли оттого, что по разнымъ причинамъ къ ней присоединились другія партіи въ палатѣ. Въ сущности же это случалось очень рѣдко. Обѣ реакціонныя фракціи—бюрократическая и феодальная,—несмотря на различіе своихъ стремленій, несмотря на открыто-проявляющуюся иногда вражду свою (*), были слишкомъ тѣсно связаны своей общей ненавистью къ

(*) Эта вражда выразилась между прочимъ и внѣ палаты, въ дуэли гг. Гинкельдея и Рохова. Гинкельдей, президентъ берлинской полиціи, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ бюрократической партіи, и по этому не ладилъ съ

новому порядку. Трудно было предвидѣть, какъ долго продержится эта система и къ чему она приведетъ, если бы болѣзнь короля и отреченіе его въ 1858 году не произвели нѣкоторой перемѣны во внутренней политикѣ прусскаго правительства.

Болѣзнь, постигшая короля Фридриха Вильгельма IV въ іюлѣ мѣсяцѣ 1857 года, обратилась скоро въ размягченіе мозга; и такъ какъ король не въ состояніи былъ заниматься лично дѣлами управленія, то королевскимъ повелѣніемъ отъ 23 октября 1857 года, принцу прусскому поручено было управленіе государствомъ. Болѣзнь короля, неизвѣстность чѣмъ эта болѣзнь кончится, и наконецъ назначеніе правителемъ принца прусскаго произвели сильное волненіе въ странѣ и въ особенности при дворѣ. Всѣ ожидали совершенной перемѣны во внѣшней и внутренней политикѣ Пруссіи. Мы встрѣчались уже прежде съ личностью принца прусскаго; мы видѣли, какого рода убѣжденія высказывалъ онъ въ 1847 году, во время засѣданій соединенныхъ провинціальныхъ сеймовъ; мы видѣли его образъ дѣйствія въ 1848 году, который привелъ народъ въ такое негодованіе, что принцъ долженъ былъ удалиться въ Лондонъ; мы видѣли далѣе, какъ недружелюбно встрѣтило его собраніе 1848 года, когда онъ, по возвращеніи изъ Лондона, явился занять свое мѣсто, какъ членъ собранія. Наконецъ въ послѣдній разъ мы видѣли его во главѣ прусскаго войска, подавляющимъ народное движеніе въ Баденѣ и Пфальцѣ. Все это, кажется, обрисовываетъ намъ довольно ясно личность новаго правителя Пруссіи и показываетъ, каковы были его политическія убѣжденія. А такъ какъ въ то время онъ былъ уже человѣкъ не молодой (ему было за 50 лѣтъ), то мы имѣемъ полное право предполагать, что эти убѣжденія не были чѣмъ-нибудь измѣнчивымъ и преходящимъ, а напротивъ, что они явились у него плодомъ зрѣлаго обсужденія, что они были искренни и поэтому тверды и непоколебимы. Но почему же господствовавшія въ послѣднее время партіи съ опасеніемъ смотрѣли на переходъ власти въ его руки? почему же противники этихъ партій ожидали отъ его управленія перемѣны къ лучшему? Это довольно странное явленіе, которое вводило многихъ въ заблужденіе и приводило ихъ къ совершенно ложнымъ заключеніямъ насчетъ личности и убѣжденій настоящаго короля Пруссіи.

Дѣло въ томъ, что принцъ прусскій имѣлъ болѣе проницательно-

феодалами. Онъ нѣсколько разъ пытался отклонить короля отъ феодаловъ и увѣрить его, что феодалы не менѣе опасные враги королевской власти, нежели либералы. За это молодой офицеръ и членъ нижней палаты, Роховъ, нашелъ случай вызвать его на дуэль, въ которой Гинкельдей былъ убитъ.

сти, нежели Фридрихъ Вильгельмъ IV; онъ лучше понималъ свое время, онъ лучше понималъ людей, окружавшихъ короля, и вслѣдствіе этого онъ убѣдился въ невозможности существованія мантейфелевой системы. Онъ не отступилъ ни на одну іоту отъ прежнихъ своихъ убѣжденій касательно назначенія и объема королевской власти. Онъ говорилъ и о конституціи, — но такой, которая не уменьшала бы ни на волосъ существа королевской власти; такой конституціи, которая бы не подчиняла его личной воли, его личныхъ симпатій и антипатій рѣшеніямъ парламентскаго большинства. И отъ подобной конституціи онъ былъ не прочь, потому что она, ни въ чемъ не ограничивая власть королевскую, могла однако значительно ограничить власть феодаловъ, которая въ послѣднее время управленія Фридриха Вильгельма IV сдѣлалась почти неограниченной. Онъ видѣлъ неизбѣжное зло и въ усиленіи либераловъ, и въ усиленіи феодаловъ; онъ охотнѣе всего избралъ бы такую систему правленія, при которой можно бы обойтись и безъ того и безъ другаго. Но въ послѣдніе годы онъ убѣдился въ томъ, что это совершенно невозможно; онъ видѣлъ, что черезчуръ строгое преслѣдованіе либеральной партіи привело правительство его брата къ замѣтному сближенію съ феодальной партіей и даже заставило его подчиниться ея интересамъ. Поэтому онъ рѣшился изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ выбрать меньшее: нѣкоторыя уступки въ либеральномъ духѣ казались ему все-таки меньшимъ зломъ, нежели уступки тенденціямъ Герлаха, Шталя, Вестфалена. Вслѣдствіе такого особеннаго взгляда на вещи, принцъ прусскій въ послѣднее время управленія Фридриха Вильгельма IV составлялъ при дворѣ его родъ оппозиціи. Вокругъ него составился особенный кружокъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые сидѣли въ палатѣ на скамьяхъ лѣвой стороны и казались крайне-либеральными и опасными какъ г. Мантейфейлю, такъ и феодаламъ (*). Вотъ какимъ образомъ можно объяснить опасенія мантейфель-вестфаленской партіи и радость умѣренныхъ либераловъ въ виду предстоящей перемѣны прусской политики.

Но покамѣсть опасенія Мантейфеля, Вестфалена и пр. оказались преждевременными. Въ это время еще неизвѣстно было, что болѣзнь короля была неизлечима, и принцъ не могъ дѣйствовать съ полной свободой противъ людей, которые пользовались постояннымъ расположеніемъ короля и королевы. Поэтому на первый годъ своего управленія онъ оставилъ всѣхъ прежнихъ министровъ, не выдвинулъ впередъ никого изъ своихъ приближенныхъ и бук-

(*) Въ числѣ его приближенныхъ мы видимъ: гг. Шлейница, Бетманъ-Гольвега, Узедома, Бунзена и другихъ.

вально слѣдовалъ прежней политикѣ короля, какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. Такъ какъ члены палаты были выбраны еще въ 1855 году подъ вліяніемъ тогдашней системы, то большинство въ ней по прежнему было на сторонѣ консерваторовъ. Но въ концѣ 1858 года произошла перемѣна, которой давно уже ожидали: король передалъ принцу власть неограниченную, и принцъ-регентъ могъ дѣйствовать свободнѣе. Тогда-то случилась та перемѣна въ прусской политикѣ, которая ввела столь многихъ въ заблужденіе касательно истиннаго смысла этой политики. На другой же день послѣ изданія королевскаго декрета о регентствѣ вышелъ въ отставку министръ внутреннихъ дѣлъ, Вестфаленъ, представлявшій въ министерствѣ интересы феодальной партіи и поэтому особенно нелюбимый принцемъ-регентомъ. Двѣ недѣли спустя вышелъ въ отставку и Мантейфель съ прочими своими товарищами, и мѣсто ихъ заступило министерство, состоявшее изъ умѣренныхъ либераловъ.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ замѣчательныхъ событіяхъ во внутренней исторіи Пруссіи послѣднихъ трехъ съ половиною лѣтъ; коснемся только того, что поясняетъ наше сужденіе о политикѣ настоящаго прусскаго правительства. Объяснивши выше, въ чемъ состояло различіе между политикою Вильгельма I и прежнею системой, мы постараемся показать въ краткихъ словахъ, что и король Вильгельмъ I нисколько не измѣнилъ политикѣ своихъ предшественниковъ тамъ, гдѣ дѣло шло о примѣненіи традиціонныхъ монархическихъ принциповъ.

Учрежденіе регентства въ Пруссіи совпадаетъ съ весьма важной эпохой — съ эпохою новыхъ выборовъ. Это было чрезвычайно важно, потому что для новой системы не годились палаты, выбранныя подъ вліяніемъ феодально-бюрократическаго гнета мантейфелевой системы. Конечно слѣдовало ожидать, что либеральное направленіе, которое предполагали въ новомъ правительствѣ, выразится прежде всего въ дарованіи избирателямъ возможности выражать свое мнѣніе съ полнѣйшею свободою. Такъ ли поступило новое правительство? Ни чуть. Флотвелль, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ на мѣсто Вестфалена, поступаетъ точно такъ же, какъ его предшественникъ: онъ, какъ и Вестфаленъ, разсылаетъ по всему королевству циркуляры, въ которыхъ приглашаетъ всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ давать выборамъ направленіе, согласное съ видами правительства. Разница заключалась только въ нѣкоторомъ различіи между тогдашними видами правительства и настоящими. Вестфаленъ и Мантейфель предписывали чиновникамъ способствовать избранію членовъ феодальной и бюрократической партіи и противиться избранію умѣренныхъ

либераловъ и прогрессистовъ, неугодныхъ правительству. Флотвелль предписываетъ чиновникамъ способствовать избранію умѣренныхъ либераловъ, угодныхъ правительству, и противиться избранію феодаловъ и демократовъ. Въ 1855 году чиновники слушались предписаній г. Вестфалена, выборы не были свободными и окончились полнымъ торжествомъ бюрократической и феодальной партіи. Въ 1858 году чиновники слушались предписаній г. Флотвелля, выборы тоже не были свободными и окончились полнымъ торжествомъ умѣренныхъ либераловъ и пораженіемъ феодаловъ и прогрессистовъ (*). Конечно, мы не оспариваемъ того, что результатъ выборовъ 1858 года былъ гораздо благодѣтельнѣе для народа, нежели результатъ выборовъ 1853 года, потому что открывалъ умѣреннымъ либераламъ доступъ въ палату, удаляя изъ нея феодаловъ; но мы хотимъ только сказать, что ни тѣ, ни другіе выборы не были выраженіемъ истинныхъ стремленій и желаній народа. Далѣе, хотя «*Крестовая газета*» и выходила изъ себя, хотя она и предсказывала правительству величайшее бѣдствіе, которое только можно было представить себѣ—преобразованіе прусской монархіи въ государство парламентарное, и зависимость министерства отъ большинства палаты, а не отъ короны, — однако регентъ вовсе не думалъ окончательно порвать съ прежней системой. Правда, онъ лишилъ представителей феодальной партіи прежняго ихъ значенія,—но это потому, что онъ считалъ ихъ опасными для неограниченной королевской власти; правда, онъ удалилъ Мантейфеля и другихъ министровъ,—но это потому, что онъ лично имъ не симпатизировалъ, а не потому, чтобы онъ не одобрялъ всей прежней системы правленія. Доказательствомъ тому, что онъ сохранилъ довольно близкія связи съ прежней системой, можетъ послужить то, что онъ оставилъ въ новомъ министерствѣ своемъ очень вліятельныхъ членовъ прежняго министерства, фонъ-деръ-Гейдта и Симонса; да изъ числа вновь назначенныхъ министровъ иные не слишкомъ много разнились въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ отъ членовъ мантейфелева кабинета, напр. министръ внутреннихъ дѣлъ Флотвелль. Правда, мы видимъ въ министерствѣ многихъ членовъ прежней оппозиціи, людей болѣе либеральныхъ, которые пытаются овладѣть умомъ короля. Но это было дѣломъ не легкимъ, и поэтому мы видимъ колебаніе въ политикѣ короля. Иногда Ауэрсвальду, Патову, Шверину (замѣнившему въ 1859 году Флотвелля) удается одержать верхъ, и слѣдствіемъ этой побѣды бываетъ какая нибудь либеральная мѣра, которая удовлетворяетъ болѣе

(*) Въ новой палатѣ было 236 умѣренныхъ либераловъ и только 62 консерватора.

стремленіямъ большинства, нежели личнымъ вкусамъ и убѣжденіямъ короля. Но часто одерживаютъ верхъ эти личныя убѣжденія, и тогда мы видимъ обыкновенно мѣру далеко не либеральную и не конституціонную.

Регентъ очень опредѣленно выразилъ свою консервативную политику въ рѣчи, съ которою онъ обратился къ новому министерству тотчасъ послѣ его образованія: «Мы должны, сказалъ онъ, сдѣлать измѣненія только въ томъ, что произвольно и противно нуждамъ эпохи. Въ точности узнать эти нужды, по достоинству оцѣнить и благоразумно осуществить ихъ—вотъ тайна политической мудрости, которая должна воздерживаться отъ всякихъ крайностей. То, что обѣщано, слѣдуетъ исполнить; *но нужно смѣло противиться тому, что не обѣщано*. Прежде всего, я прошу васъ, не придерживайтесь той стереотипной фразы, «что правительство должно стать во главѣ либеральныхъ идей, иначе онѣ проложутъ себѣ дорогу независимо отъ него». Вотъ здѣсь-то и слѣдуетъ выказать то, что я назвалъ политическою мудростью....» Про эту рѣчь нельзя сказать, чтобы она не заключала въ себѣ нѣкоторыхъ истинъ, противъ справедливости которыхъ нельзя ничего возразить. Король не отказывается отъ реформъ, которыхъ потребуютъ нужды страны. Но отъ такихъ реформъ не отказывались ни графъ Бранденбургъ, ни Мантейфель; необходимость ихъ признавалъ и Вестфаленъ, и Герлахъ и Вагперъ. Все дѣло заключается только въ томъ, какія реформы можно и должно считать необходимыми и соотвѣтствующими нуждамъ страны. Мантейфель считалъ такими реформами крайнее развитіе полицейско-бюрократической системы, основанной на произволѣ чиновниковъ, на нарушеніи письменной тайны и пр. Вестфаленъ и Герлахъ считали реформами, сооотвѣтствующими нуждамъ страны — дарованіе обширныхъ привилегій дворянству, отмѣненіе общинныхъ законовъ 1848 года, и проч. Какія же реформы настоящее прусское правительство считало необходимыми и истинно полезными? А вотъ, напр., въ концѣ 1859 г. правительство нашло нужнымъ произвести коренную реформу въ военномъ устройствѣ Пруссіи: ему показалось необходимымъ почти удвоить военныя силы Пруссіи въ мирное и въ военное время. Такъ какъ военный министръ, генералъ Бонинъ, не признавалъ необходимости такого значительнаго увеличенія военныхъ силъ, онъ вышелъ въ отставку, и новый военный министръ, фонъ-Роонъ, предложилъ вначалѣ 1860 года второй палатѣ проэктъ реформъ въ военномъ устройствѣ Пруссіи. По этому проэкту кадры прусской арміи значительно увеличивались на счетъ ландвера, такъ что на будущее время прусская армія въ мирное время должна была состоять изъ 200,000 человѣкъ

(вмѣсто прежнихъ 120,000), а въ военное время изъ 430,000 (вмѣсто прежнихъ 240,000); срокъ военной службы назначался трехъ-годичный для пѣхоты, и четырехъ годичный для кавалеріи. Вторая палата не раздѣляла убѣжденій принца-регента и военнаго министра касательно необходимости и пользы этой мѣры; она видѣла въ ней только значительное увеличеніе военнаго бюджета (увеличеніе это простиралось до $9^1/_2$ милліоновъ талеровъ), и потому встрѣтила проэктъ довольно неблагосклонно. Правительство отчаялось въ томъ, чтобы ему удалось достигнуть утвержденія этого проэкта, какъ постояннаго закона, а потому оно просило палату принять его, какъ временную мѣру, и вотировать необходимые $9^1/_2$ милліоновъ только на настоящій 1860 годъ, что палата и сдѣлала. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ распущенія палаты, правительство издало повелѣніе объ образованіи новыхъ 36-ти пѣхотныхъ и 10-ти кавалерійскихъ полковъ. Такимъ образомъ эта мѣра была приведена въ исполненіе безъ одобренія и утвержденія палаты. Либералы и прогрессисты возставали противъ этой не конституціонной процедуры; но прусскій народъ, увлеченный патріотическимъ и національно-германскимъ одушевленіемъ, запуганный опасностью, будто бы грозившею Германіи изъ-за Рейна, оставался глухъ къ этимъ протестамъ. Что касается до партіи «Крестовой Газеты», она была очень довольна тѣмъ, что правительство оставляетъ опасный конституціонный путь, и въ важныхъ вопросахъ поступаетъ независимо, не сообразуясь съ рѣшеніями большинства палаты.

Вообще консервативная партія скоро оправилась отъ своего страха и увидѣла, что новая система правленія вовсе не такъ далека отъ прежней, какъ она это сперва полагала. Увѣренная въ тайномъ сочувствіи регента, она смѣло, и бо́льшею частью успѣшно, противилась всѣмъ либеральнымъ проэктамъ министерства, и съ неменьшимъ успѣхомъ поддерживала тѣ мѣры правительства, направленіе которыхъ было анти-либеральное. Такъ въ продолженіе нѣсколькихъ сессій, верхняя палата упорно отвергала либеральные законы о гражданскомъ бракѣ, о уравненіи поземельнаго налога, объ эманципаціи евреевъ, несмотря на то, что эти законы каждый разъ проходили черезъ вторую палату. Съ своей стороны и принцъ-регентъ сталъ замѣтно приближаться къ этой партіи. По мѣрѣ того, какъ онъ замѣчалъ, что либералы дѣлаются все болѣе и болѣе требовательны, что они начинаютъ выказывать стремленія, которыя не вполнѣ согласовались съ его собственными убѣжденіями о королевской власти, онъ сталъ удаляться отъ нихъ и приближаться еще болѣе къ партіи консервативной. Въ особенности это направленіе усилилось вънемъ послѣ того, какъ вначалѣ 1861 года, вслѣдствіе смерти короля Фридриха

Вильгельма IV, онъ самъ сдѣлался королемъ. Вотъ, что онъ говорилъ между прочимъ въ манифестѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ прусскій народъ о вступленіи своемъ на престолъ: «условія могущества Пруссіи заключаются въ искренности ея религіозныхъ убѣжденій, въ соединеніи свободы съ послушаніемъ, въ увеличеніи вооруженной силы ея... Я крѣпко придерживаюсь традицій моего дома, и я неизмѣнно стремлюсь къ своей цѣли — поднять и укрѣпить патріотическій духъ въ моемъ народѣ. Я хочу установить и утвердить права государства, сообразно съ историческимъ значеніемъ его, и сохранить учрежденія Фридриха Вильгельма IV».

Признаки общаго сочувствія, изъявленные королю по поводу покушенія Беккера на его жизнь, достаточно показали королю, какою сильною привязанностью онъ пользовался въ своемъ народѣ. Онъ думалъ, что эта привязанность должна также выразиться и въ томъ, что на предстоящихъ выборахъ въ палату депутатовъ избиратели выберутъ именно тѣхъ лицъ, которыя угодны ему и его совѣтникамъ. По крайней мѣрѣ, король неоднократно высказывалъ это желаніе въ разныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ имъ по поводу коронаціи. Къ тому же приглашалъ населеніе и циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Шверина: онъ приглашалъ населеніе не мѣшать дѣлу благоразумнаго прогресса, и не присылать въ палату радикаловъ, то есть повторялъ то самое внушеніе, которое дѣлалъ, три года назадъ, г. Флотвелль и, шесть лѣтъ назадъ, г. Вестфаленъ.

Можно себѣ представить, каково было разочарованіе крестовой партіи и негодованіе короля, когда, вмѣстѣ съ 160-ю умѣренныхъ либераловъ, оказались выбранными болѣе 100 прогрессистовъ и только 16 консерваторовъ. Король принялъ выборъ Вальдека, Шульце-Делича и сотни другихъ прогрессистовъ за выраженіе нелюбви и недовѣрія къ нему его подданныхъ, — и высказывалъ во всеуслышаніе свое негодованіе. Приведемъ для примѣра извѣстную рѣчь его, сказанную при освященіи церкви въ Лецлингенѣ: «Прошлымъ лѣтомъ я получилъ трогательнѣйшія заявленія любви и привязанности моего народа, когда преступная рука покусилась на мою жизнь; потомъ я совершилъ какъ бы побѣдное шествіе по всей странѣ, сопровождаемый непрерывными манифестаціями населенія. Но какими *дѣйствіями* подтвердилась эта преданность послѣ великолѣпныхъ празднествъ коронаціи? Народъ отвѣчалъ мнѣ выборами, хуже которыхъ и быть не могло; они глубоко огорчили мое королевское сердце. Присылаютъ въ Берлинъ людей, осужденныхъ за политическія преступленія и получившихъ только вслѣдствіе амнистіи дозволеніе возвратиться въ отечество. Однакожь мои виды останутся неизмѣнными и намѣренія мои непоколебимо тверды-

ми. Я принялъ корону съ алтаря Божьяго и отъ руки Божьей; я благодарю Бога за мое твердое убѣжденіе въ томъ, что я принялъ корону отъ его божественной милости; она есть наслѣдіе, оставленное мнѣ моими славными предками, и я хочу сохранить ее».

О послѣднихъ событіяхъ въ Пруссіи «Современникъ» уже говорилъ въ подробности, и поэтому мы ограничимся только общимъ взглядомъ на нихъ. Вслѣдъ за выборами ждали немедленнаго министерскаго кризиса; эти ожиданія не сбылись: министерство покамѣстъ осталось въ полномъ своемъ составѣ. Но очевидно было, что король, оскорбленный послѣдними выборами, приближался къ реакціонерамъ. Наконецъ, въ мартѣ послѣдовалъ давно ожидаемый кризисъ: палата была распущена, умѣренно-либеральная часть министерства вышла въ отставку—и составилось новое министерство, въ которомъ мы видимъ или феодаловъ настоящаго закала: графа Липпе, Иценплица, князя Гогенлоэ, или бюрократовъ: Ягова, Гейдта, Роона, Мюлера. Направленіе этихъ лицъ слишкомъ извѣстно, чтобы можно было сомнѣваться въ совершенно-реакціонномъ характерѣ этого министерства; да и неловкіе избирательные циркуляры Ягова, Липпе, Мюлера носятъ на себѣ такой ясный отпечатокъ мантейфелевой системы, что могли бы убѣдить всякаго, кто вздумалъ бы усомниться въ этомъ. Ясно, что всѣ послѣдующія quasi-либеральныя мѣры его — суть не что иное, какъ военная хитрость. Реакціонной партіи не хочется разстаться съ властью, не хочется уступать ее либераламъ, которые должны повести государство къ погибели, а между тѣмъ составъ новой палаты таковъ, что черезъ нее не пройдетъ ни одна реакціонная мѣра. Вотъ министерству и пришлось прикинуться либеральнымъ, даже болѣе либеральнымъ, нежели вышедшее въ отставку министерство; вотъ правительство и поспѣшило отмѣнить предполагавшееся увеличеніе налоговъ; вотъ князь Гогенлоэ въ рѣчи, произнесенной при открытіи новой палаты, обѣщаетъ и уменьшеніе военныхъ силъ, и спеціализированіе бюджета, и избавленіе страны отъ новыхъ налоговъ, и прочія блага. Авось, молъ, примутъ насъ за либераловъ, за истинныхъ друзей народа, и оставятъ во главѣ управленія, а тамъ — тамъ уже мы свое дѣло сдѣлаемъ.

Э. ВАТСОНЪ.

НА ДНЯХЪ ВЫЙДЕТЪ ТРЕТІЙ ТОМЪ СОЧИНЕНІЙ Н. А ДОБРОЛЮБОВА.

Вотъ содержаніе трехъ первыхъ томовъ этого изданія:

Въ I томѣ заключаются статьи о слѣдующихъ книгахъ:

Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова. — Отвѣтъ на замѣчанія г. А. Галахова по поводу предыдущей статьи. — Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. — Описаніе Главнаго Педагогическаго Института. — Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. — О значеніи авторитета въ воспитаніи. — Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. — Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. — Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.— Отъ дождя да въ воду. — Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы. — Разныя сочиненія С. Аксакова. — Сочиненія графа Саллогуба. — Стихотворенія Полежаева. — Походъ Аѳинянъ въ Сицилію, Владиміра Ведрова. — У пристани. Романъ графини Евдокіи Ростопчиной. — Сборникъ, издаваемый студентами С.-Петербургскаго университета. — Библіотека римскихъ писателей. Сочиненія Саллюстія и Юлія Цезаря, переводъ А. Клеванова. — Губернскіе очерки Щедрина, томъ 3-й. — Сочиненія Пушкина, томъ 7-й. — Новыя стихотворенія В. Бенедиктова.— Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, М. Семевскаго. — О степени участія народности въ развитіи русской литературы. Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова. — Жизнь Магомета, сочин. Вашингтона Ирвинга. — Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка, подполковника Лебедева. — Физіологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни, сочин. заслуженнаго профессора В. Берви. — Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій, А. Вельтмана. — Стихотворенія Н. М. Языкова.

Во II-мъ томѣ:

Николай Владиміровичъ Станкевичъ (переписка и біографія его, написанная П. В. Анненковымъ). — Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью (Органическое воспитаніе, сочин. Шпелля. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ,

Бока). — Френологія, сочин. М. Волкова. — Отрывки изъ заграничныхъ писемъ, М. Волкова. — Объ истинности понятій и достовѣрности человѣческихъ знаній, сочин. А. Кусакова. — Первые годы царствованія Петра Великаго (Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Три тома). — Стихотворенія Ю. Жадовской. — Стихотворенія для дѣтей, сочин. Б. Федорова. — Мишура, комедія А. Потѣхина. — Московскія Элегіи, М. Дмитріева. — Уличные листки. — Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gerebtzoff). — О нравственной стихіи въ поэзіи, сочин. Ореста Миллера на степень магистра русской словесности. — Стихотворенія А. Н. Плещеева. — Буддизмъ, его догматы, исторія и литература, сочин. В. Васильева. Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Россіи. Соч. Нила, архіепископа ярославскаго. — Пѣсни Беранже. Переводы В. Курочкина. — Уголовное дѣло, комедія. — Бѣдный чиновникъ. Сцены изъ жизни чиновника, сочин. К. С. Дьяконова. — Литературныя мелочи прошлаго года. — Сочиненія А. Бѣшенцова, въ прозѣ и стихахъ. — О русскомъ государственномъ цвѣтѣ. Составилъ А. Языковъ. — Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора. Часть III. — Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, А. Лакіера. — Очерки и разсказы И. Т. Кокорева. — Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ разсказанная. Новое изданіе Григорія Книжника. — Сочиненія В. Бѣлинскаго. — Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. А. Муравьева. — Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи. — Что такое Обломовщина? (Обломовъ, романъ И. А. Гончарова). — Новый кодексъ русской практической мудрости (Наука жизни, сочин. Ефима Дыммана). — Исторія Австріи. Сочин. графа Майлата. — Основные законы воспитанія. Сочин. И. А. Миллеръ-Красовскаго. — Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». — Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой.

Въ III-мъ томѣ:

Темное царство (по поводу сочиненій А. Островскаго), двѣ статьи. — Стихотворенія Я. П. Полонскаго. — Постановленія о литераторахъ. — Сватовство Ченскаго, или идеализмъ и матеріализмъ. — Лучи и тѣни, фонъ Лизандера. — Отъ Москвы до Лейпцига, И. Бабста. — Путешествіе на Амуръ, совершенное Р. Маакомъ. — Потерянный рай, переводъ Елисаветы Жадовской. — Литературные дѣятели, Е. Колбасина. — Повѣсти Славутинскаго. — Братчина. — Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства (по поводу книги «Описаніе сельскаго духовенства»). — Когда же пріидетъ настоящій день? (по поводу повѣсти И. Тургенева «Наканунѣ»). — Кобзарь. Тараса Шевченка. — Сочиненія Подолинскаго. — Благонамѣренность и дѣятельность (по поводу повѣстей А. Плещеева). — Перепѣвы, стихотворенія Обличительнаго поэта. — Черты для характеристики русскаго простонародья (по поводу «Очер

ковъ» Марка Вовчка). — Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (по поводу «Грозы» А. Островскаго). — La confession d'un poète, par Nicolas Sémènow. — Забитые люди (по поводу сочиненій Ѳ. Достоевскаго).

На дняхъ вышли:

Брошюра П. А. Бибикова «О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова».

Некрологъ Ф. Шлоссера, написанный Гервинусомъ.

Новое изданіе сочиненій Шиллера въ русскомъ переводѣ, съ довольно значительными прибавленіями и исправленіями.